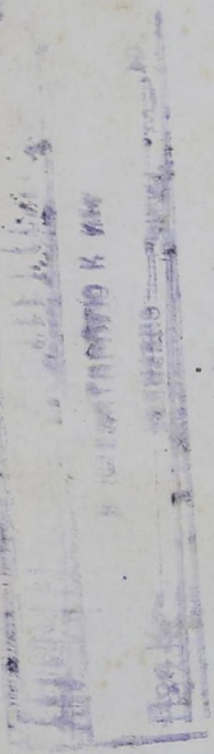
63.4
1 1218
А-87

Археологический музей Томского университета
1888 г.

Инв. № 498 345
550
М. 89
251.

Н. Гуляева

К № 55



63.4
~~069~~
А.87.
ГОМ 8218/71
Н. Гумчева. 1891 г. Іюля 19
получен отъ В. И. Семевскаго.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ

МУЗЕЙ

ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ требованіями на всѣ книги и ноты можно обращаться въ Сибирскій Книжный Магазинъ Михайлова и Макушина въ г. Томскѣ. Цѣны-петербургскія. Полный каталогъ 20 к.

ТОМСКЪ
Типографія Михайлова и Макушина
1888.

Горн.-Алтайский
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЕНИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1206

Печатано по распоряженію Начальства Западно-Сибирскаго Учебнаго округа.

Сибирский музей

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый каталогъ музея археологіи и этнографіи при Томскомъ университетѣ составленъ съ двоякою цѣлію: 1) чтобы привести въ нѣкоторую систему и закрѣпить по инвентарю собранные мною съ 1882 года предметы и 2) чтобы познакомить съ ними, и въ особенности съ ихъ археологическимъ значеніемъ, возможно большее число лицъ, интересующихся сибирскими древностями и могущихъ, вслѣдствіе того, быть полезными вкладчиками для созидающагося музея. По этой причинѣ я позволилъ себѣ въ примѣчаніяхъ сказать болѣе, чѣмъ обыкновенно говорится въ изданіяхъ подобнаго рода, старался сдѣлать, хотя краткую, научную оцѣнку каждому предмету, помѣщая соотвѣтствующія ссылки на древности того же рода, встрѣчавшіяся въ другихъ мѣстахъ и опубликованныя въ разныхъ археологическихъ изданіяхъ.

Что Сибирь очень богата археологическими памятниками, это извѣстно давно. Начиная съ прошлаго столѣтія, рѣдкій изъ ученыхъ путешественниковъ не обращалъ на нихъ вниманія. Равнымъ образомъ многіе изъ мѣстныхъ сибирскихъ археологовъ занимались на этомъ поприщѣ и внесли долю своихъ трудовъ въ литературу этого вопроса.

Вклады въ археологическую науку бываютъ двухъ родовъ: 1) собираніе доисторическихъ памятниковъ и 2) научная обработка ихъ, дающая возможность примѣнить добытые факты къ историческимъ цѣлямъ. Занятія перваго рода доступны всѣмъ и каждому, поэтому на нихъ болѣе всего сосредоточивались стремленія любителей археологіи. Благо-

даря этому, не только въ значительной мѣрѣ выяснилась топографія доисторическихъ памятниковъ Сибири, но и накопился довольно богатый матеріалъ археологическихъ предметовъ, найденныхъ чаще всего случайно, рѣже—путемъ систематическихъ раскопокъ. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ находокъ остались въ частныхъ рукахъ; меньшая доля нашла себѣ подобающее мѣсто въ общественныхъ или государственныхъ музеяхъ, гдѣ рано или поздно она найдетъ соотвѣтствующее истолкованіе.

Въ рукахъ человѣка, необладающаго археологическою подготовкою, археологическій матеріалъ представляетъ ничто иное, какъ интересную, въ рѣдкихъ случаяхъ дорогую по металлу, игрушку. Въ недавнее время почти въ такомъ же положеніи находились археологическія коллекціи даже въ нашихъ общественныхъ музеяхъ, гдѣ ихъ, правда, берегли какъ рѣдкость, но для историческихъ цѣлей ими мало пользовались. Одни признавали такую разработку преждевременною, другіе даже мало полезною, предполагая, что археологія имѣетъ слишкомъ отдаленную и неуловимую связь съ существующимъ нынѣ человѣчествомъ и его древнѣйшими судьбами.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы вопросы объ отношеніи доисторическихъ памятниковъ къ дѣйствительной народной жизни совсѣмъ не занимали любознательныхъ людей. Еще въ прошломъ столѣтіи (1763 г.) такой вопросъ о сибирскихъ памятникахъ былъ предложенъ извѣстному историку Миллеру Императрицею Екатериною второй, по поводу поднесенія ей, найденныхъ въ Сибири и въ Новой Сербіи (въ Новороссійскомъ краѣ), древнихъ предметовъ. «Ея Императорское Величество, говоритъ Миллеръ, по неизрѣченному своему въ наукахъ любопытству, соизволила указать оныя вещи сообщить мнѣ, чтобы я сочинилъ объ нихъ, *а паче о народахъ, коимъ оныя вещи приписуемы быть могутъ*, нѣкоторыя изъясненія» (*). Отвѣтить на данный вопросъ въ то время было весьма трудно, и Миллеръ позволилъ себѣ высказать только въ формѣ догадки, что сибирскія древнія могилы могли принадлежать уйгурамъ, монголамъ и тата-

(*) Ежемѣсячн. сочиненія, Декабрь 1764 г., стр. 483. О могильныхъ вещахъ.

рамъ (стр. 491) Что касается до южнорусскихъ кургановъ, то Миллеръ отрицаетъ ихъ татарское происхожденіе, склоняясь къ нерѣшительной догадкѣ о принадлежности ихъ уграмъ или венгерцамъ. Высказывая эту мысль, авторъ дѣлаетъ оговорку, что это не болѣе какъ одно предположеніе, не имѣющее прочнаго основанія, такъ какъ русскіе археологическіе памятники изслѣдованы весьма недостаточно. Въ своихъ предположеніяхъ Миллеръ основывается больше на историческихъ данныхъ, чѣмъ на оцѣнкѣ самыхъ древностей, и въ этомъ отношеніи онъ не отрицаетъ мысли, что и другіе историческіе народы, въ разныя времена населявшіе южную Россію, могли оставить въ курганныхъ могилахъ слѣды своего пребыванія. Сюда относятся: сарматы, скиѳы, готы, гунны и болгары. «*Болгары, славянскій народъ*, пишетъ авторъ, съ Волги переходили въ нижнія страны рѣки Дуная, однако, затѣмъ не опустѣли прежнія ихъ жилища; паче всего славяне изъ сихъ первыхъ своихъ извѣстныхъ жилищъ на Волгѣ, такъ какъ прежде, непрерывно далѣе въ Россію и въ другія государства распространились» (стр 510). Такимъ образомъ, по мнѣнію Миллера, болгары (какъ славянскій народъ) и значительная часть прочихъ славянскихъ племенъ въ исконныя времена жили въ приволжскихъ степяхъ, а слѣдовательно и они могли имѣть долю участія въ разсматриваемыхъ археологическихъ памятникахъ.

Мысль о монгольскомъ или татарскомъ происхожденіи россійскихъ и сибирскихъ кургановъ скоро была оставлена. Собранныя съ теченіемъ времени значительныя коллекціи курганныхъ череповъ ясно показали, что о монгольской расѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи, а на присутствіе осѣдлыхъ поселеній тюркскихъ племенъ въ средней и южной полосѣ Россіи до начала русскаго государства не было никакихъ историческихъ намековъ. Поэтому археологи предпочтительно остановились на мысли о финскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ нами памятниковъ. Въ пользу этого мнѣнія подкупало то обстоятельство, что древности одинаковаго типа встрѣчались не только въ южной и центральной Россіи, но и въ сѣверной ея полосѣ, гдѣ признавались исконныя поселенія финскихъ племенъ Эта мысль еще болѣе укрѣпилась

послѣ того, когда однородные памятники въ весьма большомъ числѣ стали обнаруживаться почти на всемъ пространствѣ сибирскихъ земель, относительно которыхъ невозникало даже и мысли, чтобы когда либо здѣсь могло существовать другое населеніе кромѣ нынѣшняго инородческаго. Такимъ образомъ, сѣверная Россія и Сибирь сдѣлались излюбленнымъ мѣстомъ для археологическихъ розысканій древней финской культуры. Образованные финны (финляндцы, мадьяры), проникнутые національнымъ самосознаніемъ, съ замѣчательнымъ усердіемъ стали посѣщать эти страны, надѣясь найдти здѣсь фактическія доказательства болѣе счастливыхъ временъ своего племени. Въ Буда-Пестѣ и Гельсингфорсѣ созидаются національные музеи, собираются, такъ называемыя, финскія древности; жертвуются правительствомъ значительныя суммы на ученыя экспедиціи и изданія археологическихъ трудовъ. Благодаря этимъ стараніямъ и матеріальнымъ пособіямъ археологическая наука пріобрѣла богатые вклады, несомнѣнно полезные даже въ томъ случаѣ, если основная мысль финскихъ ученыхъ впослѣдствіи оказалась бы и не вполнѣ состоятельною.

Одновременно съ этимъ работала и русская мысль, хотя и не всегда въ опредѣленномъ направленіи Въ трудахъ нашихъ ученыхъ археологовъ нерѣдко проявляются тѣ же увлеченія финскими теоріями, при отсутствіи національнаго сознанія, что и славянское племя можетъ имѣть право на доисторическую древность, что оно до начала своей государственной жизни гдѣ нибудь должно было существовать въ пространствѣ и времени и оставить вещественные слѣды своего существованія.

Въ числѣ первыхъ тружениковъ, стремившихся проложить путь собственно къ славянскимъ доисторическимъ древностямъ, слѣдуетъ упомянуть Зоріана Яковлевича *Ходаковскаго*. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, онъ первый обратилъ вниманіе на наши безчисленныя городища, какъ памятники древнѣйшихъ славянскихъ поселеній. Городища, говорилъ онъ, простираются отъ Камы до Лабы (Эльбы), отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря; число ихъ такъ велико, что на каждую квадратную

милю, населенную славянами, приходилось по одному городищу. Всѣ они похожи между собою, имѣя круглые валы, насыпанные исключительно изъ чернозема. По мнѣнію Ходаковскаго, эти сооруженія, можетъ быть, служили идолопоклонническими капищами (*). Въ свое время это заявленіе не произвело должнаго впечатлѣнія. Къ нему отнеслись съ полнымъ недовѣріемъ по той причинѣ, что казалось вполнѣ невѣроятнымъ, чтобы славяне въ такое отдаленное время могли имѣть такое густое населеніе и притомъ на такомъ громадномъ пространствѣ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ *Чертковымъ* (**) была высказана мысль о варяго-русскомъ происхожденіи нашихъ кургановъ. Первыя раскопки были сдѣланы имъ въ Московской губерніи въ 1838 году, а потомъ въ 1845 году. Основываясь на характерѣ найденныхъ вещей, изслѣдователь относитъ древность этихъ кургановъ къ эпохѣ до Р. Х., а народъ, въ нихъ погребенный, признаетъ за Варяго-Руссовъ, плававшихъ по судоходнымъ рѣкамъ центральной Россіи. Такое же мнѣніе развито въ изданномъ въ 1842 году извѣстномъ сочиненіи Дерптскаго профессора Фридриха *Крузе* о ливонскихъ древностяхъ (Necrolivonica).

Академикъ К. М. *Бэръ*, изслѣдовавъ нѣсколько курганныхъ череповъ Московской губерніи, призналъ ихъ не финскими и также непохожими на скандинавскіе черепа, изображенные Нильсономъ. Къ тому же заключенію приходитъ профессоръ Московскаго университета Анатолій Петровичъ *Богдановъ*. Въ своемъ обширномъ трудѣ по антропологіи курганнаго періода Московской губерніи (***), основанномъ на многочисленномъ матеріалѣ и точныхъ измѣреніяхъ, онъ говоритъ: «Курганное племя было довольно высокаго роста (2 арш. 6 вершк. и 2 арш. 8 вершк.) и сильнаго сложенія. Племя было русоволосое, скорѣе темнорусое, чѣмъ свѣтло-

*) Русскій историческій сборникъ, ред. М. Погодина, 1838 года кн. 3, стр. 3—109. Въ томъ же изданіи напечатано разсужденіе Ходаковскаго «о водяныхъ путяхъ въ древней Россіи» 1837 г. Кн. 1, стр. 1—50.

**) «Описаніе найденныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ древностей», помѣщено Чертковымъ въ первомъ томѣ записокъ С.-Петербургскаго археологическо-нумизматическаго общества, стр. 234—254.

***) Изв. Общ. любителей естествознанія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, т. IV, вып. 1. «Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губ.» Москва 1867. 4°.

русое (стр. 17»). По формѣ черепа его нельзя признать за финское. Въ заключеніе своего труда профессоръ прибавляетъ: «Нашъ результатъ, изъ принятаго нами способа изложенія, цифроваго и фактическаго, никакъ нельзя объяснить какимъ либо субъективнымъ мотивомъ: онъ вытекаетъ прямо изъ массы фактовъ и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго наученъ. Оказывается, что первые заселенцы средней Россіи были не финны по организаціи: это печально для тѣхъ, которые желали бы видѣть только доказательства того, что всегдашнее народонаселеніе средней Россіи было изъ какой-то чуди, но русскіе могутъ совершенно объективно принять этотъ результатъ, какъ приняли бы хладнокровно и противуположный» (стр. 176).

Въ новѣйшихъ археологическихъ трудахъ усерднѣйшимъ изслѣдователемъ русской доисторической старины и приверженцемъ славянской теоріи кургановъ и городищъ является профессоръ Варшавскаго университета Дмитрій Яковлевичъ *Самоквасовъ*. Онъ разъясняетъ, что городища дѣйствительно представляютъ собою укрѣпленные пункты (древніе города) многочисленнаго русскаго населенія, а курганы заключаютъ въ себѣ много предметовъ, прямо указывающихъ на русское ихъ происхожденіе. Благодаря вышеприведеннымъ розысканіямъ, племенной вопросъ о происхожденіи кургановъ сталъ по немногу разъясняться. Финскія теоріи мало по малу отходятъ на второй планъ, хотя до сихъ поръ еще имѣютъ не мало приверженцевъ въ средѣ русскихъ ученыхъ, главнымъ образомъ руководящихся историческими и географическими соображеніями.

Наши доисторическія древности тѣсно связаны съ вопросомъ о народности скиѳовъ и сарматовъ. Ученые до сихъ поръ еще спорятъ объ ихъ національности. Прежде скиѳовъ считали монголами (Нибуръ, Нейманъ), потомъ финнами (Эйхвальдъ), но нынѣ начинаетъ преобладать мнѣніе объ арійскомъ ихъ происхожденіи. По рисункамъ этнографическихъ типовъ, сохранившихся на серебряной вазѣ, вырытой И. Е. Забѣлинымъ изъ Чертомлыцкаго кургана въ Екатеринославской губерніи, находятъ возможнымъ считать этихъ скиѳовъ прямо славянами (Забѣлинъ, Иловайскій).

Къ востоку отъ Скиѳіи, по ту и другую сторону Волги и далѣе, между Волгою и Камою, жилъ въ историческое время народъ болгары, переселившійся впослѣдствіи на Балканскій полуостровъ. Эта народность, оставившая послѣ себя на Волгѣ многочисленные памятники, также признается нѣкоторыми русскими историками за славянскую (Венелинъ, Иловайскій). Что касается до древнихъ народовъ, населявшихъ южныя области западной Сибири, то объ нихъ почти никакихъ свѣдѣній не сохранилось. На основаніи того, что изъ Зауральскихъ степей время отъ времени приливали въ Европу народности тюркскаго племени, укоренилось мнѣніе, что Сибирь искони вѣковъ была родиною туранцевъ, подразумѣвая подъ этимъ монгольскія, татарскія и финскія племена. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ выходцевъ изъ Зауралья принадлежатъ гунны. Они представляютъ главную волну народныхъ передвиженій, поколебавшую всю Европу въ началѣ среднихъ вѣковъ. Не мудрено поэтому, что вопросъ о народности гунновъ всегда интересовалъ историческую критику, хотя и до сихъ поръ считается неисчерпаннымъ. Большинство авторовъ признаютъ ихъ за монгольское или татарское племя, но были также весьма основательныя попытки причислить гунновъ къ болгарамъ или къ славянамъ. Какъ скиѳскій вопросъ стоитъ въ близкой связи съ россійскими древностями, также точно болгарскій и гунскій имѣетъ непосредственное отношеніе къ древностямъ сибирскимъ. Противорѣчивыя и вмѣстѣ съ тѣмъ скудныя историческія свѣдѣнія объ этнографическомъ характерѣ этихъ народовъ не даютъ достаточныхъ основаній для убѣдительнаго заключенія объ ихъ національности. Здѣсь на помощь исторіи должна явиться археологія, могущая освѣтить бытовой складъ древнихъ зауральскихъ обитателей съ другихъ, болѣе разнообразныхъ сторонъ.

Изучая бытъ курганнаго племени по археологическимъ памятникамъ, мы можемъ возстановить слѣдующіе факты:

1) Этотъ народъ имѣлъ многочисленные укрѣпленные города, обнесенные земляными валами и рвами по опредѣленной и всюду одинаковой системѣ (см. прим. 53, стр. 193). Это говоритъ въ пользу осѣдлаго быта и указываетъ на

понятіе о территоріальной собственности, ибо кочевое племя не нуждается въ такихъ сооруженіяхъ и въ дѣйствительности никогда ими не пользуется.

2) Укрѣпленные города почти всегда были расположены на высокомъ берегу рѣки, по возможности судоходной, или даже примыкали къ двумъ рѣкамъ при устьѣ одной изъ нихъ. Это обстоятельство доказываетъ, что курганное племя любило воду не только какъ средство обороны, но и какъ путь сообщенія. Если мы обратимъ вниманіе на географическое распредѣленіе такихъ прибрежныхъ городищъ, то по нимъ можемъ представить себѣ—по какимъ путямъ и какъ далеко распространялось сообщеніе древняго курганнаго народа, обнимавшаго, благодаря судоходству, почти всѣ водныя системы западной и восточной Сибири и переходившаго съ бассейна сибирскихъ рѣкъ на Каму и Волгу. Установленіе такихъ обширныхъ судоходныхъ путей свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ ризвитіи промышленности и торговли.

3) Въ числѣ промысловъ курганнаго племени было въ большихъ размѣрахъ развито горное дѣло. Слѣды древнихъ рудныхъ разработокъ, относящихся къ бронзовому или мѣдному вѣку, слѣдовательно къ эпохѣ до Р. Х., мы видимъ не только на Алтаѣ, Уралѣ, въ Акмолинской и Семипалатинской области, но и въ далекихъ предѣлахъ Восточной Сибири. Можетъ быть эта погоня за металлами и была главнымъ двигателемъ при изысканіи обширныхъ водяныхъ путей и при закрѣпленіи ихъ за промышленнымъ народомъ посредствомъ устройства на важнѣйшихъ путевыхъ пунктахъ крѣпостей съ земляными окопами. Въ числѣ рудъ главное мѣсто занимали мѣдь, золото и серебро, какъ это доказываютъ старые отвалы и шахты, но также была небезызвѣстна добыча олова и свинца. Всѣ эти металлы оказываются въ массѣ находимыхъ нынѣ археологическихъ предметовъ бронзоваго и мѣднаго вѣка. Относящіяся сюда металлическія издѣлія были мѣстнаго происхожденія, что доказывается находимыми нерѣдко формами для ихъ отливки, или неоконченными экземплярами, а также оригинальностью типа многихъ изъ этихъ подѣлокъ. Моделировка и литейное искусство

достигали иногда высокаго совершенства, свидѣтельствующаго о прочномъ водвореніи въ Сибири этой отрасли промышленности.

4) Вторымъ, вѣроятно тоже немаловажнымъ, промысломъ служило скорняжное дѣло, обработка мѣховъ и кожъ. Отлично выдѣланные ремни встрѣчаются нерѣдко между археологическими находками. Попадались на платьѣ и слѣды шкурокъ дорогой пушнины, получавшейся, вѣроятно, также какъ и нынѣ, изъ сѣверной тайги, при посредствѣ финскихъ инородцевъ. Для шитья кожаныхъ издѣлій служили бронзовыя шилья, находимыя въ большомъ числѣ, а для мѣховъ и тканей существовали настоящія бронзовыя иглы съ ушкомъ.*) Самыя ткани, конечно, не сохранились, но о существованіи ихъ говорятъ массы глиняныхъ и костяныхъ напрялъ, свидѣтельствующихъ о пряжѣ. Пряли, вѣроятно, не только шерсть, но и конопле, такъ какъ присутствіе этого растенія въ курганныхъ могилахъ констатировано.

5) Гончарное искусство, хотя и не отличалось большимъ разнообразіемъ формъ, но существовало повсемѣстно и въ весьма обширныхъ размѣрахъ, какъ доказываютъ массы черепковъ на каждомъ городищѣ. Не смотря на простоту глиняной посуды, въ выдѣлкѣ ея проявляется вкусъ и стремленіе къ изяществу (симметрическія формы и разнообразные, нерѣдко очень красивые орнаменты). Успѣхи гончарнаго дѣла еще болѣе обнаруживаются въ глиняныхъ водопроводныхъ трубахъ (въ Семирѣченской области и въ Болгарахъ). Здѣсь видно не только искусство, но и народное творчество въ области техники (см. прим 28).

6) Судя по распространенію бусъ и бисера, можно думать, что въ Сибири было не безызвѣстно и приготовленіе стекла, хотя этотъ вопросъ требуетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій (прим. 20 и 44).

7) Констатировано также, что въ бронзовомъ вѣкѣ въ Сибири существовало *земледѣліе*. На это указываютъ найденные въ курганахъ обугленные злаки (овесъ, ячмень),

*) Одинъ экземпляръ такой иглы, подаренный музею Ин. Ал. *Лопатинымъ* въ сентябрѣ текущаго года, записанъ въ каталогъ подъ № 2621, а другой экземпляръ, найденный при работахъ Обь-Енисейскаго канала, значится подъ № 2614.

бронзовые серпы и жернова (примѣч 29, 39, 48 и 52). Воздѣлываніе злаковъ, также какъ и устройство городовъ, говоритъ въ пользу осѣдлой жизни и значительнаго развитія культурныхъ привычекъ.

8) Изъ домашнихъ животныхъ самымъ любимымъ былъ конь, употреблявшійся для верховой ѣзды. На это указываютъ найденныя въ большомъ числѣ экземпляровъ удила и стремена, нерѣдко весьма нарядныя, а также модель сѣдла, вылѣпленная изъ глины. Рабочею силою, вѣроятно, служили волы, какъ это видно по изображенію этихъ животныхъ на мѣдныхъ бляхахъ (прим. 3). По костямъ и изображеніямъ на металлическихъ пластинкахъ и камняхъ можно видѣть, что были также извѣстны овцы и свиньи, не считая собаки, какъ неизмѣннаго спутника кочевой и осѣдлой жизни Былъ-ли олень прирученнымъ животнымъ, это трудно сказать. Встрѣчающіяся въ числѣ костяныхъ орудій многочисленныя подѣлки изъ оленьихъ и лосиныхъ роговъ могли быть продуктами охоты на дикаго звѣря.

9) Міръ духовныхъ потребностей курганнаго племени выражается въ системѣ погребенія и въ религіозныхъ предметахъ. Устройство могилъ доказываетъ, что этотъ народъ высоко чтилъ прахъ покойника, имѣлъ понятіе о загробной жизни и заботился о земной посмертной славѣ своихъ вождей и героевъ. Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ онъ, повидимому, представлялъ солнце верховнымъ существомъ и животворящимъ началомъ. Вѣроятно по этимъ соображеніямъ курганныя могилы устраивались на высокихъ, открытыхъ для солнца мѣстахъ, а трупы покойниковъ погребались большею частію лицемъ къ солнцу. Символы боговъ также изображались иногда въ формѣ солнечнаго диска, или въ формѣ птицы (см. прим. 25, 36 и 57). Все это показываетъ, что религіозныя міровоззрѣнія народа курганной эпохи были далеко выше грубаго фетишизма; они должны были представлять извѣстную систему, можетъ быть приближавшуюся къ солярной религіи индусовъ.

10) Наконецъ вѣнцомъ культурнаго развитія народовъ курганной эпохи служатъ *письмена*. По этому признаку можно безошибочно сказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ

такимъ племенемъ, которое стояло на пути къ широкому и полному просвѣщенію. По характеру алфавитныхъ знаковъ видно, что сибирская письменность не имѣла ничего общяго ни съ персидскимъ клиновиднымъ письмомъ, ни съ позднѣйшимъ сирійскимъ (уйгурскимъ), а скорѣе напоминаетъ финикійское, или древнѣйшее греческое, видоизмѣненное въ Сибири при дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи сибирскаго алфавита (см. примѣч. 51)

Что касается до антропологическаго характера сибирскаго курганнаго племени, то въ этомъ отношеніи мы до сихъ поръ не имѣемъ такихъ обширныхъ научныхъ работъ, какія сдѣланы по изслѣдованію курганныхъ череповъ и скелетовъ европейской Россіи. Руководствуясь ограниченнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ короткій срокъ существованія нашего музея, мы все-таки можемъ сказать, что господствующій типъ нашихъ курганныхъ череповъ былъ, также какъ и въ европейской Россіи, длинноголовый, и во всякомъ случаѣ не монгольскій и не татарскій (см. каталогъ, стр. 26) Относительно цвѣта волосъ нельзя высказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ до сихъ поръ мнѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ такой находки (изъ Тобольскаго кургана № 15, см. каталогъ № 1311). Эти волосы имѣютъ темнокаштановый цвѣтъ. Судя по костямъ конечностей, ростъ курганныхъ скелетовъ былъ выше средняго. Само собою разумѣется, что всѣ эти данныя недостаточны въ количественномъ отношеніи для опредѣленія антропологическаго типа курганнаго жителя Сибири, но, судя по первымъ образчикамъ, можно надѣяться, что при дальнѣйшей систематической разработкѣ даннаго вопроса удастся подтвердить сходство нашихъ антропологическихъ типовъ съ западно-русскими.

Кромѣ бытовыхъ и антропологическихъ признаковъ, при опредѣленіи народности курганной эпохи нельзя не руководиться и историческими указаніями. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ установить тотъ фактъ, что археологическіе памятники Сибири не могутъ быть относимы въ баснословную древность, но имъ должно быть отведено опредѣленное мѣсто въ порядкѣ постепеннаго развитія брон-

зовой культуры. Изъ текста примѣчаній видно, что многіе изъ нашихъ предметовъ имѣютъ аналогію съ троянскими древностями, многіе изъ нихъ повторяются въ западной Европѣ у кельтовъ и скандинавовъ. По этимъ сравненіямъ можно заключить, что сибирскій бронзовый вѣкъ стоялъ въ связи съ троянскою культурою и съ молодыми народами европейскаго міра (кельтами, германцами и славянами), слѣдовательно большую часть нашихъ древностей можно отнести въ предѣлы послѣднихъ пяти—шести столѣтій до Р. Х. Это соображеніе не излишне имѣть въ виду при вопросахъ о народности курганнаго племени.

Выше мы показали, что совокупность бытовыхъ признаковъ древняго курганнаго племени ставитъ его неизмѣримо выше нынѣшнихъ сибирскихъ инородцевъ Поэтому, если допустить мысль о принадлежности кургановъ и городищъ финскому или татарскому народу, то мы должны были-бы признать за этимъ народомъ совершенно невѣроятную деградацію, совершившуюся въ короткій, сравнительно, срокъ первыхъ 3—4 столѣтій нашей эры Такое радикальное превращеніе не соотвѣтствовало-бы ни законамъ человѣческаго развитія, ни исторической правдѣ. Поэтому мы думаемъ, что сибирскія древности принадлежатъ не предкамъ нынѣшнихъ финновъ, а другому народу, происходящему изъ арійской семьи.

Гипотезу о заселеніи Сибири мы представляемъ себѣ такимъ образомъ: за много столѣтій до Р. Х. здѣсь помѣстилась сѣверная вѣтвь арійскихъ поколѣній, передвинувшихся сюда изъ Центральной Азіи и оттѣснившихъ на глубокій сѣверъ обитавшія ранѣе на этихъ мѣстахъ финскія племена. Въ числѣ сѣверныхъ арійцевъ были кельты, германцы, литовцы и славяне Первыя двѣ народности оставили сибирскія страны раньше славянъ и литовцевъ, именно въ такое время, когда сибирская культура не достигла еще полнаго развитія, какою она представляется по совокупности памятниковъ бронзоваго вѣка. Поэтому на новыхъ галльскихъ и германскихъ земляхъ (въ Европѣ) оказывается меньше памятниковъ, аналогичныхъ съ сибирскими, чѣмъ въ сѣверной Россіи. Равнымъ образомъ и историческія свидѣтельства о кельтахъ и германцахъ говорятъ въ пользу

ихъ ранняго переселенія. Изъ германскихъ племенъ позднѣе всѣхъ перемѣстились скандинавы и готы, но за ними еще очень долго оставалась на восточной родинѣ часть славянскихъ племенъ, оставившихъ Сибирь не раньше I—II в. по Р. Х. Этой западной вѣтви, вѣроятно, и было присвоено названіе гунновъ и болгаръ, о передвиженіяхъ которыхъ изъ за Урала извѣстно уже по историческимъ даннымъ (подробнѣе объ этомъ см. въ примѣч. 57)

Передавая мои примѣчанія о сибирскихъ древностяхъ на судъ свѣдующихъ людей, прошу снисходительно смотрѣть на нихъ какъ на первую попытку къ разъясненію связанныхъ съ этими древностями историческихъ вопросовъ. Вполнѣ сознаюсь, что, можетъ быть, многія изъ моихъ предположеній будутъ признаны не достаточно доказанными и въ частностяхъ не удовлетворяющими строгой научной критикѣ; но въ такомъ новомъ и трудномъ вопросѣ, какъ истолкованіе сибирскихъ памятниковъ, трудно было избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ при развитіи общей идеи. Думается мнѣ, что въ этомъ не можетъ быть большаго научнаго грѣха, принимая во вниманіе, что истинна легче открывается при освѣщеніи искомаго вопроса съ разныхъ сторонъ и что труды нѣкоторыхъ моихъ предшественниковъ по археологическимъ разысканіямъ также не были чужды гадательныхъ предположеній, но чрезъ это они не теряли своей относительной цѣны. Время и дальнѣйшія изслѣдованія, рано или поздно, помогутъ разъяснить спорные вопросы, и если при этомъ мои гипотезы не найдутъ подтвержденія, я могу извинить себя тѣмъ, что при наличномъ ограниченномъ матеріалѣ не могъ подвести лучшихъ изъясненій. Feci quod potui, faciant meliora potentes!

Сожалѣю объ одномъ, что для убѣдительной наглядности моихъ сопоставленій не имѣю средствъ издать одновременно съ каталогомъ заготовленные мною многочисленные рисунки разсматриваемыхъ древностей. Такое необходимое дополненіе могло бы своевременно устранить многія недоразумѣнія и сомнѣнія при чтеніи моихъ примѣчаній.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать мою глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, обогатившимъ нашъ музей своими дарственными вкладами. Въ

числѣ ихъ я долженъ особенно упомянуть: покойнаго Михаила Константиновича *Сидорова*, неотказавшаго мнѣ въ пріобрѣтеніи первой коллекціи тобольскихъ древностей, положившей основаніе музею въ 1882 году;—Александра Ипполитовича *Дмитріева-Мамонова*, передавшаго Томскому университету значительную коллекцію, собранную имъ при раскопкѣ кургановъ Тобольской губерніи;—Леонида Николаевича *Некрасова*, доставившаго большое количество предметовъ бронзоваго и желѣзнаго вѣка Томской губерніи; —Иннокентія Петровича *Кузнецова*, пожертвовавшаго музею рѣдкую этнографическую коллекцію бытовыхъ предметовъ американскихъ индійцевъ, и Георгія Павловича *Сафьянова*, доставившаго сойотскую этнографическую коллекцію.

Будемъ надѣяться, что возбужденный интересъ къ сибирскимъ древностямъ и связаннымъ съ ними доисторическимъ судьбамъ славянскаго народа не заглохнетъ въ сибирскомъ обществѣ и не лишитъ основанное нами учрежденіе дальнѣйшихъ вкладовъ на будущее время.

В. Ф.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А) ОТДѢЛЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ.

Витрина I

(*М. К. Сидорова*).

Стр.

Коллекція тобольскихъ древностей . . . . . 1.
Костяныя орудія, найденныя на Чувашскомъ мысу близь Тобольска . . . . . 5.
Подѣлки изъ глины . . . . . 16.
Глиняныя напрясла . . . . . 18.
« чарочки . . . . . 21.
Глиняные горшечки и криночки . . . . . 22.
Человѣческіе черепа и другія части скелета . . . . . 25.

Витрина II

(*А. И. Дмитріева-Мамонова*).

Предметы, найденные въ Тобольскихъ курганахъ:
изд'ѣлія изъ кости . . . . . 29.
изд'ѣлія изъ бронзы . . . . . 30.
бусы . . . . . 36.
Глиняные и костяные предметы, найденные на берегу рѣки Томи, близь Томска . . . . . 40.
Глиняныя лошадки и другія фигуры, найденныя на Чувашскомъ мысу . . . . . 42.
Орнаментированные черепки глиняной посуды . . . . . 43.
Бронзовые кельты, спиральные браслеты, бусы и разные мелкіе предметы. . . . . 50.
Предметы, найденные въ курганѣ на берегу р. Томи близь деревни Тохтамышевы юрты . . . . . 55.

Стр.

Узорчатые черепки и другіе предметы, собранные на городищахъ близь Томска . . . . . 57.
Гончарныя водопроводныя трубы и квадратные кирпичи изъ Семирѣченской области . . . . . 58.

Витрина III

Древности Томской губерніи и Семирѣченской области.

Бронзовые и мѣдные ножи . . . . . 60.
Бронзовые кинжалы и другія боевыя орудія . . . . . 62.
Бронзовые топоры и другіе плотничные инструменты . . . . 64.
Идолы въ формѣ птицъ и животныхъ и разные предметы изъ мѣди и бронзы . . . . . 64.
Желѣзныя орудія . . . . . 74.
Желѣзныя стрѣлы . . . . . 78.
Предметы, помѣщенные внѣ витринъ—скиѳскіе котлы, жернова, кольчуги, шлемы и пр. . . . . 80.

Витрина IV

Каменныя орудія . . . . . 85.
Предметы, найденные при работахъ на Обь-Енисейскомъ каналѣ . . 89.
Предметы, найденные въ селѣ Самаровѣ, близь устья Иртыша . . 93.
Предметы, собранные на городищѣ Таянъ, близь Томска . . . 94.

Примѣчаніе: Вслѣдствіе неодновременнаго поступленія археологическихъ предметовъ, изъ коихъ многіе поступили во время печатанія каталога, не было возможности размѣстить ихъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Поэтому однородные предметы, кромѣ поименованныхъ въ оглавленіи, нерѣдко встрѣчаются и на другихъ страницахъ каталога.

В) ОТДѢЛЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ.

V. Американская витрина И. П. *Кузнецова* . . . . . 97.
Этнографическіе предметы, относящіеся къ инородцамъ Амурской области . . . . . 103.
VI. Амурская витрина . . . . . 105.

Витрина VII.

Этнографическіе предметы Семирѣченской области, западнаго Китая и Монголіи . . . . . 114.
Утварь и орудія сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ . . . . . 124.

Стр.

Русскій этнографическій отдѣлъ . . . . . 129.
Сойотская витрина (Георгія Павловича *Сафьянова*) . . . . 142.
Предметы, поступившіе въ 1888 году . . . . . 146.

Примѣчанія къ каталогу по археологическому отдѣлу:

1) О мѣстѣ нахожденія коллекціи Сидорова . . . . . 1.
2) Металлическія бляхи съ изображеніемъ животныхъ . . . . 2.
3) Изображеніе Мелампа . . . . . 3.
4) Фибула . . . . . —
5) О сапогахъ и головныхъ уборахъ . . . . . —
6) О головныхъ вѣнкахъ (діадемахъ) . . . . . 7.
7) О поясахъ и пряжкахъ . . . . . 8.
8) Изображеніе совы . . . . . 9.
9) Костяныя ложки . . . . . 10.
10) О костяныхъ орудіяхъ . . . . . 13.
— О бабкахъ и астрагалахъ . . . . . 18.
11) Глиняныя лошадки и коровьи рога . . . . . 20.
12) Напрясла (веретенники) . . . . . 22.
— Счеты . . . . . 24.
13) Глиняныя чарки, горшечки и криночки . . . . . 26.
14) Искусственно обезображенные черепа (макрокефалы) . . . 31.
15) Перстни и печати . . . . . 39.
16) Изображеніе медвѣдя . . . . . 45.
17) Металлическія бляхи съ изображеніемъ животныхъ . . . . 46.
18) Шейные обручи или гривны . . . . . 48.
19) Серьги . . . . . 50.
20) Ожерелья и бусы . . . . . 51.
21) О кружковомъ орнаментѣ . . . . . 56.
22) Орнаментированные черепки глиняной посуды . . . . . 59.
23) Кельты или боевые топоры . . . . . 67.
24) Спиральныя запястья (браслеты) . . . . . 70.
25) Бронзовые идолы въ формѣ круглой пластинки, изображающей человѣческое лице . . . . . 71.
26) Конопляное сѣмя . . . . . 72.
27) Обугленная деревянная чашка съ пушистою угольною массою . 74.
28) Гончарныя водопроводныя трубы . . . . . 76.
29) Культурныя растенія, собранныя въ Тобольскихъ курганахъ (обугленныя) и замѣтка объ употребленіи соли . . . . 83.
30) О квадратныхъ кирпичахъ и кирпичныхъ постройкахъ . . 87.
31) О бронзовыхъ и мѣдныхъ ножахъ . . . . . 105.
32) Кинжалы и мечи . . . . . 108.
33) Сѣкиры . . . . . 111.

Стр.

34) Мѣдныя и бронзовыя копья . . . . . 113.
35) Плотничныя орудія . . . . . 115.
36) Идолы въ формѣ птицъ и животныхъ . . . . . 120.
37) Удила и стремена . . . . . 125.
38) Бронзовыя и мѣдныя стрѣлы . . . . . 127.
39) Бронзовые серпы . . . . . 131.
40) Бронзовые зеркала и диски . . . . . 134.
41) Пластинка изъ красной мѣди, изображающая человѣческое лице . . . . . 138.
42) Бронзовый колокольчикъ съ фигурою горнаго барана . . . 139.
43) Мѣдная крышка съ ручкою въ видѣ табурета . . . . . 140.
44) О подвѣсочныхъ украшеніяхъ и о такъ-называемыхъ мерянскихъ древностяхъ . . . . . —
45) О желѣзномъ вѣкѣ въ Сибири . . . . . 150.
46) О желѣзныхъ стрѣлахъ большаго формата . . . . . 155.
47) О скиѳскихъ котлахъ . . . . . 157.
48) Ручные жернова . . . . . 159.
49) Кольчуги или панцыри . . . . . 161.
50) Шлемы . . . . . 164.
51) Каменныя бабы и сибирскія письмена . . . . . 166.
52) О сибирскихъ каменныхъ орудіяхъ . . . . . 176.
53) Памятники древняго зодчества (башня Бураны и развалины древнихъ болгарскихъ зданій) . . . . . 182.
54) Замѣтка о происхожденіи слова Самара . . . . . 223.
55) О связи съ Сибирью заселенія Америки . . . . . 234.
56) Откуда могли брать олово для сибирской архаической бронзы . 237.
57) Общія соображенія о скиѳскихъ и сибирскихъ древностяхъ и объ отношеніи ихъ къ троянской культурѣ . . . . . 243.

МУЗЕЙ

СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ, ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1882 ГОДУ

ПРИ СИБИРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

А) ОТДѢЛЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ.

Витрина 1 *(М. К. Сидорова)*.

Отдѣленіе 1-е.

Коллекція, пріобрѣтенная въ 1882 году въ Тобольскѣ отъ г. Знаменскаго, на средства Михаила Константиновича Сидорова. (См. примѣч. 1).

Таблица I.

1) Бронзовая литая бляха, 7 сант. длины и 6 сант. ширины, изображающая коня. Край съ правой стороны обломанъ.
2) Мѣдная литая бляха 8 сант. длины и 6 сант. ширины, изображающая оленя съ поджатыми ногами. Вѣтвистые рога представлены въ видѣ ажурнаго сплетенія, идущаго въ пять рядовъ по длинѣ рога.
3) Бляха литая изъ желтой мѣди, (томпака), изображающая въ ракурсѣ буйвола. Размѣръ 6 сант. длины и 5 сант. ширины; лѣвый край обломанъ. Работа и орнаментъ сходны съ бляхою № 1. (Прим. 2).
4) Небольшая литая фигура изъ бѣловатаго металлическаго сплава, длины 6 сант. ширины $3^1/_2$ сант., изображающая стоящаго человѣка, у котораго на груди представлено другое человѣческое лице. По сторонамъ фигурки двѣ вытянувшіяся во всю длину ящерицы (змѣи), лижущіе человѣку уши. (Прим. 3).
5) Часть бронзовой бляхи (фибулы, или м. б. наушника отъ шлема), длины 11 сант., ширины въ круглой части 7 сант.

Круглая часть бляхи орнаментирована ободкомъ изъ шишечекъ и въ два ряда украшена точками. Нижняя часть состоитъ изъ четырехъ параллельныхъ круглыхъ полосокъ, переходящихъ въ тонкій круглый конецъ съ крючкомъ. Найдена въ курганѣ. (Прим. 4).

6) Бронзовая литая пластинка, 10 сант. длины и 3 1/2 сант. ширины, изображающая человѣческую фигуру съ сложенными у живота руками; большіе пальцы направлены кверху, какъ бы держатъ сосудъ; лицо широкое и круглое, носъ прямой, глаза большіе, круглые. Надъ головою человѣческой фигуры, въ связи съ нею, на одной и той же металлической пластинкѣ, изображена передняя часть головы какого-то животнаго, съ круглыми глазами и большими ушами. Можно думать, что это птица съ коровьими ушами, или нѣчто среднее между птичьимъ клювомъ и мордою животнаго. По типу фигура должна быть причислена къ символическимъ религіознымъ. По очертанію лица и по сложеннымъ на животѣ рукамъ можно видѣть сходство этой фигуры съ каменными бабами.

7) Металлическая шляпка отъ неизвѣстнаго предмета. Найдена въ городищѣ.

Таблица II.

8) Круглая тонкая пластинка, 6 сант. въ діаметрѣ, изъ металлическаго неокисляющагося сплава, (металлическое зеркальце) съ края одна сквозная дырочка, служившая, вѣроятно, для привѣшиванья.

9) Обломокъ круглой металлической трубочки, 4 1/2 сант. длины, снаружи представляющей какъ бы слившіяся кольца. Въ полости трубки сохранился кусокъ ремня.

10) Металлическая литая пластинка въ 7 сант. длины и 5 сант. ширины, изображающая двѣ человѣческія фигуры. Расколота на 4 куска; средняго и части верхняго куска недостаетъ. На сохранившихся обломкахъ видны: человѣческая фигура, стоящая за прилавкомъ, опершись на него руками. Изъ за прилавка видны ноги въ сапогахъ; лицо круглое, подъ подбородкомъ рядъ точекъ (ожерелье), очертаніе носа и глазъ сохранилось не ясно; на платьѣ спереди виденъ широко раскрытый воротъ; платье короткое. На другомъ кускѣ, человѣческая фигура, повидимому, имѣла подобное же очертаніе, но она сильно попорчена ржавчиной. Третій обломокъ представляетъ одни ноги (сапоги) третьей человѣческой фигуры. По краямъ эта четырехъ-угольная пластинка окружена ободкомъ изъ

точечнаго орнамента. На передней части прилавка первой фигуры изображены пять точекъ. Найдены въ городищѣ. (Примѣч. 5).

11) Обломокъ полой металлической трубки длиною 6 сант. Форма и значеніе его тѣ же самыя, что и на обломкѣ № 9.

12) Продолговато-овальная металлическая пластинка, $5^1/_2$ сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины, изъ бѣлаго металлическаго сплава. На пластинкѣ изображены три параллельныя фигуры, напоминающія форму рыбъ. Найдена въ городищѣ.

13) Браслетъ изъ бронзы, овальной формы, одинъ край его обломанъ. Діаметръ овала долженъ быть около 7 сантиметровъ. На утолщенныхъ частяхъ ободка орнаментъ изъ пяти рубчиковъ. Форма браслета довольно изящная, фигура овала правильная. Найденъ въ курганѣ.

14) Круглая и плоская металлическая пластинка, 2 сантиметра въ діаметрѣ, лицевая сторона украшена орнаментомъ въ формѣ концентрическихъ кружковъ, а въ серединѣ, отъ центральной шишечки,—въ видѣ лучей. Найдена въ курганѣ.

15) Обломокъ бронзовой пластинки въ 6 сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины, украшенной очень тонкимъ и изящнымъ орнаментомъ. Въ ширину одной трети пластинки орнаментъ имѣетъ форму ко́лоса, вторая треть—форму поперечныхъ рубчиковъ, а третья треть орнаментирована геометрическимъ рисункомъ. Каждый рядъ отдѣляется отъ смежнаго ряда орнамента двумя продольными полосками. Найденъ въ курганѣ. (Примѣч. 6).

16) Металлическая трубочка въ 9 сант. длины съ остаткомъ ремня внутри и съ дырочкою на концѣ. По формѣ она сходна съ трубкою №№ 9 и 11, только нѣсколько тоньше. Найдена въ курганѣ.

17) Бронзовая пластинка, совершенно соотвѣтствующая описанной подъ № 15. Найдена тамъ же.

18) Пластинка изъ бѣлаго металлическаго сплава, 6 сант. длины и ширины. Она состоитъ изъ круглаго ободка въ серединѣ, окружающаго кольцеобразное отверстіе, и изъ четырехъ придатковъ (вѣтвей), расположенныхъ симметрично по четыремъ сторонамъ кольца. Въ общемъ фигура пластинки имѣетъ форму тупоконечнаго креста. Работа тщательная, но орнаментовъ никакихъ нѣтъ. Найдена въ городищѣ.

19) Бронзовая пластинка $4^1/_2$ сант. длины и 3 сант. ширины, нѣсколько выгнутая по своей плоскости. Наружная сторона украшена орнаментомъ изъ пяти тонкихъ полосокъ со стороны того и другаго конца. (Примѣч. 6). Найдена въ курганѣ.

20 и 21) Двѣ пластинки изъ такъ называемой бѣлой бронзы. Каждая изъ нихъ состоитъ изъ двухъ спаянныхъ рядомъ кружковъ величиною въ $2^1/_2$ сант. На мѣстѣ спайки остается небольшая гладкая полоска. Лицевая сторона каждаго кружка украшена орнаментомъ въ формѣ веревочки, въ три концентрическихъ ряда. Средина кружка нѣсколько выпуклая и гладкая. Эти предметы могли служить украшеніемъ либо для пояса, либо для застежки. Такъ какъ отверстій въ кружкахъ неимѣется, то надо полагать, что они нашивались по мѣстамъ спайки, гдѣ существуютъ для этого узкія полоски. Найдены въ курганѣ.

22) Бронзовая пряжка отъ пояса, діаметръ $4^1/_2$ сант., по формѣ совершенно похожая на нынѣ употребляемыя для поясныхъ ремней; при ней подвижный язычекъ и одно звено металлической оправы самого пояса съ кускомъ закрѣпленнаго ремня.

23) Такое же звено отъ того же пояса. Металлическая оправа, по видимому, была съ золотою насѣчкою. Каждое звено въ 2 сант. длины и $1^1/_2$ сант. ширины. Оно состоитъ изъ тонкой металлической пластинки, съ лицевой стороны украшенной по краямъ ободкомъ въ формѣ веревочки, а поле пластинки покрыто мелкими выпуклыми точками. На поверхности его пять симметрически расположенныхъ гнѣздъ для камней, каждое величиною съ горошину. Два камня сохранились, отъ остальныхъ остались одни гнѣзда. Сохранившіеся камни бѣлаго цвѣта, въ родѣ горнаго хрусталя, правильно отшлифованы въ видѣ полушарій. Подъ металлической пластинкою тонкій слой береста, а подъ нимъ кусокъ ремня и еще слой береста. Съ нижней (лѣвой) стороны, вѣроятно, тоже была металлическая пластинка. Поясъ, состоявшій изъ такихъ звеньевъ долженъ былъ имѣть весьма богатый и красивый видъ. Работа металлическихъ частей и камней очень тонкая. Найдена въ курганѣ. (Примѣч. 7).

Таблица III.

24, 25, 26, 27) Четыре бронзовыхъ фигуры, изображающія голову птицы, съ типическимъ выраженіемъ физіономіи совы. На задней части каждой фигурки находится большое четырехъугольное ушко; отверстіе его, пропускающее конецъ мизинца, идетъ по направленію длины лица, изъ чего можно заключить, что эти предметы прикрѣплялись (къ платью) не горизонтальными, а вертикальными рядами. Въ одномъ мѣстѣ (въ курганѣ) найдено четыре такихъ предмета. (Прим. 8).

28) Два обрывка ремня, или правильнѣе цѣпочки, одинъ длиною 13 сант., другой 7 сант. По всей своей длинѣ ремень покрытъ плоскими колечками изъ мѣдной проволоки (м. б. бронзы); колечки не спаяны между собою, но каждое нанизано въ отдѣльности и такъ плотно, что ремень подъ ними не виденъ. Толщина ремня въ куриное перо. Нѣсколько такихъ полосокъ были, повидимому, нашиты на широкій ремень, представлявшій собою родъ подкладки. Куски этого послѣдняго сохранились на описываемомъ экземплярѣ. Найдены въ курганѣ. (Прим. 6).

29) Часть бронзовой серьги (подвѣски).

30) Часть наружной, бронзовой, металлической обкладки предмета, служившаго привѣскою къ поясу. Длина сохранившагося куска 5 сант., ширина 2 сант.; верхній край обломанъ, нижній съ обѣихъ сторонъ срѣзанъ подъ острымъ угломъ. Подобной формы привѣски къ поясамъ до сихъ поръ употребляются кавказскими горцами, равно какъ и металлическій наборъ на поясахъ. Найдена въ курганѣ.

31—42) Куски отъ металлическаго набора неизвѣстнаго предмета, различной величины и формы. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. №№ 35, 36, 38, 39, 40, 41 и 42 кованые, остальные литые изъ бронзы. №№ 38 и 42 приготовлены изъ кованаго серебра, №№ 39 и 40 имѣютъ позолоченую поверхность. Найдены въ курганѣ.

43) Семь плоскихъ костяныхъ иголъ съ острымъ концомъ съ той и другой стороны; широкое ушко по срединѣ иглы; одинъ конецъ разщепленъ для проведенія нитки. Длина каждой иглы $5^1/_2$ сант. ширина въ срединѣ $^1/_2$ сант. Подобныя иглы употребляются до сихъ поръ въ Костромской и Ярославской губерній для вязанія сѣтей. Найдены въ курганѣ (*).

Костяныя издѣлія, найденныя въ городищѣ на Чувашскомъ мысу (о костяныхъ издѣліяхъ см. примѣч. 10).

Таблица IV.

44) Костяной кружокъ (напрясло) 5 сант. въ діаметрѣ, съ сквознымъ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ; лицевая сторона покрыта узоромъ въ формѣ расходящихся отъ центра зубчиковъ (3-хъ угольниковъ). Всѣхъ зубцовъ изображено 11.

(*) Первыя три таблицы изъ коллекціи г. Знаменскаго помѣщены, вмѣстѣ съ прочими бронзовыми предметами, въ витринѣ второй, отд. I.

45) Обрѣзокъ круглой кости, 3 сант. въ діаметрѣ и 2 сант. длины, съ сквознымъ отверстіемъ въ среднѣ.

46) Костяной кружокъ (напрясло), сдѣланный изъ распиленной головки бедренной кости съ просверленною круглою дирочкою въ центрѣ. Размѣръ 5 сант. орнамента нѣтъ, распиленная губчатая поверхность кости не отшлифована.

47) Костяная ложка 12 сант. длины, передняя ея часть въ видѣ плоской, слегка углубленной лопатки съ закругленными краями. Длина ея до шейки 6 сант., ширина $4^1/_2$ сант. Шейка, постепенно съуживаясь, переходитъ въ плоскую ручку $1^1/_2$ сант. ширины. На концѣ ручки сдѣлано сквозное отверстіе въ $^1/_2$ сант. ширины и 1 сант. длины, вѣроятно служившее для привязыванія ложки къ поясу. На самомъ концѣ ручки украшеніе изъ четырехъ зубчиковъ съ каждой стороны, вырѣзанныхъ по ребру ручки. Рисунокъ ложки вполнѣ симметриченъ, поверхности гладко отполированы. Этою ложкою, по причинѣ незначительнаго ея углубленія, можно было ѣсть только полужидкую пищу. (Прим. 9).

48) Обломокъ костяной ложки длиною въ 7 сант. Судя по размѣру предъидущаго номера, надо полагать, что здѣсь не достаетъ конца ручки и большей половины передней закругленной части. Сохранившаяся средняя часть имѣетъ на поверхности своей нацарапанныя черты въ видѣ грубаго рисунка, смыслъ котораго разобрать невозможно.

49) Костяная фигурка въ пять сант. длины, изображающая нѣчто похожее на топоръ.

50 и 52) Свистокъ, сдѣланный изъ двухъ складывающихся вмѣстѣ костяныхъ пластинокъ, переднія поверхности которыхъ округлены, а заднія плоски, съ желобоватымъ углубленіемъ, образующимъ при складываніи пластинокъ узкій каналъ. Длина передней пластинки 8 сант. и задней $6^1/_2$ сант.; на верхнемъ концѣ первой сдѣлана вырѣзка съ отверстіемъ, ведущимъ въ каналъ, какъ это дѣлается у свистковъ въ настоящее время.

51, 53, 54 и 55) Четыре костяныхъ наконечника стрѣлъ, различныхъ формъ. № 51 имѣетъ форму плоскую, длина 10 сант. съ плоско заостреннымъ черенкомъ; № 53 граненая на три грани, длина 7 сант., съ трехграннымъ же острымъ черенкомъ; № 54 тоже трехгранная и съ двумя шипами (глубокими зазубринами) около шейки,—шейка круглая, оканчивающаяся не плоскимъ заостреніемъ, какъ обыкновенно въ подобныхъ стрѣлахъ, а выдающимся круглымъ валикомъ и круглымъ же тупымъ концомъ. Длина $9^1/_2$ сант. № 55 трех-

гранная стрѣла съ острымъ плоскимъ черенкомъ, длина 11½ сант.

56) Острый крючекъ изъ рога, въ родѣ массивной удочки, 9 сант., служившій, вѣроятно, для ловленія рыбы. Задній конецъ его представляетъ толстую шишку, подрѣзанную спереди подъ прямымъ угломъ отъ того мѣста, откуда начинается круглый стержень крючка. Послѣдній у основанія имѣетъ толщину мизинца, и потомъ, постепенно истончаясь, оканчивается крутою дугою съ острымъ концомъ.

Таблица V.

57—73) Семнадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, изъ коихъ 12 имѣютъ отъ 10 до 14 сант. длины, а 5 отъ 6 до 9 сант. Большая часть ихъ гранены на три грани и всѣ имѣютъ заостренный плоскій черенокъ для насаживанія на древко. №№ 57, 58, 62 и 71 имѣютъ по два шипа около шейки, въ томъ мѣстѣ, откуда начинается грань.

Таблица VI.

74—90) Семнадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ такой же длины и формы, какъ на предъидущей таблицѣ. № 75 имѣетъ шипы, остальныя безъ шиповъ, всѣ обдѣланы на три грани съ плоскимъ заостреннымъ черенкомъ.

Таблица VII.

91—110) Двадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ такой же величины и формы, какъ на предъидущихъ таблицахъ.

Таблица VIII.

111—127) Семнадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ такой же формы и величины какъ на предъидущихъ таблицахъ. № 120 съ шипами.

Таблица IX.

128—140) Тринадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ большаго калибра, отъ 15 до 18 сант., съ болѣе тщательной гранью (на три ребра).

Таблица X.

141—159) Девятнадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ средняго калибра, отъ 6 до 11 сантим. длины, изъ нихъ три плоскихъ, остальные трехгранные.

Таблица XI.

160—176) Семнадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, большею частію круглой формы.

Таблица XII.

177—192) Шестнадцать костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ разной формы, длиною отъ 6 до 14 сант. Изъ нихъ №№ 180, 183, 184, 186 и 191 съ однимъ зубцомъ (шипомъ), и черенокъ ихъ не заостренный, а округлотупой, съ выдающимся валикомъ кругомъ шейки, вѣроятно для привязыванья бичевки. Эти орудія, повидимому, имѣли другое назначеніе, чѣмъ стрѣлы (не служили ли они для ловли рыбы или звѣря?) №№ 180 и 190 имѣютъ шишкообразный заостренный конецъ, съ острымъ черенкомъ для насаживанія на древко.

Таблица XIII.

193) Костяной ножикъ, 20 сант. длины и $3^1/_2$ сант. ширины, съ широкою и плоскою рукояткою изъ той же кости. Лезвее къ концу съуживается.

194) Такой же ножикъ, 22 сант. длины, грубообдѣланный и отчасти попортившійся.

195) Крючекъ съ однимъ острымъ зубцомъ, круглою шейкою и валикомъ у задняго тупаго конца для привязыванія бичевки, какъ у орудій подобнаго типа, помѣщенныхъ на предъидущей таблицѣ.

196—201) Ножи, или шилья, 15—16 сант. длины, сдѣланные изъ реберныхъ костей. Суставная головка ребра служитъ ручкою, а заостренный край—лезвеемъ.

202 и 203) Двѣ костяныя трубки, 22 сант. длины, толщиною въ обыкновенный карандашъ, приготовленныя изъ вычищенныхъ внутри трубчатыхъ костей.

204) Предметъ изъ кости, неизвѣстнаго назначенія, представляющій голову и шею животнаго (оленя?), 10 сант. длины, а

толщиною въ большой палецъ. Корпусъ шеи украшенъ рядомъ параллельныхъ, идущихъ кругомъ, рубчиковъ, а по длинѣ, съ той и другой стороны, извивающеюся полосой изъ нарѣзныхъ шашечекъ. Отъ головной части сохранились уши и вѣтвистые рога, самая морда отколота. Въ нижней части предмета находится сквозное отверстіе, величиной 1×2 сант.

205) Костяная ручка для ножа, съ развѣтвленіями на концѣ въ видѣ двухъ роговъ. На концѣ одного изъ нихъ находится сквозная круглая дырочка для подвѣшиванія ножа къ поясу. Въ ручкѣ находился полуразрушившійся отъ ржавчины желѣзный клинокъ, около 9 сант. длины. Самая ручка до развѣтвленія имѣетъ 6 сант. длины.

206) Предметъ изъ кости, представляющій, подобно № 204, шею и голову животнаго, длиною 13 сантиметровъ. Шея круглая, толщиною въ палецъ, вытянутая почти въ прямую линію, гладко обдѣланная, но безъ всякихъ, украшеній. На головѣ, нѣсколько приподнятой кверху, показаны широкія ноздри, ротъ и прижатыя назадъ уши. Роговъ нѣтъ.

207) Обдѣланный кусокъ кости, 8 сант. длины и $2^1/_2$ сант. толщины; одинъ конецъ закругленъ въ видѣ шишки, другой болѣе узкій, также слегка закругленный. Поперекъ куска большое сквозное отверстіе въ $3^1/_2$ сант. длины и $1^1/_2$ сант. ширины.

208) Гладко обдѣланный кусокъ кости, 9 сант. длины и $3^1/_2$—$4^1/_2$ сант. ширины, съ расширеніемъ на переднемъ, нѣсколько сплюснутомъ концѣ, имѣющемъ 10 мелко нарѣзанныхъ зубчиковъ. По формѣ напоминаетъ стопу дѣтской ноги.

Отдѣленіе 2-е.

209) Гладко обдѣланный кусокъ кости, 13 сант. длины, $4^1/_2$ сант. ширины и 2 сант. толщины; задній и боковые края толстые, тупые, а передній заостренъ на подобіе клина (скребка, каменнаго орудія), съ которымъ имѣетъ сходство по величинѣ и формѣ.

210) Такой же предметъ 15 сант. длины.

211) Тоже 16 сант.

212) Тоже 15 сант.

213) Тоже 16 сант.

214) Тоже 18 сант.

215) Тоже $15^1/_2$ сант.

216) Тоже 15 сант.

217) Тоже 13 сант.
218) Тоже 14 сант.
219) Тоже 14 сант.
220) Тоже 12 сант.
221) Тоже 12 сант.
222) Тоже 17 сант. (часть остраго конца обломана).
223) Тоже 13 сант.
224) Тоже 14 сант. (концы обломаны).
225) Тоже 13 сант.
226) Тоже 17 сант. (часть остраго конца обломана).
227) Тоже 11 сант.
228) Тоже 10 сант.
229) Тоже 11 1/2 сант.
230) Тоже 11 сант. (задній, тупой край сколотъ).
231) Тоже 12 сант.
232) Тоже 11 1/2 сант.
233) Тоже 10 сант.
234) Тоже 10 сант.
235) Тоже 11 1/2 сант.
236) Тоже 14 сант.
237) Тоже 15 сант. (передній конецъ сколотъ).
238) Тоже 14 сант.
239) Тоже 20 сант. (задній и частію передній конецъ сколотъ).
240) Тоже 16 1/2 сант. (часть передняго конца отбита. По тяжести этотъ экземпляръ напоминаетъ каменное орудіе, что зависитъ отъ пропитыванія губчатой кости минеральными солями).
241) Тоже 12 сант. (также тяжелый экземпляръ, пропитанный солями).
242) Тоже 13 сант. (концы попорчены).
243) Тоже 13 сант. (передній конецъ попорченъ).
244) Тоже 15 сант. (концы попорчены).
245) Тоже 9 сант. длин. 4 сант. шириною и 1 сант. толщ.
246) Тоже 22 сант.
247) Тоже 20 сант.
248) Тоже 19 сант.
249) Тоже 16 сант. (передній конецъ обломанъ).
250) Тоже 15 сант.
251) Тоже 15 сант.
252) Тоже 13 сант.
253) Тоже 12 сант.
254) Тоже 9 сант.
255) Тоже 9 сант.

256) Тоже 12 сант.
257) Тоже 13 сант.
258) Тоже 12 сант. (конецъ обломанъ).
259) Тоже 13 сант.
260) Тоже 21 сант.
261) Тоже 15 сант.
262) Тоже 12 сант.
263) Тоже 12 сант.

(Начиная съ № 251 по 263 имѣютъ форму болѣе узкую, прямую и тонкую, въ родѣ стамески).

264) Лопаточная кость животнаго, 40 сант. длины и 27 сант. ширины, со срѣзанными искуственно остями.
265) Тоже 38 сант. длины. Близь суставнаго конца лопатки (на ручкѣ) прорѣзано сквозное четырехъ-угольное отверстіе.
266) Тоже 39 сант. длины съ такимъ же отверстіемъ на ручкѣ (сломано на три куска и склеено въ музеѣ).
267) Кусокъ (обломокъ) отъ такой же обдѣланной лопаточной кости, 20 сант. длины и 10 сант. ширины.
268) Такіе же два куска (20 сант. ширины и 23 сант. длины) отъ другаго экземпляра.
269) Кусокъ выструганнаго рога лося, представляющій ровную пластинку въ 23 сант. длины и 6 сант. ширины, съ отросткомъ на концѣ, въ видѣ ручки.
270) Кусокъ рога лося 24 сант. длины (не обдѣланный).
271) Тоже 33 сант. длины со слѣдами обдѣлки ножемъ.
272) Тоже 13 сант. длины, безъ обдѣлки.
273) Тоже 22 сант. съ вырѣзаннымъ по одному ребру желобкомъ и сквознымъ отверстіемъ по другому краю.
274) Тоже 25 сант. длины съ вырѣзаннымъ четырехъугольнымъ большимъ отверстіемъ, въ родѣ стремени.
275) Костяное стремя, 14 сант. вышины и такой же ширины между вѣтвями. На концахъ вѣтвей продѣлано по сквозному отверстію для привязыванія стремянъ къ сѣдлу.
276) Одна половинка отъ такаго же костянаго стремени, 15 сант. длины, съ дырочкою на концѣ вѣтви.
277) Такая же половинка отъ другаго экземпляра, 14 сант. длины. Конецъ вѣтви (ушка) обломанъ.
278) Такая же половинка отъ третьяго не полнаго экземпляра.
279) Обломокъ костянаго предмета, неизвѣстнаго назначенія. Онъ имѣетъ форму половины дуги съ широкимъ внизу отросткомъ, въ которомъ вырѣзано сквозное четырехъ-угольное отверстіе, пропускающее мизинецъ. Ширина обломка 10 сант.

280) Обломокъ стремени 9 сант. длины, съ круглою дырочкою на концѣ.

281) Костяной ножикъ, грубо обдѣланный изъ половинки расколотой трубчатой кости, 22 сант. длины.

282) Такой же ножикъ 16 сант. длины, обдѣланный на подобіе плоской и широкой стрѣлы, съ широкимъ черенкомъ изъ той же кости.

283) Костяная пластинка 16 сант. длины и 2—3 сант. ширины, на переднемъ концѣ заостренная въ видѣ стамески.

284) Такая же плоская пластинка съ закругленіемъ на остромъ концѣ. Длина 13 сант. (поверхности попортились отъ разрушенія верхнихъ слоевъ кости).

285) Четырехъ-угольная гладкая пластинка, неизвѣстнаго назначенія, въ $7^1/_2$ сант. длины, 5 сант. ширины и около 1 сант. толщины, съ гладко оструганными поверхностями и съ отверстіемъ въ верхней части, пропускающимъ конецъ указательнаго пальца.

286) Обломокъ неизвѣстнаго предмета, имѣющій форму полукруглой шишки, 5 сант. длины и ширины, сдѣланный изъ оструганнаго конца трубчатой кости.

287) Часть костянаго гребня, 6 сант. длины, съ слѣдами основанія бывшихъ зубцовъ (послѣдній зубецъ обломанъ послѣ находки).

288) Предметъ неизвѣстнаго назначенія, вырѣзанный правильными геометрическими линіями, напоминающими попытку мастера изобразить съ того и другаго конца голову и шею какого-то животнаго, сливающіяся въ центрѣ фигуры.

289) Предметъ неизвѣстнаго назначенія, длиною 6 сант., толщиною въ большой палецъ, представляющій въ нижней части полую шишку съ тремя сквозными дырочками по бокамъ и широкимъ, ведущимъ въ ея полость, отверстіемъ снизу; верхняя часть состоитъ изъ трехграннаго остраго конца.

290) Кусокъ круглой кости въ 9 сант. длины и $2^1/_2$ сант. толщины, изъ котораго предполагалась какая-то неоконченная подѣлка. На верхней трети этого куска начата обдѣлка конуса на три грани, въ нижней и средней трети сдѣланы глубокіе надрѣзы, болѣе чѣмъ на половину толщи куска.

291) Костяная ручка для ножа съ вилообразнымъ развѣтвленіемъ, подобная № 205. Разстояніе между вилками 8 сант., длина ручки 5 сант.

292) Обломокъ неизвѣстнаго предмета 6 сант. длины и 2 сант. ширины съ тремя прорѣзями.

Отдѣленіе 3-е.

293) Трубочка изъ вычищенной и обдѣланной трубчатой кости 12 сант. длины.

294) Такая же трубочка 10 сант. длины.

295) Вычищенная внутри трубчатая кость, 14 сант. длины, безъ наружной обдѣлки.

296) Неизвѣстная подѣлка изъ ребра, 14 сант. длины, съ двумя дырочками на каждомъ концѣ.

297—310) Четырнадцать ножей, приготовленныхъ изъ реберныхъ костей.

311—314) Четыре куска начатыхъ, но неоконченныхъ подѣлокъ изъ кости.

315) Обломокъ круглаго предмета, сдѣланнаго изъ головки бедренной кости, съ просверленною въ центрѣ дырочкою (напрясло).

316—319) Четыре обломка отъ разныхъ подѣлокъ изъ кости.

320) Ручка отъ ножа, подобная №№ 205 и 291. Размѣръ между вилками 6 сант., длина ручки 8 сант.

321) Обломокъ (нижній тупой конецъ съ валикомъ) костянаго крючка.

322) Ручка отъ ножа, подобная предъидущимъ. Размѣръ между вилками $11^1/_2$ сант., длина ручки $4^1/_2$ сант.

323) Костяная, слегка изогнутая плоская палочка, 17 сант. длины, съ закругленными концами и дырочками на каждомъ изъ нихъ.

324) Такая же палочка съ обломаннымъ концомъ, 14 сант. длины; на цѣломъ концѣ такая же дырочка, какъ и въ предъидущемъ экземплярѣ.

325) Костяная гладкая пластинка 13 сант. длины и 3 сант. ширины, съ круглыми дырочками на томъ и другомъ концѣ. Одинъ край немного обломанъ.

326) Такая же пластинка 14 сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины съ дырочкою на концѣ (другой конецъ обломанъ).

327) Ручка отъ ножа 12 сант. длины, круглая безъ вилокъ; на переднемъ концѣ отверстіе для клинка, а снаружи бороздка для его укрѣпленія обвязкой.

328) Ножикъ изъ выглаженнаго широкаго ребра съ закругленнымъ переднимъ концомъ, длина 22 сант., ширина 3 сант.

329) Такой же ножикъ 18 сант. задній конецъ обломанъ.

330) Клинообразно срѣзанная пластинка, въ формѣ стамески; длина 9 сант., ширина 2 сант., толщина на тупомъ концѣ 1 сант.

331) Такое же орудіе 10 сант. длины, 4 сант. ширины и 2 сант. толщины, на тупомъ концѣ; передній конецъ обломанъ.
332) Половинка такого же орудія длиною 12 сант., расколотаго вдоль пополамъ (изъ почернѣвшей кости).
333) Обломокъ подобнаго же орудія 9 сант. длины, обдѣланнаго на три грани, съ желобкомъ между верхними гранями. Оба конца обломаны.
334) Отрѣзокъ круглой кости, $1^1/_2$ сант. длины, съ дырочкою по срединѣ.
335) Половина такого же, расколотаго, предмета.
336) Верхняя часть большеберцевой кости со слѣдами начатой обдѣлки ножемъ.
337) Обломокъ неизвѣстнаго предмета, 8 сант. длины, представляющій на одномъ концѣ толстую закругленную шишку; отъ нея идетъ правильно срѣзанная широкая пластинка, имѣвшая, на разстояніи 4 сант. отъ шишки, сквозное отверстіе, которымъ обломокъ оканчивается.
338) Семь суставныхъ косточекъ стопы, чернаго цвѣта, съ просверленными въ каждой изъ нихъ дырочками для нанизыванія; снаружи обтертыя, какъ бы вылощенныя.
339) Двадцать двѣ такихъ же косточки безъ просверленной дырочки и три косточки другаго формата.
340) Одна просверленная поперекъ спинки косточка (маленькая бабка).
341) Бабка обыкновенная съ открытымъ нижнимъ концомъ, внутри полая, вычищенная и снаружи обтертая, какъ бы отъ продолжительнаго употребленія для игры.
342) Острый конецъ рога, 17 сант. длины, съ слѣдами обработки ножемъ.
343) Тоже 24 сант. длины.
344) Тоже 17 сант.
345) Тоже 20 сант.
346) Тоже 12 сант.
347) Тоже 9 сант.
348) Тоже 12 сант.
349) Тоже 9 сант.
350) Тоже 9 сант. (изъ почернѣвшей кости).
351) Острый обломокъ рога 8 сант.
352) Тоже 9 сант.
353) Тоже 5 сант.
354) Тоже 9 сант.
355) Тоже 9 сант.

356) Тоже 6½ сант.
357) Тоже 7 сант.
358) Тоже 15 сант. (съ частью лобной кости)
359) Вѣтвистый рогъ оленя со слѣдами обрѣзки ножемъ у основанія.
360) Рогъ съ двумя отростками, изъ нихъ одинъ обломанъ. Длина 19 сант.
361) Рогъ обдѣланный ножемъ, съ двумя отростками; изъ нихъ одинъ сломанъ. Длина рога 10 сант., длина отростка 9 сант.
362) Кусокъ расколотой берцевой кости, 28 сант. длины, приготовленный для подѣлокъ.
363) Тоже длиною 24 сант.
364) Тоже двѣ половинки расколотой по длинѣ кости, 17 сант. длины. На одномъ ихъ концѣ сдѣланы срѣзы ножемъ.
365) Тоже одна половинка расколотой кости 15 сант. длины, надрѣзанная по расколотой сторонѣ ножемъ.
366) Толстый кусокъ оленьяго рога, по концамъ срѣзанный ножемъ, приготовленный для подѣлокъ. Длина 15 сант.
367) Тоже 17 сант.
368) Тоже 12 сант.
369) Тоже 13 сант. (концы обтесаны).
370) Тоже 10 сант. съ нарѣзкою на одномъ концѣ.
371) Тоже 8 сант.
372) Тоже 13 сант.
373) Тоже 10 сант. съ нарѣзкою на концѣ.
374) Тоже 14 сант., съ одной стороны выструганный.
375) Тоже 8 сант. со слѣдами обрѣза ножемъ на обоихъ концахъ.
376) Двѣ половинки разломаннаго пополамъ стремени, каждая 15 сант. длины.
377) Скребокъ 12 сант. длины, со сломаннымъ концомъ.
378) Тоже 13 сант.
379) Тоже 13 сант., тупой конецъ 2 сант. толщины.
380) Обломокъ скребка 8 сант. длины.
381) Тоже 8 сант. длины (сколотъ острый конецъ).
382) Скребокъ 10 сант. длины съ острымъ и узкимъ концомъ.
383—389) Куски кости, заготовленные для стрѣлъ.
390—393) Куски кости, заготовленные для ножей.
394) Плоская пластинка, сдѣланная изъ лосинаго рога.
395) Тоже.
396—398) Стрѣлы граненыя на 4 грани.
399) Нижняя часть такой же стрѣлы (обломокъ).
400) Стрѣлы круглой формы съ плоскимъ заостреннымъ черенкомъ.
401) Стрѣла граненая на 4 грани.

402) Маленькая стрѣлка (5 сант.) съ двумя зубцами.
403) Костяное шило 9 сант. длины.
404) Болванка для стрѣлы съ однимъ зубцомъ.
405—460) Обломки стрѣлъ разной величины и формы.
461) Плоская и узкая стрѣлка.
462) Тонкая стрѣлка въ формѣ шила.
463) Тонкая костяная трубочка, 6 сант. длины, съ дырочкой на боку.
464) Костяная палочка, 6 сант. длины, съ сквозною дырочкою на концѣ.
465) Костяная пластинка, 7 сант. длины, съ дырочкою на концѣ (обломокъ).
466) Расколотая по длинѣ костяная трубочка (половинка), 9 сант. длины; на наружной поверхности ея нацарапанъ знакъ, похожій на оперенную часть стрѣлы.
467) Тонкая, гладко выполированная костяная пластинка, имѣющая форму носовой части лодки. (Обломокъ въ 5 сант. длины и 3 сант. ширины на обломанномъ широкомъ концѣ).
468) Такой же обломокъ отъ другаго экземпляра, 3 сант. длины.

Отдѣленіе 4-е

Таблица XIV (№ 469—476).

Подѣлки изъ глины, найденныя г. Знаменскимъ на Чувашскомъ мысу.

469) Глиняная лошадка 4 сант. длины и въ большой палецъ толщины (по туловищу, не считая шеи и головы). На мѣстѣ ногъ 4 дырочки, куда, вѣроятно, вставлялись деревянныя ноги; хвостъ и морда обломаны.
470) Такая же лошадка меньшихъ размѣровъ, длиною съ хвостомъ и головой 6 сант., толщиной (туловище) немного менѣе мизинца. На мѣстѣ ногъ также 4 дырочки въ такомъ положеніи, что животное представлено скачущимъ, чему соотвѣтствуетъ положеніе вытянутой шеи. Обѣ фигурки, вылепленныя съ слабыми проблесками искусства, напоминаютъ собою дѣтскія игрушки. Значеніе ихъ, вѣроятно, было религіозное.
471) Глиняный кружокъ, $4^1/_2$ сант. въ діаметрѣ, съ сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ, величиною въ гусиное перо. На передней поверхности узоръ изъ восьми расходящихся отъ центра полосокъ. Каждая полоска, около $^1/_2$ сант. ширины, состоитъ изъ пяти вертикальныхъ рядовъ троеточій. Изъ такихъ же троеточій состоитъ периферическій ободокъ.

472) Маленькій глиняный сосудъ, 2 сант. вышины и въ діаметрѣ, съ круглымъ выпуклымъ дномъ; по верхнему краю орнаментъ изъ точекъ и косыхъ черточекъ.

473) Глиняный сосудъ продолговатой формы, въ видѣ ступки, съ широкимъ плоскимъ дномъ. Вышина $6^1/_2$ сант., ширина по верхнему краю $2^1/_2$ сант.; полость сосуда помѣщаетъ конецъ мизинца. Никакихъ орнаментовъ на стѣнкахъ не имѣется.

474) Глиняный сосудъ такой же формы, какъ № 472, вышина и ширина $2^1/_2$ сант., дно конически выпуклое. Орнаментовъ на стѣнкахъ нѣтъ.

475) Неизвѣстный предметъ изъ глины, напоминающій форму колеса, съ среднимъ выдающимся ободкомъ и идущими отъ него съ той и другой стороны осевыми частями (ступицами), чрезъ которыя проходитъ центральная круглая дырочка. Ободокъ и осевая часть орнаментированы. Размѣръ по оси 3 сант., по діаметру ободка $3^1/_4$ сант.

476) Глиняный цилиндръ длиною $3^1/_2$ сант., толщиною 2 сант., съ осевою дырочкою. Снаружи покрытъ сплошъ точечнымъ орнаментомъ. Точки расположены правильными рядами въ видѣ поясковъ и четырехъ-угольниковъ.

477) Глиняный цилиндръ безъ орнамента, длиною 3 сант., толщиною 2 сант., съ центральною сквозною дырочкою.

478) Такой же цилиндръ $4^1/_2$ сант. длины и 2 сант. толщины, покрытый орнаментомъ изъ палочекъ.

479) Такой же цилиндръ съ выдающимся по срединѣ ободкомъ. Длина 3 сант., ширина 2 сант.

480) Глиняная лошадка, 6 сант. по туловищу, толщиною въ большой палецъ; шея 4 сант., съ обозначенною гривою; уши, морда и хвостъ отбиты; на туловищѣ 4 дырочки для деревянныхъ ногъ. (Прим. 11). Рядомъ съ этою лошадкою найдено:

481) Накладное сѣдло, вылѣпленное изъ глины, аккуратно приходящееся по корпусу лошадки. Размѣръ его: длина 3 сант., ширина сидѣнья 2 сант. Сѣдло имѣетъ форму нынѣшняго киргизскаго, съ высокою лукою спереди и сзади. Рядомъ съ сѣдломъ и лошадкой находился вылѣпленный изъ глины всадникъ, представленный сидящимъ по одну сторону сѣдла (по женски). Во время транспортированія вещей фигурка всадника была разбита и утрачена.

482) Глиняная лошадка 4 сант. длины и въ мизинецъ толщины, съ дырочками для ногъ. Морда и хвостъ обломаны.

483) Глиняная фигура, изображающая рога и переднюю часть

Ф. 9848-47г. 761-
ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1206

лба коровы. Лобная часть оканчивается тупымъ конусомъ. Длина фигуры 5 1/2 сант., ширина между рогами 3 сант.

484) Глиняный шарикъ, 3 1/2 сант. въ діаметрѣ, съ сквозною дырочкою въ срединѣ величиною въ куриное перо. Безъ орнаментовъ.

485) Такой же величины шарикъ съ коническими утонченіями на полюсахъ. Чрезъ полюсы проходитъ сквозная дырка величиною въ вязальную иглу.

486) Удлиненный глиняный шарикъ 2—2 1/2 сант. въ діаметрѣ, съ легкимъ перехватомъ, безъ дырочки, верхняя половина узорчатая.

487) Обломокъ (половинка) глинянаго цилиндра съ дырочкой. Длина обломка 2 сант., діаметръ цилиндра 2 сант., величина дырочки въ толстую вязальную иглу.

488) Половинка расколотого коническаго шарика, по формѣ и величинѣ похожаго на № 485, но узорчатаго. Ось конуса 3 1/2 сант.

489) Половинка такаго же узорчатаго предмета отъ другаго экземпляра. Ось конуса 3 сант.

490) Тоже отъ третьяго экземпляра. Ось конуса 3 1/2 сант.

Глиняныя напрясла или веретённики (примѣч. 12).

491) Плоскій кружекъ 4 1/2 сант. въ діаметрѣ, на лицевой сторонѣ орнаментъ палочками, изображающій форму креста, по краю такой же ободокъ. Дырка величиною въ тонкій карандашъ.

492) Такой же кружокъ, въ діаметрѣ 4 сант. Орнаментъ палочками въ 6 вѣтвей, съ ободкомъ, а по нижней (лѣвой) сторонѣ круговой рядъ черточекъ кругомъ центральной дырочки. Дырочка величиною въ карандашъ.

493) Такой же кружокъ въ 4 сант. Узоръ крестообразный, въ 4 вѣтви, изображенъ точками, а краевой ободокъ палочками и второй рядъ ободка точками.

494) Такой же кружокъ въ діаметрѣ 5 сант. Узоръ по всей лицевой поверхности круглыми ямками, наведенъ по мягкой глинѣ посредствомъ нажиманія тонкой круглой палочкой.

495) Половинка такаго же кружка, въ діаметрѣ 4 1/2 сант. Узоръ вытисненъ круглой палочкой въ видѣ радіусовъ, безъ ободка.

496) Половинка такаго же кружка 5 сант. въ діаметрѣ. Узоръ въ 4 вѣтви (крестъ) вытисненный двумя рядами точекъ, ободокъ изъ маленькихъ кружковъ; въ трехъ-угольникахъ между

вѣтвями креста по три кружка (найденъ въ курганѣ № 8 Дмитріевымъ-Мамоновымъ).

497) Половинка такаго же кружка 5 сант. въ діаметрѣ, 2 сант. толщины. Узоръ продолговатыми палочками, коими начерченъ ободокъ по краю и второй кругъ около центральнаго отверстія.

498) Половинка кружка 4 1/2 сант. въ діаметрѣ и 2 сант. толщины. Узоръ изъ рядовъ мелкихъ точекъ, образующихъ полоски и концентрическія круговыя ленты.

499) Половинка кружка 4 1/2 сант. въ діаметрѣ и 1 1/2 сант. толщины. Орнаментъ изъ трехъ круговыхъ концентрическихъ полосокъ по ободку, за которыми идетъ также концентрическая широкая полоса изъ точекъ. Узоръ центральной части неясенъ вслѣдствіе излома.

500) Обломокъ узорчатаго напрясла 1 1/2 сант. толщины и около 4 1/2 сант. въ діаметрѣ. Узоръ: широкій ободокъ изъ точекъ; центральная часть неясна.

501) Половинка кружка 5 1/2 сант. въ діаметрѣ и 1 сант. толщины, изъ гладко выполированнаго гладкаго камня. Центральное отверстіе въ обыкновенный карандашъ.

502) Кружокъ безъ узора, 4 1/2 сант. въ діаметрѣ и 1 сант. толщины, изъ гладко выполированнаго мягкаго камня. Центральное отверстіе въ обыкновенный карандашъ.

503) Такой же плоскій кружокъ, безъ узора, изъ глины, въ діаметрѣ 4 сант., толщины 1 сант., отверстіе въ карандашъ.

504) Плоскій кружокъ изъ камня, 4 1/2 сант. въ діаметры, 1/2 сант. толщины, подобный № 502.

505) Глиняный кружокъ 4 1/2 сант. въ діаметрѣ и 2 сант. толщины, отверстіе въ карандашъ средней величины. Лицевой узоръ изъ зигзагообразныхъ полосокъ, безъ ободка. (Найденъ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ курганѣ № 5).

506) Глиняный кружокъ безъ орнамента, въ діаметрѣ 3 сант. и 2 сант. толщиной. (Найденъ А. И. Мамоновымъ въ курганѣ № 8).

507) Кружокъ изъ камня 4 1/2 сант. въ діаметрѣ безъ дырочки и орнамента.

508) Три кружка грубо приготовленныхъ изъ черепковъ битой, глиняной посуды, безъ дырочекъ. Два изъ нихъ имѣютъ орнаменты узора архаическихъ горшковъ.

509) Половинка глинянаго кружка (напрясла) 4 1/2 сант. въ діаметрѣ и 1 сант. толщины, съ узоромъ на обоихъ сторонахъ. Узоръ представляетъ разныя черточки, сгруппированныя въ

разныхъ направленіяхъ. (Найденъ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ при подошвѣ Чувашской горы, противъ кургановъ № 7 и 8).

Глиняныя напрясла малой величины, на подобіе крупныхъ косточекъ отъ русскихъ счетъ. Всѣ безъ узоровъ, гладкія.

510) Плоскій кружокъ 2 1/2 сант. въ діаметрѣ и 4 толщины, величина дырки въ куриное перо. Найденъ въ городищѣ Искеръ. Тоже кружокъ 2 1/2 сант. въ діаметрѣ, 1 1/2 сант. толщины; ободокъ на двѣ грани, отверстіе въ толстый карандашъ. Найденъ тамъ же.

511) Кружокъ той же величины и формы, ободокъ на двѣ грани, отверстіе пропускаетъ конецъ мизинца. Найденъ тамъ же.

512) Кружокъ такой же формы, діаметръ 2 сант., отверстіе въ обыкновенный карандашъ. Найденъ тамъ же.

513) Кружокъ 3 сант. въ діаметрѣ, 1 1/2 сант. толщиной, ободокъ ровный, безъ граней, отверстіе въ обыкновенный карандашъ. Найденъ въ Семирѣченской области, близъ Чингильдинскаго пикета.

514) Кружокъ такой же величины и формы, по ободку едва замѣтная грань. Найденъ тамъ же (въ Семирѣченской области).

515) Кружокъ 2 1/2 сант. въ діаметрѣ. толщиной 1 сант., ободокъ закругленный. Найденъ тамъ же.

516) Кружокъ 3 сант. въ діаметрѣ, толщиной 1 1/2 сант. по ободку двѣ грани. Найденъ тамъ же.

517) Кружокъ 2 1/2 сант., толщиной 1 1/2 сант., ободокъ на двѣ грани. Найденъ тамъ же.

518) Кружокъ 2 1/2 сант., толщиной 1/2 сант., ободокъ на двѣ грани. Найденъ тамъ же. *)

519—530) Напрясла той же формы и величины, приготовленныя изъ желтой хорошо обожженной глины, съ двумя гранями по ободку, найдены въ Болгарахъ. Пріобрѣтены В. М. Флоринскимъ въ 1885 году.

531) Половинка кружка 5 сант. въ діаметрѣ, 1 сант. толщиной; на лицевой сторонѣ узоръ подобный №№ 491 и 492, но только въ 8 вѣтвей. Найденъ близъ Тюмени.

---

*) №№ 513—518 пріобрѣтены В. М. Флоринскимъ въ 1886 году отъ ямщика киргиза, по словамъ котораго эти экземпляры напрялъ найдены на берегу рѣчки Чингильды, близъ пикета того же имени, недалеко отъ р. Или.

Чарки. (Прим. 13).

Такъ я называю небольшіе сосуды, часто встрѣчающіеся въ курганахъ и городищахъ, грубо вылѣпленные изъ черной глины, съ примѣсью земли и ила, и плохо обожженные. Они имѣютъ удлиненную форму, съ легкимъ перехватомъ около плоскаго и широкаго дна. Не смотря на толстыя стѣнки, эти сосуды, по причинѣ плохаго матеріала и слабаго обжига очень хрупки; потому совершенно цѣлые экземпляры встрѣчаются рѣдко. Всѣ эти предметы найдены на Чувашскомъ мысу и въ курганахъ около Тобольска. Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ никакаго орнамента.

532) Чарка 5 1/2 сант. высоты и 3 сант. ширины (со включеніемъ стѣнокъ). На стѣнкахъ бугры въ родѣ бородавокъ. Цѣлый экземпляръ.

533) Тоже 4 1/2 сант. высоты и 2 1/4 сант. ширины съ гладкими стѣнками. Полость въ 1 суставъ мизинца. Экземпляръ цѣлый.

534) Тоже 5 1/2 сант. вышины и 3 1/2 сант. ширины, съ очень толстыми и аляповатыми стѣнками. Полость вмѣщаетъ первый суставъ указательнаго пальца. Экземпляръ цѣлый.

535) Тоже 5 сант. вышины и 2 1/2 сант. ширины; стѣнки вылѣплены ровные; полость вмѣщаетъ одинъ суставъ указательнаго пальца. Дно кривое, края его немного отбиты.

536) Тоже 6 1/2 сант. вышины и 3 сант. ширины; полость вмѣщаетъ половину большаго пальца. Стѣнки не особенно толстыя, но съ бородавчатыми буграми. Отбита часть дна и верхняго края.

537) Тоже 6 1/2 сант. вышины и 4 сант. ширины, полость глубиною въ 2 сустава указательнаго пальца, стѣнки ровныя, дно устойчивое. Одинъ верхній край отбитъ.

538) Тоже 7 1/2 сант. вышины и 4 сант. ширины, стѣнки неровныя, бугристыя, глубина полости 5 сант., дно кривое, не устойчивое. Часть верхняго края сколота.

539) Тоже 6 сант. вышины и 3 сант. ширины, полость вмѣщаетъ большой палецъ. Часть верхняго края отбита.

540) Тоже 6 сант. вышины (безъ дна) и 3 1/2 сант. ширины, полость глубиною 5 1/2 сант., свободно пропускаетъ указательный палецъ. Дно отбито на уровнѣ перехвата.

541) Тоже высота 6 сант. (безъ дна), ширина 3 сант., глубина полости 5 сант. пропускаетъ указательный палецъ. Дно отбито по перехвату.

542) Тоже высота 6½ сант., ширина 3½ сант., стѣнки очень толстыя и грубо сдѣланныя. Полость вмѣщаетъ суставъ большаго пальца. Недостаетъ части дна и верхняго края.

Нѣсколько обломковъ тѣхъ же сосудовъ остаются незанесенными въ каталогъ.

Горшечки и криночки.

Всѣ перечисленные здѣсь сосуды найдены исключительно въ курганахъ, около Тобольска, по берегамъ р. Иртыша. Часть ихъ принадлежитъ къ коллекціи Г. Знаменскаго, но большая часть пожертвованы Александромъ Ипполитовичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ и собраны имъ въ той же мѣстности при раскопкѣ кургановъ, имъ лично произведенной. Предметы его коллекціи отмѣчены въ скобкахъ иниціалами Дм.-М., а Знаменскаго Зн. № кургана выставляется по записи Дм.-М. отмѣченной его рукой на этикеткахъ предметовъ. По этимъ маркамъ можно видѣть совмѣстное нахожденіе предметовъ.

543) Горшечикъ 2 сант. вышины и ширины, вмѣстимостію не болѣе наперстка, съ круглымъ дномъ. (Зн.)

544) Сосудъ 3 сант. вышины и 5 сант. ширины съ выпуклымъ неустойчивымъ дномъ. Плечики орнаментированы тремя рядами палочекъ. Верхняя часть сосуда (горлышко) отбито. Стѣнки вылѣплены довольно тщательно, вмѣстимость въ не большую рюмку. (Зн.)

545) Сосудъ въ формѣ круглой чашки, съ неустойчивымъ выпуклымъ дномъ, вышина 3 сант., ширина 6 сант., грубо вылѣпленъ изъ нечистой глины сѣраго цвѣта, безъ узора. Одинъ край выломанъ. (Дм.-М. Кург. № 7).

546) Такая же чашка болѣе грубой работы, глина съ землей и иломъ, слабо обожженая только съ поверхностей, стѣнки толстыя. Размѣръ 4 сант. вышины и 6½ сант. ширины. Орнаментовъ нѣтъ. Часть дна и бокъ сколоты (Зн.).

547) Горшокъ изъ сѣрой глины съ толстыми стѣнками и правильными пропорціями. Высота 6 сант., ширина въ плечикахъ 7½ сант., въ горлышкѣ 5½ сант., высота горлышка 2 сант. Дно выпуклое. По горлышку орнаментъ изъ пяти рядовъ чередующихся горизонтальныхъ и косыхъ полосокъ. Въ стѣнкахъ верхней части горлышка двѣ сквозныхъ, симметрично расположенныхъ съ той и другой стороны, дырки, вѣроятно назначенныя для подвѣшиванія сосуда. (Дм. М.).

548. Криночка $5^1/_2$ сант. вышины и $6^1/_2$ сант. ширины, съ выпуклымъ дномъ, верхняя половина узорчатая. (Дм. М.).

549) Тоже 5 сант. вышины и $6^1/_2$ сант. ширины съ выпуклымъ дномъ, верхняя треть узорчатая. (Дм.-М.).

549. Горшокъ $5^1/_2$ сант. вышины и 7 сант. ширины въ тѣлѣ, 5 сант. въ горлышкѣ; дно выпуклое, верхняя треть узорчатая; въ стѣнкахъ по краю горлышка двѣ бо́льшихъ симметрическихъ дырочки для подвѣшиванія. Наполненъ черноземомъ и пережженными костями. Найденъ въ курганѣ № 15. (Дм.-М.).

550) Криночка 4 сант. вышины и 5 сант. ширины, съ выпуклымъ дномъ, безъ узора. Изъ кургана № 8. (Дм.-М.).

551) Криночка 8 сант. вышины и 10 сант. ширины, съ выпуклымъ дномъ, довольно тонкой работы, верхняя половина покрыта разнообразнымъ красивымъ узоромъ. Глина чернаго цвѣта. Найдена въ курганѣ. (Зн.).

552) Такая же криночка 8 сант. вышины и 9 сант. ширины, изъ черной глины, съ выпуклымъ дномъ. Горлышко, $2^1/_2$ сант. вышины, и часть выпуклыхъ краевъ тѣла покрыты красивымъ узоромъ. Найдена въ курганѣ. (Зн.).

553) Тоже 10 сант. вышины, 8 сант. ширины въ горлышкѣ и 12 сант. въ тѣлѣ, высота горлышка 2 сант., дно выпуклое. Узоръ по плечикамъ. Цвѣтъ глины черный, внутренность наполнена черноземомъ. Найдена въ курганѣ № 14. (Дм.-М.).

554) Криночка вышиной 10 сант., ширина въ горлышкѣ 9 сант. въ тѣлѣ $10^1/_2$ сант., дно выпуклое, верхняя половина сосуда узорчатая, цвѣтъ глины черный. Наполнена черноземомъ и жеными костями. Найдена въ курганѣ № 6. (Дм.-М.).

555) Горшокъ 12 сант. вышины, 11 сант. ширины въ горлышкѣ и 15 сант. въ тѣлѣ, дно выпуклое; цвѣтъ глины черный, безъ узоровъ. Найденъ въ курганѣ № 15. (Дм.-М.).

556) Тоже 11 сант. вышины, $11^1/_2$ сант. ширины въ горлышкѣ и 14 сант. въ тѣлѣ, дно выпуклое (неустойчивое). Въ верхней трети узоръ въ три ряда кружковъ. Цвѣтъ глины черный. Найденъ въ курганѣ № 5. (Дм.-М.).

557) Тоже 8 сант. вышины, 7 сант. ширины въ горлышкѣ и 10 сант. въ тѣлѣ, дно выпуклое, цвѣтъ глины сѣрый, узоровъ нѣтъ. Внутренность наполнена пережженными костями. Найденъ въ курганѣ № 9. (Дм.-М.).

558) Кринка 12 сант. вышины, 11 сант. ширины въ горлышкѣ и 15 въ тѣлѣ, дно выпуклое, неустойчивое; цвѣтъ глины черный, въ верхней трети бѣдный узоръ. Найдена въ курганѣ № 15. (Дм.-М.).

559) Горшокъ 14 сант. вышины, 12 сант. ширины въ горлышкѣ и 18 сант. въ тѣлѣ, дно коническое, выпуклое; цвѣтъ глины черный, отъ плечиковъ до горлышка бѣдный узоръ въ два ряда точекъ и рядъ крючковъ. Найденъ въ курганѣ № 14. Былъ наполненъ черноземомъ и пережженными костями. (Дм.-М.)

560) Горшокъ изъ сѣрой глины, 7 сант. вышины, 6 сант. ширины въ горлышкѣ и 9 сант. въ тѣлѣ, высота горлышка 2 сант., дно выпуклое, на верхней половинѣ мелкій узоръ. Часть горлышка отбита. Найденъ на Чувашскомъ мысу, но неизвѣстно въ курганѣ, или на городищѣ. (Зн.).

561) Половинка горшка изъ желтой глины, 12 сант. вышины и около 14 сант. ширины, съ коническимъ дномъ, по плечикамъ простенькій узоръ въ 3 ряда косыхъ черточекъ. (Зн.).

562) Половинка горшка, около 10 сант. вышины, съ выпуклымъ дномъ, по плечикамъ красивый узоръ. Самый край горлышка обломанъ. (Зн.).

563) Верхняя часть одной половинки горшка около 17 сант. въ діаметрѣ, безъ узора. Кромка горлышка слегка выгнута наружу. Найденъ въ курганѣ № 8. (Дм.-М.).

564) Половинка овальной глиняной чашки, около 12 сант. по короткому діаметру и 4 сант. вышины; дно, повидимому, было выпуклое; по бокамъ длиннаго діаметра выдающіяся по горизонтальной плоскости отростки (ушки); по верхнему краю сосуда бѣдный узоръ въ два ряда косыхъ сходящихся черточекъ (найденъ въ курганѣ № 10 Дм.-М.).

565) Черепокъ отъ глинянаго сосуда неопредѣленной формы, 7 сант. длины и 6 сант. ширины, представляющій часть верхняго края сосуда, имѣющую соскообразный отростокъ $2^1/_2$ сант. длины (ушко). Верхняя часть черепка, самый отростокъ и внутренній кантикъ верхняго края (горлышка) покрыты узоромъ. Найденъ на Чувашскомъ мысу. (Зн.).

566) Половинка горшка изъ черной глины, 10 сант. вышины и 15 сант. въ діаметрѣ, съ тонкими стѣнками. По бортику узоръ изъ одного ряда выпуклыхъ шишечекъ. (Зн.).

567) Сломанный горшокъ (двѣ склеенныя половинки, безъ дна) изъ желтой глины, 12 сант. вышины и 15 сант. въ діаметрѣ. По ободку бѣдный узоръ изъ ряда дирочекъ и черточекъ. (Зн.).

568) Криночка изъ черной глины, 9 сант. вышины и 11 сант. ширины съ выпуклымъ дномъ, верхняя половина покрыта красивымъ узоромъ. На днѣ недостаетъ нѣсколькихъ черепковъ (склеенъ). Найденъ на Чувашскомъ мысу. (Зн.).

569) Горшокъ изъ сѣрой глины, $6^1/_2$ сант. вышины и 8 сант.

ширины въ горлышкѣ; дно выпуклое, въ верхней трети бѣдный узоръ. Найденъ тамъ же (склеенъ изъ трехъ кусковъ; части стѣнокъ не достаетъ).

Отдѣленіе 5-е.

570) Человѣческій черепъ, найденный при раскопкѣ городища на Чувашскомъ мысу. Круглоголовый, вѣроятно татарскій. (Зн.).

574) Человѣческій черепъ, вырытый изъ кургана близъ гор. Вѣрнаго (Семирѣченской области). Круглоголовый. (При скелетѣ не было найдено ни одного предмета; трупъ былъ зарытъ въ самомъ курганѣ, неглубоко отъ его поверхности, поэтому можно думать, что это было позднѣйшее погребеніе въ существовавшемъ уже курганѣ. Флор.).

572) Человѣческій черепъ (безъ нижней челюсти), вырытый В. М. Флоринскимъ въ 1886 г. близъ гор. Вѣрнаго въ курганѣ на глубинѣ $3^1/_2$ аршинъ. При немъ найдены черепки съ архаическимъ узоромъ. Черепъ длинноголовый, ассимметрическій: лѣвая темянная и часть затылочной кости сдвинуты всторону; лобная кость и темя плоскія.

573) Человѣческій черепъ, вырытый 14 сентября 1886 г. В. М. Флоринскимъ изъ кургана близъ Томска (около деревни Тахтамышевы юрты) на лѣвомъ берегу р. Томи. При этомъ скелетѣ найдены предметы, помѣщенные въ каталогѣ подъ № 1093 и 1110. Черепъ длинноголовый, узколобый. При немъ отдѣльно три куска верхней челюсти и 6 зубовъ (зубы очень мелкіе).

574) Человѣческій черепъ, найденный въ 1887 году на городищѣ Таянѣ, близъ Томека, на лѣвомъ берегу р. Томи. Всѣ зубы нижней челюсти цѣлы (16), въ верхней челюсти сохранилось 8 зубовъ. Типъ черепа ближе къ длинноголовому, съ сильнымъ развитіемъ скулъ и затылочной области.

575) Черепъ (безъ основной, височныхъ и челюстныхъ костей), найденный въ склонѣ оврага ботаническаго сада Сибирскаго Университета, гдѣ при выемкѣ торфяной земли оказалось нѣсколько гробовъ, выдолбленныхъ изъ толстыхъ колодъ. Въ гробѣ лежало по два скелета, одинъ головой на востокъ, другой на западъ. Кости, за исключеніемъ одного сильно попорченнаго черепа совершенно развалились въ мелкіе куски. Черепъ также полуистлѣвшій, хрупкій, очень длинноголовый и узкій. Никакихъ предметовъ въ гробахъ не найдено. Деревяннная крышка гроба (верхняя часть колоды) хранится въ музеѣ. (Флор.).

576) Одиннадцать человѣческихъ костей, доставленныхъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ изъ кургана № 13, именно: двѣ бедренныхъ, двѣ большеберцевыхъ и одна плечевая кость отъ одного скелета; двѣ бедренныхъ и одна большеберцевая кость отъ другаго скелета, одна пяточная кость, одна височная и одинъ шейный позвонокъ.

577) Тоже семь неполныхъ костей (конечностей) изъ кургана № 7 (связаны проволокой).

578) Тоже три кости (конечностей) изъ кургана № 8.

579) Тоже девять костей (конечностей) изъ кургана № 5.

580) Тоже одна ключица изъ кургана № 6.

581) Тоже нижняя челюсть изъ кургана № 15, безъ восходящихъ вѣтвей; зубовъ сохранилось только два.

582) Тоже 4 кости конечностей (концы обломаны) изъ кургана безъ обозначенія номера. Тоже нѣсколько обломковъ разныхъ человѣческихъ костей.

NB. Разрозненныя и поломанныя кости могутъ быть пригодны развѣ только для химическаго изслѣдованія съ археологическими цѣлями).

Отдѣленіе 6-е.

583) Дѣтскій черепъ, найденный въ курганѣ № 7. Длинноголовый; узколицый; окружность головы $44^1/_2$ сант., окружность по вѣнечному шву $17^1/_2$ сант. (отъ верхняго края височной кости до того же пункта противуположной стороны); отъ переносья до бугра затылочной кости 22 сант.; высота лица отъ подбородка до переносья $8^1/_2$ сант.; въ верхней и нижней челюсти сохранились 16 зубовъ. Лобный шовъ зарощенъ. (Дм.-Мам.).

584) Черепъ вырытый изъ кургана № 6; длинноголовый, съ значительнымъ развитіемъ затылочной области, окружность головы 46 сант., лобный шовъ зарощенъ, въ верхней челюсти сохранилось 8 зубовъ; нижней челюсти, височныхъ костей, затылочной и основной кости недостаетъ. (Дм.-Мам.).

585) Черепъ вырытый изъ кургана № 9. Размѣры: отъ переносья до затылочнаго бугра по окружности темяни 28 сант., по окружности вѣнечнаго шва 20 сант.; окружность головы по уровню надбровныхъ дугъ 50 сант. Типъ длинноголовый; затылочный бугоръ сильно развитъ. Недостаетъ челюстей и височныхъ костей. (Дм.-Мам.).

586) Черепъ вырытый изъ кургана № 3. Длина отъ переносья до затылочнаго бугра 25 сант.; по окружности вѣнечнаго шва 20 сант., окружность головы 47 сант.*) Недостаетъ височныхъ и основной кости. Лобный шовъ зарощенъ. (Дм.-М.).

587) Часть ассимметрическаго черепа, найденнаго въ курганѣ № 8. Отъ него въ музеѣ сохраняется: лобная кость, лѣвая темянная кость, съ небольшимъ кускомъ затылочной, и передняя половина правой темянной кости. Форма черепа сильно длинноголовая и при томъ кривая, сдвинутая на лѣвую сторону. Длина лобной кости, отъ переносья до болѣе выпуклой части вѣнечнаго шва 12 сант., длина темянной кости по стрѣловидному шву 14 сант.; отъ праваго наружнаго края глазной орбиты до вершины затылочной кости 27 сант.; тотъ же размѣръ съ лѣвой стороны на правую 23 сант.; отъ гребешка лобной кости (съ внутренней стороны) до наружнаго ея края правой стороны 7 сант.; тоже разстояніе съ лѣвой стороны 9 сант. Верхній край правой орбиты стоитъ ниже той же части лѣвой стороны на одинъ сантиметръ; вершина дуги вѣнечнаго шва несоотвѣтствуетъ вертикальной линіи отъ переносья, а отклонена влѣво, равно какъ и вся лобная кость сдвинута въ лѣвую сторону. Правая половина этой кости (внутри) болѣе плоская, а лѣвая болѣе выпуклая. Надбровныя дуги развиты умѣренно, надъ ними на лобной кости снаружи явственно замѣтно углубленіе въ видѣ площадки въ 6 сант. ширины (поперегъ лба) и $2^1/_2$ сант. вышины, произшедшее, вѣроятно, отъ искусственнаго давленія; толщина кости въ этомъ мѣстѣ уменьшена, а край соотвѣтствующій переносью сильно утолщенъ. Лобный шовъ зарощенъ; остальныя швы черепныхъ костей не представляютъ никакихъ патологическихъ измѣненій. Поверхность лобной, равно какъ и лѣвой темянной кости очень плоска; толщина ихъ нормальная, или даже, можетъ быть, меньше нормальной. Вмѣстимость полости черепа, по видимому, не была уменьшена, такъ какъ сплющиваніе лба и правой стороны черепа вознаграждалось сильнымъ выпячиваніемъ затылка и вообще всей лѣвой стороны черепа. На основаніи этихъ признаковъ можно признать въ этомъ черепѣ не патологическій сколіозъ, а макрокефалію (искусственное обезображиваніе въ дѣтскомъ возрастѣ). Прим. 14.

*) За неимѣніемъ подъ рукою соотвѣтствующихъ инструментовъ, измѣреніе череповъ сдѣлано поверхностно, посредствомъ рулетки (для окружностей) и палочки съ дѣленіемъ на сантиметры (для плоскостей).

588) Верхняя часть черепа изъ кургана № 12 (затылочная, обѣ темянныя и часть лобной кости). По причинѣ отсутствія лѣвой половины лобной кости трудно въ точности опредѣлить форму черепа. Повидимому онъ былъ нормальный, ближе къ круглоголовому, чѣмъ къ длинноголовому типу. Длина темянныхъ костей 9 сант. ширина 12 сант.

589) Верхняя половина черепа изъ кургана № 14 (лобная и обѣ темянныя кости).

590) Задняя часть черепа изъ кургана № 13 (затылочная, обѣ темянныя, правая височная и часть лѣвой височной кости). Форма черепа, повидимому, была круглая. На переднемъ краѣ лѣвой темянной кости косая рана въ 5 сант длины и 2—3 линіи глубины, съ изрытыми краями.

591) Лобная кость изъ кургана № 13. Отличается плоскою формою.

592) Верхняя часть черепа изъ кургана № 8. Лобъ низкій, лобная и темянныя кости плоски; типъ черепа длинноголовый.

593) Лобная кость изъ кургана № 9. На правой сторонѣ небольшая рана въ $1^1/_2$ сант. длины и около 1—2 линій глубины.

594) Девятнадцать костей черепа и обломковъ, взятыхъ изъ разныхъ кургановъ (височныя кости, сломанныя темянныя, лобныя и затылочныя, относящіяся къ разнымъ экземплярамъ череповъ).

595) Кости нижнихъ конечностей, найденныя В. М. Флоринскимъ въ 1883 году въ обвалѣ кургана съ берега р. Томи, вмѣстѣ съ небольшимъ бронзовымъ кельтомъ (№ 1080), костяными стрѣлками (№ 761—794) и десяткомъ черепковъ разбитаго глинянаго сосуда съ архаическимъ узоромъ (№ 1002—1012). Кромѣ бедренныхъ и голенныхъ костей, ключицы и двухъ плечевыхъ костей, здѣсь же находились и остальныя части скелета, кромѣ черепа; но тазъ, лопатки и позвонки были разбиты въ мелкіе куски.

596) Кости черепа, найденныя В. М. Флоринскимъ въ курганѣ Семирѣченской области (близъ станціи Царицинской)

597) Тамъ же найденные два узорчатыхъ черепка отъ сосуда изъ желтой глины.

598) Цѣлая верхняя челюсть, два куска верхней челюсти отъ другаго экземпляра, нижняя челюсть и половинка той же челюсти изъ Тобольскихъ кургановъ (Дм.-Мам., лежатъ въ картонной коробкѣ).

599) Четыре куска челюстей и мелкихъ костей животныхъ, найденные въ тѣхъ же курганахъ (лежатъ въ особой коробкѣ).

600) Коробка съ мелкими человѣческими костями и берестомъ, изъ Тобольскихъ кургановъ. (Дм.-Мам.).

Витрина 2. *(А. И. Дмитріева-Мамонова).*

Отдѣленіе 1-е.

Предметы, найденные Александромъ Ипполитовичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ курганахъ около Тобольска, на правомъ берегу Иртыша.

Таблица XIV. (№№ 601—632 костяныя вещи).

601) Плоская костяная стрѣлка 4 сант. длины, съ однимъ зубцомъ.
602) Круглая стрѣлка 5 сант. длины.
603) Обломокъ плоской стрѣлки 6 сант.
604) Трехгранная стрѣлка 7 сант.
605) Плоская стрѣлка 8 сант.
606) Тоже 9 сант.
607) Трехгранная стрѣлка 9 сант.
608) Тоже 9 1/2 сант.
609) Трехгранная 7 сант.
610 и 611) Плоскія стрѣлки 7 сант.
612) Трехгранная стрѣлка 6 сант.
613) Обломокъ плоской стрѣлки 5 сант. длины, съ двумя зубцами.
614) Костяная тонкая продолговатая четырехъ-угольная пластинка съ нарѣзанными на одномъ концѣ 9 короткими зубчиками, имѣющими видъ пальцевъ ноги. Длина пластинки 8 1/2 сант., ширина 4 сант.
615) Маленькая пластинка (5 сант. длины и 2 ширины) съ нарѣзкой на одномъ концѣ, въ видѣ ручки.
616—618) Обломки стрѣлъ.
619) Стрѣлка 9 1/2 сант. длины; задняя часть (7 сант.) круглая, а передняя (2 1/2 сант.) граненая на три грани, съ тремя шипами и конически заостреннымъ концомъ (найдена на городищѣ Чувашскаго мыса).
620) Обломокъ большой трехгранной стрѣлки, 8 сант. длины (найденъ тамъ же).
621—625) Костяные ножи изъ узкихъ реберъ, найденные въ курганахъ.
627—628) Обломки стрѣлокъ.
629—632) Расколотыя кости, заготовленныя для стрѣлъ.

Таблица XV.

633) Костяной ножикъ изъ узкаго ребра.
634—636) Плоскія стрѣлки.
637) Круглая плоская костяная ложка 6 сант. длины, 5½ сант. ширины (черенка не достаетъ).
638) Такая же ложка 6 сант. длины и 4 сант. ширины (одинъ бокъ и черенокъ обломаны).
639) Обломокъ большой стрѣлки (или можетъ быть ножа).
640) Стрѣлка 10 сант. длины, граненая на 4 грани.
641) Плоская стрѣлка.
642) Трехгранная стрѣлка 13 сант. длины.
643) Костяной ножъ изъ ребра.
644—646) Обломки стрѣлокъ.
647) Четырехъ-угольная, хорошо выглаженная пластинка, 10 сант. длины и 2½ сант. ширины; одинъ конецъ обломанъ, на другомъ концѣ имѣются двѣ нарѣзки.
648) Обломокъ стрѣлки.
649) Четыре зуба рѣчнаго бобра.
650) Обломокъ стрѣлки.
651) Костяное напрясло изъ распиленной пополамъ головки бедренной кости, съ дырочкою въ центрѣ.
652—653) Плоскія стрѣлки.
654) Костяная толстая выглаженная пластинка, 8 сант. длины и 2½ сант. ширины; одинъ конецъ ея заостренъ и на немъ имѣется дырочка величиною въ куриное перо.
655) Обломокъ стрѣлки*).

Бронзовые предметы, найденные въ курганахъ на берегу Иртыша, близъ Тобольска.

Таблица XVI № 656—662. *(Изъ коллекціи, пріобрѣтенной на средства М. К. Сидорова отъ г. Знаменскаго).*

656) Бронзовое украшеніе изъ двухъ круглыхъ литыхъ бляхъ,

*) Костяныя орудія изъ коллекціи А. И. Дмитріева-Мамонова ни чѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же, собранныхъ г. Знаменскимъ въ городищѣ Чувашскаго мыса. Таже форма стрѣлокъ, плоскихъ, трехгранныхъ, круглыхъ и съ шипами, имѣющихъ плоскій заостренный черенокъ для насаживанія на древко. Тѣ же костяныя ложки и тѣ же напрясла. Значеніе коллекціи Дмитріева-Мамонова состоитъ въ томъ, что его предметы большею частію найдены въ курганахъ, гдѣ точнѣе можно опредѣлить ихъ древность по характеру сопутствующихъ имъ бронзовыхъ предметовъ, безспорно древнѣйшихъ. Такимъ образомъ, курганныя костяныя издѣлія, какъ тождественныя съ найденными въ городищѣ, могутъ разъяснить археологическое значеніе послѣднихъ, болѣе разнообразныхъ по содержанію.

каждая 4 сант. въ діаметрѣ, связанныхъ между собой металлической же перемычкой. Средина бляхи гладкая, выпуклая, а ободокъ, въ 1 сант. ширины, орнаментированъ рядомъ выпуклыхъ точекъ, расположенныхъ въ формѣ кружка. На мѣстѣ соединенія бляхъ, по ту и другую сторону перемычки посажены двѣ львиныя головки. Отливка всего предмета очень тонкая, изящная. Съ задней стороны бляхъ подложенъ и укрѣпленъ слой кожи и береста, между которыми пропущенъ пукъ черной шерсти, (можетъ быть гривы) выдающійся наружу съ верхняго края бляхи. Сзади этого пучка идутъ въ обѣ стороны ремни, около 1 сант. шир., сплошь покрытые бронзовыми, плотно другъ къ другу прилегающими, колечками. Этого ремня найдено въ обрывкахъ болѣе 50 сант. длины. (См. прим. 6).

657) Бронзовая литая фигура неизвѣстнаго назначенія, 6 сант. длины и 4 сант. ширины въ уширенной части. Края украшены выпуклыми точками. Нижній конецъ обломанъ. На переднемъ закругленномъ концѣ предмета круглая сквозная дырочка.

658) Литая фигура такого же точно очертанія, но меньшей величины (4 и 2 сант.) и съ другимъ орнаментомъ. Часть передняго конца обломана въ томъ мѣстѣ, гдѣ была дырочка.

659) Двѣ металлическія бляхи изъ такъ называемой бѣлой бронзы, также связаны между собою перемычкой, какъ въ № 656. Форма бляхъ овальная, спереди выпуклая, въ видѣ щита; орнаментированы выпуклыми точками. По верхнему краю между бляхами идетъ плоская дужка, украшенная точками, а по нижнему краю два полукруглыхъ язычка, на одномъ изъ нихъ три крупныхъ точки, на другомъ пять точекъ. Послѣдній язычекъ соотвѣтствуетъ верхней дужкѣ, и онъ нѣсколько длиннѣе перваго, находящагося подъ срединою нижняго края бляхи. Надо полагать, по требованію симметріи, что и подъ второю бляхою былъ такой же язычекъ, но обломанъ. Весь этотъ предметъ шириною 7 сант., вышиною съ язычками $5^1/_2$ сант. Отливка тщательная. Подъ нимъ также была подложена кожа. Назначеніе его, вѣроятно, было тоже самое, какъ № 656.

660) Литыя, металлическія круглыя трубки изъ сѣробѣловатаго сплава, $^1/_2$ сант. въ діаметрѣ. Въ наличности ихъ имѣется 11 кусковъ (звеньевъ), общимъ протяженіемъ 43 сант. Каждое звено, повидимому, имѣло отъ 5 до 7 сант. длины и отлито такимъ образомъ, что снаружи оно имѣетъ видъ ко-

лецъ, лежащихъ одно подлѣ другаго. Черезъ всѣ эти трубки былъ пропущенъ ремень, часть котораго сохранилась. Можно предполагать, что эти трубки принадлежали къ предъидущему предмету (бляхѣ № 659) и служили также украшеніемъ (наборомъ), какъ при № 656.

661) Бронзовый предметъ неопредѣленнаго назначенія (можетъ быть серьга?) Онъ состоитъ: а) изъ конической полой подвѣски, 3½ сант. длины и пропущенной чрезъ нея бронзовой проволоки, образующей кольцо серьги въ 4 сант. въ діаметрѣ.

662) Бронзовый перстень продолговатой формы. Спинка его, съ закругленными концами, имѣетъ 4 сант. длины и 1½ сант. ширины, съ полустертымъ орнаментомъ. Самое кольцо перстня входитъ только на мизинецъ. (Прим. 15).

Таблица XVII. *(Изъ коллекціи г. Знаменскаго).*

663) Бронзовая литая, внутри полая фигура (медвѣдь съ опущенной до земли головой), 6 сант. длины, 3½ сант. вышины и 1½ сант. толщины; на спинѣ имѣется дырочка, куда пропускался ремень изнутри фигуры, завязанный на внутреннемъ концѣ узелкомъ для того, чтобы конецъ не проходилъ черезъ дырку.*) Отливка фигуры тщательная, снаружи украшена рядомъ выпуклыхъ точекъ. (Примѣч. 16).

664) Такая же точно фигура медвѣдя, но нѣсколько меньшей величины (длина 4½ сант., вышина 3 сант., толщина 1½ сант.). На спинѣ дырка, вдоль по ногамъ точечный орнаментъ.

665) Такой же точно предметъ 4½ сант. длины, 3½ вышины и 2 сант. толщины; на спинѣ дырка, по ногамъ точечный орнаментъ.

666) Бронзовая фигура, напоминающая своею формою черепаху. Длина 4½ сант., вышина 3½ сант., толщина 1½ сант. Сверху она сводообразно закруглена, съ дыркою на хребтѣ величиною въ гусиное перо, внутри полая; нижняя сторона открыта; поперкъ полости у края нижняго отверстія проходятъ съ одной стѣнки на другую два штифтика, которыми предметъ, вѣроятно, укрѣплялся на чемъ нибудь неподвижно.

*) Обрывки ремешка сохранились на двухъ экземплярахъ этихъ фигуръ. Судя по нимъ, можно полагать, что, эти предметы подвѣшивались къ чему нибудь въ видѣ брелоковъ (можетъ быть къ поясу?), но едва ли насаживались на деревянную палку, какъ набалдашникъ, какъ объ этомъ можно было бы думать, глядя на широкое овальное отверстіе, которымъ открывается внизу вся внутренняя полость фигуры.

Выше этихъ штифтиковъ въ боковыхъ стѣнкахъ фигуры имѣется по одной дырочкѣ, вѣроятно, для той же цѣли укрѣпленія.

667) Пятнадцать кусковъ отъ металлическаго набора для пояса; подъ нѣкоторыми кусками были остатки ремня, нынѣ утраченные.

668) Бронзовая ажурная пластинка длиною 7 сант., шириною 5 сант., представлявшая какую-то фигуру. Этотъ предметъ, повидимому, подвергался дѣйствію сильнаго огня, поэтому частію сплавился, получилъ неровную, бугристую поверхность, что, вмѣстѣ съ ржавчиною, не даетъ возможности опредѣлить его значеніе.

669) Плоская кольцеобразная пластинка изъ бѣлаго металлическаго сплава, шириной 6 сант., вышиной 5 сант., ширина ободка немного болѣе $^1/_2$ сант. Верхняя и нижняя половинки ея представляютъ двухъ звѣрей, обращенныхъ другъ къ другу головами и ногами. По одной головѣ можно признать медвѣдя. Въ общемъ фигура образуетъ фибулу (застежку). Прим. 17.

670) Такая же фигура изъ двухъ грызущихся звѣрей, сцѣпившихся мордами и ногами. Форма продолговатоовальная, 6 сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины. Выгнутые хребты животныхъ образуютъ верхній и нижній края, а сходящіеся головы и хвосты—концы фибулы, между которыми, равно и между ногами, остаются широкія отверстія. Отливка изъ бѣлаго металла; назначеніе, вѣроятно, тоже, что и предъидущаго предмета, т. е. для застежки.

671 и 672) Металлическіе концы пояса (пряжки изъ желтой мѣди), каждая въ $3^1/_2$ сант. длины и 2 сант. ширины, съ соотвѣтствующими пряжкѣ отверстіями для пропусканія и укрѣпленія ремня.

Таблица XVIII. (*Изъ коллекціи г. Знаменскаго*).

673) Шейный бронзовый круглый обручъ, въ діаметрѣ 14 сант., толщиной посрединѣ въ гусиное перо, а постепенно утончающіеся концы не толще нитки. (Прим. 18).

674) Такой же обручъ 12 сант. въ діаметрѣ, толщиной въ гусиное перо, съ очень тонкими концами. Наружная поверхность его покрыта выпуклыми, спирально идущими валиками, въ родѣ обвитой веревочки.

675) Такой же обручъ 10 сант. въ діаметрѣ, съ такими же тонкими концами и съ тѣмъ же витымъ орнаментомъ.

676) Тонкое кольцо изъ нѣсколько сплюснутой бронзовой проволоки, 7 сант. въ діаметрѣ, съ тупыми, несмыкающимися концами.

677) Бронзовая серьга въ видѣ большаго кольца изъ тонкой проволоки, въ діаметрѣ 5 сант., съ тонкими несмыкающимися концами. (Прим. 19).

678) Такая же серьга 3 сант. въ діаметрѣ.

679) Кольцо изъ тонкой и узкой бронзовой полоски, съ острыми незамкнутыми концами, діаметръ около 6 сант. (серьга?)

680) Круглое замкнутое кольцо, 5 сант. въ діаметрѣ, толщиною въ куриное перо.

681) Серьга изъ тонкой мѣдной проволоки, съ незамкнутыми концами; діаметръ 6 сант.

682) Такая же серьга изъ болѣе толстой проволоки; діаметръ 4 сант.

683) Тоже, діаметръ $3^1/_2$ сант.

684) Тоже, діаметръ 3 сант. (*).

685. Мѣдная (бронзовая?) пряжка, состоящая: а) изъ толстаго кольца $3^1/_2$ сант.; б) прикрѣпленнаго къ нему подвижнаго язычка, 4 сант. длины, съ выгибомъ на переднемъ остромъ концѣ; в) изъ тонкой металлической пластинки 6 сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины, прикрѣпленной шарниромъ къ кольцу по ту и другую сторону основанія язычка. На пластинкѣ остались слѣды конца ременнаго пояса. Въ общемъ пряжка совершенно подобна нынѣ употребляемымъ.

686) Мѣдная, кованая, дугообразно изогнутая пластинка, 8 сант. длины и немного менѣе 1 сант. ширины. На одномъ ея концѣ двѣ поперечныя полоски, а по ребрамъ два зубчика; другой конецъ обломанъ. Въ цѣломъ видѣ этотъ предметъ могъ имѣть сходство съ браслетомъ.

687) Подобный же дугообразный отломокъ, болѣе толстый, литой; на концѣ съ наружной стороны имѣетъ три зубчика. Длина обломка 5 сант., толщина въ гусиное перо.

688) Два четырехгранныхъ бронзовыхъ шила, $6^1/_2$ сант. длины.

689) Два желѣзныхъ кольца, въ гусиное перо толщиною, съ тол-

(*) Предметы № 673—684 не литые, а кованые, или вытянутые изъ упругаго и мягкаго металлическаго сплава; нѣкоторые изъ нихъ изъ красной мѣди. Они до сихъ поръ достаточно гибки. Предметы имѣющіе меньшій размѣръ (отъ 3 до 7 сант. въ діаметрѣ), съ тонкими, какъ нитка, несомкнутыми концами я принимаю за серьги на томъ основаніи, что мнѣ приходилось видѣть ихъ (на экземплярѣ полученномъ изъ кургана на Таманскомъ полуостровѣ) приставшими вмѣстѣ съ землей къ черепу, какъ разъ около височной кости. Достойно вниманія, что всѣ имѣющіяся у насъ большія круглыя серьги не парныя. Изъ этого можно заключить, что ихъ чаще носили въ одномъ ухѣ.

стымъ слоемъ ржавчины. На одномъ изъ нихъ (4 сант. въ діаметрѣ) одинъ конецъ тонкій, какъ у серьги, другой конецъ обломанъ. Концы другаго кольца, имѣвшаго 3 сант. въ діаметрѣ, обломаны.

690) Предметъ неизвѣстнаго назначенія, представляющій собою овальный кружокъ, въ видѣ серьги, съ шишечками на верхней боковой части ободка; на соотвѣтствующемъ мѣстѣ другой стороны ободокъ представляетъ не замкнутое пространство, около одной линіи шириной. Въ нижней части отъ ободка идетъ, какъ бы точеная, съ поясками, закругленная на концѣ, ручка. Размѣръ 4 сант. длины и 2 сант. ширины, по кружку.

691) Мѣдный клинокъ отъ ножичка, 6 сант. длины и 1/2 сант. ширины.

692) Бронзовое четырехгранное шило, 11 сант. длины. Круглая ручка (черенокъ), 2 1/2 сант. длины, оканчивается плоскою шишечкой. Ручка для удобства захватыванія, вѣроятно, была чѣмъ нибудь обложена, но при всемъ томъ она очень коротка.

693) Бронзовыя палочки, склепанныя изъ двухъ пластинокъ и соединенныя вверху кожаннымъ шарниромъ, въ родѣ циркуля. Длина 7 сант., ширина 1 сант. Третья, такая же, одиночная палочка.

694) Бронзовый, слегка изогнутый ножикъ съ кольцеобразной ручкой. Длина 15 сант. (самый конецъ обломанъ), ширина 1 1/2 сант. Ширина кольца ручки 3 сант. По клинку рисунокъ въ видѣ трехугольниковъ.

695) Такой же бронзовый ножикъ 17 сант. длины и 1 1/2 ширины; кольцо ручки 2 сант. Лезвіе съ зазубринами отъ употребленія инструмента.*)

Таблица XIX.

Бронзовые предметы и бусы, найденные А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ курганѣ № 15.

696) Фигура, изображающая бюстъ женщины, 5 сант. длины и 4 1/2 сант. ширины, на бронзовой пластинкѣ. Отъ височныхъ областей, по сторонамъ лица, рядомъ выпуклыхъ точекъ показано нѣчто въ родѣ ожерелья или цѣпи, идущей отъ головы къ передней части шеи. На головѣ сложный уборъ изъ

*) № 694 и 695 найдены въ Барнаульскомъ округѣ и доставлены въ музей Томскимъ горнымъ исправникомъ Л. Н. Некрасовымъ въ 1882 г. № 692, шило, найдено въ Маріинскомъ округѣ; доставлено И. Я. Словцовымъ.

бляхъ и завитковъ; волосы заплетены въ двѣ косы, опускающіяся до плечь. Пространство, соотвѣтствующее верхней части груди представлено въ видѣ четырехъ тонкихъ ажурныхъ пластинокъ, украшенныхъ по длинѣ рядомъ точекъ. На шеѣ полукруглая полоска, соотвѣтствующая шейному обручу. На задней сторонѣ фигуры два ушка, посредствомъ которыхъ предметъ на что нибудь навѣшивался. Вся фигура литая изъ бронзы, выполнена отчетливо и даже изящно. (См. прим. 5).

697 и 698) Нижняя часть двухъ серегъ (привѣски) въ 4 сант. длины, толщиною въ карандашъ. Онѣ состоятъ изъ круглаго, книзу утолщеннаго куска ремня, спирально обвитаго плоскою бронзовою лентою, переходящею у верхняго конца въ тонкую проволоку, изъ которой состояло кольцо серьги. Этой проволоки остался кусокъ, около $2^1/_2$ сант. длины, остальная ея часть обломана. Судя по дугѣ сохранившагося остатка, можно полагать, что кольцо сорьги имѣло въ діаметрѣ около $2—2^1/_2$ сант., а длина всей серьги, съ подвѣскою около 6 сант.

699) Бронзовая литая фигура, повидимому, изображавшая человѣка въ длинномъ платьѣ. Верхняя часть (голова) обломана. Сохранившаяся часть (отъ шеи до подола) имѣетъ $7^1/_2$ сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины. На шеѣ видны три горизонтальныхъ выпуклыхъ полоски (шейные обручи?); подъ ними, на верхней части груди, кружокъ, и въ самомъ низу, по ту и другую сторону подола два такихъ же кружка, нѣсколько меньшей величины. Пространство между верхнимъ и нижнимъ кружкомъ раздѣлено по срединѣ продольною полоскою и двумя поперечными, на мѣстѣ положенія пояса. Отъ плечь внизъ идутъ два отростка (руки), изъ нихъ у лѣваго конецъ обломанъ. Нижній край пластинки гладко срѣзанъ; слѣда ногъ не видно. Вся фигура литая, работы не особенно чистой, орнаменты отлиты выпукло. На задней сторонѣ пластинки нѣтъ ни ушка, ни дырочки.

700) Нитка изъ нанизанныхъ бусъ, длиною 64 сант. Изъ числа бусъ 2 величиною въ лѣсной орѣхъ, съ пестрыми крапинками по темносинему фону; 10 меньшей величины, темносинихъ, съ глазками (бѣлые кружки съ коричневою или черною точкой въ центрѣ); 3 такихъ же, но съ бѣлою периферическою полоской вмѣсто глазковъ; 4 темнозеленыхъ безъ глазковъ и крапинокъ; 22 бѣлыхъ гладкихъ, 44 красныхъ гладкихъ, 4 золотистыхъ стеклянныхъ, 65 зеленыхъ гладкихъ.*)(Прим.20)

*) Всѣ помѣщенные на этой таблицѣ бусы (№№ 700, 703, 717, 718 и

701) Шейный бронзовый обручъ, 16 сант. въ діаметрѣ, внутри плоскій, снаружи слегка выпуклый; несомкнутые утонченные концы круглые.

702) Бронзовое круглое зеркальце, въ діаметрѣ 9 сант., представляющее тонкую металлическую пластинку съ дырочкою на одномъ краю. Орнаментъ изъ двухъ тонкихъ концентрическихъ полосокъ (ободковъ).

703) Одна бусина величиною въ большую горошину, свѣтлозеленаго, аквамариноваго цвѣта, и двѣ зеленыхъ малаго размѣра.

704) Бронзовая пластинка 6 сант. длины и 2 сант. ширины; боковые ея края слегка закруглены; съ лѣвой стороны, по концамъ, двѣ проушины; съ лицевой стороны красивый орнаментъ. (См. Прим. 6).

705 и 706) Такія же двѣ парныя пластинки $5^1/_2$ сант. длины, съ одинаковымъ орнаментомъ.

707 и 709) Такія же двѣ парныхъ пластинки $6^1/_2$ сант. длины съ одинаковымъ орнаментомъ.

708) Тоже 6 сант. длины и 2 сант. ширины, парная къ № 704.

710 и 711) Тоже $4^1/_2$ сант. длины и 2 сант. ширины, съ разнымъ орнаментомъ.

712) Тоже 5 сант. длины и 2 ширины.

713) Тоже $4^1/_2$ сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины.

714) Тоже 4 сант. длины и 2 сант. ширины.

715) Часть неизвѣстной бронзовой фигурки, $2^1/_2$ сант. длины (нижняя половина обломана), представлявшей, повидимому, какое то животное.

716) Бронзовое плоское кольцо, 3 сант. въ діаметрѣ, съ сохранившимся однимъ штифтикомъ отъ заклепки (вѣроятно отъ какого-либо металлическаго набора).

717) Нанизанныя на нитку 22 бусы темнозеленаго цвѣта; изъ нихъ 9 съ глазка́ми.

718) Нитка золоченыхъ стеклянныхъ бусъ (86 штукъ).

719) Нитка такихъ же золоченыхъ бусъ меньшаго калибра (43 штуки), въ числѣ ихъ двѣ гладкихъ зеленыхъ.

Таблица XX (*).

720) Обломокъ бронзоваго шейнаго обруча, 18 сант. длины.

---

719) были найдены въ одномъ курганѣ разрозненными. Сортировка ихъ и нанизываніе на нитки произведены А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

(*) Всѣ предметы помѣщенные на этой таблицѣ вырыты Александромъ Ипполитовичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ изъ кургановъ № 8, 9, 10 и 14.

721) Шейный бронзовый обручъ, гладкій, 16 сант. въ діаметрѣ.
722) Тонкая металлическая пластинка (изъ электрона?), 5 сант. длины и 4 сант. ширины, съ обломаннымъ концомъ (кусокъ зеркала).
723) Металлическая пластинка 5 сант. длины и 3 сант. ширины, съ 6 сквозными дырочками. Лицевая ея сторона представляетъ красивый орнаментъ въ формѣ дугообразно извивающихся плетеныхъ снурковъ. Углубленные промежутки между этими снурками были вызолочены, а самые снурки чернаго цвѣта. Служила вѣроятно украшеніемъ на головномъ уборѣ, поясѣ, или платьѣ.
724) Бронзовая фигурка (пластинка) $5^1/_2$ сант. вышины и 3 сант. ширины, изображающая стоящаго человѣка. На головѣ его представленъ уборъ въ родѣ того, какъ на фигурѣ № 10, на шеѣ обручъ; руки изогнуты кольцомъ, обувь различить трудно, можетъ быть вслѣдствіе неотчетливой отливки, а также и потому, что предметъ нѣсколько попорченъ ржавчиною. Найденъ въ курганѣ № 14.
725) Обломокъ неизвѣстной бронзовой фигуры 6 сант. длины и 3 сант. ширины.
726) Шестнадцать бусъ, зеленаго и краснаго цвѣта (изъ мастики), нанизанныхъ на металлическую нитку, съ которою и были найдены въ могилѣ.
727) Шесть бусъ, изъ нихъ 2 красныхъ (изъ мастики), а остальныя стеклянныя.
728) Одна бусина, съ большую горошину величиной, изъ сердолика.
729) Два бубенчика, величиною въ лѣсной орѣхъ, съ ушкомъ на одной сторонѣ и прорѣзью на противуположной, по формѣ походятъ на круглыя дутыя запонки деревенскихъ сарафановъ. Въ одномъ бубенчикѣ сохранилась погремушка.
730) Коническая бронзовая шишечка (головка) отъ неизвѣстнаго предмета.
731) Бронзовая литая пряжка, 5 сант. длины и 3 сант. ширины, съ четырехугольнымъ ушкомъ на одной сторонѣ и подвижнымъ язычкомъ на противуположной сторонѣ.
732) Бронзовая трубочка, длиною 14 сант., толщиною въ мизинецъ, внутри полая для продѣванія ремня, снаружи гладкая.
733) Металлическій кружокъ $3^1/_2$ сант. въ діаметрѣ, съ круглою широкою прорѣзью на верхней сторонѣ. Отъ верхней пластинки идетъ ободокъ шириною въ $^1/_2$ сант., по нижнему краю котораго высѣчены мелкіе зубчики.
734) Кусокъ ремня съ узломъ на концѣ, длиной 4 сант.

Таблица XXI.

(Костяныя орудія изъ кургановъ А. И. Дм.-Мамон.)

735) Костяной узкій ножикъ, 14 сант. длины, сдѣланъ изъ ребра.
736) Обломокъ (головка) такого же ножа.
737) Расколотая костяная стрѣлка, 8 сант. длины.
738) Обломокъ тонкой стрѣлки съ однимъ зубцомъ, длина 5 сант.
739) Такая же стрѣлка цѣлая, 10 сант. длины, задній конецъ тупой съ нарѣзкою для привязыванія бичевки.
740) Такая же стрѣлка 11 сант. длины.
741) Тоже 13 сант. длины.
742) Кусокъ кости, надрѣзанный для приготовленія зубчатой стрѣлки, длина 12 сант.
743) Неоконченный обдѣлкою кусокъ кости, предназначенный для приготовленія шила, или ножа съ ручкою. Длина 14 сант.
744) Трехгранная стрѣлка 8 сант. длины, съ плоско заостреннымъ черенкомъ.
745) Обломокъ такой же стрѣлки $3^1/_2$ сант. длины (конецъ).
746) Тоже $4^1/_2$ сант. длины.
747) Тоже 3 сант. длины.

Таблица XXII.

(Изъ кургановъ разрытыхъ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ).

748 и 749) Семь костей животныхъ: три челюсти грызуновъ, двѣ челюсти хищныхъ животныхъ; одинъ позвонокъ и берцовая кость.
750) Костяная трубочка, длиною 5 сант. толщиною въ гусиное перо съ прорѣзаннымъ сбоку отверстіемъ.
751) Шесть медвѣжьихъ зубовъ. На корнѣ одного изъ нихъ просверлена дырочка для привѣски.
752) Восемнадцать собачьихъ (волчьихъ?) зубовъ.
753) Кусокъ костяной пластинки, имѣющій форму носоваго конца лодки, длина 9 сант., ширина въ средней части 6 сант. (другая половина обломана); по каждому краю находится по три сквозныхъ дырочки для прибиванія или пришиванія. Лицевая сторона покрыта *кружковымъ орнаментомъ*. Каждый кружокъ, немного менѣе $^1/_2$ сант. въ діаметрѣ, въ центрѣ имѣетъ углубленную точку. Кружки расположены правильными рядами.
754) Обломокъ костяной пластинки, 6 сант. длины и 3 сант. ши-

рины, бывшей повидимому, 4-угольною. Лицевая сторона ея покрыта такимъ же *кружковымъ орнаментомъ;* но здѣсь кружки двухъ сортовъ: одни побольше, съ двойнымъ контуромъ и углубленною точкою въ центрѣ, другіе поменьше, съ однимъ контуромъ и точкою, какъ въ предъидущемъ номерѣ. Эта пластинка найдена мною въ Болгарахъ и помѣщена на одной таблицѣ съ тобольскими древностями для сравненія. (Прим. 21).

755) Обломокъ костяной пластинки, гладко выполированной, безъ орнамента.

756) Четыре экземпляра выглаженныхъ суставныхъ косточекъ (astragali), найдены въ курганѣ № 5.

757) Кусокъ обдѣланной кости, 14 сант. длины, 4½ сант. ширины и толщины, представлявшій, повидимому, ручку отъ какого нибудь инструмента. Найденъ въ курганѣ № 6.

758) Гладко обдѣланный продолговато четырехугольный кусокъ песчаника, съ сквозною дырочкою на одномъ концѣ, служившій, вѣроятно, точиломъ, такъ какъ одна поверхность его вытерта въ видѣ ложбинки.

759) Каменный четырехугольный брусокъ, 10½ сант. длины, 1½ сант. ширины и толщины, съ сквозною дырочкою на одномъ концѣ. Тотъ и другой найдены въ курганѣ № 15.

760) Сколотая половинка костяной шишечки (головки) какого то предмета.

Таблица XXIII.

*Глиняные и костяные предметы, найденные мною въ 1882 г. въ обвалившемся курганѣ на берегу рѣки Томи, между Басандайкой и селомъ Спасскимъ.**)

761) Костяная шляпка съ выпуклою верхушкою, овальной формы, 2½ сант. ширины и 3 сант. длины.

762) Глиняный шарикъ, величиною въ лѣсной орѣхъ, съ дырочкою посрединѣ.

763) Такой же шарикъ нѣсколько большей величины, изъ черной глины.

764) Такой же предметъ съ дырочкою; но двѣ поверхности его

*) Такъ какъ большая часть этихъ предметовъ были найдены въ осыпи, подъ горой, то нельзя утверждать, что всѣ они находились въ самомъ курганѣ. Очень вѣроятно, что многіе изъ нихъ лежали въ почвѣ около кургана, обвалившейся вмѣстѣ съ нимъ.

плоско срѣзаны. Ширина этихъ плоскостей, въ центрѣ которыхъ проходятъ дырочки, 1½ сант.

765) Костяной плоскій кружокъ, 3 сант. въ діаметрѣ, 1½ сант. толщины, съ отверстіемъ въ срединѣ (расколотъ на двѣ половинки).

766) Такой же маленькій кружокъ, съ дырочкою въ центрѣ, не болѣе 1 сант. въ діаметрѣ.

767) Костяной цилиндръ, 2 сант. въ діаметрѣ и столько же вышины, съ сквозною дырочкою въ центрѣ.

768) Такой же глиняный цилиндръ, 1½ сант. высоты и въ діаметрѣ.

769) Половинка сферическаго шарика, 2 сант. толщины, имѣвшаго посрединѣ дырочку; одна половина ея украшена незатѣйливымъ орнаментомъ (можетъ быть напрясло, или привѣска для ожерелья).

770) Черенокъ грубо обколотый въ круглую форму, діаметръ 2 сант., безъ отверстія.

771) Сломанный конецъ трехгранной костяной стрѣлы, 3 сант. длины.

772) Плоская костяная стрѣлка, 4½ сант. длины.

773) Обломокъ стрѣлки 5 сант. длины.

774) Плоская стрѣлка 7 сант. длины.

775) Костяное шило 9 сант. длины.

776) Тоже 11 сант. длины.

777) Тоже 7½ сант. длины.

778) Бабка съ просверленною дырочкою на нижнемъ концѣ, спереди.

779) Конически заостренный костяной наконечникъ стрѣлы, съ фтулкою, длина 3½ сант.

780) Кусокъ кости, толщиною въ палецъ, длиной 2½ сант., на концѣ срѣзанный на три грани.

781) Такой же кусокъ трехгранный, конецъ срѣзанъ на 4 грани.

782) Плоская костяная стрѣлка, 14 сант. длины, съ плоско заостреннымъ черенкомъ.

783) Тоже 10 сант. длины.

784) Стрѣлка такого же размѣра.

785) Тоже 8½ сант.

786) Обломокъ трехгранной стрѣлы, 8½ сант. длины.

787) Стрѣлка 7 сант. длины.

788) Обломокъ (передній конецъ) костяной стрѣлы 8 сант. длины.

789) Узкая стрѣлка, 7 сант. длины.

790) Плоская стрѣлка, 7 сант. длины.

791) Круглая стрѣлка съ плоскимъ черенкомъ 7½ сант. длины.

792) Трехгранная стрѣлка 8 сант. длины.
793) Тоже 10 сант. длины.
794) Плоская стрѣлка 13½ сант. длины (*).

Таблица XXIV.

Глиняныя лошадки и другія фигуры, найденныя А. Иппол. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, частію въ курганахъ, частію въ городищѣ Чувашскаго мыса.

795) Глиняный идолъ, 4 сант. длины, толщины въ мизинецъ. На закругленномъ головномъ концѣ обозначены тремя дырочками глаза и ротъ; рукъ нѣтъ; нижній конецъ оканчивается двумя коническими отросками (ноги), изъ коихъ одинъ отломанъ.
796) Обломокъ глинянаго неизвѣстнаго предмета, имѣющій форму палочки.
797) Глиняная слегка выпуклая пластинка 4 сант. длины, около 1½ сант. ширины, на одномъ концѣ заостренная, на другомъ слегка сплющенная. На одномъ ребрѣ ея двѣ дырочки.
798) Туловище лошадки, безъ шеи и хвоста.
799) Тоже.
800) Обломокъ неизвѣстнаго предмета изъ глины, 2½ сант. длины.
801 и 802) Два глиняныхъ конуса, 2½ сант. длины.
803—807) Обломки глиняныхъ лошадокъ.
808) Голова и шея овцы или теленка, туловище обломано.
809—825) Глиняныя лошадки, большею частію поврежденныя, безъ головы или задняго конца. Всѣ они походятъ на дѣтскія деревенскія игрушки, вылеплены изъ дурной сѣрой или черной глины, плохо обожжены. Типъ лошади выраженъ высокою крутою шеею; голова большею частію обломана; туловище изображаетъ цилиндръ, толщиною въ указательный палецъ; на нижней сторонѣ его оставлены 4 дырки, сдѣланныя спичкой, соотвѣтственно мѣсту положенія ногъ. Самыя ноги, вѣроятно, состояли изъ деревянныхъ прутиковъ. Въ тѣхъ экземплярахъ, гдѣ сохранился хвостъ, онъ всегда короткій, куцый, какъ бы подвязанный. Никакихъ орнаментовъ не имѣется на этихъ предметахъ, вообще приготовленныхъ очень грубо. Значеніе этихъ лошадокъ вѣроятно было религіозное (для приношенія въ жертву, взамѣнъ настоящаго животнаго), вслѣдствіе чего они встрѣчаются въ городищахъ въ такомъ большомъ количествѣ.

(*) Всѣ эти костяные предметы имѣютъ совершенное сходство съ найденными на Чувашскомъ мысу, близъ Тобольска.

Таблица XXV.

Мелкія подѣлки изъ глины, собранныя на Чувашскомъ мысу Г. Знаменскимъ и А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

826 и 827) Два усѣченныхъ конуса въ 1½ сант. вышиной.
828) Глиняный цилиндрикъ, съ перехватомъ по срединѣ, въ родѣ тюричка (катушки) на который наматываютъ нитки.
829) Предметъ имѣющій форму просвирки.
830) Такой же предметъ съ обломанными краями.
831—833) Усѣченные конусы такой же величины, какъ № 826 и 827.
834) Острый конусъ, въ родѣ сахарной головки, 2 сант. вышины,
835) Предметъ въ родѣ войлочной шляпы съ высокой тульей. 1½ сант. вышины.
836) Тоже съ болѣе широкими полями и острымъ верхомъ.
837) Шляпка, подобная № 835.
838) Нѣчто въ родѣ крышечки, на верхушкѣ которой была попытка вылѣпить голову какого то животнаго (барана?).
839) Миніатюрная круглая чашечка (1½ сант. въ діаметрѣ).
840—841) Обломки неизвѣстнаго предмета.
842—843) Два круглыхъ, съ одного конца утонченныхъ куска, длиною 6 сант., представлявшіе, вѣроятно, руки глинянаго человѣка.
844—845) Два конуса въ видѣ сахарной головы, длиною 4 сант.
846) Половинка глинянаго напрясла, 4 сант. въ діаметрѣ.
847) Неизвѣстный предметъ, имѣющій форму цилиндра, 6 сант. длины; одинъ конецъ его сплюснутъ и имѣетъ отростокъ въ видѣ зубца.
848—851) Обломки неопредѣленныхъ предметовъ.
852) Глиняный круглый шарикъ, 2 сант. въ діаметрѣ.
853) Маленькій горшечекъ, 2½ сант. вышины, съ круглымъ выпуклымъ дномъ, по горлышку орнаментированъ полосками въ три ряда. Найденъ въ курганѣ № 14.

Орнаментированные черепки глиняной посуды. (Прим. 22).

а) съ Чувашскаго городища (Дм.-Мам.).

854) Часть горлышка, 7½ сант. ширины, орнаментъ горизонтальный въ 6 рядовъ.
855) Тоже 12 сант. ширины, орнаментъ въ 6 горизонтальныхъ рядовъ.

856) Тоже 8 сант., орнаментъ въ 4 ряда.
857) Тоже 8 сант., орнаментъ въ 5 рядовъ.
858) Тоже 5 сант.
859) Тоже 5 1/2 сант., орнаментъ въ 4 ряда.
860) Тоже 5 сант., орнаментъ въ 3 ряда.
861) Тоже 4 1/2 сант., орнаментъ въ 5 рядовъ.
862) Тоже 4 1/2 сант., орнаментъ въ 4 ряда.
863) Тоже 4 сант., орнаментъ въ 3 ряда.
864) Тоже 4 сант., орнаментъ въ 3 ряда.
865) Тоже 5 сант., орнаментъ въ 3 ряда.
866) Тоже 4 1/2 сант., орнаментъ въ 3 ряда.
867) Тоже 3 сант., орнаментъ въ 2 ряда.
868) Тоже 4 сант., орнаментъ въ 3 ряда.

б) Черепки изъ кургановъ (Дм.-Мам.).

869) Черепокъ шириной 8 сант., курганъ № 8, безъ орнамента, съ дырочкою у края.
870) Черепокъ шириной 6 сант., орнаментъ въ 5 рядовъ.
871) Черепокъ шириной 10 сант., грубый орнаментъ въ 3 ряда, изъ кургана № 8.
872) Черепокъ шириной 6 сант., орнаментъ бѣдный въ 3 ряда, изъ кургана № 8.
873) Черепокъ шириной 3 1/2 сант., изъ кургана № 8, орнаментъ бѣдный въ 3 ряда (ямки, зубчики и косыя палочки).
874) Черепокъ шириной 7 сант., изъ кургана № 9, орнаментъ въ 3 ряда (средній рядъ въ косую клѣтку).
875) Черепокъ шириной 4 1/2 сант., изъ кургана № 9, орнаментъ въ 4 ряда (2 горизонтальныхъ и 2 вертикальныхъ).
876) Черепокъ шириной 5 сант., изъ кургана № 9, орнаментъ въ 5 рядовъ.
877) Черепокъ шириной 7 1/2 сант., изъ кургана № 4, изъ сѣрой глины, орнаментъ въ 2 ряда, очень бѣдный.
878) Черепокъ 5 сант., изъ кургана № 6, орнаментъ въ 2 ряда, грубый.
879) Черепокъ ширина 4 сант., изъ кургана № 6, орнаментъ въ 2 ряда косыми змѣйками.
880) Черепокъ ширина 4 сант., изъ кургана № 6, орнаментъ грубый въ 3 ряда (вертикальные гвоздики и дырочки).
881) Часть стѣнки маленькаго горшечка, отъ горлышка почти до дна, 6 сант. вышины, орнаментъ въ 5 рядовъ, довольно изящный.

в) Съ городища Сузгунъ, близъ Тобольска (Дм.-Мам.).

882) Верхній край горшка, вышиной 9 сант., орнаментъ въ 6 рядовъ.
883) Тоже 8 сант., орнаментъ въ 6 рядовъ.
884) Тоже 7 1/2 сант., орнаментъ въ 5 рядовъ.
885) Тоже 3 1/2 сант., орнаментъ въ 2 ряда (ямки и вертикальные рубчики).
886) Тоже 6 сант., орнаментъ въ 5 рядовъ.
887) Часть горшка съ плоскимъ дномъ, высота 12 сант., всѣ стѣнки испещрены узоромъ: 9 рядовъ косыхъ рубчиковъ и 4 ряда ямочекъ; многія ямочки, даже у самаго дна, сквозныя.
888) Верхній край горшечка, 6 сант. вышины и 9 сант. ширины; по шейкѣ бѣдный узоръ въ 2 ряда косыми клинышками.
889) Выпуклое дно горшка, безъ орнамента.
890) Одна сторона маленькаго горшечка, 5 1/2 сант. вышины; по верхнему краю бѣдный узоръ, черточками.
891—894) Четыре куска отъ боковыхъ, выпуклыхъ стѣнокъ горшка, безъ орнамента.
895) Кусокъ верхняго края горшка, съ узоромъ изъ трехъ валиковъ, испещренныхъ косыми черточками.
896) Верхній край большаго горшка съ узоромъ по вертикальному горлышку (въ 5 сант. вышины) и по выпуклой боковой стѣнкѣ.
897) Другой большой кусокъ отъ того же сосуда.
898) Кусокъ 7 1/2 сант. вышины и 8 сант. ширины, весь покрытъ сплошнымъ узоромъ.
899) Верхній край горшка, 9 сант. вышины, узоръ въ 4 ряда.
901) Тоже 7 сант. вышины, узоръ въ 5 рядовъ.
901) Тоже 7 сант., съ грубымъ узоромъ ямками и косыми палочками.
902) Кусокъ 8 сант. съ разнообразнымъ красивымъ узоромъ.
903) Кусокъ 7 сант. съ грубымъ узоромъ въ елку и съ круглыми ямочками.
904) Черепокъ отъ верхняго края, 5 сант. вышины, узоръ косыми рубчиками, палочками и ямками.

Съ Чувашскаго городища (Дм.-Мам.)

905) Кусокъ отъ верхняго края горшка, 5 сант. вышины, узоръ круглыми ямками, кантиками и косыми палочками.
906) Тоже, узоръ круглыми ямками и лѣсенкой.

907) Тоже, узоръ выпуклыми шишечками и углубленными треугольниками.
908) Тоже, узоръ въ 5 рядовъ: вертикальными змѣйками, ямочками и выпуклыми кантиками.
909) Тоже, узоръ круглыми ямочками, косыми рубчиками и шашечками.
910) Тоже, узоръ сходенъ съ предъидущимъ.
911) Тоже, узоръ косыми рубчиками, ямочками, горизонтальными полосками и полулуніями.
912) Тоже, узоръ полосками, ямочками и вертикальными палочками.
913) Тоже, узоръ ямочками, вертикальными рубчиками и слабо оттиснутыми трехугольными шашками.
914) Тоже, узоръ вертикальными рубчиками, ямочками и горизонтальными полосками.
915) Тоже, узоръ косыми палочками (изъ точекъ), круглыми ямочками, горизонтальными полосками и шашечками.

Черепки изъ кургановъ (Дм.-Мам.)

916) Верхній край большаго горшка, длина черепка 22 сант., вышина 7 сант., узоръ бѣдный, выпуклыми шишечками и вертикальными гвоздиками. Изъ кургана № 5.
917) Верхній край большаго горшка, длина черепка 24 сант. вышина 9 сант. узоръ бѣдный, въ два ряда косыхъ черточекъ и одинъ рядъ круглыхъ ямочекъ. Изъ кургана № 5.
918) Тоже съ очень бѣднымъ и грубымъ орнаментомъ (ямочки и косыя черточки). Изъ кургана № 8.
919) Тоже, очень нарядный узоръ изъ многихъ рядовъ зубчиковъ, круглыхъ ямочекъ и выпуклыхъ поясковъ, испещренныхъ въ елку. Изъ кургана № 9.
920) Часть дна и боковой стѣнки горшка, черепокъ 9 сант.-вышины, весь покрытъ узоромъ. (3 ряда круглыхъ ямочекъ, между ихъ рядами косыя черточки въ ёлку. Изъ кургана № 8.
921) Черепокъ отъ верхняго края горшка, узоръ косыми рубчатыми палочками, круглыми ямочками и тремя выпуклыми поясками, испещренными рубчиками. Изъ кургана № 8.
922) Тоже съ очень красивымъ и сложнымъ узоромъ (зубчики, круглыя ямочки, косыя палочки и лѣсенки). Изъ кургана № 8.
923) Тоже съ грубо оттиснутымъ узоромъ (круглыя ямочки и лапки). Изъ кургана № 8.
924) Тоже съ грубымъ узоромъ (ямочки и трехугольные зубчики). Изъ кургана № 6.

925) Черепокъ изъ желтой глины, съ сплошнымъ, но довольно грубымъ узоромъ. Изъ кургана № 6.
926) Тоже, узоръ вертикальными змѣйками, круглыми ямочками и горизонтальными полосками. Изъ кургана № 6.
927) Тоже изъ кургана № 5, узоръ круглыми ямочками и горизонтальными полосками въ родѣ веревочекъ.
928) Тоже изъ кургана № 9; грубый узоръ изъ выпуклаго пояска, круглыхъ ямочекъ и косыхъ палочекъ.
929) Тоже изъ кургана № 8; орнаментъ изъ трехъ рядовъ выпуклыхъ поясковъ, покрытыхъ рубчиками, одного ряда круглыхъ ямочекъ и широкаго ряда косыхъ рубчатыхъ палочекъ.
930) Изъ того же кургана № 8, грубый орнаментъ изъ выпуклыхъ шишечекъ и вдавленныхъ косячковъ.
931) Такой же узоръ изъ кургана № 6.
932) Изъ того же кургана (№ 6). Узоръ ямочками и наугольниками.
933) Изъ кургана № 9, бѣдный узоръ выпуклыми шишечками и косыми палочками.
934) Изъ кургана № 10, узоръ косыми крестиками и палочками.
935) Изъ кургана № 9. Узоръ по верхнему краю круглыми ямочками и косыми точечными палочками, потомъ маленькими зубчиками, а начаная съ плечиковъ, рядомъ длинныхъ косыхъ бороздокъ, чередующихся въ разныхъ направленіяхъ.
936) Изъ кургана № 8. Узоръ точечными косыми палочками, круглыми ямочками и горизонтальными поясками.
937) Изъ того же кургана. Узоръ змѣйками въ 4 ряда и круглыми ямочками.
938) Изъ того же кургана. Узоръ горизонтальными змѣйками, круглыми ямочками, косыми палочками и углубленными бороздками.
939) Тоже грубый узоръ по верху сквозными дырочками и двумя рядами вдавленныхъ вглубь продолговатыхъ ямочекъ.
940) Тоже, узоръ круглыми ямочками и продолговатыми полосками.
941) Тоже, грубый узоръ вертикальными и косыми дорожками и шишечками.
942) Тоже, узоръ рубчатыми косыми полосками, тремя рядами поясковъ и рядомъ наугольниковъ.
943) Тоже, узоръ сквозными дырочками и горизонтальными полосками.
944) Тоже черепокъ изъ желтой глины съ грубыми косыми бороздками.
945) Черепокъ безъ орнамента, съ дырочкою посрединѣ.

946) Изъ кургана № 7, грубый узоръ изъ ряда круглыхъ ямочекъ и 4 рядовъ поясковъ.
947) Изъ кургана № 6, грубый узоръ шашечками и косыми полосками.
948) Тоже съ болѣе тщательнымъ выполненіемъ рисунка.
949) Изъ того же кургана, узоръ шишечками и косыми черточками въ ёлку.
950) Тоже, узоръ изъ ряда полосокъ, чередующихся въ разныхъ направленіяхъ шашечекъ, зубчиковъ и гвоздиковъ.
951) Тоже, узоръ изъ ряда горизонтальныхъ и косыхъ полосокъ и шишечекъ.
952) Тоже, грубый узоръ изъ шишечекъ и зубчиковъ.
953) Тоже изъ ямочекъ и полосокъ.
954) Тоже изъ шишечекъ и зубчиковъ.
955) Тоже изъ ямочекъ и косыхъ полосокъ.
956) Тоже, узоръ изъ шишечекъ и змѣекъ.
957) Изъ кургана № 5, грубый узоръ змѣйками и ямочками.
958) Тоже, грубый узоръ круглыми ямочками и дужками.
959) Тоже, узоръ круглыми ямочками и полосками въ ёлку.
960) Черепокъ безъ обозначенія номера кургана. Оригинальный узоръ косыми крестиками, круглыми ямочками и точечными полосками.
961) Тоже, узоръ круглыми ямочками и квадратными фигурами изъ точекъ.
962) Тоже, узоръ изъ круглыхъ ямочекъ, змѣекъ и горизонтальныхъ поясковъ.
963 и 964) Тоже, узоръ изъ ямочекъ, поясковъ и косыхъ рубчатыхъ полосокъ.
965 и 966) Тоже, узоръ изъ ямочекъ, поясковъ и косыхъ рубчатыхъ полосокъ.
967) Тоже, узоръ изъ круглыхъ ямочекъ, поясковъ и косыхъ широкихъ ленточекъ.
968) Тоже, сложный и красивый узоръ изъ сочетанія косыхъ полосокъ, круглыхъ ямочекъ, поясковъ и шашечекъ.
969) Черепокъ, 12 сант. длины, отъ верхняго края горшка, изъ кургана № 3, съ начертаніями въ родѣ письменъ.
970) Два черепка отъ нижней части сосуда, безъ орнамента.
971) Черепокъ съ Чувашскаго городища, узоръ круглыми ямочками, поясками изъ ряда зубчиковъ и продольными рубчатыми полосками.
972) Тоже, узоръ ямочками и рубчатыми палочками.
973) Тоже, красивый узоръ изъ ямочекъ, шишечекъ и поясковъ.

974) Тоже, узоръ состоитъ изъ двухъ рядовъ горизонтальныхъ ленточекъ, составленныхъ изъ косыхъ ручбатыхъ полосокъ, между полосками четырехугольныя фигуры изъ тѣхъ же рубчиковъ.
975) Тоже, узоръ изъ круглыхъ ямочекъ и поясковъ.
976) Тоже, узоръ изъ параллельныхъ рядовъ круглыхъ дырочекъ, а между рядами косые зубчики.
977) Тоже, грубый узоръ изъ широкихъ черточекъ.
978) Тоже, красивый узоръ изъ 7 рядовъ рубчатыхъ полосокъ и трехугольниковъ.
979) Четыре куска съ узоромъ ранѣе повторявшимся нѣсколько разъ.
980) Край криночки, 7 сант. вышины, узоръ трехугольными зубчиками и косыми рубчатыми полосками.
981) Четыре черепка безъ узора (изъ кургана № 8).
982) Тоже три черепка съ повторявшямся прежде узоромъ.
983) Четыре черепка изъ кургана № 2, 9 и 15.
984—999) Шестнадцать черепковъ съ городища Сузгунъ, близь Тобольска, съ разными орнаментами. (Дм.-Мам.).
1000) Часть маленькаго плоскаго горшечка съ выпуклымъ дномъ; по краю горлышка сквозныя круглыя дырочки, по стѣнкамъ грубый орнаментъ трехугольными ямками. Найденъ на Чувашскомъ мысу.
1001) Верхній ободокъ отъ большаго горшка (корчаги) въ діаметрѣ 28 сант., по краю горлышка бѣдный узоръ круглыми ямками и грубыми косыми черточками. Найденъ въ городищѣ Чувашскаго мыса.

Отдѣленіе 4-е.

Таблица XXVI.

1002—1012) Одинадцать черепковъ изъ обвалившагося кургана на берегу рѣки Томи, близь г. Томска, собранные В. М. Флоринскимъ въ 1883 году (см. № 595). Изъ нихъ одинъ (верхній край горшка) безъ рисунка, но съ сквозною дырочкою, прочіе съ бѣдными орнаментами (косыми черточками и продолговатыми ямками).

Таблица XXVII.

1013—1035) Двадцать три черепка съ городища Шеломокъ, на берегу рѣки Томи, въ 15 верстахъ отъ Томска по Спасскому тракту; изъ нихъ 15 имѣютъ разный узоръ (черточками въ

ёлку, рубчатыми палочками, круглыми ямочками, трехугольными ямками и т. д.). Въ общемъ характерѣ узора есть сходство съ Тобольскими черепками.

1036—1056) Узорчатые черепки, доставленные А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ изъ г. Сургута. Большая часть изъ нихъ имѣютъ очень красивый и сложный рисунокъ, по общему тону сходный съ болѣе нарядными Тобольскими горшками. Такъ напр. № 1041 (верхній край сосуда, 19 сант. ширины и 9½ сант. вышины) украшенъ слѣдующимъ образомъ: по самому верхнему краю рубчики, затѣмъ слѣдуютъ: полоса змѣекъ въ 1 сант. шириной, далѣе ободокъ изъ круглыхъ дырочекъ, четыре пояска изъ рубчатыхъ полосокъ, за ними поясокъ въ 1 сант. ширины изъ вертикальныхъ рубчатыхъ палочекъ, далѣе опять повторяются четыре горизонтальныхъ пояска изъ рубчатыхъ полосокъ, за которыми снова идетъ полоса змѣекъ, а отъ нея внизъ идутъ язычки изъ тѣхъ же змѣекъ въ три вертикальныхъ ряда. № 1039 украшенъ: по верхнему краю горлышка полосками въ ёлку, затѣмъ два рубчатыхъ горизонтальныхъ пояска, горизонтальный же рядъ круглыхъ дырочекъ, за которымъ слѣдуетъ лента въ 1 сант. шириной изъ полукруглыхъ ковычекъ; изъ тѣхъ же ковычекъ по стѣнкѣ сосуда изображены трехугольники, отъ вершины которыхъ опускается внизъ длинная ленточка изъ тѣхъ же ковычекъ въ одинъ рядъ. № 1046 представляетъ рѣдко встрѣчающійся экземпляръ орнамента изъ ломанныхъ линій.*)

1057) Бронзовый кельтъ 9 сант. длины и 4 сант. ширины, съ передней и задней поверхности имѣетъ по двѣ поперечныхъ прорѣзи, по сторонамъ которыхъ орнаментъ изъ трехъ продольныхъ полосокъ, а выше прорѣзей по двѣ круглыхъ ямки. Найденъ въ курганѣ на лѣвой сторонѣ Иртыша. (Зн.). Прим. 23.

---

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ близъ Сургута находится древнее городище и нѣсколько курганныхъ могилъ, изъ коихъ по его порученію были извлечены доставленные намъ черепки. Судя поэтимъ интереснымъ образчикамъ можно думать, что при болѣе тщательныхъ изслѣдованіяхъ въ этой отдаленной мѣстности можно разсчитывать на полученіе любопытныхъ археологическихъ фактовъ. Проѣзжая нѣсколько разъ по Оби мимо Сургута, я лично слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ въ 1881 году отъ Сургутскаго исправника, о древнихъ могилахъ, въ которыхъ, по словамъ остяковъ, похоронены были великаны. Присутствіе въ этихъ широтахъ древнихъ курганныхъ могилъ, въ рѣдкихъ отдѣльныхъ пунктахъ по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, можно разсматривать какъ слѣдъ совершавшихся по этимъ рѣкамъ передвиженій древняго курганнаго народа. Такіе же курганы и городища встрѣчаются въ сѣверныхъ предѣлахъ, кромѣ Оби, по рѣкамъ Кети, Чулыму, по верховьямъ Тары, по Тагилу и Чусовой, чѣмъ обозначается сѣверный водяной путь изъ Азіи въ Европу.

1058) Бронзовый кельтъ 9 сант. длины и 5 сант. ширины, съ тремя поперечными прорѣзями на передней и задней плоскостяхъ и съ орнаментомъ въ формѣ продольныхъ полосокъ. Во втулкѣ сохранился кусокъ деревянной рукоятки (гнилушка). Найденъ въ курганѣ № 15. (Дм.-Мам.).

1059) Бронзовый спиральный браслетъ .изъ плоской пластинки, шириной въ 1/2 сант., 5 1/2 сант. въ діаметрѣ, въ три оборота (кольца) спирали (цѣлый). Найденъ въ курганѣ на лѣвомъ берегу Иртыша, близъ Тобольска. (Зн.). Прим. 24.

1060) Тринадцать кусковъ отъ такихъ же спиральныхъ браслетовъ, въ общей сложности составляющихъ семь полныхъ колецъ и одну половинку. (Найдены тамъ же).

1061) Семь крупныхъ бусъ (на ниткѣ), приготовленныхъ изъ мастики; изъ нихъ 4 гладкихъ и 3 узорчатыхъ, съ тремя бѣлыми глазками по темнозеленому полю, 1 съ тремя бѣлыми круговыми полосками по синему полю и 1 съ такими же зикзагообразными полосками. (Найдены тамъ же).

1062) Связка изъ 19 стеклянныхъ бусъ средней величины, зеленаго, синяго и золотистаго цвѣта. На той же связкѣ одинъ граненый кусокъ сердолика въ 1 сант. длины, съ дырочкою по оси для нанизыванія на ожерелье, и одна бронзовая привѣска (пуговка?) съ ушкомъ, величиной въ большую горошину. Найдены тамъ же.

1063) Маленькій перстень, сдѣланный, повидимому, изъ стекла, или изъ мастики для приготовленія бусъ, снаружи былъ покрытъ по зеленому полю желтою краскою въ родѣ сусальнаго золота. Діаметръ просвѣта кольца всего 1 1/2 сант. почему можно думать, что этотъ предметъ либо служилъ подвѣскою къ ожерелью или серьгамъ, либо назначался, какъ перстень, для ребенка. Найденъ тамъ же.

1064) Привѣска въ формѣ птички, сдѣлана изъ стекла, или черной твердой мастики, съ сквозною дырочкою въ передней части. Длина 2 сант., вышина съ головкой 1 1/2 сант. (Такой же предметъ изображенъ въ атласѣ *Бера* на таблицѣ XX, 5. Die Gräber der Liven; и въ атласѣ *Крузе* (Necrolivonica) на таблицѣ XXXIX, к.) Найдена тамъ же.

1065) Неизвѣстный предметъ, сдѣланный изъ выгнутой тонкой костяной пластинки, по формѣ напоминающей переднюю часть (козырекъ) отъ шлема, на узкомъ концѣ имѣетъ дырочку величиной въ куриное перо. Найденъ тамъ же.

1066) Палочка изъ камня (яшмы?), 9 сант. длины и 2 1/2 сант. ширины, отлично отшлифованная, боковыя края на двѣ грани;

на одномъ концѣ дырочка въ гусиное перо величиной, другой конецъ обломанъ.

1067) Неизвѣстный предметъ изъ обожженной желтой глины, имѣющій форму сплющеннаго элипсиса съ глубокою бороздкою по срединѣ, опоясывающею предметъ кругомъ. Размѣръ 5+4 сант.

1068) Такой же точно предметъ, но нѣсколько толще предъидущаго (3 сант. толщины), одинъ край отбитъ. Найденъ тамъ же, на Чувашскомъ мысу.

1069) Коробка съ бронзовыми пластинками, служившими обкладкою какаго то украшенія (пояса или шапки?). На концахъ пластинокъ сохранились кусочки ремня, вмѣстѣ съ гвоздиками, которыми былъ прикрѣпленъ къ ремню металлическій наборъ. Всѣхъ пластинокъ 30, и кромѣ того отдѣльно отъ нихъ 17 гвоздиковъ съ кусочками ремней. Пластинки шириной 2 сант., длиной отъ 2 до 5 сант., по боковымъ краямъ имѣютъ рубчики. Найдены въ курганѣ № 15. (Дм.-Мам.)

1070) Обломки (мелкіе куски) отъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Тобольскихъ курганахъ, пригодные для химическихъ анализовъ.

(NB. Предметы № 1057—1070 помѣщаются въ витринѣ II, отд. 1, вмѣстѣ съ бронзовыми предметами Тобольскихъ могильниковъ).

1071) Костяная стрѣлка 8 сант. длины, съ плоско заостреннымъ черенкомъ, найдена въ курганѣ на правомъ берегу р. Оби противъ села Богородскаго. Доставлена Г. К. Тюменцевымъ.

1072) Два куска спекшейся въ огнѣ кольчуги, изъ нихъ одинъ 6 сант. длины и 5 сант. ширины., а другой 6 сант. длины и 3 сант. ширины. Кольчуга, сдѣланная изъ круглой проволоки, была найдена въ 1875 г. профессоромъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Самоквасовымъ въ курганѣ на югѣ Россіи, вмѣстѣ со щитомъ и двумя громадными мечами. На этомъ щитѣ было произведено трупосожженіе, вслѣдствіе чего часть колечекъ кольчуги сплавилась. По предположенію Д. Я. Самоквасова находка эта относится къ VII—VIII в. Описанные два куска отъ нея были подарены мнѣ Дмитріемъ Яковлевичемъ въ 1875 г., въ Варшавѣ, а мною нынѣ переданы въ музей Сибирскаго университета.

1073) Связка мелкихъ предметовъ, найденныхъ В. М. Флоринскимъ въ Болгарахъ, именно: 1) Костяная, гладко отшлифованная подѣлка, напоминающая форму башмачка, съ дыркою въ срединѣ. Передняя часть (носокъ) отшлифована на три грани, а на задней, болѣе широкой, части три попереч-

ныхъ рубчика. Подошва испещрена черточками въ косую клѣтку. 2) Каменное плоское напрясло 3 сант. въ діаметрѣ, безъ орнамента. 3) Полая костяная бочкообразная шишечка, открытая спереди и сзади, а по бокамъ имѣющая три дырки. 4) Брелокъ изъ кости, напоминающій инструментъ для чистки ногтей или уховертку. 5) Пять стеклянныхъ бусъ средней величины и одна продолговатая, сердоликовая. 6) Двѣ большихъ глиняныхъ бусы. 7) Бронзовая трубочка 4 сант. длины, съ орнаментомъ въ видѣ колечекъ. 8) Просверленный зубъ (рѣзецъ), служившій привѣскою или амулетомъ. Въ той же связкѣ помѣщается стеклянный кубикъ, имѣющій плоскости въ 1 сант., съ цвѣтными полосками и зубчиками по плоскостямъ, напоминающій игорную кость, найденный въ Тобольскомъ курганѣ г. Знаменскимъ.

1074) Маленькій горшокъ изъ черной глины съ плоскимъ дномъ; вышина 5 сант., ширина горлышка $3^1/_2$ сант. По плечикамъ орнаментъ выпуклыми большими шишечками. Работа и обжигъ хорошіе. Въ немъ находился глиняный идолъ слѣд. №

1075) Идолъ, сдѣланный изъ сѣрой глины, 4 сант. длины, представляющій круглую голову съ человѣческимъ лицемъ (глаза и ротъ ямками, брови полукруглыми черточками, носъ сдѣланъ рельефно); голова переходитъ въ круглый конусъ, вмѣсто шеи и туловища. Горшокъ и идолъ найдены близъ Тюмени. Доставлены И. Я. Словцовымъ.

1076) Бронзовый литой идолъ въ формѣ круглой пластинки, $4^1/_2$ сант. длины и 4 сант. ширины, представляющій человѣческое лице. Глаза и ротъ изображены въ видѣ кружковъ, носа нѣтъ; на верху головы полукруглое ушко съ отверстіемъ въ $^1/_2$ сант. Найденъ близъ Тюмени. Доставленъ И. Я. Словцовымъ.

1077) Бронзовый идолъ такаго же типа, найденный въ 1887 году на пашнѣ близъ села Чадобецъ, около Красноярска. Длина пластинки 12 сант., ширина 9 сант.; изображено круглое человѣческое лицо: глаза и ротъ двойными круглыми ободками, носъ и брови рельефной полоской; по нижнему краю лица трехугольные зубцы, выше которыхъ находятся два ушка (на мѣстѣ положенія ушей), изъ коихъ одно обломано. Вмѣсто шеи отростокъ въ 3 сант. длиной и $1^1/_2$ сант. шириной. Края верхней части головы, повидимому, были обколоты. Отливка грубая. Доставленъ изъ Красноярска Иваномъ Тимофеевичемъ Савенковымъ.

1078) Бронзовый идолъ такаго же типа, найденный въ 1885 году

на Обь-Енисейскомъ каналѣ, длина пластинки 10 сант., ширина 7 сант. Круглое человѣческое лицо изображено тремя кружками (глаза и ротъ, какъ въ № 1076), съ выпуклымъ ободкомъ, носа и бровей нѣтъ. Кругомъ головы представлены лучи въ видѣ трехугольныхъ зубцовъ, расположенныхъ въ три группы: число ихъ въ верхней группѣ 7, въ боковыхъ по 5. Между верхними и боковыми группами зубцовъ находятся по ту и другую сторону ушки. Отъ нижней части лица идетъ отростокъ въ 3 сант. длиной, соотвѣтствующій шеѣ. На немъ по ту и другую сторону по два зубца. Доставленъ барономъ Аминовымъ. (Прим. 25).

1079) Бронзовый кельтъ $7^1/_2$ сант. длины и 5 сант. ширины, съ легкимъ разширеніемъ на лезвеѣ, съ двумя поперечными прорѣзями на передней и задней поверхности и съ орнаментомъ въ видѣ полосокъ и ломаныхъ линій. Найденъ въ курганѣ № 13. (Дм.-Мам.).

1080) Небольшой бронзовый кельтъ $5^1/_2$ сант. длины и 4 сант. ширины, безъ орнаментовъ и прорѣзей. Внутри фтулки поперечная тонкая перекладинка. На одной изъ плоскостей дырка неправильной формы, вѣроятно образовавшаяся, какъ дефектъ, при отливкѣ. Найденъ въ 1883 году въ обвалившемся курганѣ на берегу рѣки Томи, близъ Томска (отъ В. М. Флоринскаго).

1081) Бронзовый предметъ въ 22 сант. длины и 5 сант. ширины, состоящій изъ полой металлической трубки, въ мизинецъ толщиной, съ продѣтымъ въ нее ремнемъ; по сторонамъ трубки, разстояніемъ отъ нея въ 2 сант., идутъ пластинки, соединяющіяся съ трубкою косыми симметрически расположенными перемычками, съ той и другой стороны по четыре перемычки; каждая изъ нихъ орнаментирована тремя черточками. Такими же продольными черточками украшена и центральная трубка. Въ общемъ предметъ имѣетъ форму ткацкаго челнока или лодки. Найденъ въ курганѣ № 15. (Дм.-Мам.).

1082) Кельтъ изъ красной мѣди, 5 сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины, съ дырками на передней и задней поверхности, безъ орнамента. Доставленъ изъ Барнаульскаго округа.

1083) Бронзовый кельтъ 8 сант. длины, $4^1/_2$ сант. ширины, съ расширеніемъ на лезвеѣ, съ однимъ ушкомъ посрединѣ и съ круглою надъ нимъ дыркою. Найденъ въ 1882 г. въ Барнаульскомъ округѣ.

1084) Бронзовый кельтъ $11^1/_2$ сант. длины и 5 сант. ширины, съ однимъ ушкомъ на срединѣ задней поверхности и съ ши-

рокою ложбинкою по той же поверхности, идущею отъ ушка къ лезвею. Найденъ въ 76 верстахъ отъ Усть-Каменогорска, по дорогѣ въ Зайсанъ, на Троицкомъ золотомъ пріискѣ, на рѣчкѣ Сенташъ, подъ двумя аршинами золотоноснаго пласта (подъ отвалами древнихъ рудныхъ разработокъ). Доставленъ П. Ив. Сапожниковымъ.

1085) Кельтъ изъ сплава золотистаго цвѣта (латунь?), 11 сант. длины и 5 сант. ширины, безъ ушка и дырокъ; фтулка его непосредственно переходитъ въ широкую ложбинку на задней поверхности. Найденъ на золотомъ пріискѣ Усть-Каменогорскаго уѣзда. Доставленъ въ 1886 году докторомъ Березницкимъ.

1086) Нитка мелкихъ бусъ длиною 56 сант., изъ нихъ большая часть приготовлены изъ стекла зеленаго цвѣта и часть изъ мастики краснаго, бѣлаго и синяго цвѣта. Собраны въ Тобольскихъ курганахъ (Дм.-Мам.).

1087) Осколки тѣхъ же бусъ, годныя для химическихъ анализовъ (въ коробкѣ).

(Предметы съ № 1071 по 1087 помѣщаются въ 2-мъ отд. витрины).

1088) Стеклянная банка, наполненная костяною золою чернаго цвѣта, отъ трупосожженій, взятою изъ курганныхъ пепелищъ (Дм.-Мам.).

1089) Такая же банка съ порошкообразною костяною золой сѣраго цвѣта, изъ курганныхъ пепелищъ той же мѣстности. (Дм.-Мам.)

1090) Банка съ шелухой конопляного сѣмени, найденной въ курганахъ. (Дм.-Мам.). Прим. 26.

1091) Банка рыбьей чешуи, собранной въ курганахъ. (Дм.-Мам.).

1092) Черепъ грызуна (бобра?) и лопаточная кость, найденные въ разрѣзѣ Обь-Енисейскаго канала въ 1887 году (отъ барона Аминова). Кости чернаго цвѣта.

1093) Обугленная круглая деревянная чашка, 12 сант. въ діаметрѣ и $3^1/_2$ сант. вышины, наполненная легкою, черною, пушистою массою (пережженая трава?), сверху которой лежитъ берестяный кружокъ $5^1/_2$ сант. въ діаметрѣ. Одинъ край чашки отбитъ, изъ отбитой части сохранился одинъ кусокъ. Найдена 14 сентября 1885 года въ курганѣ на берегу рѣки Томи, близъ деревни Тохтамышевы юрты, въ 10 верстахъ отъ Томска. (Отъ В. М. Флоринскаго). Прим. 27.

1094) Обугленная деревянная ложка, найденная въ томъ же курганѣ на верху чашки. Форма ложки продолговатая, того же

фасона и съ такимъ же углубленіемъ, какъ употребляется нынѣ русскими крестьянами. Часть передняго края и черенокъ обломаны. Длина сохранившейся углубленной части ложки 7 сант., ширина 4 сант. (отъ В. М. Флоринскаго).

1095) Образчики береста, которыми были покрыты найденные въ томъ же курганѣ предметы, именно:

1096) Желѣзныя удила, находившіяся по правую сворону мѣднаго котла.

1097) Желѣзный топоръ съ тремя желѣзными клиньями въ обухѣ, служившими для укрѣпленія топорища. Топорище совершенно истлѣло. Топоръ имѣетъ форму близкую къ современному русскому дроворубному топору, 14 сант. длины, 11 сант. ширины по лезвею и 8 сант. по обуху. Онъ находился по лѣвую сторону котла.

1098) Обломокъ перержавѣвшаго желѣзнаго ножа, находившагося сверху котла.

1099) Мѣдный котелъ 30 сант. въ діаметрѣ и 13 сант. вышины, съ желѣзною дужкою, дно ровное, плоское, верхніе края нѣсколько выгнуты кнаружи, а на мѣстахъ укрѣпленія дужки представляютъ удлиненные язычки. Стѣнки котла тонкія, не литыя, а кованыя. При раскопкѣ кургана котелъ былъ найденъ опрокинутымъ вверхъ дномъ и наполненнымъ костями животныхъ и черноземомъ; длинныя кости втиснуты были въ верхнее отверстіе котла въ видѣ распорокъ въ разныхъ направленіяхъ, образуя звѣзду, очевидно съ тою цѣлію, чтобы не дать возможности прочимъ костямъ и черноземy вываливаться при опрокидываніи котла. На днѣ котла стояли вышеописанныя деревянная чашка и ложка.*) (Отъ В. М. Флоринскаго).

*) Въ этой могилѣ, ниже котла, оказался слой углей и золы отъ пережженныхъ костей. Скелетъ лежалъ головою на юго-западъ, лицомъ на сѣверовостокъ. На немъ и вблизи его никакихъ другихъ предметовъ, кромѣ черепковъ отъ горшка, не найдено. Разрытый курганъ у Тохтамышевыхъ юртъ интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ при обстановкѣ древняго курганнаго погребенія найдены предметы, повидимому, позднѣйшаго времени и при томъ по типу весьма похожіе на русскіе (ложка, чашка и топоръ). Здѣсь же найденный черепъ (см. каталогъ № 573) принадлежитъ къ типу длинноголовыхъ, и во всякомъ случаѣ не татарскій и не монгольскій Татары сосѣднихъ деревень не признаютъ этого могильника принадлежащимъ ихъ предкамъ. По этому можно предполагать, что могильникъ близъ упомянутой деревни могъ принадлежать либо жившимъ здѣсь прежде остякамъ, либо русскимъ. Въ первомъ случаѣ надо допустить, что остяки заимствовали русскій топоръ и ложку ранѣе основанія Томска. Во второмъ случаѣ пришлось бы предположить, что у первыхъ русскихъ поселенцевъ въ этой мѣстности сохранился еще языческій обрядъ погребенія, что было бы со всѣмъ невѣроятно. Для разъясненія вопроса какому народу принадлежатъ довольно

1100) Образчикъ чернозема, которымъ былъ наполненъ котелъ и нѣсколько взятыхъ оттуда же косточекъ (въ коробкѣ).

Таблица XXVIII.

1101—1118) Восемнадцать узорчатыхъ черепковъ, найденныхъ при раскопкѣ кургановъ въ Курганскомъ округѣ, Тобольской губерніи. Всѣ черепки грубой работы, съ бѣднымъ и грубымъ орнаментомъ; по краю горшка полоски въ ёлку и за ними рядъ круглыхъ ямокъ, или дырокъ (№ 1115—1118); на прочихъ черепкахъ трехугольныя и полукруглыя ямки и косыя полоски, гладкія или рубчатыя. (Доставлены Дмитріевымъ-Мамоновымъ).

Таблица XXIX.

1119—1129) Черепки, собранные на берегу рѣки Томи, ниже устья Басандайки, верстахъ въ 5 отъ Томска. Узоръ полукруглыми ямками и косыми черточками. Работа грубая. На той же таблицѣ №№ 1130—1133 колотыя кости, № 1134 кусокъ желѣзнаго шлака, собраны тамъ же.

Отдѣленіе 5-е.

Таблица XXX.

1135—1151) Черепки, собранные на городищѣ Таянъ, на лѣвомъ берегу р. Томи, противъ Томска. Узоръ черепковъ сходенъ съ Тобольскими курганными (гладкія и рубчатыя палочки въ разныхъ направленіяхъ, трехугольныя и полукруглыя ямки и т. д.)

1152) Маленькій горшокъ съ выпуклымъ дномъ, $5^1/_2$ сант. въ діаметрѣ и $3^1/_2$ сант. вышины, кругомъ верхняго края узоръ маленькими дырочками. Склеенъ изъ двухъ половинокъ; части краевъ недостаетъ. Найденъ тамъ же.

1153) Неизвѣстный предметъ изъ обожженной желтой глины, 5 сант. длины и 3 сант. ширины. Наружная его поверхность слегка вы-

многочисленные и обширные могильники по лѣвому берегу р Томи, близь Томска, необходимы дальнѣйшіе розыски. Судя по первому вскрытому экземпляру, несомнѣнно, что эти могилы относятся совершенно къ другой эпохѣ, чѣмъ находящіяся на правомъ берегу Томи, которыя принадлежатъ бронзовому вѣку. При основаніи Томска въ 1605 году вся окружающая его мѣстность занята была татарами магометанами; ни остяковъ, ни киргизовъ здѣсь уже не было.

пуклая, а внутренняя имѣетъ плоскій широкій желобокъ, передній край закругленъ. Найденъ тамъ же.

1154) Три обломка плоскихъ палочекъ, отшлифованныхъ изъ камня; первый обломокъ 6 сант. длины и 2 сант. ширины, второй 6 сант. длины и 1½ сант. ширины, оба безъ узора, третій 4 сант. длины и 2 сант. ширины, имѣетъ на передней поверхности узоръ черточками въ клѣтку. Найдены тамъ же.

1155) Цѣлый и хорошо сохранившійся черепъ, вырытый изъ могилы на правомъ берегу рѣки Томи, близъ Томска (у лагерей, противъ верхняго перевоза). Типъ черепа круглоголовый, вѣроятно татарскій. Вмѣстѣ съ нимъ, кромѣ отдѣльныхъ костей скелета, не найдено ни какихъ предметовъ; по этому можно полагать, что это была позднѣйшая могила, татарскаго періода, вырытая на мѣстѣ древняго доисторическаго кладбища, такъ какъ рядомъ съ нею былъ открытъ скелетъ съ черепомъ совершенно другаго типа (длинноголовымъ) и съ предметами, характеризующими бронзовый вѣкъ. (Доставленъ С. К. Кузнецовымъ).

1156) Шесть кусковъ гончарныхъ водопроводныхъ трубъ, найденныхъ въ 1886 году В. М. Флоринскимъ въ Семирѣченской области, на станціи Чингильдинской, не далеко отъ р. Или. Первый кусокъ длиною 35 сант., въ діаметрѣ на одномъ концѣ 10 сант., на другомъ 12 сант. Второй кусокъ длиною 30 сант., въ діаметрѣ съ одной стороны 13, съ другой 10 сант. Третій кусокъ длины 43 сант., діаметръ на одномъ концѣ 13, на другомъ 11 сант. Передніе концы (стыки) у всѣхъ этихъ кусковъ обломаны. Четвертый кусокъ длиною 29 сант. (обломанъ задній конецъ), діаметръ 13 сант., а на переднемъ концѣ (представляющемъ съуженіе, въ родѣ горлышка, для вкладыванія въ заднюю часть слѣдующаго звена) 8 сант. Пятый кусокъ длиною 20 сант., діаметръ тотъ же какъ у предъидущихъ кусковъ; обломанъ задній конецъ и часть передняго горлышка. Шестой кусокъ представляетъ собою отбитое горлышко отъ передняго конца такой же трубы; длина его 7 сант., ширина въ горлышкѣ 8 сант. Всѣ трубы, хотя сдѣланы аляповато, но отлично обожжены. На наружной и внутренней поверхности ихъ видны желобки, въ видѣ горизонтальныхъ колецъ, указывающіе на способъ лѣпки трубъ, накладываніемъ одного кольца глины на другое (отъ В. М. Флоринскаго). Прим. 28.

1157) Остатки пережженныхъ культурныхъ растеній, собранные въ Тобольскомъ курганѣ (отъ А. И. Дмитріева-Мамонова). Прим. 29.

Отдѣленіе 6-е.

1158) Квадратный кирпичъ изъ городища близь Лепсы (въ Семирѣченской области). Длина 26 сант., ширина 27 сант., толщина 4 1/2 сант. (Прим. 30).
1159) Оттуда же другой экземпляръ, длина и ширина 25 сант., толщина 4 сант.
1160) Квадратный кирпичъ съ башни Бураны, близь Токмака; длиной и шириной 25 сант., толщина 4 сант.
1161) Квадратный кирпичъ со дна озера Иссыкъ-куля, длина и ширина 25 сант., толщина 4 сант.
1162) Половинчатый (цѣлый) кирпичъ, со дна озера Иссыкъ-куля, длина 32 сант., ширина 14 1/2 сант., толщина 4 1/2 сант.
1163) Кусокъ древняго изразца, изъ Самарканда, длина 30 сант. ширина 23 сант., толщина 5 1/2 сант., цвѣтъ по зеленому полю бѣлые разводы.
1164) Два бумажныхъ пакета съ цементомъ, взятымъ отъ кладки башни Бураны.
1165) Верхняя часть человѣческаго черепа (лобная и темянныя кости) изъ кургана № 8. Черепъ длинноголовый съ плоскимъ лбомъ. (Дм.-Мам.).
1166) Нижняя челюсть съ сохранившимися 9 зубами; изъ кургана № 14. (Дм.-Мам.)
1167) Тоже съ 11 зубами, изъ кургана № 13. (Дм.-Мам.).
1168) Нижняя челюсть изъ кургана № 3, съ двумя коренными зубами. Восходящая вѣтвь съ одной стороны и суставныя головки обломаны. (Дм.-Мам.).
1169) Четыре половинки нижнихъ челюстей изъ кургановъ № 5 и 7 отъ разныхъ экземпляровъ (Дм.-Мам.).
1170) Четыре суставныхъ косточки (фаланги) и кусокъ неопредѣленной кости изъ кургана № 13 (Дм.-Мам.).
(№ 1166—1170 помѣщены въ двухъ особыхъ коробкахъ).
1171) Два куска перегорѣвшаго ржаваго желѣза отъ неизвѣстнаго предмета, длиною въ 3 1/2 сант. и толщиною въ 1 1/2 сант., найдены въ курганѣ № 15 (Дм.-Мам. Помѣщены въ 1 отд. II витрины).
1172) Коробка съ обломками костяныхъ орудій (50 кусковъ), найденныхъ въ курганахъ. (Дм.-Мам.).
1173) Коробка сломанныхъ или неоконченныхъ подѣлокъ изъ кости (25 кусковъ), оттуда же.
1174) Восемь костяныхъ шильевъ, 2 стрѣлки и 2 зуба рѣчнаго бобра, оттуда же.

1175) Кусокъ надрѣзанной берцевой кости.
1176) Большой кусокъ кости со срѣзами для начатой обдѣлки.
1177) Передняя половинка костянаго ножа, 10 сант. длины и 2½ сант. ширины.
1178) Костяной скребокъ 11 сант. длины и 5 сант. ширины.
1179) Узкій скребокъ, въ видѣ стамески, 9½ сант. длины и 2½ сант. ширины.
1180) Такое же орудіе 9 сант. длины и 2 сант. ширины.
1181) Тоже 9½ сант. длины и 3½ ширины съ неоконченнымъ отдѣлкою переднимъ концомъ.
1182) Костяная четырехугольная пластинка, 6 сант. длины и 4 сант. ширины.
1183) Такая же, но болѣе тонкая квадратная пластинка, 6 сант. длины и ширины.
1184) Кусокъ обдѣланной лопаточной кости, 15 сант. длины и 8 сант. ширины.
1185) Половинка элиптическаго куска изъ обожженной глины съ бороздкою по срединѣ. Размѣръ 6 сант., толщина 3½ сант. (№ 1173—1185 найдены въ Тобольскихъ курганахъ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ).

Витрина 3.

ПОЛКА 1-я.

Древности Томской губерніи и Семипалатинской области.

Таблица XXXI. *бронзовые и мѣдные ножи.*

1186) Ножъ изъ красной мѣди, длиною 21 сант., шириною 1½ сант., съ плоскою ручкою изъ того же металла, безъ прорѣзи. Найденъ въ Алчедатской волости, Маріинскаго округа. Доставленъ П. А. Буткѣевымъ, отъ священника Сосунова.
1187) Бронзовый ножъ такой же ширины и 18 сант. длины, на ручкѣ трехугольная прорѣзь, самый конецъ ножа обломанъ.
1188) Такой же длины и ширины бронзовый ножъ съ двумя трехугольными прорѣзями на ручкѣ.
1189) Мѣдный ножъ 16 сант. длины и 1½ сант. ширины; на ручкѣ маленькая трехугольная прорѣзь, три колечка и шишечка. (№№ 1187—1189 найдены въ Кузнецкомъ округѣ. Доставлены Леонидомъ Николаевичемъ Некрасовымъ).
1190) Бронзовый ножъ 15 сант. длины, 3 сант. ширины, въ ручкѣ, и 1½ сант. въ лезвеѣ. Ручка изъ круглаго ободка съ двумя

перекладинками. Поверхность ножа и ручки покрыта, точно лакомъ, ровнымъ блестящимъ слоемъ темнозеленой патины. Найденъ въ Маріинскомъ округѣ. Доставленъ въ 1887 году горнымъ исправникомъ Некрасовымъ.

1191) Мѣдный ножъ 14½ сант. длины съ такою же ручкою, какъ № 1189.

1192) Мѣдный ножъ 17 сант. длины, ручка въ видѣ двухъ завитковъ.

1193) Бронзовый ножъ 19 сант., на ручкѣ небольшая поперечная прорѣзь.

1194) Бронзовый ножъ 19 сант., на ручкѣ вырѣзка въ формѣ улитки. Найденъ въ Маріинскомъ округѣ; доставленъ въ 1887 году горнымъ исправникомъ Л. Н. Некрасовымъ.

Таблица XXXII (№ 1195—1208).

1195) Бронзовый ножъ 11 сант. длины и 1 сант. ширины, на ручкѣ двѣ прорѣзи и три колечка. Покрытъ темнозеленою патиною.

1196) Бронзовый ножъ 11½ сант., на ручкѣ трехугольная прорѣзь. Покрытъ темнозеленою патиною.

1197) Такой же величины и формы ножъ изъ желтой мѣди. (Послѣдніе три ножа найдены въ Барнаульскомъ округѣ).

1198) Бронзовый ножъ 12½ сант., ручка съ одною трехугольною вырѣзкою. Покрытъ, какъ лакомъ, темнозеленою патиною. Найденъ въ Маріинскомъ округѣ, доставленъ въ 1887 г. горнымъ исправникомъ Некрасовымъ.

1199) Клинокъ бронзоваго ножа 11½ сант. длины, нѣсколько попорченъ ржавчиной, ручка обломана.

1200) Клинокъ бронзоваго ножа 13 сант. длины, конецъ ручки обломанъ.

1201) Клинокъ мѣднаго ножа (изъ красной мѣди), 13 сант. длины. часть передняго конца и ручка обломаны.

1202) Бронзовый узкій ножъ 12 сант. длины и 1 сант. ширины, ручка плоская безъ прорѣзей и украшеній; передній конецъ обломанъ. (№№ 1199—1202 найдены въ Бійскомъ округѣ).

1203) Бронзовый ножъ 14½ сант. длины, ручка съ узорчатою выемкою, клинокъ по обуху выгнутъ горбинкой. Найденъ въ Маріинскомъ округѣ.

1204) Мѣдный ножъ 12½ сант. длины, ручка обломана, на оставшейся части ручки украшеніе въ видѣ двухъ поясковъ. Найденъ въ Маріинскомъ округѣ.

1205) Мѣдный ножъ 14 сант. длины съ обломаннымъ концомъ, на ручкѣ поперечная прорѣзь. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ. Доставленъ Г. К. Тюменцевымъ. (Прим. 31).

1206) Бронзовое четырехгранное шило, 14 сант. длины, на концѣ ручки грушевидная, полая, съ боковыми прорѣзями шишка. Найдено близь деревни Кунгуровой, Барнаульскаго округа. Доставлено И. Я. Словцовымъ.

1207) Бронзовое четырехгранное шило 12 сант. длины. Ручка оканчивается овальнымъ кольцомъ. Найдено въ Минусинскомъ округѣ. Доставлено Г. К. Тюменцевымъ.

1208) Мѣдное кованое четырехгранное шило 18 сант. длины; передній конецъ случайно изогнутъ, на заднемъ концѣ плоская петля, служившая, можетъ быть, для прикрѣпленія ручки.

1209) Большой ножъ изъ красной мѣди, найденный въ Семирѣченской области, близь озера Иссыкъ-куля. Длина его 25 сант., ширина лезвея 4 сант., длина мѣдной же плоской ручки 10 сант., а ширина ея 2 сант. Обухъ клинка выгнутъ горбомъ и къ концу закругленъ. На одной сторонѣ ручки продольный желобокъ съ болѣе глубокою ямкою на концѣ.

1210) Бронзовый кинжалъ, 20 сант. длины, самый конецъ обломанъ; ручка 8 сант. Найденъ въ Барнаульскомъ округѣ, въ курганѣ. (Прим. 32).

1211) Бронзовый кинжалъ, длиною 21 сант., конецъ обломанъ, ручка 9 сант., украшена съ каждой стороны тремя продольными валиками (полосками), а на концѣ ея двѣ головки козловъ или барановъ, обращенныя другъ къ другу. Найденъ въ Маріинскомъ округѣ близь села Тиссульскаго, на лѣвой сторонѣ рѣчки Каштакъ. Доставленъ И. Я. Словцовымъ.

1212) Точно такой же формы желѣзный кинжалъ, 26 сант. длины, ручка 9 сант., украшена такими же тремя полосками, а на самомъ концѣ ея, вмѣсто бараньихъ головокъ, подобныя имъ завитки. Найденъ въ Барнаульскомъ округѣ. Доставленъ въ 1882 году горнымъ исправникомъ Л. Н. Некрасовымъ.

1213) Бронзовый кинжалъ 28 сант. длины, клинокъ въ основаніи 4 сант., ручка 9 сант. Покрытъ, точно лакомъ, блестящимъ слоемъ патины темнозеленаго цвѣта. По вѣсу, сравнительно съ объемомъ, кинжалъ этотъ оченъ тяжелъ. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, близь Абаканскаго завода. Подаренъ Николаемъ Григорьевичемъ Пермикинымъ.

1214) Бронзовый кинжалъ 25 сант. длины, клинокъ у основанія 3 сант., ручка 8 сант., украшена тремя продольными полосками, а на самомъ концѣ двумя бараньими головками, какъ

въ № 1211. Одна изъ этихъ головокъ обломана. Какъ клинокъ, такъ и ручка покрыты блестящимъ слоемъ патины. Найденъ на золотомъ пріискѣ г. Цибульскаго (въ Чебакахъ). Подаренъ 17 сентября 1887 года А. Ф. Жиллемъ.

1215) Желѣзный кованый кинжалъ, 29 сант. длины, клинокъ у основанія 4 сант., ручка 10 сант., на концѣ имѣетъ круглую площадку. Найденъ на томъ же пріискѣ, въ одномъ мѣстѣ съ предъидущимъ номеромъ. Подаренъ въ 1887 году А. Ф. Жиллемъ.

1216) Бронзовый топоръ (сѣкира) 17 сант. длины, лезвее $8^1/_2$ сант., а шириной на концѣ $3^1/_2$ сант.; выдающійся обухъ 5 сант. длины, 2 сант. ширины и 1 сант. толщины. Находящаяся между лезвеемъ и обухомъ круглая фтулка имѣетъ 3 сант. въ діаметрѣ и снабжена двумя боковыми дырками для укрѣпленія древка. Найденъ въ Верхотомской волости, Кузнецкаго округа, близъ деревни Кемеровой, въ землѣ, на берегу р. Томи, крестьяниномъ Петровымъ. Доставленъ Кузнецкимъ исправникомъ М. И. Казанцевымъ.

1217) Такой же формы бронзовая сѣкира 18 сант. длины, лезвее 11 сант., ширина его на концѣ 4 сант. Обухъ длинный, закругленный, съ сквозною дыркою въ обыкновенный карандашъ. Длина обуха 4 сант., ширина $2^1/_2$, толщина 2 сант. Фтулка длинная (7 сант.), въ діаметрѣ 3 сант., съ сквозными дырками по обѣ стороны. Найденъ въ курганѣ въ Барнаульскомъ округѣ. Доставленъ въ 1882 году горнымъ исправникомъ Некрасовымъ.

1218) Бронзовое орудіе съ круглымъ заостреннымъ концомъ и обухомъ (древне-славянское брадло) длина 19 сант. Передній круглый конецъ 9 сант., толщиною въ указательный палецъ. Такой же круглый, но болѣе толстый, обухъ имѣетъ 7 сант., съ тупымъ оливкообразнымъ концомъ. Фтулка 6 сант. длины, діаметръ ея просвѣта $3^1/_2$ сант. Боковыхъ дырокъ нѣтъ. Найдено въ Барнаульскомъ округѣ. Доставлено Леонидомъ Николаевичемъ Некрасовымъ. (Прим. 33).

1219) Плоское копье изъ желтой мѣди (латуни), 18 сант. длины, 5 сант. ширины. Черенокъ обломанъ. Найдено въ Барнаульскомъ округѣ. Доставлено въ 1882 году Л. Н. Некрасовымъ.

1220) Обломокъ такого же копья (черенокъ и задняя часть лезвея) длиною 8 сант., ширина лезвея 5 сант. Найденъ тамъ же.

1221) Бронзовое трехгранное копье, 18 сант. длины, круглая фтулка 10 сант., діаметръ ея просвѣта 2 сант., по тремъ ея сторонамъ находятся по три дырочки для укрѣпленія

древка. Щечки острія выдаются надъ фтулкою въ видѣ широкихъ реберъ, длиною 18 сант., шириной у основанія 1 сант. Найдено въ Минусинскомъ округѣ. Подарено въ 1883 году Г. К. Тюменцевымъ. (Прим. 34).

1222) Мѣдное четырехгранное долото, длина 14 сант., длина фтулки 5 сант., діаметръ ея просвѣта 2 сант., ширина остраго конца 1 сант., толщина боковыхъ граней 1½ сант. По бокамъ фтулки двѣ дырочки для укрѣпленія деревяннаго черенка. Найдено въ 1881 году въ Космалинской волости, Барнаульскаго округа, близъ деревни Волчихи, въ распаханномъ курганѣ. Получено отъ Барнаульскаго окружнаго исправника, 8 іюля 1881 года.

1223) Мѣдная стамеска 12 сант. длины, 2 сант. ширины, фтулка овальная, въ діаметрѣ 2 сант. Найдена тамъ же. Доставлена Барнаульскимъ окружнымъ исправникомъ Рогожинымъ.

1224) Бронзовая литая стамеска, по формѣ похожая на предъидущую, 10 сант. длины и 2 сант. ширины. Фтулка круглая, въ діаметрѣ 2 сант. Найдена въ Семипалатинской области, Усть-Каменогорскаго уѣзда, въ 76 верстахъ отъ Усть-Каменогорска, по дорогѣ въ Зайсанъ, по рѣчкѣ Сенташу, на Троицкомъ пріискѣ гг. Степановыхъ, подъ двумя аршинами золотоноснаго пласта. Отъ П. Н. Сапожникова (Прим. 35).

Таблица XXXIII (1225—1239). *Идолы въ формѣ птицъ и животныхъ. (Прим. 36).*

1225) Бронзовая пластинка 12 сант. длины, представляющая идола съ птичьей головой и торчащими кверху ушами животнаго. На груди туловища, имѣющаго человѣческое очертаніе, представлено круглое человѣческое лицо. Руки похожи на раскрытыя крылья птицы. Передняя поверхность идола покрыта продольными, а на крыльяхъ поперечными полосками. Нижняя часть туловища оканчивается четырехугольною пластинкою, безъ обозначенія ногъ.

1226) Идолъ того же типа 9 сант. длины и 8 сант. ширины. На груди изображено человѣческое лицо. Въ крыльяхъ и въ нижней части пластинки оставлены большія трехугольныя прорѣзи. Часть праваго крыла обломана. Голова птичья, на верхней части головы большія уши.

1227) Бронзовая пластинка 10 сант. длины и 11 сант. ширины, представляющая птицу (орла) съ распущенными крыльями. Голова съ большими круглыми глазами, по очертанію похожа

на орлиную, но передняя ея часть, вмѣсто остраго клюва, сдѣлана тупая. Ушей нѣтъ. На шеѣ показано ожерелье изъ 10 выпуклыхъ точекъ. Такими же точками украшены крылья и нижняя часть пластинки. Впереди орла стоитъ человѣкъ со сложенными у груди руками, на плечи котораго птица положила свои лапы (руки). На верхней части пластинки находятся два ушка для подвѣшиванія идола.

1228) Пластинка 9½ сант. длины и 9 сант. ширины, разломана на два куска. Средней части недостаетъ. Голова птичья, съ торчащими кверху большими ушами; крылья опущены внизъ. На грудной части идола представлено человѣческое лицо. Орнаментъ крыльевъ и нижней части пластинки продольными полосками.

1229) Идолъ такой же величины и типа, какъ № 1225, но безъ изображенія на груди человѣческаго лица. Орнаментъ полосками, а по верхнему крою крыльевъ трехугольными зубчиками (по 10 на каждой сторонѣ).

1230) Идолъ того же типа, но въ маленькомъ размѣрѣ. Длина его 6 сант., ширина 3½ сант. Голова птичья, съ торчащими ушами; крылья опущены внизъ; на груди изображено человѣческое лицо; орнаментъ полосками.

1231) Пластинка изъ желтой мѣди, 9 сант. длины и 7 сант. ширины. Голова неизвѣстнаго животнаго, съ прижатыми назадъ ушами, отъ нея идетъ разширеніе пластинки въ видѣ крыльевъ, но безъ всякаго орнамента. Нижняя часть пластинки узкая.

1232) Бронзовый идолъ съ птичьей головой. Длина пластинки 8 сант. Крылья обломаны.

1233) Пластинка изъ желтой мѣди, длина 6½ сант., ширина 5½ сант. Голова, повидимому, человѣческая. Разкрытыя крылья (руки съ широкими рукавами?) и широкій подолъ украшены продольными и косыми полосками.

1234) Идолъ съ птичьей головой и ушами животнаго. На груди представлено круглое человѣческое лицо; крылья опущены внизъ (часть перьевъ обломана). Размѣръ пластинки 6½ сант. длины и 7 сант. ширины.

1235) Идолъ съ птичьею головой и торчащими ушами. На груди круглое человѣческое лицо. Крылья въ видѣ эллиптическихъ полосокъ. Нижняя часть пластинки оканчивается двумя широкими расходящимися полосками, какъ разставленныя ноги. Орнаментъ пластинки полосатый. Размѣръ пластинки: длина 7 сант., ширина въ крыльяхъ 8 сант.

1236) Идолъ съ головой животнаго (морда тупая) безъ изображенія человѣческаго лица на груди. Крылья украшены перистымъ орнаментомъ (полоски сходящіяся къ средней линіи). Длина пластинки 8 сант., ширина въ крыльяхъ тоже 8 сант.

1237) Идолъ такой же точно величины и формы какъ № 1226, но съ отломанными лѣвымъ крыломъ и лѣвою половинкою нижней части.

1238) Обломокъ (средняя часть) третьяго такого же экземпляра. Длина обломка 5 сант., ширина 3 сант.

1239) Найденный вмѣстѣ съ тѣми же идолами обломокъ неизвѣстнаго предмета, 8 сант. длины и 5 сант. ширины, болѣе грубой отливки.

Изъ помѣщенныхъ на этой таблицѣ 14 идоловъ, одинъ, именно № 1227 найденъ былъ около села Спасскаго, Усть-Тартасской волости, Каинскаго округа, на пашнѣ близь кургановъ, всѣ же остальные найдены въ Кузнецкомъ округѣ, Касминской волости, въ одной верстѣ отъ деревни Егозовой, на берегу р. Ини, въ землѣ, на глубинѣ около 2—3 четвертей. Пріобрѣтены въ 1884 году отъ священника села Кольчугинскаго, о. Гурьева.

1240) Топоръ изъ красной мѣди, по формѣ сходенъ съ современнымъ русскимъ дроворубнымъ топоромъ. Длина его 16 сант., ширина лезвея 5 сант.; фтулка обуха круглая, въ просвѣтѣ 3 1/2 сант. Найденъ крестьяниномъ Барнаульскаго округа, Колундинской волости, деревни Плотниковой, Егоромъ Шадринымъ, близь озера. Доставленъ въ 1885 году.

1241) Большой бронзовый кельтъ, 18 сант. длины, 5 1/2 сант. ширины въ лезвеѣ, 6 1/2 сант. въ задней части, имѣющій сверхъ того по обѣимъ сторонамъ два большихъ ушка. Фтулка овальная, въ просвѣтѣ 6 сант., глубиною 9 сант. На одной изъ плоскихъ поверхностей находится сквозная дырочка. Найденъ въ Алчедатской волости, Маріинскаго округа, на пашнѣ. Доставленъ въ 1886 году П. А. Буткѣевымъ отъ священника о. Ѳедора Сосунова.

1242) Бронзовое литое орудіе въ родѣ клина, или толстой лопатки, 15 1/2 сант. длины и 4 1/2 сант. ширины по лезвею; безъ фтулки. Задній узкій конецъ (2 сант.) срѣзанъ въ видѣ черенка, длиною 5 сант.

1243) Бронзовый кельтъ съ двумя ушками по бокамъ. Длина 13 сант., ширина лезвея 6 сант., фтулка овальная, въ ді-

аметрѣ 5 сант., глубиной 7 сант. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ.

1244) Бронзовый, слегка искривленный ножикъ, 19 сант. длины (конецъ обломанъ), ручка плоская, 9 сант., оканчивается сплюснутымъ кольцомъ 5 сант. въ поперечникѣ. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ.

1245) Такой же ножикъ 20 сант. длины. Ручка оканчивается улитко-образнымъ завиткомъ. Найденъ тамъ же.

1246 Такой же ножикъ 19 сант. длины, ручка оканчивается трехугольною вырѣзкою. Найденъ тамъ же.

1247) Бронзовый ножикъ 12½ сант. длины, ручка имѣетъ большую трехугольную вырѣзку съ одною перекладинкой. Найденъ тамъ же.

1248) Ножикъ изъ красной мѣди, 24 сант. длины; ручка 8½ сант; отличается отъ прочихъ ножей тѣмъ, что въ ручку вставляется особая часть, имѣющая форму плоскаго шила, длиною 3½ сант. Головка этой вставной части изображаетъ какого-то звѣря съ опущенной головой. На шилѣ и боковыхъ стѣнкахъ ручки находятся соотвѣтствующія другъ другу дырочки, въ которыя вставлялся штифтикъ. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ.

1249) Бронзовый ножъ, отличающійся отъ другихъ тѣмъ, что ручка его и клинокъ находятся подъ угломъ въ 45°. Ручка, длиною 8 сант., состоитъ изъ двухъ пластинокъ, между которыми находится прорѣзь и 3 перекладинки. Пластинки украшены поперечными черточками (по 4 черточки въ каждой группѣ), а конецъ рукоятки оканчивается плоскою пуговкою. Клинка сохранилось всего 5 сант., остальная часть его обломана. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ.

1250) Кусокъ красной мѣди, имѣющій форму четырехугольнаго заостреннаго клина, 6 сант. длины и нѣсколько болѣе 1½ сант. толщины. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ.

Предметы №№ 1243—1250 переданы въ музей 28 октября 1887 года Н. Н. Пѣтуховымъ.

1251) Бронзовое литое орудіе, служившее, вѣроятно, для разбиванія крѣпкой руды. Оно имѣетъ форму толстаго прута 24 сант. длиной; оба конца его, толщиною въ мизинецъ, закруглены, а толстая средина имѣетъ трехугольную форму, въ боковыхъ граняхъ по 3½ сант., а въ нижней 2 сант. Верхняя часть слегка выгнута горбомъ, а сходящіяся здѣсь боковыя грани переходятъ въ закругленное очертаніе. Найденъ въ золотоносномъ пластѣ на Троицкомъ пріискѣ гг. Степа-

новыхъ, Усть-Каменогорскаго округа. Доставленъ въ 1886 г. Петромъ Ивановичемъ Сапожниковымъ.

1252) Обломокъ (острый конецъ) отъ такого же, но четырехграннаго орудія, длиною 6 сант., толщиною въ изломѣ 2 сант. Найденъ вмѣстѣ съ предъидущимъ экземпляромъ на двухъ аршинной глубинѣ золотоноснаго пласта.

1253) Два обломка бронзоваго ножа: а) ручка съ частью клинка, длиною 12½ сант. и б) продолженіе клинка длиною 7 сант. Ручка съ продольною прорѣзью, клинокъ шириною 2½ сант. Найденъ въ Бійскомъ округѣ.

1254) Бронзовыя удила, длиной 15 сант. Наружный конецъ одной половинки обломанъ. У другой половинки онъ имѣетъ форму двухъ, рядомъ лежащихъ, неподвижныхъ колецъ, изъ нихъ внутреннее круглое, меньшаго размѣра, а наружное овальное, 3 сант. въ просвѣтѣ. Найдены въ Барнаульскомъ округѣ. Доставлены горнымъ исправникомъ Некрасовымъ. (Прим. 37).

1255) Бронзовый трехгранный наконечникъ стрѣлы со фтулкою. Длина 3½ сант. Изъ кургана № 8. (Дм.-Мам.). Прим. 38.

1256) Второй такой же экземпляръ (оттуда же).

1257) Бронзовый наконечникъ стрѣлы точно того же типа, 3 сант. длины; изъ кургана Барнаульскаго округа. (Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ).

1258) Бронзовый наконечникъ трехгранной стрѣлы со фтулкою и двумя шипама. Длина 9 сант. (Найденъ тамъ же).

1259) Бронзовая, весьма изящная, стрѣлка 3½ сант. длины. Фтулка круглая, съ большой дырочкой; отъ нея по двумъ сторонамъ передняго конца расположены два острыхъ плоскихъ крылышка, а по другимъ двумъ сторонамъ по полукруглому ребрышку, какъ продолженіе истончающейся трубки. Найдена въ курганѣ Барнаульскаго округа.

1260) Бронзовая трехгранная стрѣлка 6 сант. длины, съ плоскозаостреннымъ черенкомъ. Черенокъ 3 сант. Найдена тамъ же.

1261) Сходная съ предъидущею желѣзная стрѣлка, въ три ребрышка на переднемъ концѣ и съ круглозаостреннымъ черенкомъ. Длина всей стрѣлки 7 сант., длина черенка 4½ сант. Найдена тамъ же (въ курганѣ).

Послѣдніе 4 номера получены отъ Томскаго горн. исправника Некрасова.

1262) Бронзовая трехгранная стрѣлка съ плоскозаостреннымъ черенкомъ, 4½ сант. длины. Доставлена изъ Барнаульскаго округа г. Рогожинымъ.

1263) Два бронзовыхъ четырехгранныхъ шила, 10 сант. длины; одно съ круглымъ черенкомъ, другое съ плоскимъ. Первое доставлено изъ Барнаульскаго округа Л. Н. Некрасовымъ, а второе окружнымъ исправникомъ Рогожинымъ.

1264) Обломокъ бронзоваго литаго серпа, безъ зазубринъ, 15 сант. длины, 4 сант. ширины (передній конецъ). Найденъ въ Бійскомъ округѣ въ 1883 году. (Прим. 39).

ПОЛКА 2-я.

1265) Бронзовая, круглая, плоская тарелочка (дискъ) 12½ сант. въ діаметрѣ. На лицевой сторонѣ ея, въ центрѣ, находится ушко или шишечка съ сквознымъ отверстіемъ. Поле диска покрыто кружковымъ орнаментомъ. Кружки расположены въ пиромидальныя группы сходящіяся вершинами къ центру тарелочки и въ общемъ образующія фигуру креста. Въ промежуткахъ между пирамидками (вѣтвями креста) помѣщается, кромѣ того, по три кружка.

1266) Тарелочка такого же размѣра и формы, также съ кружковымъ орнаментомъ на лицевой сторонѣ, но группировка кружковъ здѣсь нѣсколько иная. Форма креста также соблюдена.

1267) Круглая металлическая ажурная пластинка (колеско) 6 сант. въ діаметрѣ, состоящая изъ круглой центральной дырочки, величиною въ карандашъ, и двухъ концентрическихъ ободковъ, соединяющихся многочисленными тонкими пластинками, между которыми остаются трехугольные открытые промежутки.

1268) Такая же ажурная круглая пластинка 5 сант. въ діаметрѣ, съ двумя концентрическими ободками. Вмѣсто центральной дырочки здѣсь круглая плащадка, и орнаментъ другой, чѣмъ на предъидущемъ кружкѣ.

1269) Плоская круглая тарелочка 11½ сант. въ діаметрѣ, съ центральнымъ ушкомъ, подобная № 1265 и 1266, но безъ кружковаго орнамента.

Тарелочки и кружки (№№ 1265—1269) найдены въ Кузнецкомъ округѣ вмѣстѣ съ идолами, помѣщенными на таблицѣ XXXIII. См. прим. 36 къ № 1225.

1270) Бронзовая тарелочка съ центральнымъ ушкомъ и приподнятыми краями. Лицевая ея сторона украшена рядомъ выпуклыхъ точекъ, образующихъ два концентрическихъ круга, пространство между которыми раздѣлено тѣми же точками на четыре части или клѣтки, въ каждой клѣткѣ находится ри-

сунокъ, похожій на широкій цвѣтокъ. Діаметръ этой тарелочки 10 сант., стѣнки ея толще предъидущихъ.

1271) Бронзовая круглая пластинка съ центральнымъ ушкомъ, подобная предъидущей. Діаметръ ея 7½ сант. Рельефный орнаментъ на лицевой сторонѣ представляетъ въ нижней половинкѣ нѣчто похожее на морскія волны, а вверху деревья.

1272) Такая же пластинка съ центральнымъ ушкомъ, имѣющая въ діаметрѣ 13 сант.; стѣнки очень толстыя, лицевая сторона покрыта весьма сложнымъ и красивымъ орнаментомъ. На площадкѣ кругомъ центральнаго ушка изображены въ рельефѣ четыре фигуры баснословныхъ животныхъ. Изъ нихъ въ двухъ можно признать льва съ косматою гривою и длиннымъ волнистымъ хвостомъ, а остальныя двѣ походятъ на кита. Найдена въ Кузнецкомъ округѣ. Доставлена Н. Н. Пѣтуховымъ.

1273) Круглая бронзовая пластинка съ ручкою. Самый кружокъ имѣетъ въ діаметрѣ 9 сант., а ручка 8 сант. длины и 2 сант. ширины. На лицевой сторонѣ изображены рельефно, но не вполнѣ отчетливо, двѣ человѣческія фигуры и нѣчто въ родѣ деревьевъ. На верху луна. (Прим. 40).

1274) Бронзовая пластинка продолговатоовальной формы, длиной 13 сант., шириной 9 сант., изображающая человѣческое лицо. На верху видна часть головнаго убора. Здѣсь же находится штифтикъ, служившій, вѣроятно, для прикрѣпленія или привѣшиванія этой фигуры. Найдена крестьяниномъ Кетской волости, деревни Колпашевой, Колесниковымъ, въ 120 верстахъ отъ Нарыма, внизъ по теченію Оби, около Колгуяновыхъ юртъ, при рытьѣ земли для столбовъ, на глубинѣ 2 аршинъ. Доставлена въ 1882 году Томскимъ исправникомъ Кузнецовымъ. (Прим. 41).

1275) Пластинка изъ бѣлаго металлическаго сплава, разбитая на три части (одного края не достаетъ), имѣющая въ діаметрѣ 8½ сант. Лицевая сторона имѣла ушко, верхняя часть котораго сломана. Орнаментъ рельефный, закругленными линіями, представляющими фигуры изъ растительнаго царства. (Такъ называемое китайское зеркало). Найдена въ Каинскомъ округѣ. Доставлена Каинскимъ окружнымъ исправникомъ въ 1881 году.

1276) Обломокъ круглой пластинки изъ такого же бѣлаго металлическаго сплава, найденный В. М. Флоринскимъ въ Болгарахъ. На лицевой сторонѣ куска изображена большая рыба.

1277) Тамъ же найденный небольшой кусокъ отъ другаго экземпляра такого же зеркала.

1278) Литая изъ желтой мѣди бляха, 13 сант. длины и 7 сант. ширины, представляющая двухъ буйволовъ, головы которыхъ, съ большими крутыми рогами, стоятъ рядомъ, обращенныя впередъ, а туловища въ противуположныя стороны, по длинѣ пластинки. Найдена въ Кузнецкомъ округѣ. Доставлена Н. Н. Пѣтуховымъ. Половинка точно такой же бляхи описана выше подъ № 3, въ числѣ Тобольскихъ находокъ г. Знаменскаго.

1279) Бронзовый предметъ, имѣющій форму колокольчика, съ стоящимъ на немъ горнымъ бараномъ. По бокамъ колокольчика двѣ соотвѣтствующія другъ другу дырочки въ гусиное перо величиной. Вышина предмета 10 сант., вышина барана 5 сант. ширина колокольчика $5^1/_2$ сант. Фигура барана и вообще вся отливка предмета весьма тщательная. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, около дерев. Монокъ. Доставленъ И. П. Кузнецовымъ. (Прим. 42).

1280) Бронзовый предметъ въ видѣ опрокинутой воронки, въ широкомъ отверстіи $4^1/_2$ сант., въ узкомъ $1^1/_2$ сант., высота предмета $2^1/_2$ сант. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ. Доставленъ Н. Н. Пѣтуховымъ.

1281) Неизвѣстный, литой изъ бронзы, предметъ въ формѣ изогнутой, сверху разширенной и открытой трубы съ широкимъ отверстіемъ на передней стѣнкѣ. Узкій закрытый конецъ трубы соединяется съ широкою круглою бляшкою. Высота предмета 7 сант. (отъ колѣна трубы), ширина отъ бляшки до вертикальной части трубы $6^1/_2$ сант. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ. Доставленъ Н. Н. Пѣтуховымъ.

1282) Удила литыя изъ красной мѣди. Одна половинка, длиною $9^1/_2$ сант., имѣющая на наружномъ концѣ два неподвижныхъ кольца, какъ въ № 1254. Найдены въ Кузнецкомъ округѣ. Получены отъ Н. Н. Пѣтухова.

1283) Четырехугольная пластинка изъ желтой мѣди, 6 сант. длины и 5 сант. ширины, на верхнемъ краѣ имѣющая большую дужку, а по угламъ 4 дырочки, пятая дырочка въ срединѣ нижняго края. На передней поверхности узоръ: въ срединѣ изъ трехъ вертикально стоящихъ кружковъ съ проходящею чрезъ нихъ полоскою въ формѣ зигзаговъ, образующихъ трехугольники. Найдена въ Кузнецкомъ округѣ. Доставлена Н. Н. Пѣтуховымъ.

1284) Три куска отъ бронзоваго котла, найденные въ Кузнецкомъ округѣ (днище 9 сант. въ діаметрѣ и 2 боковыхъ куска того же размѣра). Отъ Н. Н. Пѣтухова.

1285) Четыре куска отъ бронзовыхъ котловъ, найденныхъ въ Барнаульскомъ округѣ. (Часть поддона и три куска отъ краевъ; одинъ изъ нихъ имѣетъ три поперечныхъ пояска). Отъ Л. Н. Некрасова.

1286) Круглая пластинка (крышка?) изъ красной мѣди, въ діаметрѣ 13 сант., съ ручкою на верху, состоящею изъ 4 вертикальныхъ столбиковъ, покрытыхъ круглою бляшкою (въ родѣ табурета). Найдена въ Бійскомъ округѣ. Доставлена Л. Н. Некрасовымъ.

1287) Такая же крышка 10 сант. въ діаметрѣ; ручка въ видѣ кольца. Найдена тамъ же. (Прим. 43).

1288) Верхній край котла съ полукруглою ручкою. Размѣръ куска 11 сант. ширины и 13 сант. вышины.

1289) Край котла 25 сант. ширины и 15 сант. вышины, съ тремя горизонтальными полосками.

1290) Ручка отъ большаго котла, изображающая коня, 14 сант. длины и 10 сант. вышины.

1291) Два обломка отъ котла, одинъ изъ нихъ съ заклепкою.

№№ 1288—1291 вылиты изъ красной мѣди, найдены въ Барнаульскомъ округѣ.

1292) Тонкая круглая пластинка (дискъ), 9 сант. въ діаметрѣ, съ дырочкою на одномъ краѣ. Вылита изъ такого же сплава какъ Кузнецкія тарелочки № 1265—1266. На одной сторонѣ орнаментъ въ видѣ круговъ, полукружій и лучей.

1293) Мѣдная (изъ красной мѣди) ажурная бляха, овальной формы, $9^1/_2$ сант. длины и 8 сант. ширины, съ широкою петлею для застежки (фибула). Найдена въ Барнаульскомъ округѣ. Доставлена Л. Н. Некрасовымъ.

1294) Такая же ажурная пластинка 5 сант. длины и 4 сант. ширины. (Фибула, или пряжка для пояса, безъ язычка). Найдена тамъ же.

1295) Такая же бронзовая пряжка съ овальнымъ кольцомъ и ручкою въ видѣ трехугольника. Найдена тамъ же.

1296—1298) Три гладкихъ бронзовыхъ кольца $3^1/_2$—4 сант. въ діаметрѣ.

1299) Неизвѣстный предметъ, вылитый изъ бронзы, напоминающій своею формою полукруглую оправу отъ конца ножновъ.

1300) Двѣ бронзовыя кнопки съ широкимъ ушкомъ и двѣ накладки съ заклепками отъ неизвѣстнаго предмета.

1301) Бронзовыя спиральныя серьги, состоящія изъ проволочнаго кольца 3 сант. въ діаметрѣ и висящихъ на немъ двухъ такихъ же проволочныхъ спиралей въ $5^1/_2$ сант. длины. Найдены въ курганѣ Бійскаго округа. Доставл. Л. Н. Некрасовымъ.

1302) Подвѣски изъ бѣлой литой бляшки съ ушкомъ и изъ висящихъ на ней трехъ бронзовыхъ привѣсокъ въ родѣ бубенчиковъ. Длина съ ушкомъ и бляшкою 8 сант., ширина бляшки 3 сант. Найдены тамъ же.

1303) Такая же подвѣска съ тремя бубенчиками, длина 7 сант.

1304) Два бубенчика отъ такой же подвѣски. (Изъ кургановъ Барнаульскаго округа). Прим. 44.

1305) Желѣзный кованый крючекъ съ овальнымъ кольцомъ на заднемъ концѣ. Длина 5 сант., ширина кольца 2 сант. Изъ Маріинскаго округа, отъ Л. Н. Некрасова.

1306) Костяная, гладко отполированная пряжка съ подвижнымъ язычкомъ и двумя поперечными прорѣзями. Длина 5 сант., ширина $3^1/_2$ сант. Найдена въ Томской губерніи.

1307) Бронзовая литая серьга (?), представляющая овальное кольцо $2^1/_2$ сант. въ діаметрѣ, съ двумя шишечками. Найдена въ Бійскомъ округѣ.

1308) Обломокъ бронзовой пластинки отъ неизвѣстнаго предмета, 5 сант. длины и 3 сант. ширины.

1309) Привѣска конической формы съ центральною дырочкою. Длина 2 сант.

1310) Пять круглыхъ дугообразно изогнутыхъ кусковъ, представляющихъ, по видимому, обломки отъ браслетовъ. Одинъ 6 сант. длиною, сдѣланъ изъ темнокоричневой мастики, два куска по 3 сант. длины,—изъ стекла, и два—изъ металлическаго сплава. Помѣщены въ особой коробкѣ. Тамъ же лежатъ два колечка отъ кольчуги, два куска проволочной бронзовой серьги, двѣ половинки бусъ изъ сѣрой мастики, 4 стеклянныя бусы, маленькая привѣска изъ сердолика (съ дырочкой), пропитанная мѣдной окисью кость стерляди и шесть бронзовыхъ обломковъ отъ разныхъ предметовъ. Всѣ эти мелочи найдены въ городищѣ близъ Чингильдинскаго пикета Семирѣченской област. (В. Флор.)

1311) Въ особой коробочкѣ 4 куска ремней и клочки волосъ изъ тобольскаго кургана № 15. (Дм.-Мам.).

1312) Бронзовая пряжка съ подвижнымъ язычкомъ, при ней особо кольцо съ перекладиной для укрѣпленія ремня и пластинка съ четырехугольнымъ отверстіемъ.

1313) Неизвѣстный бронзовый предметъ 5 сант. длины, съ круглою сквозною фтулкою и закругленною, въ родѣ ногтя, острою лопаткою на концѣ; изящной отливки съ орнаментомъ рубчиками по наружной поверхности. Найденъ вмѣстѣ съ предъидущимъ номеромъ около села Тисульскаго. Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ.

1314) Бронзовая пластинка, 5 сант. длины и 2 сант. ширины, съ двумя штифтиками съ внутренней стороны, снаружи имѣетъ узоръ листиками.
1315) Такой же предметъ 4 1/2 сант. длины, съ другимъ наружнымъ узоромъ.
1316) Тоже 7 1/2 сант. длины, со скошенными концами. Всѣ эти три предмета могли служить обкладкою для поясныхъ ремешковъ (привѣсокъ). Найдены въ Барнаульскомъ округѣ.
1317) Кусокъ мѣднаго шлака, найденный въ отвалахъ древнихъ рудниковъ Барнаульскаго округа. Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ.
1318) Кремневая стрѣлка 8 сант. длины, найденная въ разрѣзѣ Обь-Енисейскаго канала (расколота на двѣ части).
1319) Кремневая стрѣлка 5 1/2 сант. длины.
1320) Тоже 4 сант. длины, сѣраго кремня*).
1321) Тоже 4 сант. длины, чернаго кремня.
1322) Кремневая стрѣлка 2 сант. длины съ полукруглою выемкою на заднемъ концѣ. Найдена на югѣ Россіи (отъ В. М. Флоринскаго).
1323) Одинъ кубикъ позолоченой стеклянной мозаики; другой такой же кусокъ стальнаго цвѣта. Найдены въ Болгарахъ (отъ В. М. Флоринскаго).

ПОЛКА 3-я.

Желѣзныя орудія. (Прим. 45).

Таблица XXXIV. (№ 1324—1341).

1324—1327) Четыре желѣзныхъ четырехгранныхъ шила, длиною отъ 7 1/2 до 16 1/2 сант., съ плоскозаостреннымъ черенкомъ. Найдены въ тобольскихъ курганахъ. (Зн.)
1328) Клинокъ маленькаго желѣзнаго ножа 7 1/2 сант., съ плоскимъ черенкомъ.
1329) Обломокъ четырехграннаго шила.
1330) Желѣзная скобка.
1331) Обломокъ узкаго желѣзнаго ножа.
1332) Клинокъ желѣзнаго ножа 8 сант. длины, 2 сант. ширины. (Найденъ тамъ же).

*) №№ 1319 и 1320 найдены въ 1887 году на берегу рѣчки Язевки, впадающей въ Ломовую (притокъ Кети), на глубинѣ двухъ аршинъ въ песчаномъ наносномъ грунтѣ, въ 25 саженяхъ отъ шлюза канала. Доставлены барономъ Аминовымъ.

1333) Клинокъ желѣзнаго узкаго ножа (14 сант. длины и 1½ сант. ширины), по формѣ похожаго на бронзовые. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ. (Отъ Л. Н. Некрасова).

1334—1335) Два желѣзныхъ клинка такой же формы (длины 11 и 17 сант.), найдены А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ курганахъ №№ 13 и 15.

1336—1340) Обломки отъ желѣзныхъ шильевъ и ножей.

1341) Часть желѣзнаго кинжала, 16 сант. длины и 3 сант. ширины, съ сохранившимися кусками костяной обкладки на ручкѣ. Найденъ въ курганѣ № 14 (Дмитріевымъ-Мамоновымъ).

Таблица XXXV. (№№ 1341—1367).

1342—1354) Тринадцать узкихъ желѣзныхъ ножей, длиною отъ 9 до 15 сант., съ плоско заостренными черенками, по формѣ похожихъ на бронзовые (кромѣ ручки). Собраны въ Кузнецкомъ, Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, частію на пашняхъ, частію при разныхъ земляныхъ работахъ.

1355—1357) Три желѣзныхъ четырехгранныхъ шила, найдены тамъ же.

1358—1359) Два маленькихъ желѣзныхъ ножичка (7 и 8 сант. длины со включеніемъ черенка). Найдены тамъ же.

1360) Желѣзная плоская стрѣлка 8 сант. длины.

1361—1365) Маленькіе желѣзные ножи (отъ 7 до 9 сант. длины.

1366—1367) Обломокъ ножа и стрѣлки *). Всѣ предметы XXXV таблицы доставлены Л. Н. Некрасовымъ.

1368) Желѣзное двукрылое копье 30 сант. длины и 5 сант. ширины, фтулка 15 сант. длины и 4 сант. въ просвѣтѣ; отъ нея по срединѣ копья съ той и другой стороны идутъ два полукруглыхъ ребрышка, подобно тому, какъ это дѣлалось въ бронзовыхъ копьяхъ и стрѣлкахъ. Внутри фтулки сохранился слой перегнившаго, пропитаннаго желѣзною окисью дерева. Найдено въ курганѣ № 14 (на Чувашскомъ мысу) Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

1369) Желѣзный ножъ, 20 сант. длины, съ такою же, плоскою, оканчивающеюся кольцомъ, ручкою. Длина ручки 9 сант.,

*) Клинки желѣзныхъ ножей отличаются отъ бронзовыхъ тѣмъ, что послѣдніе имѣютъ плоскую ручку изъ того же металла, тогда какъ желѣзные имѣютъ черенокъ, вставлявшійся въ деревянную, либо костяную ручку. Костяныя ручки сохранились только на экземплярахъ г. Знаменскаго (№№ 206, 291, 320, 322, 327); въ курганныхъ же экземплярахъ А. И. Дмитріева-Мамонова, а равно и у всѣхъ Томскихъ ножей ихъ не оказалось, вѣроятно потому, что они были деревянныя. Древность желѣзныхъ узкихъ ножей подтверждается находками ихъ въ курганахъ совмѣстно съ бронзовыми предметами.

ширина клинка 1½ сант. Форма этого ножа совершенно сходна съ бронзовыми. Найденъ на пашнѣ въ Барнаульскомъ округѣ. Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ.

1370) Желѣзный узкій ножъ 25 сант. длины, съ плоскимъ заостреннымъ черенкомъ, вставлявшимся въ рукоятку. Ширина клинка 1½ сант. Найденъ тамъ же.

1371) Желѣзный гарпунъ 26 сант. длины, съ однимъ острымъ зубцомъ. Обоюдоострый конецъ у основанія зубца имѣетъ 2 сант. ширины, стержень четырехгранный, на концѣ загнутъ въ колечко для привязыванія бичевки. Найденъ на берегу Оби въ Барнаульскомъ округѣ. (Л. Н. Некрасовъ).

1372) Такой же гарпунъ 27 сант. длины, съ однимъ длиннымъ зубцомъ; стержень круглый, на концѣ тонкій, загибается крючкомъ. Найденъ въ городищѣ, на Чувашскомъ мысу. (Знам.).

1373) Желѣзный гарпунъ 19 сант. длины. Передній конецъ его въ формѣ плоской обоюдоострой стрѣлки, съ длиннымъ шипомъ у основанія. Задній конецъ плоскаго четырехграннаго стержня загнутъ въ кольцо. Найденъ въ Барнаульскомъ округѣ. Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ.

1374) Желѣзный крючекъ въ формѣ удочки, безъ шипа. Длина до закругленія 7½ сант., задній конецъ представляетъ желѣзную петлю. Найденъ на берегу Оби въ Барнаульскомъ округѣ. Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ.

1375) Желѣзное плоское копье 23 сант. длины, съ узкимъ лезвеемъ и острымъ черенкомъ (безъ фтулки). Найдено въ Кузнецкомъ округѣ.

1376) Два куска отъ перержавѣвшаго желѣзнаго широкаго клинка (кинжала или меча?) Каждый кусокъ длиною 7 сант., шириною 4½ сант. Найдены А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ курганѣ № 12.

1377) Два куска перержавѣвшаго желѣзнаго ножа и стрѣлки, первый въ 5½ сант., вторая 7 сант. длины и 1½ сант. ширины. На черенкѣ стрѣлки сохранился слой дерева, перегнившаго и пропитаннаго окисью желѣза. Найденъ въ курганѣ № 14 А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

1378) Два желѣзныхъ куска, найденныхъ въ томъ же курганѣ (№ 14); длина ихъ 6½ и 3 сант., ширина 2 сант. На меньшемъ кускѣ видны приставшіе остатки дерева, (вѣроятно отъ рукоятки ножа).

1379) Перержавѣвшія и повидимому спекшіяся отъ огня желѣзныя удила (3 куска), найденныя въ курганѣ № 12 (Дмитріевымъ-Мамоновымъ).

1380) Такія же удила, найденныя въ курганѣ № 15 (два куска) Дмитріевымъ-Мамоновымъ.
№№ 1376—1380 лежатъ въ особой коробкѣ.

1381) Желѣзныя удила (одна половинка) съ большимъ подвижнымъ кольцомъ (6 сант. въ діаметрѣ) на концѣ. Найдены въ курганѣ № 14 (Дмитріевымъ-Мамоновымъ).

1382) Желѣзныя гладкія удила съ большими подвижными кольцами на концахъ. Діаметръ кольца 5 сант. Найдены въ Барнаульскомъ округѣ.

1383) Желѣзныя гладкія удила съ подвижными кольцами и идущими отъ нихъ поперечными костылками. Одного кольца не достаетъ.

1384) Желѣзныя удила 18 сант. длины, безъ подвижныхъ колецъ, которыхъ не достаетъ.

1385) Желѣзныя крученыя удила 18 сант. длины, съ кольцами и костылками.

1386) Желѣзныя крученыя удила (одна половинка съ подвижнымъ кольцомъ безъ костылковъ).

1387) Костылекъ отъ желѣзныхъ удилъ 18 сант. длины.

1388) Тоже въ видѣ латинской буквы S, 17 сант. длины.

1389) Желѣзное стремя съ широкой подножкой. Высота стремени $12^1/_2$ сант., ширина подножки 7 сант.
№№ 1382—1389 собраны въ Барнаульскомъ и Кузнецкомъ округахъ. Доставлены Л. Н. Некрасовымъ.

1390) Желѣзныя удила съ большими кольцами. Діаметръ колецъ по 8 сант. У каждаго изъ нихъ находится подвижная пластинка, въ 7 сант. длины и $1^1/_2$ сант. ширины, съ сохранившимися штифтиками, служившая вѣроятно наружною обкладкою прикрѣплявшагося здѣсь повода. Наружная поверхность этихъ пластинокъ украшена поперечными валиками и была вызолочена. Найдены въ Кузнецкомъ округѣ. Доставлены Н. Н. Пѣтуховымъ.

1391) Желѣзный топоръ, длиною 17 сант., ширина лезвея и обуха $5^1/_2$ сант., діаметръ овальной фтулки 4 и $5^1/_2$ сант. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ. Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ.

1392) Желѣзный сошникъ или родъ выгнутаго заступа, длина 15 сант., ширина 5 сант. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ.

1393) Желѣзный инструментъ въ родѣ кельта; длина $11^1/_2$ сант. ширина лезвея 3 сант., а задняго края $4^1/_2$ сант.; фтулка полуоткрытая $6^1/_2$ сант. глубины. Найденъ тамъ же.

1394) Тоже орудіе съ замкнутою фтулкою, длины 9 сант., ширина лезвея $4^1/_2$ сант., шир. фтулки $3^1/_2$ сант. Найдено тамъ же.

1395) Желѣзныя ножницы, 15½ сант. длины, съ желобкомъ на внутренней поверхности звеньевъ.
1396) Такія же ножницы 18 сант. длины.
1397) Такія же ножницы 18 сант. длины. Конецъ одного звена обломанъ.
1398) Такія же ножницы 18 сант. длины. На нижней части звеньевъ по краю поперечные рубчики..
1399) Желѣзный серпъ (незубренный) 19 сант. длины, съ коротким желѣзнымъ же черенкомъ.
№№ 1392—1399 доставлены Л. Н. Некрасовымъ.

ПОЛКА 4-я.

Таблица XXXVI.

1400—1405) Шесть желѣзныхъ плоскихъ стрѣлъ въ формѣ лопатки, съ широкимъ лезвеемъ. Длина стрѣлы вмѣстѣ съ черенкомъ 15—16 сант., ширина лезвея 4—6 сант., длина лопатки 8—10 сант. (Прим. 46).
1406) Плоская желѣзная стрѣла съ копьевиднымъ концомъ; длина 12 сант, ширина 2½ сант.
1407—1510) Три стрѣлы въ формѣ широкихъ лопатокъ и одна въ формѣ широкаго копья.

Таблица XXXVII.

1411—1421) Одиннадцать широкихъ желѣзныхъ стрѣлъ въ формѣ лопатки, срѣзанныхъ съ обѣихъ сторонъ на переднемъ концѣ подъ тупымъ угломъ.

Таблица XXXVIII.

1422—1426) Пять стрѣлъ широкими копейцами.
1427—1430) Четыре стрѣлы узкими копейцами.

Таблица XXXIX.

1431—1439) Восемь желѣзныхъ стрѣлъ широкими копейцами и одна (1433) въ формѣ вилки.

Таблица XL.

1440—1446) Семь желѣзныхъ стрѣлъ, имѣющихъ на концѣ, вмѣсто копья, три широкихъ крыла съ дыркою на каждомъ изъ

нихъ. Лезвее этихъ крыльевъ срѣзано подъ тупымъ угломъ, либо совсѣмъ горизонтальное.

Таблица XLI.

1447) Стрѣлка въ формѣ лопатки; лезвее срѣзано на двѣ стороны подъ тупымъ угломъ.

1448) Стрѣлка, имѣющая форму совершенно круглой лопатки, 4 сант. въ діаметрѣ.

1449) Стрѣлка въ формѣ четырехугольной лопатки съ горизонтальнымъ срѣзомъ лезвея. Ширина 4 сант.

1450) Стрѣлка въ видѣ двухграннаго копья съ круглою шейкою. Длина копейца 5 сант., длина шейки тоже 5 сант. и черенокъ 5 сант.

1451—1453) Три желѣзныя пластинки съ пробитыми на нихъ дырочками (на одномъ концѣ 6, на другомъ 7 дырочекъ), служившія наружною обкладкою для ремней. Длина пластинки 9 сант., ширина 2 сант.

1454) Стрѣлка трехкрылая.

1455) Стрѣлка копейцемъ.

1456) Трехкрылая стрѣлка.

1457) Желѣзный наличникъ отъ уздечки.

1458) Желѣзный крючекъ.

Таблица XLII.

1459) Стрѣлка въ формѣ плоской двузубой вилки съ острыми внутренними и тупыми наружными краями. Ширина вилки въ основаніи 3 сант., а длина 7 сант. Черенокъ кругло заостренный.

1460—1465) Шесть трехкрылыхъ стрѣлокъ, длиною отъ 13 до 18 сант., вмѣстѣ съ круглымъ черенкомъ. На каждомъ крылѣ у основанія имѣется по овальной дыркѣ.

1466) Стрѣлка въ формѣ плоской двузубой вилки, подобная номеру 1459. Длина съ черенкомъ 18 сант., ширина вилки $3^1/_2$ сант., а длина 10 сант.

Таблица XLIII.

1467, 1469, 1471 и 1473) Большія стрѣлы въ видѣ широкихъ лопатокъ съ горизонтальнымъ срѣзомъ лезвея. Ширина лез-

вея 6—7 сант., длина лопатки 10—11 сант., длина круглаго черенка 8 сант.

1468) Стрѣла 14 сант. длины, въ видѣ плоскаго копья, но не съ острымъ, а съ закругленнымъ концомъ.

1470—1472) Стрѣлы въ видѣ лопатки, со срѣзаннымъ подъ тупымъ угломъ концомъ.

1474) Клинокъ желѣзнаго ножа 7 сант. длины и 1 сант. ширины. Плоско заостренный черенокъ 5 сант. длины.

Всѣ стрѣлы, помѣщенныя на таблицахъ XXXVI—XLIII найдены на пашняхъ и при разныхъ земляныхъ работахъ въ Кузнецкомъ, Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ. Доставлены Томскимъ горнымъ исправникомъ Л. Н. Некрасовымъ.

Таблица XLIV.

1475—1481) Семь желѣзныхъ ножей, сильно попорченныхъ ржавчиной. Найдены въ распаханномъ курганѣ Каинскаго округа.

Предметы помѣщенные внѣ витринъ.

1482) Большой скиѳскій*) котелъ съ поддономъ, литой изъ красной мѣди, 45 сант. въ діаметрѣ, глубиною 32 сант.; высота поддона 7 сант., а ширина 17 сант Части боковой стѣнки внизу не достаетъ. Равнымъ образомъ, обломаны обѣ ручки, находившіяся по верхнему краю котла, гдѣ соотвѣтствующая часть края выломана на протяженіи 8 сант. по ту и другую сторону котла. (Прим. 47).

1483) Такой же котелъ средней величины, 28 сант. въ діаметрѣ, 25 сант. глубиной. Ручки имѣютъ видъ полукруглыхъ дужекъ, 6 сант. ширины и 6 сант. вышины. По стѣнкамъ котла два горизонтальныхъ пояска (валика). Поддонъ обломанъ.

1484) Мѣдный котелъ 31 сант. въ діаметрѣ, 26 сант. глубины, съ двумя ручками, приклепаными не по краямъ, а въ верхней трети боковыхъ стѣнокъ котла. По стѣнкамъ два горизонтальныхъ пояска. Поддонъ имѣетъ 4 сант. высоты и 10 сант. ширины въ нижней части. Кверху онъ съуживается. Въ раз-

*) Я называю эти котлы *скиѳскими* потому, что по внѣшней формѣ они совершенно соотвѣтствуютъ кубастымъ котламъ, въ родѣ купели, съ поддономъ, встрѣчающимся на югѣ Россіи, которымъ уже присвоено это названіе въ наукѣ.

ныхъ мѣстахъ стѣнокъ положены шесть заплатокъ во время починки котла. Заплатки состоятъ изъ двухъ пластинокъ красной мѣди, наложенныхъ на дырки снутри и снаружи и соединенныхъ заклепками. Одна такая заплатка сдѣлана изъ желѣза.

1485) Котелъ средней величины, 22 сант. въ діаметрѣ, 23 сант. глубиной*); ручки дужками, помѣщены по верхнему краю. Длина поддона 8 сант., ширина его внизу $10^1/_2$ сант.

1486) Одна половинка котла (одинъ бокъ), 24 сант. длины и 19 сант. ширины; на стѣнкахъ два пояска.

1487) Половинка котла, 26 сант. высоты, 16 сант. въ діаметрѣ. На стѣнкахъ 2 пояска.

1488) Край отъ котла длиною 25 сант.

1489) Боковая стѣнка котла отъ другаго экземпляра; длина 24 сант. По стѣнкамъ 3 пояска.

Большой котелъ № 1482 и слѣдующій за нимъ № 1483, а также двѣ половинки котловъ №№ 1486 и 1487 найдены были въ Бійскомъ округѣ, въ землѣ, по рѣчкѣ Бѣлому Аную, крестьянами Ануйской волости, деревни Тулитинки, продавшими эти находки казаку *Шестакову*, который пожертвовалъ ихъ въ музей Сибирскаго университета. Доставлены Бійскимъ окружнымъ исправникомъ въ 1885 году. Два мѣдныхъ котла №№ 1484 и 1485 съ тремя обломками (№№ 1488—1490) найдены крестьяниномъ деревни Колотовской, Тарсминской волости, Василіемъ Асановымъ, при распахиваніи земли. За эти экземпляры уплачено 10 рублей.

1491) Кувшинъ изъ желтой глины, съ узкою шейкою, на которой по горлышку выведенъ орнаментъ змѣйкой. Высота кувшина 37 сант., дно плоское, обжигъ хорошій. Найденъ въ землѣ около города Вѣрнаго. Доставленъ *Д. К. Новакомъ*.

1492) Ручной жерновъ изъ двухъ круглыхъ камней, изъ коихъ верхній имѣетъ форму хлѣбнаго каравая, съ воронкообразнымъ отверстіемъ въ срединѣ и съ тремя круглыми ямками по сторонамъ. Діаметръ камней 31 сант. Найденъ въ Каинскомъ округѣ близъ озера Чаны. (Прим. 48).

1493) Ручной жерновъ, состоящій изъ двухъ круглыхъ камней 34 сант. въ діаметрѣ. На верхнемъ камнѣ высѣчено выдающееся кверху горлышко или воронка, 10 сант. ширины, для всыпанія зерна, а по сторонамъ четыре круглыхъ ямочки. На нижней поверхности верхняго камня, подъ воронкою, вы-

*) Діаметръ котловъ опредѣляется по верхнему отверстію; въ срединѣ онъ большею частію шире, такъ какъ стѣнки имѣютъ выпуклую форму. Глубина измѣряется отъ верхняго отверстія до дна, не считая высоты поддона.

сѣчены двѣ ложбинки для ушковъ металлическаго кольца, въ которое долженъ былъ вставляться стержень отъ нижняго камня. Въ прочихъ экземплярахъ жерновъ этой ложбинки нѣтъ.

1494) Ручной жерновъ, состоящій изъ двухъ круглыхъ камней, изъ коихъ верхній камень имѣетъ центральную воронку и 4 ямочки. Размѣръ его меньше нижняго камня, можетъ быть потому, что эти камни относились къ разнымъ экземплярамъ.

Жернова №№ 1493 и 1494 найдены въ 1881 году въ Космалинской волости, около деревни Волчихи, въ курганѣ. Доставлены Барнаульскимъ окружнымъ исправникомъ.

1495) Желѣзная кольчуга, найденная въ Кузнецкомъ округѣ. Длина отъ ворота до подола 85 сант., ширина въ плечахъ 48 сант., кругомъ шеи стоячій воротъ вышиною $6\frac{1}{2}$ сант., состоящій изъ 6 рядовъ колецъ, въ которыя продѣты шесть рядовъ ремня, а внутренняя сторона ворота была подбита матеріею, похожею на плисъ. Спереди на срединѣ груди прямой воротъ. Сзади по подолу небольшой разрѣзъ. Получена 16 ноября 1885 г. отъ *Г. К. Тюменцева*.

1496) Кольчуга такой же длины и формы, найдена крестьяниномъ Легостаевской волости, Чирковымъ, на пашнѣ.

1497) Кольчуга изъ крупныхъ плоскихъ колечекъ, безъ стоячаго ворота и безъ ремней. Воротъ по срединѣ, очень широкій. Сзади и спереди у подола небольшой разрѣзъ. Вмѣстѣ съ кольчугою доставлено и записано подъ тѣмъ же номеромъ желѣзное калмыцкое копье съ длиннымъ четырехграннымъ перомъ и длинною тульею.

1498) Такая же кольчуга изъ мелкихъ колечекъ. Воротъ стоячій, съ ремнями въ 4 ряда. Получена вмѣстѣ съ № 1497 отъ Александра Семеновича *Хабарова*, изъ Чуйской волости, с. Ангудай, на Алтаѣ.

1499) Кольчуга, найденная крестьяниномъ деревни Чащинской, Тарсминской волости, Матвѣемъ Некрасовымъ, при распахиваніи земли. Доставлена въ 1884 году Кузнецкимъ окружнымъ исправникомъ.

1500) Кольчуга, доставленная начальникомъ Змѣиногорской отдѣльной команды А. Александровымъ, изъ Змѣиногорска, въ 1886 г. Найдена на чердакѣ стариннаго каменнаго зданія, принадлежащаго горному вѣдомству. О первоначальномъ происхожденіи ея ничего неизвѣстно.

1501) Кольчуга, найденная при поханіи земли въ Барнаульскомъ округѣ.

Кольчуги №№ 1499, 1500 и 1501 отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что разрѣзъ ворота у нихъ находится не посрединѣ груди, а сбоку, какъ у русской рубашки (косоворотки). При этомъ въ застегнутомъ воротѣ одна полка прикрываетъ другую, такъ что самая средина груди оказывается прикрытою двойнымъ рядомъ кольчуги. Кольца у этихъ панцырей изъ круглой, довольно толстой проволоки, а не изъ плоской, какъ у болѣе новыхъ кольчугъ. Воротъ (полка) запахивался на лѣвую сторону и у лѣваго плеча завязывался, вѣроятно, ремешками, такъ какъ ни на одной кольчугѣ не сохранилось ни крючковъ, ни пуговокъ. Воротникъ, или часть ворота, идущая кругомъ шеи, имѣетъ не болѣе двухъ поперечныхъ пальцевъ ширины и состоитъ изъ горизонтальныхъ рядовъ колечекъ, въ которыхъ нѣтъ продернутыхъ ремней, тогда какъ у прочихъ кольчугъ въ кольца продернуты тонкіе ремешки во столько рядовъ, сколько рядовъ колецъ въ воротникѣ. На подолѣ у всѣхъ кольчугъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, находится спереди и сзади небольшой разрѣзъ для свободнаго движенія ногъ при ходьбѣ.

Кольчуги №№ 1497 и 1498, доставленныя инородцемъ второй Чуйской волости, Бійскаго округа, Александромъ Семеновичемъ Хабаровымъ, были пріобрѣтены его предками отъ кочевыхъ калмыковъ, а копье отъ кочевыхъ инородцевъ по р. Чуѣ. Доставлены въ музей въ 1887 году.

1502) Кольчуга, найденная въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, доставлена П. Е. Маковецкимъ, изъ Семипалатинска. Воротъ стоячій, съ продѣтыми въ пять рядовъ ремнями. Найдена вмѣстѣ съ шлемомъ (шишакомъ). (Прим. 49).

1503) Стальной островерхій коническій шлемъ (шишакъ); найденъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ; доставленъ въ 1885 году П. Е. Маковецкимъ.

1504) Желѣзный, во многихъ мѣстахъ насквозь проржавѣвшій шлемъ русскаго типа. Онъ имѣетъ коническую форму, состоитъ изъ вѣнца или околыша, 5 сант. ширины, на которомъ съ одной стороны придѣланъ небольшой полукруглый наклонный козырекъ ($2^1/_2$ сант. ширины), а съ другой былъ такой же назатыльникъ, обломанный вмѣстѣ съ частію околыша. Самый конусъ, 16 сант. вышины, склепанъ изъ двухъ половинокъ, передней и задней. На мѣстѣ склепокъ наложены продольныя полоски, отъ околыша до навершья. Навершье состоитъ изъ маленькаго конуса, вверху котораго оставлена круглая дырка. Клепки по навершью, полоскамъ,

козырьку и околышу имѣютъ круглыя шишечки. По нижнему краю околыша, съ той и другой стороны козырьковъ, посажены ушки или петельки, служившія для прикрѣпленія наушекъ. Окружность шлема, снаружи по околышу, 69 сант., ширина внутри 21 сант. Весь этотъ шлемъ былъ покрытъ золотомъ. Слѣды золота сохранились: по околышу въ видѣ широкихъ разводовъ, по боковымъ полоскамъ, козырьку и навершью. На передней и задней половинѣ шлема точно также сохранилось ясно изображеніе золотыхъ птицъ, похожихъ на орловъ, по два съ каждой стороны, съ распущенными крыльями и широкими завитыми хвостами. Каждая пара птицъ обращена головами другъ къ другу, а между ними вверху и внизу находятся круглыя золотыя фигуры въ видѣ шара или короны (трудно разобрать). Этотъ замѣчательный шлемъ былъ найденъ въ 1876 году въ Сузунскомъ бору, въ 25 верстахъ отъ Сузунскаго завода, въ 2 верстахъ отъ озера Осинина, внутри бора, во время лѣснаго пожара, при копаніи канавъ противъ распространенія огня. (Прим. 50).

1505) Желѣзная круглая шапка (мисюрка), арабскаго или египетскаго типа, съ накладкою на макушкѣ и съ кольчужною сѣткою, спускающеюся отъ затылка и ушей.

1506) Желѣзное плоское копье на два ребра, съ круглою фтулкою (насажено на древко въ музеѣ).

1507) Широкое плоское копье (бердышъ) съ боковыми полулунными щечками, съ прорѣзями и завитками (насажено на древко въ музеѣ). Доставлено *Л. Н. Некрасовымъ*.

1508) Двѣ кольчуги. Одна изъ нихъ изъ круглой проволоки, съ прямымъ воротомъ, безъ воротника, получена отъ родоваго старшины первой Алтайской дючины *Т. Н. Туганова*. Длина ея отъ ворота до подола 58 сант., ширина въ подолѣ 52 сант. Вторая кольчуга изъ плоской проволоки съ стоячимъ воротникомъ, въ которомъ продѣто четыре ряда ремней. Воротъ прорѣзанъ не на самой срединѣ груди, а немного влѣво; застегивается (завязывается ремнями) на лѣвую сторону. Длина отъ ворота до подола 64 сант., ширина въ подолѣ 69 сант. Найдена въ Кузнецкомъ округѣ, неизвѣстно при какихъ условіяхъ. Доставлена *Н. Н. Пѣтуховымъ*. Для укладки этой кольчуги есть особый замшевый мѣшокъ.

1509) Русскій тесакъ XVII вѣка, съ трехугольными толстыми зубцами на обухѣ, въ родѣ терпуга, или пилы. Доставленъ *Г. Нечаевымъ*.

1510) Большое мѣдное чеканное блюдо, съ круглымъ дномъ. Найдено въ землѣ, близъ Томска. Доставлено въ 1883 году бывшимъ томск. полиціймейстеромъ *Чижомъ*. Діаметръ 46 сант.

1511) Каменная баба, привезенная изъ г. Вѣрнаго В. М. Флоринскимъ. Найдена на границѣ Кульджи и Семирѣченской облости, близъ селенія Бахты*). Вышина 66 сант., ширина 36 сант. (Прим. 51)

1512) Камень съ древними сирійскими письменами и крестомъ, взятый съ древняго несторіанскаго кладбища (VII—VIII в.), близъ Пишпека. Длина 27 сант., ширина 20 сант.

1513) Другой экземпляръ такого же камня, длина 40 сант., ширина 30 сант.

1514) Дубовый, окованный узорчатымъ желѣзомъ, русскій ларецъ съ надписью 1612 года. Длина и вышина его $8^1/_2$ вершковъ, ширина 7 вершковъ. Пріобрѣтенъ *И. Я. Словцовымъ въ Тюмени.*

Витрина 4.

Каменныя орудія. (Прим. 52).

1515) Обдѣланный камень, 22 сант. длины, 15 сант. ширины, $7^1/_2$ толщины, съ плоскою, слегка вогнутою верхнею поверхностію; спереди высѣчена голова барана, съ рогами. Доставленъ изъ Березовскаго округа, подъ именемъ самоѣдскаго идола, исправникомъ *Дзерожинскимъ.*

1516) Каменный не шлифованный широкій топоръ (18 сант. длины, 10 сант. ширины у обуха). Найденъ при работахъ на Обь-Енисейскомъ каналѣ. Доставленъ барономъ Аминовымъ.

1517) Такой же формы каменный топоръ, изъ діорита, отшлифованный, $16^1/_2$ сант. длины, 10 сант. ширины. Найденъ тамъ же. Доставленъ барономъ *Аминовымъ.*

1518) Каменный шлифованный молотокъ, изъ діорита, съ круглою фтулкою, длина 16 сант., ширина $7^1/_2$ сант. Найденъ въ Томской губерніи. Доставленъ *Г. К. Тюменцевымъ.*

1519) Каменный шлифованный скребокъ, изъ кремнистаго сланца, 22 сант. длины, 5 сант. ширины. Найденъ на Обь-Енисейскомъ каналѣ. Доставленъ *К. И. Силантьевымъ.*

---

*) Въ музеѣ находятся еще двѣ каменныя бабы, привезенныя—одна съ Алтынъ-Эмельской станціи, Семирѣченской области, другая, найденная въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, доставлена изъ Семипалатинска, но онѣ, по своей тяжести, помѣщаются внѣ музея.

1520) Каменный шлифованный скребокъ, 16 сант. длины, 5 сант. ширины, найденъ на ботаническомъ участкѣ земли Сибирскаго университета, при разработкѣ питомниковъ.

1521) Каменный скребокъ, изъ діорита (?), 11 сант. длины и 4 1/2 сант. ширины, найденъ близъ Томска. Доставленъ *Г. К. Тюменцевымъ*

1522) Тоже изъ глинистаго сланца, съ Обь-Енисейскаго канала, 12 1/2 сант. длины и 5 сант. ширины. Доставленъ барономъ Аминовымъ въ 1885 году.

1523) Каменная большая кремневая стрѣла (или копье?), 11 сант. длины и 5 сант. ширины. Съ Обь-Енисейскаго канала. (Задній конецъ обломанъ).

1524) Неизвѣстный предметъ изъ шлифованнаго песчаника, имѣющій форму продолговатой табатерки. Нижняя поверхность его гладкая, верхняя обдѣлана на двѣ плоскихъ грани, передній и задній концы закруглены; по бокамъ, а также спереди и сзади вырѣзаны вглубь значки, въ родѣ клеймъ, или непонятныхъ алфавитныхъ знаковъ. Размѣръ камня: длина 9 сант., ширина 3 1/2 сант., вышина 5 сант. Найденъ въ Абаканской волости, Минусинскаго округа, около деревни Сухая Ярба. Доставленъ *Л. Н. Некрасовымъ*.

1525) Палочка изъ шлифованнаго камня (сѣрой яшмы?) 11 1/2 сант. длины и 2 1/2 сант. ширины, съ круглыми дырочками на концахъ. Величина дырочекъ въ обыкновенный карандашъ. Найдена въ Минусинскомъ округѣ. Доставлена *Л. Н. Некрасовымъ*.

1526) Круглое каменное, искусственно обдѣланное ядро, 25 сант. въ окружности. Найдено весною 1885 г. крестьяниномъ дер. Ляниной, Барнаульскаго округа, при распахиваніи земли. Получено 5 апрѣля 1886 г. отъ штатнаго смотрителя Аргунова.

1527) Два каменныхъ яйца. величиною въ куриное яйцо. Одно изъ нихъ найдено въ Бійскомъ округѣ, другое въ Семипалатинскомъ. Послѣднее доставлено *И. И. Сапожниковымъ*.

1528) Такое же каменное яйцо, найденное въ Семипалатинской области, Усть-Каменогорскаго уѣзда, на Троицкомъ золотомъ пріискѣ гг. Степановыхъ, подъ отваломъ золотоноснаго пласта, на двухъаршинной глубинѣ. Доставлено Петромъ Ивановичемъ *Сапожниковымъ*.

1529) Камень въ формѣ дѣтской ножки (валунъ?)

1530) Кусокъ песчаника, имѣющій форму наковальни (случайно обточенный водой?) Найденъ въ рѣчкѣ Сеѣ, впадающей въ Енисей, въ Минусинскомъ округѣ. Доставленъ *Л. Н. Некрасовымъ*.

1531) Камень 32 сант. длины и 13½ сант. ширины, разбитый на два куска, съ непонятными (тибетскими?) письменами на верхней сторонѣ. Найденъ на верховьяхъ р. Енисея, въ кучѣ камней и разныхъ приношеній, въ т. наз. Обо. Доставленъ *Иннок. Петр. Кузнецовымъ* въ 1887 году.

1532) Разные камни и шлаки, найденные въ городищѣ на Чувашскомъ мысу. Въ числѣ ихъ 5 грузилъ съ пробитою на краю дырочкою, три куска желѣзнаго шлака, каменный шарикъ, въ родѣ картечнаго ядра и нѣсколько камней, повидимому, служившихъ точилами для ножей.

1533) Шестнадцать каменныхъ орудій, кусокъ зеленаго камня и бронзовая стрѣлка, собранные въ Енисейской губерніи, на р. Ангарѣ; пожертвованы въ музей Сибирскаго университета священникомъ Александромъ Ивановичемъ Масленниковымъ*):

---

*) Пожертвованныя въ музей о. Александромъ Масленниковымъ каменныя орудія были сначала отправлены, въ 1887 году, на Екатеринбургскую научно-промышленную выставку, при отношеніи слѣдующаго содержанія: «Желая представить на выставку прилагаемыя у сего орудія доисторическаго человѣка, пріобрѣтенныя мною во время моихъ странствованій, по должности благочиннаго, по р. Ангарѣ и ея притокамъ, въ районѣ Пинчугской и Кежемской волостей, Енисейскаго округа, я считаю не лишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько словъ относительно какъ мѣста находки, такъ равно и способа пріобрѣтенія мною этихъ предметовъ.

Центральнымъ пунктомъ археологическихъ находокъ по Ангарѣ является село Чадобское, расположенное тамъ, гдѣ въ тихія волны могучей Ангары вливаетъ свои воды сравнительно быстрый Чадобецъ, вершина котораго теряется гдѣ-то въ безпредѣльномъ пространствѣ тайги. Красиво и оригинально это мѣсто! Огромная гора, полого спускающаяся въ Ангару со стороны рѣч. Чадобца, съ противуположной стороны оканчивается огромнымъ утесомъ, нависшимъ надъ рѣкою и имѣющимъ форму шапки, за что и прозваннымъ на образномъ языкѣ туземцевъ «попомъ». Тутъ же есть соляной источникъ, утилизируемый жителями въ качествѣ пойла для скота, а также пещеры, доступъ въ которыя возможенъ лишь въ особенно малую воду. Вообще, мѣстность этого села такова, что если бы здѣсь не существовало поселенія, то его слѣдовало бы завести, единственно по удобствамъ въ отношеніи рыбныхъ ловель, хлѣбопашества, звѣроваго промысла и проч. И находки въ родѣ приложенныхъ, встрѣчающіяся именно здѣсь, въ углу, образуемомъ сліяніемъ рр. Ангары и Чадобца, свидѣтельствуютъ, что мѣсто это служило жилищемъ человѣка съ издавна.

Въ этомъ именно углу найдены предметы, означенные въ моемъ каталогѣ №№ 1, 2, 5, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 21. Здѣсь же существуютъ, занесенные пескомъ съ близлежащаго острова Ангары, *курганы*, еще ждущіе своего изслѣдователя. Такіе же курганы есть и въ мѣстности между селомъ Богучанскимъ и дер. Яркиной.

№№ 3 и 4 найдены близъ деревни Голтявиной, расположенной въ 46 верстахъ ниже с. Чадобскаго, по Ангарѣ, въ мѣстности, знаменитой своимъ грознымъ порогомъ—Мурскимъ,—заимствовавшимъ свое названіе отъ р. Муры, впадающей въ Ангару, въ 8 верстахъ выше Голтявиной. По р. Мурѣ, близъ деревни Надуйской, найдены №№ 6 и 19. Находки приложенныя у сего, не единственныя; но къ сожалѣнію, проѣзжая тѣми мѣстами въ качествѣ офиціальнаго лица, я не имѣлъ возможности, а отчасти и средствъ, сдѣлать что-либо

1) Каменный (шлифованный) круглый пестикъ (изъ песчаника), 21 сант. длины, 5 1/2 сант. въ діаметрѣ, на нижнемъ концѣ. Верхній конецъ съуженъ и закругленъ, а нижній плоскій.
2) Кремневый (не шлифованный) топоръ 17 сант. длины, 9 сант. ширины въ обухѣ, по формѣ сходенъ съ № 1516.
3) Кремневый топоръ 20 сант. длины, 11 ширины, по формѣ сходенъ съ предъидущимъ, но значительно толще и тяжелѣе, передній конецъ заостренъ въ видѣ большаго копья, а задній, полукруглый, съ уширеніемъ по бокамъ, въ родѣ ушковъ, подобно №№ 1516 и 1517.
4) Кремневое орудіе, по формѣ похожее на скребокъ, 21 сант. длины и 5 1/2 ширины на переднемъ полукругломъ концѣ. Грубо обколотъ въ правильную форму, но безъ слѣдовъ шлифовки.
5) Кремневый топоръ четыреугольной формы, 13 сант. длины и 11 1/2 сант. ширины. Передній конецъ слегка закругленъ. Безъ признаковъ шлифовки.
6) Скребокъ изъ крѣпкаго кремнистаго песчаника, сѣрожелтоватого цвѣта, 15 сант. длины и 5 сант. ширины на переднемъ концѣ; гладко отшлифованъ.
7) Кремневое орудіе, служившее, вѣроятно, топоромъ. Длина 20 сант., ширина 11 сант. на широкомъ (заднемъ) концѣ; передній конецъ имѣетъ форму широкаго плоскаго копья.
8) Скребокъ изъ кремнистаго шлифованнаго песчаника, имѣетъ форму четырехугольнаго клина, съ заостреннымъ концомъ. Длина 12, ширина 5 сант. По формѣ очень сходенъ съ скребками, дѣлавшимися изъ кости.
11) Каменное орудіе изъ кремнистаго песчаника, по формѣ похожее на скребокъ, 25 сант. длины, 7 сант. ширины на переднемъ концѣ, не шлифованное.
12) Кремневая стрѣла 6 сант. длины.
13) Кремневая плоская стрѣлка 2 сант. длины и 1 сант. ширины, съ полулунною выемкою на заднемъ концѣ.
14) Такая же стрѣлка 2 сант. длины и 1 1/2 сант. ширины, тоже съ полулунною выемкою.

большее. Но было бы жаль, если бы историческія сокровища, находимыя здѣсь, послужили лишь для праздной забавы жителей. Изысканія по Ангарѣ вообще дадутъ, несомнѣнно, обильный и дорогой въ научномъ отношеніи матеріалъ.

По минованіи надобности для выставки въ моей коллекціи, я желаю передать ее въ музей Сибирскаго университета, въ его полное владѣніе. 1887 года марта 31 дня».

Священникъ *А. Масленниковъ.*

15) Кусокъ кремня 3 сант. длины, $1^1/_2$ сант. ширины и толщины, на заднемъ концѣ четырехугольный, съ плоско срѣзаннымъ концомъ, а передній конецъ заостренъ на четыре грани.
16) Кремневая стрѣлка $2^1/_2$ сант. длины и $1^1/_2$ сант. ширины, съ полулунною выемкою на заднемъ концѣ.
17) Такая же стрѣлка, тѣхъ же размѣровъ.
18) Такая же стрѣлка 5 сант. длины и 2 сант. ширины.
19) Кусокъ зеленаго камня (нефрита) 7 сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины, съ гладкою выпуклою поверхностію.
21) Бронзовая трехгранная стрѣлка $7^1/_2$ сант. длины, со фтулкою, найденная вмѣстѣ съ кремневыми стрѣлками

Предметы поступившіе послѣ составленія каталога *)

Отъ барона Аминова съ Обь-Енисейскаго канала.

2401) Желѣзная *корона* (діадема), состоящая изъ плоскаго, полукруглаго обруча, 2 сант. ширины, задніе концы котораго нѣсколько съуживаются, направляются внизъ и оканчиваются колечками (петельками). По верхнему краю обруча посажены 14 трехугольныхъ пластинокъ, обращенныхъ широкимъ концомъ вверхъ; на этомъ концѣ пластинки украшены съ наружной стороны мелкими зубчиками, а двѣ послѣднія пластинки съ того и другаго конца діадемы имѣютъ кромѣ того сквозныя дырочки. Къ нижнему краю обруча приклепаны подобныя же трехугольныя пластинки, числомъ 12. Обращенный книзу, свободный конецъ ихъ раздѣленъ на три вѣтви (листочка), а наружная поверхность покрыта тонкими рубчиками, равно какъ и нижній край обруча. Въ верхнемъ ряду не достаетъ четырехъ пластинокъ (обломаны), а въ нижнемъ—одной. Вся корона кованая, сдѣлана искусно, съ соблюденіемъ полной симметріи; надѣтая на голову, она производитъ довольно красивое впечатлѣніе. Верхніе зубцы и часть околыша, повидимому, были выкрашены красною краскою, слабые слѣды которой сохранились кое—гдѣ, на остальной же поверхности слой краски слупился вмѣстѣ съ наружнымъ слоемъ желѣза **).

*) Номера по порядку съ 1534 до 2400 относятся къ этнографическому отдѣлу.
**) Была ли это дѣйствительно краска, а не слѣдъ желѣзной окалины, я затрудняюсь сказать въ точности, не имѣвъ времени изслѣдовать эти мѣста химическимъ способомъ, такъ какъ вещи были получены только за нѣсколько дней до отправленія этой части рукописи каталога въ типографію.

2402) Желѣзный кованый *вѣнецъ*, состоящій изъ плоскаго околыша, въ 2 сант. ширины, отъ котораго идутъ двѣ желѣзныя полоски, перекрещивающіяся на макушкѣ. На вершинѣ вѣнца поднимается вертикально желѣзный прутикъ, 6 сант. длины, который потомъ изгибается подъ прямымъ угломъ и оканчивается горизонтальною пластинкою, съ отходящими отъ верхняго ея ребра двумя острыми отростками или шипами, напоминающими оленьи рога. Длина этой горизонтальной части прутика 11 сант. Такіе шипы находятся и на концахъ (у макушки) двухъ боковыхъ полосокъ. Діаметръ околыша $17^1/_3$ сант., вышина вѣнца до макушки 11 сант., работа довольно грубая, кузнечная, безъ всякихъ орнаментовъ. Какъ діадема, такъ и вѣнецъ найдены были близь устья рѣки Язевой, входящей въ систему Обь-Енисейскаго канала, при выемкѣ земли, первая на глубинѣ полуторыхъ саженъ, а второй—около сажени, въ песчано-илистой почвѣ. По всѣмъ признакамъ, въ данной мѣстности, гдѣ производились земляныя работы, было прежде русло (рукавъ) рѣки, занесенное потомъ иломъ и пескомъ. По мнѣнію барона Аминова, найденные предметы могли попасть на такую глубину только въ то время, когда упомянутая протока была наполнена водой и судоходна. Потопленные на днѣ, они были здѣсь занесены иломъ и пескомъ и можетъ быть по этой причинѣ желѣзо ихъ не покрылось толстымъ слоемъ ржавчины. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ сосѣдней мѣстности находится довольно много желѣзной болотной руды и почвенныя воды имѣютъ значительную примѣсь желѣза.

Въ этой же земляной выемкѣ (близь устья р. Язевой) найдены:

2403) Каменный шлифованый скребокъ изъ глинистаго сланца, 16 сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины. Одинъ конецъ его заостренъ въ видѣ четыреугольнаго клина, а другой закругленъ въ видѣ толстаго пальца. Не зависимо отъ шлифовки, поверхность скребка какъ-бы вылощена отъ продолжительнаго употребленія, но на остромъ концѣ его ни сколовъ, ни зазубринъ не имѣется.

2404) Кремневая широкая стрѣла (или копье), длина 16 сант., ширина самаго копейца 5 сант., а черенокъ постепенно съуживается до $1^1/_2$ сант. Отбивка кремня совершенно правильная, съ пропорціональными линіями очертанія стрѣлы.

2405) Человѣческій черепъ, круглоголовый, повидимому остяцкій или тунгузскій; окружность головы $46^1/_2$ сант., отъ лобнаго

шва не осталось никакого слѣда, вѣнечный, стрѣловидный и затылочный швы правильно развиты. Здѣсь же собрана коробка мелкихъ костей (пока еще не разобранныхъ).

Выше по теченію р. Язевой, на болѣе высокомъ материковомъ берегу, въ песчаной почвѣ, на глубинѣ около одной сажени найдены:

2406) Каменное орудіе изъ кремнистаго сланца сѣраго цвѣта, въ видѣ большаго четырехугольнаго остраго клина, 21 сант. длины, 5 сант. ширины и толщины; всѣ четыре грани отлично отшлифованы. На остромъ концѣ нѣтъ никакихъ зазубринъ, но одинъ уголокъ немного сколотъ. Форма орудія совершенно подобна тобольскимъ костянымъ скребкамъ, но размѣръ значительно больше.

2407) Бронзовая ажурная бляха, овальной формы, длина 14 сант., ширина 9 сант. Ободокъ бляхи состоитъ изъ тонкой орнаментированной пластинки, изображающей изъ себя нѣчто въ родѣ змѣй съ головами четвероногаго животнаго, а въ срединѣ помѣщается большой, величественно выступающій звѣрь, съ открытымъ ртомъ, похожій на тигра. Нижняя губа его соприкасается съ мордою змѣи, хвостъ и уши украшены рядомъ выпуклыхъ шишечекъ, а тѣло полосатое. На верху бляхи находятся два ушка, посредствомъ которыхъ бляха къ чему нибудь привѣшивалась. Значеніе ея вѣроятно было какое нибудь символическое; моделировка и отливка тонкая и изящная. Любопытно нахожденіе этого предмета рядомъ съ каменнымъ орудіемъ.

2408) Большое желѣзное копье, найденное въ томъ же мѣстѣ, но на глубинѣ не болѣе полуторыхъ аршинъ, въ торфяномъ слоѣ. Длина его съ черенкомъ 43 сант., безъ черенка 23 сант., толщина $1^1/_2$ сант., ковка на двѣ грани съ выдающимся ребрышкомъ на передней и задней поверхности; черенокъ плоскій, въ концѣ заостряющійся. Строеніе желѣза слоистое, особенно на черенкѣ, что можетъ быть указываетъ на особый способъ ковки.

2409) Двѣ связки роговыхъ чешуекъ (по 25 штукъ въ связкѣ) въ видѣ полукруглыхъ язычковъ въ 3 сант. длины и $1^1/_2$ сант. ширины каждый, съ дырочкою на верхнемъ краѣ. Вѣроятно изъ нихъ составлялся чешуйчатый панцырь. Найдены при земляныхъ выемкахъ въ бывшемъ затонѣ (курьѣ) р. Язевой, въ илисто-песчаномъ слоѣ, на глубинѣ около сажени.

2410) Костяной ножикъ, 28 сант. длины и отъ 3 до 5 сант.

ширины, покрытый красивымъ голубымъ налетомъ фосфорнокислаго желѣза. Найденъ тамъ же.

2411) Двѣнадцать черепковъ глиняной посуды, грубо приготовленной изъ сѣрой и желтой нечистой глины, съ примѣсью песка и ила. Изъ нихъ восемь штукъ орнаментированы рядами оттиснутыхъ ямокъ и полосокъ; на одномъ черепкѣ, отъ горлышка, выпуклый узоръ горизонтальными и вертикальными ребрышками); одинъ черепокъ представляетъ днище плоскодоннаго горшка. Найдены тамъ же.

2412) Обломокъ желѣзнаго инструмента, имѣющій форму четырехграннаго заостреннаго клина, 12 сант. длины и около 2 сант. ширины и толщины, на толстомъ концѣ. По формѣ соотвѣтствуетъ бронзовому орудію, описанному подъ № 1252 и 1251.

Номера 2403—2411 пожертвованы находившимся при работахъ на Обь-Енисейскомъ каналѣ техникомъ Стан. Осипов. Рогальскимъ.

2413) Узорчатый черепокъ, найденный въ землѣ на берегу р. Васьюгана, въ Нарымскомъ краѣ, близь Айполовыхъ юртъ. Узоръ тисненый, рубчатыми лѣсенками, цвѣтъ черепка снаружи желтый, а въ изломѣ черный.

2414) Костяная стрѣлка, найденная близь города Тары.

2415) Пять сургучныхъ слѣпковъ съ печатей (мѣдныхъ перстней), найденныхъ въ 1887 году въ курганной могилѣ бронзоваго вѣка, на берегу рѣки Томи, близь Томска.

2416) Восемь сургучныхъ слѣпковъ съ древнихъ средне-азіатскихъ (или арабскихъ?) серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ 1886 году въ Вятской губерніи.

2417) Девять фотографическихъ снимковъ съ каменныхъ бабъ, найденныхъ въ Токмакскомъ уѣздѣ Семирѣченской области. Доставлены докторомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Поярковымъ.

2418) Фотографическій снимокъ съ мѣднаго стола или жертвенника, найденнаго въ 1886 году близь г. Вѣрнаго. Оригиналъ отправленъ въ Московскій историческій музей.

2419) Фотографическій снимокъ съ древней башни „Бураны“, находящейся въ 8 верстахъ къ югу-западу отъ Токмака. (Прим. 53).

2420) Четырнадцать фотографическихъ снимковъ съ камней (съ крестами и сирійскими письменами), найденныхъ близь Пишпека и Токмака на древнихъ христіанскихъ (Несторіанскихъ) кладбищахъ.

2421) Четырнадцать снимковъ съ тѣхъ же камней, сдѣланныхъ тушью на бумагѣ.

2422) Фрагментъ (горлышко) отъ глинянаго грушевиднаго сосуда съ коническимъ дномъ. Найденъ въ Семирѣченской области близъ озера Иссыкъ-куля.

2423. Медель цѣлаго коническаго сосуда, найденнаго въ Минусинскомъ округѣ (изъ обожженной желтой глины).

Предметы, найденные при разработкѣ огородовъ въ селѣ Самаровѣ (близъ устья р. Иртыша, у Самаровскаго мыса. Примѣч. 54).

2424) Крупная бусина янтарнаго цвѣта, величиною въ лѣсной орѣхъ, повидимому каменная.

2425. Такая же каменная бусина блѣдно-желтоватаго цвѣта.

2426) Двѣ стеклянныхъ бусы голубаго цвѣта.

2427) Трехугольная пластинка изъ гладко-отшлифованнаго камня (яшмы?) съ круглою дырочкою на верхнемъ (узкомъ) концѣ. Длина 6 сант., ширина задняго конца $3^1/_2$ сант., переднаго $1^1/^2$ сант.

2428. Мѣдный перстень съ круглою площадкою, величиною поменьше серебрянаго гривенника. На пластинкѣ вырѣзана вглубь фигура, похожая на человѣка съ птичьей головой и по бокамъ его двѣ стрѣлы.

2429) Глиняный, съ наружной стороны муравленый, зеленаго цвѣта, внутри полый предметъ, $3^1/_2$ сант. вышины, служившій, можетъ быть, набалдашникомъ отъ трости.

2430) Шесть узорчатыхъ черепковъ отъ глиняной посуды, грубой выдѣлки; орнаментъ вдавленными ямками и полосками (въ елку). При нихъ найденъ кусокъ человѣческой темянной кости.

2431) Днище отъ глинянаго сосуда съ плоскимъ дномъ, отъ котораго съ той и другой стороны (т. е. снизу и сверху) идутъ обломанныя стѣнки, изъ чего можно заключить, что этотъ сосудъ имѣлъ поддонъ, какъ у скиѳскихъ котловъ. Діаметръ днища 10 сант.

2432. Восемь сколотыхъ острыхъ кусковъ кремня и, вмѣстѣ съ ними найденная, одна маленькая кремневая стрѣлка, правильно обдѣланная, съ небольшой полукруглою выемкою на заднемъ концѣ. Длина стрѣлки 2 сант.

Предметы, собранные на городищѣ Таянъ, близъ Томска, на лѣвомъ берегу р. Томи.

2433) Желѣзная стрѣла съ острымъ, круглымъ черенкомъ; длина 18 сант., ширина $1^1/_2$ сант.

2434) Желѣзныя ножницы, сильно проржавѣвшія, ручки до половины обломаны.

2435) Наконечникъ желѣзной узкой лопатки, 10 сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины.

2436) Тоже; 9 сант. длины и $3^1/_2$ сант. ширины.

2437) Желѣзная плоская стрѣла, длина 9 сант., ширина копейца 3 сант.

2438) Половинка желѣзнаго кольца.

2439) Восемнадцать мелкихъ желѣзныхъ обломковъ отъ разныхъ предметовъ (въ коробкѣ).

Примѣч. Всѣ желѣзныя вещи, независимо отъ толстаго слоя покрывающей ихъ ржавчины, представляютъ явные признаки дѣйствія огня. Поэтому можно предполагать, что въ пунктѣ, гдѣ они были найдены (на городищѣ) существовали деревянныя, сгорѣвшія постройки, что подтверждается также большимъ количествомъ находящихся здѣсь углей.

2440. Кусокъ красной мѣди, имѣющій форму толстой палочки, $7^1/_2$ сант. длины, съ закругленными концами. Неровности, въ видѣ бородавокъ, замѣчаемыя на ея поверхности заставляютъ предполагать, что этотъ предметъ также былъ въ сильномъ огнѣ.

2441) Глиняная чашечка 5 сант. въ діаметрѣ и $2^1/_2$ сант. вышины, съ шаровиднымъ дномъ и широкими, какъ бы развернутыми краями, на которыхъ въ одномъ мѣстѣ сдѣлано съуженіе въ родѣ носка (пробирный тигель?)

2442) Четыре обломка отъ стеклянныхъ бусъ и обломокъ отъ проволочной серьги.

2443) Черепокъ отъ глинянаго горшка, покрытый въ пять рядовъ тисненымъ узоромъ.

2444) Семь обломковъ отъ маленькихъ горшечковъ.

2445) Кусокъ пережженной плоской кости (отъ человѣческаго черепа?)

2446) Нѣсколько обломковъ отъ костяныхъ издѣлій, изъ коихъ нѣкоторые также носятъ слѣды дѣйствія огня.

2447) Четыре обломка бронзовыхъ и мѣдныхъ предметовъ.

Модели древней глиняной посуды, доставлены А. В. Адріановымъ изъ Минусинскаго округа (№ 2448—2452).

2448) Плоскодонный горшокъ, 13 сант. вышины, съ вертикальными ушками по верхнему краю, въ которыхъ продѣланы круглыя дырочки величиною въ мизинецъ.

2449) Круглый горшокъ 11 сант. вышины, діаметръ горлышка 10 сант., стѣнки покрыты поясками и точками, внизу маленькій поддонъ.

2450) Горшокъ 7 сант. вышины, съ плоскимъ дномъ и ручкою (ручка обломана).

2451) Крышка отъ глинянаго горшка, съ ручкою на верху, въ которой сдѣлано круглое отверстіе. По краямъ крышки и ручки вылѣпленъ выдающійся ободокъ.

2452) Глиняный обоюдо-выпуклый кружокъ, 7 сант. въ діаметрѣ, съ дыркою у одного края.

2453) Желѣзная трехкрылая стрѣла; доставлена изъ Енисейской губерніи.

2454) Жестяная коробочка съ тремя черепами маленькихъ звѣрьковъ, найденными въ тобольскихъ курганахъ.

Восемь фотографическихъ снимковъ (№ 2455—2462), поступившихъ въ музей отъ В. М. Флоринскаго.

2455) Фотографическій снимокъ (изъ атласа Шмидта) существовавшаго въ Болгарахъ т. н. большаго столпа.

2456) Планъ и профиль того же зданія.

2457) Бѣлая палата въ Болгарахъ.

2458) Черная палата (фасадъ и профиль).

2459) Фотографическій снимокъ мѣднаго скиѳскаго котла, найденнаго въ Акмолинской области.

2460) Фотографическій снимокъ двухъ скиѳскихъ котловъ, найденныхъ тамъ же. Оригиналы котловъ находятся въ Омскѣ, въ музеѣ западно-сибирскаго отдѣла Географическаго общества.

2461) Фотографическій снимокъ металлическаго сосуда, имѣющаго величину и форму опрокинутой митры, со множествомъ сквозныхъ дырокъ, расположенныхъ съ соблюденіемъ опредѣленнаго рисунка. На верхнемъ пояскѣ арабская подпись (означающая въ переводѣ: Владѣлецъ сего Меликъ Магометъ. Этотъ сосудъ былъ найденъ въ Туринскомъ округѣ. Ори-

гиналъ его находился въ 1883 году въ Тобольскѣ у частнаго лица.

2462) Фотографическій снимокъ бронзоваго идола, найденнаго въ 1883 году А. Н. Островскимъ около Билярска. Идолъ состоитъ изъ двухъ выпуклыхъ пластинокъ, образующихъ въ сложенномъ видѣ круглую человѣческую фигуру, съ одной стороны мужскаго, съ другой женскаго типа. На лѣвой сторонѣ груди женской фигуры изображено человѣческое лицо. Голова сложенныхъ вмѣстѣ идоловъ покрывается особо отлитою коническою шапкою, въ родѣ башлыка.

2463) Акварельный рисунокъ кургана, окруженнаго вертикально поставленными большими камнями (*Ча-такъ*, каменное войско). Окружность самого кургана около 240 шаговъ. Рисунокъ снятъ въ Минусинскомъ округѣ; доставленъ въ музей Иннокентіемъ Петровичемъ Кузнецовымъ.

2464) Портретъ Ермака, писанный масляными красками, неизвѣстно когда и кѣмъ (старая картина, въ рамкѣ).

2465) Олеолитографія съ картины художника Демидова: послѣдняя битва Ермака съ татарами на берегу Иртыша. (Въ рамкѣ на стѣнѣ. Поступила отъ В. М. Флоринскаго).

2466) Кремневая стрѣлка, найденная въ выемкѣ Обь-Енисейскаго канала (передній конецъ, 3 сант. длины).

2467) Бронзовый ножикъ, въ формѣ прямой пластинки $31^1/_2$ сант. длины и 7 сант. шир. Найденъ въ Барнаульскомъ округѣ. Доставленъ Л. Н. Некрасовымъ.

2468) Обрывокъ желѣзной кольчуги 31 сант. длины и 18 сант. шир. Найденъ въ томской губ., въ землѣ.

2469) Обломокъ шлифованной палочки изъ сѣраго камня, съ круглою дырочкою на концѣ. Длина обломка 5 сант., шир. 2 сант. Найденъ на берегу рѣчки Киргизки, близъ Томска.

Б) Отдѣлъ этнографическій.

5. Американская витрина.

(Иннокентія Петровича Кузнецова).*

1534) Лукъ для стрѣльбы, 118 сантиметровъ длины, съ тетивою изъ толстой струны.

1535—1543) Девять стрѣлъ съ желѣзными наконечниками въ формѣ плоскаго трехугольнаго копьеца. Длина древка 60 сант., длина наконечника 7—8 сант. Задній конецъ стрѣлы оперенъ съ трехъ сторонъ на протяженіи около 20 сант. Лукъ и стрѣлы пріобрѣтены у племени Сіу или Дакотахъ. Они были помѣщены въ особомъ мѣховомъ чехлѣ (колчанѣ).

1544) Боевой топоръ (томагаукъ). Длина его съ рукояткою 59 сант., ширина лезвія $10^1/_2$ сант., длина желѣзной части топора 14 сант., на желѣзѣ сквозная прорѣзь въ формѣ сердца; обухъ цилиндрическій, полый, въ немъ устроена трубка для куренія табаку, чубукомъ для которой служитъ рукоятка топора. Послѣдняя украшена мѣдными гвоздиками и шляпками; на самомъ концѣ ея привѣшенъ мѣдный бубенчикъ и полоска изъ выдровой шкурки, украшенная бисеромъ.

1545) Токой же топоръ съ дубовымъ топорищемъ украшеннымъ мѣдными шляпками (гвоздиками); на концѣ его привязаны два пера и прядки буйволовыхъ волосъ, свернутыхъ въ веревочку. Въ обухѣ также устроена трубка, а въ топорищѣ чубукъ. Оба топора пріобрѣтены отъ американскихъ индѣйцевъ племени Сіу.

1546) Трубка мира, изъ краснаго камня. Верхняя часть трубки (куда кладется табакъ) цилиндрической формы, 8 сант. длины и $2^1/_2$ сант. въ діаметрѣ; нижняя часть (куда вставляется чубукъ), такой же толщины и формы, соединяется съ первою подъ прямымъ угломъ. Длина ея 22 сант. Чубукъ деревян-

---

*) Всѣ помѣщенные въ этой витринѣ, а равно принадлежащіе къ ней, развѣшенные на стѣнахъ, предметы и фотографическіе снимки, относящіеся до быта американскихъ индѣйцевъ, пожертвованы въ музей Иннокентіемъ Петровичемъ Кузнецовымъ. Они собраны имъ лично во время продолжительнаго пребыванія въ Америкѣ съ научными цѣлями.

ный, круглый, длиною отъ трубки до мундштука 43 1/2 сант. Мундштукъ тоже деревянный, длиною 2 3/4 сант.

1547) Такая же точно трубка, размѣромъ немного длиннѣе первой. Чубукъ украшенъ 4 мѣдными шляпками (гвоздиками). Та и другая пріобрѣтены отъ племени Дакотахъ.

1548) Рогъ для пороха, съ привѣшенною къ нему костяною мѣркою. Полученъ отъ племени Сіу.

1549) Погремушка изъ выдѣланной кишки, изогнутой въ формѣ кольца, къ которому придѣлана полая ручка (горлышко), затыкающаяся деревянною фтулкою. Въ погремушкѣ насыпанъ бисеръ, а снаружи она ув'шана узкими полосками, нарѣзанными изъ какой то шкурки бѣлаго цвѣта, въ томъ числѣ двумя бѣлыми перьями. Перевязь сдѣлана изъ бобровой шкурки, нарѣзанной полосками въ палецъ толщиной. Кольцо погремушки имѣетъ въ діаметрѣ 10 сант., а толщина трубки (кишки) 3 1/2 сант. По словамъ И. П. Кузнецова этотъ инструментъ употребляется во время танцевъ у племени Сіу.

1550—1559) Десять стрѣлъ съ копьевидными желѣзными наконечниками. Длина наконечниковъ отъ 3 1/2 до 7 1/2 сант. (у двухъ экземпляровъ наконечники потеряны); длина древка отъ 47 до 63 сант. Пріобрѣтены у того же племени Сіу или Дакотахъ.

№№ 1534—1559 размѣщены на особой, оклеенной зеленымъ сукномъ, рамкѣ, повѣшенной на стѣнѣ, надъ витриною.

1560. Головной уборъ изъ бѣлыхъ орлиныхъ перьевъ, нашитыхъ на полосу краснаго сукна. Длина суконной полосы 3 арш., ширина 1 1/2 вершка (отъ племени Сіу).

1561) Головной уборъ изъ бѣлыхъ перьевъ, нашитыхъ на полосу толстой замши въ 1 1/4 аршина длины и 4 вершка ширины. Перья расположены въ 5 рядовъ и кромѣ того нашиты бубенчики въ 3 ряда.

1562) Деревянный щитъ, состоящій изъ круглой доски 44 сант. въ діаметрѣ, обтянутой бѣлою замшею. На замшѣ нарисованы красками двѣ птицы, неизвѣстный звѣрь, змѣя и ружье. Въ срединѣ щита—черный кружекъ 7 сант. въ діаметрѣ. Кругомъ щита—полоса краснаго сукна, на которой нашиты орлиныя перья. Щитъ вложенъ въ особый чехолъ изъ замши, который также украшенъ перьями и краснымъ волосянымъ хвостикомъ (получ. отъ индѣйцевъ племени Гейенъ, территоріи Дакота).

1563) Щитъ, состоящій изъ круглаго куска толстой невыдѣланной кожи, 50 сант. въ діаметрѣ, обтянутаго замшею. Замша

выкрашена въ красный цвѣтъ; на верху поля щита нарисованъ зеленою краскою полумѣсяцъ, а внизу изогнутая полоска. Съ трехъ сторонъ щита пришиты орлиныя перья. Перевязь изъ полосъ бобровой шкуры, при ней хвостикъ изъ буйволовыхъ черныхъ волосъ. Наружный чехолъ этого щита изъ бѣлой замши безъ всякихъ украшеній. (Отъ индѣйцевъ племени Команчей).

1564) Колчанъ для лука и стрѣлъ, изъ сѣраго мѣха, съ нашитымъ кое гдѣ бисеромъ.

1565) Замшевыя ножны для ножа, длиною 26 сант., шириною 8 сант. Лицевая сторона ихъ вышита разноцвѣтнымъ бисеромъ, а по краямъ увѣшана подвижными коническими жестяными трубочками.

1566) Такія же ножны длиною 23½ сант., шириною 6½ сант. Лицевая сторона вышита бисеромъ, съ навѣшенными по краямъ коническими трубочками.

1567) Тоже ножны длиною 17½ сант., шириною 6 сант.; вышиты бисеромъ, съ жестяными привѣсками. Ножны пристегнуты къ ременному узкому поясу съ пряжкой. Здѣсь же привѣшенъ замшевый мѣшечекъ 11 сант. длины и 6½ сант. ширины, вышитый разноцвѣтнымъ бисеромъ и украшенный подвижными жестяными трубочками. Всѣ три экземпляра ноженъ получены отъ индѣйцевъ племени Дакотахъ.

1568) Кожанный мѣшечекъ, вышитый разноцвѣтнымъ бисеромъ, съ подвижными жестяными коническими трубочками. На крышкѣ круглая бѣлая металлическая бляшка. Отъ нижняго края мѣшечка идутъ два длинныхъ ремешка съ свинцовыми гирьками на концахъ и съ привѣсками изъ коническихъ жестяныхъ трубочекъ. Длина мѣшечка 13 сант., ширина внизу 8½, а вверху 6½ сант.

1569) Мѣшечекъ изъ желтой замши, длиною 8, шириною 7½ сант., вышитый бисеромъ, съ подвѣсками изъ жестяныхъ коническихъ трубочекъ и съ двумя ремешками, обшитыми бисеромъ, опускающимися отъ нижняго края мѣшечка. Бисерная вышивка на мѣшечкѣ изображаетъ форму четырехконечнаго креста. (Отъ индѣйцевъ племени Сіу или Дакотахъ).

1570) Кожаный мѣшечекъ, вышитый бисеромъ, съ подвижными коническими жестяными трубочками. Длина 10 сант., ширина внизу 9½, а вверху 7½ сант.

1571) Кожаный мѣшечекъ, вышитый бисеромъ, съ круглою бляшкою на крышкѣ; низъ мѣшечка обдѣланъ желтою бахромою изъ ремешковъ мягкой замши.

1572) Замшевый игольникъ въ челкѣ, вышитомъ бисеромъ, съ жестяными подвижными трубочками.

1573) Игрушка, изображающая ящерицу, вышитая бисеромъ, съ бубенчиками и перомъ. Длина 26 сант.

1574) Замшевые шаровары, изъ двухъ отдѣльныхъ половинокъ, украшенныхъ съ наружныхъ сторонъ бахромою изъ той-же замши и продольнымъ рядомъ бубенчиковъ. Длина каждой половинки 81 сант.

1575) Замшевый кисетъ, вышитый бисеромъ и внизу украшенъ бахромою, состоящею изъ ремешковъ, обвитыхъ разноцвѣтною соломою и изъ длинныхъ полосокъ замши. Длина кисета безъ бахромы 50 сант., бахромы—45 сант., ширина внизу 17 и вверху 14½ сант.

1576) Такой же кисетъ. Длина кисета 40 сант. (длина бахромы около 60 сант.), ширина внизу 13 и вверху 11½ сант.

1577) Такой-же кисетъ. Длина кисета 32 сант., ширина 13 сант., длина бахромы 27 сант.

1578) Такой же кисетъ. Длина кисета 40 и ширина 13 сант., длина бахромы 32 сант.

1579) Кисетъ изъ желтой замши, вышитый бисеромъ, бахрома изъ той же замши. Длина кисета 32 сант., ширина внизу 13 и въ верхней части 8 сант., бахрома 21 сант.

1580) Замшевая сумочка съ подвѣскою къ ремню, шитая бисеромъ; бахрома изъ той же замши; длина сумочки 11 и ширина 6½ сант.

1581) Сумочка изъ черной кожи, съ такою же бахромой, шитая бисеромъ. Длина 11 и ширина 3½ сант.

1582) Замшевые башмаки (мокассины), вышиты сплошнымъ слоемъ разноцвѣтнаго бисера (бѣлый фонъ, узоры зеленые, желтые и синіе).

1583) Такіе же башмаки (голубой фонъ, узоры желтые, синіе и красные).

1584) Такіе же башмаки (бѣлый фонъ, узоры красные и зеленые).

1585) Такіе же башмаки (фонъ бѣлый, узоры голубые, синіе и красные) съ изображеніемъ креста.

1586) Башмаки изъ замши, съ узоромъ, вышитымъ бисеромъ на передкахъ.

1587) Тоже, съ узоромъ изъ бисера на передкахъ, сзади обшиты полоской краснаго сукна.

1588) Тоже, съ узоромъ изъ бисера на передкахъ.

1589) Башмаки изъ черной замши, шитые бисеромъ и украшены

подвѣсками (трубочками изъ бѣлой жести, и сзади бахромой изъ той же замши.

1590) Башмаки изъ желтой замши, украшены бисернымъ шитьемъ и бахромою изъ той же замши.

1591) Башмаки изъ желтой кожи, верхняя же часть, бока и задъ изъ желтой замши, на которой вышиты цвѣты разноцвѣтными лощеными нитками. Внутри подшиты розовымъ коленкоромъ, а края обшиты красною гарусною тесьмою, изъ которой сдѣланы и завязки.

1592) Замшевые наколѣнники, на клѣтчатомъ ситцевомъ подкладѣ, шитые бисеромъ; застегиваются каждая на 5 металлическихъ пуговицъ, съ завязками изъ красной гарусной тесьмы, концы которой украшены бисерными кисточками.

1593) Коробка для папиросъ (?) изъ бересты, съ тремя изображеніями людей, курящихъ трубки, вышитыми цвѣтными лощеными нитками. Длина $10^1/_2$ и ширина 7 сант.

1594) Серьги изъ круглой металической пластинки, съ круглою же внутри прорѣзью и съ бубенчиками.

1595) Перстень съ длинною овальною пластинкою на передней сторонѣ.

1596) Такой же перстень.

1597) Двѣ нитки бисера желтаго и синяго.

1598) Два бубенчика.

1599) Часть гремучаго аппарата отъ гремучей змѣи.

Фотографіи (въ большой листъ).

1600) Па-ютъ. Индѣйскій лагерь въ степяхъ Колорадо.

1601) Индѣйцы Сіу или Дакотахъ, Дакота территоріи: 1) Бедъ-Вундъ, 2) Блакъ-Беръ и 3) Чипиндъ-Лута.

1602) Индѣйцы изъ племени Сіу или Дакотахъ, Дакота территоріи: Фейсъ и Сатинъ-Буль.

1603) Индѣецъ изъ племени Па-ютъ, Колорадо.

1604) Индѣецъ изъ племени Па-ютъ, Колорадо.

1605) Индѣйцы изъ племени Кайова и Апачей.

1606) Лагерь Команчей на границахъ Индіанъ территоріи и Техаса, около форта Силь.

1607) Новый Іерусалимъ (городъ Соленаго озера). Ютахъ.

1608) Желѣзная дорога къ Тихому океану. Ютахъ.

1609) Соленое озеро. Ютахъ.

1610) Желѣзная дорога къ Тихому океану.

1611) Желѣзная дорога къ Тихому океану. Невада.

1612) Желѣзная дорога къ Тихому океану. Невада.

1613) Ніагарскій водопадъ.
1614) Ніагарскій водопадъ.
1615) Мостъ чрезъ Ніагарскій водопадъ.
1616) Городъ Квебекъ, въ Канадѣ.
1617) Городъ Квебекъ, въ Канадѣ.
1618) Видъ въ Колорадо.
1619) Скалистыя горы, въ Колорадо.
1620) Городъ Денверъ, въ Колорадо.
1621) Капитолій (въ Вашингтонѣ).

1622) Лукъ 117 1/2 сант. длины, съ тетивою изъ жилъ.
1623) Волосяной арканъ,
1624) Замшевая рубашка, украшенная бахромою изъ тонкихъ ремней изъ той же замши и бисернымъ шитьемъ по плечамъ.
1625) Выдѣланная буйволовая шкура съ нарисованными на ней разными фигурами.

Фотографическіе портреты американскихъ индѣйцевъ (въ размѣрѣ большой кабинетной карточки).

1626) Индѣецъ изъ племени Апачей (Техасъ).
1627) Индѣецъ изъ племени Команчей (Техасъ).
1628) Индѣецъ изъ племени Команчей (Индіана).
1629) Индѣецъ изъ племени Команчей (Индіана).
1630) Индѣецъ изъ племени Команчей (Техасъ).
1631) Индѣецъ изъ племени Команчей (Индіана).
1632) Индѣецъ изъ племени Апачей (Индіана).
1633) Группа индѣйцевъ Апачей (Индіана).
1634) Индѣецъ изъ племени Павни (Небраска).
1635) Индѣецъ изъ племени Арикари (Небраска).
1636) Дѣвушка изъ племени Омаха (Небраска).
1637) Дѣвушка изъ племени Па-ютъ (Колорадо).
1638) Индѣецъ изъ племени Па-ютъ (Колорадо).
1639) Индѣецъ изъ племени Па-ютъ (Ютахъ).
1640) Змѣиные индѣйцы (Ютахъ).
1641) Индѣецъ изъ племени Теплыхъ источниковъ (Орегонъ).
1642) Женщина изъ племени Ютъ (Колорадо).
1643) Индѣецъ изъ племени Кайова (Индіана).
1644) Дѣвушка изѣ племени Кайова (Индіана).
1645) Дѣвушка изъ племени Кайова (Индіана).
1646) Индѣецъ изъ племени Кайова (Индіана).
1647) Индѣйцы изъ племени Навахаевъ (Новая Мексика).
1648) Индѣецъ изъ племени Навахаевъ (Новая Мексика).

1649) Индѣецъ изъ племени Навахаевъ (Новая Мексика).
1650) Женщина изъ племени индѣйцевъ Навахаевъ (Новая Мексика).
1651) Женщина изъ племени Ви-чи-та (Индіана).
1652) Группа индѣйцевъ Теплыхъ источниковъ (Орегонъ)
1653) Женщина изъ племени индѣйцевъ Модокъ (Орегонъ).
1654) Индѣецъ изъ племени Модокъ (Орегонъ).
1655) Индѣйцы изъ племени Мескалеро—апачей (Арицона).
1656) Красное облако, начальникъ индѣйцевъ Сіу или Дакотахъ (Дакота территоріи).
1657) Индѣецъ изъ племени Арранахо (Дакота территоріи).
1658) Дѣвушка изъ племени Сіу или Дакотахъ (Дакота территоріи). Прим. 55.
1659) Хвостъ буйвола (3 пучка).

Этнографическіе предметы, относящіеся къ инородцамъ Амурской области.

Шесть таблицъ рисунковъ въ большой листъ, взятыхъ изъ приложеній къ сочиненію г. Маака „Путешествіе на Амуръ въ 1855 году“. Помѣщены на стѣнахъ въ рамкахъ подъ стекломъ. Пожертвованы В. М. Флоринскимъ.

1660) Таблица 17-я. Типы жителей береговъ Амура: №№ 1—5 Манягры, 6—7) Манджуры, 8) Тунгусъ съ устья р. Сунгари, 9—12) Гольды, 13) Мангунъ, 14—15) Гиляки.
1661) Таблица I. №№ 1) Зимніе жилища тунгусовъ съ устья р. Сунгари. 2) Большой амбаръ Мангуновъ. 3) Маленькій амбаръ. 4—5) Лѣтникъ. 6) Столбъ съ идолами, врываемый въ землю передъ жилищемъ жителями—туземцами при устьѣ р. Сунгари. 7—10) Мангунскіе идолы. 11—13) Идолы гольдовъ. 14—15) Молитвенная подушка. 16—17) Идолы. 18) Шаманскій бубенъ. 19) Палка, которою въ него колотятъ и 20) Шаманскій поясъ.
1662) Таблица II. №№ 1—2) Палатка для спанья. 3—4) Гольдскій ящикъ. 5) Мангунскій ящикъ. 6) Колыбель манягрская. 7) Столикъ для чищенья рыбы. 9) Молотокъ для выдѣлыванія рыбьей кожи. 10) Снарядъ для выдѣлыванія рыбьей кожи. 11) Наковальня. 12) Камень съ отверстіемъ. 13) Раздувальный мѣхъ. 14) Сосудъ для храненія водки. 15) Глиняный сосудъ для храненія водки. 16—17) Деревянныя чашки. 18) Тарелочка. 19) Снарядъ для чищенія прорубей отъ льда. 20) Желѣзный котелъ. 21) Ножикъ для вырѣзы-

ванія украшеній изъ рыбьей кожи и бересты. 22) Берестяный сосудъ. 23) Берестяная коробочка съ украшеніями. 24) Чугунная жаровня. 25) Берестяная корзинка. 26) Уполовникъ. 27) Берестяная чашка. 28) Берестяная солонка. 29) Лампада. 30) Сито. 31) Берестяный сосудъ для проса. 32) Серпъ. 33) Манджурскій топоръ. 34) Сосудъ для храненія чая. 35) Снарядъ для сученія нитокъ. 36) Манджурская телѣга и 37) Снарядъ для обдиранія хлѣбныхъ зеренъ, употребляемый манджурами, близъ города Айгуна.

1663) Таблица III. №№ 1) Мангунское женское платье изъ рыбьей кожи. 2) Мангунская берестяная шляпа. 3) Наушники мангунскіе. 4) Мангунская женская шапка. 5) Мѣшечекъ для трута. 6) Мѣдный браслетъ. 7) Лента употребляемая рыбаками для завязыванія рукавовъ. 8) Носовое кольцо гольдское. 9) Гольдскій женскій фартукъ. 10) Мангунская женская обувь. 11—12) Серьги гольдскія. 13) Гольдская соломенная шляпа. 14—15) Гольдскія шапки съ кокардами и 16) Мангунская зимняя шапка.

1664) Таблица IV. A) Поясъ мангунскій, къ которому привѣшены различные предметы, а именно: 1) Ножикъ съ мѣховыми ножнами. 2) Желѣзное орудіе для чищенія трубокъ. 3) Кривой ножикъ. 4) Трутница. 5) Огниво. 6) Костяное орудіе для разглаживанія рыбьей кожи и развязыванія узловъ. 7) Трутница изъ осетровой кожи. 8) Мѣшекъ съ оселкомъ и 9) Игольникъ. Всѣ эти предметы (A фиг. 1—9) нарисованы въ $^1/_5$ наст. велич. 10) Гольдская медвѣжья рогатина. 11) Мангунская медвѣжья рогатина. 12) Ея желѣзко. 13) Лукъ. 14—15) Стрѣлы. 16) Пальма. 17) Лыжа гольдская. 18) Палка для упиранія въ землю при ходьбѣ на лыжахъ. 19) Манджурское фитильное ружье. 20) Снарядъ, въ которомъ манягры носятъ съ собою на охотѣ тлѣющій трутъ. 21) Труба для приманиванія лосей и оленей. 22) Ножикъ гиляцкій. 23) Мѣдное кольцо, носимое на большомъ пальцѣ. 24) Тоже мѣдное кольцо мангунское. 25) Самострѣлъ для соболей. 26) Снарядъ, который охотники привязываютъ себѣ на спину, для ношенія убитой дичи и 27) Пороховница мангунская.

1665) Таблица V. №№ 1) Снарядъ для рыбной ловли, употребляемый въ г. Айгунѣ и его окрестностяхъ. 2) Гаршунъ для ловли осетровъ, употребляемый маняграми. 3) Трезубецъ для ловли рыбы, употребляемый гольдами. 4) Якорь отъ самолова. 5) Мѣшкообразная сѣть для ловли осетровъ. 6) Гру-

зило. 7) Форма для дѣланія этихъ грузилъ. 8) Молотокъ для убиванія рыбы. 9) Орудіе для вязанія сѣтей. 10) Крючекъ для вытаскиванія рыбы. 11) Утюгообразный снарядъ для смоленія берестяныхъ лодокъ. 12) Крючекъ для вытаскиванія рыбы. 13) Манджурская досчатая лодка. 14) Лодка, сдѣланная изъ одного куска дерева, видѣнная близь устья рѣки Дондóнъ. 15) Берестяная лодка туземцевъ, живущихъ на среднемъ и нижнемъ Амурѣ. 16) Весло къ ней. 17) Лопатообразное весло, къ ней же. 18) Досчатая лодка гольдовъ и мангуновъ и 19) Весло къ ней.

1666) Типы жителей (инородцевъ) Забайкальской области. Фотографическій снимокъ въ большой листъ (въ рамкѣ, на стѣнѣ).

1667) Халатъ изъ выдѣланной бѣлой рыбьей кожи съ зеленымъ воротомъ изъ той же кожи.

1668) Передникъ.

1669) Теплая островерхая шапка съ ушами.

Послѣдніе три предмета надѣты на монкенъ.

1670) Сапоги, сшитые изъ полосокъ звѣриныхъ шкуръ, шерстью вверхъ.

6. Амурская витрина.

(Идолы и разная утварь гольдовъ и гиляковъ Амурской области.

1671) Салфеточка изъ синей тряпки, 27 сант. длины и 25 сант. ширины, съ наклееннымъ на нее красивымъ узоромъ, вырѣзаннымъ изъ цѣльнаго береста. Въ серединѣ узоръ состоитъ изъ четырехъ круговъ, сходящихся къ центру въ формѣ креста; внутри и по угламъ салфетки полукруглые завитки.

1672) Тонкая рѣзьба изъ лощенаго береста, наклеенная на шелковой китайской ткани, выкроенной въ родѣ переда рубашки. Длина полосы 21 сант., ширина въ подолѣ 19, въ плечахъ 18 сант. Мелкій узоръ рѣзьбы листиками, кружками и завитками.

1673) Сумка, въ родѣ ранца, 34 сант. ширины и 22 сант. длины (вышины). Передняя ея сторона сплетена въ клѣтку рогожкой изъ тонкихъ разноцвѣтныхъ ремешковъ рыбьей кожи, а задняя изъ разныхъ шкурокъ, нашитыхъ вдоль, полосками. Внутри подбита рыбьею кожею.

1674) Штаны изъ выдѣланной рыбьей кожи; длина ихъ 61 сант., ширина вверху 56 сант. Спереди верхней части пришитъ

лоскутъ, 25 сант. длины и 21 сант. ширины, съ длинными ремешками изъ той же кожи, для завязокъ. Съ боковыхъ сторонъ штановъ пришиты такіе же ремешки.

1675) Штаны изъ рыбьей кожи, состоящіе изъ двухъ отдѣльныхъ половинокъ, особо для каждой ноги, подвязанныхъ вверху завязками. Длина ихъ 63 сант., ширина въ верхней части 26, внизу 21 сант. Тотъ и другой экземпляръ штановъ безъ подкладки.

1676—1680) Связка выдѣланной рыбьей кожи отъ разныхъ породъ рыбъ: 1) кусокъ 53 сант. длины и 30 сант. ширины въ широкомъ концѣ (красной рыбы); 2) кусокъ 30 сант. длины и 15 сант. ширины, сшитый изъ двухъ половинокъ (рыба сазанъ); 3) кусокъ 38 сант. длины и 19½ сант. ширины, сшитъ изъ двухъ половинокъ (щука); 4) кусокъ 58 сант. длины и 30 сант. ширины, цѣльный (рыба верхоглядъ) и 5) кусокъ 28 сант. длины и 11 сант. ширины (рыба ленокъ).

1681) Рукава для рубашки изъ рыбьей кожи, отдѣльно для той и другой руки, подвязываемые ремешками. Длина 57 сант., ширина у плеча 34 и у кисти 14 сант. Передняя часть, 23 сант., надставлена кускомъ изъ крашенинной выбойки и сѣраго коленкора съ красною же коленкоровою прошивкою. Къ этой части пришиты полушелковыя узорчатыя ленточки китайской работы.

1682) Бахилы изъ рыбьей кожи; покрой почти четырехугольный, 25 сант. длины и вышины. Сбоку надъ лодыжками пришиты по ту и другую сторону кожаныя петельки для стягиванія обуви ремнемъ или снуркомъ. Къ верхнему краю пришиты ремешки для привязыванія къ штанамъ.

1683) Другой экземпляръ башмаковъ изъ рыбьей кожи, сшитыхъ нѣсколько аккуратнѣе. Длина 27 сант. и вышина 20 сант. Покрой тотъ же.

1684) Зимнія рукавицы, внутри подбитыя мѣхомъ, а снаружи покрыты разноцвѣтною крашениной (полоски синяго, зеленаго, краснаго и бѣляго цвѣтовъ), которая сзади и спереди разшита цвѣтными нитками. Рисунокъ разшивки кудрявый. Часть рукавицы, соотвѣтствующая ладони, не покрыта крашениною, а кожаная (нагольная). Покрой большаго пальца сходенъ съ русскими рукавицами, особо для правой и лѣвой руки, но отличается тѣмъ, что съ наружной стороны этого напалка оставлено второе отдѣленіе, также на мѣху, закрывающееся снаружи полукруглымъ клапаномъ. Длина рука-

вицы 35 сант., ширина 18 сант., длина напáлка съ клапаномъ 10 сант.

1685) Мѣховой полукруглый воротничекъ для шеи, изъ бѣлыхъ и черныхъ шкурокъ, на ситцевой подкладкѣ, съ ремешкомъ изъ рыбьей кожи для завязокъ.

1686) Мѣшечекъ; нижняя часть его круглая, 11 сант. въ діаметрѣ, сшита изъ бѣлечьей шкурки шерстью вверхъ. Верхняя часть продолговатая на подкладкѣ изъ рыбьей кожи, снаружи покрыта разшитымъ цвѣтными нитками холстомъ и цвѣтными ремешками.

1687) Наушники полукруглой формы, 19 сант. длины и 18 сант. ширины; внутри подбиты мѣхомъ, а снаружи покрыты крашениной, разшитою цвѣтными нитками, кудрявымъ узоромъ. Верхній край ихъ пришитъ къ наголовнику въ видѣ кольца изъ вдвое сложенной крашенины, $2^1/_2$ сант. шириной, а къ нижнему краю пришиты полушелковыя ленточки и бѣлыя коленкоровыя завязки.

1688) Поясъ 56 сант. длины и $5^1/_2$ сант. ширины, связанъ изъ бѣлыхъ, синихъ, красныхъ и коричневыхъ тесемочекъ; края обшиты тесьмой особо. Подкладка холщевая, концы изъ вдвое сложенной крашенины; къ нимъ пришиты ременныя завязки.

1689) Двѣ полосы 53 сант. длины и $11^1/_2$ сант. ширины; сшиты изъ синей крашенины на бумажной клѣтчатой подкладкѣ; края обшиты красною тесьмою. Нижній конецъ полосы выкроенъ въ видѣ язычка 16 сант. длины, разшитаго снаружи шелковыми нитками по бѣлому холсту. Къ концу язычковъ пришиты завязки.

1690) Мѣховые сапоги изъ выдѣланнаго оленьяго мѣха, шерстью внутръ. Длина 25 сант., ширина 14 сант., длина подошвы 22 сант.

1691) Модель гиляцкой двухкопыльной нарты для зимней ѣзды на сабакахъ. Длина модели 73 сант. и ширина $11^1/_2$ сант.

1692) Кузовъ круглой формы, сплетенъ изъ деревянныхъ тонкихъ прутиковъ. Вышина 21 сант., діаметръ верхняго отверстія 27 сант. Верхняя часть снаружи и внутри обшита берестомъ, верхняя полоса котораго покрыта раскрашеннымъ узоромъ (листиками и завитками краснаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ).

1693) Большой круглый туясъ изъ береста (*куркэ*), вышина 25 сант., діаметръ тоже 25 сант. Снаружи украшенъ богатою рѣзьбою по бересту, частію раскрашенною. Толстыя края на обручѣ

обдѣланы въ узоръ тонкими бѣлыми прутиками. Крышка берестяная. Орнаментъ—разводами и завитками.

1694) Якутскіе сапоги *(лунты)* изъ лосинной замши, сверху отороченные чернымъ плисомъ (отъ В. Ив. Ржеуссказо).

1695) Модель берестяной гиляцкой лодки *(омороча)* на легкихъ деревянныхъ ребрахъ и съ деревянными бортами, образующими на носу и кормѣ длинные, изогнутые кверху, острые концы. Дно лодки выстлано досками, пришитыми снизу къ ребрамъ. Длина модели 92 сант. ширина въ срединѣ 12 сант.

1696) Мадель амурской деревянной лодки *(укгда)* съ плоскимъ дномъ и срѣзанною прямо кормою. Длина модели 79 сант. въ срединѣ 11 сант. Настоящая длина ея 10 аршинъ.

1697) Берестяный кузовокъ *(куньдюче)*, внизу квадратный, вверху круглый, съ крышкою, выкроенъ изъ крестообразно разрѣзаннаго одного куска береста, сшитаго нитками. Верхняя часть кузовка украшена накладною рѣзьбою изъ береста бѣлаго цвѣта по черному полю, а самый край красиво оплетенъ тонкими бѣлыми прутиками. Для завязыванія крышки придѣланы ремешки. Высота кузовка 15 сант., ширина по дну 12 сант., діаметръ крышки $12^1/_2$ сант. Узоръ: вверху поясокъ косыми крестиками, а по срединѣ каждой стороны фигуры изъ завитковъ.

1698) Берестяный кузовокъ *(курми)*, нижняя половинка котораго выкроена подобно предъидущему изъ одного куска береста, сшитаго въ квадратную форму, верхняя же половина состоитъ изъ другаго пришитаго куска круглой формы, безъ крышки. Высота кузовка 26 сант., ширина же 12 сант., діаметръ круглаго верхняго отверстія тоже 12 сант. Узоръ: верхній поясокъ тисненными звѣздочками и прошивкой изъ бѣлыхъ прутиковъ, а по одной сторонѣ стѣнокъ (передней) въ верхнемъ отдѣлѣ изображены двѣ птицы, обращенныя головами другъ къ другу, между ими и кругомъ ихъ многочисленные завитки. Узоръ нижней квадратной половины состоитъ изъ цвѣтовъ и завитковъ, вытисненныхъ по бересту. Употребляется гольдами для складыванія ложекъ и вилокъ.

1699) Ведра въ уменьшенномъ видѣ (по гольдски *мулю*). Каждое ведро представляетъ собою кузовокъ изъ цѣлаго квадратнаго куска береста, углы котораго загнуты и пришиты тоненькимъ деревяннымъ прутикомъ. Ручка изъ изогнутой палочки. Узоровъ нѣтъ. Длина и ширина кузовка 14 сант. и вышина 9 сант.

1700) Такой же экземпляръ другаго ведра, тѣхъ же размѣровъ.

1701) Принадлежности дѣтской зыбки: ремень, оканчивающійся на томъ и другомъ концѣ желѣзными крючками и цѣпочками изъ скрученной проволоки, для подвязыванія зыбки. На немъ навязаны разные предметы, по назначенію шамана, именно: деревянный идолъ, орлиная нога (отъ безсонницы), три высушенныя рыбки, кусокъ шкурки ежа съ иглами, деревянная фигурка летящей птицы (коршунъ), шесть деревянныхъ человѣческихъ фигурокъ (идолы) и высушенный рыбій пузырь.

1702) Пять амулетовъ, или идоловъ, привѣшенныхъ къ длинной веревочкѣ, именно: 1) деревянный идолъ; 2—3) двѣ овальныхъ чучелы изъ рыбьей кожи съ перехватомъ по срединѣ, внутри набитыя ватой; (надѣваются на шею и лобъ отъ глазной болѣзни); 4) рѣзная деревянная фигурка въ видѣ остраго конуса, представляющаго сердце *(меволехта)*, съ спиральными нарѣзками; на плоской его поверхности, обращенной вверхъ, вырѣзанъ изъ того же куска дерева маленькій идолъ въ видѣ стоящаго человѣка въ островерхой шапкѣ, а сбоку его—голова и шея собаки. Употребляется отъ болѣзни сердца, при чемъ шаманъ привѣшиваетъ его на спину, подъ нимъ ставитъ чашку съ кашей и курево изъ багульника; тогда произноситъ заклинанія; 5) идолъ, сшитый изъ холста, въ родѣ дѣтской куклы; набивается лосинной шерстью. Служитъ для успѣшнаго промысла соболей.

1703) Тесьма съ привѣшенными къ ней двумя желѣзными ящерицами. Ящерицы, длиною 8 сант., вшиты въ ремень параллельно одна надъ другой, головами въ одну сгорону, а ремень пришитъ къ тесьмѣ. Тесьма со сшитыми концами образуетъ петлю 32 сант. длины. Надѣвается на шею шамана, когда онъ шаманитъ. У гольдовъ называется *сетки*. (Бубенъ и колотушка, гольдскаго шамана по ошибкѣ записаны въ самоѣдскомъ отдѣлѣ подъ № 2136 и 2137).

1704) Привѣски (амулеты) къ дѣтской зыбкѣ, состоящія изъ двухъ деревянныхъ птичекъ, 10 сант. длины и деревянной же полукруглой дощечки съ семью круглыми дырочками. Привѣшиваются для предохраненія отъ злыхъ духовъ.

1705) Деревянная птичка съ распущенными крыльями, длина 9 сант. и ширина между крыльями 8 сант. На спинкѣ сдѣланы дырочки съ пропущеннымъ въ нихъ снуркомъ для подвѣшиванія (амулетъ для дѣтской зыбки).

Амулеты (эджехэ). *)

1706) Деревянная фигура (*мухà*), изображающая четвероногое животное, 27 сант. длины и 7 сант. вышины, съ длиннымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ и съ длиннымъ хвостомъ (обломаннымъ). Туловище окрашивается поперечными, красными и черными полосками. Употребляется для успѣшнаго промысла соболей, а также отъ боли въ животѣ. Въ послѣднемъ случаѣ *мухà* окуриваютъ багульникомъ.

1707) Подобная же фигурка изъ дерева (*мàри ингдолà*) 17 сант. длины, представляющая животное на короткихъ ногахъ съ длиннымъ хвостомъ, короткими ушами и тупою мордою. Помогаетъ отъ болѣзней туловища.

1708) Кукла (*мори*), 23 сант. длины, сшитая изъ холста, изображающая лошадь; она набивается лосинной шерстью. Употребляется для промысла соболей. Когда ей молятся, угощаютъ водкой.

1709) Фигура, похожая на лягушку, или черепаху, сшитая изъ рыбьей кожи, внутри чѣмъ-то набитая. Длина отъ головы до хвоста 13 сант. и ширина $9^1/_2$ сант.

1710) Деревянный лебедь (*кхори*) съ вытянутою длинною шеею, полураскрытыми крыльями и поджатыми ногами. На спинѣ дырочки для привѣшиванія. Длина отъ клюва до хвоста $18^1/_2$ сант. Употребляется для промысла соболей. Опрыскиваютъ его кровью и водкой.

1711) Идолъ *мукои*. Маленькая деревянная собачка, $4^1/_2$ сант. длины, съ ремешкомъ для привѣшиванія. Помогаетъ отъ глазной болѣзни, привѣшивается на лобъ.

1712) Деревянный идолъ (*джули*) въ формѣ человѣческой фигуры съ четырехугольнымъ туловищемъ, безъ рукъ. Длина $14^1/_2$ сант. Находится всегда въ юртѣ, прислоненный къ стѣнѣ. Отправляясь на промыселъ, гольдъ угощаетъ его водкой.

1713) Тоже идолъ *хасачи* съ шарообразнымъ туловищемъ, $12^1/_2$ сант. длины и съ крыльями (крылья обломаны). Служитъ для удачнаго промысла соболей.

1714) Идолъ *мèволехта* 8 сант. длины. Верхняя честь головы клинообразная, съ отверстіемъ, въ которое продѣтъ ремешокъ. Ноги оканчиваются толстыми коническими шишками, должен-

*) При сдѣланіи какого бы то ни было амулета приносится, по назначенію шамана, жертва, убивается дѣвственный боровъ во время шаманства, и амулетъ опрыскивается его кровью.

ствующими изображать два сердца. Носится на шеѣ отъ болѣзни сердца.

1715) Деревянный идолъ *(пэучи)* въ формѣ человѣка съ клинообразнымъ удлиненіемъ верхней части головы, въ которомъ сдѣлано отверстіе для привѣшиванія. Туловище квадратное. Длина 6 1/2 сант. Привѣшивается къ поясу спереди, во время звѣринаго промысла.

1716) Такой же формы и величины оловянный идолъ *(хапъ эджехэ)*, двусторонній (лицо и ступни ногъ сдѣланы на той и другой сторонѣ пластинки, а также на обѣихъ сторонахъ начерчены руки). Служитъ для промысла соболей.

1717) Деревянный идолъ съ круглою головой, туловище тонкое, въ видѣ плоской палки, внизу оканчивающееся плоскимъ заостреніемъ, безъ ногъ. По верхней части туловища вырѣзаны косые рубчики для украшенія. Длина 15 1/2 сант.

1718) Идолъ, сдѣланный изъ круглой, кривой палки. Верхній конецъ закругленъ и на немъ вырѣзано лице, а на нижнемъ концѣ—ноги. На спинѣ сдѣлана дырка для привѣшиванія. Длина 19 1/2 сант.

1719) Идолъ изъ пробковаго дерева, въ видѣ плоскаго кружка, 6 сант. въ поперечникѣ, съ двумя придатками, изъ коихъ одинъ полукруглый, изображающій голову, съ дыркою на верху для привѣшиванія, а другой читырехугольный, соотвѣтствующій ногамъ.

1720) Деревянная плоская ложка съ острымъ концомъ и длинною ручкою, украшенною спереди рѣзнымъ узоромъ. Длина съ ручкою 27 сант., длина самой ложки 6 сант., ширина 3 сант.

1721) Такая же ложка съ другимъ узоромъ на передней поверхности.

1722) Модель рулеваго весла *(сіулъ)*. Длина 28 сант.

1723) Модель двойнаго гребнаго весла *(сойри)*, (длина 30 сант.), для оморочи, съ лопатками на обѣихъ концахъ.

1724) Модель гребныхъ веселъ, по гольдски *чеулъ* (двѣ штуки, изъ нихъ одно весло переломлено).

1725) Модель коромысла *(джамджа)* для ношенія воды, состоящаго изъ прямой палки и привязанныхъ ремнями на ея концахъ деревянныхъ крючковъ.

1726) Деревянная игла для вязанія сѣтей *(сарфулъ)*, 20 сант. длины и 2 сант. ширины.

1727) Деревянная вертушка *(хочекху)* для сученія нитокъ или мотоуза для сѣтей. Длина 28 сант.

1728) Два деревянныхъ образца наконечниковъ для стрѣлъ, 11 сант. длины.

1729) Желѣзный, узкій, выгнутый въ бокъ ножикъ, $6^1/_2$ сант. длины, приспособленный для скобленія или округленія мелкихъ подѣлокъ. У гольдовъ называется *кчясу*.

1730) Подвѣски къ поясу: 1) маленькая кожаная рукавица съ напалкомъ для большаго пальца (длина 10 сант.); 2) фигурка, похожая на птицу, сшитая изъ рыбьей кожи и набитая ватой и 3) два кружка, рѣшетка и фигурная полоска, вырѣзанные изъ береста.

1731) Четырехугольная дощечка *(керолъ)*, $8^1/_2$ сант. длины и 6 сант. ширины, служащая для ичіевъ при вязаніи сѣтей.

1732) Коловоротъ *(люнгу)* или сверло; состоитъ изъ круглой палки, 23 сант. длины, на одномъ концѣ которой всаженъ стальной рѣзецъ (перка), въ видѣ узкой, острой ложечки, а на другомъ концѣ—желѣзный круглый стержень, 1 сант. длины. Палка украшена нарѣзками изъ косыхъ крестиковъ. Приводится въ движеніе посредствомъ ремня, обмотаннаго нѣсколько разъ кругомъ палки.

1733) Трубка для куренія табаку, изъ цѣльной мамонтовой кости, длиною 23 сант. Мундштукъ 8 сант. круглый, а самая трубка обдѣлана на 8 граней. Поверхность, откуда насыпается табакъ, имѣетъ видъ слегка вогнутой овальной тарелочки, длиною 7 сант., шириною $4^1/_2$ сант. Для накладыванія табаку врѣзано круглое оловянное гнѣздо съ 4 отростками, представляющими на поверхности форму креста.

1734) Костяная полая трубка 20 сант. длины, оканчивающаяся искривленнымъ, въ родѣ когтя, острымъ концомъ. Полость трубки 9 сант. глубины, шириною въ указательный палецъ. Наружная поверхность покрыта красивымъ рѣзнымъ узоромъ. Трубка служитъ футляромъ для ножа, а острый ея конецъ для разглаживанія швовъ при шитьѣ рыбьей или звѣриной кожи. У гольдовъ этотъ предметъ называется *посифу*.

1735) Такая же, слегка изогнутая, трубка 19 сант. длины, безъ остраго конца; снаружи сплошь покрыта рѣзнымъ узоромъ (ножны для ножа, привѣшиваемаго къ поясу, по гольдски *кчясу кхормуй*.

1736) Идолъ *ситка*. Деревянная плоская дощечка 28 сант. длины и 4 сант. ширины; голова сломана, на верхнемъ концѣ двѣ продольныя прорѣзи, ноги въ родѣ вилки съ длинными спицами. Помогаетъ отъ безсонницы дѣтей, при чемъ его окуриваютъ багульникомъ.

1737) Сѣтка для глазъ, изъ конскаго волоса съ полотняной надставкой по концамъ. Употребляется мужчинами отъ мошекъ и комаровъ. Надѣта на кусокъ дерева для сохраненія формы.

1738) Желѣзный наконечникъ стрѣлы *(серда)*, имѣющій форму узкой лопатки съ двумя зазубринами (шипами) внизу и острымъ черенкомъ. Длина стрѣлки 6 сант., а вмѣстѣ съ черенкомъ 11 сант.

1738) Желѣзный наконечникъ стрѣлы *(пача)* плоской трехугольной формы, съ острымъ черенкомъ. Длина съ черенкомъ $8^1/_2$ сант.; ширина основанія стрѣлки 5 сант., длина острія 3 сант.*)

1740) Шаманскій поясъ (*ямпа*) увѣшанный 27 подвижными желѣзными коническими трубками разной длины (самая длинная 22 сант.) Трубки оканчиваются желѣзными кольцами для привѣшиванія къ ремню. При малѣйшемъ движеніи они издаютъ звонъ.

1741) Холстъ вытканный изъ крапивы (цѣлый кусокъ).

1742) Образецъ крапивныхъ волоконъ (обдѣланныхъ).

1743) Пучекъ нитокъ изъ тонкихъ жилъ.

1744) Деревянная игла для вязанія сѣтей; длина 29 сант. и ширина $2^1/_2$ сант.

1745) Кусокъ холста 120 сант., сплошъ вышитый разноцвѣтною шерстью (полотенце).

1746) Желѣзное копье 15 сант. длины и $5^1/_2$ сант. ширины, со фтулкою.

1747) Желѣзный маленькій ножикъ ($1^1/_2$ сант.), вставленный въ деревянную ручку (11 сант.).

1748) Костяной ножикъ, желтоянтарнаго цвѣта, длина 20 сант. и ширина 3 сант. Ручка плоская изъ того же куска кости, спереди украшена красивымъ начерченнымъ узоромъ.

1749) Кусокъ рыбьяго клея (?) 11 сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины.

1750) Двѣ деревянныхъ спицы, длиною 22 сант., имѣющія на одномъ концѣ дырочки, чрезъ которыя проведенъ ремешекъ, образующій родъ шарнера.

1751) Берестяная четырехугольная коробка съ крышкою, 38 сант. длины, 24 сант. ширины и 19 сант. вышины, покрытая кра-

*) Желѣзныя стрѣлки найдены въ 1862 г. въ Хабаровкѣ при разработкѣ земли подъ огородъ, на глубинѣ около 4 вершковъ, неподалеку одна отъ другой. Они были покрыты толстымъ слоемъ ржавчины. Нынѣшніе гольды такихъ стрѣлъ не употребляютъ и не видывали. По предположенію стариковъ, такія стрѣлы употреблялись встарину для пробиванія панцырей и кольчугъ.

сивымъ узоромъ, вытисненнымъ по бересту и раскрашеннымъ. На каждой сторонѣ узоръ разный, большею частію кудрявый, цвѣтами и разводами.

1752) Коврикъ, сплетенный изъ камыша, 17 вершковъ длины и 12½ вершковъ ширины.

1753) Маленькій желѣзный капканчикъ (6½ сант. въ діаметрѣ) со стальными пружинками для ловли маленькихъ звѣрковъ.

Витрина VII.

Этнографическіе предметы Семирѣченской области, западнаго Китая и Монголіи.

1754—1869) Этнографическій альбомъ Кульджинскаго района и Семирѣченской области, состоящій изъ 115 листовъ большаго формата, помѣщенныхъ въ особой коробкѣ. Пожертвованъ музею въ 1885 году Его Высокопревосходительствомъ Степнымъ генералъ-губернаторомъ Герасимомъ Артемьевичемъ Колпаковскимъ.

1754—1763) Фотографическіе типы таранчей, мужчинъ и женщинъ.

1764) Дунганка и таранчинки, прядущія шерсть.

1765) Подрѣзаніе мака и Санъ-Ташъ.

1766—1767) Сартянки.

1768) Самаркандская дѣвушка въ нарядномъ костюмѣ (въ 2-хъ видахъ) и сартянка въ домашнемъ праздничномъ костюмѣ.

1769) Ташкентскій сартъ.

1770—1772) Кашгарскіе сарты.

1773) Узбекъ.

1774—1777) Авганцы.

1778) Узбекъ (съ мальчикомъ) и авганецъ.

1779—1781) Узбеки, мужчина, женщина и дѣвушка.

1782) Туркменъ и узбекъ.

1783) Туркменъ.

1784—1785) Таджикъ и таджичка.

1786) Киргизка Кураминскаго уѣзда.

1787—1796) Киргизы, мужчины, женщины и дѣвушки.

1797—1800) Каракиргизы, мужчины и женщины.

1801) Караколпакъ.

1802) Челоказакъ.

1803) Странствующіе богомольцы и нищій, Дувана.

1804) Внутренній видъ юрты каракиргизовъ и производство холста и войлока.

1805) Ученая дунганская дѣвушка и дунганка.
1806—1808) Дунгане, мужчины и женщины.
1809) Дунгане, продавцы мяса и воды и швейная мастерская китаянокъ.
1810—1814) Китайцы и китаянки.
1815) Сибо и китаецъ.
1816—1818) Китайцы.
1819—1821) Сибо, мужчины и женщины.
1822) Ян-дже, китаянка.
1823) Кейвгаръ, сибо.
1824) Калмычка.
1825) Калмыки, мужчина и женщина.
1826—1831) Калмыки и калмычки.
1832) Калмыки (Баатъ-Насынъ и Доурджи-Мигмыръ).
1833) Калмыкъ (Тюря-монца-авылышпарца).
1834) Калмыкъ (Арехай).
1835—1836) Торгоутки.
1837) Чахарка, торгоутка и калмычка.
1838—1841) Торгоуты и торгоутки.
1842—1845) Чахарки.
1846) Чахарка и калмыкъ, лама.
1847) Чахарка дѣвушка (одно изображеніе).
1848—1850) Чахары.
1851) Таджикъ.
1852) Дунганъ (Менъ-суръ-ахунъ).
1853) Киргизская дѣвушка (Балій).
1854) Киргизская дѣвушка (Буджа).
1855) Киргизская дѣвушка (Миннишъ-аке-бисемби).
1856) Киргизка (Мучжа).
1857) Киргизъ (Даурджа-Магныръ) и киргизка.
1858) Сартъ.
1859—1861) Еврейки и евреи.
1862) Евреи, мужчина и женщина, и индѣецъ.
1863—1866) Индѣйцы.
1867—1868) Персіяне.
1869) Надгробные памятники таранчей и мечеть таранчинскаго хана въ Кульджѣ.

Виды и типы Кульджинскаго района (въ шагреневой коробкѣ). Поступили въ музей послѣ смерти бывшаго Томскаго губернатора Ивана Ивановича *Красовскаго* отъ душеприкащика его Е. М. *Голованова.*

1870) Каракалмычка.
1871) Торгоутъ.
1872) Продавецъ мяса.
1873) Уличный цирульникъ.
1874) Киргизъ Кызаевскаго рода.
1875) Сибо.
1876) Суйдунъ (городскія ворота).
1877) Продавецъ каменнаго угля.
1878) Продавецъ угля.
1879) Китайскій домъ.
1880) Продавецъ лакомствъ.
1881) Китайская карета.
1882) Таранчи-музыканты.
1883) Кара-киргизъ
1884) Сибо.
1885) Таранчинскій базаръ.
1886) Рѣзьба по кирпичу на стѣнѣ мечети.
1887) Женщины таранчинки.
1888) Кара-калмыки.
1889) Минаретъ таранчинской мечети.
1890) Китайскій базаръ.
1891) Калмычки.
1892) Таранчинская мечеть.
1893) Султанъ Абиль-огля.
1894) Китайцы.
1895) Продавецъ хвороста.
1896) Минаретъ таранчинской мечети.
1897) Китаянки.
1898) Сибо.
1899) Таранчи.
1900) Таранчи.
1901) Таранчинки.
1902) Китаянки.
1903) Китайцы.
1904) Суйдунъ. Каменный левъ.
1905) Продавецъ кунжутнаго масла.
1906) Калмыки.
1907) Кара-киргизка.

1908) Дѣвочка кара-киргизка.
1909) Таранчинскій дилижансъ.
1910) Продавецъ вареныхъ костей.

Виды и типы Семирѣченской области. (№ 1911—1962. Въ шагреневой коробкѣ).

1911) Кастекскій перевалъ.
1912) Буамское ущелье.
1913) Джузъ-агачинскій пикетъ.
1914) Царицинскій пикетъ.
1915) Выселокъ Коксуйскій.
1916) Церковь въ Сергіополѣ.
1917) Перекочевка киргизъ.
1918) Выселокъ Арасанскій.
1619) Семирѣченскій казакъ.
1920) Семейство калмыка-эмигранта.
1921) Въ Кастекскомъ ущельѣ,
1922) Семеновскій мостъ на рѣкѣ Чу.
1923) Войсковая учебная команда Семирѣченскаго казачьяго войска.
1924) Семирѣченскіе охотники.
1925) Семейство алматинскаго казака Котюхова до четвертаго колѣна включительно.
1926) Проводы казака на службу.
1927) Станичный судъ Больше-Алматинской станицы: судьи, истецъ и отвѣтчикъ.
1928) Семирѣченскіе казаки на бивуакѣ.
1929) Софійская станица, у подошвы Талгарнынъ-тау.
1930) Ледникъ рѣки Коры.
1931) На верховьяхъ Коры.
1932) Церковь выселка Любовнаго.
1933) Берега рѣки Чу.
1934) Зданія Арасанскихъ минеральныхъ водъ.
1935) Киргизка.
1936) Входъ въ Буамское ущелье.
1937) Киргизъ.
1938) Ала-тау съ южной стороны города Вѣрнаго.
1939) Гасфортовъ перевалъ.
1940) Гасфортовъ перевалъ.
1941) Гасфортовъ перевалъ.
1942) Церковь въ Караколѣ.
1943) Долина рѣки Коры.

1944) Мостъ на рѣкѣ Чу, въ Буамскомъ ущельѣ.
1945) Городъ Копалъ.
1946) Ущелье Кокъ-майнакъ, въ Буамскомъ ущельѣ.
1947) Снѣжный обвалъ на рѣкѣ Корѣ.
1948) Дорога по Кой-джоламъ, въ Буамскомъ ущельѣ.
1949) Церковь въ выселкѣ Сарканскомъ.
1950) Дорога въ Арганатинскомъ ущельѣ.
1951) Георгіевскіе кавалеры Больше-Алматинской станицы.
1952) Семирѣченскіе казаки.
1953) Священный камень въ ущельѣ Коры.
1954) Арганатинскій пикетъ.
1955) Урядники Набоковы, отецъ и сынъ, оба георгіевскіе кавалеры.
1956) Въ киргизской юртѣ.
1957) Кара-киргизы рода Богу.
1958) Обозъ на отдыхѣ.
1959) Офицеры семирѣченскаго казачьяго войска.
1960) Дорога черезъ горы изъ Коры въ Копалъ.
1961) Ущелье въ Ала-тау.
1962) Киргизская могила.

1963) Четыре китайскихъ книжки въ сафьяномъ футлярѣ (гр. Строг.).
1964) Японскія книжки (12 тетрадей въ футлярѣ).
1965) Рукопись на арабскомъ языкѣ 4^0, (коранъ изъ библіотеки хивинскаго хана).
1966) Рукопись на татарскомъ языкѣ, 104 листа 4^0. Отъ Ив. Як. Словцова.
1967) Бурханъ изъ желтой мѣди. Высота 17 сант., ширина у основанія 11 сант. Отъ Л. Н. *Некрасова*.
1968) Бурханъ—вызолоченный, высота 14, ширина $9^1/_4$ сант.
1969) Бурханъ. Высота около $10^1/_2$ и ширина $7^1/_2$ сант.
1970) Бурханъ. Высота $9^1/_2$, ширина $6^3/_4$ сант.
1971) *Джинъ*, китайскій приборъ въ футлярѣ, заключающій въ себѣ: ложку, ножикъ, двузубую вилку, безменъ, щипчики и двѣ костяныя палочки (отъ Д. К. Новака).
1972) Такой же приборъ. (Отъ г. Шестаковича).
1973) Сартовская бритва, (отъ Г. К. Тюменцева).
1974) Кошелекъ сартовскій, кожаный, украшенъ узорами, вышитыми цвѣтными нитками и тоненькою металлическою пластинкою. Длина 15 сант., ширина—низъ $6^1/_2$, верхъ $5^1/_2$ сант. (Отъ Г. К. Тюменцева).

1975) Гребень сартовскій, полукруглой формы, украшенъ цвѣтами и разводами золотой краскою; въ кожаной сумочкѣ. (Отъ Г. К. Тюменцева).

1976) Двѣ китайскія тарелочки, изъ олова, съ вырѣзанными китайскими буквами. (Діаметръ около 10 1/2 сант.). Отъ Д. К. *Навака*.

1977) Китайскія курительныя свѣчи. (Отъ г. *Шостаковича*).

1978) Фигурка вырѣзанная изъ слоновой кости, изображающая китайца, несущаго на спинѣ мѣшокъ съ деньгами. Вышина 4 сант., ширина 2 сант. На спинѣ двѣ дырочки. Получена отъ Г. К. Тюменцева.

1979) Китайскій шелковый кошелекъ для мелкой монеты, сердцевидной формы, шитый разноцвѣтнымъ шелкомъ, съ длинными шелковыми кисточками.

1980) Китайскія игорныя карты, изъ тонкаго картона, покрытыя лакомъ, задняя сторона черная; 48 штукъ. Длина около 10 1/4, ширина 2 1/2 сант.

1981) Такія же карты, задняя сторона красная, длина 10, ширина 2 1/2 сант., въ футлярчикѣ изъ картона, 48 шт. (Отъ В. М. Флоринскаго).

1982) Комысъ, монгольскій музыкальный инструментъ. Состоитъ изъ деревяннаго, украшеннаго рѣзьбою футлярчика съ крышкою; въ немъ помѣщается собственно инструментъ, сдѣланный изъ четырехгранной желѣзной полоски, изогнутой пополамъ такъ, что средина ея (болѣе толстая) образуетъ кружокъ, а концы, продолжаясь подъ угломъ, почти сходятся между собою; къ срединѣ полоски прикрѣплена тонкая стальная пружинка, (около 1/2 сант. ширины у основанія), которая, идя между обоими концами полоски, выполняетъ собою промежутокъ между ними и при окончаніи ихъ загнута вверхъ подъ прямымъ угломъ; самый кончикъ стальной пружинки, (толщиною не болѣе тоненькой иголки), загнутъ колечкомъ. Длина инструмента около 6 сант., а футлярчикъ 8 1/2 сант. (отъ Г. К. Тюменцева).

1983) Стаканъ изъ тыквы, растущей въ Туркестанѣ.

1984) Мѣдный китайскій кальянъ (отъ Д. К. *Новака*).

1985) Китейскаа трубочка для куренія опіума. Трубочка мѣдная съ деревяннымъ чубукомъ, на концѣ котораго надѣтъ каменный мундштукъ (отъ В. М. Флоринскаго).

1986) Такая же трубочка, изъ красной мѣди, длина 11 сант.

1987) Горка (тоңа) изъ красной глины, высота около 9, ширина у основанія 8 сант. (разбитая), и другая (изъ такой же глины)

маленькая, высота 2 1/2, ширина у основанія 3 сант. (отъ Д. К. *Новака*).

1988) Китайскій образокъ изъ красной глины (разбитый).

1989) Джень-шень, лекарственный корень. (Отъ г. *Шостаковича*).

1990) Китайская шапочка изъ чернаго атласа.

1991) Китайскія башмаки.

1992) Китайскія бусы (ожерелье).

1993) Четыре китайскихъ бубенчика.

1994) Китайской работы деревянная чашка. Внутренняя сторона разрисована цвѣтами по золоченому фону; покрыта толстымъ слоемъ лака (въ діаметрѣ 24 сант.).

1995) Двѣ такихъ же деревянныхъ чашки (12 1/2 сант. въ діаметрѣ), изъ коихъ одна украшена цвѣтами, нарисованными внутри и съ наружной стороны, а другая безъ рисунковъ.

№№ 1990—1995 куплены въ китайскомъ магазинѣ и переданы въ музей В. М. *Флоринскимъ*. Деревянныя лаковыя чашки выдѣлываются китайцами въ городѣ Калганѣ главнымъ образомъ для кочевыхъ монголовъ и заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что фасонъ ихъ и рисунки цвѣтовъ весьма сходны съ лаковыми русскими издѣліями.

1996) Китайскій двухсторонній гребень, изъ чернаго дерева съ серебряною надписью; зубцы изъ желтаго дерева.

1997) Буддійскій бурханъ, вылитый изъ чугуна, 16 сант. длины и 12 сант. ширины (отъ Г. К. Тюменцева).

1998) Китайскіе искусственные цвѣты.

1999) Кусочекъ орнамента отъ старой стѣны китайской крѣпости, находящейся въ Семипалатинской области. на рѣкѣ Сибинкѣ.

2000) Бурханъ; мѣдный, вызолоченный, изящной работы. Высота 26, ширина основанія 17 сант.

2001) Ящикъ изъ камня колупташа, находимаго въ горахъ Копальскаго уѣзда (какъ образецъ мѣстнаго издѣлія). Длина 23 1/2, ширина 15 3/4 и высота 9 1/4 сант. (Украшенія въ видѣ ремней съ пряжками, вырѣзанныя изъ того же камня изломаны и нѣкоторыя части ихъ утрачены. (Отъ Д. К. *Новака*).

2002) Китайскій глиняный кувшинъ, употребляемый для рисовой водки. (Отъ В. П. *Картамышева*).

2003) Кирпичъ квадратной формы, длина и ширина 31 сант., толщина 5 1/2 сант., изъ бѣлой глины. Лицевая сторона украшена рельефными фигурами двухъ оленей, летящаго орла, деревьевъ и проч.

2004) Кирпичъ изъ глины пепельнаго цвѣта, квадратной формы (34 1/2 сант., а толщина около 6 1/2 сант.) съ рельефными ук-

рашеніями (кругомъ бордюръ, а внутри восьмилепестковый цвѣтокъ).

2005) Кирпичъ такой же величины и формы съ изображеніемъ куста цвѣтовъ. (Уголъ кирпича отломанъ).

2006) Кирпичъ 33½ сант. длины, 15 сант. ширины, съ изображеніемъ цвѣтовъ и проч.

2007) Такой же кирпичъ, длиною 33, шириною 15 сант.

2008) Такой же кирпичъ (изломаный). Эти 6 китайскихъ кирпичей выломаны изъ стѣнъ бывшей кульджинской крѣпости. Получены отъ Б. П. Шостаковича.

2009) Китайскій флакончикъ (табатерка) изъ нефрита, плоской яйцевидной формы, 6¼ сант. длины и 5 сант. ширины.

2010) Китайская фаянсовая чашка. Діаметръ 6½, высота около 3¼ сант.

2011) Такая же чашечка. Діаметръ 4, высота около 2¼ сант.

2012) Китайская фаянсовая ложка на подобіе совка.

2013) Каменная печать китайской работы (четырехугольный столбикъ, верхъ котораго оканчивается изображеніями птицы и звѣрка). Отъ горнаго инженера Маюрова.

2014) Деревянный сартовскій двухсторонній гребень, фигурной рѣзьбы съ тисненіемъ.

2015) Слѣпокъ со знака, носимаго тѣлохранителями богдыхана. (Большая медаль съ китайскою надписью съ обѣихъ сторонъ и ушкомъ для привязыванія ея).

2016) Китайскій фонарикъ изъ прозрачной матеріи, раздвижной; низъ и верхъ изъ дерева.

2017) Статуетка изъ нефрита. Высота 17½, ширина 5½ сант.

2018) Китайская бумажная картина на палочкахъ, изображаетъ лежащую женщину.

2019) Магджанъ, лѣкарственное сартовское снадобье, два образца (въ двухъ жестяныхъ коробкахъ).

2020) 10 китайскихъ пилюль (лѣкарство), каждая величиною въ лѣсной орѣхъ, въ воскѣ.

2021) Черныя китайскія лѣкарственныя лепешки (21 шт.).

2022) Китайская веревка, (толстая струна).

2023) Бигень—таранчинскій топоръ; ручка его изъ мѣстнаго дерева карагача.

2024) *Кетмень*—(мотыга); лопатка длины 25, ширины 21 сант. употребляемая при земледѣліи въ Семирѣченской области и Туркестанѣ.

2025) Таранчинскій топоръ (для раскалыванія), длина 21½, ширина у острія 6 сант.

2026) Таранчинскій топоръ (для тесанія), съ четырехугольнымъ обухомъ; длины 17, ширины у острія 7 сант., длина обуха 5 1/2 сант.

2027) Таранчинскій топоръ. Обухъ имѣетъ форму трубки, (4 сант. длины), которой верхняя и боковыя стороны плоскія, а нижняя трехгранная. Лезвее не такое, какъ бываетъ у обыкновеннаго топора, а поперечное, какъ у мотыги; ширина лезвея—у обуха 3 1/2, у острія 6 1/2 сант. длина 9 1/2 сант.

2028) Таранчинскій поварской ножъ, съ короткою деревянною ручкой. Длина обуха 17 1/2, лезвее 22 1/2 сант., ширина 11 1/2 сант.

2029) Китайское мыло для бритья, или какое либо лѣкарственное снадобье (?).

2030) Китайское лѣкарственное снадобье.

2031) Китайская разноцвѣтная бумага для писемъ, 34 листа.

№№ 2016—2031 доставлены Б. П. Шостаковичемъ.

2032) Буддійскій образъ, нарисованный масляными красками на холстѣ (7 изображеній разныхъ божковъ). Длина 47, ширина 32 сант., полученъ отъ Г. К. Тюменцева.

2033) Китайская картина на палочкахъ.

2034) Китайская картина на тонкой бумагѣ.

2035—2049) Пятнадцать китайскихъ бумажныхъ картинъ на палочкахъ.

Фотографическіе снимки, собранные въ Кульджѣ Б. П. Шостаковичемъ.

2050) Караванъ, снаряженный Сомовымъ изъ Кульджи въ Аксу.

2051) Аргамакъ сартовской породы.

2052) Русское кладбище въ Кульджѣ.

2053) Гротъ въ саду при домѣ Каменскаго, въ Кульджѣ.

2054) Мельница Юлдашева, въ Кульджѣ. (Моментъ передачи мельницы китайцамъ).

2055) Виноградная аллея въ саду Каменскаго, въ Кульджѣ.

2056) Кара-киргизъ.

2057) Манджуръ съ дѣтьми.

2058) Кара-киргизъ.

2059) Китаецъ.

2060) Китаянка.

2061) Китаецъ-разносчикъ съ подвижной кухней.

2062—2063) Китайцы.

2064) Китаецъ верхомъ на торгаутскомъ конѣ.
2065) Китайцы.
2066) Манджурка.
2067) Таранчи, авганецъ и сартянка.
2068) Аксуйка и сартянка.
2069) Калмыки (торгоуты).
2070) Торгоутскій ванъ съ приближенными.
2071) Карашарки, ѣдушія на арбѣ.
2072) Кара-китаецъ сайганъ (чиновникъ).
2073) Таранчинки.
2074) Торгоуты.
2075—2076) Китайская полицейская стража.
2077) Китайскіе солдаты.
2078) Калмыки.
2079) Сибинцы.
2080) Гечиль (лама).
2081) Китайскій экипажъ.
2082) Внутренность двора въ Кульджѣ.
2083) Входъ въ кумирню (въ Кульджѣ).
2084) Медрессе (въ Кульджѣ).
2085) Мазаръ (кладбище) (въ Кульджѣ).
2086) Надгробный памятникъ (могила).
2087) Ворота въ таранчинскій дворъ (въ Кульджѣ).
2088) Палатка китайскаго чиновника.
2089) Входъ на кладбище (мазаръ, въ Кульджѣ).
2090) Медрессе въ Кульджѣ.
2091) Ворота въ медрессе.
2092) Караванъ.
2093) Входъ въ медрессе (Кульджа).
2094—2095) Медрессе (Кульджа).
2096) Буддійская молельня въ Суйдунѣ.
2097) Могила Акымъ-Бека (въ Кульджѣ).
2098) Стѣнка въ медрессе (Кульджа).
2099) Таранчинская молельня.
2100) Стѣнка въ медрессе (Кульджа).
2101) Стѣнка въ медрессе.
2102) Каменный истуканъ въ кульджинской крѣпости.
2103) Торгоутскій бурханъ.
2104) Двѣ китайскія стрѣлы, съ желѣзными наконечниками (копьецомъ и трехстороннимъ опереніемъ; оба конца древка оклеены корою, длина наконечника отъ $8^1/_2$ до $8^3/_4$ сант., древко 93 сант.

2105) Такія же двѣ стрѣлы изъ Семирѣченской области.
2016) Архитектурное украшеніе изъ камня, найденное около Вѣрнаго. Отъ Н. Н. Пантусова.
2017) Волокна кендыря изъ Джаркента.

Утварь и орудія, принадлежащія сѣвернымъ сибирскимъ инородцамъ.

2108) Модель лодки остяковъ рѣки Конды, Тобольскаго и Туруханскаго округовъ.
2109) Модель лодки, употребляемой татарами въ Тобольскомъ округѣ.
2110) Модель лодки остяковъ по рр. Тартасу и Демьянкѣ (съ весломъ).
2111) Модель лодки, употребляемой рыбопромышленниками на устьѣ рѣки Иртыша и въ долинѣ Оби.
2112) Модель самоѣдской нарты для перевозки чума и домашнихъ принадлежностей.
2113) Модель самоѣдской нарты для перевозки пассажировъ.
2114) Колыбель изъ береста, употребляемая остяками Березовскаго округа.
2115) Берестяная колыбель вогуловъ Тобольскаго округа.
2116) Деревянная колыбель иртышскихъ остяковъ Тобольскаго округа.
2117) Деревянная колыбель остяковъ Нарымскаго края.
2118) Музыкальный струнный инструментъ „Лебедь“ (напоминающій своею формою лебедя), употребляемый остяками и вогулами.
2119) Деревянная колыбель сѣверныхъ самоѣдовъ. Въ ней подстилка плетеная изъ травы и тюфячекъ изъ крашенаго холста (замѣняющій подушку).
2120) Лукъ, употребляемый самоѣдами; почти прямой, съ выгнутыми концами; наружная сторона плоская, немного закруглена, а внутренняя трехгранная. При немъ привѣшены: латунная бляха, съ прорѣзями, изогнутая въ видѣ браслета и кусокъ кости овальной формы (одна сторона которой выпуклая, а другая вогнута) съ двумя дырочками для привязки.
2121) Лукъ съ небольшимъ двойнымъ изгибомъ, концы загнуты немного назадъ, оклеенъ берестой; наружная сторона плоская, внутренняя полукруглая.
2122 Стрѣла съ опереніемъ; передній конецъ въ видѣ шишки. Употребляется самоѣдами для охоты на бѣлокъ и птицъ.

2123) Такая же стрѣла съ утолщеніемъ на концѣ въ видѣ шишки.
2124) Такая же стрѣла съ утолщеннымъ концомъ, состоящимъ изъ костяной насадки.
2125) Стрѣла съ утолщеннымъ концомъ; костяная насадка снята. Безъ оперенія.
2126) Стрѣла безъ оперенія, съ желѣзнымъ ланцетовиднымъ наконечникомъ.
2127) Черканъ. Снарядъ для ловли мелкихъ звѣрковъ; употребляется сѣверными инородцами Тобольской губерніи.
2128) Такой же черканъ, полученный изъ Сургута.
2129) Такой же черканъ, употребляемый остяками съ рѣки Оби.
2130) Такой же черканъ изъ Нарымскаго края.
2131) Клепецъ, снарядъ для звѣриной ловли, изъ Нарымскаго края.
2132) Такой же клепецъ.
2133) Ловушка на маленькихъ звѣрковъ.
2134) Струнный музыкальный инструментъ, употребляемый самоѣдами, 94 сант. длины, отъ $15^1/_2$ до $17^1/_2$ сант. ширины, деко прямое, а нижняя сторона инструмента пятигранная; верхній конецъ раздвоенъ; на немъ перекладина для привязки струнъ.
2135) Бубенъ самоѣдскаго шамана.
2136) Деревянная лопатка къ шаманскому бубну. Длина около 10 вершковъ, ширина $1^1/_2$ вершка; ручка и выгнутая сторона лопатки оклеена кожею съ собачьей лапы, выгнутая сторона покрыта изображеніями ящерицъ, змѣй и проч. (съ р. Амура).
2137) Бубенъ шаманскій, яицевидной формы, натянутый козульей кожей (съ р. Амура, отъ гольдовъ).
2138) Берестяный остяцкій туясъ съ крышкою, разрисованъ узорами (кресты и геометрическія фигуры).
2139) Такой же остяцкій туясъ, меньшаго размѣра.
2140) Самоѣдскій кузовъ изъ цѣльнаго куска береста, изогнутаго пополамъ; бока сшиты нитками; углы, образовавшіеся внизу съ обѣихъ сторонъ отъ изгиба береста, загнуты вверхъ по направленію боковыхъ швовъ, и пришиты нитками, такъ что дно кузова имѣетъ форму длиннаго четырехугольника ($3^1/_2$ и $9^1/_2$ вершковъ) кверху же кузовъ, постепенно съуживаясь, переходитъ въ круглую форму; крышка круглая. Одна сторона кузова и крышка разрисованы разными узорами, съ крестами въ срединѣ; для ношенія на спинѣ привязаны веревки.

2141—2146) Шесть разныхъ экземпляровъ рыболовныхъ снарядовъ, употребляемыхъ въ Тобольской и Пермской губерніяхъ, сплетенныхъ изъ ивовыхъ прутьевъ и называемыхъ *морды*. (Морды употребляются какъ русскими крестьянами, такъ и инородцами, и суть ничто иное, какъ средне-русскія *верши*).

2147) Такой же снарядъ, имѣющій форму пузатой корчаги.

2148) Лукъ самоѣдскій. Съ двойнымъ изгибомъ, оклеенъ берестой, длина $2^1/_2$ арш. Передняя сторона плоская, внутренняя—полукруглая.

2149) Снарядъ для тканья грубаго холста; состоитъ изъ деревянныхъ прутьевъ (отъ 17 до 18 вершковъ длины и $^1/_2$ верш. толщины) и тонкихъ дощечекъ, въ $1^1/_2$ вершка ширины.

2150) Домашній и путевой самоѣдскій идолъ. Состоитъ изъ камня (11 сант. длины и $5^1/_2$ сант. ширины) плоской, неправильной формы, съ придаткомъ, изображающимъ подобіе головы; на камнѣ надѣтъ самоѣдскій костюмъ изъ грубой шерстяной матеріи зеленаго цвѣта. Идолъ лежитъ въ маленькихъ крытыхъ нартахъ.

2151) Грузило самоѣдскаго колыдана, употребляется для ловли рыбы.

2152) Приборъ отъ собачьей или оленьей упряжи, состоящій изъ двухъ плоскихъ кусковъ кости, по 15 сант. длины, и двухъ кусковъ, изогнутыхъ подъ угломъ. Всѣ четыре части прибора снабжены дырами и ремешками для привязыванія ихъ.

2153) Самоѣдская деревянная ложка, имѣющая форму четырехугольнаго совка; длина ложки немного бо́лѣе 2 вершковъ, ширины 2 вершка, длина съ ручкой $5^3/_4$ вершка.

2154) Остяція охотничьи принадлежности: деревянная пороховница, кожаный дробовикъ и кожанная мѣрка.

2155) Красильныя травы, растущія въ Тобольской губерніи *зеленица* и *маренка*.

2156) Варганка; остяцій костяной музыкальный инструментъ, длина $2^3/_4$ вершка.

2157) Нитки изъ оленьихъ жилъ (мотокъ, полученный отъ г. Полякова).

2158) Комысъ, монгольскій музыкальный инструментъ.

2159) Девятнадцать фигурокъ, приготовленныхъ изъ кости. Изъ нихъ пять изображаютъ птицу (въ родѣ голубя); пять изображаютъ животное на высокихъ ногахъ, на подобіе лошади или собаки; четыре представляютъ животное съ поджатыми ногами, въ родѣ зайца (пятая фигурка потеряна), пять фигуръ представляютъ орнаменты въ формѣ креста.

Всѣ фигурки, въ 3/4 вершка вышиной, помѣщены на тумбочкахъ конической формы съ плоскимъ дномъ, составляющихъ одно цѣлое съ фигуркой. Доставлены съ рѣки Васюгана отъ остяковъ, у которыхъ онѣ служатъ для игры, въ родѣ нашихъ шахматовъ, и носятъ названіе *топись*.

2160) Девять металлическихъ привѣсокъ отъ остяцаго платья, именно: а) Одна мѣдная прорѣзная бляшка въ 11 сант. длины и 2 1/2 сант. ширины, съ узоромъ на лицевой сторонѣ; на верхнемъ ея краѣ девять выдающихся въ видѣ гребешка кружковъ съ сквозными отверстіями по срединѣ каждаго изъ нихъ; по длинѣ бляшки идетъ сквозная прорѣзь; съ каждаго бока находятся по двѣ небольшихъ дырочки для подвѣшиванія или для нашиванья описываемой пластинки. б) Два мѣдныхъ кружка въ 3 1/2 сант. въ діаметрѣ, въ родѣ русской старой копѣйки. Въ срединѣ, въ кружкѣ грубо изображена фигура какого то животнаго (драконъ?), далѣе идетъ круглый ободокъ въ видѣ веревочки, а кругомъ края одиннадцать прорѣзныхъ зубцовъ; верхній 12-й зубецъ удлиненъ, въ немъ сдѣлано ушко для подвѣски. в) Такой же кружокъ съ семью зубцами, восьмое ушко; вмѣсто изображенія фигуры животнаго, здѣсь простой орнаментъ. г) Пять круглыхъ пластинокъ изъ бѣловатаго металлическаго сплава величиной въ копѣйку. На лицевой ихъ сторонѣ орнаментъ, состоящій изъ *девяти* выпуклыхъ шишечекъ, десятая въ центрѣ, вдвое большаго размѣра. Каждая шишечка окружена мелкими точками. По полю каждой пластинки, въ формѣ двухъ концентрическихъ круговъ, расположено по девяти дырочекъ въ каждомъ кругѣ. Привезены изъ Нарымскаго округа.

2161) *Лукъ* (тунгузскій?), склееный изъ трехъ деревянныхъ полосъ, изъ коихъ наружная и внутренняя покрыты корой. Концы лука отогнуты въ обратную сторону; къ нимъ привязано по кусочку дерева съ желобкомъ для поддержки тетивы. Лукъ во многихъ мѣстахъ перевязанъ ремешками.

2162) Тунгузская замшевая одежда, расшитая цвѣтнымъ бисеромъ. Длина 1 арш., задъ на 4 вершка длиннѣе, клинообразенъ, обшитъ бахромою изъ конскихъ волосъ. Съ передней стороны по краямъ бортовъ, начиная отъ шеи, идутъ двѣ полосы кожи, украшенныя сплошь бисеромъ и рядомъ мѣдныхъ (около 1/2 вершка въ діаметрѣ) круглыхъ бляшекъ. Нижніе концы полосъ украшены длинной шерстяной бахрамою. Къ этому костюму принадлежатъ слѣдующіе ниже: нагрудникъ, шапочка и сапоги.

2163) Нагрудникъ изъ замши, вышитый разноцвѣтнымъ бисеромъ съ металлическими подвѣсками: верхняя подвѣска состоитъ изъ четырехъ оловянныхъ пластинокъ, съ шестью сквозными прорѣзками каждая; и нижняя подвѣска изъ литой мѣдной пластинки (въ $2^1/_4$ верш. длины и около $^5/_8$ верш. ширины), снабженной двумя рядами дырочекъ. Къ этой пластинкѣ привѣшаны на ремешкахъ съ крупнымъ бисеромъ пять ажурныхъ пластинокъ, каждая съ изображеніемъ дьявола въ срединѣ.

2164) Тунгузская шапочка, состоитъ изъ замшеваго околыша (въ $^3/_4$ верш. ширины), къ которому пришиты двѣ замшевыя же полоски (въ $^1/_2$ верш. ширины), перекрещивающіяся на макушкѣ подъ прямымъ угломъ. Сзади прикрѣплена полоса изъ той же замши, 10 вер. длины и $1^3/_4$ вер. ширины. Вся шапочка покрыта сплошнымъ бисернымъ шитьемъ и украшена цѣпочками и кистями изъ бисера и цвѣтной шерсти.

2165) Замшевые сапоги. Нижняя ихъ часть, до колѣна (собственно сапоги) вышита бисеромъ, а верхняя, изображающая штаны, съ передней стороны обшита мѣхомъ изъ оленьихъ ногъ, а бока и заднія стороны украшены нашитыми на нихъ полосками изъ разнаго цвѣтнаго ситца (мѣховыя части попорчены молью).

2166) Два буддійскіе чугунные колокола съ китайскими фигурами и надписями, вывезенные изъ Кульджи. Доставлены Б. П. Шостаковичемъ. Высота одного изъ нихъ 18 вершковъ, другаго 16 верш., ширина внизу у перваго 1 арш., а у втораго $^3/_4$ аршина. На стѣнкахъ имѣются круглыя сквозныя отверстія, края съ вырѣзками въ видѣ лепестковъ.

2167) Японское рыцарское облаченіе (шлемъ, личина, панцырь и наколѣнники). Доставлены А. М. Сибиряковымъ. (На монкенѣ).

2168) Бухарскій шелковый халàтъ на коленкоровой подкладкѣ, полученный однимъ изъ русскихъ путешественниковъ въ подарокъ отъ бухарскаго бека (помѣщ. въ витринѣ на стѣнѣ). Подаренъ музею В. М. Флоринскимъ.

2169) Тунгузскія лыжи, 2 арш. 11 верш. длины и $6^1/_4$ верш. ширины. Нижняя сторона лыжъ оклеена шкурой съ лосиныхъ ногъ, а на верхней сдѣланы (приподнятыя надъ поверхностью лыжъ около $1^1/_2$ верш.) деревянныя подножки, оклеенныя сверху берестой. Для прикрѣпленія ногъ къ подножкамъ придѣлываютъ обыкновенно деревянные обручики; на настоящемъ экземплярѣ вмѣсто обручиковъ, изломанныхъ отъ употребленія, прикрѣплены ремни. Подарены В. Ив. Ржеусскимъ.

Русскій этнографическій отдѣлъ.

Портреты, фотографическіе снимки и карты, помѣщенные на стѣнахъ. (Фотографіи и портреты въ рамкахъ подъ стекломъ). Пожертвованы В. М. Флоринскимъ.

2170) Фотографическій снимокъ, въ листъ, закладки Сибирскаго университета, бывшей 26 августа 1880 года.
2171) Такой же величины снимокъ въ другой моментъ закладки.
2172) Фотографическій снимокъ постройки главнаго университетскаго корпуса въ 1883 году.
2173) Фотографическій снимокъ главнаго университетскаго корпуса въ 1884 году.
2174) Фотографическій снимокъ Вѣрненской мужской гимназіи до землетрясенія 1887 года.
2175) Снимокъ той же гимназіи послѣ землетрясенія 28 мая 1887 года (передній фасадъ разрушеннаго зданія).
2176) Задній фосадъ того же разрушеннаго зданія.
2177) Фотографическій снимокъ Вѣрненской женской гимназіи послѣ землетрясенія.
2178) Большая почтовая карта Россійской имперіи, изданная почтовымъ Департаментомъ въ 1878 году, раскрашенная и наклеенная на холстъ, съ палками.
2179) Литографированный портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.
2180) Литографированный портретъ графа М. М. Сперанскаго.
2181) Литографированный портретъ графа Ѳ. П. Литке.
2182) Литографированный портретъ Министра Народнаго Просвѣщенія Ивана Давыдовича Делянова.
2183) Литографированный портретъ графа Дмитрія Андреевича Толстого.
2184) Планъ города Томска, вычерченный отъ руки въ 1887 году томскимъ губернскимъ землемѣромъ Дягилевымъ. Раскрашенъ и наклеенъ на коленкоръ. Длина 1 аршинъ 7 вершковъ, ширина 15 вершковъ.
2185) Профиль мѣстности города Томска, снятый тѣмъ же Дягилевымъ. На коленкорѣ.
2186) Планъ С.-Петербурга 1821 года. Большой листъ, наклеенный на коленкоръ.
2187) Сравнительная карта высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1866 и

1876 годахъ, изданная къ десятилѣтію Министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстого. Наклеена на холстѣ.

2188) Первая подробная карта теченія рѣки Оби, съ показаніемъ ея притоковъ и фарватера. На 23 листахъ. Изданіе пароходнаго товарищества Игнатова.

2189) Фотографическій портретъ профессора Виктора Ивановича Григоровича.

2190) Литографированный портретъ профессора Измаила Ивановича Срезневскаго.

2191) Литографированный портретъ профессора Николая Ивановича Костомарова.

2192) Литографированный портретъ профессора Сергѣя Михайловича Соловьева.

2193—2196) Четыре литографированныхъ портрета Александра Сергѣевича Пушкина, снятые въ разныя эпохи его жизни.

2197) Литографированный портретъ Василія Андреевича Жуковскаго.

2198) Литографированный портретъ Николая Ивановича Гоголя.

2199) Литографированный портретъ Владиміра Ивановича Даля.

2200) Литографированный портретъ П. А. Плетнева.

2201) Литографированный портретъ Н. М. Языкова.

2202) Литографированный портретъ князя П. А. Вяземскаго.

2203) Кабинетъ В. А. Жуковскаго (Гоголь, Пушкинъ, Одоевскій и Крыловъ).

(№№ 2193—2203 взяты изъ Пушкинскаго альбома, художника Зичи, доставленнаго въ музей Е. М. Голованомъ).

VIII. Русская витрина.

Отдѣлъ I.

Отъ В. М. Флоринскаго (кромѣ номеровъ 2224—2229 и 2239).

2204) Оловянный восьмиконечный крестъ съ ушкомъ, 5 сант. длины и 3 сант. ширины, съ вѣнцомъ и булавчатыми шишечками по всѣмъ краямъ, съ славянскою надписью на задней сторонѣ.

2205) Мѣдный четырехконечный крестъ, съ ушкомъ, съ закругленными концами и вѣнчикомъ. Сзади надпись: „кресту твоему покланяемся“. Длина $4^1/_2$ сант., ширина $2^1/_2$ сант.

2206) Два мѣдныхъ крестика со стертыми надписями на задней сторонѣ.

2207) Круглый образокъ Николая чудотворца, съ надписью на задней сторонѣ: „Святителю Отче Николае моли Бога о насъ.“ Размѣръ $2^1/_2$ сант., съ ушкомъ.

2208) Мѣдная уховертка въ видѣ ложечки съ длинною ручкою, на концѣ которой колечко.

2209) Мѣдныя ажурныя серьги въ формѣ широкихъ и плоскихъ трехугольниковъ съ полузакругленнымъ верхнимъ и нижнимъ краемъ, съ желѣзными проволочными кольцами для ушей и съ такими же семью подвѣсками по нижнему краю (конца прошлаго столѣтія).

2210) Серьги изъ крупныхъ стеклянныхъ бусъ темновишневаго цвѣта, оплетенныхъ въ сѣтку изъ зеленаго бисера. Бисеръ нанизанъ на тонкую щетинку.

2211) Плоское мѣдное колечко.

2212) Мѣдный перстень съ печатью (конца прошлаго столѣтія).

2213) Мѣдный перстень съ рисункомъ на широкой площадкѣ (конца прошлаго столѣтія).

2214) Серебряный перстень съ камнями въ родѣ горнаго хрусталя (прошлаго столѣтія).

2215) Мѣдный перстень съ большимъ аметистомъ (жидкой воды) екатеринбургской шлифовки.

2216) Перстень съ бѣлымъ камнемъ, похожимъ на горный хрусталь.

2217) Граненыя подвѣски къ серьгамъ, стальнаго цвѣта, въ мѣдной оправѣ.

2218) Запонка къ женской рубашкѣ со сломаною шляпкою. Въ срединѣ гнѣздышко отъ выпавшаго камня.

Послѣдніе 16 мелкихъ вещицъ, относящихся къ концу прошлаго и къ первой четверти текущаго столѣтія, собраны у крестьянъ Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи.

2219) Модель русскаго верстоваго столба, сдѣланная изъ камня, екатеринбургской работы.

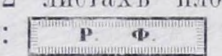
2220) Исторія о Іосифѣ прекрасномъ, лубочное изданіе конца прошлаго столѣтія, съ картинками, 4^0.

2221) Исторія о Іосифѣ прекрасномъ, лубочное изданіе съ картинками первой четверти текущаго столѣтія 4^0.

2222) Исторія о походѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго противъ Мамая, его же Божіею помощію на Куликовомъ полѣ до конца побѣдиша. Лубочное изданіе съ картинками, относящееся къ первой четверти текущаго столѣтія, 4^0. Всѣ три книжки въ переплетахъ.

2223) Шестьдесятъ четыре листа лубочныхъ картинъ религіознаго и бытоваго содержанія, изданія 60—70 годовъ текущаго столѣтія.

2224) Исторія или дѣйство евангельской притчи о блудномъ сынѣ, лубочное изданіе 1685 года на 54 листахъ въ малую четвертку, съ картинками (изъ библіотеки Никитенко).

2225) Канонникъ письма конца XVII или начала XVIII вѣка, на 32 листахъ плотной сѣрой бумаги, въ 8°. Водяные знаки:  Содержаніе: 1) Канонъ св. ангелу хранителю. 2) Канонъ св. Николѣ (Мирликійскому) и 3) Канонъ Пресвятой Богородицѣ Одигитріи.

2226) Канонникъ письма средины текущаго столѣтія, на 45 листахъ писчей бумаги, въ 8°. Содержаніе: 1) Канонъ честному и животворящему Кресту. 2) Канонъ св. Николѣ (Мирликійскому) и 3) Канонъ Пресвятой Богородицѣ Владимірской.

2227) Святцы четкаго письма прошлаго вѣка, на 82 листахъ (1—20, 22—83; листъ 21 утраченъ) бѣлой лощеной бумаги, въ 8°, въ кожаномъ съ досками переплетѣ. Водяные знаки: „Мошковцова. 1781.“ Это мѣтка старѣйшей бумажной фабрики въ городѣ Вяткѣ, существующей доселѣ, но доставшейся по наслѣдству Первушину (см. столѣтіе Вятской губерніи. Вятка. 1880. Томъ I, предисловіе на стр. III). Поля святцевъ испещрены замѣтками о днѣ рожденія, именинъ и смерти членовъ семьи и знакомыхъ, а первый листъ имѣетъ надпись: „Сия книга Ивана Шмурыгина.“

2228) Сборникъ изъ часослова и требника) компактнаго письма конца XVII вѣка, на 116 листахъ сѣрой бумаги, въ 8°, въ доскахъ. По листамъ идутъ параллельно двѣ скрѣпы: 1) Книга томскаго мѣщанина Ивана Дмитрева Маклакова, пожертвована дьячкомъ Иваномъ Вихоревымъ въ 1815 году.“ 2) „Чиновницы Харламовой.“ На послѣднемъ листѣ подпись: „Епископъ Агапитъ.“ Это былъ *первый* епископъ Томскій и енисейскій, правившій епархіею между 1834—1841 годами (см. Памятн. книжку Западной Сибири 1881 г. Омскъ. 1881 стр. 46). Содержаніе: 1) Вечерня. 2) Павечерница (повечеріе). 3) Канонъ Пресвятой Богородицѣ, твореніе Ѳеофаново. 4) Полунощница повседневная. 5) Полунощница субботняя. 6) Полунощница воскресная. 7) Утреня. 8) Часъ первый. 8) Помянникъ, его же должно есть на всякъ день со умиленіемъ и усердіемъ чести. 10) Молитвы спальныя (на сонъ грядущимъ). 11) Св. Максима исповѣдника сказаніе ко еже спастися. 12) Иносказаніе о образѣ грѣховнѣмъ. 13) Пра-

вило внегда случится кому искуситися во снѣ отъ осквернения. 14) Инъ уставъ о искушеніи скитскихъ инокъ. 15) Исповѣданіе грѣховъ своихъ повседневное Каллиста Ксанѳопула.

Всѣ эти рукописи списаны рукою старообрядцевъ съ дониконовскихъ оригиналовъ, что подтверждается многими старыми оборотами, а особенно выраженіемъ въ родѣ: „во вѣки вѣкомъ“ и „за молитвъ (вмѣсто молитвами) святыхъ отецъ нашихъ.“

2229) Планъ окрестностей селъ Спасскаго и Калтайскаго, на гербовомъ листѣ копѣечнаго достоинства, со штемпелемъ 1733 г.

Послѣдніе пять номеровъ (4 рукописи и планъ) поступили отъ С. К. Кузнецова).

2230) Пригласительный билетъ на закладку Сибирскаго университета, 26 августа 1880 года и программа торжества закладки.

2231) Пригласительные билеты, программы и т. под. на память о празднованіи 6 апрѣля 1885 года въ С.-Петербургѣ дня тысячелѣтія св. Меѳодія, просвѣтителя славянъ (въ конвертѣ).

2232) Экземпляръ матрикулы для студентовъ С.-Петербургскаго университета 1861 года.

2232) Экземпляръ русскаго заграничнаго паспорта 1872 года (книжка съ отмѣтками).

2234) Десять литографированныхъ листовъ видовъ города Томска, изданныхъ въ 60 годахъ текущаго столѣтія.

2235) Три фотографическихъ снимка видовъ города Владивостока, снятыхъ въ 1871 году.

2236) Фотографическій снимокъ съ чудотворной иконы Божіей Матери (такъ называемая явленная икона) въ Шлиссельбургѣ.

2237) Копіи (кальки) съ Высочайше утвержденныхъ плановъ и фасадовъ клиническаго корпуса Сибирскаго университета. Четыре листа, наклеенные на холстъ.

2238) Кіевскія „Золотыя ворота“, фотографическій снимокъ въ большой листъ.

2239) Сѣверный рѣзной календарь, представляющій ограненную на шесть граней костяную палочку, 19½ сант. длины, съ рубчиками по всѣмъ ребрамъ и съ календарными значками на плоскостяхъ. Въ срединѣ палочки, кругомъ ея, находится желобокъ, а концы палочки веретенообразно съужены. (Полученъ изъ Нарымскаго округа, доставленъ Н. П. Асташевскимъ).

Отдѣленіе II.

Отъ В. М Флоринскаго (за исключеніемъ №№ 2260 и 2261).

2240) Деревянная кружка съ ручкой, 13 сант. вышины и 9½ сант. въ діаметрѣ; покрыта лаковой краской съ цвѣтными узорами. Кустарное издѣліе крестьянъ Вятской губерніи.

2241) Деревянная лаковая коробка съ крышкой; покрыта цвѣтнымъ узоромъ. Ширина 14 сант., вышина 9 сант.

2242) Такой же деревянный лаковый большой кувшинъ изъ Казанской губерніи.

2243) Круглая деревянная чашка, покрытая лакомъ, безъ узоровъ. Издѣліе крестьянъ Пермской губерніи.

2244) Двѣ такихъ же чашки меньшаго размѣра.

2245) Десять деревянныхъ русскихъ ложекъ разной формы; изъ нихъ три съ острымъ носкомъ и цвѣтнымъ узоромъ, двѣ такія же безъ узоровъ, четыре круглыхъ ложки съ рисунками и одна такая же безъ рисунковъ. Привезены изъ Европейской Россіи.

2246) Деревянная большая ложка (уполовникъ) некрашеная.

2247) Три русскихъ точеныхъ веретена.

2248) Берестяный, покрытый красивыми рѣзными узорами, бурачекъ съ узорчатою крышкою. Вышина 11 сант., ширина 9 сант. Кустарное издѣліе Торопецкаго уѣзда, Псковской губерніи.

2249) Такой же бурачекъ съ подложенною подъ верхній узорчатый слой береста разноцвѣтною фольгою. Вышина 8 сант., ширина 6½ сант. Изъ Псковской губерніи.

2250) Берестяная папиросница, съ рѣзными узорами по верхнему слою береста. Изъ Новгородской губерніи.

2251) Берестяная папиросница съ тисненнымъ узоромъ. Длина 10 сант., ширина 7 сант. Издѣліе жителей Тобольска.

2252) Такая же папиросница съ крышкою на шарнирѣ. Длина 9½ сант., ширина 5½ сант. Изъ Тобольска.

2253) Костяной двухсторонній гребень, длина 10¼, ширина 6¾ сант. По срединѣ его пластинки вырѣзано сквозною прорѣзью: „1876 года:“

2254) Мѣдный кубокъ прошлаго столѣтія, съ крышкою и чеканными узорами по стѣнкамъ. Высота 22 сант.

2255) Лестовка изъ черной кожи (старообрядческая) съ тремя трехугольниками на концѣ, на которыхъ надпись: „Господи Іисусе Христе помилуй мя:“

2256) Старинный мѣдный компасъ съ солнечными часами и уровнемъ, употребляемый звѣропромышленниками. Купленъ В. М. Флоринскимъ въ Ялуторовскѣ.

2257) Фотографическій портретъ крестьянина Костромской губерніи, обросшаго волосами. Въ рамкѣ изъ древесныхъ опилокъ и коры.

2258) Фотографическій портретъ маленькаго сына того же крестьянина, также обросшаго волосами. Въ рамкѣ изъ чешуи отъ еловыхъ шишекъ.

2259) Модель русскаго хлѣбнаго ларя.

2260) *Чебакъ* зимній женскій головный уборъ; вышитъ серебряною битью по зеленому шелку, по краямъ и внутри подложенъ бѣличьимъ мѣхомъ. Пріобрѣтенъ у крестьянки села Богородскаго (на Оби).

2261) Серебряный (низкопробный) стаканъ съ чеканнымъ рисункомъ, изображающимъ двѣ цвѣтущихъ вѣтки. Пріобрѣтенъ въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи.

Послѣдніе два номера доставлены С. К. Кузнецовымъ.

Отдѣленіе III.

Отъ В. М. Флоринскаго.

2262) Русскій деревянный раскрашенный жбанъ, 23 сант. выш. Издѣліе мѣстныхъ сибирскихъ кустарей, въ тайгѣ.

2263) Деревянный лагунчикъ.

2264) Деревянный (сосновый) боченокъ.

2265) Деревянная шайка.

2266) Русскій желѣзный топоръ съ широкимъ лезвеемъ (плотничный).

2267) Такой же узкій топоръ (дроворубный).

2268) Желѣзная кайла.

2269) Каменотесная кирка.

2270) Тоже для болѣе мелкой насѣчки.

2271) Десять штукъ игорныхъ бабокъ, изъ нихъ одна налита оловомъ (свинчатка).

2272) Деревянная рюмка 8 сант. выш., раскрашенная узорами въ видѣ цвѣтовъ. Лаковое издѣліе изъ Вятской губерніи.

2273) Такая же лаковая круглая чашечка, 7 сант. въ діаметрѣ.

2274) Желѣзный кухонный ухватъ.

2275) Такой же сковородникъ.

2276) Пара русскихъ кожанныхъ (барановыхъ) рукавицъ (голицы)
2277) Деревянный пестикъ, употребляемый для толченія (растиранія) лука и для другихъ кухонныхъ надобностей.
2278) Деревянная мутовка для размѣшиванія квашни.
2279) Деревянная скалка.
2280) Молотило (цѣпъ), употребляемое сибирскими крестьянами для обмолачиванія сноповъ. Отличается отъ виликорусскаго тѣмъ, что кадочка его не цилиндрическая, а бочкообразная и съ ребрами, рукоятка очень длинная.
2281) Русская деревянная солонка.
2282) Глиняный, снаружи муравленый, зеленаго цвѣта горшокъ 18 сант. вышины и 17 сант. въ діаметрѣ отверстія.
2283) Кувшинъ съ ручкою и носкомъ, муравленый снаружи и внутри, зеленаго цвѣта. Выш. 17 сант., шир. горлышка $11^1/_2$ сант.
2284) Кувшинчикъ муравленый, желтаго цвѣта, съ ручкою и носкомъ. Вышина $10^1/_2$ сант., діаметръ отверстія 10 сант.
2285) Такой же кувшинъ $18^1/_2$ сант. вышины и $11^1/_2$ сант. въ діаметрѣ отверстія.
2286) Муравленая внутри, круглая латка (плоская чашка), 24 сант. въ діаметрѣ, $7^1/_2$ сант. вышины.
2287) Горшокъ для молока немуравленый, чернаго цвѣта, 20 сант. вышины, 12 сант. въ діаметрѣ отверстія.
2288) Такой же величины и формы горшокъ сѣраго цвѣта.
2289) Черная немуравленая кринка $16^1/_2$ сант. вышины и 15 сант. въ діаметрѣ.
2290) Черный немуравленый горшокъ $18^1/_2$ сант. вышины и 15 сант. въ діаметрѣ.
2291) Глиняная овальная, глубокая латка, длина 35, ширина 21, вышина 9 сант.
2292) Три глиняныхъ свистульки въ формѣ уточки, зеленаго цвѣта, муравленыя.
2293) Стеклянный штофъ.
2294) Косушка и шкаликъ.
2295) Подойникъ.
2296) Желѣзный замокъ работы воспитанниковъ Омскаго техническаго училища.
2297) Желѣзный топорикъ работы тѣхъ же воспитанниковъ.
2298) Свѣтецъ, употреблявшійся въ русскихъ деревняхъ для освѣщенія лучиною.
2299) Серпъ.
2300) Коса горбуша.
2301) Долото.

2302) Скобель.
2303) Сѣчка для капусты.
2304) Русскій заступъ.
2305) Лопатка штукатурная.
2306) Тоже для наметыванія штукатурки.
2307) Штукатурный рѣзецъ (узкая лопатка).
2308) Деревянное корытце.
2309) Модель дровней.
2310) Модель русскихъ саней (пошевни).
2311) Модель кошевы.
2312) Мѣдный бубенчикъ (ширкунъ).
2313) Ботало (желѣзный колокольчикъ четырехугольной формы, подвѣшиваемый на шею коровамъ и лошадямъ при выгонѣ ихъ на пастбище).
2314) Уполовникъ (поваренка).
2315) Шебала.
2316) Сибирскій берестяный туясъ (буракъ).
2317) Тоже раскрашенный красками.
2318) Лапти.
2319) Огниво съ кремнемъ, трутомъ и сѣрными спичками.
2320) Мотовило для мотанія нитокъ.

Отъ Алексѣя Григорьевича Лейбина (№№ 1321—1348).

2321) Вышитый бисеремъ кисетъ, 17 сант. длины и ширины (двѣ несшитыя половинки, на той и другой вышиты по бѣлому бисерному полю букеты цвѣтовъ, очень тонкой работы).
2322) Такой же бисерный кисетъ 16½ сант. длины и ширины, съ бисерной же бахромой. Вышиты на одной сторонѣ пейзажъ и три человѣческія фигуры, на другой сторонѣ одна человѣческая фигура и зданіе.
2323) Бисерный кошелекъ съ кисточкою, 13 сант. длины и 9 ширины (по голубому полю бѣлыя звѣздочки и полоса изъ букетовъ).
2324) Бисерный круглый кошелекъ 6 сант. въ діаметрѣ (по голубому полю бѣлыя разшивки) *).
2325) Шелковый кошелекъ, вязаный въ тамбуръ разноцвѣтными шелками. Длина 13 сант., ширина 11 сант.
2326) Золотыя серьги съ большими грушевидными подвѣсками, покрытыми мелкимъ жемчугомъ. Носились въ Олонецкой губерніи въ первой четверти текущаго столѣтія.

*) Всѣ бисерныя вышивки русскаго издѣлія первой четверти текущаго столѣтія (изъ Малороссіи).

2327) Приборъ, заключающій въ себѣ четыре маленькихъ стальныхъ ножичка, ланцетикъ и шило, помѣщающіеся въ деревянномъ футлярѣ. Каждый изъ этихъ инструментовъ навинчивается снаружи на конецъ футляра, который такимъ образомъ служитъ для нихъ ручкою.

2328) Подлинная грамота Императора Александра перваго, подписанная его собственною рукой 21 Іюля 1822 года на пожалованіе Д. С. С. Розенбаху ордена Св. Владиміра второй степени, съ приложеніемъ бумажнаго знака того же ордена.

2329) Подлинная грамота Императора Николая перваго, подписанная его собственною рукой 31 декабря 1825 года, на пожалованіе Д. С. С. Розенбаху ордена Св. Анны перваго класса, съ приложеніемъ бумажнаго знака сего ордена.

2330) Собственноручное письмо бывшаго Министра Финансовъ, графа Егора Францевича Канкрина къ бывшему директору Департамента Государственнаго Казначейства Ивану Ивановичу Розенбаху, отъ 18 сентября 1823 года.

2331) Болгарская національная мужская рубаха, изъ шерстяной бѣлой ткани, похожей на китайскій крепъ. Покрой прямой изъ одного полотнища, составляющаго переднюю и заднюю половину, и пришитыхъ съ боковъ такихъ же прямыхъ половинокъ, отдѣляющихся отъ средней полосы продольною лентою изъ черныхъ полосокъ. Рукава прямые, воротъ еще не прорѣзанъ. Длина рубахи 1½ арш., ширина 14 вершковъ. Куплена въ 1887 году за Балканами.

2332) Болгарскій шелковый шарфикъ; на концахъ его вышиты: луна, звѣзды и арабскія надписи.

2333) Болгарскій полотняный платокъ; углы вышиты цвѣтными шерстями и золотой мишурой.

2334) „Войнишка пѣснопойка“, собраніе болгарскихъ пѣсенъ и стиховъ, изданное въ 1879 году по случаю войны за освобожденіе Болгаріи.

2335) Литографированная картинка съ надписью: Асѣнь 1 царь Блъгаръмъ и Грькъмъ, царувалъ отъ 1186 лѣто до 1195.

2336) Китайская фарфоровая чашечка, 6 сант. въ діаметрѣ и 3 сант. вышины, оплетенная тонкими бамбуковыми прутиками.

2337) Китайскій бумажный вѣеръ.

2338) Китайская бумажная картина на палочкахъ, изображающая женщину.

2339) Маленькая китайская картина, изображающая двухъ женщинъ.

2340) Альбомъ изъ двѣнадцати китайскихъ картинъ, рисованныхъ отъ руки на тонкой рисовой бумагѣ въ большой листъ,

изображающихъ сцены изъ китайской жизни. Корочки альбома оклеены красной шелковой китайской матеріей.

2341) Модель московскаго памятника Минину и Пожарскому, сдѣлана изъ слоновой кости; вышина (съ фигурами) 32 сант., длина (по пьедесталу) 22 сант., ширина 15½ сант. Модель эта въ началѣ тридцатыхъ годовъ принадлежала Д. С. С. Розенбаху, отъ котораго потомъ перешла къ А. Г. Лейбину.

2342) Дамскій тюлевый шарфикъ съ наклейными цвѣтами, вырѣзанными изъ атласа.

2343) Вышивка золотою ниткою по бархату, для башмаковъ, торжковской работы.

2344) Дамскій бархатный редикюль, 23 сант. длины и ширины съ вышитою бисеромъ полосою 7½ сант. ширины.

2345) Бархатный редикюль 17 сант. длины и ширины, вышитый фальшивымъ жемчугомъ.

2346) Вязаный кошелекъ изъ мишурной серебряной нитки, съ прошивкою полосы, вышитой цвѣтными шелками.

2347) Шелковая тесьма (для часовъ), прошитая по краямъ золотистымъ бисеромъ.

2348) Болгарскія серьги (каждая составлена изъ трехъ позолоченыхъ монетъ).

Образцы старыхъ ассигнацій; пожертвованы музею М. М. Зензиновымъ (№ 2354 полученъ отъ П. И. Ливена, а №№ 1358 и 1359 отъ И. П. Закомалдина).

2349) Русская ассигнація, двадцать пять рублей, 1769 года, № 21□8 (третья цифра оторвана); длина 5½ и ширина 4 вершка, бѣлаго цвѣта.

2350) Тоже, двадцать пять рублей, 1801 года № 192,550, бѣлаго цвѣта.

2351) Тоже десять рублей, 1806 года, № 1.270.549, розовая.

2352) Тоже, десять рублей, 1810 года, № 5.724.892, розовая.

2353) Тоже, десять рублей, 1812 года, № 3.624.473, розовая.

2354) Тоже, пять рублей, 1805 года, № 609.389.

2355) Тоже, пять рублей, 1809 года, № 4.834.645, темносиняя.

2356) Тоже, пять рублей, 1816 года, № 1.571.812, темносиняя.

2357) Тоже, пять рублей, 1819 года, № 11.660.179, голубая.

2358) Тоже, пять рублей, 1841 года, № 977.190, синяя.

2359) Тоже, десять рублей, 1839 года, № 52.937, розовая.

2360) Финляндская ассигнація, пятьдесятъ копѣекъ, 1824 года, № 36,579, бѣлая.

2361) Китайская ассигнація. Полоска желтоватой, весьма крѣпкой бумаги, покрытая съ одной стороны сплошь надписями и разными изображеніями. Длина около 7 1/2 и шир. 5/8 верш.
2362) Ассигнація, желтаго цвѣта, съ татарскими надписями.
2363) Неизвѣстная (турецкая?) ассигнація; состоитъ изъ 24 бумажныхъ кружковъ, соединенныхъ между собою и покрытыхъ надписями съ обѣихъ сторонъ.

Отъ В. М. Флоринскаго.

2364) Русская балалайка.
2365) Русская шашмура (головной женскій уборъ, вышитый шелкомъ, употреблявшійся крестьянками Пермской, Тобольской и Томской губерній въ 30—40 годахъ текущаго столѣтія).
2366) Образцы русскаго (вологодскаго) кружева. Два куска по 20 сант. длиной и 8 сант. шириной.
2367) Казанское кружево (изъ Рыбнорядской слободы).

Образцы деревенскихъ тканей (русскихъ крестьянокъ), собранные въ Сибири. Доставлены изъ Минусинскаго музея.

2368) Пестрядь для штановъ, съ продольными бѣлыми полосками.
2369) Пестрядь для рубахъ, въ крупную клѣтку съ бѣлой и красной ниткой.
2370) Тоже, съ клѣткою изъ красныхъ и синихъ полосокъ.
2371) Тоже, красная клѣтка по бѣлой основѣ.
2372) Тоже, бѣлыя дорожки по синей основѣ.
2373) Тоже, рогожка изъ переплетенныхъ бѣлыхъ и синихъ полосокъ.
2374) Тоже, изъ грубаго холста, бѣлыя клѣтки по синему полю.
2375) Такая же пестрядь съ болѣе мелкими клѣтками на тонкомъ холстѣ.
2376) Пестрядь для штановъ съ продольными разноцвѣтными полосками.
2377) Темносиній дубленый холстъ.
2378) Бѣлый холстъ.
2379) Ткань для скатертей (салфеточная брань), узоръ дорожками и шашечками.
2380) Тоже, съ краснымъ рисункомъ по бѣлой основѣ.
2381) Тоже, рисунокъ красными дорожками по полю свѣтлошеколаднаго цвѣта.

2382) Цвѣтная ткань, испещренная дорожками и шашечками краснаго, желтаго и чернаго цвѣта.
2383) Полушерстяная ткань для сарафановъ и перинъ; рисунокъ широкими полосами разныхъ цвѣтовъ.
2384) Полушерстяная ткань (понитина) для половиковъ.
2385) Толстая ткань для верхняго платья.
2386) Толстая ткань для онучь.
2387) Деревенское сукно.
2388) Поясокъ, вишитый изъ цвѣтныхъ бумажныхъ нитокъ (бѣлой, красной и синей).
2389) Полосатая ткань для перинъ.
2390) Ткань для кушаковъ (опоясокъ), два образца.
2391) Пестрядь для штановъ.
2392) Полушерстяная ткань для женскаго платья.
2393) 28 штукъ китайскихъ узкихъ игорныхъ картъ; лѣвая сторона чернаго цвѣта. (Отъ Д. К. *Новака*, изъ Вѣрнаго).
2394) Каменная рѣзная фигура, представляющая плывущаго лебедя, внутри полая, съ круглымъ отверстіемъ на спинѣ. Передана Д. К. Новаку купцомъ Петромъ Андр. Давыдовымъ, по сообщенію котораго камень этотъ привезенъ изъ Бухары въ Китай, а изъ Китая въ Кульджу, гдѣ и былъ обдѣланъ китайцами. Находящаяся на камнѣ трещина образовалась во время бывшаго пожара, а кончикъ одного крыла отбитъ во время землетрясенія въ Вѣрномъ въ 1887 г. (Отъ Д. К. *Новака*).
1395) Китайская каменная фигурка, вырѣзанная изъ желтаго съ прожилками камня, $7^1/_2$ сант. вышины и $2^1/_2$ сант. ширины: нижняя ея часть имѣетъ форму четырехугольной дощечки, а на верху изображена человѣческая фигура въ $3^1/_2$ сант. вышины. (Отъ Михаила Павловича *Рейслера*).
2396) Шведскій дипломъ на степень доктора философіи, выданный въ 1804 году Фридриху-Людовику Франкену. Напечатанъ на шелковой ткани, обшитой золотою бахрамой. При немъ сургучная факультетская печать на золотой тесьмѣ, помѣщающаяся въ особомъ позолоченомъ металлическомъ футлярѣ (Отъ М. П. *Рейслера*).
2397) Жетоны (38 штукъ) въ видѣ мелкихъ турецкихъ золотыхъ монетъ съ ушками, употребляемые болгарскими женщинами для ожерелій и головныхъ украшеній (отъ А. Г. *Лейбина*).
2398) Семнадцать листовъ (въ числѣ ихъ одинъ листъ на кожѣ и одинъ на шелковой ткани), красиво разрисованныхъ разными массонскими и кабалистическими фигурами и исписанныхъ безсвязнымъ текстомъ на русскомъ и польскомъ язы-

кахъ. По всей вѣроятности—плодъ больнаго воображенія одного изъ ссыльныхъ мистиковъ съ разстроенными умственными способностями. Доставлены изъ Тобольска.

2399) Подвѣска для серегъ, сплетенная изъ волосъ, съ зототымъ ушкомъ.

2400) Бумажникъ съ вышитыми цвѣтнымъ шелкомъ на той и другой сторонѣ его картинками. Волосяная подвѣска и бумажникъ русской работы тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Предметы бытовой обстановки сойотовъ, собранные на верховьяхъ р. Енисея и пожертвованные музею Г. П. Сафьяновымъ.

2470*) Юрта сойотская, состоящая изъ четырехъ звеньевъ складныхъ деревянныхъ рѣшетокъ, створныхъ дверей, верхняго деревяннаго кольца и принадлежащихъ къ нему жердей, составляющихъ складной остовъ юрты. Всѣ эти части помѣщаются въ сложенномъ видѣ, а войлоки, покрывающіе юрту, хранятся внѣ музея.

2471) Сойотская соха съ маленькимъ желѣзнымъ сошникомъ и вставною деревянною оглоблею.

2472) Деревянная ступа, по формѣ сходная съ употребляемою русскими крестьянами.

2473) Деревянный пестъ.

2474) Деревянный ящикъ съ разрисованною масляными красками переднею стѣнкою.

2475) Два такихъ же ящика; переднія стѣнки ихъ выкрашены красною краскою.

9. Сойотская витрина.

(Георгія Павловича Сафьянова).

2476) Халатъ ламы (*кижинемъ-токте*) изъ бумажной ткани желтаго цвѣта съ черной плисовой оторочкою по вороту и рукавамъ (новый).

2477) Халатъ сойотки (*шва-тонъ-уэзнинъ*) изъ полушерстяной ткани зеленаго цвѣта, по подолу и вороту отороченъ широкою

*) №№ 2401—2469 относятся къ дополнительному отдѣлу археологическихъ коллекій. См. стр. 89—96.

полосой чернаго плиса и красными кумачными прошивками (новый).

2478) Халатъ сойотки (*торча-тонъ-уэзнинъ*) изъ шелковой китайской матеріи, по вороту и подолу обшитъ чернымъ плисомъ и разноцвѣтными шелковыми лентами (подержаный).

2479) Мужской халатъ (*ирь-кижи тонъ*) изъ ткани зеленаго цвѣта, рукава оторочены чернымъ плисомъ, на вороту металлическія пуговки (новый).

2480) Мужская рубаха (*кюйлёнъ*) изъ бумажной ткани оранжеваго цвѣта (новый).

2481) Штаны (*чубюръ-уэзнинъ*) изъ бумажной ткани желтаго цвѣта (новый).

2482) Шапка (*пёрикъ*) въ родѣ малахая, обшита черными мерлушками.

2483) Шапка того же покроя бѣднаго сойота (изъ бараньей овчины, очень подержаная).

2484) Кожаная большая фляга (*купырчикъ*) почкообразной формы, съ горлышкомъ, употребляемая для храненія вина.

2485) Подойникъ (*томба*), въ родѣ ведерка, выдолбленный изъ цѣлаго куска дерева, съ берестянымъ дномъ; бока украшены нарѣзками въ клѣтку; вмѣсто ручки ремень.

2486) Деревянная чашка (*лякъ*) для ѣды, круглой формы, безъ раскраски и узоровъ.

2487) Деревянный продолговатый столикъ для ѣды (*лякъ-шаре*), по формѣ и величинѣ соотвѣтствуетъ скамеечкѣ, которую у насъ ставятъ подъ ноги.

2488) Деревянное корытце (*типса*) для приготовленія кушанья.

2489) Волосяное ситечко на длинной деревянной ручкѣ (*ширръ*) для сниманія пѣны.

2490) Деревянная круглая чашка для чая (*аякъ*).

2491) Круглая деревянная чашка для кушанья.

2492) Такая же чашка малаго размѣра.

2493) Деревянная круглая чашка (*чалба-аякъ*), выкрашенная красною краскою, китайскаго издѣлія (на днѣ китайская мѣтка).

2494) Деревянное корытце (*типса*) для проса.

2495) Мѣдный высокій и узкій сосудъ, въ родѣ кружки съ ручкою (*тумбы*), употребляемый для варки чая.

2496) Деревянная брызгалка, по формѣ напоминающая вафельную доску, съ четырехугольными ямками, посредствомъ которой разбрасываютъ чай во всѣ стороны юрты. Ручка этого инструмента украшена рѣзьбой.

2497) Деревянный ковшъ (*кумушъ*) на длинной ручкѣ, вырѣзанный изъ одного куска дерева. Служитъ для разливанія жидкой пищи.

2498) Баранья лопатка (*яррнъ*), употребляемая сойотами при гаданіи.

2499) Инструментъ (*кирджанъ*) для вырубанія деревянной посуды. Состоитъ изъ желѣзнаго наконечника (тесло), насаженнаго на изогнутую подъ угломъ деревянную рукоятку.

2500) Ножъ въ деревянныхъ ножнахъ и огниво, привѣшиваемые на ремнѣ къ поясу сойотовъ.

2501) Такой же ножъ съ рукояткою изъ разноцвѣтной кости.

2502) Точильце (*джанахъ*) изъ глинистаго сланца.

2503) Стальное огниво (*отыхъ*) въ красивой оправѣ, съ кольцомъ, привѣшиваемое на ремнѣ къ поясу.

2504) *Каягю*, пометъ мелкаго млекопитающаго, употребляемый сойотами какъ лѣкарство (въ кожанномъ мѣшечкѣ).

2505) *Тотъ-чабра*, лиственничная кора, употребляемая сойотами въ пищу.

2506) Кисетъ для табаку (*чанджикъ*).

2507) *Тагазыкъ*, амулетъ, содержащій листокъ съ ламайскою молитвою, зашитою въ четырехугольномъ мѣшечкѣ.

2508) Желѣзные щипчики для выдергиванія волосъ.

2509) Трубка для куренія табаку (*гамза*), сдѣлана вмѣстѣ съ чубукомъ изъ одного куска дерева.

2510) Такая же трубка меньшаго размѣра.

2511) *Барбакъ-баштыхъ*, музыкальный инструментъ съ одною струной, въ родѣ скрипки, со смычкомъ.

2512) *Комузъ*, музыкальный инструментъ.

2513) Острый конецъ оленьяго рога, для развязыванія узловъ и для разглаживанія швовъ.

2514) Висячій мѣдный замокъ (*чуадча*).

2515) Орудіе пытки, для защемленія пальцевъ.

2516) Серебряныя серьги (*саарга*) въ видѣ колечекъ.

2517) *Саадакъ*, охотничій патронташъ изъ кожи; при немъ рогъ для пороху, сумка для пуль и желѣзная отвертка.

2518) Желѣзная острога или трезубецъ (*сыре*) для рыбной ловли.

2519) Желѣзный двойной крючекъ (*иль-бекъ*), насаженный на длинной деревянной рукояткѣ; употребляется для вытаскиванія мяса изъ котла.

2520) Желѣзный крючекъ (*иль-бекъ*), въ родѣ громадной удочки, употребляемый для рыболовства.

2521) Желѣзныя путы для лошадей.
2522) Ремень въ формѣ широкой пластинки, состоящій изъ сложенныхъ другъ на друга и простеганныхъ четырехъ жесткихъ шкурокъ, шерстью внутрь. Употребляется какъ орудіе наказанія для ударовъ по щекамъ.
2523) Бычачьи жилы *(сиръ)*, замѣняющія нитки.
2524) *Иллиръ*, желѣзный узкій утюгъ, съ длинною желѣзною-же рукояткою.
2525) Пила станковая, устроенная по русскому образцу.
2526) Сошникъ для сойотской сохи *(андазымъ бажинъ)*.
2527) Кузнечные клещи *(кыскашъ)* съ длиными желѣзными ручками.
2528) Рубанокъ *(хроллъ)* для струганія дерева. Устроенъ по русскому образцу.
2529) Ременный подхвостникъ *(кутурга)* для лошади, украшенный наборомъ изъ мѣдныхъ колечекъ и мѣдною бляхою съ фальшивыми цвѣтными камнями.
2530) Ременная плетка *(камджи)* для лошади.
2531) Ремень съ петлей *(бахъ)*, употребляемый для поимки лошадей.
2532) Ременныя путы *(кажекъ)* для лошадей.
2533) Лукъ для охоты на птицъ и мелкихъ звѣрей *(коданъ-айасы)*; при немъ деревянная подставка.
2534) Стрѣла *(окъ)* для той же цѣли, съ желѣзнымъ копейцемъ.
2535) Желѣзный подпилокъ *(iинча)*.
2536) Ременный недоуздокъ *(чуларъ)*.
2537) Узда для лошади *(чугенъ)*.
2538) Волосяныя веревки разныхъ цвѣтовъ (пять пучковъ).
2539) Сѣдло *(изеръ)* съ подушкою и желѣзными стременами; деревянныя части раскрашены масляными красками.
2540) Кожаный чепракъ.
2541) Простое деревянное сѣдло *(анғырджакъ)*, не крашеное и ни чѣмъ не обтянутое. Употребляется для перевозки тяжестей. При немъ *кутурга* или ремень для привязыванія сѣдла на спинѣ быка.
2542) Большой кожаный мѣшокъ особаго устройства *(кугыръ)*, употребляемый для квашенія кобыльяго молока (для приготовленія кумыса).
2543) Большой мѣшокъ изъ жесткой кожи, въ родѣ чемодана, для храненія и перевозки вещей.
2544) Такой же мѣшокъ изъ мягкой кожи.
2545) Два деревянныхъ корыта.
2546) Теплые сапоги съ высокими голенищами, внутри подбитые войлокомъ.

Предметы, поступившіе въ музей въ февралѣ 1888 года, или случайно пропущенные въ предъидущихъ отдѣлахъ.

2547) Лента папируса, 39 сант. длины и 5½ сант. ширины, съ той и другой стороны покрытая санскритскимъ письмомъ. На лентѣ двѣ круглыя дырки, въ куриное перо величиной, вѣроятно предназначенныя для нанизыванія писанныхъ листочковъ на стержни, укрѣпленные въ станкѣ. Доставлена Л. Н. *Некрасовымъ;* передана въ музей Томскимъ губернаторомъ А. И. *Лаксомъ.*

2548) Бумажникъ вышитый шелками по темносинему атласу. На передней сторонѣ вышитъ сибирскій пейзажъ (человѣкъ ѣдущій въ санкахъ на оленѣ въ лѣсу), а на задней сторонѣ цвѣты и птица. Размѣръ бумажника—18×13 сант. Вышивка сдѣлана въ Сибири 80 лѣтъ тому назадъ дочерью чиновника Шалабановою.

2549) Кошелекъ, 12½ сант. длины и 9 сант. ширины, вышитый золотомъ по зеленой шелковой ткани. Работа дочери чиновника Вавиловой, 50—60 лѣтъ тому назадъ, въ Сибири.

2550) Бумажная сумочка для визитныхъ карточекъ, съ вышитымъ на одной сторонѣ букетомъ цвѣтовъ. Вышивка конца сороковыхъ годовъ.

2551) Рукописный атласъ, состоящій изъ двѣнадцати таблицъ снимковъ съ „писаныхъ камней“ на скалахъ по берегамъ р. Тагила (Пермской губ.). Снимки неизвѣстно кѣмъ и когда сдѣланы. Атласъ купленъ у букиниста въ Казани; подаренъ музею С. К. Кузнецовымъ.

2552) Атласъ Тобольскихъ древностей, срисованныхъ съ натуры г. Знаменскимъ, въ Тобольскѣ. Оригиналы почти всѣхъ этихъ рисунковъ въ настоящее время находятся въ музеѣ Сибирскаго университета. Подаренъ И. М. Сибиряковымъ.

2553) Стеклянный штофъ съ рѣзными украшеніями въ видѣ цвѣтовъ. Русское издѣліе половины прошлаго столѣтія. (Отъ Прасковьи Ивановны Кусковой).

2554) Желѣзная трезубая вилка съ костянымъ черенкомъ; тюменское издѣліе половины прошлаго столѣтія. (Отъ П. И. Кусковой).

Гипсовыя модели сибирской обуви, сдѣланы П. М. Кошаровымъ.

2555) Чирокъ, большой кожаный башмакъ безъ голенища. Носятъ мужчины и женщины.

2556) Бродень, большой сапогъ съ мягкимъ высокимъ голенищемъ изъ некрашеной желтой кожи; передки—черные съ круглымъ носкомъ, по бокамъ имѣютъ ушки для ремней, которыми голенище перевязывается выше ладыжекъ. Бродни преимущественно носятъ рыбопромышленники и люди работающіе на сырой почвѣ.

2557) Пимы, валеные высокіе сапоги, употребляемые зимой (барнаульской работы).

2558) Такіе же пимы изъ бѣлой шерсти съ цвѣтными крапинками (елабужскіе).

2559) Модель китайскаго сапога *(сюе-цзя)* съ высокимъ плисовымъ голенищемъ. Въ зимнихъ сапогахъ голенище дѣлается изъ толстаго сукна и сверху покрывается бумажной или шелковой тканью.

2560) Модель китайскаго башмака (*сяй*).

2561) Стальная узкая стамеска.

2562) Стамеска съ желобоватымъ концомъ.

2563) Круглый стальной напилокъ.

2564) Трехгранный напилокъ.

2565) Плоскій напилокъ.

2566) Висячій большой желѣзный замокъ.

2567) Висячій желѣзный замокъ средней величины, круглой формы.

2568) Проволочный фонарь со стеклами.

2569) Желѣзная русская лопата.

2570) Желѣзный ломъ.

2571) Русская пятиструнная бандурка (по формѣ похожая на гитару, малаго размѣра, но играютъ на ней, какъ на балалайкѣ, ударяя по струнамъ четырьмя пальцами). Отъ В. М. *Флоринскаго.*

2572) Вятскіе лапти.

2573) Черепъ сойота (казненнаго въ 1883 году въ Улясутаѣ) изъ Бейсы-хонсуна на р. Кемчикѣ. Голова казненнаго, вмѣстѣ со многими другими, была вывѣшена на перекресткѣ и взята оттуда въ 1887 году. (Доставилъ Д. А. *Клеменцъ*).

2574) Деревянная фигура быка, 20 сант. длины и 16 сант. вышины. Взята изъ Обо на Улукемѣ, близъ горы Хаирханъ. (Доставилъ Д. А. *Клеменцъ*).

26 марта 1888 года получены отъ С. К. Кузнецова.

2575) Желѣзный узкій кинжалъ, трехгранной формы, съ желобкомъ по одной грани; на клинкѣ наведены разные узоры.

Рукоятка деревянная, на концѣ ея грушевидная желѣзная шишка, въ видѣ коронки. Пріобрѣтенъ въ Томскѣ на толкучемъ рынкѣ.

2576) Желѣзный кинжалъ съ такою же рукояткою съ серебряной насѣчкой; конецъ рукоятки оливкообразный; клинокъ съ сквозными прорѣзями. Купленъ въ Томскѣ на толкучемъ рынкѣ. (Оба кинжала, повидимому, среднеазіатскаго или монгольскаго происхожденія).

2577) Берестяная узорчатая табатерка якутской работы, сдѣланная по образцу русской берестянки.

2578) Китайскій оловянный чайничекъ для разогрѣванія рисовой водки; крышка его, въ формѣ чашечки съ отверстіемъ на днѣ, служитъ также воронкой для наливанія.

2579) Китайскій пластырь на кускѣ крашенаго полотна.

2580) Античная лампочка изъ терракотты, съ изображеніемъ орла на верхней поверхности. Найдена на островѣ Кипрѣ.

Отъ Игнатія Ивановича Колосова.

2581) Очѐлокъ (очелье) дѣвичій праздничный головной уборъ, вышитый золотомъ по малиновому бархату, съ золотымъ позументомъ. Ширина передней части 5 вершковъ; задній платъ изъ синей парчи, затканный цвѣтами изъ разноцвѣтнаго шелка и серебра. Длина плата 12 вершковъ, ширина 6 вершковъ.

2582) Старинный женскій кокошникъ, вышиною 3 вершка, спереди полукруглый, сзади и сверху плоскій; вся поверхность его очень красиво разшита золотомъ и бляшками изъ голубой, золотистой и красной фольги. На передней поверхности его, сверхъ того, золотые галуны.

2583) Крашенинный дубàсъ стараго русскаго покроя съ металлическими круглыми дутыми запонками по вороту.

2584) Крашенинный повойникъ, похожій по покрою на кокошникъ.

Всѣ эти вещи пріобрѣтены Игн. Ив. Колосовымъ въ Тобольской губерніи, въ старыхъ купеческихъ семьяхъ, гдѣ онѣ хранились по наслѣдству отъ прадѣдовъ.

2585) Желѣзныя ножницы, состоящія изъ двухъ прямыхъ ножевыхъ полосъ на общей пружинѣ, безъ шпенька, употребляются русскими крестьянами сѣверныхъ губерній и татарами для стрижки овецъ. Куплены въ Томскѣ на толкучемъ рынкѣ у старьевщика (отъ С. К. Кузнецова).

2586) Трубка для куренія табаку, обдѣланная низкопробнымъ серебромъ съ нарядною серебряною же инкрустаціею (безъ чубука). Куплена въ Томскѣ у старьевщика, подъ названіемъ кубанки. Отъ С. К. Кузнецова.

2587) Черепокъ (верхній край) отъ глинянаго горшка съ архаическимъ орнаментомъ. Найденъ на берегу р. Ушайки, противъ Толстаго мыса (близь Томска), куда, вѣроятно, онъ былъ занесенъ водой изъ обвалившейся древней могилы или городища на берегу этой рѣчки.

2588) Каменный наконечникъ стрѣлы, 10 сант. длины и 3 сант. шир., найденный на пашнѣ въ 5 верстахъ отъ города Каинска.

1589) Каменный скребокъ, 8 сант. длины и 4½ сант. шир., полированный, съ острымъ широкимъ лезвеемъ и закругленнымъ верхнимъ концемъ. Найденъ близь деревни Катковой, въ 30 верстахъ отъ Колывани.

2590) Небольшой кельтъ изъ красной мѣди, 7 сант. длины и 5 сант. ширины, безъ ушковъ, съ втулкою. Снаружи украшенъ тремя параллельными поясками и фигурою изъ двухъ пересѣченныхъ линій. Найденъ при разпахиваніи земли близь деревни Бурундуковой, въ 17 верстахъ отъ г. Каинска.

2591) Наконечникъ копья (дротикъ) изъ красной мѣди. Длина 12 сант., ширина 4½ сант.. продолговато-овальной формы. По срединѣ плоскаго пера находится овальная прорѣзь, по длинѣ которой проходитъ четырехгранное ребрышко, продолжающееся, въ видѣ едва замѣтнаго валика, до самаго конца копья. Втулка круглая, 2 сант. въ діаметрѣ и 3 сант. глубины. Найденъ въ золотоносныхъ розсыпяхъ по сосѣдству Катанъ-Карагая (близь Алтая), по рѣчкѣ Берель, на пріискѣ Никонова, на глубинѣ 4½ аршинъ. Доставленъ Ковригинымъ, 5 августа 1888 года.

2592) Берестяная тунгузская лодка (*дяве*, русскіе называютъ —тунгузскій обласокъ), длина 7 арш. и 4 вершка, ширина 14½ вершковъ. Пріобрѣтена на Васьюганѣ; подарена музею А. В. Адріановымъ 5 августа 1888 г.

2593) Весло (*улейву*) съ лопастями на томъ и другомъ концѣ. Принадлежитъ къ предъидущему номеру.

2594) Фотографическій снимокъ съ деревяннаго сосуда, найденнаго на глубинѣ 5½ аршинъ, подъ чернымъ торфомъ, на Курьинскомъ второмъ пріискѣ, на сѣверо-восточномъ берегу Шигирскаго озера въ Верхъисетскомъ округѣ, на Уралѣ.

2595) Рисунокъ того же сосуда, сдѣланный отъ руки, въ натуральную величину. Отъ проф. А. М. Зайцева.

2596) Женскій кокошникъ съ золотыми позументами на красной шелковой матеріи, съ отдѣльною бисерною привѣскою на задней части. Изъ села Алтайскаго; былъ въ употребленіи въ концѣ прошлаго столѣтія. Доставленъ учителемъ реальнаго училища Черницкимъ.

2597) Обдѣланный камень овально-продолговатой формы съ выглаженною и слегка искривленною по длинѣ переднею поверхностью, 50 сант. длины, 26 сант. ширины и 8 сант. толщины. Найденъ въ землѣ близъ Каинска. Нашедшій его крестьянинъ употреблялъ этотъ камень для растиранія красокъ. Доставленъ г. *Аргуновымъ*.

2598) Каменный круглый пестикъ, 10 сант. вышины и 7 сант. въ діаметрѣ нижняго конца.

2599) Каменный нешлифованный топоръ, 20 сант. длины и 9 сант. шир., съ двумя боковыми соскообразными отростками у задняго конца и съ коническою шишкою на обухѣ.

2600) Каменный топоръ, точно такой-же формы, 20 сант. длины и 10 сант. ширины.

2601) Обломокъ каменнаго топора 11 сант. длины и 5½ сант. ширины.

2602) Каменный молотокъ 19 сант. длины; передній конецъ его плоскій и острый, а задній закругленный, тупой.

2603) Каменная игла или шило, изъ крѣпкаго зеленаго камня, 22 сант. длины, толщиною въ мизинецъ, съ круглою диркою на заднемъ концѣ; верхняя половина ея имѣетъ плоскую форму, а нижняя закругленную и заостренную.

2604) Бронзовый кельтъ, 10 сант. длины и 6½ сант. шир., съ плоско овальною втулкою, безъ ушковъ; передняя и задняя стороны орнаментированы четырьмя выпуклыми продольными валиками и двумя пересѣкающими ихъ поперечными, образующими на каждой сторонѣ по шести симметрическихъ клѣтокъ. На передней и задней плоскости находится по сквозной диркѣ для укрѣпленія древка. Острый конецъ зазубренъ вслѣдствіе употребленія. Ширина втулки 5½ и 2½ сант. (По каталогу Перфильева № 2566).

2605) Мѣдный кельтъ 9 сант. длины и 7 сант. шир. (на заднемъ концѣ); отверстіе втулки $5^1/_2$ и $2^1/_2$ сант. Задній край орнаментированъ двумя поясками, изъ коихъ верхній поясокъ наполненъ трехугольными зубчиками, а нижній выпуклыми шишечками. На боковыхъ краяхъ, соотвѣтственно поясамъ, находится по одной конической шишечкѣ, въ родѣ ложныхъ ушковъ. Дирочекъ для укрѣпленія древка не имѣется.

2606) Мѣдный кельтъ $7^1/_2$ сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины, съ овальною втулкою, безъ ушковъ; на передней и задней плоскости находится по четырехугольной дыркѣ для укрѣпленія древка. Орнаментированъ выпуклыми поясками и полосками.

2607) Мѣдный кельтъ $7^1/_2$ сант. длины и $4^1/_2$ сант. шир., съ овальною втулкою, безъ ушковъ; на верхнемъ концѣ украшенъ однимъ выпуклымъ валикомъ и лежащими подъ нимъ тремя трехугольными зубчиками. На передней и задней поверхности сквозная круглая дирка для укрѣпленія древка.

2608) Двѣнадцать глиняныхъ, повидимому, отъ одного большаго сосуда, черепковъ; изъ нихъ семь покрыты узоромъ. Найдены вмѣстѣ съ вышеописанными кельтами.

2609) Найденный тамъ же черепокъ съ другимъ орнаментомъ и съ круглою диркою, и черепокъ безъ узора, обколотый въ видѣ кружка.

№№ 2598—2609 собраны въ Екатеринбургскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ Пермской губерніи; поступили въ музей изъ коллекціи Перфильева.

2610) Китайская чернильница, изображающая животное, похожее на жабу.

2611) Костяная ручка отъ ножа или кинжала, изображающая голову хищнаго животнаго съ раскрытой пастью. Мѣсто нахожденія неизвѣстно.

2612) Скорлупа кокосоваго орѣха, обдѣланная въ видѣ головы большой рыбы (изъ Китая).

2613) Бронзовое украшеніе, изображающее профиль головы горнаго барана, довольно красивой отливки. Съ лѣвой стороны этой ажурной пластинки находятся два шпенька, вѣроятно, служившіе для прикрѣпленія къ ремню.

2614) Бронзовая, кривая, трехгранная игла съ ушкомъ, 4 сант. длины.

2615) Желѣзный наконечникъ копья въ видѣ плоской пластинки съ закругленнымъ переднимъ концемъ; длина 15 сант. (вмѣстѣ съ черенкомъ), ширина лопатки 4 сант.

2616) Двѣ мѣдныя стрѣлки, обломокъ шила и 8 маленькихъ колечекъ, найденныхъ на золотомъ пріискѣ въ Киргизской степи. Переданы музею изъ геогностической коллекціи П. П. Иванова (см. прим. 38, стр. 128).

2617) Китайская монета съ четырехугольною дыркою по срединѣ и съ китайскими буквами.

№№ 2613—2615 и 2617 найдены были въ землѣ на работахъ Обь-Енисейскаго канала, куплены Г. С. Томашинскимъ у одного изъ рабочихъ, возвратившихся съ этого канала въ 1888 году.

2618) Тринадцать кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ разной величины и формы и одинъ неоконченный обдѣлкою кусокъ кремня. Найдены въ 1888 году на песчаныхъ буграхъ близь села Ладеекъ, находящагося на правомъ берегу Енисея, въ 20 верстахъ по тракту отъ Красноярска. Всѣ эти экземпляры нашиты на одинъ картонъ.

2619) Десять узорчатыхъ черепковъ, найденныхъ тамъ же (близь села Ладеекъ). Нашиты на картонѣ.

2520) Шесть такихъ же черепковъ, найдены въ томъ же мѣстѣ. Нашиты на картонѣ.

2621) Бронзовая тонкая игла, $2^1/_2$ сант. длины, съ ушкомъ для нитки. Найдена тамъ же.

№№ 2618—2621 подарены музею Ин. Ал. *Лочатинымъ*.

2622) Нефритовый полированный скребокъ 9 сант. длины и 5 сант. шир. на остромъ концѣ.

2623) Нефритовый ножикъ въ формѣ широкой стамески, $10^1/_2$ сант. длины и $3^1/_2$ сант. шир. по острому краю.

2624) Наконечникъ желѣзнаго копья или стрѣлы, плоской ланцетовидной формы, съ черенкомъ. Длина $16^1/_2$ сант., ширина 4 сант.

2625) Желѣзный наконечникъ стрѣлы съ двумя рожками на переднемъ концѣ.

№№ 2622—2625 взяты изъ коллекціи Перфильева. Мѣсто ихъ нахожденія неизвѣстно.

2626) Каменный (гранитный) молотокъ 15 сант. длины и 6 сант. ширины, неоконченный отдѣлкою: центральная круглая втулка только намѣчена съ той и другой стороны неглубокими ямками. Найденъ въ Самарской губ. Подаренъ музею проф. А. М. *Зайцевымъ*.

2627) Каменная плоская стрѣлка изъ сѣраго кремнистаго сланца, $6^1/_2$ сант. длины и $1^1/_2$ сант. шир., съ острыми краями и ланцетовиднымъ концомъ.

2628) Каменный круглый шаръ (ядро), высѣченный изъ магнитнаго желѣзняка, 21 сант. въ окружности.

2629) Такое же круглое ядро меньшей величины, 17½ сант. въ окружности.

Послѣдніе три номера (стрѣлка и ядра) взяты изъ коллекціи Перфильева. Мѣсто ихъ нахожденія неизвѣстно.

Отъ Иннокентія Петровича Кузнецова получены 9 октября 1888 года:

2630) Шаманскій круглый бубенъ, 14 вершковъ въ діаметрѣ, съ наружной стороны разрисованъ фигурами людей и животныхъ*) (красною и черною краскою), а съ внутренней стороны привѣшены на желѣзномъ прутѣ два мѣдныхъ колокольчика, желѣзныя палочки въ формѣ сабли и четыре желѣзныхъ побрякушки.

2631) Деревянная колотушка, принадлежащая къ бубну.

2632) Шаманскій костюмъ, обшитый раковинами,**) увѣшанный мѣдными колокольчиками, желѣзными побрякушками, суконными и ситцевыми полосками.

2633) Шапка къ тому-же костюму, изъ краснаго сукна, обшитаго раковинами; околышъ изъ бѣлой заячьей шкурки, на верхушкѣ шапки пришитъ пучекъ перьевъ филина. Бубенъ и шаманскій костюмъ пріобрѣтены у Качинскихъ инородцевъ Минусинскаго округа, Енисейской губерніи.

2634) Лобная кость изюбра съ весенними рогами, не очищенными отъ шкурки. Эти рога считаются дорогимъ лечебнымъ средствомъ.

2635) Кремневое длинное ружье (винтовка) съ подставкою (сошками). Пріобрѣтено отъ сагайскихъ инородцевъ, Минусинскаго округа, Енисейской губерніи.

2636) Пороховница изъ рога, привѣшенная къ ременному поясу; здѣсь же кожаная сумка съ приборомъ для литья пуль, деревянный рожекъ для зарядовъ и желѣзная пластинка для прилаживанія кремней.

---

*) Рядъ человѣческихъ фигуръ, сцѣпившихся руками, обозначаетъ пляску горныхъ духовъ; верхняя красная полоса означаетъ радугу, подъ нею изображено солнце, мѣсяцъ и звѣзда. Черная фигура на лѣво—воронъ.

**) Раковины эти называются *Numus*, получаются онѣ изъ Средиземнаго моря. Шаманствующіе инородцы пріобрѣтаютъ ихъ изъ Казани, гдѣ этими красивыми раковинками ведется правильная торговля.

2637) Деревянная дудка, 16½ вершковъ длины, обвитая кольцами изъ береста; употребляется сагайскими инородцами на охотѣ за изюбрами (какъ звуковая приманка).
2638) Трубка для куренія табаку, покрытая узорами изъ олова, врѣзанными въ дерево. Длина съ чубукомъ 32 сант. Чубукъ составленъ изъ двухъ частей. Получ. отъ тѣхъ-же инородцевъ.
2639) Такая же трубка длиною 27½ сантиметровъ.
2640) Такая же трубка длиною 26 сантиметровъ.
2641) Тоже, 17 сант. длины, безъ втораго звена въ чубукѣ.
2642) Модель пчелинаго горизонтальнаго улья, (лежакъ) употребляемаго крестьянами Томской губерніи. Получена изъ Кузнецкаго округа.
2643) Модель такого же улья вертикальнаго (стоякъ).
2644) Роевня или роевка для собиранія пчелъ.

Предметы, пожертвованные 19 ноября 1888 года консерваторомъ зоологическаго музея Томскаго университета г. Нельцамомъ:

2645) Каменный шлифованный молотокъ, 16 сант. длины, съ круглою втулкою 2½ сант. въ діаметрѣ, передній конецъ его острый, задній тупой.
2646) Маленькій молотокъ, 9 сант. длины, изъ сѣраго глинистаго сланца, круглая втулка 1½ сант. въ діаметрѣ; передній конецъ острый, задній тупой.
2647) Каменный (гранитный) молотокъ въ формѣ пестика съ тупыми концами, безъ втулки, но съ выточенною круговою бороздкою въ видѣ пояска. Длина 10 сант. окружность 16½ сант.
2648) Каменная шлифованная палочка 8 сант. длины, толщиною въ палецъ; передній конецъ ея закругленъ и нѣсколько съуженъ, а задній имѣетъ плоскую форму съ круглою сквозною дырочкою.
2649) Ножикъ изъ полированнаго кремня, въ формѣ скребка, съ очень острымъ переднимъ краемъ. Длина 7 сант., ширина лезвея 3 сант.
2650) Кремневый наконечникъ копья трехугольной формы, длина 9 сант., ширина на заднемъ концѣ 6 сант., не полированный.
2651) Такой же наконечникъ овальной формы, 10 сант. длины и 4 сант. ширины въ срединѣ.
2652) Кремневый наконечникъ стрѣлы, 6 сант. длины и 4 сант. ширины на заднемъ концѣ.

2653) Четыре куска кремней, вѣроятно заготовленныхъ для выдѣлки стрѣлъ, но не оконченныхъ отдѣлкою.

2654) Гладко вылощенный камень, 6 1/2 сант. длины, по формѣ похожій на рыбу; на переднемъ узкомъ концѣ его сдѣлана искусственно углубленная точка, какъ-бы соотвѣтствующая глазу, а съ другой стороны на такомъ-же мѣстѣ двѣ параллельныя черточки.

Всѣ упомянутыя здѣсь каменныя орудія (№ 2645—2654) собраны въ Казанской губерніи.

2655) Гипсовый слѣпокъ съ каменнаго молотка, найденнаго въ Казанской губерніи и хранящагося въ частной коллекціи В. В. Заусайлова.

2656) Гипсовый слѣпокъ каменнаго топора изъ той-же коллекціи.

2657) Половинка раковины (Terebratula). Этотъ ископаемый предметъ крестьяне Казанской губерніи называютъ *громовою чашкой*. Въ нее наливаютъ воду, которая чрезъ это будто-бы получаетъ цѣлебныя свойства.

2658) Кусокъ камня, отломленный г. Пельцамомъ отъ египетской пирамиды Хеопса. Камень этотъ (изъ такихъ камней выстроена вся пирамида) представляетъ собою номулитовый известнякъ съ множествомъ вкрапленныхъ въ него окаменѣлыхъ раковинъ семейства orbicularia.

2659) Фотографическій снимокъ съ пирамиды Хеопса.

2660) Глиняный сосудъ съ коническимъ дномъ, пріобрѣтенный г. Пельцамомъ въ Самаркандѣ. Въ Туркестанскомъ краѣ въ этихъ сосудахъ продаютъ ртуть. Форма описываемаго экземпляра имѣетъ большое сходство съ архаическими сосудами, часто находимыми въ Болгарахъ. Шейка сосуда искривлена на сторону, вѣроятно случайно, на мягкой глинѣ. Просвѣтъ горлышка величиною въ толстый карандашъ; по плечикамъ вытисненъ орнаментъ въ формѣ медальоновъ, окруженныхъ концентрическими кругами.

2661) Глиняный флакончикъ съ поливой зеленаго цвѣта, употребляемый въ Туркестанѣ вмѣсто табатерки для нюхательнаго табаку. Купленъ въ Ташкентѣ.

2662) Туркестанскій халатъ изъ шерстяной узорчатой ткани, отличающійся оригинальнымъ покроемъ (рукава невшивные, а выкроены изъ одного съ полками и спиною цѣльнаго куска).

2663) Эстонскій женскій кокошникъ (танну), вышитый цвѣтною шерстью по красному сукну. Въ числѣ узоровъ находятся кресты въ овальныхъ медальонахъ. Вышина кокошника 20 сант.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ОПИСАНІЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

СИБИРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1. Пріобрѣтенная *М. К. Сидоровымъ* коллекція была собрана г. Знаменскимъ вблизи Тобольска, частію при расконкахъ древняго городища на Чувашскомъ мысу, частію въ здѣсь-же находящихся курганахъ. Чувашскій мысъ находится въ 6 верстахъ отъ города Тобольска, на высокомъ (около 17—20 саж.) и весьма крутомъ правомъ берегу рѣки Иртыша. Городище, примыкающее къ самому обрыву берега, съ прочихъ сторонъ обнесено двойнымъ валомъ и рвомъ, имѣющими, какъ и всѣ древнія городища, полукруглую форму (форму кокошника). Внутри городища находятся три кургана; равнымъ образомъ курганы въ значительномъ числѣ находятся внѣ стѣнъ укрѣпленія, по всему правому берегу р. Иртыша. Этотъ-же укрѣпленный пунктъ носитъ названіе—*„городокъ Махметъ-Кула“*, по сохранившемуся со временъ Ермака преданію, что здѣсь была одна изъ главныхъ битвъ русскихъ казаковъ съ татарами, подъ предводительствомъ Кучумова сына Махметъ-Кула. Городище *Искеръ* лежитъ выше по Иртышу, въ 26 верстахъ отъ Тобольска.

Костяныя орудія были почти исключительно найдены въ валахъ и холмахъ городища. Г. Знаменскій описываетъ эту находку такимъ образомъ: „Снявъ аршинный, наросшій въ продолженіи вѣковъ, слой земли, принялся я разбираться въ остаткахъ брошеннаго города. Впереди, по всему краю холма, лежатъ въ безпорядкѣ наконечники костяныхъ стрѣлъ разнообразной формы; между ними (найдено) нѣсколько желѣзныхъ; тутъ-же костяные топоры (скребки №№ 209—263), кое гдѣ колечки отъ кольчугъ и (маленькія) костяныя стрѣлки... Въ центрѣ укрѣпленія—остатки большихъ костровъ (углей), кости лошадей, оленей, птицъ и множество рыбьихъ костей; тутъ-же масса разбитой глиняной посуды и небольшое число костяныхъ ложекъ. Здѣсь-же (внутри городища)

найдены желѣзныя сверла съ костяными ручками, желѣзные ножи и грубо обдѣланныя, не оконченныя, стрѣлы, свистки для приманки птицъ и пр. Внѣ валовъ найдены каменныя и гончарныя привѣски къ неводамъ, костяные ножи для чистки рыбы, небольшія глиняныя лошадки съ накладными сѣдлами и изъ глины-же сдѣланнымъ сѣдокомъ." (Тобол. Губ. Вѣдом. 1881 г. № 17).

2) Металлическія бляхи съ изображеніемъ животныхъ.

Бляхи подобныя №№ 1, 2, 3 и 1278, встрѣчаются въ числѣ сибирскихъ археологическихъ находокъ довольно часто. Назначеніе ихъ до сихъ поръ не вполнѣ выяснено. Можно догадываться, что эти четырехугольныя пластинки служили украшеніемъ для наплечныхъ ремней при военныхъ доспѣхахъ. Для поясовъ онѣ были-бы слишкомъ длинны и широки, особенно, если взять во вниманіе № 1278. Судя по найденнымъ пряжкамъ и металлической обдѣлкѣ для поясовъ, послѣдніе имѣли ширину не болѣе $1^1/_2$—2 поперечныхъ пальцевъ. За фибулы нельзя принять эти пластинки потому, что на нихъ нѣтъ мѣста для застежки. Что-же касается до наплечныхъ ремней, то объ украшеніи ихъ мѣдными бляхами упоминаетъ Геродотъ, говоря о Массагетахъ. Подтвержденіе этому мы встрѣчаемъ на каменныхъ бабахъ, гдѣ военные доспѣхи изображаются въ родѣ ремней отъ ранца, сзади перекрещивающихся и соединяемыхъ широкою пластинкою. На груди также изображаются подобныя бляхи круглой формы (см. атласъ гр. Уварова—европейскія и сибирскія каменныя бабы, Табл. II, №№ 13, 14 и 23).

Бляхи, находящіяся въ нашемъ музеѣ, большею частію четырехугольныя; по размѣру онѣ раздѣляются на два сорта: одиночныя, болѣе короткія, и двойныя, длинныя (№ 1278). Помѣщенныя на нихъ изображенія коня, вола и оленя, если не имѣютъ символическаго значенія, то во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ разряду самыхъ важныхъ въ экономическомъ быту животныхъ. На двойной пластинкѣ оба вола изображены рядомъ, съ опущенными головами, въ такомъ положеніи, которое напоминаетъ запряжку въ ярмо. Если это не простая фантазія художника, то подобный рисунокъ могъ-бы служить указаніемъ на примѣненіе этихъ животныхъ, какъ рабочей силы. Двойная бляха, найденная на югѣ Томской губерніи, вблизи Алтайскихъ горъ, по рисунку и работѣ совершенно сходна съ бляхою № 3, найденною близь Тобольска. Въ ряду многихъ другихъ сходныхъ предметовъ, она доказываетъ родство древней культуры сѣверныхъ Тобольскихъ странъ и приалтайскихъ.

3) *Изображеніе Мелампа* (къ № 4).

Идея этой фигурки напоминаетъ греческую легенду о *Меламп*ѣ, которому змѣи по ночамъ лизали уши и такимъ образомъ сдѣлали его настолько мудрымъ, что онъ былъ въ состояніи понимать языкъ птицъ и дѣлать предсказанія. (Аполлодоръ). Наша фигура, очевидно, имѣла религіозное значеніе. Это видно по изображенію на груди человѣческаго лица, что встрѣчается только на идолахъ. По идеѣ она указываетъ не на туранское, а на арійское, или иранско-семитическое происхожденіе (змѣя, какъ эмблема мудрости).

4) *Фибула* (къ № 5).

Подобные предметы весьма часто встрѣчаются между древностями Камской Болгаріи*). Нѣсколько такихъ экземпляровъ находится въ Казанскомъ археологическомъ музеѣ. Общій рисунокъ ихъ совершенно сходенъ, но размѣры бываютъ и больше нашего (длиннѣе и шире). Археологи принимаютъ эти предметы за *фибулы* или бляхи (аграфы) отъ застежекъ. По очертанію своему они напоминаютъ также наушники отъ шлемовъ (см. Вельтмана, Московская оружейная палата М. 1844 стр. 74, шлемъ Александра Невскаго; стр. 78, шлемъ боярина Мстиславскаго). У П. И. *Савваитова* въ описаніи старинныхъ царскихъ утварей и пр. (Спб. 1865 г.) сказано: „Для прикрытія и защиты ушей привѣшивались къ шлему наушки, или уши, которыя дѣлались изъ одной или нѣсколькихъ выгнутыхъ пластинокъ. Наушки завязывались внизу подбородка завязками.“ (стр. 308 рис. 69). До настоящаго времени въ курганныхъ могилахъ бронзоваго вѣка ни разу не было найдено цѣлаго шлема, и это заставляетъ думать, что предметъ № 5 не принадлежитъ къ головному убору, а вѣроятнѣе можетъ быть признанъ за фибулу. Нахожденіе его на Иртышѣ, при полномъ сходствѣ съ таковыми-же предметами болгарскими, указываетъ на родство иртышской и камской культуры. Въ Томской губерніи и въ Восточной Сибири до сихъ поръ такихъ предметовъ не встрѣчалось.

5) *О сапогахъ и головныхъ уборахъ* (къ № 10).

Между археологическими находками заслуживаютъ особеннаго вниманія предметы бытоваго характера, изображающіе костюмы,

*) Названіе *Камская*, а не Волжская *Болгарія* мы предпочитаемъ потому, что центръ древнѣйшей болгарской культуры главнымъ образомъ относится къ бассейну р. Камы, и городъ Болгары стоялъ не на Волгѣ, а на рукавѣ Камы.

или сцены. Къ сожалѣнію такихъ предметовъ не много. Фигура № 10, повидимому, изображаетъ мужчину, судя по тому, что платье его короткое и ноги открыты. Высокіе, почти до колѣнъ, сапоги также могутъ указывать скорѣе на мужской, чѣмъ на женскій нарядъ. Если довѣрять искусству художника, моделировавшаго разсматриваемую литую фигурку, то надо полагать, что онъ имѣлъ въ виду изобразить высокіе сапоги съ голенищами изъ твердой кожи. Выше стопы, надъ лодыжками, на нихъ видны двѣ складки, въ родѣ того, какъ это дѣлается на напускныхъ голенищахъ нынѣшнихъ крестьянскихъ сапоговъ. Впрочемъ, складки могутъ указывать также на перетяжку ремнемъ, какъ это дѣлается на бахилахъ или бродняхъ. Изображаніе сапоговъ на такой архаической бронзовой вещицѣ во всякомъ случаѣ представляетъ вопросъ весьма любопытный. Извѣстно, что во всемъ югозападномъ мірѣ высокіе сапоги въ древности почти совсѣмъ не употреблялись. Частію по климатическимъ условіямъ, частію по культурной привычкѣ, обувью тамъ служили сандаліи, башмаки, или ботинки. Какъ обувались въ древности на сѣверо-востокѣ азіатскаго материка неизвѣстно, но судя по нынѣшней обуви (принадлежности туалета очень устойчивой и долговѣчной) можно думать, что и тамъ высокихъ сапоговъ съ твердыми голенищами не было. Финскіе инородцы, а также киргизы и монголы носятъ низкую обувь изъ лоскутка звѣриной шкуры, собранной на ремнѣ около лодыжки, или же имѣютъ мягкій сапогъ (шерстью наружу), въ родѣ чулка. Инородцы, стоящіе ближе къ русскимъ, заимствовали русскій фасонъ обуви (бахилы, бродни, сапоги, валенки).

Типъ русскаго сапога ведетъ свое начало съ глубокой древности, равно какъ и лаптя. То и другое было извѣстно также и въ Скандинавіи. По этому нашъ сапогъ, не встрѣчающійся въ другихъ странахъ свѣта, можно считать произведеніемъ славяно-скандинавскимъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ объ немъ упоминается у Нестора подъ 955 г., когда великій князь Владиміръ ходилъ съ Добрынею на Болгаръ. Добрыня замѣтилъ, что всѣ болгарскіе плѣнники были въ *сапогахъ* и потому заключилъ, что этотъ народъ не будетъ давать дани, т. е., что его труднѣе покорить, а лучше искать *лапотниковъ*. Показаніе Нестора, что Болгары носили сапоги, можетъ до извѣстной степени служить подтвержденіемъ, что именно эта самая обувь изображена на фигурѣ № 10.*)

Голова у нашей фигурки не покрыта. Съ лѣвой стороны ея,

*) Интересно было-бы разъяснить происхожденіе слова *сапогъ*, отк куда оно ведетъ свое начало? У эстовъ и литовцевъ существуетъ вполи нѣ ему соотвѣтствующее sapad, но значитъ-ли это, что они заимствовал-

къ плечу идетъ тонкая полоска, могущая напоминать косу; впрочемъ, это могло служить просто орнаментомъ пластинки. Полукруглый рядъ выпуклыхъ точекъ подъ подбородкомъ, идущихъ къ вискамъ, можно принять за ожерелье или цѣпь, спускающуюся отъ головнаго кольца. Полукруглая полоска на груди можетъ представлять собою низко опущенное ожерелье, или края распахнутаго по срединѣ рубашки ворота.

Другая фигура изъ нашей коллекціи (№ 696) представляетъ типъ молодой женщины. На головѣ у нея показано нѣчто въ родѣ короны изъ бляхъ и завитковъ, по сторонамъ идутъ до плечъ двѣ косы, плетеныя въ три косички, а отъ висковъ, полукругомъ къ подбородку, опускается цѣпь или ожерелье, представленное такими-же выпуклыми точками, какъ у предъидущей фигуры (№ 10). Ниже подбородка, по шеѣ, идутъ четыре вертикальныхъ ряда такихъ же точекъ, можетъ быть также соотвѣтствующихъ какимъ нибудь украшеніямъ женскаго наряда. Нижній край фигуры оканчивается полоской, изогнутой въ формѣ полумѣсяца. Если она соотвѣтствуетъ плечамъ, то изображенный на ней рядъ точекъ можетъ представлять шейное ожерелье. Подобные-же головные вѣнки, ожерелья и другія головныя женскія украшенія можно видѣть на изображеніяхъ каменныхъ бабъ женскаго типа (см. атласъ каменныхъ бабъ гр. Уварова, табл. I, №№ 5 и 8, табл. II №№ 1, 6, 7, 12, и 17). У этихъ послѣднихъ, сверхъ головной прически и вѣнка, показаны на головѣ высокія шляпы съ полями.

Фигуръ, изображающихъ мужской головной уборъ не имѣется въ музеѣ Сибирскаго университета. Поэтому для уясненія этого предмета мы сошлемся на экземпляръ, найденчый въ Минусинскомъ округѣ и хранящійся нынѣ въ Спб. Императорскомъ Эрмитажѣ. Рисунокъ его помѣщенъ въ сочиненіи В. В. *Радлова* (Aus Sibirien, Leipzig 1884 г. Ч. I, стр. 88). Это бронзовая статуетка, представляющая рудокопа съ молоткомъ въ рукѣ. Онъ одѣтъ въ рубаху, подпоясанную поясомъ; на шеѣ—ожерелье, на головѣ—коническая шапка, ноги обуты въ башмаки. Такая-же острая коническая шапка изображена на охотникѣ съ двумя собаками, рисунокъ котораго помѣщенъ тамъ-же. Мужскія шапки у воиновъ, судя по изображеніямъ на каменныхъ бабахъ, были также либо

сапоги отъ насъ, или наоборотъ? Малороссійское слово *чеботы* и русское —*чеботарь* (сапожникъ) взято съ персидскаго tchabatan (Рейфъ). Геродотъ описывая въ VII кн вооруженіе и одежду разныхъ малоазійскихъ народовъ, говоритъ, что Пафлагоняне (Венеты?) имѣли на головахъ плетеные шлемы, а на ногахъ *туземные башмаки*, доходившіе *до средины икры* (§ 72). Ѳракіяне имѣли на головахъ лисьи шкурки, на ногахъ и кругомъ икръ обувь изъ озьей кожи. Каспіи и Саранги имѣли *обувь, доходящую до колѣнъ* (§ 67). Не здѣсь-ли искать родину русскихъ сапоговъ съ высокими голенищами?

островерхія коническія, либо круглыя, въ родѣ шлема, съ околышемъ и четырьмя продольными полосками, сходящимися на макушкѣ. Надо полагать, что эти послѣднія состояли либо изъ широкихъ ремней, либо изъ прикрѣпленнаго къ нимъ металическаго набора.

Свѣдѣнія о доспѣхахъ азіатскихъ воиновъ можно найти у *Геродота* въ кн. VII, при описаніи похода Ксеркса въ Элладу. Въ этомъ походѣ, по словамъ греческаго историка, участвовало 1.700.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были почти всѣ азіатскія народности. Вооруженіе каждаго народа Геродотъ описываетъ отдѣльно, и эти, хотя краткія, черты имѣютъ для насъ весьма важное значеніе, такъ какъ они касаются именно той азіатской культуры, памятники которой приходится разбирать сибирскимъ археологамъ. „Персы, говоритъ Геродотъ, имѣли такое вооруженіе: на головѣ *шляпы* изъ плохо сбитаго *войлока*, на тѣлѣ пестрые хитоны съ рукавами, *панцырь изъ желѣзныхъ чешуекъ*, на подобіе рыбьей чешуи; вмѣсто щита они имѣли плетенку, подъ которой висѣлъ колчанъ; копья короткія, луки большіе, стрѣлы тростниковыя, наконецъ короткіе мечи на правомъ боку, висящіе на поясѣ (кинжалы?) Почти въ такомъ-же вооруженіи были Мидяне, потому что это—собственно мидійское, а не персидское вооруженіе (§§ 61 и 62). Ассиріяне имѣли на головѣ мѣдные шлемы, сплетенные изъ проволоки (объ этомъ см. ниже, примѣч. 6). Головной уборъ Бактріянъ былъ очень похожъ на Мидійскій (т. е. войлочныя шляпы). Саки, скиѳское племя, имѣли на головѣ остроконечныя шапки изъ плотнаго войлока, стоявшія прямо; одѣты были въ штаны, имѣли туземные луки, короткіе мечи (кинжалы), наконецъ, сѣкиры, (сагаріи). Каспіи были одѣты въ хитоны изъ руна. Пафлагоняне во время похода имѣли на головахъ плетеные шлемы; вооружены были малымъ щитомъ и короткими копьями, сверхъ того имѣли дротики и мечи. (72). Ѳракіяне вооружены были дротиками, легкими щитами и короткими мечами (75). Халибы вооружены были небольшими щитами изъ сырой бычачьей кожи; на головахъ они носили мѣдные шлемы, на шлемахъ торчали бычачьи уши и рога изъ мѣди (76) *). Миніи вооружены были короткими копьями и ходили въ плащѣ, застегнутомъ булавками (фибулы); на головахъ носили кожаные шлемы (77). Мосхи имѣли на головахъ деревянные шлемы (78). Мары имѣли на головахъ туземные плетеные шлемы и вооружены были небольшими

*) Обычай носить на головѣ бычачьи рога, какъ ратное украшеніе, существуетъ въ настоящее время у нѣкоторыхъ племенъ американскихъ индѣйцевъ. Одинъ такой экземпляръ имѣется въ нашемъ музеѣ въ числѣ фотографическихъ снимковъ, вывезенныхъ изъ Америки Ин. Петр. Кузнецовымъ.

кожаными щитами и дротиками. Колхидяне покрывали себѣ головы деревянными шлемами“ (79).

Изъ этого описанія видно, что кованныхъ желѣзныхъ или мѣдныхъ шлемовъ въ Малой и Восточной Азіи во времена Ксеркса не носили, а самые нарядные шлемы приготовлялись изъ колечекъ проволоки, но чаще—изъ кожи, или дерева. Поэтому понятно, что подобныя головныя украшенія не сохранились. Еще менѣе могли противустоять разрушительному вліянію времени войлочныя шапки, которыя въ нашихъ мѣстностяхъ, повидимому, употреблялись чаще всего.

6) *О головныхъ вѣнкахъ* (діадемахъ) къ №№ 15, 17, 19, 24 и 28, 704—714

Въ музеѣ имѣется 16 сходныхъ по формѣ металлическихъ пластинокъ съ изящнымъ орнаментомъ, найденныхъ въ тобольскихъ курганахъ г. Знаменскимъ и А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Всѣ онѣ почти одинаковаго размѣра и одинаковаго устройства, снабжены съ лѣвой стороны либо желобкомъ, либо отверстіями въ родѣ кольца по концамъ продольной оси. Назначеніе ихъ показано проф. *Крузе* (см. его Necrolivonica, Dorpat 1842, Anastasis der Waräger-Russen, p. 28, табл. 18 №№ 3 и 4). Его находки подтверждаютъ, что эти изящныя пластинки принадлежали женскому головному убору (Stirnband oder Diadem, вѣнокъ) и служили здѣсь поперечными полосками, чрезъ которыя проходили ряды (4—6 рядовъ) снурковъ, покрытыхъ бронзовыми колечками. Замѣчательно, что точно такія-же бронзовыя нитки найдены и въ тобольскихъ могилахъ, вмѣстѣ съ связывавшими ихъ пластинками, что несомнѣнно доказываетъ, что женскій головной уборъ на Иртышѣ былъ тотъ-же самый, какъ въ Эстляндіи и Курляндіи. Совершенно такія-же головныя украшенія найдены были на берегахъ Западной Двины проф. І. К. *Беромъ*. (Die Gräber der Liven, Dresden 1850 p. 4). „Онѣ состояли, по словамъ Бера, изъ проволочныхъ колечекъ, плотно нанизанныхъ на пеньковый шнурокъ, или на полоску ремня. Эти шнурки, расположенные въ параллельные ряды, на разстояніи 3 дюймовъ раздѣлялись четырехъ-угольными металлическими пластинками. Въ женскихъ уборахъ къ этимъ кольчатымъ цѣпочкамъ привѣшивались еще разныя погремушки, бубенчики и кусочки янтаря“. Taf. V. Fig. 1—5). Изъ такихъ-же колечекъ, нанизанныхъ на ремень, были найдены Беромъ коническія шапки, подобныя ассирійскимъ. Объ этихъ послѣднихъ упоминаетъ Геродотъ въ VII кн. 62.

„Ассиріяне, говоритъ онъ, имѣли на головахъ мѣдные шлемы, сплетенные изъ проволоки по какому-то варварскому способу, трудно объяснимому". Если дѣйствительно здѣсь идетъ рѣчь о ремешкахъ, покротыхъ нанизанными кольцами и спирально свитыхъ въ родѣ конической металлической корзинки, то фактъ повторенія ассирійскаго убора у древнихъ жителей Сибири и Курляндіи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что способъ приготовлять красивые снурки изъ нанизанныхъ колечекъ, а изъ нихъ, поочередно съ поперечными пластинками, дѣлать головные вѣнки, существовалъ какъ на Чувашскомъ мысу, близъ Тобольска, такъ и на берегахъ Двины, что подтверждается совершенно одинаковыми находками въ той и другой мѣстности.

7) О поясахъ и пряжкахъ (къ № 23).

Въ нашемъ, сравнительно молодомъ музеѣ пряжекъ имѣется 6 штукъ. Въ Минусинскомъ музеѣ ихъ находится 16 (Древности Минус. музея. Томскъ. 1886 стр. 120—121). Изъ этого можно заключить, что пояса съ пряжками у древнихъ жителей Сибири были въ большомъ употребленіи. Пояса дѣлались не широкіе, пальца въ полтора или въ два, но они украшались очень нарядно металлическимъ наборомъ по ремню. Сверхъ того, отъ пояса шли короткіе ремешки, также покрытые узорчатыми металлическими наличниками, къ которымъ, вѣроятно, привѣшивались необходимѣйшіе предметы, напр. ножикъ, огниво, сумочка, можетъ быть, также ложка. Обкладка этихъ короткихъ ремешковъ большею частію оканчивалась на нижнемъ концѣ трехъ-угольною срѣзкою (косячкомъ), какъ это видно на пластинкахъ №№ 1314—1316.

Обычай носить пояса съ пряжкою и украшать ихъ металлическимъ наборомъ съ подвѣсками до сихъ поръ сохранился у киргизовъ и Кавказскихъ горцевъ. Русская привычка носить на поясѣ гребень, ключъ, огниво и другія мелочи можетъ быть также ведетъ свое начало съ того времени, когда пояса были приспособлены для такихъ привѣсокъ. Въ русской жизни поясъ вообще считается чѣмъ-то священнымъ, національнымъ: слово безпоясый почти равносильно слову нехристь, татаринъ. Какъ принадлежность княжеской и царской одежды, дорогіе пояса съ пряжками и металлической оправой на концахъ переходили въ наслѣдство изъ рода въ родъ. Такъ Великій Князь Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ сыновьямъ своимъ: Семену—три золотыхъ пояса, Ивану—большой поясъ съ жемчугомъ и каменьями, поясъ золотъ

„съ капторгами и поясъ сердоличенъ золотомъ окованъ, Андрею поясъ съ жемчугомъ и каменьемъ, поясъ золотъ съ крюкомъ на червчатѣ шелку и поясъ золотъ царевскій". Князь Юрій Дмитріевичъ Галицкій въ своемъ завѣщаніи писалъ: „А что изъ золота даю сыну моему Василію поясъ золотъ съ каменьемъ на чепѣхъ безъ ремени, а Дмитрію сыну моему меньшему даю поясъ златъ безъ ремени, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой Князь Великій Дмитрій". (См. Савваитова, описаніе старинныхъ царскихъ утварей и пр. Спб. 1865 стр. 246).

Судя по рисункамъ на каменныхъ бабахъ, пояса съ пряжками и привѣсками употреблялись не только мужчинами, но и женщинами. Въ атласѣ *Крузе* (Necrolivonica) показаны точно такіе-же пояса съ пряжками (Tabul. 18, Fig 1 и 2). Въ атласѣ *Бера* поясъ съ пряжкой и металлическимъ наборомъ по ремню изображенъ на Табл. VIII, 16 и на Табл, XIV, 6 и 14.

8) *Изображеніе совы* (къ № 24—27).

Сова принадлежитъ къ древнѣйшимъ арійскимъ символамъ. У грековъ она изображала богиню войны и разума, Аѳину—Палладу, у Римлянъ—Минерву. Въ этомъ значеніи она встрѣчается на древнѣйшихъ памятникахъ скульптуры, рядомъ съ изображеніемъ головы Горгоны на щитѣ богини. Исходя изъ того положенія, что въ птицегаданіи греческомъ и римскомъ встрѣча совы имѣла зловѣщее значеніе (почему сова называлась avis sinistra, avis dira—неблагопріятная, зловѣщая, птица), какъ это положительно доказываетъ *Marquard* (Handbuch d. römischen Alterthum. Römische Statsverwaltung III, 389. Leipzig 1878), изображеніе совы при богинѣ войны имѣло тотъ смыслъ, чтобы однимъ ея видомъ внушить непріятелю страхъ. Вторичное значеніе совы, какъ спутницы Минервы, богини мудрости, могло развиться позднѣе перваго и то потому, что придавая богинѣ войны новую функцію, безсознательно удержали символъ, который придавался ей первоначально какъ богинѣ войны. Сова является также маркой (гербомъ) города Аѳинъ на древнѣйшихъ монетахъ этого города. Къ этому можно добавить, что у Гомера Аѳина воительница называется γλαυκῶπις „совоокая, съ совиными (свирѣпыми) глазами.

При раскопкахъ доктора Шлиманна въ Троѣ и Микенахъ изображеніе совы было найдено во множествѣ экземпляровъ на глиняныхъ сосудахъ и на отдѣльныхъ фигуркахъ изъ терракоты и камня (см. Ilios стр. 376—379). Фигурки эти несомнѣнно были

идолы съ совиною головой. При объясненіи этихъ находокъ, профессоръ Отто Келлеръ считаетъ эту птицу въ данномъ случаѣ какъ символъ богини Ночи. Въ этомъ отношеніи троянская Сова —Аѳина (Ate) отличалась отъ эллинской. Кромѣ устрашающаго значенія, въ примѣненіи къ войнѣ, символъ ея, какъ ночной птицы, видящей во тьмѣ, обозначалъ также трудолюбіе и искусство (стр. 326).

Такъ или иначе, но сова принадлежитъ къ арійской и притомъ древнѣйшей миѳологіи. У туранскихъ народовъ эта птица не играетъ никакой роли. Поэтому присутствіе ея изображеній на бронзовыхъ предметахъ тобольскихъ могильниковъ получаетъ большой интересъ; онъ усугубляется въ виду того, что это, какъ увидимъ ниже, далеко не единственный случай сближенія троянскихъ и эллинскихъ древностей гомеровскаго времени съ сибирскими древностями.

На экземплярахъ нашего музея сова изображена не въ качествѣ идола, но какъ украшеніе, нанизанное на ремень. Въ Троѣ эта птица также весьма часто помѣщалась на глиняныхъ сосудахъ, какъ украшеніе, хотя и имѣвшее символическій смыслъ. Во всякомъ случаѣ выборъ этой, а не другой птицы, даже для художественныхъ цѣлей, долженъ былъ имѣть традиціонное основаніе.

9) Костяныя ложки (№№ 47, 48, 637 и 638)

Плоская форма костяной круглой ложки любопытна въ томъ отношеніи, что она представляетъ прототипъ развившейся изъ нея глубокой деревянной или металлической ложки. Наши экземпляры показываютъ, что они существовали въ такое время, или у такого народа, который не умѣлъ еще кушать жидкую пищу ложками, а пилъ ее, какъ молоко или напитки, прямо изъ сосудовъ, или посредствомъ очищенныхъ и украшенныхъ костяныхъ трубочекъ, экземпляры которыхъ также находятся въ нашемъ музеѣ (№№ 202, 203, 293—295 и 466). Вмѣстѣ съ тѣмъ, присутствіе плоской ложки доказываетъ, что существовала полужидкая пища, въ родѣ каши, киселя, или творога, которую не удобно было употреблять ни черезъ трубочку, ни непосредственно изъ сосуда. Вслѣдствіе такого расширенія кулинарныхъ потребностей, явилась необходимость изобрѣсти инструментъ въ родѣ круглой лопатки, который удовлетворялъ-бы этой цѣли. Замѣчательно, что общая круглая форма, присвоенная примитивной ложкѣ сохранилась потомъ у всѣхъ арійскихъ народовъ и была усовершенствована только тѣмъ, что плоскость ея была углублена, съ цѣлію черпать жидкости, и

было обнаружено больше искусства во внѣшней отдѣлкѣ и въ матеріалѣ для приготовленія ложекъ. Отсутствіе въ сибирскихъ древностяхъ настоящей глубокой ложки нисколько не указываетъ на низкую степень культуры жившаго здѣсь народа. Напротивъ, найденныя, хотя-бы и плоскія, ложки подтверждаютъ значительную высоту бытовой обстановки. Извѣстно, что нынѣшнія принадлежности стола—вилки, ложки и салфетки—суть принадлежности средней исторіи. Греки и Римляне не знали—ни скатерти, ни салфетки; кушанья брали руками, безъ вилокъ и ножей; ложки у нихъ появились только впослѣдствіи. Въ развалинахъ Трои Шлиманнъ также не нашелъ ни одной столовой ложки. Единственный, найденный имъ экземпляръ серебряной ложки большаго размѣра относился не къ обыденному употребленію, а къ числу священныхъ предметовъ, какъ орудіе жертвенныхъ возліяній. Тѣмъ не менѣе эта ложка любопытна въ томъ отношеніи, что она по внѣшней формѣ принадлежитъ также къ круглымъ, съ плоскою, росписанною (въ ёлку) ручкою и съ дырочкою на черенкѣ, въ которую продѣто кольцо (см. Jlios, стр. 561). По типу этой священной ложки Римляне стали приготовлять впослѣдствіи столовый приборъ. Отсюда-же, по всей вѣроятности, ведутъ свое начало и наши тобольскія круглыя ложки съ плоскимъ черенкомъ, имѣющимъ на концѣ отверстіе. Эта форма сдѣлалась потомъ общераспространенною во всемъ европейскомъ мірѣ. Такимъ образомъ, архаическія ложки нашего музея несомнѣнно принадлежатъ къ общей европейской семьѣ. Ложка № 48 съ нацарапаннымъ на внутренней ея сторонѣ рисункомъ напоминаетъ русскій обычай украшать и отмѣчать свои ложки разными рисунками. Обдѣлка черенка рубчиками и дырочка на его концѣ, для привязыванія или привѣшиванія, также соотвѣтствуетъ русскому обычаю беречь свою ложку и отличать ее отъ чужихъ.

Костяныя круглыя плоскія ложки были также найдены въ древностяхъ Камской Болгаріи. Присутствіе ихъ указываетъ на развитіе кулинарнаго искусства, на употребленіе муки, или крупы. Поэтому тамъ, гдѣ встрѣчаются ложки, попадаются и ручные жернова, какъ это мы видимъ и въ нашемъ археологическомъ музеѣ.

Найденныя въ тобольскихъ древностяхъ костяныя ложки, констатируя фактъ употребленія этого орудія древними жителями Сибири, вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ къ мысли о существованіи одновременно съ ними деревянныхъ издѣлій этого рода, не дошедшихъ до насъ вслѣдствіе непрочности дерева. Деревянныя ложки сначала, по всей вѣроятности, также были плоскія, но потомъ изъ нихъ образовался тотъ типъ, который употребляется до насто-

ящаго времени. Когда появилась въ Россіи глубокая деревянная ложка, опредѣлить это по прямымъ археологическимъ памятникамъ довольно трудно; но руководясь данными языка, можно полагать, что у славянъ она вошла въ употребленіе не позднѣе, чѣмъ у народовъ Западной Европы. *Рейфъ* (этимологическій лексиконъ) ставитъ русское названіе, ложка, въ связи съ латин. lig-ula*), нѣм. Löffel, греч. λαβίς, араб. lô-ka. Эти слова одинаково могли быть перенесены какъ на плоскую, такъ и на глубокую ложку, вѣроятнѣе всего на первую. Въ финскихъ нарѣчіяхъ слово ложка (фин. lifikka, liska, эст. luits, lufico, lusficas и lusfik. Корнесловъ Шимкевича) повидимому взято либо съ славянскаго, либо съ нѣмецкаго, что для насъ имѣетъ не маловажное значеніе при рѣшеніи вопроса какому народу принадлежали археологическія сибирскія ложки **).

Объ интересной находкѣ древнихъ деревянныхъ ложекъ сообщаетъ *А. Ѳ. Лихачевъ****). „Этотъ отдѣлъ болгарскихъ древностей, говоритъ онъ, въ моей коллекціи представленъ шестью ложками, вырѣзанными, какъ кажется, изъ липоваго дерева, съ сохранившимися слѣдами окраски. Четыре изъ этихъ ложекъ овальныя, одна круглая и одна поперечно-овальная. Всѣ онѣ отличаются стремленіемъ къ нѣкоторому изяществу въ формахъ и въ отдѣлкѣ; ручки ихъ выгнутыя и одна на концѣ даже была фигурно обточена. Если сравнить ихъ съ нынѣ употребляемыми крестьянскими, круглыми деревянными ложками, отличающимися топорностью работы и неуклюжестью формы, съ толстыми прямыми ручками, тогда элегантность формъ болгарскихъ ложекъ покажется еще значительнѣе. Эти ложки были найдены въ окрестностяхъ Билярска, въ одной случайно разрытой могилѣ, которая оказалась вырытой такъ глубоко въ материкѣ, что нижняя ея часть была залита водой. Ложки лежали въ глиняномъ сосудѣ, также наполненномъ водой и это обстоятельство помогло ложкамъ сохраниться“. Къ сожалѣнію, авторъ не сообщаетъ признаковъ, по которымъ можно было-бы судить о степени древности этой находки; но, судя по значенію ей придаваемому, можно полагать, что могила, въ которой найдены были ложки, относилась къ первой половинѣ текущаго тысячелѣтія. Такъ какъ типъ этихъ ложекъ совершенно

*) Ligula (lingula, lingva) собственно язычекъ, клапанъ, ложечка, желобообразное углубленіе. Можетъ быть въ связи съ тѣмъ-же понятіемъ стоитъ русское слово *лизать, лакать,* пить вбирая въ себя языкомъ, а также *ложбина, лодка, лодья* (въ смыслѣ выдолбленнаго въ деревѣ углубленія) и *лыжи* (въ смыслѣ вылощенной пластинки)

**) Сравни Л. Н. *Майкова* о древней культурѣ западн. финновъ по даннымъ ихъ языка, сост. по сочин. Алквиста. Спб. 1877 г. стр. 52—54.

***) *Лихачевъ*, бытов. памятн. Великой Булгаріи, стр. 28.

соотвѣтствуетъ русскимъ, то изъ приведеннаго факта можно вывести заключеніе, что наши деревянныя ложки въ настоящемъ ихъ видѣ существовали уже у древнихъ болгаръ, не позднѣе IX или X столѣтія, можетъ быть и раньше. Если-бы даже эту находку относить не къ Болгарамъ, а къ замѣстившимъ ихъ (послѣ переселенія за Дунай) чувашамъ и черемисамъ, и въ такомъ случаѣ она имѣла-бы важное значеніе, какъ доказательство съ какого отдаленнаго времени приволжскіе финны стояли въ подчиненіи славянской культурѣ (сравн. приведенный фактъ съ найденною нами около Томска обугленною деревянною чашкою и ложкою № 1093—1099, а также прим. 27).

10) О костяныхъ орудіяхъ (къ № 57—468).

Найденныя на Чувашскомъ мысу костяныя орудія употреблялись одновременно съ бронзовыми и желѣзными предметами. Доказательства тому: 1) нахожденіе костяныхъ стрѣлъ, ножей и пр. въ курганныхъ могилахъ вмѣстѣ съ бронзовыми вещами (Дм.-Мам.); 2) на костяныхъ издѣліяхъ явственно видны слѣды металлическаго ножа; 3) въ нѣкоторыхъ костяныхъ ручкахъ сохранились перержавѣвшіе желѣзные клинки и 4) вмѣстѣ съ бронзовыми и костяными предметами, какъ въ городищѣ, такъ и въ курганахъ найдены желѣзныя вещи.

Стрѣлы большею частію приготовлены изъ берцовыхъ и бедренныхъ костей, рѣже изъ реберъ. Форма ихъ чаще всего трехгранная, рѣже плоская или круглая; отдѣлка большею частію тщательная. Такія-же точно костяныя стрѣлы были найдены въ Камской Болгаріи (см. Извѣстія Общ. арх., ист. и этн. при Казанскомъ университетѣ Т. II стр. 178; Т. III стр. 105, 109 и 111, 123, 323 и 334).

Ножи обыкновенно приготовлялись изъ реберъ мелкихъ животныхъ, стачивая ихъ острый край. Головка ребра служила ручкою. По формѣ и величинѣ эти ножи имѣютъ сходство съ узкими бронзовыми, для которыхъ маленькія ребра, повидимому, служили когда-то первымъ образцомъ. Въ данномъ случаѣ костяные и бронзовые ножи относятся къ одной и той-же эпохѣ, но они имѣли разное назначеніе. Первые изъ нихъ во всякомъ случаѣ не могли служить для рѣзанія твердыхъ тѣлъ, а вѣроятнѣе всего для чистки рыбы и вообще для кулинарныхъ цѣлей. Желѣзные и бронзовые ножи служили для подѣлокъ изъ кости и дерева. Мелкія нарѣзки на костяхъ, повидимому, прямо указываютъ на размѣръ тѣхъ самыхъ маталлическихъ ножей, какіе найдены при тѣхъ-же

раскопкахъ. Слѣдовъ употребленія пилы не замѣчено ни въ одномъ случаѣ. Правильныя круглыя дырки, просверленныя на костяхъ, указываютъ на знакомство съ сверломъ, а четырехъ-угольныя вырѣзки съ совершенно ровными краями, сдѣланныя въ толстыхъ костяхъ, заставляютъ предполагать употребленіе долота или стамески. Всѣ эти металлическія орудія дѣйствительно были найдены вмѣстѣ съ издѣліями изъ кости.

Скребки. Такъ я называю, во множествѣ встрѣчающіяся, костяныя орудія, по формѣ весьма похожія на каменные скребки, т. е. имѣющія толстый, ровно срѣзанный обухъ и заостренный въ видѣ четырехъ-угольнаго клина передній конецъ. Нерѣдко этотъ инструментъ бываетъ нѣсколько изогнутъ по плоскости. Скребки чаще всего приготовлены изъ плоскихъ и широкихъ частей оленьяго или лосиннаго рога; матеріалъ ихъ мягкій, губчатый, но тѣмъ не менѣе на остромъ, хорошо отшлифованномъ концѣ рѣдко замѣчаются зазубрины, или сколотыя части, не считая экземпляры, попорченные временемъ. Эта цѣлость лезвея, при мягкости и легкости губчатой кости, показываетъ, что скребки употреблялись не въ качествѣ топоровъ (тоже самое можно сказать и про многія каменныя орудія, той-же формы, приготовленныя изъ мягкихъ породъ камня), а для другихъ цѣлей. Можно догадываться: не служили-ли они орудіями для выдѣлки кожъ (для очищенія мездры). Въ такомъ случаѣ обиліе этихъ орудій, какъ въ тобольскихъ, такъ и въ болгарскихъ городищахъ, указывало-бы на высокую степень развитія въ этихъ мѣстахъ мѣховаго и кожевеннаго производства, что согласуется съ историческими на то указаніями. Тоже подтверждаютъ сохранившіеся подъ бронзовымъ наборомъ остатки хорошо выдѣланныхъ и выкроенныхъ ремней, нерѣдко находимые между курганными предметами (пояса съ пряжками, сбруя и пр.). У скребковъ нѣтъ ни проушинъ, ни бороздокъ, по которымъ можно было-бы предполагать, что они прикрѣплялись къ рукояткѣ. Вѣроятно ихъ непосредственно брали въ руку за задній толстый конецъ. У нѣкоторыхъ орудій этого рода передній конецъ не имѣетъ остраго широкаго лезвея, а тупо закругленъ, какъ палецъ. Можетъ быть эти экземпляры служили для разглаживанія швовъ при шитьѣ кожаныхъ издѣлій.

Форма костянаго и каменнаго скребка (клина) можетъ быть когда либо, въ отдаленныя времена, служила образцомъ для перваго металлическаго кельта, точно также, какъ ребро для бронзоваго ножа; но въ описываемыхъ нами древностяхъ скребки и кельты встрѣчаются одновременно. Въ болгарскихъ находкахъ (см. выше цитированныя мѣста Извѣстій Казан. Археологич. общества) точно

также костяные, каменные и бронзовые клинья (кельты) были находимы на одномъ и томъ-же мѣстѣ и въ одномъ культурномъ слоѣ. Равнымъ образомъ въ раскопкахъ около Томска полированные каменные скребки найдены въ одной мѣстности съ бронзовыми кельтами. Все это доказываетъ, что неолитическій періодъ (полированныхъ каменныхъ орудій) и бронзовый въ исторіи народной культуры не представляютъ строгаго разграниченія и вообще установившееся въ наукѣ дѣленіе на каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Костяныя рукоятки для ножей, *стремена* и палочки съ выдолбленными и просверленными отверстіями, костяныя напрясла, свистки и пр. выдѣлывались изъ кости, одновременно съ металлическими предметами, по причинѣ общедоступности и дешевизны подѣлочнаго матеріала, а не потому, чтобы народъ, ихъ употреблявшій, не зналъ другихъ, болѣе усовершенствованныхъ орудій.

Едвали не самое древнее, *письменное* свидѣтельство объ употребленіи костяныхъ орудій, именно стрѣлъ, сообщаетъ *Тацитъ*, говоря о западныхъ (по нынѣшнему дѣленію) финнахъ. Вотъ его слова: „Fennis sola in sagittis spes, inopia ferri ossibus asperant“. Въ этомъ его выраженіи, что финны по недостатку желѣза стрѣляли костяными стрѣлами, очевидно указывается обычай употребленія тѣхъ самыхъ костяныхъ стрѣлокъ, образчики которыхъ мы разсматриваемъ. Но значитъ-ли это, что такой обычай былъ исключительно финскій? Думаемъ, что нѣтъ. Это доказываютъ точно такія-же стрѣлки, найденныя Шлиманномъ въ Троѣ, употреблявшіяся по меньшей мѣрѣ за восемь столѣтій до Тацита. Троянцы передали (а можетъ быть даже перенесли, вмѣстѣ съ своимъ переселеніемъ) эти орудія съ одной стороны—къ Балтійскому морю, съ другой стороны—на сѣверо-востокъ Азіи, въ бассейнъ рѣкъ Иртыша и Оби, гдѣ прежде господствовалъ, пока еще неизвѣстный намъ по національности, культурный народъ, оставившій послѣ себя курганы и городища. По всѣмъ археологическимъ признакамъ, онъ дѣйствительно имѣлъ тѣсную связь съ троянскою культурою, какъ общею, родовою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ культурою прибалтійскихъ народовъ, произшедшею изъ того-же родоваго источника. Отъ этого народа заимствовали свои костяныя стрѣлы Тацитовы финны, если только римскій историкъ говоритъ дѣйствительно о финнахъ, а не смѣшиваетъ ихъ съ какою—нибудь другою народностію, напр. литовскою, или славянскою.

Въ сѣверной Германіи вообще и въ Мекленбургскихъ могилахъ въ частности до настоящаго времени было найдено очень мало костяныхъ орудій. Въ статьѣ г. Лиша (Lisch) о свайныхъ по-

стройкахъ близь города Висмара*) описываются экземпляры такихъ предметовъ, найденные въ глубокихъ слояхъ торфяниковъ. Между ними чаще встрѣчаются искуственно обдѣланные оленьи рога и лошадиныя кости, изъ которыхъ приготовлялись колющія и рѣжущія орудія. Встрѣчались и болѣе сложныя костяныя подѣлки, именно—гребни, гарпуны, выглаженныя пластинки съ дырочками на концахъ и даже нѣчто въ родѣ діадемы для украшенія головы.

Чѣмъ ближе къ сѣверу по берегу Балтійскаго моря, тѣмъ чаще начинаютъ встрѣчаться костяныя орудія, тѣмъ они разнообразнѣе и ближе по типу съ сибирскими. Профессору *Гревингу* удалось собрать при геологическихъ изслѣдованіяхъ мергельныхъ пластовъ по теченію рѣки Кунды, близь деревни того-же имени, въ Эстляндіи, 68 экземпляровъ такихъ орудій. Между ними были гарпуны, съ одною или многими боковыми нарѣзками (зубцами), наконечники стрѣлъ, съ зубцами и безъ зубцовъ, и съ такими же плоско заостренными черенками, какъ у тобольскихъ и томскихъ стрѣлокъ; костяныя шилья, ножи и т. п.**) По геологическимъ соображеніямъ и руководясь, между прочимъ, историческимъ свидѣтельствомъ Тацита, Гревингъ относитъ эти находки къ первому вѣку послѣ Р. Х. что можно считать весьма вѣроятнымъ. Еще большее число экземпляровъ такихъ-же точно орудій описано и изображено на шести таблицахъ (Табл. VII—XII) въ сочиненіи профессора *Иностранцева:* „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера (С.-Петербургъ 1882 г.“). Эти орудія были найдены при работахъ новаго Ладожскаго канала, недалеко отъ устья рѣки Волхова. Профессоръ Иностранцевъ пріурочиваетъ своего доисторическаго человѣка, употреблявшаго эти костяныя орудія, къ невообразимой древности, когда еще не было рѣки Невы и ея долины и когда Ладожское озеро стояло значительно ниже нынѣшняго уровня (стр. 240 и 241), но такое заключеніе, по всей вѣроятности, основано на ошибкѣ.***) Сравнивая собранные имъ предметы съ древностями Чувашскаго мыса, нельзя не замѣтить между ними поразительнаго сходства (въ костяныхъ орудіяхъ и въ орнаментѣ глиняной посуды), поэтому можно думать,

*) Jahrb. des Verein für meklenburgische Geschich nud Alterthumskunde, Schwerin. 1865 p. 51 Bd. 30 и 1867 Bd. 32 p. 184 и 203.

**) Grewingk, Geologie und archaeologie des Mergellagers von Kunda. Dorpat 1882 стр. 23 Taf III.

***) Ошибка могла заключаться въ томъ, что профессоръ Иностранцевъ принялъ культурный слой береговой почвы, спустившейся на дно озера (такія оползанія берега, безъ измѣненія вертикальнаго положенія деревьевъ и перевертыванія пластовъ, случаются не рѣдко) за образовавшійся на этомъ самомъ днѣ, будто-бы еще не покрытомъ водой.

что народъ той и другой мѣстности жилъ приблизительно въ одно время и пользовался одною и тою-же культурою. Разница только въ томъ, что прибрежный пунктъ Ладожскаго озера представлялъ собой бѣдное рыбацкое поселеніе, а на Чувашскомъ мысу былъ богатый и укрѣпленный центръ. Тоже самое оказывается и на болгарскихъ городищахъ, по Камѣ, гдѣ костяныя орудія того-же самаго типа встрѣчаются въ большомъ числѣ, рядомъ съ прекрасными издѣліями изъ бронзы. Между Сибирью и Болгарами, костяныя орудія были также находимы въ Пермской губерніи (на Уралѣ), а изъ европейскихъ странъ въ Швейцаріи, въ свайныхъ постройкахъ.

Послѣднее историческое свидѣтельство объ употребленіи костяныхъ стрѣлъ мы встрѣчаемъ у *Амміана Марцеллина* въ его описаніи Гунновъ. „Ни что, говоритъ онъ, не можетъ сравниться съ ловкостію ихъ (гунновъ) стрѣльбы на большихъ разстояніяхъ; ихъ стрѣлы имѣютъ наконечники изъ *заостренной кости* и также крѣпки и смертоносны, какъ желѣзныя. У гунновъ также было обыкновеніе гадать о будущемъ по расположенію трещинъ и бороздокъ (отъ проходящихъ венъ) на очищенной лопаточной кости убитаго животнаго“. (Amédé. Thierry, Histoire d' Attilla T. I Paris 1865, p. 175). Можетъ быть подобное-же значеніе имѣли и находящіяся въ нашей коллекціи лопатки. Вѣроятно, какъ наслѣдство отъ гунновъ, этотъ обычай продолжалъ существовать у монголовъ XIII—XIV в. и сохранился у нихъ до сихъ поръ, равно какъ и у киргизовъ (*Потанинъ*, Очерки Сѣверо-Западной Монголіи, вып. 2, 1881 г. стр. 88 и 89, Табл. рисунк. XIX).

На основаніи приведенныхъ данныхъ можно думать, что сибирскія костяныя стрѣлы, равно какъ и прочія сопутствующія имъ древности принадлежали гуннскому племени, а потому время послѣдняго ихъ употребленія могло быть не позже первыхъ 3—4 столѣтій послѣ Р. Х. Тому-же народу, извѣстному подъ именемъ болгаръ, слѣдуетъ приписать употребленіе костяныхъ орудій, найденныхъ въ Камской Болгаріи, совершенно сходныхъ съ сибирскими. Единство сибирской и болгарской древней культуры не трудно прослѣдить, независимо отъ другихъ литературныхъ указаній, по сличенію предметовъ археологическихъ музеевъ Казанскаго и Томскаго университетовъ.

Древнѣйшими археологическими находками костяныхъ орудій, какъ мы упомянули выше, можно считать тѣ, которыя сдѣланы докторомъ Шлиманномъ въ развалинахъ Трои. Рисунки ихъ помѣщены въ его сочиненіи *Ilios* на стр. 295, 296 (костяныя шилья), 474 (костяныя узорчатыя трубочки), 475 и 476 (костяныя пластинки съ дырочками на концахъ), 477 (рукоятки съ четырех-

угольными большими отверстіями), 479—480 (костяныя стрѣлки, иглы и шилья), 632 (подѣлки изъ крупныхъ костей). Типъ всѣхъ этихъ подѣлокъ до такой степени сходенъ съ тобольскими и томскими костяными предметами, что кажется будто-бы рисунки г. Шлиманна сняты съ нашихъ оригиналовъ. Такое поразительное совпаденіе фасона стрѣлокъ, ножей и шильевъ не трудно было-бы объяснить общимъ принципомъ утилизаціи остраго ребра и расколотыхъ трубчатыхъ костей для техническихъ цѣлей, независимо отъ культурныхъ преданій. Но едвали тоже можно сказать про другія, найденныя въ Троѣ, костяныя издѣлія. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. показанныя у Шлиманна подъ №№ 537, 540, 541 (стр. 476) 1255 и 1256 (стр. 631), костяныя плоскія палочки съ дырочками на концахъ, или толстые костыльки съ выдолбленнымъ четырехугольнымъ отверстіемъ (стр. 632), очевидно принадлежали къ орудіямъ опредѣленнаго, установившагося типа, съ спеціальнымъ, хотя и не вполнѣ выяснившимся назначеніемъ. Повтореніе тѣхъ-же самыхъ орудій въ нашихъ экземплярахъ (№№ 323—326 и 337) едвали можетъ быть объяснено случайнымъ совпаденіемъ. Сближеніе дѣлается еще болѣе поразительнымъ, если обратить вниманіе на характеръ орнамента троянскихъ издѣлій. Наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи кружковый орнаментъ (кружки съ точкою въ центрѣ), такъ любимый троянцами, въ той-же самой формѣ встрѣчается на подѣлкахъ тобольскихъ и болгарскихъ (катал. №№ 753, 754, 1265 и 1266). Здѣсь уже едвали возможно допустить простую случайность, а приходится предполагать единство источника культурныхъ теченій (о кружковомъ орнаментѣ см. прим. 21).

О бабкахъ и астрагалахъ (къ №№ 338—341).

Большое количество найденныхъ на Чувашскомъ городищѣ мелкихъ суставныхъ косточекъ (козны, astragali), при томъ гладко вылощенныхъ и даже съ просверленными искусственно дырочками, показываетъ, что эти предметы не суть случайные кухонные остатки, а собирались и употреблялись для извѣстныхъ цѣлей. № 341—обыкновенная игорная бабка (козонъ) можетъ быть даже была наполнена чѣмъ-нибудь, для тяжести, какъ наши нынѣшнія свинчатки. Внутренность ея тщательно вычищена и задній конецъ открытъ, наружные бока обтерты, какъ-бы отшлифованы отъ продолжительнаго употребленія. Не остается сомнѣнія, что этими бабками играли; но кто могъ играть ими полторы—двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ на берегахъ Иртыша?

Объ астрагалахъ докторъ Шлиманнъ пишетъ слѣдующее: „Они встрѣчаются какъ въ первомъ городѣ Гиссарлика (древнѣйшемъ культурномъ слоѣ Трои), такъ и во всѣхъ остальныхъ. Надо полагать, что эти косточки служили для дѣтской игры, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ потерты и, судя по наружному ихъ виду, были въ продолжительномъ употребленіи“ (Ilios, стр. 297). Говоря о томъ-же предметѣ при описаніи находокъ третьяго города, авторъ замѣчаетъ, что астрагалы были найдены имъ здѣсь въ громадномъ числѣ (стр. 475). Такимъ образомъ ясно, что у троянцевъ игра въ косточки была въ большомъ ходу. Это подтверждается ссылкою на Гомера (Иліада XXIII, 87 и 88),*) гдѣ приведенъ разсказъ, какъ Ахиллъ въ дѣтствѣ поссорился изъ за этихъ астрагаловъ съ сыномъ Амфидимаса и въ ссорѣ нечаянно убилъ его, почему долженъ былъ бѣжать изъ своего отечества. Эта игра существовала потомъ у грековъ и римлянъ (см. у Велишскаго, бытъ грековъ и римлянъ, стр. 256). Нарисованныя у Шлиманна косточки изъ троянскихъ раскопокъ соотвѣтствуютъ двадцати девяти косточкамъ нашего музея (№ 338 и 339); но у него не упоминается о настоящихъ игорныхъ бабкахъ, какія сверхъ того найдены на Иртышѣ. Были-ли онѣ также въ употребленіи у троянцевъ, или на родинѣ Ахилла.**) остается не выясненнымъ.

Игра въ бабки, какъ извѣстно, принадлежитъ къ самымъ закоренѣлымъ и, вѣроятно, самымъ старинымъ играмъ русскаго народа. Едвали въ какой либо другой странѣ она пустила такіе глубокіе корни, какъ у насъ. Въ данномъ случаѣ для насъ важенъ тотъ фактъ, что эта самая игра существовала въ архаическія времена у древнихъ жителей Сибири. Что она была похожа на русскую игру, это доказывается экземплярами бабокъ, найденными въ болгарскихъ городищахъ, между которыми оказались даже налитыя оловомъ, какъ настоящія русскія свинчатки (см. Извѣстія Казанск. общ. археолог., ист. и этн. Т. III за 1880 и 1882 гг. статью *Казаринова*: описаніе Билярскихъ и Баранскаго городищъ, стр. 109, „издѣлія изъ кости и рога.“ О бабкѣ, налитой оловомъ, на стр. 111). Въ коллекціи болгарскихъ древностей А. Ѳ. Лихачева находится баранья игорная кость (астрагалъ), отлитая изъ бронзы (атл. втораго арх. съѣзда, табл. III. рис. 2). Такія-же точно бронзовые отливки существуютъ въ античныхъ

*) «Въ день злополучный, когда малосмысленный я не нарочно Амфидимасова сына убилъ, раздражася за *козонъ*» (Иліада, перев. Гнѣдича).

**) У грековъ существовало преданіе, что родиною Ахилла былъ нынѣшній Таманскій полуостровъ.

произведеніяхъ (Montfaucon l' Antiquité expliqée t. III, pag. 186), что прямо указываетъ, что балгарскія и сибирскія игорныя бабки и астрагалы имѣли такое-же значеніе, какъ древнегреческіе.

У древнихъ жителей прибрежій Иртыша можетъ быть существовала и другая классическая игра, именно въ *кости*. На эту мысль можетъ навести найденный въ тобольскомъ курганѣ небольшой стеклянный кубикъ съ нарисованными на его поверхностяхъ зелеными зубчиками, или трехугольничками, раздѣленными косою (почти діагональною) красною чертой. На одной плоскости этого предмета находится только одна красная черта, на другой двѣ такихъ черты, на третьей по три зубчика по ту и другую сторону черты, на четвертой по четыре зубчика, также раздѣленныхъ чертою. Пятая и шестая плоскости—одноцвѣтныя; изъ нихъ одна зеленаго цвѣта, другая краснаго. Но такъ какъ черезъ этотъ кубикъ проходитъ сквозная дырочка, то можно предполагать, что онъ имѣлъ и другое назначеніе, именно привѣски для ожерелья (№ 1073). Разъясненіе этого вопроса можно ожидать отъ дальнѣйшихъ изысканій, если нахожденіе подобныхъ предметовъ будетъ повторяться.

11) Глиняныя лошадки и коровьи рога (къ стр. 17, №№ 469, 470, 480, 482, 483, 799, 809—825).

Весьма большое количество найденныхъ въ городищѣ на Чувашскомъ мысу глиняныхъ лошадокъ наводитъ на мысль, что онѣ имѣли широкое примѣненіе и не въ качествѣ дѣтскихъ игрушекъ, а въ религіозномъ языческомъ культѣ. Большая ихъ часть вылѣплены изъ черной глины, такъ сказать, на скорую руку, и плохо обожженныя. Одно это обстоятельство заставляетъ думать, что эти подѣлки приготовлялись не для продолжительной службы, а для момента. Значеніе ихъ, очевидно, было жертвенное, гдѣ небольшая глиняная фигурка лошадки замѣняла для бѣдныхъ людей, или при обыденныхъ жертвоприношеніяхъ, настоящаго живаго коня. Подобные жертвенные суррогаты до сихъ поръ встрѣчаются при языческихъ жертвоприношеніяхъ. Такъ, напр., у чувашъ и черемисъ, вмѣсто живой птицы или коровы, приготовляются для жертвоприношеній вылѣпленныя изъ тѣста фигурки тѣхъ-же животныхъ. Такія сподручныя приношенія невидимому духу удовлетворяютъ религіозному чувству вѣрующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не обременяютъ ихъ въ экономическомъ отношеніи. Подобный обычай, повидимому, существовалъ и въ древней Троѣ. Въ четвертомъ доисторическомъ пластѣ этого города г. *Шлиманнъ* нашелъ нѣсколько такихъ-же маленькихъ фигурокъ коровокъ и собачекъ,

кое-какъ слѣпленныхъ изъ глины и весьма слабо обожженныхъ. Размѣръ ихъ немного болѣе нашихъ лошадокъ (см. рисунки ихъ на стр. 625 Hios). При этомъ Шлиманнъ замѣчаетъ, что „массу подобныхъ глиняныхъ фигурокъ находили въ Венгріи, которыя нынѣ хранятся въ національномъ венгерскомъ музеѣ, въ Будапештѣ.“ Сравнивая ихъ съ микенскими разрисованными коровками изъ отлично обожженной терракотты, авторъ принимаетъ тѣ и другія за идоловъ; но въ отношеніи троянскихъ фигурокъ едвали такое предположеніе будетъ правильно. Идолы должны были служить болѣе или менѣе продолжительное время, поэтому работа ихъ была-бы аккуратнѣе и прочнѣе, что мы дѣйствительно находимъ въ глиняныхъ идолахъ, какъ нашего музея (№ 1075), такъ и въ найденныхъ въ Троѣ и Микенахъ. Между тѣмъ хрупкія, почти необожженныя лошадки и коровки, съ деревянными спичками вмѣсто ногъ, для этой цѣли едвали были пригодны; они могли выдѣлываться въ такой непрочной формѣ только для кратковременныхъ надобностей.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что на Чувашскомъ городищѣ въ числѣ найденныхъ фигурокъ встрѣчаются почти исключительно лошадки. Если поэтому судить о жертвоприношеніяхъ, то пришлось-бы вывести такое заключеніе, что древніе жители береговъ Иртыша чаще всего избирали въ качествѣ жертвеннаго животнаго коня. Это соотвѣтствовало-бы скиѳскому обычаю (Геродотъ IV, 61), но еще болѣе обычаю Массагетовъ, которые, по словамъ Геродота, изъ боговъ чтутъ только солнце и ему приносятъ въ жертву лошадей на томъ основаніи, что быстрѣйшему изъ всѣхъ боговъ подобаетъ быстрѣйшее животное (кн. I, 216).

Найденное на Чувашскомъ мысу изображеніе *коровьихъ роговъ* (№ 483) можно принять за символическое изображеніе божества, въ родѣ троянской волоокой Геры. По мнѣнію Шлиманна коровьи рога, служившіе символомъ Геры, не только существовали въ этомъ значеніи во времена Гомера, но по преданію перешли въ Византію, гдѣ этотъ символъ существовалъ съ глубокой древности и во всѣ средніе вѣка. Отсюда арабы заимствовали свое магометанское полулуніе (Hios, стр. 323). Принимая во вниманіе эти данныя и видя на каждомъ шагу явную связь между сибирскими и троянскими древностями, мы не затрудняемся признать и въ нашей фигуркѣ, изображающей полулунные коровьи рога, тоже символическое значеніе. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ сопоставленіе глиняной фигурки съ другими сибирскими идолами, гдѣ на птичьихъ головахъ изображается другой аттрибутъ троянской Геры—коровьи уши (см. примѣчаніе 36).

12) Напрясла (веретенники) къ стр. 18, №№ 491—531.

Напрясла въ сибирскихъ археологическихъ находкахъ чаще всего встрѣчаются глиняныя (и въ весьма большомъ числѣ), рѣже приготовленныя изъ кости (перерѣзанная пополамъ и просверленная головка бедра), или изъ мягкаго камня. По формѣ онѣ бываютъ: а) въ видѣ плоскихъ кружковъ, 4—5 сантиметровъ въ діаметрѣ и ½—1 сант. толщиной, обыкновенно орнаментированныхъ съ одной стороны, рѣже съ обѣихъ сторонъ; попадаются экземпляры и совсѣмъ безъ орнамента; б) въ видѣ двухсторонныхъ конусовъ съ вытянутыми съ той и другой стороны коническими полюсами, чрезъ которые проходитъ центральная дырка. Они имѣютъ около 3—4 сант. по оси полюсовъ и столько-же, примѣрно, въ ширину (по діаметру периферическаго ободка). Эти экземпляры всѣ изъ сѣрой нечистой глины, слабо обожжены, часто безъ узоровъ, или съ весьма бѣднымъ рисункомъ по конусамъ (№№ 485, 488, 490). в) Можетъ быть сюда-же относятся глиняные, слегка вытянутые, шарики (№ 484) и цилиндры (№ 477 и 478) и г) маленькіе кружки съ ободкомъ на двѣ грани, въ родѣ косточекъ отъ счетъ. Эти послѣдніе всѣ изъ желтой, отлично обожженной глины, безъ всякаго узора, хотя сдѣланы очень искусно и чисто. Они во множествѣ встрѣчаются въ Болгарахъ, а въ Сибири до сихъ поръ найдены только около Тобольска и въ Семирѣченской области, совершенно тождественные съ болгарскими. Дырочки у этихъ кружковъ шире, чѣмъ у коническихъ, плоскихъ, и цилиндрическихъ. Можно высказать догадку: не служили-ли они настоящими счетами, съ косточками или деревяшками коихъ они имѣютъ такое большое сходство?

Глиняные веретенники (напрясла) нашего музея имѣютъ большое сходство съ найденными г. Шлиманномъ въ Троѣ (см. его Ilios стр. 260—263, 464—470 и на приложенныхъ къ концу книги таблицахъ рисунковъ). Тамъ во множествѣ встрѣчаются и плоскіе кружки, и кеглеобразные, тѣхъ-же размѣровъ и также большею частію покрытые узоромъ съ одной только лицевой стороны (стр. 466). Существуетъ сходство и въ самомъ узорѣ, напр. троянскій № 508 (у Шлиманна стр. 465), 1820 на первой таблицѣ, 1921 на 15 табл. изображаютъ форму четырехконечнаго креста, какъ нашъ № 491 и 493; или шестиконечнаго (№ 1923), какъ нашъ № 492, или восьми—вѣтвистаго (№ 1979), какъ у насъ № 531. Равнымъ образомъ рисунокъ № 1933, 1951 и 1970, представляющій форму звѣзды изъ острыхъ трехугольниковъ, повторяется у насъ на № 44 (напрясло изъ кости). Весьма возможно,

что эти совпаденія не случайныя. Кружки малаго размѣра (счеты) у Шлиманна, также какъ и у насъ, безъ орнаментовъ (Ilios, табл. I, № 1811—1816).

По свидѣтельству Шлиманна большое число глиняныхъ веретенниковъ, сходныхъ съ троянскими, находится въ музеяхъ Новаго Стрелица и Новаго Бранденбурга, гдѣ собраны древности балтійскихъ Венетовъ, а также въ венгерскомъ національномъ музеѣ, въ Будапештѣ (древности первыхъ насельниковъ Паннонiи). Такая-же коллекція веретенъ, найденныхъ при археологическихъ раскопкахъ въ Мексикѣ, имѣется въ Британскомъ музеѣ. Эти экземпляры большею частію имѣютъ кеглеобразную форму, но есть между ними и плоскіе, съ узоромъ.*) Въ Греціи докторъ Шлиманнъ не нашелъ ни одного росписнаго глинянаго веретенника, но только гладкія, безъ узора. Въ Микенахъ найдено имъ 300 каменныхъ напряслъ и очень мало глиняныхъ (Ilios, стр. 263).

Кромѣ глиняныхъ, спеціально приготовленныхъ напряслъ, въ первомъ и въ послѣдующихъ трехъ доисторическихъ пластахъ Гиссарлика (Трои), равно и въ Венгріи, найдены черепки, грубо обколотые въ формѣ кружковъ. Такіе-же предметы найдены у насъ на Чувашскомъ мысу г. Знаменскимъ (№ 508**).

Въ настоящее время напрясла для веретенъ употребляютъ киргизы Семипалатинской и Семирѣченской областей***); но они дѣлаютъ ихъ не изъ глины, а изъ маленькаго кусочка свинца, придавая ему кеглеобразную форму, съ дырочкою по срединѣ для насаживанія на деревянный стержень. Въ Россіи этого устройства веретена теперь употребляются рѣдко, но тѣмъ не менѣе они существуютъ, очевидно существовали и прежде, какъ это показываетъ народный русскій языкъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ кружки эти дѣлаются изъ свинца, какъ у киргизовъ, и называются *веретенникъ*. Въ другихъ мѣстахъ они носятъ названіе *пряслень*, *пряслешекъ* (глиняная гайка, выдѣланный изъ черепка кружокъ

*) О связи заселенія Америки съ Сибирью см. ниже въ примѣчаніи 55 по отдѣлу американской этнографіи (къ стр. 97—103).

**) Напрясла обыкновенно встрѣчаются не въ курганахъ (могилахъ), а въ старыхъ городищахъ. Поэтому въ коллекціяхъ сибирскихъ древностей они до сихъ поръ не занимали значительнаго мѣста, такъ какъ археологическія разысканія по сіе время направлялись почти исключительно на курганы и цѣнились при этомъ больше металлическіе предметы. На будущее время желательно обратить болѣе вниманія на городища, гдѣ могутъ встрѣчаться предметы гораздо болѣе разнообразные по содержанію и болѣе цѣнные по научному значенію, нежели въ могильникахъ, гдѣ кругъ находокъ болѣе или менѣе ограниченъ существовавшими погребальными обычаями.

***) Вѣроятно киргизы унаслѣдовали эту привычку отъ древнихъ насельниковъ Сибири, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими этнографическими чертами ихъ жизни, имѣющими сходство съ архаическою культурою.

съ дыркою, надѣваемый на веретено для вѣсу. Толк. слов. *Даля*). Отсюда археологи произвели свое слово *напрясло*, которое было-бы цѣлесообразнѣе замѣнить народнымъ выраженіемъ *веретенникъ*.

Высказанное нами выше предположеніе, что маленькіе глиняные кружки могли служить въ древности не только для веретенъ, но также для счетовъ, основывается не только на сходствѣ ихъ формы и величины съ счетными косточками, но и на теоретической возможности существованія у болгаръ и древнихъ прибрежныхъ жителей Иртыша этого счетнаго инструмента. Извѣстно, что счеты, къ которымъ Россія питаетъ особенное національное пристрастіе, имѣютъ весьма почтенную по древности исторію. За много вѣковъ до Р. Х. они были извѣстны въ Египтѣ и Греціи и назывались камешками. Геродотъ сообщаетъ, что египтяне передвигаютъ эти камешки (выкладываютъ на счетахъ) справа на лѣво, а Эллины слѣва направо (М. *Куторга*, о счетахъ древнихъ грековъ. Москва 1873). Римскіе счеты имѣли видъ дощечки съ камешками (abacus, calculi). На ней было два ряда желобоватыхъ углубленій: въ верхнемъ ряду восемь такихъ желобковъ и въ нихъ по одному подвижному камешку; въ нижнемъ ряду также восемь, болѣе длинныхъ желобковъ, изъ коихъ 7 имѣютъ по 4 камешка, а одинъ желобокъ шесть; наконецъ, съ боку находятся еще три углубленія, изъ коихъ два имѣютъ по одному камешку, а одно—два камешка. Между нижними, длинными желобками первый соотвѣтствовалъ единицамъ, второй десяткамъ, третій сотнямъ и т. д. до милліоновъ. Камешекъ верхняго углубленія *умножалъ* каждый камешекъ нижняго желобка *на пять;* это означалось на дощечкѣ тѣмъ, что подвигалось изъ нижняго углубленія вверхъ столько камешковъ, сколько ихъ нужно было умножить (*Велишскій*, бытъ грековъ и римлянъ, 1878 г. стр. 312, гдѣ помѣщенъ и рисунокъ счетной доски, называемой обыкновенно Пиѳагоровой). Въ этомъ счетномъ приборѣ нельзя не видѣть аналогіи съ нашими счетами, отличающимися по конструкціи тѣмъ, что у насъ подвижныя косточки лежатъ не свободно, а двигаются по проволокѣ, что безъ сомнѣнія гораздо практичнѣе.

Идею изобрѣтенія нашихъ счетъ могли дать ожерелья изъ камешковъ, или крупныхъ бусъ, нанизанныхъ на нитку. Переходъ отъ ожерелья къ счетамъ представляютъ *четки* (отъ слова *четъ* или *счетъ*), по которымъ нынѣ монахи считаютъ число поклоновъ. По такимъ четкамъ можно было считать только небольшія суммы, вслѣдствіе чего для ариѳметическихъ цѣлей расположили ихъ въ ряды, съ раздѣленіемъ на единицы, десятки и т. д., какъ это дѣлалось у грековъ и римлянъ.

Въ Китаѣ счеты въ такомъ-же общемъ употребленіи, какъ и въ Россіи; но что особенно замѣчательно, косточки ихъ или деревяшки по формѣ совершенно соотвѣтствуютъ нашимъ косточкамъ и такъ называемымъ маленькимъ глинянымъ напрясламъ, во множествѣ находимымъ въ Болгарахъ. Расположеніе этихъ косточекъ у китайцевъ не въ одинъ рядъ, какъ у насъ, а въ два ряда, какъ у римлянъ. Въ нижнемъ ряду у нихъ по пяти косточекъ на каждомъ прутикѣ, выкладываемыхъ по нашему способу, а въ верхнемъ ряду по двѣ косточки, назначенныхъ для умноженія. Каждая верхняя косточка увеличиваетъ единицу соотвѣтствующаго ей нижняго ряда *на пять*. Такъ напр., если внизу выложено три рубля, то прибавляя одну верхнюю косточку получается восемь рублей; на десяткахъ одна верхняя косточка и три нижнихъ составляютъ восмьдесятъ, на сотняхъ восемьсотъ и т. д. Когда будутъ положены обѣ верхнія косточки, образующія десятокъ, то они переносятся на слѣдующій нижній рядъ, какъ и при нашемъ счисленіи. При помощи своихъ счетъ китайцы очень скоро и удобно производятъ не только сложеніе, но также, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Это входитъ въ программу элементарнаго обученія во всѣхъ китайскихъ школахъ. Рамка для счетъ у китайцевъ такая-же деревянная, какъ и у насъ; въ томъ лишь разница, что она раздѣлена продольнымъ брускомъ на двѣ неравныя половины. Косточки, выточенныя изъ дерева, нанизаны на деревянныя прутики, въ верхнемъ и нижнемъ ряду по 11, или 13 прутиковъ; единицы считаются съ правой стороны, а десятки, сотни и т. д. идутъ справа на лѣво. При счисленіи китайцы держатъ счеты передъ собой не вдоль, а поперекъ, вслѣдствіе чего они передвигаютъ косточки не слѣва на право, или наоборотъ, а снизу вверхъ (верхній рядъ сверху внизъ), при чемъ имъ весьма удобно управляться и съ верхнимъ рядомъ.

Такимъ образомъ китайскія счеты по формѣ косточекъ совершенно сходны съ русскими, а по системѣ ихъ расположенія—съ римскими. Изъ этого можно вывести заключеніе о древности ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о древности формы нашей счетной косточки. Если это такъ, то я не вижу причины не остановиться на мысли о возможности существованія у Болгаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и у древнихъ жителей Сибири настоящихъ счетъ, въ которыхъ нынѣшніе деревянные или костяные кружки (неудобные для выработки при отсутствіи токарнаго станка) замѣнялись глиняными, двигавшимися на деревянныхъ спицахъ. Въ такомъ случаѣ и соотвѣтствующіе имъ маленькіе кружки безъ орнамента, найденные Шлиманномъ въ Троѣ, отличавшіеся отъ другихъ напрялъ ве-

личиной и формой, также могли быть счетными косточками, и такимъ образомъ русскія и китайскія счеты могли вести свое начало изъ классическаго міра.

Кстати здѣсь замѣтимъ, что у китайцевъ также распространено и другое, сходное съ русскимъ, можетъ быть не менѣе древнее, орудіе торговли—*безменъ*. Съ какого времени этотъ инструментъ извѣстенъ въ Россіи, въ точности неизвѣстно; но судя потому, что онъ былъ въ такомъ-же всеобщемъ употребленіи во всей Скандинавіи (у датчанъ, норвежцевъ и шведовъ) и называется тамъ также *besman*, можно полагать, что его начальную исторію слѣдуетъ искать не въ лѣтописяхъ, а въ археологическихъ находкахъ. Едвали подлежитъ сомнѣнію, что русскій и скандинавскій безменъ, почти тождественный по идеѣ и формѣ съ римскою статерою (statera, lancula) и съ китайскимъ безменомъ, имѣетъ свою родину на классической почвѣ. Поэтому весьма вѣроятно, что посредствующимъ звеномъ для распространенія этого культурнаго предмета въ Китай, равно какъ и счетъ, служило жившее въ западной Сибири то курганное племя, древности котораго во многихъ чертахъ носятъ общій типъ съ древностями сѣверо-западной Россіи и Скандинавіи.

13) Глиняныя чарки, горшечки и кадочки №№ 532—569.

Большое количество глиняныхъ чарокъ, найденныхъ въ городищѣ на Чувашскомъ мысу, доказываетъ, что онѣ имѣли широкое примѣненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ небрежное, грубое приготовленіе изъ нечистой черной глины съ примѣсью крупнаго песку, земли и ила, ихъ очень толстыя и хрупкія стѣнки говорятъ за то, что ими не пользовались какъ посудою для питья. Рюмокъ и стакановъ въ нынѣшнемъ значеніи въ то время, конечно, не существовало; ихъ замѣняла посуда, сдѣланная изъ береста, или дерева. Поэтому глиняныя чарки должны были имѣть либо какое нибудь техническое примѣненіе, либо религіозное. Были-ли находимы экземпляры чарокъ такой конструкціи и формы въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Сибири, мнѣ неизвѣстно. Нѣчто подобное указывается у Шлиманна, гдѣ небольшія чашечки, съ толстыми стѣнками, также грубо приготовленныя изъ глины, съ примѣсью песку и коровьяго навоза, служили пробирными тиглями для плавки металловъ (Ilios, стр. 456—457). Къ такому заключенію пришли послѣ химическаго изслѣдованія этихъ сосудовъ, чего въ нашемъ случаѣ до сихъ поръ не было сдѣлано*).

*) Можетъ быть не излишне прибавить, что глиняные сосуды, названные

Не менѣе загадочными представляются найденные на Чувашскомъ мысу *миніатюрные горшечки*, или чашечки, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ не болѣе двухъ сантиметровъ вышины и ширины, напр., №№ 472, 474, 543, 544, 839 и 853. Какое они имѣли значеніе—неизвѣстно. Очень много такихъ сосудовъ—лилипутовъ Шлиманнъ нашелъ въ четвертомъ и пятомъ доисторическомъ слоѣ (городѣ) Гиссарлика (Трои) и признаетъ ихъ за дѣтскія игрушки (Ilios, стр. 596—597). Наши маленькіе горшечки едвали имѣютъ такое значеніе. Нѣкоторые изъ нихъ очень искусно приготовлены и орнаментированы. А такъ какъ они также были находимы въ курганахъ, то уже это одно указываетъ на ихъ участіе въ ритуалѣ погребенія. Въ горшечкѣ № 1074—1075, найденномъ въ Тюмени, оказался маленькій гляняный идолъ, что еще болѣе подтверждаетъ отношеніе этихъ сосудовъ къ религіозному культу. Подобные горшечки были также часто находимы въ Болгарахъ. Казанскіе археологи склонны принимать ихъ за слезницы.

Погребальные криночки были найдены исключительно въ курганахъ. Здѣсь онѣ составляли почти неизмѣнную принадлежность курганнаго погребенія, будучи помѣщаемы иногда въ головахъ, иногда въ ногахъ у покойника. Всѣ эти сосуды приготовлены изъ *черной глины*, большею частію съ должнымъ стараніемъ и искусствомъ; многіе изъ нихъ орнаментированы красивымъ узоромъ. Эти пузатые, полушаровидные сосуды, съ широкимъ отверстіемъ, напоминаютъ по формѣ своей нынѣ употребляемую въ деревняхъ кринку (для молока), потому мы назвали ихъ криночками, въ отличіе отъ горшечковъ въ собственномъ смыслѣ, имѣющихъ небольшую шейку. Въ числѣ сибирскихъ архаическихъ глиняныхъ сосудовъ вовсе не встрѣчалось до сихъ поръ ни кувшиновъ съ ручкою и носкомъ, ни горшковъ съ высокою и узкою шейкою, такъ что можно признать характерною особенностію здѣшней керамики болѣе или менѣе полушаровидныя, кубастыя формы съ широкимъ горломъ, но не высокія.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на другую характерную особенность сибирской курганной посуды,—это полушаровидное выпуклое дно, вслѣдствіе чего криночки и горшечки оказываются неустойчивыми. На однихъ экземплярахъ выпуклость эта больше, почти переходитъ въ конусъ, на другихъ меньше, въ видѣ полушарія. Такіе сосуды, по видимому, приготовлялись не только для похоронныхъ цѣлей, но и для обыденнаго употребленія, какъ это показываютъ черепки отъ днищъ, найденные въ городищахъ.

нами чарками, по наружной формѣ напоминаютъ собою какъ-бы маленькую модель русской деревянной ступы, въ которой крестьяне толкутъ крупу.

Привычка къ такой странной, въ сущности очень неудобной формѣ можетъ быть объяснена только старыми преданіями. Очень можетъ быть, что первая глиняная посуда приготовлялась предками этого народа по образцу либо тыквенной посуды (до сихъ поръ употребляемой въ центральной Азіи), либо по образцу чашки спиленнаго черепа. Нѣкоторыя курганныя криночки дѣйствительно очень походятъ на черепную чашку*).

Обычай приготовлять чаши изъ череповъ убитыхъ враговъ существовалъ у скиѳовъ, какъ объ этомъ сообщаетъ Геродотъ. Вотъ его слова: „съ головами враговъ скиѳы обращаются такъ: всѣ они отпиливаютъ ту часть головы, что пониже бровей, и потомъ вычищаютъ черепъ внутри; если скиѳъ—человѣкъ бѣдный, онъ только обтягиваетъ черепъ снаружи сырой бычачьей кожей и въ такомъ видѣ пользуется имъ; если онъ богатъ, то обтянувши черепъ кожей, покрываетъ его внутри золотомъ и употребляетъ вмѣсто чаши. Поступаютъ такъ скиѳы и съ тѣми родственниками, съ которыми входятъ въ распрю, если обвинитель передъ лицомъ царя одержитъ верхъ надъ обвиняемымъ. Когда являются въ гости лица, которымъ скиѳъ желаетъ оказать вниманіе, онъ выставляетъ эти черепа, при чемъ напоминаетъ, что это были его родственники, что они вступили было съ нимъ въ борьбу, но онъ вышелъ изъ распри побѣдителемъ; разсказывается это какъ геройскій подвигъ (Геродотъ IV, 65“**). У исседоновъ существовалъ такой-же обычай, но не по отношенію къ врагамъ, а къ мирнымъ родственникамъ. Голову покойника обнажали отъ волосъ, вычищали внутри и покрывали золотомъ; потомъ пользовались ею какъ священнымъ сосудомъ при совершеніи торжественныхъ жертвоприношеній (IV, 26).

Привычка къ сосудамъ съ шаровиднымъ дномъ существовала также у троянцевъ. Наибольшая часть рисунковъ глиняной посуды, помѣщенныхъ у Шлиманна, имѣютъ совершенно такое-же очертаніе, какъ сибирскіе горшечки и криночки, съ тою лишь разницей, что у троянскихъ большею частію существуютъ ручки съ той и другой стороны горшечка, а сибирскіе не имѣютъ этихъ ручекъ. Можетъ быть этотъ придатокъ присвоивался у троянцевъ не погребальнымъ горшечкамъ, а только тѣмъ, которые служили для домашняго обихода. Такихъ цѣлыхъ экземпляровъ въ коллекціи Сибирскаго университета не находится, можетъ быть потому,

*) Не отсюда-ли произошло русское названіе *кринка* или крынка, сходное съ греч. κράνιον черепъ?

**) Не отсюда-ли ведетъ свое начало обычай американскихъ индѣйцевъ скальпировать черепа враговъ?

что въ городищахъ, при поверхностномъ ихъ изслѣдованіи, попадаются только битые черепки, а не цѣлые сосуды. Впрочемъ, въ музеѣ имѣется два экземпляра овальной глиняной чашки, правда, не съ ручками, а съ ушками (№№ 564 и 565).

Связь типовъ троянской посуды съ найденною въ европейской Россіи подтверждается экземплярами, найденными въ Лифляндіи. (Рисунки сихъ помѣщены на XXI таблицѣ атласа Бера Die Gräber der Liven). Изъ нихъ № 20 изображаетъ сосудъ яйцевидной формы, съ выпуклымъ дномъ. Шейка кувшина сдѣлана въ формѣ человѣческой головы, съ боковъ изображены руки, сложенныя на животѣ. № 28 тоже имѣетъ человѣческую форму; № 27 (кружка) имѣетъ на шейкѣ человѣческое лице; крышка въ формѣ круглой шапки, на которой сидитъ птица. Первому изъ этихъ номеровъ соотвѣтствуетъ у Шлиманна № 487. (Ilios, стр. 461), а двумъ остальнымъ №№ 232—235 (стр. 385) и многіе другіе. Въ музеѣ Сибирскаго университета такихъ экземпляровъ нѣтъ, равно какъ и вообще глиняной посуды съ изображеніемъ человѣка, или животныхъ.

Горшки и криночки, которые ставились въ могилу, были наполнены либо черноземомъ, либо пережженными и измельченными костями, а иногда смѣсью того и другаго. Это содержимое, очевидно, входило въ систему погребенія и должно было имѣть опредѣленное значеніе. Изслѣдованіе костей, къ сожалѣнію, до сихъ поръ намъ сдѣлать не удалось; но надобно полагать, что во многихъ случаяхъ онѣ не принадлежали къ похороненному трупу, такъ какъ въ курганныхъ могилахъ скелеты часто оказывались не сожженными. Присутствіе въ курганахъ слоя углей, а равно растительной и костяной золы указываетъ на бывшія здѣсь пепелища, гдѣ, вѣроятно, совершались заупокойныя жертвоприношенія.

Какую форму имѣли сибирскіе архаическіе сосуды, служившіе для обыденнаго употребленія, это до сихъ поръ недостаточно выяснено, хотя несомнѣнно, что такіе сосуды для кухонныхъ и хозяйственныхъ цѣлей существовали въ весьма большомъ числѣ. На это указываютъ массы черепковъ, находящіяся въ каждомъ городищѣ. Но такъ какъ изслѣдованіе сибирскихъ городищъ до настоящаго времени производилось только по верхнему слою, и при томъ весьма недостаточное, то, естественно, удавалось собирать только черепки, а не цѣлые сосуды. По этимъ фрагментамъ можно все-таки судить, что кромѣ шаровидныхъ криночекъ и горшечковъ существовали также устойчивые сосуды съ плоскимъ дномъ. Были и большія корчаги, какъ это подтверждаетъ нашъ № 1001, гдѣ діаметръ верхняго ободка имѣлъ 28 сантиметровъ. Черепки,

находимые на городищахъ, также большею частію имѣютъ черный цвѣтъ, но обыкновенно не настолько черный и глянцевитый, какъ въ курганныхъ горшкахъ. Впрочемъ, нерѣдко попадаются черепки изъ желтоватой и сѣрой глины. Объ орнаментахъ глиняной посуды будетъ сказано въ особомъ примѣчаніи.

Говоря о глиняной посудѣ, необходимо прибавить еще нѣсколько строкъ о сосудахъ съ острымъ коническимъ дномъ и узкимъ горлышкомъ. Эти экземпляры на столько характерны, что по одному фрагменту легко отличить ихъ отъ всѣхъ остальныхъ. Въ нашемъ музеѣ имѣется всего одинъ фрагментъ этого рода, найденный въ Семирѣченской обл., на берегу оз. Иссыкъ-куля. (№ 2422) и, кромѣ того, глиняная модель, снятая съ цѣльнаго коническаго сосуда, найденнаго, какъ мнѣ передавали, въ Минусинскомъ округѣ (№ 2423). Судя по этимъ двумъ образчикамъ, и принимая во вниманіе, что множество такихъ сосудовъ найдено въ городищахъ Камской Болгаріи *), можно ожидать, что при тщательномъ изслѣдованіи сибирскихъ и семирѣченскихъ городищъ коническіе сосуды будутъ найдены здѣсь въ болѣе значительномъ числѣ.

Коническіе сосуды крайне любопытны въ томъ отношеніи, что они представляютъ собою одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ глиняной посуды, весьма распространенной въ Троѣ, въ древней Греціи и Италіи. У троянцевъ, грековъ и латинцевъ они большею частію имѣли значительные размѣры (амфоры), но типъ ихъ общаго очертанія, и въ особенности дно въ формѣ остраго конуса, совершенно тѣ-же самые, что въ болгарскихъ и сибирскихъ сосудахъ этого рода. Поэтому можно допустить, что сибирскіе и болгарскіе коническіе сосуды вынесены изъ Малой Азіи, но на сѣверѣ они получили другое примѣненіе (вѣроятно для сохраненія болѣе цѣнныхъ жидкостей), вслѣдствіе чего приготовлялись величиной не болѣе 10—15 сантиметровъ **). Тѣмъ не менѣе они носятъ на себѣ отпечатокъ южной родины и можетъ быть даже національнаго троянскаго вкуса, распространившагося потомъ съ одной стороны въ Грецію и Италію, съ другой—на Волгу и въ Сибирь.

*) Въ музеяхъ Казанскаго университета собрано 19 экземпляровъ этихъ сосудовъ (17 въ музеѣ археолог. общ. и 2—въ историч. университ. музеѣ). Большая часть ихъ найдены въ развалинахъ Болгаръ и Билярска.

**) Крупная сѣверная посуда приготовлялась преимущественно изъ береста и дерева. Эти издѣлія, почти совсѣмъ неизвѣстныя въ южныхъ странахъ древняго міра, обязаны своимъ изобрѣтеніемъ и развитіемъ сѣвернымъ народамъ, преимущественно славяно-германцамъ. Большія деревянныя бочки, въ первый разъ являющіяся у адріатическихъ венетовъ, вѣроятно, также были славянскимъ изобрѣтеніемъ.

Греческое названіе этихъ коническихъ сосудовъ, κάδος, лат. cadus, повторяется въ русскомъ *кадь*, *кадочка*. Туземцы Туркестанскаго края тѣмъ-же именемъ, *каду*, называютъ тыкву, изъ которой приготовляется тыквенная посуда съ шаровиднымъ дномъ. Изъ того же матеріала приготовленныя табатерки называются у нихъ *насъ-каду* (табачныя кадочки.*) Въ русскомъ словѣ *кадь* очевидно сохранилось древнее названіе глинянаго сосуда, когда-то нами употребляемаго, но потомъ замѣненнаго деревянною плоскодонною кадкою.

14) *Объ искусственно обезображенныхъ черепахъ (макрокефалахъ)* къ № 587.

Нахожденіе макрокефалическихъ череповъ при археологическихъ раскопкахъ до настоящаго времени представляетъ большую рѣдкость и, вслѣдствіе того, весьма большой научный интересъ. Первый экземпляръ такого черепа въ Россіи былъ найденъ въ Крыму, въ концѣ прошлаго столѣтія и доставленъ барономъ Ашемъ знаменитому антропологу, профессору *Блюменбаху*, который описалъ его въ первомъ десяткѣ (decas craniorum priema, Tab, III) своей краніологической коллекціи подъ именемъ macrocephalus asiaticus**). Послѣ того, именно въ 1820 году, настоящій макрокефалическій черепъ былъ найденъ въ нижней Австріи, недалеко отъ впаденія р. Кампъ въ Дунай, въ имѣніи Grafenegg, принадлежавшемъ графу *Breuner'y*. Этотъ черепъ прозвали аварскимъ. Въ сороковыхъ годахъ, когда этотъ экземпляръ былъ описанъ и съ него сняты гипсовые слѣпки и рисунки, оказалось, что этотъ черепъ имѣетъ полное сходство съ черепами, существующими въ Америкѣ (въ Перу) у народа *Гуанка* (Huanka). Профессоръ *Чуди*, спеціально изучавшій черепа туземцевъ южной Америки, нашелъ между ними такое сходство съ такъ называемымъ аварскимъ черепомъ, что это привело его къ заключенію, будто-бы

*) Кирѣевскій, Флора среднеазіатскихъ владѣній. Спб. 1874, стр. 78. Извѣстія Импер. Географ. Общ. 1874 г. стр. 44. *Наливкинъ* Сартовскій словарь, 1884 г. Казань. Тыква, изъ которой приготовляется *насъ-каду*, имѣетъ видъ и величину обыкновенной груши. Снаружи эти табатерки пестро раскрашиваются. Не излишне здѣсь припомнить, что по персидски посудная тыква называется *кабакъ* и *торбусъ*. Съ первымъ словомъ, можетъ быть, связано имя нашего питейнаго заведенія, взятое съ имени сосуда, въ которомъ хранилась водка.

**) Этотъ черепъ, однакоже, оказывается не искусственно изуродованнымъ, а измѣненнымъ вслѣдствіе болѣзни. Гораздо болѣе соотвѣтствуетъ макрокефалическому черепу экземпляръ, помѣщенный въ томъ же изданіи Блюменбаха, во второмъ десяткѣ (decas altera, стр. 15 fig. XX) съ надписью: feminae caribeae, ex insula S-ti Vincentii.

австрійская находка имѣла американское происхожденіе. Чуди по этому поводу высказалъ, что какой нибудь Гуанка попалъ изъ Перу въ Испанію, а отсюда могъ случайно заѣхать въ нижнюю Австрію, гдѣ и сложилъ свою голову. Такое заключеніе не казалось страннымъ въ то время, когда макрокефалическіе черепа были извѣстны въ Европѣ всего въ одномъ или двухъ экземплярахъ. Въ скоромъ времени, однакоже, ихъ стали находить въ другихъ мѣстахъ. Въ окрестностяхъ Женевскаго озера въ томъ-же году была найдена голова еще болѣе похожая на голову Гуанка, нежели первый въ этомъ родѣ аварскій черепъ. Повторилась таже находка и въ Австріи, около Вѣны, въ 1848 году, при чемъ оказалось несомнѣннымъ, что эти черепа искусственно изуродованы: лобъ ихъ сильно сплюснутъ, а сводъ темяни и затылокъ сильно сдвинуты назадъ.

Въ 1832 году г. *Дюбуа* видѣлъ въ Керченскомъ музеѣ три макрокефалическихъ черепа, изъ которыхъ лучшій экземпляръ былъ потомъ затерянъ (Voyage autour du Caucase, T. V p. 228). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ отличный экземпляръ такого-же черепа былъ доставленъ изъ Крыма въ Академію наукъ графомъ Л. А. Перовскимъ. Онъ былъ подробно описанъ въ 1860 году К. С. Беромъ въ сочиненіи: „Die Makrokephalen im Boden der Krym und Österreichs“. Въ томъ-же сочиненіи приложенъ рисунокъ его въ натуральную величину, а на табл. II помѣщены рисунки такихъ-же череповъ, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ (въ Австріи и Швейцаріи).

Въ 1875 году, будучи въ Одессѣ, я имѣлъ случай видѣть въ музеѣ Новороссійскаго университета только что привезенный профессоромъ Мечниковымъ съ Таманскаго полуострова новый замѣчательный экземпляръ такого-же черепа. Онъ былъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что на лбу у него найдена была бронзовая пластинка, а на мѣстѣ положенія ушей—бронзовыя серьги въ видѣ большихъ плоскихъ колецъ, подобныхъ тѣмъ, какія нынѣ носятъ американскіе индѣйцы.

Такимъ образомъ съ 1820 года до восьмидесятыхъ годовъ макрокефалическіе черепа были открыты въ ограниченномъ числѣ на Таманскомъ полуостровѣ, въ Крыму, по среднему теченію Дуная, въ Швейцаріи и, сколько мнѣ помнится, одинъ или два экземпляра на Кавказѣ. Въ 1880 году при раскопкахъ Ананьевскаго могильника, близъ Елабуги, произведенныхъ членомъ Казанскаго Археологическаго общества П. А. Пономаревымъ, были оттуда извлечены, вмѣстѣ съ другими замѣчательными предметами, два или три черепа съ плоскимъ, сплюснутымъ лбомъ, которые также должны быть причислены къ числу искусственно обезображенныхъ.

Черепа эти хранятся въ казанскомъ археологическомъ музеѣ. Это была первая находка макрокефаліи въ предѣлахъ древней Камской Болгаріи. Сопоставляя эти черепа съ таманскими, дунайскими и крымскими, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду указанные профессоромъ *Чуди* факты относительно череповъ у племени Гуанка, въ Америкѣ, мнѣ казалось теоретически возможнымъ найти слѣды подобнаго-же обычая искусственнаго уродованія головы у древнихъ жителей Сибири. Эти предположенія въ скоромъ времени оправдались. При первой-же систематической раскопкѣ тобольскихъ кургановъ, произведенной лѣтомъ 1882 года А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, изъ числа десяти полныхъ череповъ два оказались ассимметрическими, искусственно изуродованными, съ сплюснутымъ лбомъ и сильно сдвинутыми назадъ—теменемъ и затылкомъ. Осматривая ихъ осенью того-же года, въ Тобольскѣ, я нашелъ ихъ весьма похожими на экземпляръ, описанный въ 1860 г. К. Е. Бэромъ. Въ то время эти черепа имѣли болѣе цѣльный видъ (съ верхними челюстями, височными костями и полной затылочной костью). Въ 1886 г. фрагменты ихъ доставлены были А. И. Мамоновымъ изъ Омска въ музей Сибирскаго универтитета и описаны въ нашемъ каталогѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время.

Фактъ нахожденія макрокефалическихъ череповъ на Иртышѣ важенъ не только для выясненія культурнаго родства древне-сибирскаго и черноморскаго населенія, но также и потому, что онъ можетъ указывать на слѣдъ распространенія древняго, крайне оригинальнаго, обычая уродованія головы, изъ сѣверо-восточной Азіи въ Америку. Если-бы такія находки оказались въ курганныхъ могилахъ Восточной Сибири, то по нимъ можно было-бы прослѣдить тотъ сѣверный путь, по которому произошло въ отдаленнѣйшія времена переселеніе народа съ сѣверо-азіаткаго материка на американскій.

Лѣтомъ 1886 года новый экземпляръ ассимметрическаго черепа найденъ мною въ курганѣ близъ города Вѣрнаго (№ 572). Я затрудняюсь причислить его къ макрокефалическимъ, такъ какъ онъ не представляетъ вполнѣ типической формы этого рода череповъ (темя и затылокъ хотя и сдвинуты въ сторону, но эти кости, равно какъ и лобная кость, не настолько вытянуты вдлину, какъ въ крымскихъ и тобольскихъ черепахъ); тѣмъ не менѣе эта первая случайная находка можетъ давать надежду, что при дальнѣйшихъ розысканіяхъ въ Семирѣченской области найдутся настоящіе макрокефалическіе типы*).

*) При этомъ необходимо замѣтить, что научныя раскопки кургановъ не только въ Семирѣчьи, но и вообще въ Сибири, до сихъ поръ были весьма

Найденные до сихъ поръ въ Россіи и въ Западной Европѣ изуродованные черепа оказываются разнообразнаго типа. Въ общихъ чертахъ ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе виды: 1) Съ плоскимъ, сильно сдвинутымъ назадъ, сплющеннымъ лбомъ, безъ искривленія затылка и темяни (безлобые черепа). Всѣ они длинноголовые; объемъ головы нормальный. Сюда относятся экземпляры, найденные въ Ананьевскомъ могильникѣ и (судя по фрагментамъ лобныхъ и темянныхъ костей) нѣкоторые экземпляры изъ тобольскихъ кургановъ. 2) Черепа съ плоскимъ сплюснутымъ лбомъ и сильно выпяченнымъ, большею частію искривленнымъ второну, затылкомъ; при этомъ задняя часть черепа бываетъ сдвинута или кверху, или внизъ и второну, нерѣдко искривлена и лобная кость. Объемъ этихъ череповъ обыкновенно очень великъ, особенно въ затылочной части. Это настоящіе макрокефалы, типомъ которыхъ можетъ служить экземпляръ, описанный Беромъ. Сюда относится и фрагментъ черепа № 587 нашего музея. 3) Черепа, вытянутые кверху по вертикальной оси, при чемъ лобъ—или слегка отклоненъ назадъ, или надвигается впередъ. Сюда, между прочимъ, относится черепъ, упоминаемый А. Ашикомъ въ III ч. его Босфорскаго царства (1849 года стр. 88) и нарисованный на послѣдней таблицѣ приложенныхъ къ этому сочиненію рисунковъ. Эти разновидности уродованія головы едва-ли можно признать случайными. Скорѣе можно полагать, что они находятся въ связи съ существовавшими у того или другаго народа вкусами, обычаями и привычками. Поэтому въ археологическихъ памятникахъ макрокефаліи необходимо обращать вниманіе на ея форму или разновидность. Только тождественные типы, находимые въ разныхъ, хотя-бы и очень отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, могутъ служить поводомъ къ заключенію объ единствѣ культуры, или даже національности нѣкогда жившихъ здѣсь народовъ. Извѣстные до сихъ поръ экземпляры иртышскихъ, камскихъ и азовскихъ (таманскихъ) макрокефаловъ принадлежатъ (за исключеніемъ экземпляра Ашика) къ сплющеннымъ или плосколобымъ формамъ; формы вытянутыя кверху, съ вертикальнымъ, или нависшимъ лбомъ, болѣе свойственны древностямъ Западной Европы.

Изъ древнихъ писателей наиболѣе подробныя свѣдѣнія о макрокефалахъ сообщаетъ знаменитый праотецъ медицины *Гиппократъ*, въ сочиненіи своемъ „*de aëre, aquis et locis*“ Въ пятой

рѣдки. Если столичные и провинціальные музеи обладаютъ значительнымъ числомъ сибирскихъ древностей, то изъ этого нельзя еще выводить заключенія о настоящихъ археологическихъ розысканіяхъ. Наибольшая часть поступающихъ въ музеи археологическихъ предметовъ были найдены случайно при тѣхъ или другихъ земляныхъ работахъ.

главѣ этого сочиненія, посвященной описанію Азіи, въ параграфахъ 80—81 упоминается о странномъ обычаѣ одного изъ азіатскихъ народовъ искусственно измѣнять черепъ новорожденныхъ дѣтей, дабы придать ему, вмѣсто круглой, длинную, вытянутую форму. Приведемъ подлинныя слова Гиппократа объ этомъ предметѣ. Описывая вліяніе азіатской природы на развитіе и здоровье человѣка, онъ продолжаетъ такъ: „Я не буду говорить о тѣхъ народахъ (Азіи) которые почти не отличаются отъ другихъ (европейскихъ); но ограничусь тѣми, которые представляютъ рѣзкія особенности, произведенныя природою (прирожденнымъ сложеніемъ тѣла), или какимъ нибудь національнымъ обычаемъ. Прежде всего начну съ макрокефаловъ, названныхъ такъ потому, что они отличаются отъ всѣхъ прочихъ народовъ формою своей головы. Существующая у нихъ диспропорція въ устройствѣ черепа, думается мнѣ, прежде всего произошла вслѣдствіе обычая (искусственнаго обезображиванія), но потомъ она поддерживалась и природою (наслѣдственностью). Этотъ обычай (искусственно удлинять или сплющивать голову) долженъ былъ получить свое начало отъ идеи знатности (благородства рода) для отличія высокорожденныхъ отъ обыкновенныхъ людей. Какъ только ребенокъ родится на свѣтъ, пока его голова мягка, ее выправляютъ руками и стягиваютъ повязками и другими искусственными средствами, направленными къ той цѣли, чтобы при дальнѣйшемъ ростѣ она получила удлиненную форму и мало-помалу потеряла прирожденный круглый видъ. Въ началѣ, какъ я упомянулъ выше, это (искусственное обезображиваніе) дѣлалось въ силу обычая, но съ теченіемъ времени искусственная форма головы такъ упрочывалась, что это дѣло продолжала природа, не нуждаясь въ искусственной помощи.“

Такимъ образомъ Гиппократъ полагалъ, что порода людей—макрокефаловъ, развившаяся первоначально вслѣдствіе искусственнаго уродованія головы, потомъ продолжалась независимо отъ этого обычая, какъ особый племенной типъ. Такое мнѣніе, очевидно, было теоретическою гипотезою. Это видно изъ дальнѣйшаго продолженія словъ Гиппократа, гдѣ онъ прибавляетъ: „Если это (переходъ уродливой головы на потомство) въ настоящее время болѣе не встрѣчается у нихъ (у племени длинноголовыхъ), какъ прежде, то причиною тому служитъ упадокъ существовавшаго обычая (искусственно вытягивать голову новорожденныхъ), вслѣдствіе чего головы этого народа мало по малу опять приняли натуральную форму“ (§ 82). Эти слова ясно показываютъ, что во время Гиппократа макрокефалія не представляла племеннаго типа, свойственнаго цѣлому народу, а встрѣчалась лишь отдѣльными случа-

ями среди массы людей того-же племени, имѣвшихъ обыкновенную форму головы.

Въ какой мѣстности жили макрокефалы Гиппократа, это не вполнѣ ясно изъ его словъ. Онъ помѣщаетъ ихъ въ Азіи, гдѣ-то около Чернаго моря, въ странѣ, лежащей на лѣтній востокъ отъ родины писателя (острова Коса). Это можетъ относиться и къ Малой Азіи, и къ Таманскому полуострову; но такъ какъ на этомъ послѣднемъ найдено было болѣе всего макрокефалическихъ череповъ, въ обстановкѣ, указывающей на ихъ глубокую древность, то вѣроятнѣе всего, что до Гиппократа доходили слухи именно съ этой стороны. К. Е. Веръ сомнѣвается въ такомъ толкованіи словъ Гиппократа, основываясь, главнымъ образомъ, на томъ, что если-бы макрокефалы жили въ то время на Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ было много греческихъ колоній, то у греческихъ писателей свѣдѣнія о нихъ были-бы гораздо точнѣе и многочисленнѣе. Это соображеніе, однако-же, едва-ли можетъ ослаблять силу археологическихъ фактовъ, тѣмъ болѣе, что послѣдующіе писатели (Страбонъ, Плиній, Помпоній Мела и др.) подтверждаютъ, что народъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, жилъ именно въ этихъ мѣстахъ. Что же касается до свѣдѣній изъ греческихъ колоній, то они могли относиться только до ближайшихъ къ нимъ мѣстностей, ибо скиѳы, какъ извѣстно, держались такой политики, что внутрь своей страны грековъ не допускали. Если при этомъ взять еще во вниманіе, что макрокефалія у варваровъ была явленіемъ не всеобщимъ, а рѣдкимъ, почти исключительнымъ, и что опредѣлить ее на живой головѣ, обросшей волосами могъ только внимательный и опытный наблюдатель, то не покажется страннымъ, почему греческіе авторы такъ мало писали объ этомъ уродливомъ явленіи*).

Можно-ли считать сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря тою именно страной, гдѣ обычай уродованія головы получилъ свое начало и существовалъ съ глубокой древности? Судя по прежнимъ археологическимъ даннымъ, можно было-бы отвѣтить на этотъ вопросъ положительно; но новые факты нахожденія макрокефаліи на Камѣ и на Иртышѣ заставляютъ думать, не родился-ли этотъ

*) Опредѣлить макрокефалію на головѣ черепѣ легче, чѣмъ на живомъ человѣкѣ; между тѣмъ сплошъ и рядомъ случается, что люди, не имѣющіе спеціальныхъ анатомическихъ, или антропологическихъ познаній, глядя на эти черепа, совсѣмъ не поражаются ихъ уродливостію, принимая ихъ за обыкновенные, нормальные. Можно-ли было отъ греческихъ купцовъ-колонистовъ и даже отъ греческихъ историковъ требовать большей проницательности? Не этимъ-ли объясняется и то обстоятельство, что первый изъ греческихъ писателей указалъ на сущность макрокефаліи не историкъ, а медикъ, Гиппократъ.

обычай въ глубинѣ сѣверной или центральной Азіи. Подтвержденіемъ этой гипотезы можетъ служить свидѣтельство извѣстнаго китайскаго путешественника *Hiuen-Thsang'a*, посѣтившаго на пути изъ Китая въ Индію (въ 629—645 г.) сѣверо-западный уголъ нагорной Азіи, гдѣ, въ странѣ *Chascha*, принимаемой за нынѣшній Кашгаръ, онъ нашелъ народъ, у котораго существовалъ обычай уродовать свою голову. „Какъ только ребенокъ родится, замѣчаетъ китайскій путешественникъ, ему сплющиваютъ голову, сжимая ее особой пластинкой“ *). Въ этой замѣткѣ ясно указывается тоже самое, что говорилъ Гиппократъ о своихъ макрокефалахъ. Слѣдовательно, въ седьмомъ вѣкѣ макрокефалія была еще жива гдѣ-то около Тянь-Шаня, не подалеку отъ Семирѣчья, какъ остатокъ древнѣйшаго обычая. Этотъ намекъ китайскаго путешественника можетъ вполнѣ разъясниться послѣ того, когда будутъ произведены достаточныя изслѣдованія семирѣченскихъ кургановъ, въ которыхъ, судя по этимъ даннымъ, должны встрѣтиться обезображенные черепа точно также, какъ въ тобольскихъ, болгарскихъ и таманскихъ курганахъ.**)

Профессоръ *Беръ*, ссылаясь на того-же китайскаго путешественника VII вѣка, видитъ въ его указаніи источникъ для всей европейской макрокефаліи (loc. cit. стр. 23). Онъ склоненъ приписать этотъ обычай жившимъ здѣсь Уйгурамъ, отъ которыхъ произошли Авары, будто-бы занесшіе макрокефалію въ Крымъ и на Дунай. Около тридцати лѣтъ тому назадъ, когда были высказаны такія соображенія, для другихъ взглядовъ не представлялось достаточнаго повода. Въ то время этотъ вопросъ только что возникалъ; не были извѣстны экземпляры такихъ-же череповъ изъ Ананьевскаго могильника и изъ тобольскихъ кургановъ, а самое главное, матеріалъ, надъ которымъ работалъ проф. Беръ, былъ ему доставленъ безъ соотвѣтствующей обстановки. Въ настоящее

*) Вотъ какъ объ этомъ сказано въ переводѣ Стан. Жульена: «Il existe chez eux une coutume étrange: guand un enfant est né, on lui applatit la tête en la comprimant avec une planchette (St. Iulien: Histoire de la vie de Hiouen-Thsang. Paris 1853 p. 396»).

**) Выше было упомянуто, что первый курганъ, раскрытый мною близъ Вѣрнаго въ 1886 году, далъ искривленный черепъ (№ каталога 572). Курганъ этотъ былъ небольшихъ размѣровъ и въ немъ не было найдено вещей, характеризующихъ его эпоху. Болѣе богатыхъ результатовъ можно ожидать при раскопкѣ значительнаго числа кургановъ, которыхъ въ Семирѣчьи находятся цѣлыя сотни и весьма многіе изъ нихъ поражаютъ своей величиной. Насыпаны они въ прослойку съ камнемъ; на верху имѣютъ одно или нѣсколько воронкообразныхъ углубленій, наполненныхъ крупнымъ булыжникомъ. Нѣкоторые курганы окружены рвомъ. Большею частію они группируются цѣлыми рядами на высокихъ мѣстностяхъ, представляя настоящіе некрополи, какъ во всей западной Сибири и на Таманскомъ полуостровѣ.

время мы знаемъ, что находимые въ курганныхъ могилахъ изуродованные черепа сопутствуются такими древностями бронзоваго вѣка, которыя безспорно заставляютъ относить эти находки не къ среднимъ вѣкамъ, а къ временамъ весьма отдаленнымъ, и никакъ не къ Уйгурамъ, или Аварамъ*).

Принимая во вниманіе: замѣтку китайскаго путешественника, фактъ найденнаго мною въ Вѣрномъ ассимметрическаго черепа и грандіозные слѣды древней курганной культуры въ Семирѣченской области, можно согласиться съ мыслію, высказанною профессоромъ Беромъ, что родиною макрокефаліи служили предгорія сѣверо-восточныхъ отроговъ Тянь-Шаня, но только это было гораздо раньше Уйгуровъ. Отсюда этотъ обычай распространился, въ сѣверные предѣлы Сибири, на Каму, къ Азовскому морю и на Дунай. Разнести его могъ только родственный или одноплеменный народъ; а судя по пространству распространенія макрокефаліи и подавности времени, съ котораго она существуетъ, необходимо допустить, что племя, практиковавшее эту странную привычку, было весьма многочисленное. Опредѣленіе народности этого племени должно быть связано съ общимъ вопросомъ: кому принадлежали курганныя могилы, въ такомъ безчисленномъ множествѣ сохранившіяся какъ въ Семирѣчьи и Сибири, такъ и въ европейской Россіи. Эти памятники древняго быта такъ грандіозны и такъ богаты своимъ содержаніемъ, что они могутъ вмѣщать въ себѣ колыбель начальной исторіи не какой нибудь захудалой вѣтки тюркскаго, или финскаго племени, а цѣлой половины существующаго нынѣ культурнаго міра. (См. прим. 57).

Говоря о древнихъ макрокефалахъ необходимо припомнить, что этотъ странный обычай уродованія головы существуетъ до настоящаго времени, и не гдѣ нибудь въ глухомъ уголкѣ Азіи, у дикихъ народовъ, а въ одномъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ государствъ Европы, именно во Франціи. Въ департаментахъ нижней Сены и верхней Гароны, до Средиземнаго моря, нѣкоторые крестьяне до сихъ поръ нерѣдко уродуютъ искусственно головы своихъ дѣтей, накладывая крѣпкія повязки кругомъ лба и затылка, или на темя и подбородокъ. Происходящее при этомъ, во время роста, измѣненіе черепа обыкновенно не доводится нынѣ до большихъ размѣровъ, но въ прежнее, и не очень отдаленное, время оно представляло и болѣе рѣзкія и болѣе разнообразныя формы**).

*) Сравни древности Ананьевскаго могильника и (по каталогу) бронзовые предметы изъ тобольскихъ могилъ, доставленные А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

**) Hippolite Gosse, Memoires de la société d' histoire et d' archeologie de Genève, Tome IX 1855.—Essai sur les deformations artificielles du crâne par L. A. Gosse de Genève. Paris 1855.

Блюменбахъ въ сочиненіи своемъ De generis humani varietate nativa, описываетъ обычаи искусственнаго уродованія головы, существовавшіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, Франціи, Италіи, на греческомъ архипелагѣ, въ Турціи, на островѣ Суматрѣ и въ особенности въ Америкѣ. Изъ этого видно, что живые слѣды древней макрокефаліи сохранились не у туранскихъ народовъ Азіи, а въ гораздо большей степени у нынѣшнихъ европейцевъ и у американцевъ. Не слѣдуетъ-ли изъ этого вывести заключеніе, что старая привычка предковъ здѣсь пустила болѣе глубокіе корни и что она была вынесена еще изъ азіатской прародины?

Amedée Thierry въ извѣстномъ ученомъ трудѣ „Histoire d' Attila (Paris 1865),“ основываясь на латинскихъ стихахъ *Аполлинарія Сидонія* (современника Атиллы) доказываетъ, что обычай уродованія головы существовалъ у Гунновъ (Tome I p. 8). Основаніе этихъ доказательствъ, по неясности, а можетъ быть и по испорченной транскрипціи стиховъ латинскаго поэта, само по себѣ не было-бы достаточно убѣдительно; но принимая во вниманіе археологическіе факты (нахожденіе макрокефалическихъ череповъ на мѣстѣ жительства Гунновъ, на Иртышѣ, Камѣ, у Азовскаго моря и на Дунаѣ), нельзя отказать Аполлинарію Сидонію въ правдоподобности его сообщенія. Мы уже касались этого вопроса въ примѣчаніи 10, по поводу костяныхъ стрѣлъ, и въ настоящемъ случаѣ можемъ только прибавить, что характеристика гуннской культуры по археологическимъ памятникамъ не исключаетъ этотъ народъ изъ общей европейской семьи. Поэтому и фактъ нахожденія въ ихъ областяхъ макрокефалическихъ череповъ не только не доказывалъ-бы ихъ монгольскаго или киргизскаго происхожденія, а напротивъ, подтверждалъ-бы древность ихъ племени и родство его съ азіатскими и черноморскими скиѳами (или, точнѣе, сарматами) и камскими болгарами.

15) Перстни и печати къ № 662.

Въ археологическомъ отдѣлѣ музея Сибирскаго университета имѣется всего два экземпляра бронзовыхъ перстней, найденныхъ въ Тобольской губерніи, и пять сургучныхъ слѣпковъ съ перстней съ печатями, найденныхъ въ древней могилѣ близъ Томска. Оригиналы этихъ послѣднихъ въ настоящее время отправлены библіотекаремъ университета С. К. Кузнецовымъ въ Императорское Археологическое общество вмѣстѣ съ другими, найденными тамъ-же бронзовыми предметами.

Употребленіе колецъ и перстней восходитъ въ глубокую древность. Они встрѣчаются въ древнѣйшихъ египетскихъ и ассирійскихъ памятникахъ и были найдены Шлиманномъ въ доисторическихъ слояхъ Гиссарлика. О перстняхъ упоминается и въ начальной библейской исторіи, какъ это мы видимъ, напр., въ повѣствованіи Моисея объ Іудѣ и Ѳамари (кн. Бытія, гл. 38, ст. 18). Первоначальное значеніе кольца, можетъ быть связанное съ культомъ Фаллюса, соотвѣтствовало символу половой связи или брачнаго союза. Впослѣдствіи изъ узкаго (обручальнаго) кольца образовался перстень, съ расширеніемъ или площадкою на одной его части, которую стали утилизировать для вырѣзыванія здѣсь тѣхъ или другихъ знаковъ, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ гербамъ или именнымъ печатямъ.

Бронзовый перстень № 662, найденный въ одномъ изъ тобольскихъ кургановъ, любопытенъ въ томъ отношеніи, что по продолговато-овальной формѣ его широкой пластинки онъ весьма сходенъ съ перстнями, до сихъ поръ употребляемыми американскими индѣйцами (см. америк. витрину № 1595 и 1596). Можетъ быть это ничто иное, какъ случайное совпаденіе; но принимая во вниманіе повторяющееся сходство многихъ другихъ курганныхъ предметовъ съ нынѣшними американскими, напр. большихъ серегъ въ формѣ плоскаго кольца, дутыхъ пуговокъ, въ родѣ бубенчика, и т. п., нельзя не отмѣтить такого-же сходства и въ перстнѣ.

Въ атласѣ Крузе, Necrolivonica, на таблицѣ 40 (fig b и c) изображены два перстня съ такою-же продолговато-овальною пластинкой, какъ на нашемъ 662 номерѣ. Даже самый орнаментъ пластинки (b) напоминаетъ орнаментъ тобольскаго перстня. При этомъ проф. Крузе замѣчаетъ (Anastasis der Waräger Russen p. 31), что найденные имъ кольца и перстни часто бывали надѣты по нѣскольку штукъ на одной и той-же рукѣ. Въ томской находкѣ С. К. Кузнецова оказалось тоже по три перстня на правой и на лѣвой рукѣ.

Сургучные слѣпки принадлежатъ печатямъ, вырѣзаннымъ на мѣдныхъ перстняхъ. Перстни, числомъ шесть, найдены были на рукахъ одного и того-же скелета, три на лѣвой рукѣ и три на правой. Скелетъ вырытъ въ 1887 году изъ древней могилы на берегу рѣки Томи, въ самомъ Томскѣ (близь лагерей). При немъ найдено: бронзовый шейный обручъ, большая проволочная серьга, много бусъ разной величины и формы и бронзовые литые браслеты на рукахъ. Кромѣ того въ той-же могилѣ найдены: угли, черепки отъ глинянаго горшка, небольшой бронзовый кельтъ и нѣсколько металлическихъ (бронзовыхъ или мѣдныхъ) мелочей. Судя по ха-

рактеру всѣхъ этихъ предметовъ и способу погребенія, нельзя сомнѣваться, что эта могила принадлежала къ глубокой древности. Въ числѣ найденныхъ предметовъ наиболѣе замѣчательными оказались перстни, изъ коихъ четыре были съ печатями, а два имѣли на своей поверхности полукруглыя ямки (гнѣзда), въ которыхъ были вставлены какіе-то камушки, величиною въ небольшую горошину.

Всѣ четыре печати представляютъ фигуры изъ животнаго царства. На двухъ изъ нихъ (№ 3 и 6) изображены птицы (павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ и неизвѣстная птица на длинныхъ ногахъ съ длинною поднятою шеею и поднятыми крыльями). Фигуру на третьемъ перстнѣ (№ 5) можно признать, либо за страуса, либо за какое-то баснословное животное съ длинною тонкою шеею, изогнутою назадъ къ спинѣ. Туловище у этого животнаго овальное, съ куцымъ хвостомъ и тремя тонкими, но длинными полосками, соотвѣтственно положенію ногъ; значеніе третьей полоски (ноги) неизвѣстно. Надъ спиною этой фигуры находится очень отчетливое изображеніе одного алфавитнаго знака, на который обращена голова этого животнаго. Знакъ поставленъ не въ вертикальномъ, а въ горизонтальномъ положеніи. Онъ имѣетъ форму $\curlyvee$ ($\succeq$). Кругомъ поля печати двойной ободокъ, съ орнаментомъ въ видѣ поперечныхъ черточекъ между ободками. Четвертая печать (№ 2) представляетъ фигуру человѣка, держащаго въ лѣвой рукѣ, и какъ-бы за спиной, лукъ, а въ правой неизвѣстный мелкій предметъ. Передъ человѣкомъ изображено нѣчто въ родѣ вѣтки, на которой сидитъ маленькая птичка. Поза у человѣка такова, что онъ какъ будто хочетъ приманить и поймать птичку. Выполненіе рисунка довольно отчетливое, выражающее даже характеръ движенія. Одѣта человѣческая фигура въ короткую куртку и широкіе шаровары. Кругомъ поля этой печати такой-же ободокъ, какъ въ предъидущемъ экземплярѣ.

Величина каждой печати около серебрянаго гривенника или пятиалтыннаго. Фигуры изображены: птицы (№ 1 и 2), обращенныя головой въ правую сторону (на слѣпкахъ), миѳическое животное поставлено влѣво, но голова его обращена вправо (назадъ); птицеловъ смотритъ влѣво, а сидящая противъ него птичка вправо.

Описанные экземпляры печатей особенно цѣнны въ сибирскихъ коллекціяхъ, гдѣ ни въ курганахъ, ни въ городищахъ не находится никакихъ монетъ, по которымъ можно было-бы ориентироваться въ хронологіи изслѣдуемыхъ пунктовъ. Печати съ изображеніями, въ родѣ описанныхъ, могутъ до извѣстной степени замѣнить нумизматическій матеріалъ; ибо, въ случаѣ нахожденія

ихъ въ болѣе значительномъ числѣ, типы ихъ изображеній могутъ подлежать сравненію и научной оцѣнкѣ.

Не имѣя пока подъ рукою другаго матеріала для сравненія, я считаю не безполезнымъ сопоставить эти печати съ древними русскими пулами, представляющими, кромѣ надписи, самые разнообразные сюжеты и сцены изъ животнаго царства. Въ числѣ этихъ послѣднихъ весьма часто встрѣчаются миѳическія животныя и птицы, вѣроятно имѣвшія значеніе нынѣшнихъ гербовъ. Такіе гербы, очевидно, существовали на Руси ранѣе, чѣмъ начали чеканить монету, именно на печатяхъ, а потомъ они перешли на денежный знакъ. Поэтому въ выбитыхъ надъ ними надписяхъ обыкновенно обозначалось: *печать* такого-то князя, или города, или просто выбивался одинъ гербъ, безъ всякой надписи. Устойчивость гербовъ извѣстна всѣмъ: они могутъ продолжаться изъ рода въ родъ въ теченіи многихъ вѣковъ, съ соблюденіемъ всей ихъ причудливой оригинальности въ выполненіи рисунка. По этой причинѣ гербы, какъ на печатяхъ, такъ и на старыхъ пулахъ могутъ имѣть важное примѣненіе при рѣшеніи нѣкоторыхъ археологическихъ вопросовъ.

„Прототипы баснословныхъ животныхъ на нашихъ деньгахъ, замѣчаетъ г. Чертковъ, должно отыскивать въ тѣхъ странахъ Азіи, гдѣ нѣкогда вѣровали въ миѳы Бактро-Индійскіе. На остаткахъ чуднаго Персеполиса видны еще животныя крылатыя, грифоны, львы съ человѣческою головою и т. под. Въ тѣхъ-же странахъ, безъ сомнѣнія, разгадаемъ многое въ нашемъ быту, преданіяхъ, повѣрьяхъ“ *). Этимъ прозорливымъ указаніямъ знатока и любителя русской старины до сихъ поръ не придавали должнаго значенія, хотя въ послѣднее время все-таки стали нѣсколько больше обращать вниманіе на древности персидскія и среднеазіатскія, въ надеждѣ тамъ найти какой нибудь лучъ для освѣщенія, между прочимъ, и нашихъ русскихъ древностей. Съ этой точки зрѣнія, мнѣ кажется, позволительно взглянуть и на указанныя выше томскія печати.

Общій характеръ сдѣланныхъ на нихъ изображеній весьма близокъ къ формѣ древнихъ русскихъ пулъ. У *Черткова* въ „описаніи русскихъ монетъ (1834 г.)“ показано 38 монетъ съ птицею и 41 съ баснословными животными. Номера этихъ монетъ см. въ приложенномъ къ его сочиненію азбучномъ указателѣ подъ лит. Ж. и Л., стр. 209 и 218. Въ первомъ прибавленіи къ тому-же сочиненію (1837 г.) птицы и грифоны помѣщены въ слѣдующихъ номерахъ: № 435 и 436, на монетахъ Александра Ярославовича

*) Чертковъ, описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Москва 1834, стр. 191.

(1252—1263 г.) птица обращена направо, съ поднятымъ крыломъ, на другой сторонѣ четвероногое животное, идущее направо, голову завернуло назадъ къ какому-то кружку. № 438, монета Василія Ярославовича (1272 г.) съ изображеніемъ животнаго на двухъ лапахъ, съ длиннымъ хвостомъ, голову завернувшаго назадъ. №№ 441 и 442. Изображена птица (пѣтухъ). № 445. Четвероногое, обращенное налѣво, голову завернуло назадъ (1425 г.). № 447. Грифонъ обращенъ налѣво, съ поднятымъ крыломъ. №№ 455 и 456. Крылатое четвероногое, обращ. направо, голову повернуло налѣво. № 457. Четвероногое обращ. на лѣво, съ загнутымъ хвостомъ. № 460. Птица № 461. Тигръ или барсъ. № 462. Четвероногое. 465. Птица. 475, 476, 481. Птица, обращенная направо. Во второмъ прибавленіи къ тому-же сочиненію (1838 г.): № 489. Четвероногое, обращенное налѣво, съ поднятымъ хвостомъ. 490. Птичка, летящая направо. 492. Четвероногое, обращенное налѣво, съ поднятою ногой. Въ третьемъ прибавленіи: № 502. Четвероногое, обращенное налѣво. 504. Пѣтухъ, обращенный направо. 513. Четвероногое, обращенное направо. 530. Тоже, обращенное налѣво. 531. Птица съ поднятымъ хвостомъ, обращенная направо (Тверское безъимянное пуло). 533. Птица, идущая направо, съ поднятымъ крыломъ (пуло кашинское). 536. Птица съ поднятыми крыльями, идущая на право. 542. Четвероногое, идущее направо, съ поднятымъ хвостомъ (пуло звенигородское). 545. Птица, обращенная направо съ длиннымъ перомъ на головѣ (пуло московское). 551. Птица съ поднятымъ хвостомъ, обращенная направо; шея у птицы длинная, хвостъ вѣеромъ, въ родѣ павлина. Экземпляръ по рисунку очень похожій на одинъ изъ томскихъ перстней. 558. Четвероногое, идущее налѣво. 561. Птица, идущая направо*).

Сходство между указанными монетами и томскими печатями заключается: 1) въ изображеніи самой птицы, обыкновенно съ длинными ногами и длинною шеею; 2) птица почти всегда бываетъ обращена головой въ правую сторону; 3) баснословное животное, напротивъ, чаще обращено головой въ лѣвую сторону; 4) голова у этого послѣдняго на многихъ экземплярахъ, какъ и на томской печати, повернута назадъ, т. е. въ правую сторону, тогда какъ туловище обращено влѣво.

По слишкомъ ограниченному числу найденныхъ доселѣ сибирскихъ архаическихъ печатей невозможно вывести изъ нихъ

*) При перечисленіи монетъ обращено вниманіе только на тѣ изъ нихъ, гдѣ птица, или баснословное животное представлены отдѣльно; тѣ-же монеты, гдѣ изображена человѣческая фигура съ птицею (соколиная охота), а равно и монеты съ орломъ, не приняты въ разсчетъ.

какое либо заключеніе; но тѣмъ не менѣе нельзя не признать любопытнымъ тотъ фактъ, что птицы, изображенныя на печатяхъ, не сѣверной, сибирской, а южной породы. Въ одной изъ нихъ можно признать павлина, или, по крайней мѣрѣ, фазана. (№ 6). Изображеніе другой птицы (№ 3) менѣе характерно (по неотчетливости рисунка), но и здѣсь, повидимому, имѣлось въ виду представить пернатое, съ широкимъ поднятымъ хвостомъ, на длинныхъ ногахъ. Примемъ-ли мы третью фигуру (№ 5) за страуса, или за грифона, это изображеніе во всякомъ случаѣ не сѣверное, а южное.

Стараясь объяснить происхожденіе на древне-русскихъ монетахъ изображенія южныхъ и баснословныхъ животныхъ, Чертковъ, повидимому, склоненъ приписать это вліянію монгольскаго ига. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого вопроса, считаю не излишнимъ обратить вниманіе на томскія печати, какъ доказывающія возможность и другаго вліянія, можетъ быть гораздо болѣе древняго. Сопоставляя археологическіе предметы, найденные на почвѣ Сибири, древней Камской Болгаріи и южной Россіи, мы видимъ между тѣми и другими поразительное сходство. Поэтому можемъ заключить, что древнее населеніе всѣхъ этихъ странъ жило одною культурною жизнію. Нѣкоторыя изъ этихъ общихъ привычекъ могли сохраниться въ Россіи до болѣе позднихъ временъ. Къ числу таковыхъ могли принадлежать и гербы печатей, перенесенные потомъ на чеканку удѣльныхъ монетъ.

По характеру скелета (черепа), съ котораго сняты были томскіе перстни, невозможно думать, чтобы похороненный въ этой могилѣ человѣкъ былъ монгольской расы. Онъ, какъ и всѣ прочіе курганные черепа въ Сибири, имѣетъ длинноголовый, узколицый типъ, слѣдовательно никакъ не монгольскій (широкоскулый) и даже не татарскій (круглоголовый). По времени эта могила едвали можетъ быть признана моложе 15—18 вѣковъ, такъ какъ въ ней найдены на самомъ скелетѣ такіе предметы, которые не могли быть въ употребленіи позднѣе этого времени (бронзовые кельты, шейный обручъ и т. под.). По изображенію на печатяхъ птицъ южныхъ странъ можно заключить, что древніе жители Томска въ своемъ прошедшемъ имѣли отношеніе къ южнымъ азіатскимъ странамъ, что не противорѣчитъ общему характеру сибирскихъ древностей, въ которыхъ можно усмотрѣть сходство съ культурою древняго населенія Малой Азіи.

Послѣ составленія каталога и настоящаго примѣчанія поступилъ въ музей еще одинъ мѣдный перстень (№ 2428), найденный близъ устья Иртыша, въ селѣ Самаровѣ, вмѣстѣ съ узорча-

тыми черепками, свидѣтельствующими о большой древности находки. Фигура вырѣзанная на этомъ перстнѣ имѣетъ продолговато-овальное туловище, безъ рукъ или крыльевъ, стоящее на двухъ ногахъ, съ головою, похожею на голову пѣтуха, обращенною влѣво. Изображеніе птицы съ неестественно вытянутымъ въ вышину, какъ-бы человѣческимъ, туловищемъ на высокихъ ногахъ напоминаетъ баснословныхъ животныхъ, показанныхъ на томскихъ печатяхъ и древне-русскихъ пулахъ.

16) Изображеніе медвѣдя къ № 663.

Въ животномъ эпосѣ сѣверныхъ народовъ медвѣдь играетъ почти такую-же роль, какъ левъ на югѣ. Такая честь медвѣдю могла быть оказана по его величинѣ и силѣ, сравнительно съ другими животными сѣвера, по его не кровожадности и вмѣстѣ смышлености. У сѣверныхъ финскихъ инородцевъ весьма распространена легенда о происхожденіи медвѣдя отъ человѣка, потому ему приписываютъ почти человѣческія умственныя способности, а нѣкоторые приписываютъ ему даже божеское происхожденіе. То-же отчасти мы видимъ у народовъ сѣверной Монголіи, у бурятъ и у приамурскихъ инородцевъ*) Нельзя, однако-же, сказать, чтобы такое почтеніе къ медвѣдю было исключительною собственностію туранскихъ народностей. У западныхъ народовъ этотъ звѣрь также играетъ не маловажную роль въ животномъ эпосѣ. Такъ, напр., въ басняхъ Эзопа онъ противуполагается льву**), или въ другихъ случаяхъ является сюжетомъ насмѣшки надъ необдуманно примѣняемою силою. Еще болѣе важно значеніе медвѣдя въ миѳахъ сѣверныхъ арійцевъ. Въ Скандинавіи онъ служилъ въ старину олицетвореніемъ бога Тора; у древнихъ германцевъ почитался царемъ звѣрей; въ миѳахъ, сказскахъ и повѣрьяхъ славянъ ему также отведено весьма почетное мѣсто***). Поэтому изображеніе медвѣдя на разныхъ бронзовыхъ фигуркахъ, такъ часто находимыхъ въ курганныхъ сѣверныхъ могилахъ, нельзя безусловно считать принадлежностью финскаго элемента. Скорѣе можно думать, что сѣверные финны усвоили свои баснословныя представленія о медвѣдѣ, какъ и многое другое въ ихъ миѳологіи и повѣрьяхъ, отъ древняго сожительства съ скандинавскими и славянскими народностями.

*) См. у Потанина «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. IV 1883 г., стр. 167, 753—758.

**) Les fables d' Esope, Paris. 1659. p. 4 (Du Lion et de l' Ours), p. 150. (De l' Ours et de deux compagnons) p. 152 (de l' Ours et des Mouches à miel).

***) См у Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу». Т. 1 1865 г. стр. 386—391. Терещенко, Бытъ русск. народа VI, 38—39.

Изображеніе медвѣдя чаще всего встрѣчается на металлическихъ предметахъ, находимыхъ въ Пермской губ. Въ рисункахъ, приложенныхъ къ статьѣ проф. Ешевскаго, помѣщенной въ первой книжкѣ Пермскаго сборника (1859 г. Замѣтки о пермскихъ древностяхъ, стр. 132—142), находится четыре такихъ изображенія. Нѣсколько новыхъ экземпляровъ этого рода помѣщено также въ атласѣ Аспелина. Въ другихъ странахъ или областяхъ, сколько мнѣ извѣстно, металлическія фигуры медвѣдя попадаются рѣдко, но за то весьма распространены медвѣжьи клыки, употреблявшіеся, какъ амулеты, для подвѣсокъ. (См. атл. Крузе, Бера, швейцарскія древности барона Бонштеттена и многія изъ русскихъ археологическихъ изданій). Въ нашемъ археологическомъ музеѣ также имѣется нѣсколько экземпляровъ такихъ клыковъ.

Въ статьѣ проф. Э. *Эйхвальда* „О древностяхъ заволочской чуди Печерскаго края*)“ описывается экземпляръ мѣднаго медвѣдя, у котораго *на груди изображено человѣческое лицо* (стр. 2). Это изображеніе показываетъ, что фигура медвѣдя служила въ данномъ случаѣ идоломъ (см. примѣч. 36). Идолы съ человѣческимъ лицомъ на груди нерѣдко встрѣчаются между сибирскими и великорусскими древностями. Поэтому признаку фигура, упоминаемая Эйхвальдомъ должна быть причислена къ скиѳскому, а не къ чудскому разряду, тѣмъ болѣе, что и всѣ остальныя, описываемыя имъ древности Печерскаго края носятъ тотъ-же обще-скиѳскій характеръ. Изъ той-же статьи мы узнаемъ, что на Печерѣ встрѣчаются мѣдные идолы въ формѣ птицъ (орловъ, филиновъ, ласточекъ), животныхъ и людей, съ изображеніемъ на груди человѣческаго лица, т. е. въ тѣхъ-же самыхъ формахъ, какъ мы ихъ находимъ на югѣ Западной Сибири и Европейской Россіи, а также въ странѣ древнихъ балтійскихъ Венетовъ, въ Мекленбургѣ.

17) Металлическія бляхи съ изображеніемъ животныхъ (къ № 669).

Бронзовыя или мѣдныя пластинки съ изображеніемъ животныхъ встрѣчаются почти на всемъ пространствѣ Сибири, начиная съ южныхъ областей и кончая глубокимъ сѣверомъ, но только въ такихъ пунктахъ, гдѣ оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ другія находки бронзоваго вѣка, характеризующія скиѳскую эпоху. Въ нашемъ музеѣ имѣются такія бляхи изъ курганныхъ могилъ Тоболь-

*) Отд. оттискъ изъ 3-го выпуска Археологич. Вѣстника, издав. Моск. Археол. Общ.

ской губерніи, изъ Барнаульскаго, Бійскаго и Маріинскаго округа и одинъ прекрасный экземпляръ доставленъ съ Обь-Енисейскаго канала (№ 2407). Подобные-же предметы были находимы въ области Камской Болгаріи и весьма нерѣдко въ курганныхъ (скиоскихъ) могилахъ на югѣ Россіи (отчеты Импер. археологич. коммиссіи). Тѣже находки повторялись въ Печерскомъ краѣ, въ связи съ курганными могилами (Эйхвальдъ). Значеніе этихъ фигурныхъ пластинокъ, по всей вѣроятности, не во всѣхъ случаяхъ было одинаковое. Южно-русскіе экземпляры обыкновенно считаются привѣсками къ платью, служившими частію для простаго украшенія, частію для предохраненія отъ злыхъ духовъ. Въ послѣднемъ случаѣ изображенныя на пластинкахъ фигуры животныхъ обыкновенно имѣютъ либо баснословный характеръ, либо снабжены какими либо придатками миѳологическаго свойства. При всемъ томъ едвали можно отрицать, что нѣкоторыя изъ пластинокъ этого рода могли имѣть и прямое утилитарное значеніе, служа бляхами для ремней, или аграфами для застежекъ.

Любопытно то обстоятельство, что при сравненіи сибирскихъ бляхъ съ найденными въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, онѣ оказываются очень близкими другъ къ другу по идеѣ изображенія животныхъ сценъ. Преобладающимъ мотивомъ въ этомъ отношеніи является, какъ въ черноморскихъ пластинкахъ, такъ въ сѣверно-русскихъ и сибирскихъ, борьба между животными. Въ черноморскихъ экземплярахъ, можетъ быть подъ вліяніемъ греческой миѳологіи, нападающимъ или поражающимъ звѣремъ часто является грифонъ. На бляхѣ, описанной Эйхвальдомъ (печерскія древности) на медвѣдя нападаютъ двѣ россомахи; на нашей пластинкѣ (№ 670), не смотря на ея довольно тонкую отливку, опредѣлить названіе звѣрей трудно, но по ихъ позамъ и выраженію ясно видна борьба. На фигурѣ № 2407 представлена, повидимому, мирная сцена. Главный фонъ фигуры занимаетъ большой звѣрь, (похожій на тигра или на волка), выступающій не торопясь, хотя и съ открытымъ ртомъ, а на ободкѣ баснословныя животныя, похожія на змѣй. Фигуры на пластинкахъ всегда изображаются ажурно, какъ-бы вырѣзанными; все пространство, не занимаемое ихъ тѣломъ остается открытымъ; форма этихъ бляхъ почти всегда продолговато-овальная, при чемъ ободокъ также изображаетъ какое нибудь животное, или нѣсколько извивающихся тварей. Ширина ободка, обыкновенно, незначительная, равно какъ и толщина всей пластинки; отливка во всѣхъ случахъ болѣе или менѣе изящная.

Въ текстѣ каталога мы упомянули, что нѣкоторыя изъ этихъ пластинокъ могли служить фибулами, но не въ томъ смыслѣ, какъ

онѣ встрѣчаются въ западныхъ древностяхъ, и скорѣе въ смыслѣ аграфовъ, пришиваемыхъ къ платью на мѣстѣ застежекъ. Настоящихъ фибулъ въ Сибири до сихъ поръ не находили, и это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что для сѣверныхъ жителей по климатическимъ условіямъ болѣе соотвѣтствовало короткое, плотно облегающее платье, нежели плащь, или бурка; потому имъ требовался кушакъ (ременный поясъ съ пряжкою), а не фибула.

18) Шейные обручи или гривны (№ 673—678, 701).

Обычай носить это почетное украшеніе на шеѣ ведетъ свое начало съ глубокой древности. Онъ существовалъ у египтянъ во времена Фараоновъ, какъ это видно изъ книги Бытія, гдѣ разсказывается, что Фараонъ, желая наградить Іосифа „снялъ перстень съ руки своей и возложи его на руку Іосифову, и облече его въ ризу червлену и возложи *гривну злату* на выю его“ (гл. 41, ст. 41—43). О томъ-же упоминается въ Причтахъ Соломоновыхъ (гл. I, ст. 9). Въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова существуетъ указаніе даже на самую форму этого украшенія: „и будутъ ти пута ея на покой крѣпости и *гривны* ея на одѣяніе славы. Красота бо злата есть на ней и *узы ея извитіе* Іакинѳово (гл. VI, ст. 30—31)“. Тотъ-же обычай существовалъ въ Вавилонѣ, какъ это видно изъ разсказа Іосифа Флавія о пророкѣ Даніилѣ, истолковавшемъ Валтасару таинственныя слова и получившемъ за то золотую гривну на шею (Іудейск. древн. перев. Самуйлова 1781 г. Ч. II стр. 165). Въ древней Руси гривна прежде употреблялась какъ почетный знакъ, носимый на шеѣ; позднѣе это слово получило числительное значеніе монеты. О почетной гривнѣ упоминается въ лѣтописи Нестора подъ 1015 годомъ: „Гюргеви-же сему (отроку Бориса, убитаго Святополкомъ) не могуще вборзѣ сняти гривны съ шіѣ, усѣкнуша главу его и тако сняша“. Это была большая золотая гривна, которую самъ Борисъ возложилъ любимому отроку Гюргѣ въ знакъ особаго расположенія. Что гривна имѣла форму шейнаго обруча, видно изъ того, что ее трудно было снять, почему убійцы должны были уже мертвому (заколотому копьями) отроку отрубить голову. Далѣе подъ 1147 годомъ сказано: „Михаила-же бьюче (Кіане) отторгоша на немъ крестъ и чепи и гривну злату“. Въ патерикѣ Печерскомъ (Кіев. изд. 1760 г.) упоминается, что Георгій тысяченачальникъ, по смерти Ѳеодосія, далъ гривну, юже самъ ношаше, въ ней-же бысть сто гривенъ злата (Л. 67). По этимъ ссылкамъ вядно, что гривна, какъ почетный знакъ, носимый на шеѣ, и,

конечно, не въ формѣ медали, а именно въ формѣ кольца или обруча, въ Россіи употреблялась съ давнихъ временъ. Первое упоминаніе о ней въ лѣтописи подъ 1015 годомъ не указываетъ еще, что она не существовала прежде. Напротивъ, надо полагать, что этотъ древнѣйшій обычай въ XI и XII в. уже приходилъ къ концу, вытѣсняемый новыми византійскими порядками.

Свѣдѣнія о шейной гривнѣ имѣютъ для русской археологіи большую важность. Такъ какъ это украшеніе могло перейти къ намъ не иначе, какъ съ азіатскаго востока, гдѣ оно имѣло связь съ вавилонскими и іудейскими гривнами, то присутствіе этихъ предметовъ въ древнѣйшихъ курганныхъ могилахъ европейской Россіи и Сибири наводитъ на слѣдъ о происхожденіи нашей дохристіанской культуры. Изъ другихъ европейскихъ странъ шейные обручи находимы были въ Скандинавіи, частію въ сѣверной Германіи и южной Италіи. Скандинавскія гривны имѣютъ почти такую-же форму, какъ и сибирскія; первыя отличаются только бо́льшимъ изяществомъ отдѣлки (см. въ атласѣ Ворсо, Сѣверныя древности, стр. 103—106). Сибирскія гривны, по всей вѣроятности, также ведутъ свое начало изъ передней Азіи и служатъ какъ-бы переходнымъ звеномъ въ распространеніи ассирійскихъ образцовъ въ сѣверную Европу. Не показываютъ-ли они, что скандинавская и древне-русская культура имѣла когда-то общую почву за Уральскимъ хребтомъ.

Найденные близь Тобольска шейные обручи оказываются двухъ сортовъ: гладкіе и витые. Послѣдніе отличаются отъ первыхъ только тѣмъ, что наружная поверхность гладкаго прута у нихъ спирально обвернута плоской проволокой. Такіе обручи представлены въ атласѣ І. К. Бера (табл. V, 9) изъ числа древностей, найденныхъ на берегахъ Западной Двины.

Въ Казанскомъ археологическомъ музеѣ хранится нѣсколько экземпляровъ гладкихъ и спирально обвитыхъ обручей. Лѣтомъ 1887 г. такой-же (обвитый) обручъ найденъ С. К. Кузнецовымъ въ курганной могилѣ близь Томска (у лагерей), находившійся на шеѣ вырытаго скелета. На каменной плитѣ, добытой изъ Ананьевскаго могильника, на высѣченномъ изображеніи воина показана бо́льшая шейная гривна (Полевой, Очерки русской исторіи 1879 г. ч. I, стр. 51).

Русское слово—*гривна* Шишковъ производитъ отъ *грива*, шея (откуда загривокъ, задняя часть шеи). Въ смыслѣ шейнаго украшенія такое производство соотвѣтствуетъ назначенію предмета, какъ нынѣшнее слово ошейникъ. Что-же касается до происхожденія самаго слова грива, то оно взято съ санскритскаго

griva, collum. По близкой связи санскритскаго языка съ праславянскимъ можно думать, что въ древности и въ русскомъ языкѣ это слово употреблялось въ смыслѣ шеи, на что указываетъ сохранившееся отсюда производное загривокъ. А такъ какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ слово грива уже не употребляется въ значеніи шеи, а только въ значеніи *juba* (волоса или шерсть по хребту шеи животнаго), то слово *гривна* должно было образоваться ранѣе церковно-славянской письменности. Поэтому можно предполагать, что обычай носить шейную гривну принадлежитъ къ древнѣйшимъ славянскимъ обычаямъ, именно къ тому времени, когда шея еще называлась санскритскимъ словомъ—гривою.

19) Серьги къ № 677

Серьги принадлежатъ къ числу такихъ украшеній, преимущественно женскаго туалета, которыя съ глубокой древности отличаются весьма широкимъ распространеніемъ у всѣхъ народовъ. Первоначальная форма серьги, по всей вѣроятности, представляла простое проволочное кольцо, къ которому потомъ дѣлались привѣски самаго разнообразнаго вида. Это разнообразіе и богатое убранство серегъ было уже въ значительной степени развито во времена Гомера. Еще болѣе пристрастны были къ этому наряду римскія женщины, доводившія это украшеніе до крайней роскоши.

Археологическое значеніе серегъ менѣе важно, чѣмъ многихъ другихъ предметовъ, именно потому, что типы ихъ не такъ опредѣленны и устойчивы. Большая часть экземпляровъ, собранныхъ въ музеѣ Сибирскаго университета имѣютъ видъ большихъ, гладкихъ колецъ, сдѣланныхъ изъ мѣдной или бронзовой проволоки. Эти круглыя серьги интересны въ томъ отношеніи, что въ нѣкоторыхъ могилахъ онѣ оказывались при мужскихъ скелетахъ и притомъ не по двѣ, а по одной серьгѣ. Такой обычай существовалъ у древнихъ Руссовъ. Такъ, напр, извѣстно, что Святославъ носилъ въ одномъ ухѣ золотую серьгу, украшенную двумя жемчужинами.*) Круглую серьгу въ одномъ ухѣ носили мужчины

*) Описаніе наружности Святослава приведено въ исторіи Льва Діакона (перев. Попова, Спб. 1820 г. стр. 97) въ IX кн. § 11. Вотъ какъ описываетъ русскаго князя этотъ историкъ очевидецъ: «Видомъ онъ былъ таковъ: средняго росту, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и съ густыми длинными, висящими на верхней губѣ волосами, Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода; шея толстая, плечи широкія и весь станъ довольно стройный. Въ одномъ ухѣ у него висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ, по срединѣ ихъ вставленнымъ. Одежда на немъ была бѣлая, ни чѣмъ, кромѣ чистоты, отъ другихъ не отличная».

на Руси и въ новѣйшее время. Даже нынѣ можно встрѣтить этотъ обычай въ нѣкоторыхъ русскихъ деревняхъ.

Въ числѣ сибирскихъ древностей попадаются также серьги съ привѣсками. Сюда относится №№ 661, 697 и 1301. Сюда-же, вѣроятно, слѣдуетъ отнести № 29 и 690. По этому начальному матеріалу сибирской коллекціи серегъ можно уже судить, на сколько онѣ были разнообразны. Наиболѣе интересный экземпляръ составляютъ парныя серьги № 1301, съ спиральными подвѣсками. Эта форма болѣе всего сближаетъ ихъ съ троянскими и скандинавскими древностями, гдѣ спираль играла выдающуюся роль въ орнаментахъ и украшеніяхъ.

20) Ожерелья и бусы (№№ 700, 703, 717—719, 726—728, 1061, 1062, 1073, 1086, 1310).

Какъ нынѣ, такъ и въ древности ожерелья были самымъ любимымъ женскимъ украшеніемъ. Чаще всего они состояли изъ бусъ, нанизанныхъ на нитку, или проволоку, къ которымъ иногда привѣшивались различныя металлическія мелочи, побрякушки, амулеты, или цвѣтные камушки. Такъ высоко цѣнимые на западѣ янтари въ Сибири, повидимому, совсѣмъ не употреблялись. Въ женскихъ курганныхъ могилахъ бусы попадаются всего чаще, и обыкновенно въ большомъ количествѣ, различной величины, цвѣта и состава. Наибольшая ихъ часть приготовлена изъ стекла, преимущественно зеленаго, синяго и золотистаго цвѣта, рѣже краснаго и бѣлаго. Также нерѣдко встрѣчаются бусы, приготовленныя изъ какого-то смолистаго состава (мастики), или даже изъ глины. Эти послѣднія, обыкновенно, имѣютъ болѣе значительную величину, покрыты красками, или узорами. Многіе экземпляры стеклянныхъ бусъ также покрыты узоромъ, но не наведеннымъ снаружи, а влитымъ въ самое стекло. Узоры эти состоятъ: 1) изъ гладкихъ, большею частію бѣлыхъ, полосокъ, идущихъ по периферіи шарика; 2) изъ зикзагообразныхъ или змѣевидныхъ полосокъ, расположенныхъ въ томъ-же направленіи; 3) изъ круглыхъ разноцвѣтныхъ пятнышекъ или глазковъ съ однимъ или двумя контурами; 4) изъ мелкихъ крапинокъ, разсѣянныхъ по всей поверхности шарика. Фонъ глиняныхъ или мастиковыхъ бусъ чаще бываетъ сѣраго цвѣта, полоски здѣсь чаще расположены не по периферіи шарика, а въ направленіи къ его полюсамъ. Въ томъ-же направленіи размѣщаются часто встрѣчающіяся на этихъ бусахъ ребрышки (выдающіяся полоски или валики съ острымъ гребешкомъ).

Было-бы очень важно рѣшить вопросъ: были-ли сибирскія бусы мѣстнаго производства, или онѣ привозились сюда съ запада, путемъ торговли. Въ пользу послѣдняго предположенія говорило-бы слишкомъ большое сходство сибирскихъ архаическихъ бусъ съ найденными въ Италіи, Швейцаріи и въ Балтійскихъ провинціяхъ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы видимъ не только одни и тѣ-же цвѣта (преимущественно синій, зеленый, рѣже бѣлый и красный, а также золоченое стекло), но даже одни и тѣ-же рисунки въ тѣхъ экземплярахъ, гдѣ это допускалось. Такъ, напр., въ числѣ швейцарскихъ и прибалтійскихъ древностей нерѣдко встрѣчаются бусы, украшенныя цвѣтными полосками, или кружками по синему, или зеленому полю (глазками). Тоже самое мы видимъ на тобольскихъ экземплярахъ. Равнымъ образомъ, какъ въ Сибири, такъ и на Западѣ Европы не рѣдки мастиковыя бусы, украшенныя по своей поверхности правильно расположенными ребрышками, въ родѣ дыни*). Такое поразительное сходство издѣлій, естественно, наводитъ на мысль, что между Западною Европою и Сибирью существовали въ древности торговыя сношенія и что предметы роскоши, въ томъ числѣ подѣлки изъ стекла, были въ Сибири привозные. Но, съ другой стороны, если взять во вниманіе близость многихъ другихъ археологическихъ типовъ, сибирскихъ и европейскихъ, относящихся до оружія, домашней утвари, способовъ погребенія и т. д., то можно найти основаніе объяснять такое сходство восточной и западной культуры родствомъ народностей, населявшихъ тѣ и другія мѣста, или единствомъ культурнаго теченія. При такомъ предположеніи типы сибирскихъ древностей могли быть занесены въ Сибирь не купцами, а переселенцами съ той первоначальной родины, или общаго центра, гдѣ была колыбель восточной культуры и откуда потомъ эта послѣдняя, вмѣстѣ съ народными волнами, разлилась по востоку и западу. Въ этомъ случаѣ заносится не самый товаръ, а искусство его приготовленія, передаются знанія, вкусы, привычки, идеи.

Выше много разъ мы имѣли случай указывать, что сибирская культура имѣла связь съ троянскою. Руководясь этими намеками, позволительно обратиться къ тому-же источнику и въ отношеніи

*) См. въ атласѣ барона *Бонштеттена* вып. 1855 г. табл. XXIV фиг. 4 и 13, ожерелья изъ мастиковыхъ бусъ съ ребрышками и глазками; табл. XI, фиг. 21, серьга съ привѣшенною на ней крупною бусиною изъ эмалированной мастики съ глазками; въ выпускѣ того же атласа 1860 г. табл. XVIII фиг. 1, ожерелье съ тремя мастиковыми перлами, съ глазками. Въ атласѣ *Крузе*, (Necrolivonica), табл. 3, fig T и P, бусы съ глазками. Въ атласѣ *Бера*, табл. II, фиг. 4, бусы съ ребрышками и глазками, тоже на табл. III, фиг. 2, на табл. VI, фиг. 4—6 и на табл. XXI фиг. 9—11.

стеклянныхъ бусъ. Въ книгѣ Шлиманна (Ilios) стеклянныя издѣлія, найденныя въ Троѣ (въ третьемъ сожженномъ городѣ), описываются на стр. 480 и 694. Сюда относятся стеклянныя пуговки, ручки (набалдашники) отъ палокъ и бусы. Почти всѣ они зеленаго цвѣта, украшены бѣлыми, или желтыми спиральными полосками и притомъ не нарисованными, а содержащимися въ самой стеклянной массѣ, также точно, какъ въ сибирскихъ бусахъ. Тоже самое оказывается въ позднѣйшемъ, седьмомъ городѣ (греческій Иліонъ). Найденныя здѣсь стеклянныя бусы тоже зеленаго и синяго цвѣта, съ маленькими концентрическими желтыми кружками (глазками) и ребрышками (стр. 694, fig. 1477 и 1478). Такимъ образомъ, эти самые рисунки могли быть перенесены, вмѣстѣ съ искусствомъ приготовленія стекла, изъ троянскихъ областей въ сибирскія.

На обширное и притомъ древнѣйшее распространеніе зеленыхъ и синихъ бусъ (какъ гладкихъ, такъ и съ полосками и глазками) въ Сибири указываетъ не только нахожденіе ихъ во множествѣ почти во всѣхъ курганныхъ могилахъ, но также укоренѣніе этаго украшенія въ народныхъ туземныхъ привычкахъ. У всѣхъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ, начиная съ сѣвернаго Урала и кончая Беринговымъ проливомъ и Охотскимъ моремъ, бусы и бисеръ до сихъ поръ составляютъ любимѣйшій предметъ для украшеній костюма. Но, что особенно замѣчательно: тѣ-же самые цвѣта и тѣ-же геометрическіе рисунки въ вышивкахъ бисеромъ мы видимъ у американскихъ индѣйцевъ. Принимая во вниманіе, что у этихъ послѣднихъ существуетъ не мало другихъ этнографическихъ чертъ, весьма сходныхъ съ сибирскими инородческими, нельзя не остановиться на предположеніи, что американскій бисеръ занесенъ былъ въ Америку черезъ Сибирь, въ древнѣйшія времена, и занесенъ не какъ предметъ торговли, а какъ продуктъ мѣстной, существовавшей въ Сибири, индустріи*). Этотъ фактъ еще болѣе убѣждаетъ въ возможности мѣстнаго производства древнихъ сибирскихъ бусъ.

Народъ, употреблявшій бисеръ и бусы почти съ самой колыбели своей культурной жизни, необходимо долженъ былъ сохра-

*) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что любовь къ бисеру, какъ закоренѣлая, старая привычка, существуетъ только у сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ, между тѣмъ какъ южныя монгольскія народности, а также татары и киргизы, почти совсѣмъ его не употребляютъ и не цѣнятъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что тюркско-монгольская раса въ періодѣ господствовавшаго въ сибирской древности распространенія бисера и стеклянныхъ бусъ не находилась въ чертѣ этого вліянія и потому не усвоила такой привычки. Согласуя это съ историческими свѣдѣніями о вселеніи монголовъ и татаръ въ южно-сибирскія степи, совершившемся не ранѣе первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х., можно прійти къ заключенію, что сѣверные финны усвоили привычку къ бисеру отъ прежнихъ насельниковъ Сибири, ранѣе Р. Х.

нить въ своемъ языкѣ древнѣйшее названіе этого украшенія. Къ числу такихъ народовъ, безспорно, слѣдуетъ причислить и славянское племя. Русское слово *бисеръ* тождественно съ древне-индійскимъ *bâsura*, блестящій, отъ корня *bâs* блистать; какъ существительное, *bâsura-s* значитъ кристаллъ. Отсюда-же происходитъ сѣверно-русское (новгородское) *басà* (красота, блескъ, украшеніе), *баской* (красивый) и распространенныя у насъ на сѣверѣ фамиліи *Басковыхъ*. Такимъ образомъ по русскому названію бисера можно было-бы возводить его употребленіе у сѣверныхъ славянъ не только ко временамъ Гомера, но даже еще раньше, къ тому времени, когда славяне жили на азіатской древней родинѣ, въ сосѣдствѣ съ индусами, гдѣ-то по сѣверную или западную сторону горныхъ хребтовъ, ограждающихъ Индію. Сохранившееся у славянъ въ такой чистотѣ санскритское слово *bâsura* показываетъ, что соотвѣтствующій ему предметъ не былъ заимствованъ съ запада, какъ статья внѣшней торговли, а непрерывно держался изъ рода въ родъ въ нашемъ народѣ, какъ прямое наслѣдіе праарійскихъ предковъ*).

Любопытно было-бы сравнить названіе бисера въ языкахъ сѣверныхъ финскихъ народностей. По этимъ слѣдамъ можно было-бы узнать, откуда они заимствовали самый предметъ, а такимъ косвеннымъ путемъ указать на національный слѣдъ того народа, который похороненъ подъ сибирскими курганными могилами. Къ сожалѣнію, я не обладаю такими лингвистическими знаніями и пособіями. Въ имѣющемся у меня подъ руками пермяцкомъ словарѣ Рогова бисеръ называется русскимъ именемъ *бісер*, биссерина, *бісерокъ*, *бісер тусj:* по остяцки и самоѣдски бисеръ *тюссей* (рукописный словарь Григоровскаго), что также соотвѣтствуетъ русскому слову бусы. На арабскомъ языкѣ бисеръ и бусы называются *буссуръ* (boussour. Рейфъ, этимологич. лексик.). По этимъ сравненіямъ какъ будто-бы выходитъ, что русское слово бусы и бисеръ, взятое непосредственно съ санскритскаго или древне-индійскаго, было передано славянами западно-сибирскимъ финнамъ; арабы-же, вѣроятно, прямо заимствовали его изъ Индіи, въ средніе вѣка, а можетъ быть даже усвоили это слово отъ славянъ, жившихъ въ малой Азіи.

Тотъ фактъ, что въ сибирскихъ курганныхъ могилахъ совсѣмъ не встрѣчается янтарныхъ ожерелій, можетъ указывать либо на

*) Не менѣе древнее славянское слово *монисто* (ожерелье изъ жемчуга или бусъ) также производятъ отъ санскритскаго *мани-с*, жемчужина, драгоцѣнный камень. Что блестящіе камни или симулирующія ихъ стекла издревле носились славянами въ видѣ ожерелья, это доказываетъ соотвѣтствующее русскому монисто латинское слово monile, означающее именно ожерелье.

отсутствіе торговыхъ сношеній между Балтійскимъ побережьемъ и Сибирью, что весьма сомнительно, либо на особый національный принципъ, недопускавшій употребленіе янтаря къ качествѣ украшеній. Послѣднее изъ этихъ предположеній вѣроятнѣе, потому что янтарь также точно не встрѣчается въ курганныхъ могилахъ прибалтійскаго края, гдѣ онъ такъ легко могъ-бы быть получаемъ жителями на берегу ихъ собственнаго моря. Если его не употребляли въ дѣло, то значитъ либо слишкомъ мало цѣнили, какъ предметъ обыкновенный и всѣмъ доступный, либо воздерживались отъ его употребленія по какимъ нибудь особымъ соображеніямъ, или предразсудкамъ (Вспомни связанную съ янтаремъ легенду о Фоэтонѣ). Можетъ быть по тѣмъ-же мотивамъ не допускали употребленія янтаря и сибирскіе жители курганной эпохи, такъ какъ торговыя и международныя сношенія ихъ съ балтійскими жителями, судя по многимъ признакамъ, должны были существовать.

Судя по рисункамъ, помѣщеннымъ въ археологическихъ атласахъ *Бера* (Die Gräber der Liven Taf XX) и *Крузе*, древніе жители Прибалтійскаго края любили украшать ожерелья разными привѣсками, именно птичками, бубенчиками, сердечками, крестиками и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ привѣсокъ, сдѣланныя по тому-же самому рисунку, найдены и въ тобольскихъ курганахъ. Сюда относятся: описанная въ нашемъ каталогѣ птичка (№ 1064), бубенчики (№ 729), стеклянное раскрашенное колечко (№ 1063), медвѣжьи зубы (№ 751) и, можетъ быть, нѣкоторые другіе мелкіе предметы, которымъ мы затруднялись обозначить въ каталогѣ опредѣленное назначеніе (№ 1073 и другіе). Въ Минусинскомъ округѣ встрѣчались бусы изъ настоящихъ золотыхъ шариковъ; но въ музей Сибирскаго университета такихъ экземпляровъ до сихъ поръ не поступало.

Относительно стекляннаго колечка (№ 1063) можно замѣтить, что подобныя привѣски были въ модѣ въ Болгарахъ. А. Ѳ. Лихачевъ объ нихъ говоритъ (Бытовые памятн. Вел. Болг. стр. 35): „Форма ихъ бывала или просто круглая, или, чаще, съ печатью на верху, при чемъ эта послѣдняя иногда выдѣлывалась изъ массы другаго цвѣта. Между тѣмъ нерѣдко попадаются кольца такого малаго размѣра, что безъ сомнѣнія, они могли быть носимы только дѣтьми“. Такого-же рода и наше стеклянное колечко: оно также имѣетъ печатку, а отверстіе его едва пропускаетъ конецъ мизинца. Однако-же, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что оно служило не въ качествѣ дѣтскаго перстенька, а скорѣе привѣскою для ожерелья.

Въ томъ-же сочиненіи А. Ѳ. Лихачева о болгарскихъ древностяхъ упоминается, кромѣ бусъ и колецъ, о браслетахъ изъ стеклянной массы. „Браслеты, говоритъ авторъ, до сихъ поръ не встрѣчались въ совершенной цѣлости, а попадаются всегда въ обломкахъ разной величины. Они были въ видѣ простыхъ колецъ, круглыхъ, или въ формѣ снурка, изъ стекла различныхъ цвѣтовъ, чернаго, синяго и бирюзово-голубаго. Всего чаще встрѣчаются браслеты изъ чернаго стекла". Существующіе въ нашей коллекціи обломки стеклянныхъ браслетовъ, найденныхъ въ городищѣ Семирѣченской области, тоже одинъ чернаго цвѣта, съ бѣлою полоскою, спирально обвивающею его въ видѣ снурка, а другой отлитъ изъ черной стекловидной массы съ темносинею окраскою снаружи (№ 1310). Слишкомъ большое сходство этихъ стеклянныхъ издѣлій съ болгарскими заставляется думать, что они, можетъ быть, получались въ Семирѣчьи отъ Болгаръ, путемъ торговли.

21) О кружковомъ орнаментѣ (къ № 753 и 754).

Въ примѣчаніи 10, говоря о костяныхъ орудіяхъ, мы уже коснулись отчасти вопроса о такъ называемомъ кружковомъ орнаментѣ, указывая на присутствіе его на троянскихъ издѣліяхъ. Почва древней Трои сохранила намъ едва-ли не первыя указанія на этотъ, весьма красивый и вмѣстѣ съ тѣмъ простой и оригинальный способъ украшенія, распространившійся потомъ не только по всей Европѣ, но даже въ сѣверной и восточной Азіи. Сущность этого орнамента состоитъ въ разнообразной группировкѣ маленькихъ кружковъ, изъ коихъ каждый имѣетъ одинъ или два ободка съ точкою въ центрѣ. По мнѣнію Шлиманна эти кружки должны изображать собою звѣзды. Если это такъ, то изображеніе кружковаго орнамента должно было стоять въ связи съ солярною системою религіозныхъ воззрѣній и, можетъ быть, по этой причинѣ этотъ способъ украшенія получилъ такое широкое распространеніе.

Въ сочиненіи Шлиманна, Ilios, кружковый орнаментъ изображенъ на слѣдующихъ предметахъ: 1) на полированной пластинкѣ изъ слоновой кости, имѣющей форму трапеціи, на которой расположено въ симметрическомъ порядкѣ восемь кружковъ; 2) на маленькомъ идолѣ, тоже сдѣланномъ изъ слоновой кости, у котораго вся передняя поверхность покрыта кружками. (№ 141 и 142, стр. 297); 3) на мраморномъ идолѣ № 220 (стр. 379) три кружка на лицѣ, соотвѣтственно глазамъ и рту; 4) на круглой пластинкѣ, принимаемой Шлиманномъ за крышку отъ сосуда. Здѣсь кружковый орнаментъ представляетъ сложныя группы, рас-

положенныя въ неравномѣрныхъ двѣнадцати клѣткахъ, имѣющихъ, повидимому, какое нибудь календарное значеніе (№ 309, стр. 415); 5) на неизвѣстномъ предметѣ изъ слоновой кости, верхняя часть котораго украшена шестью горизонтальными рядами кружковъ, а нижняя только тремя кружками (№ 521, стр. 473); 6) на двухъ плоскихъ палочкахъ изъ слоновой кости, имѣющихъ на каждомъ концѣ по сквозной дырочкѣ*). На первой изъ нихъ (№ 540) кружки расположены на той и другой половинѣ въ симметрическія группы по 5 штукъ, а на второй парами, по 4 пары на той и другой половинѣ палочки (№ 541, стр. 476); 7) на круглой пластинкѣ изъ слоновой кости, почти сплошъ покрытой кружками (№ 1254, стр. 631); 8) на двухъ плоскихъ пластинкахъ или палочкахъ изъ слоновой кости, подобныхъ № 6; изъ нихъ послѣдняя имѣетъ три дырочки, на концахъ и въ срединѣ; кружки расположены такими-же группами какъ и на предъидущихъ палочкахъ (№ 1255 и 1256, стр. 631).

Изъ этихъ указаній Шлиманна можно вывести слѣдующее заключеніе: 1) кружковый орнаментъ у троянцевъ примѣнялся почти исключительно на издѣліяхъ изъ слоновой кости; 2) всѣ эти предметы имѣли какое нибудь отношеніе къ религіознымъ сюжетамъ, или прямо были идолами; 3) на обыденныхъ житейскихъ подѣлкахъ кружки съ точкою въ центрѣ не помѣщались, по крайней мѣрѣ мы ихъ не видимъ въ числѣ рисунковъ Шлиманна. Почти такое-же примѣненіе кружковаго орнамента оказывается и на предметахъ, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ Шлиманновскихъ изысканій (см. его Микены). Въ сибирскихъ древностяхъ мы видимъ тоже самое. На нашихъ, правда не многочисленныхъ, экземплярахъ кружковый орнаментъ оказывается, во первыхъ, на двухъ тарелочкахъ или дискахъ (см. каталогъ № 1265—1266), несомнѣнно имѣвшихъ религіозное значеніе, такъ какъ они найдены были рядомъ съ идолами**), а во вторыхъ,—на двухъ костяныхъ пластинкахъ (№ 753 и 754), значеніе которыхъ не ясно. Не смотря на массу собраныхъ въ музеѣ костяныхъ издѣлій не религіознаго характера, ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ кружковаго орнимента, точно также, какъ нѣтъ его на бронзовомъ оружіи и на предметахъ домашней утвари. Слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что сибирское насеніе курганной эпохи пользовалось кружковымъ орна-

*) Въ нашемъ музеѣ имѣется нѣсколько такихъ палочекъ, съ дырками на концахъ, приготовленныхъ изъ полированнаго камня, безъ орнаментовъ.

**) Точно такія-же тарелочки изображены въ атласѣ *Леклерка* (Histoire de la Russie moderne T. III. Tab. VI и VII. fig. 6 и 9). Въ объяснительномъ текстѣ сказано (стр. 345), что они были найдены въ курганныхъ могилахъ Минусинскаго округа, около р. Абакана. Тарелочка fig. 6 у Леклерка имѣетъ тотъ же размѣръ, туже форму и почти туже группировку кружковъ, какъ описанная нами вторая тарелочка.

ментомъ только въ религіозныхъ случахъ, подобно троянцамъ, не желая профанировать старый символъ въ качествѣ простаго украшенія, этотъ вопросъ разрѣшатъ дальнѣйшія изслѣдованія.

Повидимому въ томъ-же религіозномъ смыслѣ примѣнялся кружковый орнаментъ древними балтійскими Венетами. Въ числѣ предметовъ мекленбургскихъ древностей мы его видимъ на Ретрійскихъ идолахъ, именно на платьѣ Бѣлбога Святовида (атласъ гр. Потоцкаго, Voyage dans quelques parties de la Bass—Sax. 1795). Кружки расположены по полю полосатаго платья этого идола въ пять группъ, изъ которыхъ одна группа составлена изъ трехъ кружковъ, двѣ изъ пяти, одна изъ семи и одна изъ девяти. Кромѣ того, на поясѣ, отдѣляющемъ юбку отъ верхней части платья, находится восемь кружковъ, расположенныхъ въ рядъ. Тѣже сочетанія кружковъ оказываются и на сибирскихъ тарелочкахъ.

Въ атласѣ *Варсо* (сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ. Спб. 1861) кружковый орнаментъ показанъ только на четырехъ предметахъ, именно: 1) на бронзовомъ гребнѣ (№ 232), 2) на костяномъ гребнѣ (№ 365), 3) на золотомъ начельѣ (№ 366, кружки сгруппированы по 4 въ каждой кучкѣ) и 4) на костяномъ кубикѣ (игорная косточка, № 463). Въ швейцарскихъ древностяхъ (Recueil d' antiquités suisses) барона Бонштеттена имѣются два рисунка съ этимъ орнаментомъ, именно на табл. X fig. 1 и 2 и на табл. XVII fig. 17; въ первомъ случаѣ кружки изображены на бронзовомъ наручникѣ, а во второмъ на костяной ручкѣ какого-то бронзоваго инструмента, повидимому ножа, или шила. У римлянъ кружковый орнаментъ примѣнялся какъ простой узоръ, чаще всего на гребняхъ и другихъ мелкихъ предметахъ. Такимъ образомъ очевидно, что въ Скандинавіи, Швейцаріи (у Кельт-иберовъ) и въ Италіи кружки съ точкою въ центрѣ потеряли уже свой религіозный смыслъ, между тѣмъ какъ въ Сибири и у древнихъ балтійскихъ Венетовъ они, повидимому, до послѣдняго времени сохранили то значеніе, какое имѣли когда-то въ Троѣ и въ древней Элладѣ.

На археологическихъ памятникахъ Камской Болгаріи кружковый орнаментъ встрѣчается очень часто, преимущественно на костяныхъ издѣліяхъ. Здѣсь онъ, кажется, также имѣлъ значеніе простаго узора. Въ коллекціи А. Ѳ. *Лихачева* (Бытовые памятники Великой Болгаріи) находились слѣдующіе предметы, украшенные кружковымъ орнаментомъ*) бронзовая шпилька, фригментъ бронзовой ложки, нѣсколько обломковъ отъ бронзовыхъ пласти-

*) См. рисунки къ трудамъ втораго археологич. съѣзда, вып. первый Спб. 1876 г., отд. II. табл. I, фиг. 1—15 и табл. III, фиг. 31.

нокъ, инструментъ съ ногтеобразнымъ концомъ, въ родѣ кочедыка и бронзовая тарелочка (дискъ), весьма сходная съ имѣющеюся въ нашемъ музеѣ. У этой послѣдней (атласъ Лихачева таб. I, фиг. 1) кружки также расположены пирамидками, сходящимися къ центру своими вершинами, какъ на нашей тарелочкѣ. Кромѣ того, прибавляетъ г. Лихачевъ, попадаются предметы съ орнаментами въ видѣ малыхъ кружечковъ, напр. одна половинка маленькихъ щипчиковъ и браслеты. Послѣ опубликованія этихъ свѣдѣній, въ казанскихъ музеяхъ и коллекціяхъ частныхъ лицъ прибавилось значительное количество новыхъ экземпляровъ древностей съ кружковымъ орнаментомъ, подтверждающихъ, что этотъ родъ украшенія у древнихъ болгаръ считался любимѣйшимъ. Г. Лихачевъ указываетъ, что въ Италіи кружковый орнаментъ примѣнялся еще въ XV в. на изящнѣйшихъ произведеніяхъ итальянской скульптуры. Бронзовые барельефы Донателло, въ Падуѣ, украшены по фону инкрустаціею изъ золота и серебра, представляющей тѣже концентрическіе кружки. Тотъ-же орнаментъ, по словамъ г. Лихачева, встрѣчается на нѣкоторыхъ китайскихъ бронзовыхъ издѣліяхъ. Такимъ обр. оказывается, что разсматриваемый нами рисунокъ имѣетъ весьма широкое распространеніе и безъ сомнѣнія принадлежитъ къ древнѣйшимъ рисункамъ. Появившись первоначально въ Малой Азіи, онъ былъ занесенъ оттуда съ одной стороны въ Италію и Померанію *), къ адріатическимъ и балтійскимъ Венетамъ, съ другой—въ южную Сибирь и на Волгу. Въ Китай онъ могъ проникнуть при посредствѣ азіатскихъ скиѳовъ, передавшихъ китайцамъ, кромѣ кружковаго орнамента, и нѣкоторые другіе типы классическаго искусства (см. на стр. 25 прим. 12 китайскіе счеты и безменъ).

22) Орнаментированные черепки глиняной посуды (къ стр. 43—50).

Западно-сибирская архаическая глиняная посуда, въ ряду другихъ древностей, представляетъ большой интересъ для археолога по своеобразности своего типа, повидимому, весьма долго господствовавшаго здѣсь и распространеннаго на весьма большомъ пространствѣ. Въ музеѣ Сибирскаго университета имѣются образцы этого рода: 1) изъ разныхъ мѣстностей Тобольской губерніи, начиная отъ южныхъ степныхъ уѣздовъ (Ишимскаго и Курганскаго)

*) Можетъ быть послѣ паденія Трои, такъ какъ римскіе историки неоднократно отмѣчали связь федераціи италійскихъ народовъ съ переселеніемъ троянцевъ.

и кончая глубокимъ сѣверомъ (село Самарово и Сургутъ); 2) изъ разныхъ мѣстностей Томской губерніи, тоже начиная съ южныхъ областей и кончая Нарымскимъ краемъ, со включеніемъ бассейна р. Кети и Чулыма. Найденные на всемъ этомъ пространствѣ какъ цѣлые сосуды, такъ и фрагменты ихъ, узорчатые черепки, отличаются однообразіемъ типа, весьма мало сходнаго, или даже совсѣмъ отличнаго отъ типовъ южной азіатской и западно-европейской глиняной посуды.*)

Отличительныя особенности западно-сибирской керамики выражаются въ слѣдующемъ: 1) Преобладающимъ цвѣтомъ горшковъ и другихъ подѣлокъ изъ глины оказывается черный цвѣтъ, для чего выбиралась именно черная глина, тогда какъ на югѣ и на западѣ господствуютъ желтые или сѣрые цвѣта. 2) Форма сибирскихъ сосудовъ большею частію низкая и широкая, болѣе или менѣе шаровидная, съ выпуклыми боками и широкимъ отверстіемъ, тогда какъ на югѣ и западѣ преобладаетъ длинная, вытянутая форма кувшиновъ (а не горшковъ и кринокъ). 3) На сибирской посудѣ большею частію нѣтъ явственно выраженнаго горлышка или шейки, нѣтъ ни ручекъ, ни носковъ. 4) Дно сосудовъ весьма часто оказывается не плоскимъ, а шаровиднымъ, или даже коническимъ; если-же оно плоское (на сосудахъ для обыденнаго домашняго употребленія), то нерѣдко отъ него идетъ родъ поддона, въ видѣ болѣе или менѣе длиннаго, книзу разширяющагося кольца, вслѣдствіе чего сосудъ стоитъ не на самомъ днѣ, а на этомъ, книзу открытомъ поддонѣ. 5) Почти всѣ сосуды, за весьма небольшими исключеніями, орнаментированы, именно по верхней кромкѣ, по плечикамъ, или по всей верхней трети горшка. 6) Характеръ орнамента, при всемъ его разнообразіи, отличается всюду, гдѣ былъ распространенъ типъ сибирской посуды, одними и тѣми-же общими признаками: а) всѣ узоры вытиснены на мягкой глинѣ и потому оказываются вдавленными, а не выпуклыми; ни въ одномъ случаѣ не встрѣчается узоровъ намалеванныхъ, или вообще какой-бы то ни было раскраски; б) рисунокъ орнамента всегда имѣетъ геометрическій характеръ; но нѣтъ ни цвѣтовъ, ни завитковъ и разводовъ, или вообще спиральныхъ и закругленныхъ линій; в) элементы узоровъ вездѣ одни и тѣ-же; большая или меньшая красота рисунка достигается только сочетаніемъ, или групировкою этихъ элементовъ.

Въ частности элементы узоровъ могутъ быть подведены подъ слѣдующіе типы:

*) О характерѣ глиняной посуды Восточной Сибири мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній.

1) *Круглыя ямочки*, оттиснутыя тонкою круглою палочкою. Обыкновенно онѣ располагаются по самому горлышку въ одну линію, въ видѣ круговаго пояска. Нерѣдко эти ямки у горлышка оказываются сквозными, можетъ быть вслѣдствіе неискуснаго оттиска, а можетъ быть и съ цѣлію продѣвать въ нихъ снурокъ для подвѣшиванія сосуда. Гораздо рѣже нажиманія палочкою дѣлались не снаружи, а снутри, при чемъ на наружной кромкѣ горшка, вслѣдствіе выпячиванія сырой глины, образовались симметрично расположенныя выпуклыя *шишечки*.

2) Полукруглыя или трехугольныя ямочки. Онѣ вытиснялись, вѣроятно, концомъ узкаго ножа, или спеціально для этого заостренною палочкою. Иногда ямки имѣютъ форму запятыхъ, или клинышковъ. Группировка ихъ самая разнообразная, но непремѣнно въ формѣ геометрическихъ фигуръ (чаще круглыми поясками или пирамидками), расположенныхъ по плечикамъ горшка.

3) Палочки или черточки, иногда нацарапанныя острымъ инструментомъ, иногда оттиснутыя особо приготовленной формой. Въ послѣднемъ случаѣ на палочкѣ замѣтны мелкіе поперечные рубчики, или поперечные ряды точекъ. Концы такихъ палочекъ всегда тупые, а не острые, какъ у черточекъ. Группировка палочекъ и черточекъ самая разнообразная. Чаще всего онѣ идутъ косыми рядами, въ видѣ чередующихся поясковъ, или рядами, сходящимися къ средней вертикальной длинной чертѣ (узоръ въ ёлку), или горизонтальными рядами, расположенными въ четырехугольной, вертикальной, либо наклонной клѣткѣ (лѣсенки). Сюда-же можно отнести узоръ, напоминающій по общему впечатлѣнію рисунокъ вспаханнаго поля. Онъ состоитъ изъ крупныхъ продолговато—четырехугольныхъ клѣтокъ, наполненныхъ параллельными чертами, какъ-бы соотвѣтствующими бороздамъ. Въ смежныхъ клѣткахъ борозды идутъ въ другихъ направленіяхъ, или чередуются пустыми, не испещренными клѣтками.

4) Зубчики или трехугольнички, очерченные правильными тонкими линіями. Основаніе зубчика обыкновенно обращено вверхъ, къ горлышку и сливается съ круговымъ пояскомъ, а вершина внизъ.

5) Шашечки. Онѣ отпечатывались особою квадратною формочкой и группировались либо въ шахматномъ порядкѣ, либо сплошь, образуя ту или другую фигуру (пирамидки, пояски, или косыя полоски).

6) Полукруги или дужки, изъ которыхъ составлялись пояски, или особыя фигуры.

7) Змѣйки, горизонтальныя и вертикальныя. Изъ нихъ обыкновенно составляются пояски.

8) Веревочка, примѣнявшаяся для поясковъ. Этотъ узоръ, вѣроятно, оттискивался снуркомъ.

9) Мелкія точки, которыми заполнялись тѣ или другія фигурныя клѣтки.

10) Косые крестики въ клѣткахъ.

11) На одномъ черепкѣ изъ тобольскаго кургана орнаментъ какъ будто напоминаетъ алфавитные знаки и представляетъ нѣкоторое сходство съ помѣщенными у Шлиманна, въ Ilios, номерами 173 (стр. 337), 305 (стр. 414) и 1010 (стр. 587).

Отдѣлка глиняной посуды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и качество узоровъ весьма разнообразны. Много попадается экземпляровъ и очень грубыхъ, и весьма тонкихъ, даже изящныхъ. Эту разность едвали ножно объяснять исключительно хронологическими условіями. Въ одну и ту-же доисторическую эпоху посуда могла быть и дурно приготовленная и изящная, смотря потому, для какой цѣли она приготовлялась и кто ею пользовался. Въ бѣдныхъ могилахъ и въ глухихъ выселкахъ обыкновенно встрѣчаются грубые черепки, а въ большихъ городищахъ и въ курганахъ съ болѣе пышнымъ погребеніемъ попадаются черепки и горшки изящной работы. Въ городищахъ, гдѣ жили и богатые и бѣдные люди, это разнообразіе предметовъ можетъ быть еще рѣзче. Поэтому, грубый узоръ не доказываетъ еще примитивнаго состоянія гончарнаго искусства у цѣлаго народа въ данной мѣстности. Для археологическихъ сопоставленій и опредѣленій гораздо болѣе пригодными могутъ оказаться самые типы предметовъ, независимо отъ ихъ качества, и совокупность находокъ, какъ богатой, такъ и бѣдной отдѣлки.

Сравнивая сибирскую архаическую глиняную посуду съ соотвѣтствующими экземплярами западныхъ странъ, мы замѣчаемъ въ ней многія своеобразныя черты, хотя нельзя при этомъ сказать, чтобы она стояла совсѣмъ особнякомъ отъ западныхъ типовъ и не имѣла-бы никакой связи съ родоначальною европейскою культурою (см. стр. 26 примѣч. 13).

Западно-европейская керамика, какъ мы уже говорили выше, отличается отъ сибирской и формою сосудовъ, и цвѣтомъ, и орнаментами. Въ Сибири нѣтъ ничего похожаго ни на греческія росписныя, ни на этрусскія вазы. Равнымъ образомъ наибольшая часть глиняныхъ издѣлій, найденныхъ въ нашихъ черноморскихъ курганахъ, вблизи существовавшихъ здѣсь греческихъ колоній, носятъ явственные слѣды вліянія греческаго искусства и потому рѣзко отличаются отъ сибирскихъ сосудовъ и черепковъ.*) Скан-

*) Преобладаніе образцевъ греческаго искусства въ археологическихъ отчетахъ и описаніяхъ находокъ въ области Геродотовой Скиѳіи отчасти,

динавская глиняная посуда по формѣ и орнаментамъ нѣсколько болѣе приближается къ сибирской *), равно какъ и посуда, найденная въ древнихъ курганныхъ могилахъ Лифляндіи и Эстляндіи,**) но все-же между ними существуетъ значительная разница. Ближе всего стоятъ къ сибирскимъ горшкамъ глиняные сосуды Камской Болгаріи и всей сѣверной полосы Россіи. Въ атласѣ профессора Иностранцева (Доисторическій человѣкъ и пр.) на табл. XII представлено 13 глиняныхъ черепковъ съ орнаментомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ сибирскому. Въ статьѣ извѣстнаго казанскаго археолога А. Ѳ. Лихачева, напечатанной въ трудахъ Императорскаго археологическаго общества, подъ заглавіемъ: бытовые памятники великой Болгаріи, указываются такіе-же точно сосуды „съ орнаментами, нацарапанными на сырой глинѣ въ видѣ городковъ или косыхъ и поперечныхъ бороздокъ.“ Въ другомъ мѣстѣ статьи, говоря о черепкахъ, А. Ѳ. Лихачевъ замѣчаетъ, что „они покрыты разнообразными орнаментами, оттиснутыми вглубь или рельефомъ, иногда очень сложнымъ. Черепки темныхъ цвѣтовъ глины принадлежали менѣе изящнымъ сосудамъ и орнаменты на нихъ дѣлались большею частію отъ руки, быть можетъ заостренной палочкой въ сырой глинѣ.“ При описаніи формы одного изъ такихъ горшковъ сказано: „вышина его 3 верш. и діаметръ отверстія тоже 3 верш.; въ средней части діаметръ доходитъ до 4 вершковъ. Шейка сосуда, около $^3/_4$ в. высоты, идетъ почти прямо и лишь у самаго края отверстія слегка выгнута наружу. Самый край ничѣмъ не обозначенъ и равной толщины со всѣмъ сосудомъ. Форма сосуда пузатая, съ плоскимъ дномъ, ничѣмъ не отдѣленнымъ отъ боковыхъ частей, которыя, округло загибаясь книзу, прямо переходятъ въ донце.“ Этотъ горшокъ, наполненный костями, былъ найденъ въ древней болгарской могилѣ около головы скелета, похороненнаго лицомъ на востокъ.***) Послѣ опубликованія статьи А. Ѳ. Лихачева было собрано на почвѣ древней Камской Болгаріи очень много сосудовъ этого рода, съ которыми я имѣлъ случай лично ознакомиться въ казанскихъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ, сравнивая ихъ съ сибирскими сосудами. Не остается сомнѣнія, что древнѣйшіе болгарскіе погре-

можетъ быть, объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что на эти находки, какъ наиболѣе цѣнныя, было обращено больше вниманія, чѣмъ на грубыя черепки варварскихъ горшковъ.

*) См. атласъ Ворсо, фиг. 500—503, стр. 121 и 122.

**) Атласъ Крузе, табл. 26, фиг. 1, табл. 35 и 49.

***) Въ той-же статьѣ, въ отдѣлѣ «Керамическія издѣлія», стр. 29—31. Страницы указаны по отдѣльному оттиску статьи г. Лихачева, бывшему у меня подъ руками.

бальные горшки, приготовленные изъ глины черныхъ цвѣтовъ, принадлежатъ къ тому-же самому типу, какъ и собранные въ музеѣ Сибирскаго университета. Тѣ-же самые типы оказываются на могильныхъ (курганныхъ) горшкахъ многихъ другихъ мѣстностей сѣверной и средней полосы Россіи.

Сравнивая типъ сибирской и великорусской архаической глиняной посуды съ иностранными образцами этого рода, мы усматриваемъ подобныя формы только въ древнихъ троянскихъ экземплярахъ. Сходство между тѣми и другими замѣчается въ слѣдующемъ: 1) У троянцевъ, какъ и у сѣверныхъ народовъ, преобладающій цвѣтъ горшковъ былъ черный, что представляло рѣзкую особенность сравнительно съ господствовавшей всюду, на югѣ и западѣ, привычкою приготовлять глиняную посуду изъ свѣтлой или желтой глины. 2) При раскопкахъ Трои глиняная посуда большею частію найдена была низкой, пузатой формы съ шаровиднымъ или коническимъ дномъ. То-же самое представляютъ экземпляры нашего археологическаго музея. 3) По замѣчанію Шлиманна, ни въ первомъ доисторическомъ слоѣ Гиссарлика, ни въ послѣдующихъ четырехъ слояхъ не оказывается ни малѣйшаго слѣда раскрашиванія глиняныхъ издѣлій (Ilios, стр. 256—257), между тѣмъ какъ эта привычка у другихъ народовъ существовала съ древнѣйшихъ временъ, въ особенности у грековъ, что отразилось и на нашей черноморской (скиѳской) керамикѣ. Сибирскіе и сѣверно-русскіе сосуды тоже не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ раскраски. 4) Орнаментированіе троянскихъ сосудовъ производилось по сырой глинѣ посредствомъ нацарапыванія или оттиска узоровъ палочкою, или особою формою. То-же самое мы видимъ на сибирскихъ и болгарскихъ горшкахъ. 5) Еще болѣе поразительное сходство между троянскою и сѣверною посудою мы видимъ въ самой формѣ орнамента. Самымъ любимымъ и общераспространеннымъ въ Сибири узоромъ были круглыя ямочки, изъ которыхъ дѣлался первый сверху ободокъ, около горлышка, почти у всякаго сосуда. Такой-же точно черепокъ, украшенный по верхнему краю круглыми ямками и косыми черточками, оттиснутыми вглубь, нарисованъ у Шлиманна въ числѣ его находокъ въ первомъ доисторическомъ городѣ Гиссарлика (Ilios, стр. 251). На многихъ другихъ экземплярахъ послѣдующихъ городовъ повторяются и другіе типы сибирскихъ узоровъ. Такъ, напр., на стр. 337, № 172, косая клѣтка, № 173 узоръ, принимаемый Шлиманномъ за алфавитные знаки, сходный съ нашимъ № 969; на стр. 338, №№ 175, 177 и 178—узоръ въ косую клѣтку, косыя полоски, или черточки и узоръ въ ёлку; тоже на

стр. 398; на стр. 399, 400 и 404 узоръ зубчиками и короткими горизонтальными черточками и многіе другіе. Очень оригинальный узоръ изъ крупныхъ клѣтокъ, наполненныхъ параллельными черточками, расположенныхъ въ разныхъ направленіяхъ и напоминающихъ вспаханное поле, изображенъ у Шлиманна на стр. 415, № 308. Подобный рисунокъ находится на нашемъ экземплярѣ № 935. Въ послѣдующихъ городахъ, возникавшихъ на мѣстѣ знаменитой Трои, въ типахъ глиняныхъ сосудовъ явились новые элементы, напр., рельефныя изображенія фигуръ животныхъ (чаще всего совы), появились также высокіе кувшины, но при всемъ томъ общіе основные типы орнаментаціи продолжались на прежнихъ началахъ. Въ этой устойчивости оригинальнаго троянскаго типа нельзя не видѣть признаковъ особаго культурнаго склада народностей, выставленныхъ Гомеромъ соперниками эллинской стихіи. Что троянская культура не была случайнымъ и мимолетнымъ проявленіемъ первыхъ шаговъ того-же эллинскаго творчества, а составляла нѣчто особое, это видно изъ фактовъ переноса троянскихъ типовъ въ другія мѣстности, можетъ быть въ связи съ разселеніемъ или переселеніемъ самихъ народовъ, входившихъ въ составъ троянской федераціи. Вѣроятно такимъ именно путемъ были занесены культурные привычки съ береговъ Геллеспонта на Волгу, Каму и Иртышъ, гдѣ онѣ оставили археологическіе слѣды, связывающіе въ одну непрерывную цѣпь троянскія древности съ болгарскими и сибирскими.

Какъ-бы не были просты и незатѣйливы глиняныя издѣлія, онѣ показываютъ въ народѣ извѣстную, даже значительную долю культурнаго развитія. Не только дикарь, но и кочующій номадъ скотоводъ не могутъ усвоить горшечнаго искусства и закрѣпить его въ народную привычку. Гончарное дѣло вызывается осѣдлою жизнію и культурными потребностями; для своего производства оно требуетъ нѣкотораго искусства и продолжительнаго навыка въ моделировкѣ и въ особенности въ обжиганіи глиняныхъ сосудовъ. По этимъ причинамъ глиняная посуда до сихъ поръ игнорируется степными кочевниками (киргизами и монголами), замѣняющими ее болѣе имъ сподручною кожанною, или же деревянною или чугунною посудою. Равнымъ образомъ сѣверные финскіе инородцы (остяки, самоѣды, тунгусы) до сихъ поръ не выучились приготовлять глиняные горшки, вмѣсто которыхъ у нихъ служитъ берестяная, въ исключительныхъ случахъ деревянная посуда, какъ болѣе удобная при ихъ бродячей жизни. Трудно представить, зная современный бытъ сибирскихъ финновъ, чтобы и въ отдаленной древности они находились въ лучшихъ культурныхъ усло-

віяхъ. Поэтому весьма сомнительно, чтобы та масса узорчатыхъ черепковъ, которыми усыпаны всѣ сибирскія городища, и тѣ горшки и криночки, которые оказываются въ каждой курганной могилѣ, могли принадлежать предкамъ нынѣшнихъ финскихъ народностей, находившихся триста лѣтъ тому назадъ, при первомъ ознакомленіи съ ними русскихъ колонизаторовъ Сибири, казаковъ, въ такомъ-же полудикомъ состояніи, какъ нынѣ.

Трудно допустить, чтобы народъ, выработавшій вѣками ту или другую индустрію, привыкшій къ извѣстному образу культурной жизни, къ своему національному стилю въ промышленности и искусствѣ, могъ безслѣдно потерять все культурное достояніе своихъ предковъ. Въ такомъ случаѣ онъ пересталъ-бы быть своимъ народомъ, переродившись въ другую національность, или вымирая подъ непосильнымъ гнетомъ невозможныхъ условій жизни. Такихъ обстоятельствъ невозможно подыскать для древняго курганнаго сибирскаго племени. Судя по громадному пространству его распространенія и по густотѣ населенія, подтверждаемой массою кургановъ и городищъ по всей черноземной полосѣ Сибири, это племя было весьма многочисленное и сильное; а судя по слѣдамъ его индустріи, оно обладало богатымъ запасомъ и духовныхъ силъ. Погибнуть цѣлому народу при такихъ условіяхъ, или переродиться въ финскихъ дикарей рѣшительно невозможно. Поэтому остается наиболѣе вѣроятное предположеніе о его переселеніи на западъ, чему исторія представляетъ немало примѣровъ. По этимъ соображеніямъ слѣдуетъ искать живые слѣды древней сибирской керамики у западныхъ народовъ, и прежде всего, по географической смежности, въ европейской Россіи. Первый этапный слѣдъ народнаго передвиженія изъ Сибири на западъ является въ области древней Камской Болгаріи, гдѣ, какъ мы много разъ уже указывали, повторяются тѣже самыя формы древняго сибирскаго искусства, но въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Далѣе, тотъ-же самый слѣдъ, хотя значительно болѣе затемненный новыми культурными наслоеніями, мы видимъ въ русскомъ народѣ. Ни у кого другаго, какъ у насъ сохранилась до сихъ поръ привычка приготовлять горшки, корчаги и кринки изъ черной, а не изъ желтой глины, и нигдѣ мы не видимъ, кромѣ Россіи, такого предпочтительнаго употребленія низкихъ, пузатыхъ сосудовъ, безъ ручекъ и носковъ, вмѣсто высокихъ кувшиновъ съ вытянутою длинною шейкою.

23) О кельтахъ или боевыхъ топорахъ (къ № 1057 стр. 50)

Мѣдный или бронзовый боевой топоръ, имѣющій форму четырехугольнаго заостреннаго клина со втулкою на заднемъ концѣ, прозванный кельтомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ характерныхъ и распространенныхъ орудій древней сибирской культуры. Неизвѣстный классическому міру, онъ былъ найденъ въ Западной Европѣ въ древнихъ могилахъ Галліи и Помераніи, потомъ въ Швейцаріи, въ Даніи и Швеціи, и получилъ свое прозвище отъ клинообразной формы, напоминающей долото или рѣзецъ (celtis). Въ древностяхъ Западной Европы, однакоже, это орудіе не встрѣчается такъ часто, какъ въ европейской Россіи и Сибири, можетъ быть потому, что будучи вынесено изъ Азіи народами кельтическаго и скандинаво-славянскаго племени, оно было вытѣснено здѣсь оружіемъ другаго, классическаго образца.

Въ сибирскихъ курганныхъ могилахъ кельты оказываются почти неизбѣжною принадлежностію каждаго мужскаго погребенія. Равнымъ образомъ они весьма часто встрѣчаются, какъ случайныя находки, при разныхъ земляныхъ работахъ, въ томъ числѣ при выемкахъ золотыхъ розсыпей и въ отвалахъ древнихъ рудныхъ разработокъ. Лучшимъ доказательствомъ распространенности сибирскихъ кельтовъ служитъ тотъ фактъ, что нашему музею въ короткое время удалось собрать ихъ безъ большаго труда 11 экземпляровъ, а Минусинскій музей въ продолженіи десяти лѣтъ накопилъ ихъ болѣе 80 штукъ. Такое-же изобиліе кельтовъ можно встрѣтить и въ частныхъ коллекціяхъ сибирскихъ древностей. По формѣ и величинѣ они очень разнообразны, начиная съ массивныхъ, до 18 сантиметровъ длины (№ 1241), и кончая маленькими орудіями, около 5 сантиметровъ длины. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не имѣютъ ушковъ, но чаще всего съ однимъ ушкомъ на боку, или по срединѣ плоской поверхности, у задняго края, или съ двумя ушками, съ того и другаго бока. Большая часть кельтовъ имѣютъ плоскоовальную втулку и прямолинейный острый конецъ, но попадаются также съ выпуклымъ лезвеемъ, или съ болѣе широкимъ, чѣмъ задній конецъ (на втулкѣ). Два экземпляра нашей коллекціи имѣютъ сквозную втулку, открывающуюся въ желобовато-вогнутую переднюю поверхность орудія; на одномъ экземплярѣ вмѣсто втулки находится плоскій заостренный черенокъ. Большая часть кельтовъ отличаются очень тонкою отливкою, иные изъ нихъ украшены разнымъ геометрическимъ орнаментомъ; но маленькіе экземпляры обыкновенно отлиты гораздо проще и не

имѣютъ украшеній. Отливались эти орудія на мѣстѣ, въ Сибири, на что указываютъ неоднократно находимыя здѣсь формы для ихъ отливки.

Если сравнить сибирскіе кельты съ западно-европейскими и россійскими, то оказывающееся между ними сходство рисунка невольно приводитъ къ заключенію, что типъ тѣхъ и другихъ выработался при совмѣстныхъ культурныхъ условіяхъ. Для примѣра возмемъ рисунки скандинавскихъ кельтовъ, помѣщенные на 38 стр. атласа Ворсо (по русскому изданію). Въ номерахъ 193—196 мы видимъ тѣ-же самыя орудія съ овальною втулкою, однимъ (боковымъ) ушкомъ, съ ложбинкою на передней поверхности и съ расширеніемъ лезвея, какъ въ нашихъ номерахъ 1083—1085, съ тою лишь разницею, что у нашихъ кельтовъ съ ложбинкою ушко помѣщается не сбоку, а по срединѣ широкой плоскости. Въ Минусинскомъ музеѣ есть такія орудія и съ однимъ боковымъ ушкомъ (см. атласъ Минусинскаго музея. 1886 г. Табл. I, № 9). Въ атласѣ швейцарскихъ древностей барона Бонштеттена (вып. 1855 г. Табл. II, фиг. 5) помѣщенъ такой-же точно кельтъ съ однимъ боковымъ ушкомъ. Въ томъ-же атласѣ и на той-же таблицѣ (№ 8) изображенъ другой экземпляръ орудія, имѣющаго форму кельта, но безъ втулки, мѣсто которой занимаетъ четырехугольный черенокъ, вставлявшійся въ выдолбленную рукоятку. Этому инструменту соотвѣтствуетъ нашъ номеръ 1242. Авторъ швейцарскихъ древностей въ объясненіи къ этому рисунку прибавляетъ, что подобные экземпляры должны находиться также въ Висбаденскомъ археологическомъ музеѣ (текстъ стр. 26). На второй таблицѣ прибавленій къ швейцарскимъ древностямъ (1860 г.) подъ № 7 изображенъ бронзовый кельтъ съ однимъ боковымъ ушкомъ и овальною втулкою, совершенно сходный съ сибирскими. Онъ былъ найденъ въ Венгріи (текстъ стр. 9). Въ Камской Болгаріи и въ Поволжьѣ кельты были находимы очень часто. Болгарскіе имѣютъ ту же форму, какъ сибирскіе.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что въ ливонскихъ древностяхъ кельтовъ, повидимому, совсѣмъ не встрѣчается. По крайней мѣрѣ объ нихъ не упоминается ни въ атласѣ Крузе, ни у Бера, между тѣмъ какъ многое другое изъ прибалтійскихъ находокъ имѣетъ съ сибирскими весьма большое сходство. Равнымъ образомъ кельтовъ не оказалось и между древностями Геродотовой Скиѳіи; нѣтъ ихъ и въ коллекціяхъ Шлиманна. Изъ этого можно заключить, что разсматриваемое нами орудіе развилось не на классической почвѣ, а спеціально употреблялось сѣверными народами. Теперь является вопросъ: какую страну считать родиною кельта,

—Сибирь, или Скандинавію? Послѣднее предположеніе намъ кажется совсѣмъ невѣроятнымъ; ибо допуская его, мы должны были-бы признать, что народности Скандинавіи имѣли прямыя и тѣсныя сношенія съ жителями не только западной, но и восточной Сибири и что подъ ихъ вліяніемъ развилась древняя сибирская культура. Гораздо естественнѣе кажется намъ первая догадка, т. е. что кельтъ слѣдуетъ считать сибирскимъ изобрѣтеніемъ и что онъ былъ перенесенъ отсюда на западъ тѣми народностями, которыя употребляли его на своей восточной родинѣ, т. е. племенами скандинавскаго, кельтическаго и славянскаго колѣна арійцевъ, жившими когда-то за Уральскимъ хребтомъ. Потому на западѣ Европы эти орудія являются уже какъ-бы отживающими своей вѣкъ, въ меньшемъ числѣ и въ болѣе однообразной формѣ, тогда какъ въ Сибири и въ древней Болгаріи они встрѣчаются, можно сказать, на каждомъ шагу, и въ формахъ болѣе изящныхъ и разнообразныхъ. Принимая эту мысль, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны были-бы согласиться, что Кельты (народъ), Скандинавы и Сѣверные славяне имѣли своихъ предковъ въ сѣверовосточной Азіи, откуда они постепенно выселялись на западъ, въ доисторическія времена, унося съ собою выработанную вѣками на первой родинѣ, самобытную восточную культуру.

Судя по тому, что кельты не были найдены при раскопкахъ Трои и что они не встрѣчаются на почвѣ Италіи и черноморской Скиѳіи, надобно думать, что они были изобрѣтены позднѣе троянской войны. При всемъ томъ, однакоже, древность ихъ должна восходить за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., такъ какъ кельты сибирскаго и скандинавскаго типа были найдены въ Ананьевскомъ могильникѣ и въ такихъ сибирскихъ курганахъ, гдѣ либо совсѣмъ не оказывается желѣзныхъ издѣлій, либо они являются въ видѣ рѣдкаго исключенія, какъ драгоцѣнный металлъ. Равнымъ образомъ и переносъ этого оружія въ Скандинавію едва-ли могъ совершиться ранѣе, такъ называемаго, бронзоваго вѣка; ибо выселеніе туда сѣверно-германской вѣтви арійскихъ народовъ во всякомъ случаѣ совершилось за долго до нашей эры.

Назначеніе кельта по всей вѣроятности состояло въ томъ, чтобы служить боевымъ топоромъ, а не орудіемъ плотничнаго ремесла. Такъ можно думать: 1) потому, что для плотничныхъ цѣлей одновременно съ кельтомъ существовали другія бронзовыя и мѣдныя орудія, спеціально приноровленныя для этого, именно настоящіе топоры (см. № 1240), долота и стамески; 2) кельты нерѣдко украшались разными орнаментами и вообще отливались болѣе изящно, чѣмъ то требовалось-бы для простаго топора;

3) ушки, весьма часто встрѣчающіяся у кельтовъ, повидимому, дѣлались не съ цѣлію болѣе прочнаго прикрѣпленія орудія къ рукояткѣ, а для того, чтобы къ нимъ привѣшивать тѣ или другіе значки. Рукоятки были деревянныя. Судя по сохранившимся на нѣкоторыхъ экземплярахъ гнилушкамъ, топорище у кельта состояло изъ двухъ частей: короткой, приблизительно 15—17 сант., вставлявшейся во втулку, и другой длинной, около аршина и болѣе длины, прикрѣплявшейся къ первой подъ прямымъ угломъ. Такимъ образомъ этотъ боевой топоръ не имѣлъ обуха въ собственномъ смыслѣ, а дѣйствовалъ только острымъ рѣжущимъ лезвеемъ.*)

Бронзовый кельтъ, повидимому, развился по типу каменнаго топора, или костянаго четырехугольнаго клина (скребка), употреблявшихся въ первое время какъ боевое оружіе и какъ орудіе для домашнихъ надобностей. Впослѣдствіи, при осложненіи бытовыхъ потребностей, за кельтомъ осталось по преимуществу боевое значеніе, когда для плотничнаго дѣла былъ усвоенъ спеціальный инструментъ – топоръ (см. примѣчаніе 35).

24) Спиральныя запястья (браслеты) (къ № 1059 и 1060).

Въ музеѣ Сибирскаго университета имѣется всего два экземпляра браслетовъ этого рода, одинъ полный, въ три оборота, другой въ обломкахъ, составляющихъ въ сложности семь оборотовъ спирали.**) Оба они найдены въ тобольскихъ курганахъ. Такъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, сколько мнѣ извѣстно, такія находки не повторялись, то я затрудняюсь сказать, были-ли спиральные браслеты мѣстнымъ сибирскимъ издѣліемъ, или они завезены сюда изъ западныхъ странъ. На западѣ, какъ извѣстно, эта форма запястій принадлежала къ весьма распространеннымъ. Въ атласѣ Ворсо мы видимъ ее на рис. 261, гдѣ бронзовая спираль имѣетъ 21 оборотъ, и на рис. 250, представляющемъ браслетъ въ три спирали, подобный нашему первому экземпляру

*) Сѣкиры черноморскихъ скиѳовъ, судя по рисункамъ «древностей Геродотовой Скиѳіи», имѣли другое устройство. У нихъ было широкое выпуклое (полукруглое) лезвее по ту и другую сторону втулки (рукоятки), или же на другой сторонѣ обухъ. Изъ этого инструмента могъ выработаться впослѣдствіи широкій плотничный (русскій) топоръ и аллебарда, а изъ сибирскаго кельта—узкій топоръ, соотвѣтствующій нынѣшнему дроворубному.

**) Наибольшая часть сибирскихъ архаическихъ браслетовъ имѣютъ форму круглаго, литаго, овальнаго кольца, съ разными украшеніями, чаще замкнутаго, но иногда съ раздвижными (не спаянными) концами. Точно такія же формы оказываются и въ западныхъ древностяхъ.

(1059). Въ томъ-же атласѣ показаны рисунки спиральныхъ колецъ такого-же устройства (№№ 244—246). Въ атласѣ барона Бонштеттена (Швейцарскія древности. 1855 г. Табл. X, рис. 3) мы видимъ большой спиральный нарукавникъ въ 17 оборотовъ, найденный въ окрестностяхъ Констанскаго озера. Авторъ замѣчаетъ, что такихъ предметовъ много находится въ музеяхъ Италіи и что ихъ также находили въ германо-романскихъ могилахъ, въ прирейнской Пруссіи. Въ атласѣ Бера (Die Gräber der Liven) на табл. XIII также изображены два спиральныхъ браслета, въ 9 оборотовъ каждый. Эти сравненія показываютъ, что тобольскія спирали имѣли несомнѣнную связь съ западными, но была-ли эта связь исключительно торговая, или національная, этотъ вопросъ остается пока открытымъ.Очень можетъ быть, что дальнѣйшія находки этого рода, могущія повториться при болѣе убѣдительныхъ сопутствующихъ условіяхъ, дадутъ соотвѣтствующее разъясненіе о происхожденіи сибирской спирали.

25) О бронзовыхъ идолахъ въ формѣ круглой пластинки, изображающей человѣческое лицо (къ № 1076—1078).

Идоловъ этого типа по настоящее время имѣется въ музеѣ Сибирскаго университета всего три экземпляра. Одинъ изъ нихъ найденъ близъ Тюмени, другой близъ Красноярска, а третій на Обь-Енисейскомъ каналѣ (близъ рѣки Малый Касъ, впадающей въ р. Кеть). Я причисляю эти пластинки къ идоламъ на томъ основаніи, что кругомъ ихъ представлены трехугольныя зубцы, въ видѣ лучей, которые не имѣли бы мѣста въ обыкновенной человѣческой маскѣ.*) Кромѣ того, самое лицо здѣсь опредѣляется только тремя кружками, на мѣстѣположенія глазъ и рта, въ родѣ того, какъ это дѣлается иногда при изображеніи солнца, или полной луны, подобіе которыхъ эти идолы, по всей вѣроятности, и должны были представлять.

По поводу разсматриваемыхъ здѣсь солярныхъ божковъ считаю не лишнимъ замѣтить, что въ коллекціи сибирскихъ древностей Иннокентія Александровича Лопатина находится бронзовая фигура на подобіе человѣка, съ полукруглымъ придаткомъ на верхнемъ концѣ, въ родѣ головы (безъ шеи). На этомъ придаткѣ лица не изображено, но на грудной поверхности фигуры представлено семь лучей, расходящихся отъ центральнаго кружка,

*) На пластинкѣ № 1078 зубцы размѣщены въ три группы: въ верхней группѣ ихъ находится семь, а въ боковыхъ по пяти. Между верхнею и боковыми группами помѣщаются полукруглые ушки для привѣшиванія идола.

очевидно изображающаго большую звѣзду, или солнце. Этотъ идолъ, найденный на пашнѣ въ Новоселовской волости, въ разстояніи 90 верстъ отъ города Красноярска, вверхъ по Енисею, подтверждаетъ, что и наши, окруженныя лучами, пластинки должны принадлежать къ тому-же солярному культу. Изображеніе солнца на груди человѣческой фигуры этого экземпляра соотвѣтствуетъ общему принципу сибирскихъ идоловъ, у которыхъ грудная поверхность весьма часто украшается символическимъ рисункомъ, чаще всего человѣческимъ лицомъ (см. примѣчаніе 36, объ идолахъ въ формѣ птицъ и животныхъ). Въ экземплярѣ И. А. Лопатина грудной символъ лица замѣненъ солнцемъ.

26) Конопляное сѣмя (къ № 1090)

Шелуха коноплянаго сѣмяни, собранная внутри кургана, очевидно не представляетъ собою собственно археологической находки. Она была занесена сюда степными звѣрками, имѣвшими въ глубинѣ кургановъ свои норки, какъ это подтверждаютъ примѣшанные къ шелухѣ экскременты этихъ животныхъ. Что касается самаго сѣмяни, то оно было взято съ поверхности кургановъ, гдѣ конопля и до сихъ поръ произрастаетъ въ обильномъ количествѣ въ дикомъ состояніи. Это послѣднее обстоятельство можетъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ археологическимъ вопросамъ. Дикая конопля встрѣчается въ Сибири весьма часто и преимущественно на тѣхъ черноземныхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ древнія могилы, или городища. Это наводитъ на мысль о культивированіи конопли древнимъ курганнымъ народомъ, но выселеніи котораго растеніе продолжало существовать и сохранилось до сихъ поръ въ одичаломъ состояніи.

Греки и римляне этого растенія не знали. Родиною его считаютъ пріаральскія и прикаспійскія страны (Бактрія, Согдіана), откуда оно перешло съ одной стороны въ Малую Азію (къ иранцамъ) и Ѳракію, съ другой—къ азіатскимъ и европейскимъ скиѳамъ. Скиѳы воздѣлывали это растеніе съ незапамятныхъ временъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Геродотъ слѣдующими словами: „Въ скиѳіи, говоритъ онъ, произрастаетъ конопля, очень похожая на ленъ, только гораздо толще и выше его. Она тамъ засѣвается, но растетъ также и въ дикомъ состояніи; ѳракіяне приготовляютъ себѣ изъ нея платье, до такой степени похожее на льняное, что человѣкъ недостаточно опытный, не сможетъ узнать, сдѣлано-ли платье изъ конопли, или изъ льна; а кто никогда не видалъ конопляной матеріи, тотъ приметъ такое платье за льняное. Съ сѣмянами

конопли въ рукахъ скиѳы входятъ подъ войлоки шатра и тамъ бросаютъ сѣмена на раскаленные камни. Отъ этого поднимается такой дымъ и паръ, что никакая эллинская баня не превзойдетъ въ этомъ отношеніи скиѳской. Скиѳы наслаждаются такой баней и вопятъ отъ удовольствія. Это замѣняетъ для нихъ купанье (Кн. IV, 74, 75).“ Въ данномъ случаѣ Геродотъ говоритъ о черноморскихъ скиѳахъ и о ѳракійцахъ, какъ болѣе ему извѣстныхъ; но принимая во вниманіе, что въ его-же время существовали восточные или азіатскіе скиѳы, между которыми, какъ показываютъ археологическіе памятники, несомнѣнно была, если не племенная, то культурная связь, мы можемъ заключить, что и у восточныхъ или сибирскихъ скиѳовъ возлѣлываніе конопли также существовало. Это дѣйствительно подтверждается прямыми археологическими находками сѣмянъ этого растенія въ обугленномъ состояніи (см. примѣч. 29 о культурныхъ растеніяхъ, найденныхъ въ тобольскихъ курганахъ).

Въ Европѣ конопля распространилась черезъ посредство скиѳовъ и ѳракійцевъ, на что, между прочимъ, указываетъ заимствованіе названія этого растенія, латинское cannabis, греческое κάνναβις. Славянское имя, конопля, въ данномъ случаѣ является старѣйшимъ, наравнѣ съ литовскимъ *капаре*, откуда передѣлано нѣмецкое *Hanf*. Другое, относящееся сюда, русское названіе, *пенька*, сближается съ зендскимъ *banha*, что значитъ пьяное состояніе, упоеніе (Генъ). Если довѣряться такому словопроизводству, то въ имени пенькн можно было-бы видѣть повтореніе того-же этимологическаго принципа, какъ въ имени хмѣль. Въ этомъ случаѣ древнеславянское слово пенька, подобно слову хмѣль, могло быть взято отъ утилизаціи конопли, какъ опьяняющаго средства, что, какъ мы видѣли выше, входило въ обычаи скиѳовъ.*) Сходство этого названія съ зендскимъ указывало-бы на глубокую древность нашего слова пенька и на то, что скиѳы, о которыхъ говоритъ Геродотъ, были именно славяне.

Наравнѣ съ коноплемъ, къ числу одичавшихъ сибирскихъ растеній, нѣкогда разведенныхъ здѣсь прежнимъ культурнымъ народомъ, можно также отнести низкорослую сибирскую вишню. Она въ изобиліи растетъ въ зауральскихъ черноземныхъ степяхъ, южнѣе рѣки Исети, также, какъ и на югѣ Россіи. Родиною вишни считаютъ Малую Азію и Закавказье. Въ Европѣ она была рас-

*) Въ этомъ случаѣ слѣдовало-бы признать взаимную связь между словами *пень-ка* и *пьяный* (пьянка, опьяняющее питье, откуда существующія у насъ фамиліи Пьянковыхъ). Не отсюда-ли, въ такомъ случаѣ, происходитъ и слово *пьянникъ*, пѣнное вино?

пространена уже въ историческое время. Тѣмъ болѣе надобно полагать, что она не сама собой появилась въ такихъ сѣверныхъ широтахъ, какъ степные уѣзды Тобольской и Пермской губерній. Названіе вишни, сближаемое съ персидскимъ *Wishnah* (Pictet I, 245), можетъ указывать, откуда славяне заимствовали это любимое имя растеніе, а сходство русскаго названія съ литовскимъ (Vyszna) и нѣмецкимъ (Weichsel) подтверждаетъ, какъ давно водворилось оно въ нашей культурѣ.

Присутствіе одичалыхъ конопля и вишни въ такихъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ онѣ не могли появиться отъ природы, или быть занесены въ позднѣйшее время съ запада (изъ Россіи), можетъ проливать нѣкоторый свѣтъ на здѣшнюю культуру, существовавшую до монголо-татарскаго періода, и на связь этой культуры съ Малою Азіею, что подтверждается, какъ мы уже видѣли, многими археологическими сопоставленіями.

27) *Обугленная деревянная чашка съ пушистою угольною массою* (къ № 1093).

Черная пушистая масса, которою была наполнена стоявшая на днѣ опрокинутаго мѣднаго котла обугленная деревянная чашка, по изслѣдованію П. Н. Крылова (ученаго садовника и хранителя ботаническаго музея Томскаго университета) оказалась обугленнымъ остаткомъ изъ растительнаго царства. При накаливаніи на платиновой пластинкѣ она сгарала, оставляя массу сѣраго цвѣта, состоящую изъ золы съ примѣсью довольно значительнаго количества мелкаго песка. Обугленная масса состоитъ главнымъ образомъ изъ тонкихъ волоконъ, какъ-бы корневыхъ мочекъ, къ которымъ примѣшаны кусочки болѣе толстыхъ стебельковъ травянистыхъ растеній, между прочимъ хвоща (Equisetum), и мелкіе кусочки сосновой коры. Кромѣ того, что особенно любопытно, въ массѣ встрѣчается довольно значительное количество (нѣсколько сотенъ) кругловатыхъ тѣлецъ, величиной отъ $2^1/_2$ до 5 миллиметровъ, очень напоминающихъ своею формою муравьиныя куколки. Одни изъ нихъ болѣе, другія менѣе обугленныя, и между этими послѣдними встрѣчаются покрытыя по поверхности бѣловатою плесенью. Вмѣстѣ съ куколками попадаются и обугленные остатки несомнѣнныхъ личинокъ, формой и величиной довольно сходныхъ съ упомянутыми куколками. Наконецъ, находятся тутъ-же, правда въ маломъ количествѣ, обугленные остатки самыхъ муравьевъ, и это можетъ подтверждать, что куколки и личинки суть дѣйствительно муравьиныя, а вся рыхлая угольная масса

—ничто иное, какъ матеріалъ, изъ котораго строятся муравейники, т. е. кусочки стебельковъ, листиковъ, коры и проч. Отсутствіе хвой можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ данномъ мѣстѣ росла лишь сосна, иглы которой, соединенныя попарно, оказываются слишкомъ тяжелыми для муравьевъ и обыкновенно не употребляются ими для постройки ихъ жилья.

Обугливаніе, какъ чашки, такъ и массы изъ муравейника, повидимому, было произведено спеціально для похороннаго обряда, а не случайно въ засыпанномъ курганѣ, гдѣ могъ оставаться огонь отъ погребальнаго пепелища. На это указываетъ лежащій сверху обугленной массы—берестянный кружокъ, на которомъ нѣтъ никакихъ признаковъ дѣйствія огня. Равнымъ образомъ, кости, находившіяся въ котлѣ, и похороненный скелетъ, оказываются несожженными, точно также и береста, коимъ были обернуты топоръ и удила, хотя въ толщѣ кургана и найдено было значительное количество углей. По этому надо полагать, что деревянная чашка и ложка были обуглены заблаговременно. Послѣ того, уже при обрядѣ погребенія, чашка была до верху наполнена приготовленнымъ углемъ, а сверху прикрыта берестомъ. Слой углей, найденный въ курганѣ, вѣроятно образовался отъ жертвоприношеній, либо отъ приготовленія здѣсь же пищи для поминокъ. Котелъ, наполненный мелкими костями домашнихъ животныхъ, показываетъ, что онѣ были съѣдены на мѣстѣ погребенія и потомъ тщательно снова уложены въ котелъ, гдѣ онѣ варились. Кромѣ костей, сюда-же была насыпана черноземная земля, отличающаяся отъ мѣстной почвы, изъ которой была сдѣлана курганная насыпь (не болѣе аршина вышины). Насыпка чернозема, очевидно, также входила въ ритуалъ погребенія. Положеніе скелета головою на юго-западъ, лицемъ на сѣверо-востокъ, присутствіе въ его ногахъ глинянаго горшка, и помѣщенные выше въ курганной насыпи—ножъ, топоръ, удила, котелъ, чашка и ложка съ слѣдами здѣсь-же совершавшихся поминокъ, указываютъ на типъ настоящаго курганнаго языческаго погребенія.

Изъ числа существующихъ нынѣ западно-сибирскихъ инородцевъ, обрядъ погребенія, напоминающій древній курганный, сохранился у остяковъ и самоѣдовъ, какъ слѣдъ культурно-религіознаго вліянія на нихъ древнѣйшихъ насельниковъ Сибири (курганнаго или скиѳскаго племени). Нарымскіе и Сургутскіе остяки привозятъ своихъ покойниковъ (иногда очень издалека) на излюбленное мѣсто, обыкновенно избираемое на высокомъ берегу рѣки, или острова. Здѣсь зарываютъ покойника въ песокъ, кладутъ съ нимъ любимыя при жизни, или болѣе необходимыя въ общежитіи, вещи,

насыпаютъ затѣмъ небольшой холмикъ, на которомъ оставляютъ опрокинутую нарту (сани, если покойникъ умеръ зимой), или обласокъ (легкую лодку, если смерть послѣдовала лѣтомъ). Затѣмъ на могилѣ дѣлаются поминки, приносится въ жертву то или другое животное, часть его съѣдается здѣсь-же, а часть, вмѣстѣ съ посудой, оставляется на могилѣ для покойника. Самоѣды въ этомъ случаѣ убиваютъ оленя, мясо съѣдаютъ сами, или уносятъ домой, а на могилѣ оставляютъ одни рога. Котелъ, изъ котораго покойникъ ѣлъ, оставляемый также на могилѣ, они предварительно продырявливаютъ. Подобные-же обычаи, очевидно основанные на тѣхъ-же религіозныхъ вѣрованіяхъ, соблюдаются у черемисъ и чувашъ. У монголовъ и татаръ обрядъ погребенія совершенно другой. У первыхъ онъ основанъ на Зороастровомъ ученіи объ оскверняющемъ значеніи трупа, вслѣдствіе чего покойнику не оказывается никакихъ почестей; у вторыхъ обрядъ погребенія магометанскій, а до принятія ислама былъ такой-же какъ у монголовъ.

Такимъ образомъ могильникъ близь деревни Тохтамышевы юрты вѣроятнѣе всего могъ-бы быть признанъ древнимъ остяцкимъ. Время, когда здѣсь жили остяки, должно быть гораздо ранѣе русскаго водворенія, ибо съ самаго начала XVII вѣка, по существующимъ историческимъ даннымъ, бассейнъ рѣки Томи былъ уже занятъ татарами. Тѣмъ интереснѣе, въ такомъ случаѣ, оказываются найденные въ этомъ могильникѣ типы русскихъ предметовъ (ложка и топоръ), доказывающіе, какъ давно и какъ далеко проникало русское культурное вліяніе въ среду восточной финской народности.*)

Обычай насыпать въ погребальную чашку обугленную массу изъ муравейника, кажется, встрѣчается при археологическихъ изслѣдованіяхъ въ первый разъ. Любопытно было-бы прослѣдить, не будутъ-ли подобныя находки повторяться въ другихъ мѣстахъ и какое они могутъ имѣть отношеніе къ народнымъ повѣрьямъ и баснословію о муравьяхъ.

28) О гончарныхъ водопроводныхъ трубахъ (къ № 1156).

Въ 1878 году Н. А. Абрамовъ напечаталъ въ трудахъ Императорскаго Русскаго археологическаго общества замѣтку подъ за-

*) Образчики южно-азіатскихъ топоровъ, нынѣ употребляемыхъ таранчами, а также китайцами Кульджинской области, см. по каталогу №№ 2023, 2025—2027. Они рѣзко отличаются отъ русскаго, не только плотничнаго, но даже дроворубнаго (болѣе узкаго) топора—по узкой, клинообразной, сильно вытянутой въ длину формѣ. Нынѣшніе сибирскіе инородцы употребляютъ русскій топоръ и русскую ложку.

главіемъ: „Древніе курганы и укрѣпленія въ Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ“. Въ концѣ этой замѣтки упоминается о древнемъ земляномъ укрѣпленіи близь рѣчки Чингильды, въ полуверстѣ отъ Чингильдинскаго пикета, и о существующемъ здѣсь древнемъ водопроводѣ изъ гончарныхъ трубъ. Проѣзжая этимъ трактомъ въ г. Вѣрный, въ 1886 году, я не преминулъ воспользоваться указаніемъ г. Абрамова. Дѣйствительно, на дворѣ самой почтовой станціи оказался тотъ замѣчательный, весьма глубокій колодезь, изъ котораго вода была когда-то проведена подземными трубами къ рѣчкѣ Чингильдѣ. По разсказамъ мѣстныхъ киргизовъ, объ этомъ узнали случайно, наткнувшись на трубы во время земляныхъ работъ при постройкѣ почтовой станціи и при посадкѣ деревьевъ для разводимаго станціоннаго садика. По указанію киргиза я сдѣлалъ соотвѣтствующія пробныя раскопки и въ одномъ мѣстѣ, около почтовой дороги, саженяхъ въ 50 отъ станціи, у мостика, отыскалъ водопроводную вѣтвь, изъ которой взялъ нѣсколько звеньевъ для археологическаго музея. Трубы были заложены въ землѣ на глубинѣ около аршина; звенья вставлялись одно въ другое, безъ цемента, посредствомъ особаго приспособленія (горлышка) на переднемъ концѣ каждаго звена. Полость трубъ была забита (засорена) землей и пескомъ. Сцѣпленіе звеньевъ было настолько крѣпкое, что при извлеченіи ихъ пришлось отколоть—либо горлышко, либо задній конецъ. Кромѣ того нѣкоторые экземпляры были расколоты при копаніи земли, такъ какъ подъ руками не было другаго инструмента, кромѣ весьма неудобнаго для археологическихъ роскопокъ киргизскаго кетменя. Направленіе трубъ шло отъ колодца къ рѣчкѣ, протекающей подлѣ древняго укрѣпленія; но имѣла-ли подземная водопроводная сѣть прямую связь съ крѣпостью, это прослѣдить мнѣ не удалось по недостатку времени.

Будучи въ Вѣрномъ, я имѣлъ случай видѣть точно такія-же водопроводныя трубы у преосвященнаго Неофита, въ собранной имъ небольшой коллекціи мѣстныхъ древностей. Онѣ были взяты не съ Чингильды, а изъ другаго городища, точное названіе котораго я въ настоящее время не припомню. Кромѣ того, по словамъ инспектора училищъ Семирѣченской области г. Городецкаго, двѣ гончарныя трубы были найдены въ развалинахъ древняго зданія близь башни Бураны, недалеко отъ Токмака. Такимъ образомъ оказывается, что гончарные водопроводы въ Семирѣчьѣ не составляютъ исключительнаго явленія, а были, повидимому, распространены во всемъ краѣ.

При первомъ взглядѣ на семирѣченскія трубы я былъ пораженъ сходствомъ ихъ съ такими-же точно экземплярами, найденными въ Болгарахъ и въ городищахъ по Волгѣ. Съ образцами этихъ послѣднихъ, хранящимися въ Казанскихъ археологическихъ музеяхъ (университетскомъ и въ музеѣ археолог. общ.), я былъ знакомъ ранѣе. Звенья болгарскихъ трубъ имѣютъ около 1 арш. длины и отъ 3 до 4 вершковъ въ діаметрѣ. Каждое звено соединяется съ послѣдующимъ посредствомъ внутренняго стыка, въ родѣ втулки, входящей въ расширенную часть слѣдующаго колѣна, точно такимъ-же способомъ, какъ въ семирѣченскихъ трубахъ. Разница состоитъ только въ томъ, что болгарскія трубы приготовлены нѣсколько аккуратнѣе и въ мѣстахъ соединенія звеньевъ заливались цементомъ (что видно по сохранившимся его остаткамъ на наружныхъ стѣнкахъ трубъ), чего въ семирѣченскихъ трубахъ не оказывается. Изъ этого можно заключить, что семирѣченскіе водопроводы древнѣе болгарскихъ, но между тѣми и другими очевидно существуетъ преемственная связь.

Любопытенъ вопросъ: служили-ли описываемые водопроводы только для стока воды, или также для ея подъема? Замкнутая система гончарныхъ трубъ могла-бы наводить и на послѣднюю мысль, но прямое рѣшеніе этого вопроса было-бы возможно только при точномъ обслѣдованіи направленія всей сѣти трубъ. Этого до сихъ поръ не сдѣлано ни въ Семирѣчьи, ни въ Болгарахъ. Тотъ участокъ, который открытъ по настоящее время въ Чингильдѣ, повидимому, разсчитанъ только на самотокъ по склону; но если-бы было доказано, что та-же самая сѣть продолжается и по другую сторону рѣчки, то можно было-бы убѣдиться, что вода проводилась не только въ рѣчку по ея долинѣ, но и поднималась на другой ея берегъ. Это предположеніе не покажется невѣроятнымъ, если принять въ разсчетъ, что азіатская гидротехника съ давнихъ поръ доведена была до большого совершенства, особенно въ примѣненіи къ орошенію полей. Недостатокъ воды служилъ сильнымъ стимуломъ для разныхъ изобрѣтеній и усовершенствованій этого рода (персидское колесо или чигирь, система арыковъ). Поэтому неудивительно, что и наши водопроводы ведутъ свое начало съ глубокой древности, именно изъ маловодныхъ странъ передней Азіи. Но что всего любопытнѣе, самая система ихъ устройства у древнихъ западныхъ народовъ была почти та-же самая, какую мы видимъ въ семирѣченскихъ и болгарскихъ водопроводахъ.

Докторъ Шлиманнъ при археологическихъ раскопкахъ въ Тиренахъ открылъ ящико-образные жолоба изъ обожженной глины,

служившіе для стока воды изъ бань. Водосточный каналъ устраивался изъ отдѣльныхъ звеньевъ, около 0,68 метра длины (= размѣръ болгарскихъ трубъ), имѣющихъ въ поперечномъ разрѣзѣ четырехугольную форму. Соединеніе этихъ кусковъ производилось такимъ образомъ: одинъ конецъ ихъ дѣлался уже, чѣмъ другой, и могъ быть вкладываемъ въ слѣдующее звено. Подобные глиняные жолоба найдены были также на островѣ Самосѣ, гдѣ размѣръ звеньевъ оказался тотъ-же, что и въ Тиренахъ, но способъ ихъ соединенія былъ нѣсколько иной. Здѣсь ширина глиняной коробки по всему звену дѣлалась одна и таже, но толщина стѣнокъ соприкасающихся концовъ съ половины начинаетъ уменьшаться, вслѣдствіе чего передній конецъ предъидущаго звена легко вкладывался въ заднюю часть послѣдующаго. Эта конструкція оказывается болѣе совершенною, чѣмъ тиренская, почему Шлиманнъ считаетъ тиренскіе жолоба древнѣе самоскихъ, относимыхъ къ VI вѣку до Р. Х.*) На 279 стр. того-же сочиненія описывается еще водосточный каналъ, устроенный изъ известковыхъ камней, перекрытыхъ тѣмъ-же матеріаломъ на глиняномъ цементѣ. А для того, чтобы вода, протекающая чрезъ этотъ каналъ, не портила его, дно его было уложено четырехугольными, сверху открытыми, жолобами изъ обожженной глины, подобными предъидущимъ. Отдѣльныя звенья жолоба здѣсь короче вышеописанныхъ и углы ихъ, какъ внутри, такъ и по обоимъ концамъ, закруглены. Этотъ каналъ находился въ томъ-же зданіи (дворцѣ), гдѣ и первый тиренскій, устроенный въ банѣ. Одинъ изъ нихъ служилъ для притока чистой воды, другой—для отвода.

Вышеописанные жолоба, судя по ихъ конструкціи, можно считать за первоисточникъ гончарныхъ водопроводныхъ трубъ. Сходство между тѣми и другими видно въ размѣрѣ звеньевъ и въ способѣ ихъ соединенія. Если въ Семирѣчьи и въ Болгарахъ изъ жолобовъ образовались трубы, то это усовершенствованіе необходимо должно было послѣдовать вслѣдствіе климатическихъ условій, такъ какъ въ нашихъ широтахъ водопроводный каналъ нельзя было оставлять открытымъ, а необходимо было зарывать его въ землю для защиты отъ промерзанія. Кромѣ того лучшая конструкція нашихъ трубъ естественно должна была явиться вслѣдствіе болѣе поздняго ихъ происхожденія, но тѣмъ не менѣе связь ихъ съ тиренскими и самосскими глиняными жолобами очевидна.

Въ древностяхъ передней Азіи имѣются слѣды и настоящихъ водопроводныхъ гончарныхъ трубъ. Аббатъ Марити, описывая свое

*) Schlimann, Tiryns. Leipzig 1886, p. 265, рис. 118.

путешествіе по Сиріи и Палестинѣ, между прочимъ, говоритъ о древнихъ водохранилищахъ Виѳлеема. Они были сдѣланы изъ плотно притесанныхъ камней, соединенныхъ цементомъ. Эти бассейны, числомъ три, соединялись между собою подземными трубами и отъ нихъ начинался водопроводъ, имѣющій десять миль протяженія, проводившій воду въ резервуаръ, высѣченный у воротъ Іерусалима. Трубы этого водопровода были сдѣланы изъ *обожженной глины* и были помѣщены въ особомъ крѣпкомъ каналѣ изъ каменныхъ плитъ. Осматривая внимательно этотъ водопроводъ въ деталяхъ, замѣчаетъ аббатъ Марити, нельзя не придти къ заключенію, что онъ относится къ той-же эпохѣ и сдѣланъ тѣми-же руками, какъ и бассейны. Предполагали, что то и другое было устроено по приказанію Понтійскаго Пилата, правившаго Іудеею, но авторъ, ссылаясь на Іосифа Флавія, считаетъ это ошибкой и возводитъ эту древность къ временамъ болѣе отдаленнымъ.*) Въ этомъ-же сочиненіи говорится о финикійскихъ водопроводахъ, существовавшихъ еще во времена Салманассара, царя ассирійскаго (стр. 194). Такія-же сооруженія были и въ самой Ассиріи и въ Вавилонѣ.

При разсмотрѣніи нашего вопроса, особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что водопроводы изъ гончарныхъ трубъ до сихъ поръ распространены у дунайскихъ болгаръ, составляя у нихъ какъ-бы народную, старую привычку. Въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара (въ статьѣ „Водопой“, т. II, стр. 158) сказано: „Нигдѣ нѣтъ въ такомъ употребленіи и лучшихъ водопроводовъ съ горъ и возвышенностей въ долины и на большія дороги, какъ на востокѣ. Въ турецкихъ владѣніяхъ русскія войска имѣли эти водопроводы передъ глазами. *Болгары особенно искусны въ этомъ дѣлѣ.* Воду съ горъ и возвышенностей они проводятъ *трубами изъ обожженной глины*“.

Когда и отъ кого Болгары научились пользоваться гончарными водопроводами, это вопросъ еще не рѣшенный. Можно только сказать, что они не заимствовали этой привычки отъ Византійцевъ, ибо у послѣднихъ такихъ водопроводовъ не было. Какъ при римскихъ императорахъ, такъ и позднѣе, въ цвѣтущее время Византіи, знаменитые константинопольскіе акведуки устраивались большею частію по римской системѣ (на аркахъ, съ каменными или кирпичными каналами). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако-же, въ Болгаріи и въ окрестностяхъ Константинополя оказываются въ древнихъ водопроводахъ и не римскіе элементы, а заимствованные

*) Mariti M., l' abbé, Voyages dans l' isle de Chypre, la Syrie et la Palestine. Tome second. Paris 1791, p. 186.

по всей вѣроятности изъ Азіи. Это такъ называемыя гидравлическія пирамиды *), соединенныя между собою свинцовыми трубами, имѣющія цѣлію передвиженіе воды съ одной возвышенности на другую не по наклонной плоскости, посредствомъ арочныхъ мостовъ и каналовъ, какъ было у римлянъ, а по гидравлическимъ законамъ равновѣсія жидкостей. Эти сооруженія устраивались такимъ образомъ: сначала отыскивали ключи или вообще источники воды, которые лежали-бы значительно выше того мѣста, куда предполагается провести воду. Ключи сводятся подземными наклонными каналами къ опредѣленному мѣсту, на краю долины, гдѣ воздвигается первая пирамида съ пріемникомъ воды на ея вершинѣ. На противуположной сторонѣ долины строится такая-же пирамида, бассейны которыхъ соединяются вертикально опускающимися, а потомъ идущими подъ землей трубами, такъ чтобы вода могла свободно переливаться изъ одного бассейна въ другой силою давленія водянаго столба въ верхнемъ бассейнѣ. Изъ втораго бассейна вода переливается такимъ-же образомъ въ третій и т. д. до послѣдней станціи, откуда она уже распредѣляется по мѣрѣ надобности. Пирамиды строились въ разстояніи одна отъ другой около 85 саженъ, при чемъ уровень бассейна предъидущей дѣлался нѣсколько выше послѣдующей. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ первоначальное примѣненіе той самой водопроводной системы, основанной на гидравлическихъ законахъ движенія жидкостей по замкнутымъ трубамъ, какая въ настоящее время употребляется во всей Европѣ, вытѣснивъ совершенно древнюю римскую систему акведуковъ. Къ сожалѣнію мы не можемъ сказать, по недостатку историческихъ и археологическихъ данныхъ, кто занесъ эту систему на Балканскій полуостровъ, Арабы или Болгары, но несомнѣнно, что она не древнеклассическаго и не европейскаго происхожденія. Примѣненные здѣсь законы гидравлики не только не были извѣстны грекамъ и римлянамъ, но ими не пользовались даже въ позднѣйшее время при устройствѣ многочисленныхъ французскихъ и германскихъ водопроводовъ, долгое время сооружавшихся по римской системѣ. Относительно арабовъ авторъ вышеупомянутаго путешествія на Босфоръ замѣчаетъ: „Souterazi существуютъ также въ Испаніи, но они по всѣмъ признакамъ новѣйшаго происхожденія. Нѣтъ ни одного доказательства, которое позволяло-бы приписать это изобрѣтеніе Маврамъ;

*) Онѣ называются на мѣстномъ языкѣ *Souterazi*. По мнѣнію г. *Andreossy* (Voyage a l' embouchure de la mer—noire. Paris 1818) это слово происходитъ отъ *sou*, вода и *terazi*, равновѣсіе. Въ томъ-же сочиненіи помѣщено подробное описаніе древнихъ византійскихъ водопроводовъ (стр. 183 и слѣдующія).

ихъ акведуки въ Гренадѣ имѣютъ совершенно другую форму (стр. 182 примѣч.)". Поэтому авторъ склоняется къ предположенію, что въ Испанію эта система завезена была изъ Константинополя.

Не имѣя пока прямыхъ основаній приписывать разсматриваемое изобрѣтеніе Болгарамъ, мы тѣмъ не менѣе должны сказать, что нигдѣ, какъ у нихъ, не было такъ распространено употребленіе замкнутыхъ подземныхъ водопроводныхъ трубъ, дающихъ первое основаніе для примѣненія гидротехническихъ законовъ. Пользуясь ими въ продолженіи, можетъ быть, многихъ столѣтій (въ Семирѣчьи и на Камѣ), возможно было подмѣтить, что вода, протекающая по замкнутымъ трубамъ, въ состояніи не только передвигаться по уклону, но и подниматься на высоту, соотвѣтствующую исходному резервуару. Знали-ли, дѣйствительно, Болгары этотъ физическій законъ, это могутъ выяснить точныя изслѣдованія направленія и горизонтовъ всей сѣти оставшихся послѣ нихъ гончарныхъ водопроводовъ.*)

Въ заключеніе замѣтки о болгарскихъ водопроводахъ считаю неизлишнимъ прибавить, что въ изданіи *Штриттера*, *Memoriae populorum* (T. II, pars 2, pag. 495), подъ 326 годомъ приведено извѣстіе о постройкѣ императоромъ Константиномъ водопровода изъ Булгаріи („Evbulus latrinas condidit, et aquaeductus ex Bulgaria in urbem perduxit"). Подъ Булгаріей здѣсь вѣроятно разумѣется какая нибудь ближайшая къ Константинополю мѣстность, можетъ быть та самая долина, въ которой нынѣ расположена деревня *Бѣлградъ*, бывшая нѣкогда лѣтней резиденціей европейскихъ посланниковъ при Оттоманской портѣ, откуда дѣйствительно былъ проведенъ одинъ изъ древнихъ Константинопольскихъ водопроводовъ. Употребленное въ приведенной ссылкѣ выраженіе „ex Bulgaria" заставляетъ думать, что имя Болгаръ было извѣстно въ Византіи уже въ половинѣ IV вѣка, а это въ

*) Гончарныя водопроводныя трубы были найдены также въ Феодосіи. Сѣть ихъ начиналась отъ горныхъ источниковъ и нарочно устроенныхъ колодцевъ, на высотѣ до тысячи футовъ, и кончалась въ городскихъ фонтанахъ (Ю. Гюбнеръ, древняя и новая Феодосія въ санитарномъ отношеніи. Спб. 1875 г., стр. 29). Къ сожалѣнію, въ изслѣдованіи доктора Гюбнера, имѣвшаго въ виду не археологическія, а гигіеническія цѣли, не указывается ни размѣра гончарныхъ трубъ, ни ихъ устройстра. По этому трудно судить, кому принадлежатъ эти водопроводы, Генуезцамъ, или другому народу, раньше здѣсь жившему. Послѣ паденія Босфорскаго царства, эти области, какъ извѣстно, достались Римской имперіи, а потомъ Византіи. Съ 62 года по Р. Х. Тавриду завоевали Аланы, за ними слѣдуютъ Готы (200 г.), потомъ Гунны (375 г.) и Болгары (501 г.). Если-бы можно было сравнить звенья Феодосійскихъ трубъ съ болгарскими, то быть можетъ между ними оказалось-бы сходство, позволяющее судить о происхожденіи тѣхъ и другихъ.

свою очередь можетъ наводить на мысль, что въ послѣдующее время, когда въ Восточной Римской Имперіи весьма усилилось славянское вліяніе (напр. при Императорѣ Юстиніанѣ), могли проникать въ византійскую жизнь и нѣкоторыя идеи славянской строительной техники.

29) О культурныхъ растеніяхъ, собранныхъ въ Тобольскихъ курганахъ (къ № 1157).

Обугленные остатки культурныхъ растеній, взятые изъ курганныхъ пепелищъ, можно считать счастливою находкою въ томъ отношеніи, что по нимъ можно съ увѣренностію судить о земледѣліи, существовавшемъ у древнихъ жителей курганнаго періода и породахъ воздѣлываемыхъ ими растеній. Обугленные остатки, собранные въ количествѣ большой стеклянной банки, представляютъ собою черную легкую массу, въ которой преобладаютъ древесный уголь и крупная солома, но вмѣстѣ съ тѣмъ явственно видна большая примѣсь крупныхъ и мелкихъ зеренъ обугленныхъ злаковъ. Ученый садовникъ Томскаго университета П. Н. Крыловъ, при тщательномъ изслѣдованіи этого матеріала, опредѣлилъ въ немъ слѣдующіе виды: 1) *Ячмень* (Hordeum) въ преобладающемъ количествѣ. Его отобрана цѣлая коробка, но сверхъ того очень много зеренъ осталось въ смѣшанной массѣ, вмѣстѣ съ углями и соломою. 2) *Овесъ* (Avena sativa), сравнительно не очень много. 3) *Конопля* (Cannabis sativa), довольно много. Мелкія сѣмена ея имѣютъ большое сходство съ сѣменами одичавшей конопли, встрѣчающейся нынѣ въ посѣвахъ хлѣбныхъ растеній. То обстоятельство, что обугленныя зерна часто являются слипшимися въ куски, даетъ нѣкоторый поводъ думать, что конопля сжигалась не чистыми зернами, а вмѣстѣ съ верхнею частію самаго растенія, гдѣ зерна сидятъ группами. 4) *Рыжикъ* (Camalina sativa), въ очень маломъ количествѣ, вѣроятно какъ примѣсь къ зернамъ ячменя отъ сорнаго растенія. 5) Гречиха вьющаяся (Poligonum convolvulus), тоже какъ сорное растеніе въ примѣси къ ячменю. 6) Сѣмена неопредѣленнаго пока растенія, въ немаломъ количествѣ; вѣроятно также примѣсь отъ сорной травы. 7) Солома, вѣроятно отъ ячменя. 8) Древесный уголь.

Такимъ образомъ, въ изслѣдованномъ матеріалѣ изъ хозяйственныхъ, воздѣлываемыхъ растеній оказываются только ячмень, овесъ и конопля. Очень можетъ быть, что другихъ злаковъ и не воздѣлывалось въ Тобольскомъ районѣ, частію по климатическимъ

условіямъ того времени, частію по ограниченному развитію земледѣлія въ сѣверныхъ странахъ; но тѣмъ не менѣе нахожденіе ячменя и овса служитъ прямымъ доказательствомъ, что жители курганной эпохи не представляли собою кочевое племя, питавшееся исключительно своими стадами и рыбною или звѣриною ловлею. Тоже подтверждаютъ найденные въ курганахъ бронзовые серпы и ручные жернова, изъ коихъ первые свидѣтельствуютъ о давности существовавшаго около Тобольска земледѣлія (въ бронзовомъ вѣкѣ). Сѣмена конопли также говорятъ въ пользу того, что это извѣстное скиѳамъ растеніе въ очень давнее время было перенесено съ юга на сѣверъ и здѣсь культивировано, вѣроятно этимъ-же самымъ курганнымъ народомъ (см. примѣч. 26).

По свидѣтельству Гена, у классическихъ народовъ овесъ (avena) былъ извѣстенъ лишь въ видѣ сорной травы. Древніе евреи, египтяне и индусы тоже не употребляли овса; но у сѣверныхъ народовъ (у славянъ и литовцевъ) онъ воздѣлывался съ давнихъ поръ, какъ объ этомъ упоминалъ еще Плиній. Славянское слово *овесъ* сходно съ латинскимъ *avena* и литовскимъ *aviza*. Пикте сближаетъ его съ санскр. *avana*, *avas*, satisfaction.*) Близость латинскаго и литовскаго названія овса показываетъ, что славяне усвоили это растеніе очень давно, хотя ввели его въ свою культуру не по примѣру классическаго запада.

Родиною ячменя считаютъ сѣверную Африку. Культура его ведется съ очень давнихъ поръ. У народовъ Малой Азіи, именно: армянъ, фригійцевъ, ѳракійцевъ, а также въ Иллиріи и Панноніи, у кельтовъ, германцевъ, скиѳовъ и славянъ изъ ячменя выдѣлывался напитокъ (Генъ). На сѣверѣ Россіи ячмень въ мукѣ и крупѣ составляетъ любимую пищу (ячная каша, ячные блины, хлѣбцы ячники или ячневики), а также дѣлаютъ ячменное пиво. Вѣроятно тоже значеніе имѣлъ ячмень и у древнихъ тобольскихъ жителей, судя по найденнымъ тамъ плоскимъ ложкамъ, пригоднымъ для каши и киселя.

Воздѣлываніе злаковъ идетъ рука отъ руку съ употребленіемъ соли. До тѣхъ поръ пока народъ ведетъ пастушескій или охотничій образъ жизни и питается животною пищею, онъ не чувствуетъ физіологической потребности солить свою пищу. Инстинктивное влеченіе къ этой приправѣ обнаруживается только у животныхъ травоядныхъ, а равно у народовъ, питающихся растительною или смѣшанною пищею.**) По этой причинѣ арійцы узнали соль поз-

*) *Будиловичъ*. Первобытные славяне, ч. I, стр. 96 и 191,

**) Объясненіе этого инстинкта см. у Густава *Бунге* въ учебникѣ физіологической и патологической химіи. Русск. перев. подъ ред. Залѣсскаго.

днѣе семитовъ, а нѣкоторыя изъ арійскихъ племенъ познакомились съ нею только въ Европѣ, а не на прежней своей родинѣ.

На санскритскомъ языкѣ соль называется *sara*, что значитъ собственно вода, или соленая вода. Изъ этого явствуетъ, что древніе арійцы были знакомы только съ морскою или озерною солью, но употребляли-ли ее въ пищу—не извѣстно. Равнымъ образомъ сомнительно, чтобы соль была необходимою приправою эллинскаго стола въ эпоху Троянской войны. При описаніи пировъ Пенелопы Гомеръ ни разу не указываетъ, чтобы пищу солили, не смотря на подробныя описанія приготовленія разныхъ мясныхъ блюдъ. У Гомера соль упоминается при обрядахъ жертвоприношеній, и именно тогда, когда приносились въ жертву богамъ плоды и растенія, но не животныя. Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи путешествія Одиссея въ дальныя страны, Гомеръ говоритъ:

«Странствуй покуда людей не увидишь
Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ
(Одиссея XI, 122)».

Изъ этого сопоставленія моря и соли можно заключить, что греки тоже пользовались морскою солью, приправляя ею, вѣроятно, только растительную пищу.

Названіе соли на всѣхъ европейскихъ языкахъ ведетъ свое начало отъ арійскаго корня, *sara*, хотя съ видоизмѣненіемъ первоначальныхъ звуковъ (r перешло въ l).*) Въ Европѣ, или м. б. еще въ Малой Азіи это слово раздѣлилось на два варіанта. Къ первому изъ нихъ принадлежитъ кимврское и кельтское *hal*, *halen* и греч. ἅλς, слѣды которыхъ, можетъ быть, позволительно усмотрѣть въ славянскихъ географическихъ названіяхъ *Галича*, *Галаца* и *Галиціи*, а равно и въ нѣм. городѣ *Галле*.**) Всѣ эти мѣстности

Дерптъ. 1888 г. Лекція VII, стр. 114. Тамъ же приведены подробныя свѣдѣнія о народахъ, употребляющихъ и неупотребляющихъ соль.

*) Въ наиболѣе близкой формѣ санскритское слово сохранилось у Волоховъ. По воложски соль *sare*.

**) Въ Костромской губерніи существуетъ *Галичское озеро* и близъ него городъ *Галичь*, основанный русскими въ Меряжской землѣ. Онъ назывался Галичемъ Меряжскимъ, въ отличіе отъ Галича Червенскаго, въ Галиціи. Въ той-же Костромской губерніи находится городъ *Солигаличь*, упоминаемый въ лѣтописяхъ съ XIII вѣка, но вѣроятно (судя по древнимъ городищамъ) основанный еще въ доисторическое время. Можно думать, что имя этихъ Галичей перенесено съ юга, изъ Галиціи, а можетъ быть и изъ Малой Азіи. Не далеко отъ русскихъ Галичей (въ Тверской губ. Корчевск. уѣзда) существуетъ извѣстное село *Кимры*, при впаденіи въ Волгу рѣки Кимерки. Не напоминаютъ-ли эти названія о тѣхъ Кимврахъ, на языкѣ которыхъ соль называлась *hal* или *halen*?

дѣйствительно изобиловали солью. Можетъ быть сюда-же можно отнести названіе Іудейской *Галилеи* и рѣки *Галиса*.

Другой варіантъ слова *sara*, усвоенный романскими, славянскими и германскими народами, сохранился до настоящаго времени у всѣхъ этихъ народовъ. Сюда принадлежатъ: лат. *sal*, слав. *соль*, нѣм. *salz* и т. д. Въ готскомъ и скандинавскомъ языкѣ въ словѣ соль явилась новая согласная т. Такимъ образомъ у готовъ, англосаксовъ, датчанъ, исландцевъ, шведовъ образовалось, вмѣсто sal, *sal-t-a*, *salt*. Изъ этого можно было-бы заключить, что Готы, Скандинавы, Англосаксы и Германцы узнали соль позднѣе другихъ арійскихъ народовъ и заимствовали ея названіе отъ римлянъ. Латинскія-же племена и славяне, вѣроятно, усвоили слово соль еще въ Малой Азіи, произведя это слово самостоятельно изъ санскритскаго корня. Отъ славянъ заимствовали тоже названіе почти всѣ финны европейской Россіи (по фински *suola*, по эстонски *sool*, по зырянски *sol*, по мадьярски *so*, по пермятски *солю*, по мордовски *салъ*). Во всѣхъ этихъ названіяхъ, за исключеніемъ мордовскаго, сохранена характерная для русской формы буква о. По латышски соль называется *drusca*. Это-же слово обозначаетъ хлѣбную крошку, мелочь; нарѣч. *drusku*, немного, что соотвѣтствуетъ польскому *trocha*, *troszka* и чешскому *troch*, *trosek*, не много. Въ русскомъ языкѣ тоже слово существуетъ въ значеніи *трусить*, *натруска* (пороховница).*)

Въ данномъ случаѣ для насъ любопытенъ тотъ фактъ, что западные финны усвоили названіе соли не изъ германскихъ или скандинавскихъ языковъ, а именно отъ языка славянскаго. Изъ этого можно заключить, что скиѳское земледѣліе на югѣ Россіи, о которомъ писали греческіе историки, было земледѣліемъ славянскимъ, а не готскимъ или германскимъ, тѣмъ болѣе не финскимъ. Народъ, воздѣлывающій злаки и питающійся хлѣбомъ, долженъ былъ имѣть и соль. О скиѳахъ, сверхъ того, извѣстно, что они вели немаловажную торговлю соленой рыбой (преимущественно съ бассейна Азовскаго и Чернаго моря). По этому скиѳское названіе соли непремѣнно должно было оставить слѣды въ

*) У семитовъ названіе соли имѣетъ совсѣмъ другое происхожденіе. По еврейски соль *мелахъ*, по ассирійски *милха*, по халдейски *милху*, по сирійски *мелха*, по арабски *мьелахъ* Равнымъ образомъ у тюркскихъ народностей это слово опять идетъ отъ другаго корня, именно: по турецки *тузъ*, по татарски *тызъ*, по сартовски *тузъ*, по чеченски *тухи*. По монгольски соль *дабасу*, по калмыцки *дабусунъ*, по бурятски *дабугунъ*, по манжурски *дабсунъ* (сравнит. словари всѣхъ языковъ и нарѣчій Спб. 1787 г. ч. 1 стр. 389). Кочующіе скотоводы, какъ мы упомянули выше, обыкновенно пищи своей не солятъ. Соль имъ извѣстна главнымъ образомъ потому, что ее употребляетъ скотъ.

языкахъ, соприкасавшихся съ ними некультурныхъ народовъ сѣверной Россіи. Между тѣмъ у нашихъ инородцевъ въ этомъ отношеніи мы не видимъ ни скандинавскаго, ни германскаго, ни иранскаго вліянія, а только русское.*) Изъ восточныхъ финновъ, соприкасавшихся съ тобольскою земледѣльческою культурою можно указать на мадьяръ (на мѣстѣ ихъ прежней азіатской родины) зырянъ и перьмяковъ. У всѣхъ ихъ соль выражается русскимъ словомъ.

30) О квадратныхъ кирпичахъ и кирпичныхъ постройкахъ (къ №№ 1158—1162).

Остатки древнихъ кирпичныхъ зданій и развалины городовъ съ каменными постройками до сихъ поръ найдены (не считая европейской Россіи) только въ областяхъ Семирѣченской и Семипалатинской. Въ музеѣ Томскаго университета имѣются образцы обожженнаго кирпича изъ трехъ пунктовъ: 1) со дна озера Иссыкъ-Куля, 2) изъ башни Бураны, стоящей въ 8 верстахъ отъ Токмака и 3) изъ развалинъ древняго большаго города, находящихся въ Лепсинскомъ уѣздѣ Семирѣченской области.

Всѣ Семирѣченскіе кирпичи имѣютъ квадратную форму, за исключеніемъ № 1162, представляющаго продолговатый типъ ($32 \times 14^1/_2$ сант.). По размѣрамъ они сходны съ кирпичами многочисленныхъ развалинъ древнихъ городовъ Сыръ-Дарьинской области, древней Камской Болгаріи и всего Поволжья. По этой причинѣ квадратный кирпичъ, находимый въ восточныхъ областяхъ Россіи, принято называть татарскимъ, а развалины древнихъ городовъ Камской Болгаріи и Поволжья—считать принадлежащими татарской эпохѣ.

Не отрицая того общеизвѣстнаго факта, что арабская культура внесла въ Туркестанскій край, а можетъ быть и въ Семирѣчье, не малую долю архитектурныхъ памятниковъ, мы, однакоже, не можемъ сказать, чтобы кирпичныя постройки совершенно отсутствовали въ упомянутыхъ областяхъ до подчиненія ихъ арабскому вліянію. Принимая во вниманіе давность здѣшней архаической культуры и видимую связь ея съ культурою малоазійскою, какъ родиною кирпичныхъ построекъ, нельзя не остановиться на мысли, что въ развалинахъ древнихъ каменныхъ городовъ могли сохраниться слѣды и болѣе глубокой древности. По этой причинѣ

*) По мнѣнію Густава *Бунге* (1 с.) у германцевъ потребность къ употребленію соли пробудилась не задолго до того времени, когда ихъ описывалъ Тацитъ, какъ племя только что переходящее къ осѣдлости и земледѣлію.

мы позволяемъ себѣ удѣлить примѣчаніямъ по этому вопросу больше мѣста, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ.

Изобрѣтеніе кирпича ведетъ свое начало изъ Ассиріи и Вавилона, гдѣ климатическія и почвенныя условія страны содѣйствовали широкому развитію и примѣненію этого изобрѣтенія. За недостаткомъ строительнаго камня и дерева, самымъ доступнымъ и подходящимъ матеріаломъ для общественныхъ и частныхъ построекъ въ Месопотаміи служила глина. Изъ глины сооружали массивныя стѣны укрѣпленныхъ городовъ, дворцы и частные дома, изъ нея-же была выстроена знаменитая по библейскимъ сказаніямъ Вавилонская башня, какъ это видно по открытой нынѣ надписи Навуходоносора, говорящей о возобновленіи этой башни. Практическій опытъ, вѣроятно, скоро научилъ приготовлять глину спеціально для строительныхъ цѣлей въ формѣ массивныхъ, болѣе или менѣе правильныхъ кусковъ, высушенныхъ на солнцѣ, до сихъ поръ употребляемыхъ въ Азіи подъ именемъ сырцоваго кирпича. За этимъ шагомъ слѣдовало искусство обжигать глину, приготовлять настоящій кирпичъ, который первое примѣненіе нашелъ въ томъ-же Вавилонѣ, не только для построкъ, но даже для болѣе высокой потребности—письменности (кирпичная литература клиновидныхъ письменъ).

Ассиро-Вавилонское царство, съ древнѣйшихъ временъ распространявшее свое вліяніе на востокъ до Аральскаго моря и Сыръ- Дарьи и на сѣверъ до Кавказскихъ горъ, заключало въ себѣ разныя племена и народности (отсюда библейское сказаніе о смѣшеніи языковъ при постройкѣ Вавилонской башни). Поэтому древне-халдейская культура преимущественно распространилась въ восточно-азіатскихъ странахъ и у тѣхъ народовъ, которые подчинены были Вавилону. Ближе всего она отразилась въ Малой Азіи, а отсюда, преемственно, чрезъ Кавказъ, перенесена была на югъ Россіи и въ Поволжье; но въ неменьшей степени она укоренилась, особенно при послѣдующемъ вліяніи Персовъ, въ Центральной Азіи.

Въ Малой Азіи ассиро-вавилонское строительное искусство отразилось на троянскихъ и отчасти на древнѣйшихъ греческихъ постройкахъ. По изслѣдованіямъ доктора Шлиманна, многіе частные дома, а равно отчасти и городскія стѣны въ древнѣйшихъ частяхъ Трои, Тиренъ и Микенъ, были выстроены изъ кирпича, сырцоваго, или обожженнаго.*) У грековъ, при дальнѣйшемъ развитіи ихъ культуры, этотъ способъ постройки не привился, и во-

*) Въ Тиренахъ весьма часто нижняя часть домовъ строилась изъ камня, а верхняя—изъ сырца, или изъ обожженнаго кирпича. Сырцовые кирпичи часто приготовлялись съ большою примѣсью соломы, что и до сихъ поръ практикуется по всей Центральной Азіи и въ Семирѣченской области.

обще халдейское вліяніе коснулось ихъ только слегка, какъ-бы посредственно и мимолетно, но за то у азіатскихъ народовъ оно пустило глубокіе корни, не заглохшіе до сихъ поръ. Отъ троянцевъ привычка къ употребленію кирпича перешла къ народамъ римской федераціи и къ потомкамъ фракійскаго племени.

Въ Троѣ и въ древнѣйшихъ греческихъ постройкахъ кирпичъ имѣлъ, по описанію Шлиманна, слѣдующіе размѣры:

	Длина.	Ширина.	Толщина.
ТРОЯ:			
II-й ГОРОДЪ:			
№ 1	67—72	44—48	12—13 сантим.
2	66	30	12 »
3	69—71	19—20	11—12 »
III—IV ГОРОДА:			
4	30	30	7 »
5	42	?	8 »
ХАНАЙ-ТЕПЕ:			
6	28	14	7 сантим.
7	25—28	20—25	6—7 »
8	45—48	30—31	7 »
9	41	21	9 »
10	49	24	7 »
ТИРЕНЫ:			
11	47—48	36	10 »
12	36—37	21	12—13 »
13	52—53	?	9 »
14	43	25—26	9 »
МИКЕНЫ:			
15	?	35	8—9 »
ELEUSIS:			
16	44	44	9 »

Не всегда легко уяснить, относятся-ли эти измѣренія къ сырцовому, или обожженному кирпичу, тѣмъ болѣе, что по словамъ Шлиманна въ городахъ, погибшихъ отъ пожара, сырцовыя стѣны могли быть обожжены уже послѣ постройки, въ моментъ разрушенія. Между тѣмъ практика новѣйшаго времени показываетъ, что сырцовые кирпичи весьма часто приготовляются гораздо массивнѣе предназначаемыхъ для обжига (въ Туркестанской и Семирѣченской области) и они обыкновенно имѣютъ не квадратную, а болѣе продолговатую форму. Изъ кирпичей, указанныхъ въ таблицѣ Шлиманна, болѣе всего приближаются къ архаическимъ среднеазіатскимъ № 4-й изъ Трои и № 16 изъ Eleusis'a, хотя все-же они вдвое толще нашихъ.

По измѣреніямъ *Burnouf'a* наичаще встрѣчающіеся размѣры кирпичей въ развалинахъ Трои (третьяго города) слѣдующіе: $52 \times 43 \times 13^1/_2$ сант. Всѣ они неизмѣнно смѣшаны съ соломою; нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не обожжены, другіе обожжены весьма слабо, но встрѣчаются и сильно обожженные.

Свѣдѣнія о древнемъ греческомъ и римскомъ кирпичѣ можно найти въ сочиненіяхъ *Витрувія* и *Плинія*.*) Первый изъ этихъ авторовъ (современникъ Юлія Цезаря) въ главѣ о кирпичахъ прежде всего описываетъ способъ ихъ приготовленія (выборъ глины и способъ сушки). При этомъ онъ замѣчаетъ, что самое удобное время для ихъ формовки—весна и осень, потому что во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ глина слишкомъ сильно и быстро высыхаетъ съ поверхности, а внутри кирпича остается сырость, которая потомъ производитъ трещины и портитъ заготовленный матеріалъ. Лучшій кирпичъ считается тотъ, который оставляютъ просыхать не менѣе двухъ лѣтъ. Въ Утикѣ позволялось употребленіе кирпича въ кладку стѣнъ только по истеченіи пяти лѣтъ послѣ его приготовленія, убѣдившись, что онъ совершенно сухъ. Изъ этого описанія видно, что Витрувій говоритъ только о сырцевомъ, а не обожженномъ кирпичѣ. На это указываетъ и употребленное имъ слово *later*, безъ прилагательнаго *testaceus*. Обожженный кирпичъ латинцы называли *testa*, или later testaceus, later coctus. *Плиній* (кн. 35, гл. 48 и 49) тоже говоритъ о сырцовомъ кирпичѣ (later crudus), восхваляя его прочность ссылкою на сохранившіяся постройки временъ Аннибала. О приготовленіи этого кирпича онъ говоритъ тоже самое, что и Витрувій.

---

*) *Vitruvii* Pollionis de architectura, Lib. II. c. 3, de lateribus. *Plinii Secundi* Historia naturalis. Lib. XXXV, 49.

Форматъ кирпича (сырца) по Витрувію былъ трехъ родовъ: первый назывался у грековъ *лидійскимъ* (λυδιος). Этотъ сортъ по преимуществу былъ въ употребленіи у римлянъ во времена Витрувія (id est quo nostri utuntur). Длина его пядь, ширина полпяди. Остальные два сорта употреблялись греками для постройки ихъ зданій: одинъ изъ нихъ назывался *пентадоронъ* (Πεντάδωρον), другой *тетрадоронъ*. Словомъ δῶρον греки называютъ ладонь; поэтому пентадоронъ называется кирпичъ, имѣющій во всѣхъ размѣрахъ по пяти ладоней (въ квадратѣ), а тетрадоронъ—по четыре ладони. Шлиманнъ, переводя это на современную намъ мѣру, считаетъ размѣры лидійскаго кирпича 0,44 метра—0,30 метр., пентадоронъ 0,37 метр., тетрадоронъ 0,30 метр. въ квадратѣ. По Плинію размѣръ лидійскаго кирпича въ его время былъ длиною полторы пяди, шириною одна пядь. Пентадоронъ и тетрадоронъ имѣли по пяти и по четыре ладони въ квадратѣ, отчего происходитъ и ихъ названіе. Кирпичъ меньшаго размѣра (въ 4 ладони) греки употребляютъ для постройки частныхъ зданій, а въ пять ладоней—для зданій общественныхъ. Далѣе Плиній прибавляетъ: „Греки предпочитаютъ строить кирпичныя стѣны всюду, гдѣ нѣтъ по близости камня. И дѣйствительно, такія стѣны, говоритъ онъ, могутъ считаться вѣчными, если только онѣ правильно и вертикально сложены“. Такимъ образомъ изъ кирпича строились у грековъ общественныя зданія и даже дворцы. „Въ Римѣ, прибавляетъ Плиній, построекъ этого рода не производятъ, потому что стѣны въ полторы пяди толщины не могутъ выдерживать болѣе одного этажа“. (Plin. XXXV, 49). Послѣднее замѣчаніе Плинія показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь именно о сырцевомъ кирпичѣ, такъ какъ въ его время въ Римѣ существовали зданія и изъ обожженнаго кирпича, но размѣры его, какъ показываютъ развалины такихъ зданій, не совпадаютъ съ описаніями Плинія и Витрувія.

Витрувій также упоминаетъ о томъ, что кирпичныя (сырцовыя) постройки въ Римѣ не употреблялись, ссылаясь на ту-же причину, какая приведена у Плинія, именно, что по закону нельзя было строить наружныхъ стѣнъ болѣе полуторыхъ пядей толщины, а внутреннія стѣны не удобно было дѣлать толще наружныхъ, чтобы не стѣснять пространства въ комнатахъ. Между тѣмъ сырцовыя стѣны (latericii), если-бы даже онѣ были въ два или три кирпича, толщиною въ полторы пяди, не могутъ вынести болѣе одного этажа. Въ такомъ величественномъ и многолюдномъ городѣ, какъ Римъ, для помѣщенія жителей въ одноэтажныхъ домахъ пришлось-бы занять постройками слишкомъ большое про-

странство, а такъ какъ этого сдѣлать было невозможно, то вмѣсто ширины городъ долженъ былъ рости въ вышину. Такого поднятія стѣнъ можно было достигнуть только помощію каменныхъ пилоновъ (pilis lapideis) и употребленія обожженнаго кирпича на цементѣ (structuris testaceis). При этомъ только условіи можно было безъ труда возводить высокія стѣны, воздвигая одинъ этажъ надъ другимъ. Изъ этого видно, что Витрувій отличаетъ обожженный кирпичъ (testa) отъ сырца (later). Послѣдній не примѣнялся для постройки городскихъ зданій, а первый употреблялся совмѣстно съ камнемъ. Части зданія, требовавшія большой крѣпости, какъ-то углы, косяки, пилоны, выкладывались изъ камня, а простѣнки изъ кирпича на цементѣ.

Въ городахъ Греціи распространеніе кирпичныхъ построекъ едва-ли имѣло большой успѣхъ, если судить объ этомъ по весьма ограниченному числу кирпичныхъ развалинъ на почвѣ древней Эллады. Изобиліе отличныхъ каменныхъ породъ, пригодныхъ для построекъ, утонченное развитіе эстетическаго вкуса и выработавшійся у грековъ самостоятельный архитектурный стиль вытѣснили кирпичную строительную технику. Свѣдѣнія, сообщенныя объ этомъ производствѣ Витрувіемъ и почти буквально повторенныя Плиніемъ, говорящія о способахъ приготовленія кирпича и кладки сырцовыхъ стѣнъ у грековъ, еще болѣе подтверждаютъ существовавшее въ ихъ время весьма недостаточное развитіе кирпичной строительной техники.

Въ древне-римскихъ постройкахъ обоженный кирпичъ встрѣчается двухъ сортовъ, продолговатый и квадратный. Первый употреблялся по преимуществу для кладки стѣнъ, второй—для половъ, облицовки стѣнъ и для сводовъ. Размѣры перваго, по сохранившимся памятникамъ, были слѣдующіе:

	Длина.	Ширина.	Толщина.
Въ Римѣ	22 сантим.	14 сантим.	3 сантим.
	23 »	14 »	3 »
	24 »	14 »	3—4 »
	25 »	14 »	3—4 »
	29 »	14—16 »	3—4 »

Размѣры квадратнаго кирпича болѣе разнообразны, именно:

	Длина.	Ширина.	Толщина.
Въ Римѣ	34 сантим.	34 сантим.	3—4 сант.
	59 »	59 »	3—4 »
	60 »	60 »	3—4 »
» Тиволи	42 »	42 »	3 »
» Тарентѣ	59 »	59 »	3 »
» Тріерѣ	54 »	54 »	6 »
	55 »	55 »	6 »
	56 »	56 »	6 »
	60 »	60 »	6 »
	55 »	55 »	5—7 »
	34 »	35 »	4 »

Продолговатые кирпичи въ Тріерѣ имѣли размѣръ 54 длины и 29 ширины, а также 53 и 28, при толщинѣ 4 сант.

Кирпичи, употреблявшіеся въ древне-германскихъ постройкахъ отличались размѣрами отъ римскихъ, какъ это видно изъ нижеприведенной таблицы.*)

	Длина.	Ширина.	Толщина.
Augst	36 сантим.	36 сантим.	4 сантим.
Mannheim	36 »	36 »	4 »
	39 »	31 »	3,5 »
Neuenheim	22 »	22 »	5 »

*) Durm Handbuch der Architektur. Zweiter Theil, Die Baukunst der Römer, стр. 114.

Badenweiler	38—39 сан.	32 сантим	4 сантим.
Mainz	28 »	28 »	3 »
Hüfingen	28 »	28 »	3 »
Messkirch	46 »	46 »	5 »
	30 »	30 »	5 »
	46 »	20 »	5 »
Baden	48 »	48 »	6 »
	27 »	27 »	6 »

О размѣрахъ византійскаго кирпича я не имѣю подъ рукой достаточныхъ свѣдѣній. Въ исторіи зодчества Султанова упоминается, что этотъ кирпичъ былъ квадратный, имѣлъ 37 сант. длины и ширины, при толщинѣ 5, 3 сант.; но эти данныя слишкомъ кратки. Желательно было бы знать размѣры кирпича съ указаніемъ зданій, откуда они взяты, и съ опредѣленіемъ, въ какую конструкцію постройки они входили. Весьма возможно, что во время Константина Великаго, или Ѳеодосія кирпичъ болѣе приближался по размѣрамъ къ римскому, а при Юстиніанѣ и въ послѣдующее время онъ могъ имѣть другіе размѣры. Равнымъ образомъ кирпичъ для сводовъ могъ имѣть другіе, болѣе широкіе размѣры, чѣмъ для стѣнъ, гдѣ требуется перевязка рядовъ кладки. Точно также зданія, выстроенныя изъ сплошнаго кирпича могли требовать другаго размѣра строительнаго матеріала, чѣмъ зданія смѣшанной кладки, изъ рядовъ камня и кирпича, гдѣ этотъ послѣдній могъ быть шире, такъ какъ онъ здѣсь служилъ до извѣстной степени перевязкою для камней.

Кирпичъ въ древнихъ русскихъ постройкахъ по формѣ и размѣрамъ приближается къ византійскому. Самая древняя изъ Кіевскихъ церквей—церковь Спаса на Берестовѣ (988 г.) была сооружена изъ булыжника и кирпича, скрѣпленнаго цементомъ. Размѣры ея кирпича: длина 33—34, ширина 29—30 и толщ. 4 сант. Въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ (1020—1037 г.) кирпичъ имѣетъ длины 35, шир. 30, толщ. 4 сант. Въ Кіевскихъ Золотыхъ воротахъ (первой полов. XI в.) длина кирпича 31—37, шир. 27—29, толщ. 4; въ церкви св. Ирины длина 31, шир. 27,

толщ. 4.*) О размѣрахъ квадратнаго кирпича сѣверныхъ русскихъ построекъ (въ старой Ладогѣ, церковь св. Георгія 1114 и 1116 г., въ древнихъ церквахъ Новгородской и Суздальской области), къ сожалѣнію, я не могъ собрать опредѣленныхъ свѣдѣній.

Кирпичъ Семирѣченской области (нашего музея) представляетъ слѣдующіе размѣры и признаки: доставленный съ башни Бураны имѣетъ въ длину и ширину 25 сантим., толщ. 4 сант. Обжигъ его весьма хорошій, цвѣта краснаго, съ слѣдами приставшаго известковаго цемента; форма совершенно правильная; на плоскихъ поверхностяхъ видны слѣды правки въ видѣ слегка углубленныхъ, продолговатыхъ и довольно широкихъ желобковъ, какъ-бы отъ нажиманія скалкой. Кирпичъ съ озера Иссыкъ-куля двоякой формы: квадратный и продолговатый. Первый имѣетъ совершенно тѣ-же размѣры, какъ и съ башни Бураны, т. е. по 25 сант. въ длину и ширину и 4 сант. толщины. Продолговатый кирпичъ въ длину 32 сант. и въ ширину 14½ сант., толщ. 4 сант. Форма того и другаго совершенно правильная, обжигъ весьма хорошій, по цвѣту напоминающій нынѣшній полужелѣзнякъ. На поверхностяхъ замѣтенъ довольно значительный и плотно приставшій бѣлесовато-зеленоватый налетъ, можетъ быть, остатокъ цемента съ присоединеніемъ осадка солей озерной воды. Кирпичъ, доставленный изъ Лепсинскаго уѣзда, съ развалинъ древняго города, имѣетъ на одномъ экземплярѣ длину 26 сант. и ширину 27, а на другомъ экземплярѣ длина и ширина 25 сант.; толщина того и другаго 4 сант., цвѣтъ желтобурый. Второй экземпляръ не вполнѣ правильной формы, сильно пережженъ и при обжигѣ его нѣсколько покоробило. Былъ-ли въ употребленіи продолговатый кирпичъ при постройкѣ башни Бураны и существуетъ-ли онъ въ Лепсинскихъ развалинахъ, это остается еще не выясненнымъ. Судя по присутствію его въ Иссыкъ-кульскихъ развалинахъ и по полному сходству размѣровъ иссыкъ-кульскаго квадратнаго кирпича съ прочими, можно предполагать, что половинки должны встрѣчаться также въ Токмакскихъ и Лепсинскихъ древностяхъ. Къ этому предположенію склоняетъ и то обстоятельство, что кладка большихъ зданій при одномъ квадратномъ кирпичѣ была-бы весьма затруднительна въ смыслѣ прочной перевязки рядовъ. Вслѣдствіе этого строительная практика скоро должна была указать на необходимость приготовленія половинчатаго кирпича, во избѣжаніе невыгодной обтески большихъ квадратныхъ плитъ.

*) Размѣры кирпича церкви св. Ирины и Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ взяты съ натуры; у перваго памятника измѣрено 3 кирпича, у втораго 5, Размѣры по остальнымъ кіевскимъ постройкамъ заимствованы изъ литературныхъ источниковъ.

Для большей наглядности считаю не лишнимъ представить размѣры русскаго архаическаго кирпича въ особой таблицѣ, съ присоединеніемъ сюда византійскихъ, германскихъ и болгарскихъ кирпичей.

	Длина.	Ширина.	Толщина.
Византійскій	37 сантим.	37 сантим.	5 сантим.
Церковь Спаса на Берестовѣ .	33—34 »	29—30 »	4 »
Кіевскій Софійскій соборъ . .	35 »	30 »	4 »
Церковь Св. Ирины	31 »	27 »	4 »
Золотыя ворота	37 »	29 »	4 »
Тоже	31 »	27 »	4 »
Болгары на Волгѣ	26 »	26 »	4 »
Селитрян. городокъ на Волгѣ .	23—24 »	23—24 »	4 »
Озеро Иссыкъ-куль	32 »	14 »	4 »
Тоже	25 »	25 »	4 »
Тоже (Казанскій экземпл.) . .	30 »	19 »	4 »
Башня Бураны	25 »	25 »	4 »
Лепса	27 »	26 »	4 »
Тоже	25 »	25 »	4 »
Баденъ	27 »	27 »	6 »
Майнцъ	28 »	28 »	3 »
Гюфингенъ	28 »	28 »	3 »
Нейенгеймъ.	22 »	22 »	5 »

Сравнивая обожженный кирпичъ классической эпохи, а равно византійскій и германскій съ болгарскимъ и Семирѣченскимъ, мы не видимъ между ними существенной разницы. Въ тѣхъ и другихъ преобладаютъ квадратныя формы, но размѣръ ихъ представляетъ большое разнообразіе не только въ разныя эпохи, но даже въ одно и тоже время. Очевидно, что разнообразіе проистекало не столько отъ національной привычки, сколько отъ практическихъ

потребностей и частныхъ цѣлей постройки. Поэтому, едва-ли было-бы справедливо, основываясь на квадратной формѣ архаическаго кирпича, относить всѣ семирѣченскіе и болгарскіе памятники, гдѣ онъ встрѣчается, непремѣнно къ татарскому періоду. Нѣтъ причины отрицать, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть древнѣйшими, и въ этомъ отношеніи развалины каменныхъ городовъ могутъ представлять археологу весьма благодарную почву для научныхъ розысканій.

Чтобы имѣть нѣкоторое право говорить о скиѳскомъ, или доисторическомъ болгарскомъ и славянскомъ кирпичѣ, необходимо доказать, что онъ дѣйствительно существовалъ въ древнѣйшую скиѳскую эпоху. По этому мы должны указать на такіе памятники. Древнѣйшіе изъ нихъ найдены на Таманскомъ полуостровѣ. Въ отчетѣ Императорскаго археологическаго общества за 1859 г. (стр. XIII) упоминается, что "въ Фанагоріи были открыты въ двухъ мѣстахъ остатки кирпичныхъ стѣнъ, болѣе четырехъ аршинъ толщины„. Въ извѣстномъ трудѣ К. К. Герца*) описывается курганъ, около озера Цукура, въ которомъ находилась гробница, выложенная изъ сырцоваго кирпича. По найденнымъ здѣсь вещамъ, соотвѣтствующимъ находкамъ въ скиѳскихъ гробницахъ на Днѣпрѣ, эту могилу относятъ къ весьма отдаленному времени. На сѣверномъ берегу того же озера, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположена Стеблевская станица, находятся обширныя развалины древняго города. Павелъ *Сумароковъ* находилъ здѣсь обломки старыхъ кирпичей и кувшиновъ.**) Далѣе, на югозападномъ берегу Таманскаго залива, вблизи станціи Сѣнной, находится громадное городище со множествомъ замѣчательныхъ земляныхъ кургановъ. Въ 1711 г. по описанію путешественника *Лемотре* здѣсь еще существовали развалины каменныхъ зданій, но, по словамъ этого автора, онѣ съ каждымъ днемъ уничтожались, потому что жители гор. Тамани и Темрюка разбирали находящійся здѣсь строительный матеріалъ для своихъ построекъ. Другой французскій путешественникъ *Дюбуа* (1832—1834 г.) при описаніи того-же мѣста замѣчаетъ, что городище занимаетъ пространство на протяженіи версты и здѣсь еще можно распознать слѣды стѣнъ, *преимущественно кирпичныхъ*, окружавшихъ городъ.***) К. К. Герцъ, изслѣдовавшій то же самое мѣсто въ 1859 г. не нашелъ уже слѣдовъ города, но онъ опредѣляетъ площадь городища, по прямой линіи отъ моря, въ длину 1150 саженъ. Разрѣзъ этого культурнаго слоя отчетливо виденъ

*) Древности, т. II, вып. 3, Москва 1870 г., стр. 250 и слѣд.
**) Досуги крымскаго судьи, т. II, стр. 144.
***) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. T. V, стр. 65.

на отвѣсномъ обвалѣ морскаго берега, откуда, по словамъ К. К. Герца, "торчали обломки известковыхъ плитъ и колоннъ, *кирпичи*, черепки разбитыхъ сосудовъ и кости„. При раскопкахъ этого городища въ 1859 году въ числѣ разнообразныхъ предметовъ и обломковъ греческихъ колоннъ, найденъ былъ уголъ зданія, стѣны котораго были сложены изъ *обожженнаго*, или землянаго (сырцоваго?) *кирпича*. "Видно, замѣчаетъ г. Герцъ, что разрушеніе нѣсколько разъ проносилось надъ этимъ мѣстомъ и одно поколѣніе созидало себѣ жилища изъ памятниковъ другаго, ему предшествовавшаго„ (стр. 275). При тѣхъ же раскопкахъ 1859 г. здѣсь найдено было 25 грубыхъ глиняныхъ амфоръ и пять большихъ глиняныхъ бочекъ. Эти послѣднія имѣютъ шаровидную форму, безъ ручекъ, и узкое (острое) коническое дно. Величина ихъ отъ двухъ аршинъ до сажени и болѣе. Помѣщенный въ сочиненіи Герца рисунокъ одного изъ этихъ сосудовъ. (стр. 276) совершенно сходенъ съ рисунками такихъ же сосудовъ, найденныхъ Шлиманномъ въ Троѣ. Здѣсь-же не излишне повторить, что подобные сосуды съ коническимъ неустойчивымъ дномъ весьма часто встрѣчаются между находками Камской Болгаріи, а также попадаются и между сибирскими древностями. Форма этихъ послѣднихъ совершенно та-же самая, но только размѣръ значительно меньше и отверстіе горлышка уже (См. стр. 30, примѣч. 13).

Въ 1853 году К. Р. Бѣгичевъ производилъ изслѣдованіе другаго подобнаго-же городища, между хуторами Семеняки и Боровика. Прорѣзая слой до пяти саженъ глубины, онъ все-таки не достигъ материка: такъ глубокъ мусоръ, накопленный вѣками. "Въ обрѣзѣ видно было нѣсколько фундаментовъ бывшихъ здѣсь зданій, которые шли въ разныхъ направленіяхъ и на разныхъ высотахъ, нижніе слои состояли изъ дикихъ камней, верхніе изъ *обожженныхъ кирпичей*. Далѣе-же, къ концу пятой сажени, встрѣтились *слои черепицъ* и амфорныхъ черепковъ, перемѣшанныхъ съ золою и углями. Весь этотъ хаосъ бывшихъ здѣсь въ древности построекъ и пятисаженная высота насыпи положительно доказываютъ, замѣчаетъ г. Герцъ, что на этомъ мѣстѣ существовалъ какой-то большой городъ, который нѣсколько разъ подвергался конечному разрушенію и снова строился на развалинахъ прежняго. Такого рода насыпи могутъ образоваться только въ теченіи тысячелѣтій„ (стр. 281). При раскопкѣ одного изъ близь-лежащихъ кургановъ въ 1859 г. въ головахъ саркофага, между прочимъ, была найдена мужская шапка, изъ верблюжьей шерсти, сшитая изъ нѣсколькихъ кусковъ. По формѣ своей она походитъ совершенно на тѣ, въ которыхъ изображены скиѳы на знаменитомъ золотомъ

сосудѣ, открытомъ въ Куль-Обо и хранящемся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Это-колпакъ, къ которому сзади пришитъ широкій лоскутъ изъ той-же верблюжьей шерсти для прикрытія шеи. Въ шапкѣ найдены остатки волосъ покойника, чернаго цвѣта. Эта находка, равно какъ и другіе предметы, напр. бронзовыя стремена, показываютъ, что въ курганныхъ могилахъ погребены были не греческіе колонисты, а туземные обыватели-скиѳы.

На юго-востокъ, по направленію къ Темрюку, въ трехъ верстахъ разстоянія отъ этого города, среди обширнаго рукава, соединяющаго воды Ахтанизовскаго и Курчанскаго лимановъ, въ прежнія времена возвышался небольшой островъ, на которомъ находилась турецкая крѣпость, извѣстная у русскихъ подъ именемъ Каменной батареи. Ламотре, проѣзжавшій здѣсь въ 1711 году, видѣлъ ее еще въ совершенной цѣлости, но онъ называетъ ее старою. Во время путешествія Кларка (1800 г.) она представляла хорошо сохранившіяся развалины. По словамъ этого путешественника она имѣла видъ древне-римскаго замка съ башнями по угламъ. Крѣпость эта была построена изъ камня и *кирпичей* съ известью.

Въ археологическихъ изслѣдованіяхъ на Таманскомъ полуостровѣ, къ сожалѣнію, ни въ одномъ случаѣ не указывается ни на размѣры найденнаго тамъ кирпича, ни даже на его форму. Это обстоятельство лишаетъ насъ возможности сдѣлать необходимыя сравненія и опредѣлить, какого типа былъ этотъ кирпичъ, соотвѣтствовалъ ли онъ болгарской (волжской), древне-греческой, или римской формѣ, или, можетъ быть, имѣлъ своеобразный мѣстный типъ. По этимъ признакамъ можно было-бы угадать, принадлежали-ли разрушенные города греческимъ колоніямъ, или возникли они въ цвѣтущее время Босфорскаго царства подъ вліяніемъ латинской культуры, или, наконецъ, кирпичное зодчество проникло сюда изъ Персіи, вмѣстѣ съ сарматами. Одно едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что таманскія кирпичныя постройки принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ этого рода въ Россіи, что нѣкоторыя изъ нихъ одновременны съ находящимися здѣсь скиѳскими курганами, указывающими, по характеру найденныхъ въ нихъ предметовъ, на эпоху до Р. Х. Такимъ образомъ можно констатировать фактъ, что скиѳамъ кирпичъ былъ извѣстенъ очень давно. Они могли узнать его изъ прямыхъ источниковъ, если не непосредственно изъ Ассиріи, или изъ Трои, то по крайней мѣрѣ отъ Персовъ, или Мидянъ, съ коими Киммерійцы имѣли прямыя сношенія. Сомнительно, чтобы кирпичныя постройки этой эпохи были греческаго издѣлія, потому, что у самихъ грековъ того времени обож-

женный кирпичъ употреблялся рѣдко, а можетъ быть и совсѣмъ не былъ въ употребленіи. Приведенное Витрувіемъ и Плиніемъ выраженіе *лидійскій кирпичъ* до извѣстной степени указываетъ на происхожденіе его изъ Малой Азіи (Лидіи), а не изъ Греціи собственно.

По сосѣдству съ Таманскимъ полуостровомъ, по другую сторону р. Кубани, найдены во многихъ мѣстахъ развалины древнихъ каменныхъ построекъ. Почти всѣ онѣ представляютъ собою христіанскіе храмы, слѣдовательно относятся ко времени послѣ Р. Х. Мы упоминаемъ объ нихъ по двумъ причинамъ: 1) потому, что при постройкѣ этихъ церквей былъ употребляемъ обожженный квадратный кирпичъ, 2) потому, что архитектура этихъ построекъ имѣетъ большое сходство съ русскими постройками, что наводитъ на мысль о связи привычныхъ мотивовъ русскаго церковнаго зодчества съ древнимъ сванетскимъ. При описаніи этихъ памятниковъ мы будемъ руководствоваться отчетомъ гг. Нарышкиныхъ, совершившихъ археологическое путешествіе на Кавказъ (въ Сванетію) въ 1867 году.

На 42 стр. этого отчета сказано: „При впаденіи рѣчки Каракентъ въ Кубань я осмотрѣлъ мѣстность, которая особенно поразила меня тѣмъ, что отъ впаденія рѣчки Кубыши въ Кубань до самаго подножія близьлежащихъ горъ вся плоскость покрыта слѣдами многочисленныхъ зданій всякаго вида, между которыми ясно виднѣются линіи улицъ и обросшіе зеленью фундаменты капитальныхъ стѣнъ довольно большихъ зданій. Вѣроятно на этомъ мѣстѣ было значительное поселеніе или городъ.... Вся эта мѣстность носитъ названіе Каракентъ. Къ полудню я доѣхалъ до небольшой рѣчки Шони. На лѣвомъ берегу ея, близь впаденія въ Кубань, на скалѣ почти неприступной, находится старинная христіанская церковь, описанная г. Фирковичемъ въ 1849 году.... Своды церкви выведены изъ обожженнаго кирпича, отличающагося отъ теперешняго своею формою: онъ шире и длиннѣе, хотя тоньше тѣхъ, которые теперь дѣлаютъ въ Россіи.„ По приложенному плану и рисунку этой церкви (табл. II) видно, что она была построена въ такъ-называемомъ византійскомъ стилѣ, весьма часто повторяющемся въ древнихъ русскихъ церквахъ. Передняя алтарная стѣна состоитъ изъ трехъ полукружныхъ выступовъ (три придѣла). Барабанъ надъ центральнымъ куполомъ имѣетъ восьмигранную форму, съ узкимъ окномъ въ каждой грани; онъ возведенъ на четырехъ толстыхъ пилонахъ; такіе же два пилона отдѣляютъ алтарную часть отъ остальнаго храма. Стѣны церкви, повидимому, сложены

изъ тесанаго камня, а своды изъ кирпича; но о способѣ кладки, а равно и о точныхъ размѣрахъ кирпича не приведено никакихъ указаній.

Не въ далекомъ разстояніи отъ Шонійской церкви, за рѣкою Тибердой, на утесѣ горы находится другая церковь точно такой-же конструкціи, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Своды ея также сложены изъ кирпича; на внутренней штукатуркѣ сохранились остатки византійской живописи (стр. 46, табл. X).

Далѣе, на правомъ берегу р. Зеленчука находятся три церкви, въ разстояніи одна отъ другой приблизительно на полверсты. „Стѣны ихъ сложены изъ грубо отесанныхъ камней, въ перемежку съ плитами, и связаны цементомъ, а всѣ своды выведены изъ обожженнаго кирпича (стр. 57, табл. III, IV, V и VI). Архитектурный типъ ихъ точно такой-же, какъ и у предъидущихъ, т. е. съ тремя полукруглыми алтарными придѣлами, съ восьмиграннымъ барабаномъ, возведеннымъ на пилонахъ, съ длинными и узкими окнами. Послѣднія три церкви расположены въ долинѣ рѣки Зеленчука, расширяющейся въ этомъ мѣстѣ до трехъ верстъ. Начиная отъ второй церкви, вверхъ по рѣкѣ до крутой балки, отъ которой долина снова обращается въ тѣснину, все пространство усѣяно слѣдами многочисленныхъ зданій разнаго вида и размѣровъ. Въ разныхъ мѣстахъ ясно видно начертаніе бывшихъ тутъ улицъ и переулковъ и развалившихся круглыхъ башенъ и укрѣпленій“. Очевидно, здѣсь былъ какой-то городъ.

Какому народу и времени принадлежатъ эти постройки, остается вопросомъ нерѣшеннымъ. Несомнѣнно одно, что здѣсь жили христіане, принявшіе религію и архитектурный стиль своихъ храмовъ отъ византійцевъ. Время постройки этихъ загадочныхъ церквей и городовъ могли-бы разъяснить только тщательныя археологическія изслѣдованія Закубанья, которыхъ по настоящее время мы не имѣемъ. Между тѣмъ изысканія подобнаго рода могли-бы въ значительной мѣрѣ освѣтить исторію русскаго зодчества, которое повидимому, имѣетъ непосредственную связь съ типами сванетскихъ и грузинскихъ церквей. Едва-ли это архитектурное сходство можетъ быть объяснено однимъ только общимъ для Россіи и Кавказа религіознымъ источникомъ—Византіею; ибо между кавказскими и русскими храмами замѣчается больше близости, чѣмъ тѣхъ и другихъ съ византійскими. Поэтому невольно является мысль, что нѣкоторые мотивы ихъ выработались подъ вліяніемъ не одного только византійскаго искусства, но и при участіи мѣстныхъ народныхъ элементовъ. (См. примѣч. 53).

Кромѣ Таманскаго полуострова и Кубанской области, слѣды древнихъ каменныхъ городовъ находятся также и на восточной сторонѣ сѣвернаго Кавказа, особенно по р. Кумѣ. Далѣе на сѣверовостокъ тѣ-же слѣды въ большихъ размѣрахъ оказываются при устьяхъ Волги и во многихъ мѣстахъ по берегамъ этой рѣки, вплоть до рѣки Камы.*) Равнымъ образомъ не мало развалинъ городовъ съ каменными постройками сохранилось въ предѣлахъ древней Великой Болгаріи. Не считая столицы Болгаръ „Великаго города", гдѣ нѣсколько старыхъ зданій уцѣлело до сихъ поръ, не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія существовали и другіе подобные пункты. Такъ, напр., по словамъ *Рычкова***) въ его время въ Билярскѣ еще стоялъ „преогромный каменный столбъ, построенный изъ краснаго кирпича, смѣшаннаго съ дикимъ камнемъ" (стр. 13). Болгарскія городища съ каменными руинами замѣчательны тѣмъ, что всѣ они укрѣплены, по древнему скиѳскому типу, двойнымъ или тройнымъ полукруглымъ валомъ, что едва-ли можно приписать татарскому изобрѣтенію, не говоря уже о томъ, что древности, находимыя въ городищахъ, часто оказываются совсѣмъ не татарской эпохи. Было-бы еще возможно допустить, что татары, покоривъ эти страны, занимали потомъ старыя укрѣпленныя мѣста и строили въ нихъ кирпичныя зданія; но и это едва-ли можетъ относиться ко всѣмъ случаямъ. Число городищъ съ каменными руинами такъ велико, что пришлось-бы тогда приписать татарамъ такую-же искони осѣдлую и промышленную жизнь, какую имѣла въ то время коренная Русь. Нужно еще при этомъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ городищъ съ слѣдами каменныхъ построекъ находятся слишкомъ далеко за чертою татарскаго водворенія. Таковы, напр., упоминаемыя *Рычковымъ* городища Чердынскаго и Соликамскаго края. Кирпичи найдены были имъ въ Губинскомъ городищѣ (въ 25 верстахъ отъ Чердыни). Оно было окружено тремя рядами валовъ и рвовъ, а внутри его найдены плитные камни и кирпичи. „Знаки градскаго

*) Описаніе развалинъ значительнаго числа каменныхъ городовъ, существовавшихъ по берегамъ Волги было опубликовано въ разныхъ археологическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ въ Извѣстіяхъ Общ. арх. ист. и этн. при Каз. унив. и въ трудахъ IV археологич. съѣзда въ Казани. Въ текущемъ году въ №№ 182 и 189 Московскихъ Вѣдомостей помѣщено свѣдѣніе о вновь открытомъ большомъ городѣ, на правомъ берегу Волги, близь посада Дубовки. «Каменныя постройки, изящно отдѣланная домашняя утварь, мраморъ и *водопроводъ* свидѣтельствуютъ, что этотъ городъ былъ богатъ и принадлежалъ осѣдлому народу, стоявшему на значительной высотѣ культуры». Взятые отсюда квадратные кирпичи имѣли 5 верш (22 сант.) длины и шир. и $1^1/_{10}$ верш. толщины (№ 189, 10 іюля 1888 г.).

**) Дневныя записки путешествія капитана Рычкова 1769—1770 года. Спб. 1770 года.

строенія, прибавляетъ Рычковъ, были версты на четыре, гдѣ еще и нынѣ находятъ серебряныя, мѣдныя, а иногда и золотыя вещи" (стр. 126). Къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести городище по р. Обвѣ (около села Рождественскаго), также окруженное валами. Внутри его, по словамъ Рычкова, видно было „множество дикаго камня, кирпича и муравленныхъ плитъ, которые видимо составляли какое нибудь каменное зданіе". За 50 лѣтъ до Рычкова, среди валовъ этого укрѣпленія, по разсказамъ стариковъ, существовали еще ворота, сооруженныя изъ дикаго камня. Въ городищѣ находятъ много бронзовыхъ и мѣдныхъ вещей, такъ называемой, чудской культуры (стр. 75).

Къ перечисленнымъ образчикамъ древнихъ каменныхъ построекъ мы могли-бы прибавить еще не малое число, если-бы то позволяли предѣлы настоящей замѣтки. Думаемъ, однако-же, что и приведенные примѣры достаточно указываютъ на существованіе обожженныхъ кирпичей, а слѣдовательно и кирпичныхъ построекъ, въ южныхъ и сѣверовосточныхъ областяхъ нынѣшней Россіи за долго до вторженія сюда татаръ съ ихъ мнимымъ арабскимъ зодчествомъ. Эти факты и соображенія, если не говорятъ прямо за древне-славянскую архитектуру, то по крайней мѣрѣ заставляютъ думать о существованіи у скиѳовъ и болгаръ извѣстнаго запаса познаній по кирнично-строительной техникѣ, а слѣдовательно и о возможности того, что нѣкоторыя постройки древнихъ каменныхъ городовъ могли принадлежать не средней исторіи, а временамъ болѣе отдаленнымъ. Всего, мнѣ кажется, естественнѣе искать разгадку древнихъ кирпичныхъ руинъ, разсѣянныхъ по лицу русской земли, не въ исторіи татарскаго зодчества (котораго у нихъ совсѣмъ не существуетъ), не у пришлыхъ арабскихъ архитекторовъ (которые не могли создать въ Россіи такого множества каменныхъ городовъ), но у тѣхъ древнихъ народовъ, которые нѣкогда населяли южную Русь и южную Сибирь и, судя по оставленнымъ ими памятникамъ (въ курганахъ и городищахъ), имѣли прямую культурную связь съ древнѣйшими народами Малой Азіи. Эту связь мы неоднократно указывали въ нашихъ примѣчаніяхъ, и будемъ еще говорить объ ней по поводу архитектурныхъ типовъ уцѣлѣвшихъ каменныхъ построекъ (см. примѣч. 53 о башнѣ Бураны). Чтобы покончить съ кирпичемъ, слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ и происхожденіи его названія.

Кирпичъ по греч. πλίνθος, лат. *later*, обожженный кирпичъ *later coctus* или *coctilis*, *testa* (κεράμιον), нѣм. *Backstein*, франц. *la brique*, англ. *brick*; по туркестански (у сартовъ) *гышт*ъ, *хышт*ъ, *пшик*ъ *гышт*ъ, *хам*ъ *гышт*ъ (сырецъ). Русское слово

кирпичъ тождественно съ турецкимъ (*kerpidz*, *kerpidj*), сербскимъ (*cerpic*) и болгарскимъ.*) Въ данномъ случаѣ для насъ наиболѣе интересны турецкое и русское названія. Тождество ихъ показываетъ, что либо мы взяли это слово отъ турокъ (арабовъ), либо турки отъ насъ. Выяснить этотъ вопросъ можетъ только филологическое производство слова кирпичъ. Не зная восточныхъ языковъ, я не могу высказать никакого мнѣнія на счетъ того, существуетъ-ли въ арабскомъ, турецкомъ, или персидскомъ языкѣ соотвѣтствующій корень для этого слова; но по отношенію къ славянскому названію едва-ли можетъ оставаться сомнѣніе, что оно самобытное, не заимствованное отъ какого либо восточнаго корня. Оно происходитъ отъ *чрепъ* (твердая, жесткая покрышка, корка), *черепица*, *черепокъ*; въ церковно-славянскомъ языкѣ *чрепіе*, раковина.**) Доказательствомъ того, что слово кирпичъ происходитъ отъ черепъ, черепица, можно видѣть въ литов. формѣ *kerpetis*, что означаетъ *cranium* и *testa*. Слово *kerpetis*, черепъ, весьма близко въ звуковомъ отношеніи къ русскому слову кирпичъ, а также къ болгарскому *керпичъ* и турецкому *kerpidz*. Такимъ образомъ вссьма вѣроятно, что обожженный кирпичъ получилъ у насъ свое имя отъ ранѣе существовавшаго слова черепъ, черепица (греч. κέραμος), происходящаго въ свою очередь отъ санскр. *karpara*, testa, слѣдовательно турецкое названіе кирпича по всѣмъ признакамъ должно происходить отъ литво-славянскаго, а не наоборотъ. Изъ этого можно вывести предположеніе, что турки познакомились съ обожженнымъ кирпичемъ черезъ славянъ, можетъ быть въ Византіи, или гдѣ нибудь въ странахъ смежныхъ съ Кавказомъ.***) Для того, чтобы эта догадка подтвердилась вполнѣ, остается провѣрить форму древняго персидскаго кирпича и его названіе на этомъ языкѣ. Если-бы они оказались не сходными съ турецкимъ названіемъ и съ формою кирпича византійскаго и болгарскаго, это могло-бы служить доказательствомъ, что славяне имѣли кирпичныя постройки раньше X вѣка и что арабы заимствовали слово кирпичъ отъ славянъ.

---

*) У современныхъ болгаръ это слово почти вышло изъ употребленія. *Верковичъ* въ изданіи пѣсенъ Македонскихъ болгаръ (Бѣлградъ 1860 г.) въ концѣ книги помѣстилъ объяснительный словарь необычныхъ болгарскихъ словъ, которыя встрѣчаются въ собранныхъ имъ пѣсняхъ, въ числѣ ихъ значится: *карамиде*, црепъ; *керпичъ*, црепъ непеченъ.

**) «Чрепіе, въ нихъ-же родятся бисеры», т. е. жемчугъ.

***) Изъ показаній *Баладури* и *Якуба* извѣстно, что славяне жили въ Сиріи въ VIII вѣкѣ. По византійскимъ извѣстіямъ они переходили къ арабамъ въ 664 и 691 году, а по свидѣтельству Мусуди оказывается, что они жили въ Сиріи за 14 лѣтъ до этихъ переселеній (въ 655 г.).

31) О бронзовыхъ и мѣдныхъ ножахъ (къ № 1205, стр. 62).

Ножикъ представляетъ такую необходимую принадлежность домашняго обихода, что нѣтъ ничего удивительнаго, если эти орудія встрѣчаются между сибирскими древностями въ такомъ громадномъ количествѣ.*) Скорѣе надобно удивляться тому, что ихъ сравнительно мало встрѣчается въ западныхъ древностяхъ. Такъ напр. въ атласѣ Крузе мы совсѣмъ не нашли мѣдныхъ и бронзовыхъ ножей, а только желѣзные, и то въ весьма ограниченномъ числѣ (на табл. VI и VIII). Тоже самое и въ атласѣ Бера (таблица XVIII) показаны только желѣзные ножи, той-же формы, какъ и у Крузе (кривые серповидные и обыкновенные ножички съ желѣзными-же черенками для деревянныхъ рукоятокъ). Это обстоятельство я позволяю себѣ объяснить тѣмъ, что прибалтійскіе жители, къ которымъ относились эти древности, жили въ такую эпоху, когда мѣдь и бронза для острыхъ инструментовъ стала вытѣсняться европейскимъ желѣзомъ, между тѣмъ какъ въ отдаленной Сибири этотъ послѣдній металлъ представлялъ еще большую цѣнность. У сибирскихъ жителей могла быть и другая причина предпочтенія мѣди, именно большая степень консервативности въ культурныхъ привычкахъ, вслѣдствіе изолированности страны и отсутствія, увлекающаго къ новизнѣ, вліянія классическаго запада. Такъ или иначе, но ножи на западѣ, какъ необходимый предметъ въ общежитіи; должны были существовать въ такомъ-же громадномъ числѣ, какъ и въ далекихъ сибирскихъ странахъ. Если-же они тамъ рѣже встрѣчаются, это можно объяснить тѣмъ, что желѣзо легче разрушается, чѣмъ мѣдь и бронза. Въ мелкихъ подѣлкахъ, каковы были древніе тоненькіе ножички съ деревянными рукоятками, отъ множества такихъ экземпляровъ могла остаться только безформенная ржавчина или ничтожные обломки. Подобное явленіе мы встрѣчаемъ и въ Тобольскихъ курганахъ. Мѣдныхъ ножей тамъ тоже совсѣмъ не оказывается, но желѣзные существовали въ большомъ количествѣ, хотя весьма не многіе изъ нихъ сохранились въ такомъ видѣ, чтобы быть пригодными для археологической коллекціи. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ остались однѣ костяныя рукоятки, а отъ большинства—мелкіе перержавѣвшіе обломки.

*) Въ музеѣ Томскаго университета мѣдныхъ и бронзовыхъ ножей имѣется 30 экземпляровъ; въ Минусинскомъ музеѣ ихъ собрано болѣе 400 экземпляровъ, не считая желѣзныхъ и костянныхъ.

Въ числѣ скандинавскихъ древностей, въ атласѣ Ворсо изображено шесть бронзовыхъ ножей (на стр. 34 и 35)). Изъ нихъ только одинъ № 163 похожъ на сибирскіе, по плоской металлической рукояткѣ съ тремя прорѣзями, и по выгнутому обуху; остальные имѣютъ рукоятки болѣе сложнаго устройства и болѣе или менѣе серповидное лезвее. Слишкомъ нарядная форма рукоятокъ этихъ ножей заставляетъ думать, что они предназначались не для обыденнаго употребленія, а для болѣе торжественныхъ случаевъ, можетъ быть для жертвоприношеній; для домашняго-же обихода, вѣроятно, служили желѣзные ножи, которые мы и видимъ на стр. 84 того-же атласа.

Въ атласѣ швейцарскихъ древностей, барона Бонштеттена (1855 г.), бронзовый ножъ представленъ на табл. XVII, фиг. 11. Онъ имѣетъ металлическую-же плоскую рукоятку съ дыркою на концѣ; обухъ слегка выгнутъ горбинкой, какъ это нерѣдко встрѣчается въ сибирскихъ ножахъ. Подобные-же экземпляры помѣщены на табл. I, фиг. 2 (мѣдный ножикъ съ горбинкой на обухѣ) и на табл. II, фиг. 4 (бронзовый ножъ, рукоятка оканчивается оваломъ въ видѣ кренделя).

Сибирскіе бронзовые и мѣдные ножи имѣютъ очень разнообразныя формы. Чаще всего они встрѣчаются въ формѣ прямыхъ узкихъ пластинокъ, съ прямымъ лезвеемъ и обухомъ и съ острымъ концемъ, но не рѣдко также съ выпуклымъ обухомъ, при прямомъ, или серповидно искривленномъ лезвеѣ. Рѣже встрѣчаются экземпляры, у которыхъ рукоятка и клинокъ направляются не по одной линіи, но послѣдній изгибается впередъ подъ тупымъ угломъ (№ 1249). Почти всѣ безъ исключенія ножи имѣютъ острый узкій передній конецъ, при узкомъ клинкѣ и очень короткой рукояткѣ; только одинъ экземпляръ въ нашей коллекціи представляетъ тупой, закругленный конецъ и широкій клинокъ (№ 1209 съ озера Иссыкъ-куля). Не менѣе отличается отъ прочихъ своею формою № 2467. Онъ напоминаетъ шпагу, 31½ сант. длины, при двухъ сантиметрахъ ширины,*) заостренную съ одной стороны. Рукоятки у всѣхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ ножей отлиты изъ того-же металла и большею частію представляютъ непосредственное продолженіе пластинки клинка, той-же ширины, безъ промежуточной шейки. Поэтому граница между клинкомъ и рукояткою весьма часто не ясна: послѣдняя отличается только тупыми и болѣе толстыми краями. На концѣ рукоятки всегда имѣется сквозная

*) Въ текстѣ каталога вкралась опечатка: вм. 2 сант. ширины поставлено 7 сант.

прорѣзь, или кольцо. У нѣкоторыхъ ножей рукоятки украшены были сложнымъ рисункомъ.

Выше мы упоминали, что прототипомъ формы мѣднаго сибирскаго ножа, по всей вѣроятности, служила заостренная съ одной стороны кость, именно ребро небольшихъ животныхъ (см. примѣч. о костяныхъ орудіяхъ). Ножи, сдѣланные по этому образцу, представляли собою и колющій и рѣжущій инструментъ, обыкновенно небольшихъ размѣровъ. Позднѣе явилось нѣкоторое стремленіе къ уширенію клинка, или къ измѣненію его направленія по отношенію къ рукояткѣ, при чемъ, очевидно, имѣлось въ виду достигнуть большихъ удобствъ ножа, какъ рѣжущаго, а не колющаго инструмента. Желѣзные ножи сначала выдѣлывались также по образцу мѣдныхъ, какъ это показываютъ многіе, имѣющіеся въ нашей коллекціи экземпляры, изъ коихъ нѣкоторые представляютъ полное подобіе мѣдныхъ или бронзовыхъ ножей (по величинѣ, формѣ клинка и металлической рукояткѣ). Первымъ отступленіемъ отъ стараго типа въ желѣзномъ ножѣ явился острый черенокъ, приспособленный для насаживанія на деревянную или костяную рукоятку. Послѣ того клинку стали придавать болѣе широкую форму, хотя конецъ его у большинства экземпляровъ до послѣдняго времени оставался заостреннымъ. Принимая во вниманіе эти формы, я не вижу основанія считать сибирскіе бронзовые и мѣдные ножи за своеобразный археологическій типъ этихъ орудій. Сибирь въ этомъ отношеніи отличается отъ западныхъ странъ только крайнимъ изобиліемъ находимыхъ здѣсь архаическихъ ножей и болѣе примитивною ихъ формою, между тѣмъ какъ въ западныхъ странахъ мы имѣемъ дѣло, большею частію, уже съ желѣзными ножами, хотя развившимися изъ тѣхъ-же бронзовыхъ типовъ, нѣсколько болѣе видоизмѣненныхъ. Измѣненіе, однакоже, касалось не столько типа, сколько размѣра орудій; ибо и въ западныхъ желѣзныхъ ножахъ преобладаютъ такіе-же клинки съ заостренными концами и прямымъ лезвеемъ, какъ въ Сибири. Рѣже встрѣчающіяся серповидныя формы точно также имѣютъ своихъ представителей въ сибирскихъ бронзовыхъ ножахъ, хотя желѣзныхъ экземпляровъ этого рода я здѣсь не встрѣчалъ*) Судья по прорѣзнымъ рукояткамъ сибирскихъ но-

*) Въ каталогѣ Минусинскаго музея (Томскъ 1886 г.) ножи распредѣлены по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) мѣдные серповидные, 2) длинные прямые, 3) кривые мѣдные, 4) бронзовые съ прорѣзными украшеніями на ручкѣ, слабо изогнутые, 5) бронзовые и мѣдные съ крупными прорѣзями на рукояткѣ, въ видѣ рѣшетки, 6) мѣдные и бронзовые ланцетовидной формы, 7) прямые и слегка изогнутые ножи ланцетовидной формы, съ подвижнымъ колечкомъ на рукояткѣ, 8) ланцетовидной формы съ маленькой дыркой или щелью вверху рукоятки, прямые и слегка изогнутые, 9) ланцетовидные, разширенные въ срединѣ, съ утолщенными спинками, 10) съ углубленіями въ рукояткѣ для

жей, они вѣроятно носились на поясѣ (какъ это до сихъ поръ дѣлаютъ сѣверные сибирскіе инородцы), а судя по очень большому количеству находимыхъ ножей, надо полагать, что ножикъ у древнихъ жителей составлялъ непремѣнную принадлежность каждаго взрослаго человѣка (что также сохранилось въ обычаяхъ у сѣверныхъ народовъ).

При замѣчаніяхъ объ архаическихъ ножахъ считаю не излишнимъ прибавить нѣсколько словъ о происхожденіи славянскаго слова *ножъ*. Въ этимологическомъ лексиконѣ Рейфа корнемъ для этого принимается слово *нзити* (персид. *нишъ*, греч. νυσσειν колоть, вонзать, пронзать). Въ словарѣ Шимкевича указывается корень *нзти*, откуда происходитъ *низать* (нанизывать), *пронзать*, *заноза*. Изъ этого производства оказывается, что у древнихъ славянъ ножъ имѣлъ значеніе не столько рѣжущаго, сколько колющаго инструмента, слѣдовательно, долженъ былъ имѣть острый конецъ и узкій клинокъ, можетъ быть, въ родѣ тѣхъ мѣдныхъ ножей, которые мы разсматривали выше. Не въ связи-ли съ этимъ въ нашемъ языкѣ удержалось выраженіе *колоть* барановъ, птицу, или другихъ животныхъ, вмѣсто *рѣзать*?

32). Кинжалы и мечи (къ № 1210).

Въ музеѣ Томскаго университета до сего времени удалось собрать всего шесть кинжаловъ, изъ коихъ четыре бронзовыхъ и два желѣзныхъ. Изъ этого числа пять экземпляровъ найдены были въ Томской губерніи и одинъ въ Минусинскомъ округѣ. Изъ тобольскихъ коллекцій не получено ни одного, ни бронзоваго, ни мѣднаго экземпляра, хотя мнѣ извѣстно, что въ древностяхъ этой губерніи кинжалы тоже встрѣчаются. Самою обильною почвою для нахожденія бронзовыхъ кинжаловъ служитъ Минусинскій округъ. Тамъ ихъ находятъ весьма часто, какъ въ древнихъ курганныхъ могилахъ, такъ и на пашняхъ. Благодаря этому обстоятельству, Минусинскому музею удалось собрать ихъ въ теченіи десяти лѣтъ до 60 штукъ.

Минусинскій округъ и южныя области Западной Сибири, судя по множеству находимыхъ тамъ бронзовыхъ кинжаловъ, можно считать, если не за родину этого оружія, то по крайней мѣрѣ за такую страну, гдѣ оно долгое время, и притомъ въ древнѣйшую эпоху, употреблялось предпочтительно передъ другимъ холоднымъ

фигурныхъ вкладышей, 11) плоскіе въ видѣ пластинокъ и разные другіе (стр. 92—110).

оружіемъ. Въ курганахъ Тобольской губерніи чаще встрѣчаются не мѣдные, а желѣзные кинжалы и желѣзные короткіе мечи *).

Далѣе на западъ, въ Болгарскихъ древностяхъ (въ Ананьевскомъ и другихъ могильникахъ) бронзовые кинжалы не составляютъ рѣдкости. По формѣ они сходны съ сибирскими. Въ скиѳскихъ курганахъ южной Россіи кинжалы тоже были находимы, но обыкновенно желѣзные, а не бронзовые, и большею частію вмѣстѣ съ желѣзными же мечами. Такъ, напр. въ отчетѣ Импер. Археолог. Коммиссіи за 1862 годъ на стр. XII сказано, что въ одномъ и томъ же курганѣ, около Керчи, найденъ и мечъ и кинжалъ. На стр. XIV того же отчета говорится о желѣзномъ кинжалѣ въ мѣдныхъ ножнахъ. На стр. XV упоминается о найденномъ длинномъ желѣзномъ мечѣ въ желѣзныхъ ножнахъ и вмѣстѣ съ нимъ, въ той же могилѣ, оказался желѣзный кинжалъ. Тѣже свѣдѣнія можно найти въ отчетѣ за 1865 г. При раскопкѣ извѣстнаго кургана, такъ называемой Большой Близницы, близъ села Стеблевки, на Таманскомъ полуостровѣ, были найдены, между другими вещами глубокой древности, большой желѣзный мечъ и небольшой желѣзный же кинжалъ. Тоже встрѣчается въ отчетѣ 1863 г. на стр. XII. По этимъ даннымъ, а равно и по другимъ находкамъ кинжаловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи можно видѣть, что европейскіе скиѳы любили это оружіе и употребляли его одновременно съ желѣзными мечами, съ давнихъ поръ появившимися у скиѳскихъ народовъ, заимствовавшихъ ихъ, вѣроятно, изъ классическаго міра.

Кромѣ Сибири и Камской Болгаріи, бронзовые кинжалы нерѣдко были находимы въ скандинавіи. Въ атласѣ Ворсо, на стр. 32, изображено ихъ 7 экземпляровъ, но форма ихъ не походитъ на сибирскую **), именно по болѣе сложному украшенію рукоятокъ.

*) Мѣдныхъ или бронзовыхъ мечей намъ ни разу не удалось видѣть въ Сибири, хотя В. В. Радловъ заявлялъ въ 1866 году, будто-бы имъ они были находимы въ курганахъ Барабинской степи, къ сѣверу отъ Каинска, близъ Убинскаго озера, на правомъ берегу рѣки Оми. Свѣдѣніе объ этомъ помѣщено въ отчетѣ Импер. Археолог. коммиссіи за 1866 г. на стр. XVIII, гдѣ, однакоже, прибавлено, что «всѣ эти вещи (желѣзный заступъ (?), мечи и наконечники отъ стрѣлъ) до того перержавѣли, что едва $^1/_{10}$ часть можно было вынуть изъ земли». Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду желѣзныя, а не мѣдныя вещи, такъ какъ послѣднія обыкновенно не достигаютъ такой степени порчи. За неимѣніемъ другихъ доказательствъ относительно мѣдныхъ сибирскихъ мечей, вопросъ объ нихъ можно считать пока не рѣшеннымъ.

**) Въ томъ же атласѣ, на стр. 33, находятся рисунки маленькихъ бронзовыхъ мечей, коимъ приписывается символическое, а не боевое значеніе. Изъ нихъ на двухъ экземплярахъ (№ 154 и 155) ручка оканчивается двумя завитками, а на экземплярѣ № 152 она имѣетъ рисунокъ, какъ на нашемъ № 1213. Не есть-ли это воспоминаніе о старыхъ сибирскихъ образцахъ?

Въ атласѣ Барона Бонштеттена (швейцарскія древности, 1855 г., табл. I, рис. 8) изображенъ бронзовый кинжалъ, найденный на берегахъ Роны; онъ также имѣетъ болѣе усовершенствованную форму; рукоятка и клинокъ его представляютъ двѣ отдѣльныя части, соединенныя 8-ю нарядными пуговчатыми гвоздиками.

Нельзя сказать, чтобы сибирскіе кинжалы имѣли грубую отдѣлку. Напротивъ, многіе изъ нихъ отличаются чистотою отливки и прекрасными пропорціями во всѣхъ частяхъ. Всѣ они имѣютъ плоскую, слегка закругленную рукоятку, вылитую вмѣстѣ съ клинкомъ изъ одного куска. Въ трехъ нашихъ экземплярахъ (№ 1211, 1212 и 1214) она украшена по передней и задней поверхности тремя продольными ложбинками и слегка выдающимися закругленными валиками. Самый конецъ рукоятки красиво орнаментированъ двумя обращенными другъ къ другу бараньими головками *). На двухъ экземплярахъ (№ 1210 и 1213) рукоятка гладкая, на концѣ ея находится родъ поперечнаго костылька **). На границѣ между рукояткою и клинкомъ находится красиво очерченное расширеніе въ видѣ щечекъ. Вдоль по срединѣ передней и задней поверхности клинка, соотвѣтственно наиболѣе толстой его части помѣщается выдающееся ребрышко, отъ котораго клинокъ, постепенно истончаясь, переходитъ въ острый край. Это придаетъ ему какъ бы двухгранную форму. Тотъ же самый рисунокъ соблюденъ и на желѣзномъ кинжалѣ № 1212, съ тою лишь разницею, что на концѣ ручки вмѣсто бараньихъ головокъ помѣщены узорчатые завитки.

Судя по рисункамъ древностей Минусинскаго музея (атласъ 1886 г. табл. IV), фасоны рукоятокъ сибирскихъ кинжаловъ, кромѣ описанныхъ нами формъ, бываютъ очень разнообразны. Такъ, напр., на рисункѣ № 2 и 5 онѣ оканчиваются круглымъ или овальнымъ кольцомъ, № 1, 7 и 10—полукруглою шишкою, № 6—четырьмя валиками и т. п. Рукоятки съ полукруглою шишкою напоминаютъ собою типы скандинавскихъ мечей, а имѣющія кольцо похожи на помпейскіе бронзовые кинжалы (Бар. Бонштеттенъ. l. cit.). Любопытны минусинскіе экземпляры кинжаловъ, состоящіе изъ мѣди и желѣза. Такой примѣръ показанъ на фиг. 10 (табл. IV) и на фиг. 8 (табл. XIV), гдѣ клинокъ желѣзный, а рукоятка мѣдная, древняго типа. Еще любопытнѣе фактъ, сообщаемый въ

*) Баранья головка также помѣщалась, какъ украшеніе, на рукояткахъ римскихъ короткихъ остроконечныхъ мечей, отпущенныхъ на обѣ стороны (кельт-иберійскихъ).

**) Подобная форма рукоятки бронзоваго кинжала встрѣчается въ помпейскихъ древностяхъ, въ Неаполитанскомъ музеѣ (Bonstetten, дополненіе къ швейц. древн., 1860 г. табл. XXIII).

упомянутомъ изданіи на стр. 63 (текстъ), гдѣ сказано, что при распилкѣ одного мѣднаго кинжала внутри его оказался желѣзный стержень. Примѣры совмѣщенія на одномъ и томъ же оружіи мѣдной или бронзовой рукоятки съ желѣзнымъ клинкомъ повторяются также на болгарскихъ древностяхъ (въ музеѣ Каз. археол. общ. въ отд. предметовъ изъ Ананьевскаго могильника).

Кинжалы или обоюдоострые ножи были извѣстны, одновременно съ мечами, во времена Гомера и назывались μάχαιρα *). Отъ этого слова производятъ русское названіе *мечъ* и нѣм. *Mess—er* **). Въ церковно-славянскомъ языкѣ слово ножъ, какъ острое пронзающее оружіе, употребляется въ двоякомъ значеніи: въ смыслѣ обыкновеннаго ножа (culter) и кинжала (gladius, обоюдоострый ножъ, короткій мечъ). Этотъ послѣдній русскіе воины носили на поясѣ, или за голенищемъ (засапожные ножи). Въ разсказѣ Ибнъ-Фацлана о Руссахъ упоминается, что каждый Руссъ имѣлъ при себѣ ножъ, не исключая даже и женщинъ. Вѣроятно о подобномъ ножѣ или кинжалѣ идетъ рѣчь въ повѣствованіи Нестора о единоборствѣ Мьстислава Тмутараканскаго съ косожскимъ княземъ Редедею (въ 1022 г.), при чемъ Мстиславъ, поваливъ на землю своего противника, „вынзе ножъ и зарѣза Редедю“. Для короткихъ мечей или кинжаловъ въ древне-славянскомъ языкѣ существовало, кромѣ боеваго ножа, и другое названіе, именно *корда*, откуда произошло имя нынѣшняго кортика (Будиловичъ). Что же касается до слова кинжалъ, то оно, очевидно, вошло въ русскій языкъ въ недавнее время, замѣнивъ собою прежде существовавшее для того же самого оружія названіе ножъ или корда. Кинжалъ производятъ отъ персидскаго *khandjer* (Рейфъ).

33) О сѣкирахъ (къ № 1218)

Орудія, помѣщенныя въ нашемъ каталогѣ подъ № 1216—1218 не имѣютъ прочно установившагося въ наукѣ, общепринятаго названія. Одни называютъ ихъ топорами, другіе—боевыми молотами, хотя ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ это названіе не выражаетъ связаннаго съ нимъ современнаго понятія о формѣ и значеніи соотвѣтствующихъ инструментовъ. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что это были боевыя, а не промышленныя орудія и въ номенклатурѣ древняго вооруженія они должны были носить спеціальныя, имъ присвоенныя имена на языкѣ того народа, кото-

*) Археологическіе труды А. Н. Оленина, томъ второй, Спб. 1882 г., стр. 117. Велишскій, Бытъ Грековъ и Римлянъ, Прага 1878 стр. 529.

**) Рейфъ, этимологическій лексиконъ.

рый ихъ придумалъ и употреблялъ, какъ это требовала ихъ особая, оригинальная форма. Они совсѣмъ не походятъ на кельты, для которыхъ мы удержали имя боевыхъ топоровъ, еще менѣе имѣютъ сходства съ обыкновенными, существующими нынѣ топорами, которые также имѣютъ свое мѣсто въ мѣдномъ и бронзовомъ вѣкѣ сибирской культуры (№ 1240). Молотомъ ихъ неудобно назвать потому, что въ понятіи объ этомъ орудіи главное его значеніе связывается съ его тупымъ концомъ, между тѣмъ какъ разсматриваемые нами предметы, очевидно, были разсчитаны на острый рубящій или пробивающій конецъ. Поэтому мы предпочли оставить за номерами 1216 и 1217 названіе сѣкиры, тѣмъ болѣе, что это слово, въ смыслѣ военнаго оружія, не безъизвѣстно южносибирской археологіи по свѣдѣніямъ о скиѳскомъ народѣ Сакахъ. Что-же касается до № 1218, имѣющаго круглый заостренный конецъ, то его можно было-бы назвать древнеславянскимъ именемъ *брадва* (русское бородокъ, пробойка, заостренный молотокъ), такъ какъ по формѣ своей онъ болѣе всего походитъ на подобное орудіе.

І. Р. *Аспелинъ**) высказываетъ мысль, что эти самыя орудія, называемыя имъ топорами, развились изъ сибирской горной кирки въ самомъ концѣ бронзоваго вѣка. Онъ полагалъ, что они почти исключительно встрѣчаются только на западной сторонѣ Урала и что первоначальною ихъ формою служилъ кругло заостренный молотокъ (какъ наша брадва № 1218). Позднѣе острая часть его сплющивалась и мало по малу превратилась въ лезвее. Не касаясь сущности этого вопроса, не могу не отмѣтить 1) тотъ фактъ, что какъ кругло-заостренные молотки, такъ и развившіяся изъ нихъ, по мнѣнію г. Аспелина, сѣкиры, встрѣчаются въ неменьшемъ числѣ на восточной сторонѣ Урала, какъ и на западѣ отъ него; 2) съ большою вѣроятностію можно сказать, что та и другая форма орудія (сѣкира и брадва) существовали въ одно время, какъ два разные типа вооруженія, а не расвились одна изъ другой. Доказательствомъ тому служитъ совмѣстное нахожденіе тѣхъ и другихъ орудій при одинаковомъ изяществѣ ихъ отливки; 3) брадва была дѣйствительнымъ боевымъ оружіемъ, а не киркою. Это ясно видно по ея изящнымъ формамъ, по тонкости отливки и въ особенности потому, что на ея обухѣ нерѣдко помѣщались украшенія, совершенно не свойственныя рабочему инструменту. Для руднаго дѣла въ Сибири въ томъ-же бронзовомъ вѣкѣ существовали другія, болѣе подходящія орудія, въ числѣ коихъ мы можемъ указать на нашъ № 1251. Эти послѣднія какъ разъ были

*) Труды четвертаго археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. Т. I. Казань 1884 г. отд. I, стр. 7.

находимы въ мѣстахъ древнихъ рудныхъ разработокъ, между тѣмъ какъ брадвы и сѣкиры встрѣчаются въ курганныхъ могилахъ, или иногда на пашняхъ, но въ такихъ черноземныхъ равнинахъ, гдѣ не могло быть никакого горнаго промысла.

Разсматриваемое нами оружіе въ своихъ наиболѣе типичныхъ формахъ до сихъ поръ было находимо почти исключительно въ сѣверо-западныхъ уральскихъ областяхъ и южно-сибирскихъ; но само собою разумѣется, что предѣлы его распространенія далеко еще не опредѣлены съ точностію. Большой пробѣлъ въ этомъ отношеніи чувствуется въ недостаткѣ изслѣдованій семирѣченскихъ кургановъ. Принимая во вниманіе ихъ сходство съ курганами семипалатинскими и южныхъ округовъ Томской губерніи и замѣчая вообще большую аналогію между древностями семирѣченскими, южно-сибирскими и болгарскими, можно надѣяться встрѣтить въ Семирѣчьи такія-же сѣкиры и брадвы, какія найдены въ западной Сибири и въ бассейнѣ Камы. Пополненіе указаннаго пробѣла разъяснило-бы путь распространенія этихъ орудій и еще болѣе подтвердило-бы связь культурнаго теченія, существовавшаго нѣкогда отъ сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня къ Уральскому хребту. Сѣкиры и брадвы въ этомъ отношеніи имѣли-бы особенную цѣну, такъ какъ это оружіе представляетъ собою оригинальный типъ, не связанный съ классическимъ міромъ, какъ большая часть предметовъ бронзоваго вѣка, но выработавшійся самостоятельно на сѣверо-востокѣ Азіи.

34) О мѣдныхъ и бронзовыхъ копьяхъ (къ № 1221).

Въ музеѣ Томскаго университета имѣется два типа копій: плоское, широкое копье изъ желтой мѣди, съ заостреннымъ черенкомъ для насаживанія на древко (№ 1219 и 1220), и трехгранное, съ круглою коническою втулкою (№ 1221). Послѣднее, судя по небольшому размѣру втулки и самаго копья, а равно и по тонкой, изящной отливкѣ, можетъ быть, служило дротикомъ, а первое настоящимъ копьемъ.

Экземпляръ, принимаемый нами за дротикъ, представляетъ близкое сходство съ копьями, найденными въ Ананьевскомъ могильникѣ и въ курганахъ южной Россіи. Повидимому, таже самая форма существовала и въ классической древности. Въ атласѣ барона Бонштеттена (Supplément, 1860 г. табл. XXIII) изображено нѣсколько наконечниковъ копій, найденныхъ въ Геркуланумѣ и Помпеѣ, имѣющихъ почти ту-же самую форму, какъ у

нашего № 1221. Такіе-же экземпляры встрѣчаются между скандинавскими древностями бронзоваго вѣка (атласъ Ворсо стр. 38).

Плоское, широкое, мѣдное копье имѣетъ болѣе оригинальную форму, повтореніе которой до сихъ поръ встрѣчается иногда въ русскомъ оружіи. Не отъ этой-ли плоской формы произошло славянское названіе копья, которое *Рейфъ* сопоставляетъ съ персид. словомъ *каиб* и съ греческимъ κοπίς, что значитъ обоюдоострый ножъ, кинжалъ, отъ κόπτειν—рубить (а можетъ быть, и отъ славянскаго *копать*, рыть).

Древность славянскаго названія копья видна изъ того, что тоже самое слово существуетъ на всѣхъ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ, а также въ мадьярскомъ языкѣ (korja). Венгры, по всей вѣроятности, усвоили это слово отъ славянъ еще за Волгою, такъ какъ разсматриваемое оружіе принадлежитъ къ весьма древнимъ и весьма распространенымъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Азіатское (монгольское и киргизское) копье имѣетъ тонкое, граненое или круглое перо, въ родѣ штыка, со втулкою. Ему болѣе соотвѣтствуетъ названіе русской *пики* (отъ персид. *péïkan*). Въ Остромировомъ евангеліи слово копіе употребляется не въ смыслѣ ножа или кинжала, а именно настоящаго длиннаго копья (λόγχη); слѣдовательно, какъ это орудіе, такъ и присвоенное ему на древнеславянскомъ языкѣ названіе было извѣстно у насъ ранѣе XI вѣка.

Послѣ напечатанія каталога въ музей поступило еще одно мѣдное копье (№ 2591), найденное близъ Катанъ-Карагая, на золотомъ пріискѣ г. Никонова, по рѣчкѣ Берель. Этотъ экземпляръ имѣетъ 12 сант. длины и 4½ шир.; втулка круглая, 2 сант. въ діаметрѣ и 3 сант. глубины. По краямъ ея съ той и другой стороны имѣется по одной круглой дырочкѣ для укрѣпленія древка. Судя по размѣру втулки и самаго наконечника можно полагать, что это былъ дротикъ (метательное копье). Форма наконечника плоская, въ видѣ вытянутаго овала, по длинѣ котораго, начиная отъ втулки, съ той и другой поверхности идетъ слегка выпуклый валикъ, раздѣляющій плоскость копья на двѣ симметрическія части. Нижняя половина плоскости копья имѣетъ сквозную овальную прорѣзь (4 сант. длины и 3½ шир.), по срединѣ которой проходитъ отъ втулки четырехгранный стержень, переходящій далѣе въ вышеупомянутый валикъ. Прорѣзь и стержень придаютъ этому копью оригинальную, рѣдко встрѣчающуюся разновидность. Это какъ-бы переходная форма отъ плоскаго копья (№ 1219) къ типу трехграннаго дротика, который описанъ нами подъ № 1221.

35) О плотничныхъ орудіяхъ (къ стр. 64).

Изъ плотничныхъ мѣдныхъ или бронзовыхъ орудій древнѣйшей доисторической эпохи въ Сибири были въ употребленіи: топоры, долота и стамески. Форма ихъ таже самая, что и въ употребляемыхъ нынѣ желѣзныхъ и стальныхъ инструментахъ; очевидно, и назначеніе было такое же. Число этихъ инструментовъ для бронзоваго вѣка оказывается довольно значительнымъ. Въ Минусинскомъ музеѣ долотъ и стамесокъ собрано по настоящее время 15 *), въ нашемъ музеѣ 3. Какъ часто встрѣчаются, и встрѣчаются ли вообще плотничныя орудія соотвѣтствующей формы между мѣдными и бронзовыми древностями Западной Европы, я не могу сказать. Въ имѣющихся у меня подъ руками атласахъ Ворсо и Бонштеттена такихъ долотъ и стамесокъ не оказывается.

Плотничное искусство должно было получить свое развитіе преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ подѣлочнымъ и строительнымъ матеріаломъ служило дерево, а не камень или глина. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежатъ сѣверная и средняя Россія, со включеніемъ Сибири, и небольшое, сравнительно, пространство горныхъ странъ Малой Азіи. Въ южныхъ степныхъ или безлѣсныхъ областяхъ древняго міра, гдѣ попреимуществу группировалась первая ассиро-вавилонская и древне-классическая культура, на дерево обращали меньше вниманія, замѣняя его, гдѣ возможно, камнемъ, кирпичемъ, гончарными, кожанными и металлическими издѣліями. Поэтому на югѣ и западѣ мы видимъ съ глубокой древности каменные города и укрѣпленія, а у сѣверныхъ народовъ—деревянные, или земляные; у первыхъ въ искусствѣ и въ домашнемъ быту преобладали скульптура и керамика, у послѣднихъ-деревянная и берестяная посуда и вообще плотничныя и столярныя подѣлки.

Къ числу народовъ-плотниковъ съ давняго времени принадлежали славянскія и германскія племена. Южные славяне имѣли громадные запасы лѣса въ юго-восточной части Европы и въ прикарпатскихъ странахъ; балтійскіе Венеты и Германцы точно также занимали лѣсныя области сѣверной Европы, не говоря уже о сѣверныхъ славянахъ, страна коихъ вся была покрыта лѣсомъ. При такихъ условіяхъ осѣдлые славяне и германцы, естественно, усвоили привычку къ деревяннымъ постройкамъ и должны были выработать соотвѣтствующія тому плотничныя орудія.

---

*) Древности Минусинск. Музея, 1886 г. Томскъ, стр. 87, атласъ табл. II, № 7—9.

Какъ давно славяне перешли къ осѣдлой жизни и начали строить себѣ дома, это трудно опредѣлить съ точностію; но судя по даннымъ языка, можно съ достаточнымъ основаніемъ заключить, что ихъ деревянныя постройки существовали задолго до Р. Х. и развились самостоятельно, не будучи заимствованы отъ какого-либо другаго народа. Всѣ названія для дома и селенія въ нашемъ языкѣ (равно какъ и въ языкѣ прочихъ европейскихъ народовъ) относятся къ періоду, предшествовавшему раздѣленію арійцевъ*), изъ чего заключаютъ, что привычка къ осѣдлости усвоена была славянами еще на общей арійской прародинѣ. Что же касается частностей строительныхъ названій, то въ большинствѣ случаевъ онѣ въ славянскомъ языкѣ самобытны, т. е. выработались у себя дома въ древнѣйшія времена. Таковы напр. слова: *изба* **), *клѣть*, *стропъ* (крыша, стропила), *стрѣха*, *тесъ*, *дрань*, *окно*, *косякъ*, *порогъ* и т. д. Плотничныя орудія, *долото* и сѣверно-русское *топоръ*, хотя и носятъ заимствованныя названія, но тѣмъ не менѣе самый источникъ заимствованія указываетъ на ихъ глубокую древность. Церковно-славянское *длато* производятъ, какъ и лат. *dolatorium*, орудіе для тесанія, и *dolabra*, мотыка, кирка, отъ глагола *dolare* рубить, тесать (русск. *долбить*). Названіе топоръ считается древне-персидскимъ, перенесеннымъ къ намъ, вѣроятно, во время сарматскихъ помѣсей.

Историческія указанія о постройкѣ домовъ древними славянами находятся у Тацита ***) и Приска.****) Свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднимъ писателемъ (въ половинѣ V вѣка), хотя и относятся собственно до Гунновъ, но они явно носятъ славянскій характеръ. Для насъ они тѣмъ болѣе важны, что говорятъ о привычкѣ къ деревяннымъ жилищамъ у народа, недавно вышедшаго изъ за Уральскихъ горъ, гдѣ и были именно найдены мѣдные плотничные инструменты, по поводу которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Дунайскіе скиѳы, при посѣщеніи ихъ страны Прискомъ, жили селами, въ деревянныхъ домахъ. Домъ Атиллы былъ также деревянный, изъ гладко вытесанныхъ и выструганныхъ бревенъ и досокъ (ex lignis et tabulis eximie politis) и былъ окруженъ деревянною огра-

*) Таковы напр. слова: *домъ*, δόμος domus; *весь*, деревня, древне-индійское *вис* и *веса—с* домъ, древне-персидск. (Зендское) *вис* домъ, семья, село и община; древне-инд. *срама—с* (*крама—с*) шатеръ, *грама—с*, деревня, община, славянское *храмъ*, храмина и *громада* (община).

**) Смотря по разному правописанію, на славянскихъ языкахъ это слово производятъ отъ корня *ѣсть*, *здать*, или *топить* (истопка); но во всякомъ случаѣ здѣсь корень славянскій.

***) De situ, moribus et populis Germaniae. гл. 46.

****) *Stritter*, Memoriae populorum, томъ I. Hunnica, гл. V стр. 507—511.

дою не для укрѣпленія, а для красоты. Подобный домъ съ оградою и воротами былъ и у вельможи Атиллы, Онигисія. Во дворѣ Атиллы было много и другихъ деревянныхъ строеній. При осмотрѣ этихъ построекъ вниманіе Приска обратили на себя какіе-то круги (circuli), начинавшіеся съ земли, т. е. съ основанія зданія, и восходящіе въ высоту съ извѣстною мѣрою и пропорціею. *) Это темное мѣсто византійскаго очевидца можно было-бы естественнѣе всего объяснить тѣмъ, что онъ хотѣлъ изобразить подъ именемъ круговъ выдающіеся концы бревенъ деревяннаго дома, срубленнаго по русскому обычаю въ уголъ, а не въ лапу. Для человѣка, не видѣвшаго такой постройки, эта характерная особенность угловъ, гдѣ каждое бревно представляетъ въ разрѣзѣ правильный кругъ, должна была прежде всего броситься въ глаза. Если это такъ, то въ свидѣтельствѣ Приска можно видѣть не только доказательство привычки скиѳовъ и гунновъ къ деревяннымъ домамъ, но и удостовѣреніе, что эти дома строились по нынѣшней русской системѣ.**) На тоже указываютъ существовавшія въ домѣ Атиллы лавки и наружное крыльцо. Привычка къ деревяннымъ домамъ у дунайскихъ скиѳовъ и гунновъ, очевидно, была давнишняя, сдѣлавшаяся для нихъ необходимостью; ибо, по словамъ того-же Приска, страна, которою онъ проѣзжалъ, не имѣла ни камня, ни

*) Intra illa septa erant multa aedificia, partim ex tabulis sculptis et eleganter compositis, partim ex trabibus opere puro, et in rectitudinem affabre dolatis et politis, quae erant interiectae lignis ad tornum elaboratis, extructa et composita. Circuli autem a solo incipientes in altum assurgebant certa proportione et mensura. Въ изданіи Штриттера, которымъ я пользовался, а можетъ быть и вообще въ текстѣ дошедшаго до насъ сочиненія Приска, въ вышеуказанномъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, вкралась ошибка: выраженіе *interiectae lignis*, повидимому правильнѣе читать *interiectae tignis*, а далѣе, послѣ слова composita соотвѣтственнѣе поставить не точку, а точку съ запятой. Тогда слѣдующее слово *circuli* будетъ относиться не къ новому періоду, а къ предъидущему предложенію и обозначать именно тѣ выдающіеся по угламъ концы бревенъ, которые Прискъ принималъ за обрубки (tignum) или короткія бревенчатыя надставки по угламъ, какъ бы обточенныя на станкѣ (ad tornum elaboratis). Выше сего употребленное Прискомъ выраженіе *ex tabulis sculptis* по всей вѣроятности относится къ рѣзнымъ деревяннымъ украшеніямъ (конькамъ, подзорамъ, наличникамъ и пр.), такъ щедро употреблявшимся въ древней Руси при постройкѣ нарядныхъ домовъ.

**) Характерная для русскихъ построекъ рубка *въ уголъ* существовала издавна. На это указываютъ полуистлѣвшіе срубы, найденные въ нѣкоторыхъ курганныхъ могилахъ доисторическаго времени, срубленные именно по этой системѣ. Та часть сѣверныхъ и сибирскихъ инородцевъ, которые строятъ себѣ бревенчатые дома или клѣтушки, тоже усвоили (отъ русскихъ) эту систему. Равнымъ образомъ и татарскія деревянныя мечети строятся подобно русскимъ домамъ, и даже по внѣшнему виду отличаются отъ послѣднихъ только башенкою для минарета. Очевидно, что татары подражали здѣсь не арабскому зодчеству, а заимствовали его отъ насъ, неимѣя въ прежней своей кочевой жизни никакихъ другихъ образцовъ.

лѣса; матеріалъ для построекъ нужно было привозить изъ далека, и не смотря на это тамъ существовали села. Изъ этого можно заключить, что гунны и скиѳы въ пятомъ вѣкѣ не представляли собою бродячее племя и что первые изъ нихъ, вѣроятно, пріобрѣли привычку строить деревянные дома до переселенія своего на Дунай, что до извѣстной степени могутъ подтверждать и найденныя въ Сибири плотничныя орудія.*) Какъ приготовленныя изъ мѣди и бронзы, эти орудія, очевидно, были въ употребленіи еще до Р. Х.

Сѣверные русскіе славяне знали плотничное дѣло за долго до нашей начальной лѣтописи. У Преподобнаго Нестора весьма часто упоминается о деревянныхъ постройкахъ, въ которыхъ были особенно искусны новгородцы: „а вы плотницы суще, приставимъ вы хоромы рубити (1016 г.)“. Эта насмѣшка надъ новгородскою ратью, что они не воины, а плотники, которыхъ можно заставить не сражаться, а скорѣе дома рубить, показываетъ, что плотничное дѣло въ древней Руси представляло своего рода спеціальность. Нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что оно преемственно и непрерывно шло и развивалось отъ тѣхъ-же древодѣловъ-строителей, о постройкахъ коихъ за пять съ лишкомъ вѣковъ передъ тѣмъ сообщалъ Прискъ, и которое, очевидно, ведетъ свое начало со временъ глубокой древности. Съ тѣхъ поръ какъ славянскій народъ осѣлъ на своихъ исконныхъ земляхъ и принялся за земледѣліе, онъ долженъ былъ строить теплыя жилища. Даже во времена Геродота скиѳы, какъ извѣстно, раздѣлялись уже на земле-

*) Описанные подъ именемъ гунновъ у Амміана Марцеллина киргизы и башкиры, очевидно, представляли другую народность, входившую въ составъ азіатскихъ полчищъ Аттилы, какъ вспомогательное инородческое войско. Свѣдѣнія о нихъ, весьма точно переданныя, интересны въ томъ отношеніи, что они наглядно доказываютъ, въ какомъ жалкомъ положеніи стояли тогда кочевыя народности тюрко-монгольскаго племени, не имѣвшія ничего общаго съ открываемою теперь высокою культурою древняго осѣдлаго населенія Камской Болгаріи и сибирскихъ странъ. Въ такомъ-же положеніи описывались ранѣе того Тацитомъ западныя финскія бродячія племена, претендующія теперь на присвоеніе себѣ сѣверно-русскихъ доисторическихъ древностей. По словамъ Тацита, «у нихъ удивительная дикость и отвратительная бѣдность; они не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, ни жилищъ. Пищею имъ служитъ трава, одеждою шкуры, ложемъ земля. Единственная надежда ихъ—стрѣлы, которыя они, за недостаткомъ желѣза, заостриваютъ костями. Таже самая охота одинаково питаетъ и мужчинъ и женщинъ, ибо послѣднія повсюду слѣдуютъ и требуютъ своей доли добычи. А дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ звѣрей и дождя, какъ то, что они укрываются подъ какими нибудь сплетенными вѣтвями. Сюда возвращаются молодые, здѣсь пристанище стариковъ. Но они считаютъ это большимъ счастіемъ, чѣмъ вздыхая трудиться надъ воздѣлываніемъ полей, работать при постройкѣ домовъ (Germ. 46)». Въ такомъ-же почти положеніи находятся и понынѣ финскіе инородцы Сибири. Нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы и въ доисторическое отдаленное время они обладали какою либо культурою.

дѣльцевъ и кочевниковъ. Первые изъ нихъ вели осѣдлую жизнь, вторые жили въ кибиткахъ. Такая существенная разница въ образѣ жизни едвали могла принадлежать одному и тому-же народу. Здѣсь, какъ и въ послѣдующемъ представленіи о гуннахъ, слово скиѳъ, очевидно, принято въ общемъ собирательномъ смыслѣ, безъ этнографическаго раздѣленія. Къ числу осѣдлыхъ скиѳовъ, по всей вѣроятности, принадлежали арійскія племена, преимущественно славяне; къ числу номадовъ-тюркія и финскія народности, большинство коихъ и по сіе время не бросили кочевыхъ привычекъ. Предполагать въ древнемъ мірѣ какія либо другія племена, кромѣ нынѣ существующихъ, и думать, что изучаемыя нами доисторическія древности могутъ относиться къ какому-то особому народу, исчезнувшему съ лица земли, я не вижу рѣшительно никакого основанія

Если западные финны (по свидѣтельству Тацита) и восточные тюрки (по описанію Амміана Марцеллина) находились въ такомъ убожествѣ, не обнаруживая никакихъ признаковъ культурнаго развитія, то очевидно, болгарскія и сибирскія археологическія находки, доказывающія сравнительно высокую индустрію, принадлежали не имъ, а жившему одновременно съ ними, господствовавшему въ странѣ, другому, арійскому народу. Также, мнѣ кажется, слѣдуетъ смотрѣть и на найденные въ Сибири мѣдныя долота и плотничные топоры.

Относительно мѣднаго литаго топора (№ 1240) въ текстѣ каталога замѣчено, что онъ по формѣ сходенъ съ русскимъ дроворубнымъ топоромъ. Въ музеѣ имѣется экземпляръ того-же типа изъ кованнаго желѣза, найденный въ Кузнецкомъ округѣ (№ 1391) и относящійся, вѣроятно, къ болѣе поздней, сравнительно съ первымъ, эпохѣ. Третій экземпляръ желѣзнаго топора (№ 1097), найденный въ курганной могилѣ близь Томска, можно считать еще моложе предъидущихъ. Форма его та-же, но онъ нѣсколько короче и шире. Изъ современныхъ инородцевъ сибирскіе финны употребляютъ русскій топоръ, киргизы и монголы частію русскій, частію среднеазіатскій (таранчинскій). Послѣдній бываетъ разныхъ родовъ: 1) *бигень*, для тесанія, съ короткимъ и широкимъ лезвеемъ, въ родѣ косаря; 2)—узкій и длинный топоръ для раскалыванія и 3) топоръ съ поперечнымъ лезвіемъ, въ родѣ мотыки (см. № 2023—2027). Изъ нихъ только № 2 (по каталогу 2025) нѣсколько напоминаетъ русскіе и сибирскіе архаическіе топоры; но и тотъ существенно отличается отъ нихъ слишкомъ вытянутою формою ($21^1/_2$ сант. длины). Подобные экземпляры мы видимъ въ ливонскихъ древностяхъ, изображенные на табл. XIX атласа Бера № 5 и 10.

Болгарскій желѣзный топоръ имѣетъ совсѣмъ другую форму и притомъ на столько оригинальную, что его можно отличить отъ всѣхъ остальныхъ. Лезвее его широкое, вытянутое въ видѣ языка къ сторонѣ топорища. Въ Сибири такіе экземпляры совсѣмъ не встрѣчаются. Объ нихъ мы упомянули здѣсь собственно потому, что этотъ типъ оказывается въ той-же самой формѣ въ болгарскихъ и ливонскихъ древностяхъ (атл. Бера табл. XIV, № 4, 6, 8 и 9; атл. Крузе, табл. I, табл. VII, № 3 и 6, табл. XXVI № 15 и 16) и повидимому сохранился до сего времени въ дунайской Болгаріи. О послѣднемъ обстоятельствѣ я сужу потому, что на археологическую выставку, устроенную въ Казанскомъ университетѣ въ 1882 году, былъ доставленъ одинъ такой экземпляръ, привезенный изъ Болгаріи послѣ восточной войны. Поставленный рядомъ съ коллекціей мѣстныхъ археологическихъ топоровъ, онъ оказался настолько близокъ къ нимъ, что трудно было отличить эту новую вещь отъ древнихъ. Такой-же точно желѣзный топоръ мы видимъ въ скандинавскихъ древностяхъ (въ атласѣ Ворсо стр. 118, фиг. № 491). Изъ этого можно заключить, что болгарскій топоръ выработался не на востокѣ, а на западѣ, и притомъ въ позднѣйшее время, такъ какъ въ мѣдномъ или бронзовомъ вѣкѣ подобной формы не оказывается, тогда какъ нашъ русскій дроворубный топоръ имѣетъ своего представителя въ Сибири въ семьѣ древнѣйшихъ мѣдныхъ издѣлій. Изъ шведскаго или болгарскаго топора, а можетъ быть изъ скиѳской (южно-славянской) сѣкиры выработался впослѣдствіи нашъ плотничный широкій топоръ.

36) Объ идолахъ въ формѣ птицъ и животныхъ (къ стр. 64).

Находящіяся въ музеѣ Томскаго университета 14 фигуръ, напоминающихъ въ большей или меньшей степени птицу, или какое-то миѳическое крылатое существо, получены изъ двухъ пунктовъ Томской губерніи: изъ Кузнецкаго и Каинскаго округовъ. Тринадцать кузнецкихъ идоловъ были найдены въ 1884 году въ одной кучкѣ, въ обвалившемся берегѣ рѣки Ини, въ разстояніи версты отъ села Касмалинскаго, въ черноземномъ слоѣ, на глубинѣ около полуаршина отъ поверхности земли. Тутъ-же при нихъ найдены три тарелочки (диска) и два кружка (№№ 1265—1269). Всѣ эти предметы вылиты изъ хрупкаго металлическаго сплава, большею частію бѣлесовато-сѣраго цвѣта. Техника отливки не особенно тщательная, но и не грубая. На двухъ экземплярахъ видны слѣды починки: отломанные куски припаяны посредствомъ олова

(оловянныя заплатки съ задней стороны, величиною 2—2½ сант.). Въ сосѣдствѣ съ оловомъ пластинки покрыты мѣдной зеленью, на остальныхъ-же мѣстахъ онѣ не представляютъ никакихъ слѣдовъ окисленія. Каждая пластинка имѣетъ плоскую форму, при чемъ только одна голова фигуры утолщена и отлита рельефно, полая и открытая съ задней стороны.

Кромѣ нашихъ находокъ, подобныя имъ встрѣчались въ Сибири и раньше. Такъ, напр., въ статьѣ *Муральта* (скиѳскія древности Импер. Эрмитажа, Зап. Имп. археол. общ. т. V, 1853 г. стр. 213) упоминается, что „въ курганѣ близъ деревни Чингизки найденъ орелъ съ распростертыми крыльями, шириною въ 3 дюйма, съ изображеніемъ человѣческой головы на груди". Въ статьѣ профессора *Эйхвальда* „о древностяхъ заволочской Чуди Печерскаго края" также приводится фактъ нахожденія подобныхъ фигуръ на Печерѣ. М. К. *Сидоровъ* во время своихъ изысканій по сѣверному Уралу собралъ много такихъ вещей, въ числѣ коихъ были, по словамъ Эйхвальда, фигуры орловъ, филиновъ, ласточекъ, зайцевъ, медвѣдей и людей. На груди у нѣкоторыхъ изъ нихъ также было изображено человѣческое лице, какъ и на нашихъ фигурахъ.*) Такія-же находки оказывались на Волгѣ, въ Калмыцкой степи и въ предѣлахъ Камской Болгаріи. Одинъ изъ болгарскихъ экземпляровъ нынѣ хранится въ Казанскомъ археологическомъ музеѣ; объ астраханскомъ, найденномъ въ 1721 году, упоминается въ пятомъ томѣ дополненій къ древностямъ Монфокона (1757 г.), гдѣ на табл. 73 изображенъ и рисунокъ найденнаго идола, весьма сходный съ нашими. Свѣдѣнія объ этой находкѣ были сообщены Монфокону Шумахеромъ, бывшимъ библіотекаремъ эрмитажной библіотеки. Въ 1857 году, повидимому, такая же находка была сдѣлана на берегу р. Исети, недалеко отъ Екатеринбурга. Найденные здѣсь идолы въ описаніи названы „похожими болѣе на птицъ, чѣмъ на человѣка". Здѣсь-же оказались разбитыя каменныя формы и куски мѣди, служившіе для отливки идоловъ (Извѣст. Импер. археологич. общ. т. II. Спб. 1861 г. стр. 384).

Изображеніе идоловъ въ формѣ птицы, или съ присоединеніемъ птичьихъ элементовъ (крыльевъ) практиковалось съ древ-

*) Рисунки печерскихъ фигуръ Эйхвальда (Сидорова) воспроизведены во второмъ выпускѣ атласа Аспелина (1877 г., стр. 128, фиг. 519 и 520 и на стр. 130 фиг. 529, 533 и 536). На первыхъ двухъ фигурахъ идолы изображены съ полосатымъ орнаментомъ, птичьей головой и крыльями, а въ номерахъ 529—532 сверхъ того изображено на груди человѣческое лице, какъ на кузнецкихъ идолахъ. Въ послѣднемъ номерѣ птица сидитъ на головѣ, прикрывая человѣческую фигуру, руки которой сложены на груди, большіе пальцы обѣихъ рукъ, сложенные вмѣстѣ, обращены кверху, какъ у нашихъ тартасской и тобольскихъ фигуръ.

нѣйшихъ временъ у народовъ передней Азіи. Боги ассиріанъ, вавилонянъ и древнихъ персовъ были крылатые. Тотъ-же символъ (крылья), какъ признакъ духовнаго начала, мы видимъ у египтянъ, евреевъ (ангелы), грековъ и римлянъ. Въ гомеровскія времена у эллиновъ и троянцевъ существовало убѣжденіе, что орелъ, парящій съ правой стороны въ ту или другую критическую минуту, означалъ ниспосылаемое Зевсомъ доброе предзнаменованіе. Слѣдовательно, онъ разсматривался какъ вѣстникъ воли боговъ. Такое значеніе орла изображается, напр., въ XXIV пѣсни Иліады (ст. 310—316). Старецъ Пріамъ, обращаясь къ Зевесу, молитъ:

Птицу пошли, быстролетнаго вѣстника, мощью своею
Первую въ птицахъ, любимую болѣе всѣхъ и тобою;
Съ правой страны ниспошли, да сходящую самъ я увидя,
Съ вѣрой въ нее отойду къ кораблямъ конеборныхъ Данаевъ!
Такъ умолялъ; и услышалъ его промыслитель Кроніонъ;
Быстро *орла* ниспослалъ межъ вѣщихъ вѣрнѣйшую птицу,
Темнаго, коего смертные *черным*ъ (περκνός*) ловцомъ называютъ».

Въ связи съ миѳическимъ представленіемъ о троянскомъ орлѣ, —черной охотничьей птицѣ, которую люди, по словамъ Гомера, называютъ περκνός, продолжалось почитаніе орла у италійскихъ народовъ. Орелъ является какъ священная хоругвь римскихъ ле-

*) По смыслу рѣчи здѣсь слово περκνός слѣдуетъ принимать за существительное, а не за прилагательное, т. е. таково было прозваніе птицы, какъ разновидности орлиной породы. На это, между прочимъ, указываетъ Плиній въ своей натуральной исторіи (lib. X, c. 3). Описывая шесть видовъ орлиныхъ разновидностей, онъ къ третьему виду причисляетъ орла, называемаго греками μορφνός, прибавляя при этомъ, что Гомеръ называетъ его также и περκνός (quam Homerus et percnon vocat), изъ чего слѣдуетъ, что это было собственное имя орла, а не прилагательный эпитетъ. По цвѣту онъ считался самымъ чернымъ изъ орловъ, и имѣлъ наиболѣе длинный хвостъ. Далѣе Плиній замѣчаетъ, что «орелъ есть единственная птица, которую не поражаетъ молнія», и вотъ почему явился обычай изображать его съ перунами Юпитера.

Корень слова περκνός производятъ отъ древне-арійскаго *parkna*, темный, пятнистый, откуда—*parkana*, Regen, Donnergött (*Фикъ*, vergleich. WorterB., Göttingen 1870 г. стр. 119). Отсюда же, вѣроятно, происходитъ и литовское слово *перкунъ*, или славянское *перунъ*, въ значеніи молніи и бога громовика. Если Гомеръ употребляетъ слово περκνός въ смыслѣ существительнаго, обозначая этимъ имя птицы, наиболѣе любимой Зевсомъ, то въ этомъ названіи можетъ быть кроется намекъ на связь имени περκνός съ символомъ славянскаго бога—Перуна.

Въ современномъ русскомъ языкѣ существуетъ слово *беркутъ*, или *бе́ркутъ*, обозначающее самого большаго орла нашихъ странъ, aquila regia. По словамъ В. И. Даля, его вынашиваютъ для травли и онъ беретъ сайгу,

гіоновъ.*) онъ-же служитъ любимымъ изображеніемъ на надгробныхъ памятникахъ, какъ символъ генія, охраняющаго покойника въ загробной жизни. Апоѳеозъ римскихъ императоровъ представляется не иначе, какъ въ формѣ орла, уносящаго избранника на небо. Таже птица весьма часто придается Юпитеру, какъ его личная эмблема. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Юпитеръ прямо изображается въ формѣ орла съ перунами во рту. Такимъ образомъ, этотъ символъ, начавшись съ троянскихъ временъ, проходитъ черезъ всю римскую исторію, переносится затѣмъ въ Византію и оттуда возвращается къ намъ въ формѣ государственнаго герба.

Сибирскіе крылатые идолы съ птичьими головами, по моему мнѣнію, должны быть включены въ тотъ же циклъ миѳологическихъ представленій. Связь ихъ съ троянскимъ птицегаданіемъ и съ вытекающею изъ него эмблемою орла у Римлянъ не покажется невѣроятною, если принять во вниманіе много разъ указанное въ нашихъ примѣчаніяхъ отношеніе сибирскихъ древностей къ троянскимъ и этихъ послѣднихъ—къ италійскимъ.

Какое значеніе имѣло изображаемое на груди идоловъ человѣческое лицо, сказать трудно. Проф. Эйхвальдъ думаетъ, что оно „указываетъ на вѣрованія скиѳовъ въ переселеніе душъ въ раз-

---

и даже волка. Беркутовыми перьями встарину оперяли стрѣлы (Толк. словарь). Это самая настоящая охотничья птица, болѣе мощная, чѣмъ соколъ. Очень можетъ быть, что имя беркута происходитъ отъ того-же корня *parkna* и περκνός. Въ древней троянской территоріи существовали: городъ, рѣчка и цѣлая область, носившіе названіе περκώτη, весьма созвучное съ нашимъ беркутомъ. Предполагаютъ, что они названы по темнокоричневому цвѣту почвы или воды; по тѣмъ-же соображеніямъ могла быть названа и птица.

Повидимому, аналогическій примѣръ названія птицы въ связи съ древнею миѳологіей можно видѣть въ словѣ *воронъ* и *вороной* (церковно-слявян. вранъ, враный), лит. *warnas*, *варна*. Въ праарійскомъ языкѣ слово *var* значитъ покрывать, санск. *varuna*— покровъ ночнаго неба, темный небесный сводъ, откуда греч. οὐρανός, небо, и *Уранъ*, небесный богъ, какъ *Варуна* въ ведической солярной религіи. Не повторяется-ли и здѣсь, какъ въ имени перкуна (беркута, орла) переносъ понятія съ обоготворяемой небесной силы или небеснаго явленія на символъ этой силы, изображаемый черною птицей, названною поэтому ворономъ. Что воронъ имѣлъ какое-то отношеніе къ славянской миѳологіи и къ русскому Эпосу, видно изъ того, что изображеніе этой птицы встрѣчается на значкахъ и разныхъ другихъ, повидимому религіозныхъ, древностяхъ, найденныхъ въ южно-русскихъ скиѳскихъ курганахъ. Въ русскихъ былинахъ богатырскимъ конямъ непремѣнно придается вороная масть. Равнымъ образомъ, тоже слово нерѣдко встрѣчается въ славянскихъ географическихъ названіяхъ, напр., *Варна*, *Вранья*, *Воронежъ*, р. *Ворона*.

*) Военнымъ значкомъ въ римскихъ легіонахъ служили, кромѣ орла, волкъ, минотавръ, лошадь и вепрь; но орелъ всегда считался важнѣйшимъ. Со втораго консульства Марія орелъ былъ принятъ исключительнымъ значкомъ военнаго знамени. (Плиній X, 5).

ныя животныя (Древн. Печерск. края)". Судя по нашему экземпляру № 1227, гдѣ вмѣсто лица изображенъ осѣняемый крыльями птицы человѣкъ, можно предполагать, что лицо на груди идола выражаетъ ту особу, которой покровительствуетъ божество. Если же допустить, что крылатыя фигуры имѣли при этомъ значеніе амулетовъ, или предохранительныхъ привѣсокъ, какъ это было въ обычаѣ у скиѳовъ, то изображаемое на нихъ лицо могло имѣть нѣкоторое отношеніе къ классическому миѳу о головѣ Горгоны, какъ она изображалась на римской Эгидѣ. Допуская связь съ одной стороны между классическими и скиѳскими древностями, съ другой—между скиѳами и сѣверными славянами, мы готовы думать, что многія черты эллинскихъ и романскихъ миѳологическихъ вѣрованій отразились въ языческихъ преданіяхъ русскаго народа, въ нашихъ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ и предразсудкахъ. Въ томъ числѣ и басня о похожденіяхъ Персея за головой Горгоны, повидимому, не была чужда русскому баснословію.

На скиѳскихъ идолахъ въ человѣческой формѣ тоже изображалось на груди человѣческое лицо. Такія экземпляры были найдены въ Саратовской губерніи (Изв. Импер. арх. общ., т. II, стр. 34) и въ Камской Болгаріи. Фотографическій снимокъ болгарскаго экземпляра помѣщенъ въ нашемъ музеѣ подъ № 2462. Въ Енисейской губерніи найденъ былъ идолъ, имѣющій на груди, вмѣсто человѣческаго лица, изображеніе солнца (см. примѣч. 25).

Символъ человѣческой головы на груди идоловъ былъ усвоенъ также балтійскими Венетами. Въ атласѣ Графа Потоцкаго *) такой рисунокъ мы видимъ подъ № 8 на изображеніи Бѣлбога-Святовида. Онъ имѣетъ полную человѣческую форму; на груди представлена другая человѣческая голова, съ длинной бородой и круглымъ лицомъ. Платье этого идола имѣетъ продольно-полосатую форму, какъ на всѣхъ нашихъ экземплярахъ **); но что еще болѣе сближаетъ ретрійскаго Бѣлбога съ сибирскими древностями, это кружковый орнаментъ, показанный на его платьѣ. На экземплярѣ Графа Потоцкаго кружки сгруппированы въ кучки числомъ по три, по пяти, по семи, и девяти. Таже самая группировка кружковъ и тѣже числа оказываются на найденныхъ вмѣстѣ съ идолами въ Кузнецкомъ округѣ тарелочкахъ. Въ числѣ рисунковъ Потоцкаго оказывается также идолъ съ птичьею головой, похожею на ястреба

*) *Potocki*, Jean, Voyage dans quelques parties de la Bass-Sax pour la recherche des antiquités slaves ou Vendes. Hamburg. 1795. 4°.

**) Полосатый орнаментъ платья показанъ у Потоцкаго и на другихъ идолахъ, напр., рис. 11, 12, 13, 19, 25, 30 и 38. Тѣже полосы встрѣчаются на глиняныхъ божкахъ, найденныхъ Шлиманномъ въ Троѣ и Микенахъ.

или сокола (фиг. 32); чаще встрѣчаются идолы съ птицею, сидящею на человѣческой головѣ (фиг. 14, 17, 75, въ атласѣ Маша*) № 1 и 2). Есть экземпляры идоловъ съ львиною и бычачьею головой на человѣческомъ торсѣ (у Потоцк. фиг. 19, 22, 38, 17 и 75; у Маша № 1), или съ воловьими ушами на человѣческой головѣ (фиг. 9, 11 и 13, съ ушами и рогами фиг. 21 и 28).

На нашихъ крылатыхъ идолахъ также большею частію изображаются коровьи уши, торчащія сверху птичьей головы. Эта эмблема была весьма распространена въ Троѣ и въ древней Элладѣ. Шлиманнъ относитъ такихъ идоловъ къ культу Геры и ставитъ ихъ въ аналогію съ богинею пеласговъ—Іо (Mond-und Kuh-Göttin), съ беотійскою богинею Деметрой и съ египетскою богинею луны-Изидой. На нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ Изида представляется съ коровьею головой, а Эллинской Герѣ приписывается Гомеромъ эпитетъ волоокой (Hera boopis). Очень можетъ быть, что и на сибирскихъ идолахъ эмблема коровьихъ ушей имѣетъ подобное же значеніе.

37) Объ удилахъ и стременахъ (къ № 1254)

Древнее курганное племя, населявшее Сибирь, любило коня и верховую ѣзду. На это указываютъ сохранившіяся въ курганахъ лошадиныя кости и разныя принадлежности конской сбруи. Изъ этихъ послѣднихъ въ нашемъ музеѣ имѣются: довольно значительная коллекція удилъ, нѣсколько стремянъ и одна глиняная фигурка, изображающая сѣдло. Есть удила мѣдныя и бронзовыя, очевидно относящіяся къ болѣе отдаленной эпохѣ; но чаще всего встрѣчаются—желѣзныя. Первыхъ у насъ собрано всего по одному экземпляру (№ 1254 и 1282), послѣднихъ имѣется 11 экземпляровъ (№№ 1379—1390). Въ Минусинскомъ музеѣ бронзовыхъ и мѣдныхъ удилъ находится 18 и 5 такихъ же костыльковъ отъ нихъ; желѣзныхъ собрано болѣе сотни.**) Какъ тѣ, такъ и другія состоятъ изъ двухъ звеньевъ, оканчивающихся, большею частію, двойнымъ кольцомъ. Есть удила и гладкія и витыя. Костыльки и металлическія накладки для повода имѣютъ разнообразную форму и нерѣдко украшены разными фигурками и завитками, или даже золотою насѣчкою. Очевидно, на эту часть уздечки обращалось особое вниманіе, какъ и должно быть у такого конелюбиваго народа, какъ скиѳы. Форма этой части сбруи не представляетъ въ Сибири чего либо новаго, или оригинальнаго. Очевидно, эта древ-

*) *Masch*, Die gottesdienstlichen alterthümer der Obotriten. Berlin 1771. 4°.

**) Древн. Мин. муз., изд. 1886 г., стр. 131—132, 169—172.

нѣйшая принадлежность конской ѣзды, изобрѣтенная въ доисторическія времена въ начальномъ центрѣ міровой культуры, распространилась по всѣмъ частямъ свѣта съ незначительными лишь отступленіями и видоизмѣненіями своего первоначальнаго типа. Сравнивая древнія бронзовыя и мѣдныя удила италійскихъ народовъ *) съ сибирскими, мы видимъ въ тѣхъ и другихъ одинаковыя крученыя звенья съ двойнымъ кольцомъ и фигурные длинные костыльки, помѣщаемые снаружи по угламъ лошадинаго рта.

Стремена, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчаются между сибирскими древностями рѣже. Въ нашемъ музеѣ ихъ имѣется всего пять экземпляровъ, сдѣланныхъ изъ кости (№№ 275—278, 280) и одинъ экземпляръ изъ желѣза (№ 1389). Въ Минусинскомъ музеѣ удалось пріобрѣсти два экземпляра бронзовыхъ стремянъ **), что можно считать большою рѣдкостью, восемь парныхъ желѣзныхъ и 37 одиночныхъ, найденныхъ подъ землей въ разныхъ мѣстахъ Минусинскаго округа. Желѣзныя стремена не имѣютъ большаго археологическаго значенія, такъ какъ степень ихъ древности опредѣлить довольно трудно***). Больше цѣны имѣютъ наши костяныя стремена, такъ какъ они найдены (на городищѣ Чувашскаго мыса) въ сопутствіи съ массою другихъ находокъ, позволяющихъ, до извѣстной степени, судить о времени ихъ приготовленія и употребленія. По совокупности этихъ данныхъ можно заключить, что тобольскія находки, не говоря уже о курганныхъ, но даже собранныя на почвѣ городища, не могутъ быть моложе первыхъ 2—3-хъ столѣтій нашей эры. Это обстоятельство придаетъ нашимъ предметамъ особенную цѣну, какъ доказывающимъ употребленіе стремянъ въ Сибири раньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Азіи, или Европы. По мнѣнію А. Н. Оленина, употребленіе стремянъ было введено въ Персіи не ранѣе шестаго вѣка****). Поэтому, можно думать, что эта принадлежность верховой ѣзды была занесена какъ въ Малую Азію, такъ и въ Европу—съ востока, во время переселенія народовъ*****). Если это такъ, то наши сибир-

*) По рисунку, помѣщенному въ археологическихъ трудахъ А. Н. *Оленина*, т. II, Спб., 1882 г. стр. 175, табл. XXV, фиг. 120—126.

**) Древн. Мин. муз., стр. 132 и 173.

***) Всѣ они найдены не въ курганныхъ могилахъ, а случайно, на пашняхъ и при разныхъ земляныхъ работахъ.

****) А. Н. *Оленинъ*, Археологич. Труды, т. II, 1882 г., стр 105.

*****) Древніе греки и римляне стремянъ не употребляли, латинское же названіе ихъ, *stapes* или *stapia*, принадлежитъ къ позднѣйшимъ. По всей вѣроятности, это слово сформировано изъ латинскихъ корней *sistere* (*stare*) и *pes* нога, ступня. Происхожденіе славянскаго слова, *стремя* или *стремень*, не вполнѣ ясно, хотя едва ли можно сомнѣваться, что оно не иностраннаго, а собственнаго производства, какъ и всѣ прочія принадлежности верховой ѣзды, напр. сѣдло, лука, подпруга, узда, поводъ.

скія стремена получаютъ особый интересъ какъ родоначальники нынѣ существующихъ въ Европѣ стремянъ, изобрѣтенныхъ древними жителями Сибири. Въ пользу этого, быть можетъ, говорятъ и хранящіяся въ Минусинскомъ музеѣ бронзовыя стремена, какъ свидѣтели ихъ древнѣйшаго происхожденія въ этомъ краѣ.

Въ *Dictionnaire* de la conversation et de la lecture... de M. W. Duckert (2 édit. Paris. 1854. Томъ IX, стр. 124–125) о стременахъ сказано слѣдующее: „Народы древности совсѣмъ не знали стремянъ. Ксенофонтъ ни разу не говоритъ объ нихъ въ своемъ сочиненіи о кавалеріи; Галенъ замѣчаетъ, что римскіе всадники страдали слабостью въ ногахъ, вслѣдствіе привычки держать ихъ въ висячемъ положеніи; Гиппократъ сдѣлалъ тоже самое замѣчаніе относительно скиѳовъ. Ни на одномъ античномъ памятникѣ не встрѣчается изображенія стремени. Въ первый разъ упомянуто стремя въ сочиненіи о тактикѣ византійскаго императора Маврикія, умершаго въ 602 году. Позднѣе о стремени очень часто упоминаютъ писатели Византійской имперіи.

У гаучосовъ-наѣздниковъ и другихъ кочевыхъ народовъ Новаго Свѣта, столь справедливо называемыхъ казаками южной Америки, стремя состоитъ изъ палочки бѣлаго дерева, отъ 10 до 12 сант. длины, подвязанной за середку къ веревкѣ, которая спускается съ той и другой стороны деревяннаго сѣдла; всадникъ упираетъ свою босую ногу въ это стремя, захватывая веревку между большимъ и вторымъ пальцемъ“.

38) *Бронзовыя и мѣдныя стрѣлы* (къ стр. 68).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ г. *Максимовичъ* по поводу украинскихъ стрѣлъ говорилъ: „дойдетъ ли наша наука о древностяхъ до того, чтобы по этимъ стрѣламъ могла угадывать воевавшіе ими народы и вѣкъ войны, подобно тому, какъ испытатель природы по одному ископаемому зубу опредѣляетъ цѣлое животное и періодъ его бытія на землѣ“ *). Нельзя сказать, чтобы въ протекшіе послѣ того сорокъ лѣтъ желанія почтеннаго русскаго археолога исполнились; но нельзя отрицать и того, чтобы намѣченныя имъ цѣли изслѣдованія были бы совершенно неисполнимы. Въ формѣ стрѣлъ, какъ и всякаго другаго археологическаго матеріала, могутъ выражаться національныя черты древнихъ народностей и по этимъ слѣдамъ, рано или поздно, можно опредѣлить

*) Михаилъ Максимовичъ, Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ. Москва. 1868 г. Отд. оттискъ изъ 5-го вып. Археол. Вѣстника, съ изображеніями 45 стрѣлъ.

пути распространенія и переселенія народовъ. Для подобныхъ цѣлей вышеуказанная статья г. Максимовича, съ ея рисунками, можетъ принести, при сравненіи находокъ южно-русскихъ и сибирскихъ, немаловажную услугу.

Въ музеѣ Томскаго университета до сихъ поръ удалось собрать десять экземпляровъ мѣдныхъ и бронзовыхъ стрѣлокъ съ болѣе или менѣе точнымъ обозначеніемъ мѣста ихъ нахожденія. Округъ этихъ находокъ простирается отъ Иртыша до Ангары и отъ южныхъ предѣловъ Семипалатинской области до Тобольска. Въ дополненіе къ этому матеріалу можно принять во вниманіе коллекцію такихъ же стрѣлъ Минусинскаго музея, гдѣ ихъ имѣется 16 экземпляровъ *).

Сибирскія стрѣлы, равно какъ и украинскія, представляютъ значительное разнообразіе типовъ. Преобладающею ихъ формою можно считать трехгранное заостреніе и присутствіе втулки. Только одна стрѣлка со втулкою въ нашей коллекціи имѣетъ двѣ щечки съ полукруглымъ валикомъ съ той и другой стороны (№ 1259). Соотвѣтствующій ей рисунокъ помѣщенъ въ атласѣ Минусинск. муз. подъ № 18. Два экземпляра трехгранныхъ стрѣлокъ вмѣсто втулки имѣютъ плоскій заостренный черенокъ или стержень (№ 1260 и 1262). Остальныя трехгранныя или трехреберныя стрѣлки нашего музея имѣютъ слѣдующее устройство: втулка ихъ круглая, довольно глубокая, проходитъ далѣе чѣмъ до половины всего наконечника, но не выдается за его заднимъ краемъ (не имѣетъ заплечиковъ). Три выдающіяся ребра сходятся на переднемъ концѣ въ общее остріе, а задніе концы ихъ продолжаются къ древку далѣе втулки въ видѣ острыхъ шиповъ. На стрѣлкахъ съ черенками такихъ шиловидныхъ отростковъ не имѣется. Равно ихъ нѣтъ и на стрѣлкѣ съ двумя щечками. Въ атласѣ Минусинск. музея показана одна стрѣлка съ боковымъ шипомъ, отходящимъ отъ втулки (№ 10) и соотвѣтствующимъ крюкастымъ стрѣламъ г. Максимовича.

Едва ли не самыми древнѣйшими изъ нашей коллекціи мѣдными стрѣлками слѣдуетъ считать найденныя на золотомъ пріискѣ Полковника Сабурова, находящемся верстахъ въ 70—80 на западъ отъ Усть-Каменогорска, въ Киргизской степи. Золотая розсыпь на этомъ пріискѣ лежитъ подъ двумя саженями наноса на глинистомъ сланцѣ и состоитъ изъ галекъ яшмы, кристаллическаго кварца, бураго и магнитнаго желѣзняка. Въ самой почвѣ этой розсыпи были вымыты разныя археологическія вещи, именно: об-

*) Древн. Минус. муз. Томскъ. 1886 г. стр. 111. Атласъ къ нему табл. VII. Всѣ формы минусинскихъ стрѣлъ повторяются и въ нашей коллекціи.

ломки шильевъ, копья, стрѣлки и маленькія мѣдныя колечки, въ родѣ мелкихъ бусъ, служившія, вѣроятно, для обкладки нитки или ремня, подобно найденнымъ въ тобольскихъ курганахъ (см. примѣч. 6). Изъ этихъ вещей въ Томскій университетъ доставлены только двѣ стрѣлки, обломки шильевъ и колечки *). Обѣ трехгранныя стрѣлки вылиты изъ красной мѣди, съ толстыми гладкими стѣнками и тремя шиловидными отростками на заднемъ концѣ. У второй стрѣлки эти отростки обломаны.—Длина стрѣлокъ 3 сант.; втулка круглая, безъ заплечиковъ.

Послѣ этихъ стрѣлъ, также весьма древними можно считать найденныя въ тобольскомъ курганѣ № 8, принадлежащія къ коллекціи А. И. Дмитріева-Мамонова (№ каталога 1255 и 1256). Общая внѣшняя форма ихъ таже, что и предъидущихъ (трехгранная форма, круглая втулка и три шиловидныхъ отростка); но онѣ отлиты не изъ мѣди, а изъ бронзы, стѣнки ихъ нѣсколько тоньше и углы принимаютъ видъ трехъ острыхъ выдающихся реберъ, между которыми самыя стѣнки получаютъ видъ не гладкой, какъ въ первомъ случаѣ, а слегка углубленной или желобоватой плоскости. Къ этому-же типу принадлежитъ № 1257, полученный изъ кургана Барнаульскаго округа. Здѣсь ложбинки между ребрами отлиты изящнѣе, по срединѣ ихъ обозначенъ слегка выдающійся валикъ отъ втулки, доходящій до половины наконечника, а верхняя часть отдѣлена небольшою развилинкою. Слѣдующій номеръ (1258), найденный въ томъ-же курганѣ, отличается отъ предъидущаго значительно большимъ размѣромъ и менѣе сложною раздѣлкою желобковъ. Одинъ изъ трехъ шиловидныхъ отростковъ въ этомъ экземплярѣ обломанъ. Такой-же точно величины и формы оказывается стрѣлка, найденная, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями, на берегахъ Ангары (№ 1533). Трехгранныя стрѣлки съ заостреннымъ черенкомъ отличаются отъ предъидущихъ только формою черенка, въ остальныхъ отношеніяхъ сходны съ ними; найдены онѣ были также въ курганахъ Барнаульскаго округа.

Если мы сравнимъ теперь сибирскія мѣдныя и бронзовыя стрѣлы съ украинскими, то между тѣми и другими найдемъ существенное сходство. Г. Максимовичъ раздѣляетъ украинскія стрѣлы на два отряда: двубокія и троебокія. Тоже дѣленіе совершенно примѣнимо и къ нашимъ. Представителемъ двубокихъ, или, правильнѣе, двукрылыхъ, у насъ служитъ № 1259, съ длин-

*) Эти предметы принадлежатъ къ обширной геогностической коллекціи, пожертвованной въ 1883 году Томскому университету бывшимъ начальникомъ Змѣиногорскаго округа, горнымъ инженеромъ Павломъ Павловичемъ Ивановымъ. Въ его каталогѣ они значатся подъ № 1072.

ною круглою шейкою, а также №№ 10 и 18 въ атласѣ Минусинскаго музея., вполнѣ соотвѣтствующія фигурѣ 4 у Максимовича. Въ минусинскомъ экземплярѣ оказывается на нихъ даже крючкообразный придатокъ или шипъ (№ 10), идущій отъ шейки, какъ въ №№ 2 и 3 Максимовича, давшій послѣднему поводъ назвать эти стрѣлы крюкастыми. Троебокія или трехгранныя (трехкрылыя) стрѣлы въ Украйнѣ оказываются преобладающими. Точно также и въ Сибири этотъ типъ можно признать господствующимъ и едвали не самымъ древнѣйшимъ. Таковы почти всѣ собранныя у насъ костяныя стрѣлы, таковы мѣдныя и большинство бронзовыхъ. Такимъ образомъ, можно думать, что трехгранная форма стрѣлъ есть основная сибирская (скиѳская), распространенная также на Камѣ и Волгѣ (у Болгаръ) и перешедшая потомъ въ южную Россію. Трехгранныя украинскія стрѣлы, мнѣ кажется, моложе соотвѣтствующихъ имъ сибирскихъ, хотя и родственны съ ними, такъ какъ у первыхъ втулка развита больше, выдается за головкою наконечника, образуя особую шейку. Подобная шейка въ сибирскихъ экземплярахъ оказывается только на двукрылыхъ стрѣлкахъ, по всѣмъ признакамъ позднѣйшихъ (бронзовыхъ, болѣе изящной отливки), развившихся подъ вліяніемъ западныхъ типовъ.

Мѣдныя и бронзовыя стрѣлы сибирскаго типа на югѣ Россіи должны относиться не къ средней, а къ древней исторіи. Едва-ли онѣ уже существовали во время гуннскихъ походовъ, такъ какъ въ это время въ черноморскихъ областяхъ желѣзо было почти во всеобщемъ употребленіи. Равнымъ образомъ и въ Сибири въ IV—VI вв. стрѣлы приготовлялись уже изъ желѣза. Поэтому разсмотрѣнные нами экземпляры должны принадлежать не гуннамъ, а древнѣйшимъ азіатскимъ скиѳамъ; слѣдовательно, они могутъ доказывать существовавшія сношенія между черноморскими и восточными (зауральскими) скиѳами за долго до Р. Х. Эпитетъ „калена стрѣла“ такъ часто употребляемый въ русскихъ былинахъ, тоже, очевидно, относится къ кованымъ желѣзнымъ стрѣламъ, а не къ литымъ мѣднымъ, исчезнувшимъ изъ народной памяти.

Славянское слово *стрѣла* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ словъ. Оно существуетъ также въ скандинавскомъ (*Stral—e, flèche, rayon*) и въ итальянскомъ языкахъ (*Stral—e, flèche*); нѣмецкое *Strahl* удержалось въ значеніи луча, гауоп; въ латышскомъ и литовскомъ языкѣ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно имѣетъ значеніе стрѣлы. Тотъ же корень этого слова видѣнъ въ имени славянскаго *Стри-бога*, владыки грозы, проявляющагося въ буряхъ и вихряхъ. „Се вѣтры, Стрибожи внуцы, вѣютъ съ моря стрѣлами“ (т. е. изъ дождевой тучи молніями). Въ этомъ

мѣстѣ „Слова о полку Игоревѣ“ Стрибогъ является не только дѣдомъ вѣтровъ, но и настоящимъ громовикомъ, посылающимъ молніи.

39) Серпы (къ № 1264).

Въ примѣчаніи 29 было указано, что на сѣверѣ Сибири, около Тобольска, древніе насельники занимались воздѣлываніемъ культурныхъ растеній, именно: ячменя, овса и конопля. Бронзовый литой серпъ, найденный въ Бійскомъ округѣ, показываетъ, что земледѣльческая культура была распространена и въ южныхъ областяхъ Западной Сибири, гдѣ условія для земледѣлія были гораздо благопріятнѣе, чѣмъ при устьѣ р. Тобола и гдѣ, поэтому, воздѣлываніе злаковъ могло быть и обширнѣе и разнообразнѣе. Были-ли извѣстны тамъ другіе злаки, кромѣ ячменя и овса, на это мы не имѣемъ пока фактическихъ разъясненій; но судя потому, что черноморскіе скиѳы-пахари воздѣлывали также и пшеницу, не будетъ удивительно, если при болѣе тщательномъ изслѣдованіи южно-сибирскихъ кургановъ тамъ окажется и этотъ злакъ.

На исконное земледѣліе у скиѳовъ указываютъ ихъ древнѣйшія легенды. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ разсказъ, приводимый Геродотомъ со словъ самихъ скиѳовъ. Родоначальникомъ своимъ, говоритъ греческій историкъ, они считаютъ Таргитая, рожденнаго отъ Зевса и дочери рѣки Борисѳена. У Таргитая было три сына, при жизни которыхъ упали съ неба на землю золотые предметы: *плугъ*, *ярмо*, *сѣкира и чаша*. Первый увидѣлъ эти предметы старшій братъ, но при видѣ горящаго золота отступилъ назадъ. За симъ подошелъ средній братъ, съ которымъ повторилось тоже самое. Съ приближеніемъ третьяго, меньшаго брата золото потухло и онъ отнесъ его къ себѣ въ домъ. Въ виду этого старшіе братья согласились уступить младшему все царство (Герод. кн. IV, 5). По греческому варіанту того-же разсказа, связывающему происхожденіе скиѳовъ съ сожительствомъ Геракла съ дѣвушкой-змѣей, родоначальниками этого народа тоже оказываются три брата, Агаѳирсъ, Гелонъ и самый младшій—Скиѳъ. Здѣсь, точно также, старшіе братья не были въ состояніи выполнить завѣщанной имъ отцемъ задачи, и потому были изгнаны родительницей изъ ихъ страны, а младшій разрѣшилъ задачу удовлетворительно и сдѣлался родоначальникомъ скиѳскихъ царей.

Въ первой изъ этихъ легендъ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что плугъ и ярмо, какъ драгоцѣнный небесный даръ, кладутся въ основу миѳологическихъ представленій о происхожде-

нiи скиѳскаго народа. Изъ этого видно, что земледѣлiе и связанная съ нимъ осѣдлость въ понятiи скиѳовъ представлялись нераздѣльными съ памятью объ ихъ начальной исторiи. Затѣмъ, въ обѣихъ легендахъ говорится о трехъ братьяхъ и проводится мысль, что старшiе изъ нихъ, которые по общепринятому представленiю могли-бы быть и умнѣе и опытнѣе, оказываются, напротивъ, несостоятельными, между тѣмъ какъ младшiй братъ лучше всѣхъ понялъ и оцѣнилъ выгоды ярма, плуга и сѣкиры (т. е. труда и земледѣлiя), не увлекаясь блескомъ золота, и благодаря этому сдѣлался господиномъ своей страны. Въ этой народной легендѣ скиѳы по преданiю опредѣляютъ свое положенiе въ ряду другихъ народовъ, прiурочивая себя къ младшему брату. „По словамъ самихъ скиѳовъ, говоритъ Геродотъ, они юнѣйшiй изъ всѣхъ народовъ.“ Разсказъ Геродота невольно наводитъ на мысль объ основахъ нашихъ русскихъ сказокъ. Тѣ-же самые три брата, изъ коихъ два старшiе считаютъ себя умниками, а младшiй—Иванушка, по общежитейскому понятiю—дурачекъ, на дѣлѣ оказывается и честнѣе, и доблестнѣе и умнѣе старшихъ братьевъ. Совпаденiе легенды о скиѳахъ съ русскими сказками можетъ говорить о племенномъ родствѣ между скиѳскимъ и славянскимъ народомъ и объ отношенiи эпическихъ преданiй того и другаго къ общему источнику нынѣшней европейской культуры.*)

Геродотовы скиѳы „сѣяли хлѣбъ, употребляя его въ пищу, равно какъ лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Далѣе греческiй историкъ прибавляетъ, что хлѣбъ они воздѣлывали не столько для себя, сколько для продажи“, т. е. производили его въ громадномъ избыткѣ сравнительно съ своими потребностями. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что босфорскiй хлѣбъ за 300—400 лѣтъ до Р. Х. служилъ главнѣйшимъ ресурсомъ для пропитанiя населенiя Аттики, что ввозъ его изъ Понта равнялся половинѣ всего количества привознаго хлѣба, поступавшаго въ Аѳины изъ всѣхъ прочихъ портовъ въ совокупности.**) Тоже было во времена Страбона. „За упомянутой горной страной (Кавказомъ), замѣчаетъ знаменитый географъ, лежитъ городъ Ѳеодосiя, владѣющiй равниной превосходнаго достоинства. *Вся эта земля богата хлѣбомъ.*“ Далѣе онъ замѣчаетъ, о Таврическомъ полуостровѣ, что „за исключенiемъ горной приморской страны весь остальной полуостровъ представляетъ равнину съ превосходной почвой, осо-

*) Сравни библейское сказанiе о трехъ сыновьяхъ Ноя и троичность, лежащую въ основѣ индiйской миѳологiи (Индра, Варуна и Агни, Dii majores инд. Ведъ; Брама, Вишну и Шива у браминовъ.

**) Ѳ. Мищенко, торговыя сношенiя аѳинской республики съ царями Босфора. Кiевск. унив. извѣст 1878 г.

бенно благопріятной для хлѣба; дѣйствительно, взрытая первой попавшейся сохой земля даетъ здѣсь самъ тридцать. Тамошніе жители вмѣстѣ съ азіатскими землями, что около Синдики, платили Митридату дань въ 180,000 медимовъ хлѣба (360 т. пуд.) и 200 талантовъ серебра. Отсюда въ прежнія времена къ эллинамъ шелъ хлѣбъ подобно тому, какъ изъ Меотиды посылалась соленая рыба. Разсказываютъ, что Левконъ послалъ аѳинянамъ изъ Ѳеодосіи хлѣба 2,100,000 медимовъ (4,200,000 пуд.)".*) По этимъ свидѣтельствамъ можно судить, какъ процвѣтало земледѣліе въ припонтійскихъ странахъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и что вышеприведенная легенда о скиѳскомъ золотомъ плугѣ, какъ источникѣ богатства и основѣ гражданской жизни скиѳскаго народа, не была поэтическимъ вымысломъ.

Хлѣбъ, получаемый греками изъ припонтійскихъ странъ, о которомъ говорятъ Геродотъ и Страбонъ, былъ, очевидно, пшеница (triticum vulgare), такъ какъ ни индусы, ни египтяне, ни греки ржи не воздѣлывали и не употребляли. На латинскомъ языкѣ слово рожь (secale) въ первый разъ встрѣчается только у Плинія (Генъ, Будиловичъ), хотя въ Македоніи, Ѳракіи и въ странахъ подкарпатскихъ культура ея извѣстна очень давно. Что касается до пшеницы, то исходною точкою ея культуры считаютъ Месопотамію или Малую Азію, откуда она распространилась въ Египетъ, Палестину, Грецію и Италію. Изъ того же непосредственнаго источника могли вынести привычку къ воздѣлыванію этого драгоцѣннаго злака и скиѳы. А такъ какъ одновременно съ этимъ, также съ глубокой древности, пшеница была извѣстна въ Китаѣ и на всемъ юго-востокѣ Азіи, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что съ нею были знакомы и азіатскіе, т. е. сибирскіе скиѳы, жившіе въ южныхъ черноземныхъ областяхъ.

Литой бронзовый серпъ, найденный на югѣ Томской губерніи, по формѣ своей соотвѣтствуетъ рисунку, помѣщенному въ атласѣ Барона Бонштеттена (Швейц. древн. 1855 г. табл. IV, фиг. 9). Клинокъ его довольно толстый и короткій, незубреный, въ видѣ искривленнаго широкаго ножа; сильно покрытъ мѣдною окисью. Слѣдовъ рукоятки не имѣется. Вѣроятно, она была деревянная. Какъ она прикрѣплялась къ клинку, опредѣлить трудно, потому что самый конецъ задней стороны обломанъ. По внѣшнимъ признакамъ эта находка должна быть отнесена за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., когда бронзовыя земледѣльческія орудія подобной формы употреблялись въ передней Азіи и въ Западной Европѣ. Въ бо-

*) Страбонъ VII, 4, 6.

лѣе позднее время въ Сибири употреблялись желѣзные незубреные серпы, образецъ коихъ также имѣется въ нашемъ музеѣ подъ № 1399.

Существовали ли въ такъ-называемомъ бронзовомъ вѣкѣ въ Сибири орудія для паханія земли, соотвѣтствующія нынѣшнимъ сошникамъ, неизвѣстно. Находокъ подобнаго рода мнѣ видѣть не приводилось. Желѣзный сошникъ первобытной формы см. въ каталогѣ подъ № 1392. Соха или плугъ должны были существовать съ древнѣйшихъ временъ, но они, вѣроятно, изготовлялись изъ березы съ загнутымъ и заостреннымъ крѣпкимъ корнемъ, къ которому впослѣдствіи прилаживался маленькій желѣзный сошникъ. Подобіе такой примитивной сохи можно видѣть въ нашемъ музеѣ въ этнографической коллекціи сойотовъ (№ 2471).

40) Бронзовыя зеркала и диски (къ стр. 69—70)

Между круглыми металлическими пластинками, извѣстными у археологовъ подъ именемъ зеркалъ, необходимо различать два сорта: 1) дѣйствительныя зеркала, большею частію имѣющія по краямъ возвышенный ободокъ, а на задней сторонѣ разныя рельефныя изображенія изъ животнаго и растительнаго царства; 2) такія же пластинки, но болѣе тонкія, безъ ободка съ начертанными на одной сторонѣ группами кружковъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ числѣ и порядкѣ, или совсѣмъ безъ всякаго орнамента. Пластинки второй категоріи, повидимому, имѣли другое, именно религіозное значеніе. Онѣ были находимы вмѣстѣ съ идолами. Число такихъ находокъ гораздо меньше, чѣмъ настоящихъ зеркалъ.

Бронзовыя зеркала встрѣчаются весьма часто, преимущественно въ Сибири и Камской Болгаріи. Въ Минусинскомъ музеѣ ихъ собрано 58 экземпляровъ; въ нашемъ музеѣ 5 экземпляровъ (№№ 1270—1273, 1275), не считая двухъ обломковъ, найденныхъ мною въ Болгарахъ. Свѣдѣнія о болгарскихъ зеркалахъ мы приводимъ изъ сочиненія А. Ѳ. *Лихачева*, который сообщаетъ объ нихъ слѣдующее: „Зеркальный сплавъ, отъ преобладанія олова, получаетъ темно-сѣрый цвѣтъ, похожій на цвѣтъ стали, въ силу чего зеркала иногда, неправильно, называютъ булатными. Сплавъ этотъ весьма хрупокъ и потому очень рѣдко встрѣчаются зеркала въ совершенной цѣлости, но большею частію въ обломкахъ, разбитыя, и въ этомъ видѣ они попадаются весьма часто. Употребленіе ихъ въ Болгаріи повидимому было всеобщее, ибо ихъ находятъ во всѣхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ были большія поселенія

или города; но всего больше они встрѣчаются въ самомъ Булгарѣ. Величина ихъ бывала различна: самый большой размѣръ, изъ находящихся въ моей (Лихачева) коллекціи, доходитъ почти до трехъ вершковъ въ діаметрѣ, самыя меньшія—$^3/_4$ вершка. Форма всегда круглая. Одна сторона этихъ зеркалъ представляетъ совершенно гладкую, тщательно отполированную поверхность, другая всегда украшена какими-нибудь орнаментами, которые бываютъ или очень просты, или роскошны и сложны, и состоятъ изъ арабесокъ, изображеній различныхъ животныхъ, реальныхъ и фантастическихъ, къ которымъ иногда присовокупляются надписи на арабскомъ языкѣ куфическимъ шрифтомъ. По шрифту надписей эти зеркала могутъ относиться къ первымъ вѣкамъ ислама... „Зеркала съ изображеніями и надписями имѣютъ высокій ободокъ. Въ центрѣ обратной стороны, покрытой болѣе или менѣе орнаментами, у нѣкоторыхъ зеркалъ находится скобка съ отверстіемъ для продѣванія снурка; на другихъ-же, съ краю, отливалось ушко съ продольнымъ отверстіемъ, и такія зеркала можно было вѣшать на стѣну“. Большая часть зеркалъ, по мнѣнію А. Ѳ. Лихачева, привозились въ Болгарію съ востока, но несомнѣнно были и мѣстной болгарской работы. На это указываютъ найденные неоконченные отдѣлкою экземпляры и самыя формы для отливки ихъ.*) Все это описаніе совершенно примѣнимо и къ сибирскимъ зеркаламъ, имѣющимъ туже форму и почти тѣ-же орнаменты. Въ Минусинскомъ музеѣ многіе экземпляры зеркалъ имѣютъ также китайскія надписи. Поэтому несомнѣнно, что извѣстная часть зеркалъ поступала въ Сибирь, а отсюда въ Болгарію изъ Китая, а нѣкоторая ихъ часть изъ мусульманскихъ странъ. Но изъ этого я не считаю еще возможнымъ выводить такое заключеніе, чтобы небесную имперію слѣдовало считать первоначальною родиною разсматриваемыхъ нами предметовъ. Извѣстно, что греки и римляне также употребляли круглыя, ручныя зеркала изъ блестящаго выполированнаго металла, обыкновенно изъ мѣди, или изъ сплава мѣди съ оловомъ, а иногда изъ серебра.

Римляне украшали эти предметы на оборотной сторонѣ, по этрусскому обычаю, чеканною работою. Нѣтъ повода отрицать, чтобы тотъ-же, очевидно древнѣйшій, обычай не былъ усвоенъ и скиѳами, которые могли занести его въ отдаленную Сибирь и на берега Волги, какъ они занесли и многое другое изъ предметовъ начальной общеевропейской культуры. Я скорѣе склоненъ думать,

*) А. *Лихачевъ*, Бытовые памятники великой Булгаріи. Рисунки зеркалъ помѣщены въ атласѣ къ трудамъ втораго археологическаго съѣзда, Спб. 1876 г., вып. первый, отд. II, табл. IV рис. 2—17.

что китайцы заимствовали свои металлическія круглыя зеркала изъ общаго культурнаго центра, при посредствѣ восточныхъ скиѳовъ, или бактрійскихъ грековъ, подобно тому, какъ къ нимъ перешли изъ классической древности безменъ (lancula, statera), счеты и многіе другіе предметы и понятія западнаго культурнаго міра. Поэтому можно допустить, что въ числѣ сибирскихъ археологическихъ коллекцій могутъ находиться и древнѣйшіе, собственно скиѳскіе экземпляры зеркалъ, и болѣе новые, частію привозимые сюда изъ другихъ странъ, частію фабрикованные на мѣстѣ, но уже послѣ переселенія древнихъ обитателей Сибири въ Европу. Точныхъ признаковъ, отличающихъ тѣ и другія (не считая зеркалъ съ китайскими и арабскими буквами) мы пока не знаемъ, но впослѣдствіи времени можно разсчитывать на установленіе такой классификаціи, когда дальнѣйшія находки этого рода не будутъ случайными.

Бывшій Енисейскій Губернаторъ Степановъ въ изданной имъ книгѣ „Енисейская губернія“ (Спб. 1835 г. ч. I, стр. 126) увѣряетъ, что зеркала описаннаго типа были имъ находимы въ курганныхъ могилахъ. Въ коллекціи г. Степанова ихъ было собрано больше 20 штукъ; одно изъ нихъ, по словамъ автора, было вырыто въ его присутствіи. Къ сожалѣнію, въ этомъ сообщеніи совсѣмъ не упоминается о другихъ вещахъ, найденныхъ вмѣстѣ съ зеркалами, и объ обстановкѣ погребенія. По этимъ признакамъ можно было бы судить, къ какой эпохѣ принадлежала разрытая могила. Что касается самаго зеркала, то оно по всѣмъ признакамъ было сходно съ болгарскими и многими, находимыми нынѣ, сибирскими. „Оно было вылито, говоритъ г. Степановъ, изъ хрупкой металлической смѣси, имѣющей видъ платины, съ превосходнымъ барельефомъ, котораго искусная обработка сдѣлала бы честь новѣйшимъ временамъ. Зеркала сіи конечно не во всякой могилѣ, прибавляетъ авторъ, но тѣ (могилы, или зеркала?), въ которыхъ они бываютъ, совершенно подобны всѣмъ другимъ“.

Не лишено значенія приводимое г. Степановымъ объясненіе употребленія этихъ зеркалъ. По его мнѣнію они служили для освященія воды. „Я видѣлъ, говоритъ авторъ, сей религіозный обрядъ въ кумирняхъ Гусинаго озера. Въ ушко зеркала (точно такого же, какое найдено мною, т. е. г. Степановымъ, въ могилахъ) продѣвается снурокъ. Хамба-лама вздѣваетъ его себѣ на лѣвую руку и наводитъ самое зеркало на кумиръ, который въ немъ отражается. Правою рукою, между тѣмъ, льетъ онъ тихо изъ сосуда воду на зеркало. Образъ кумира въ это время то исчезаетъ въ немъ отъ паденія воды, какъ бы скатываясь съ него

въ подставленный сосудъ, то снова появляется. Такимъ образомъ, чрезъ сіе зеркало освящалась вода прежде, и нынѣ освящается ликомъ святителя монгольскаго (стр. 127—128)". Это объясненіе весьма правдоподобно. На основаніи его не только помѣщенные въ нашемъ каталогѣ (№№ 1265, 1266 и 1269) диски съ символическими кружками, но и большая часть зеркалъ съ центральнымъ ушкомъ могутъ быть признаны за предметы религіозные. Другой вопросъ, когда и какъ вошли эти предметы въ культъ буддійскаго богослуженія? Судя потому, что вышеупомянутые три диска, хранящіеся въ нашемъ музеѣ, найдены вмѣстѣ съ весьма оригинальными идолами, а эти послѣдніе оказываются не только въ Сибири, но также на берегахъ Печеры, Камы и Волги (см. примѣч. 36 и 21), и притомъ они не имѣютъ ничего общаго съ будійскими бурханами, можно думать, что саянскіе монголы усвоили себѣ обрядъ водосвятія отъ древнихъ насельниковъ Сибири курганнаго періода. По выселеніи этихъ послѣднихъ за Уральскій хребетъ, монголы, не будучи въ состояніи сами приготовлять зеркала для своихъ религіозныхъ надобностей, стали получать ихъ изъ Китая при посредствѣ духовныхъ ламъ. Такимъ образомъ явились въ Сибири зеркала съ китайскими буквами, проникавшія потомъ, путемъ торговли, и въ Камскую Болгарію.

Мысль г. Степанова можетъ найти себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что древнихъ металлическихъ зеркалъ оказывается въ Сибири и въ Болгаріи слишкомъ много. Такая туалетная роскошь не соотвѣтствовала-бы ни привычкамъ, ни культурному развитію тѣхъ народовъ, коимъ они приписываются. Даже въ настоящее время, когда стеклянное зеркальце сдѣлалось доступно всѣмъ и каждому по своей ничтожной цѣнѣ, инородцы финскаго и монгольскаго племени почти совсѣмъ ихъ не употребляютъ, не чувствуя въ нихъ потребности. Тѣмъ болѣе трудно ожидать, чтобы монголы, или чуваши VI—VII вв., или даже ранѣе того, имѣли такое пристрастіе къ дорогой туалетной вещицѣ, которая понятна въ рукахъ римской матроны, но не въ юртѣ полудикаго народа. Другое дѣло, если на зеркала смотрѣть, какъ на предметъ религіозный. Въ кумирняхъ, въ рукахъ духовныхъ лицъ, они не составляли роскоши, а вмѣстѣ съ тѣмъ могли требоваться въ очень большомъ числѣ.

41) Пластинка изъ красной мѣди) изображающая человѣческое лицо* (№ 1274).

Значеніе этого предмета не вполнѣ ясно. Былъ-ли это идолъ, или военный значекъ, въ родѣ знамени, или простая бляха, служившая для украшенія платья—сказать довольно трудно. Что это предметъ не новаго времени, видно по стилю работы и по орнаменту на шапкѣ, такими-же трехугольными зубчиками, какіе оказываются на орнаментахъ древнихъ сибирскихъ идоловъ. Принять эту пластинку за идола я затрудняюсь потому, что сибирскіе идолы, изображающіе человѣческое лицо, всегда имѣютъ круглую форму, въ подраженіе фигурѣ солнца, а глаза и ротъ на нихъ обозначаются кружками (выпуклыми ободками, см. примѣч. 25), тогда какъ здѣсь лицо представлено овальнымъ, съ оттѣнкомъ угловъ рта и глазъ особыми черточками.**)

Если смотрѣть на нашу пластинку съ антропологической точки зрѣнія, то она получаетъ интересъ въ томъ отношеніи, что представляетъ не широкое скуластое лицо, а продолговатоовальное, съ прямымъ длиннымъ носомъ и прямо поставленными глазами. Поэтому можно заключить, что она моделирована не съ монгольскаго типа, а съ кавказскаго. Тотъ-же длинноголовый и узколицый типъ оказывается почти на всѣхъ черепахъ, вырытыхъ изъ курганныхъ сибирскихъ могилъ. Это обстоятельство также можетъ указывать на древность пластинки, такъ какъ она по очертанію лица не напоминаетъ ни киргизскаго, ни остяцко-самоѣдскаго типа, господствовавшаго на бассейнѣ Оби въ продолженіи почти двухъ послѣднихъ тысячелѣтій. Подобный-же кавказскій типъ, съ прямымъ длиннымъ носомъ и правильными, чисто европейскими чертами лица оказывается на гипсовыхъ погребальныхъ маскахъ, найденныхъ г. Адріановымъ въ курганныхъ могилахъ Минусинскаго округа.***)

---

*) Въ текстѣ каталога этотъ предметъ ошибочно названъ бронзовымъ. Ошибка произошла вслѣдствіе того, что онъ былъ покрытъ съ передней и задней стороны значительнымъ слоемъ ржавчины, затруднявшей опредѣлить свойство металла.

**) Изображенія человѣческихъ лицъ показаны также на пяти фигурахъ въ атласѣ Минусинскаго музея (табл. VIII, рис. 2, 3, 4, 6 и 7). Тамъ эти бронзовыя пластинки имѣютъ видъ медальоновъ, гораздо меньшей величины, чѣмъ наша пластинка. Форма лица большею частію изображена круглая, съ усами и бородой. Значеніе этихъ медальоновъ тоже неизвѣстно.

***) Рисунки этихъ масокъ см. въ атласѣ Минусинскаго музея, 1886 г. табл. XX. Оригиналы ихъ хранятся въ Минусинскомъ музеѣ.

42) Бронзовый колокольчикъ съ фигурою горнаго (каменнаго) барана на верху. (№ 1279).

Этотъ предметъ обращаетъ на себя вниманіе замѣчательною изящностью и тонкостью работы, что можетъ служить доказательствомъ—до какого совершенства доведено было въ древности въ Сибири литейное дѣло. Мы полагаемъ, что эта вещь не была привозною, потому что подобныхъ экземпляровъ намъ не удалось встрѣтить ни въ одномъ археологическомъ изданіи. Въ самой Сибири такіе колокольчики встрѣчаются только въ древностяхъ Минусинскаго округа, откуда полученъ и нашъ экземпляръ.

Назначеніе этого предмета пока остается неизвѣстнымъ. Собственно колокольчики случалось нѣсколько разъ находить въ скиѳскихъ курганахъ южной Россіи. Такъ, напр., въ александропольскомъ курганѣ, Екатеринославскаго уѣзда, г. Терещенко нашелъ пластинку изъ литой мѣди, изображающую грифона въ четырех-угольной рамкѣ. Къ нижнему краю этой рамки привѣшены два колокольчика. Тамъ же найдена фигура, похожая на трезубецъ, съ птицами на вершинѣ каждаго зубца. Двѣ изъ этихъ птицъ держатъ во рту такіе же колокольчики *). Размѣромъ онѣ меньше минусинскихъ и не имѣютъ на своей вершинѣ фигуры животнаго. Кстати при этомъ замѣтить, что въ томъ же курганѣ найдены и скиѳскіе крылатые идолы, хотя и не совсѣмъ похожіе на наши кузнецкіе, но все же имѣющіе съ ними нѣкоторыя общія черты, напримѣръ: полосатый орнаментъ платья, положеніе рукъ, согнутыхъ кольцомъ у № 28 (стр. 58 и 59).

Что касается до изображенія барана, то голова этого животнаго не рѣдко служила мотивомъ для украшенія разныхъ археологическихъ предметовъ западной Россіи. Такія украшенія встрѣчаются на нѣкоторыхъ орудіяхъ, извлеченныхъ изъ Ананьевскаго могильника и на бронзовыхъ вещахъ, найденныхъ въ Болгарахъ и Билярскѣ. Въ вышеупомянутомъ александропольскомъ курганѣ тоже найдена мѣдная фигура, представляющая баранью голову съ переднею частію туловища (фиг. 23, стр. 54). Въ нашемъ музеѣ имѣется обдѣланный камень, доставленный изъ Березовскаго округа подъ именемъ самоѣдскаго идола, на передней сторонѣ котораго высѣчена также баранья голова съ рогами (№ 1515).

*) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ 1853 г. Спб. 1855 г. стр. 57 и 60.

43) О мѣдной крышкѣ съ ручкою въ видѣ табурета (къ № 1286).

На этотъ предметъ мы обращаемъ вниманіе собственно по поводу ручки, форма которой, повидимому, имѣетъ связь съ типомъ крышекъ, найденныхъ Шлиманномъ при троянскихъ раскопкахъ. Ручки у троянскихъ крышекъ состоятъ изъ трехъ или четырехъ вѣтвей или ножекъ, сходящихся на вершинѣ въ общую площадку или широкую пуговку. Эта форма, по словамъ г. Шлиманна, чаще всего была находима въ развалинахъ третьяго города (слоя) и въ двухъ слѣдующихъ за нимъ городахъ (*Ilios* стр. 419 и 426, фиг. 328—331, 349—351). Ту же, довольно оригинальную и рѣдко встрѣчающуюся форму крышки мы видимъ въ атласѣ Ворсо, на стр. 122, рис. 503. Скандинавская крышка отличается отъ троянской только тѣмъ, что первая представляетъ изъ себя колпачекъ, надѣвавшійся на узкое горлышко сосуда, а вторая—плоскій блинокъ, соотвѣтствующій формѣ нашей крышки. Что-же касается до ручки, то въ рисункѣ Ворсо она также состоитъ изъ двухъ перекрещивающихся на вершинѣ дужекъ, образующихъ какъ бы четыре ножки, подобно троянскимъ. У нашего экземпляра ручка устроена по тому-же типу, но отличается тѣмъ, что вѣтви ея имѣютъ болѣе прямое направленіе, представляя собою какъ-бы ножки отъ табурета, нѣсколько раздвинутыя внизу, а сверху прикрытыя круглою площадкою, въ родѣ большой пуговки. Высота этого придатка 3 сант., ширина въ ножкахъ $2^1/_2$ сант.

44) О подвѣсочныхъ украшеніяхъ и о такъ-называемыхъ мерянскихъ древностяхъ.

На сѣверовостокѣ Россіи и Сибири весьма часто встрѣчаются въ числѣ бронзовыхъ древностей особаго рода подвѣски, состоящія изъ пластинки съ ушкомъ, къ нижнему краю которой привѣшены на подвижныхъ колечкахъ балаболки или бубенчики своеобразной формы. Эти, давно извѣстныя всѣмъ, украшенія получили на современномъ археологическомъ языкѣ названіе пермскихъ, или мерянскихъ подвѣсокъ, потому что до сихъ поръ чаще всего ихъ находили въ курганныхъ могилахъ пермской и древней мерянской области.

Пластинка, или основаніе подвѣски, имѣетъ различную форму. На одномъ изъ нашихъ экземпляровъ (№ 1303) она имѣетъ видъ трехугольника, съ ушкомъ на верху и съ двумя неподвижными колечками въ нижней части. Къ каждому колечку привѣшено по

такой-же пластинкѣ, на которыхъ виситъ по двѣ балаболки. Такимъ образомъ, вся фигура, оканчивающаяся четырьмя балаболками, получаетъ пирамидальную форму. Середина каждой пластинки украшена выпуклою шишечкою съ двойнымъ контуромъ, окруженною мелкими точками. Второй экземпляръ подвѣски (№ 1302) имѣетъ пластинку подковообразной формы, съ тремя неподвижными колечками внизу, на коихъ виситъ по двойному подвижному колечку (родъ цѣпочки), а на нихъ по балаболкѣ, имѣющей форму грушевиднако ковшичка. Въ частныхъ рукахъ, въ Сибири, мнѣ случалось видѣть такіе-же предметы съ пластинкою въ формѣ пѣтушка, при одинаковомъ устройствѣ прочихъ частей подвѣски. Въ пермскихъ, болгарскихъ и мерянскихъ украшеніяхъ часто встрѣчаются подвѣски съ пластинкою въ формѣ птицы (пѣтушка) или одиночнаго, либо двойнаго конька.*) По этимъ экземплярамъ проф. Аспелинъ предполагаетъ, что идея этихъ подвѣсочныхъ украшеній первоначально развилась въ Пермской области у восточно-финскихъ народностей, хотя въ тоже время замѣчаетъ, что форма коньковъ, встрѣчающаяся на капителяхъ въ Персеполисѣ, могла быть заимствована изъ Персіи.

Восточное, или точнѣе сѣверовосточное происхожденіе подвѣсокъ едвали можетъ подлежать сомнѣнію. Сибирскія находки еще болѣе подтверждаютъ это предположеніе, расширяя область ихъ распространенія далеко за Великую Пермь. Томскіе экземпляры въ этомъ отношеніи едвали не могутъ быть признаны наиболѣе древними, такъ какъ у нихъ форма подвѣсочной пластинки не представляетъ еще такого прогрессивнаго видоизмѣненія, какъ у пермскихъ и мерянскихъ экземпляровъ. Равнымъ образомъ трудно предположить, чтобы это оригинальное украшеніе, очевидно выработанное очень давно традиціоннымъ вкусомъ опредѣленной народности, распространялось съ запада на востокъ. Типы этого рода предметовъ не оставили въ живомъ сибирскомъ (инородческомъ) населеніи рѣшительно никакихъ слѣдовъ, изъ чего можно заключить, что народный вкусъ, отразившійся на разсматриваемыхъ археологическихъ вещахъ, не нашелъ въ Сибири преемниковъ, а былъ перенесенъ на западъ, вмѣстѣ съ народнымъ переселеніемъ, гдѣ и продолжалъ развиваться въ болѣе совершенныя формы.

Что касается до вопроса о финскомъ происхожденіи подвѣсокъ, то мнѣ кажется, онъ требуетъ еще дальнѣйшихъ разъясненій.

*) Рисунки этихъ типовъ см. въ статьѣ проф. Р. *Аспелина*, въ первомъ томѣ трудовъ Казанскаго археологическаго съѣзда. Казань 1884 г. Отдѣл. I, первобытныя древности, стр. 10—12, а также въ извлеченіи изъ Всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ 1853 г. Спб. 1855 г. стр. 35 и 36.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что если гдѣ сохранились живые слѣды народной привязанности къ подобнаго рода украшеніямъ, то именно въ сѣверномъ славянствѣ. Конекъ и пѣтушокъ у насъ до сихъ поръ служатъ любимымъ мотивомъ народной орнаментики. Еще не такъ давно были въ большомъ употребленіи мѣдные гребни съ двойными коньками. Пряничный конекъ, рѣзные коньки и пѣтушки на крышахъ и воротахъ, цвѣтные коньки на вышивкахъ до сихъ поръ милы русскому народному вкусу. Тоже самое можно сказать и про самыя подвѣски. Нѣчто подобное до сихъ поръ можно встрѣтить на конской сбруѣ (наборная шлея съ побрякушками) и недавно встрѣчалось на деревенскихъ серьгахъ. Неужели все это не болѣе, какъ случайное подражаніе вогульскому, или мерянскому вкусу?

Финская теорія происхожденія подвѣсокъ, равно какъ и бо́льшей части прочихъ доисторическихъ древностей сѣверо-восточной Россіи, основывается, главнымъ образомъ, на томъ, что эти древности по преимуществу были находимы въ областяхъ, гдѣ, предполагается, существовало финское населеніе. По счастливой случайности въ одной изъ такихъ областей, именно въ губерніи Владимірской и въ прилежащихъ къ ней частяхъ губерній Костромской и Ярославской были сдѣланы наиболѣе тщательныя археологическія розысканія, сначала Савельевымъ, потомъ Графомъ Уваровымъ, и на основаніи этихъ изслѣдованій возможно было возстановить довольно полную картину доисторическаго быта здѣшнихъ обитателей. Основываясь на свидѣтельствѣ Нестора, по которому на Ростовскомъ и на Клещинѣ озерѣ жилъ народъ Меря, дающій дань Руси, археологи признали находящіяся здѣсь безчисленныя курганныя могили мерянскими, а не славянскими. А такъ какъ точно такія же курганныя могилы, заключающія въ себѣ подобныя же древности, оказываются и въ другихъ русскихъ областяхъ, не только на сѣверо-востокѣ, напр. въ Великой Перми, въ Вяткѣ, на Печерѣ и за Ураломъ, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Сибири, но также и въ Центральной Россіи, то въ силу логической послѣдовательности пришлось сдать почти весь матеріалъ отечественныхъ древностей во владѣніе тѣхъ самыхъ инородцевъ, которые, по словамъ Нестора, были въ подчиненіи у славянъ и давали имъ дань. Такимъ образомъ является крайне странный и неожиданный результатъ подобной теоріи, именно, что господствующему, искони культурному и цивилизующему славянскому племени не дается никакой исторической почвы, между тѣмъ какъ полуобрусѣлая (уже во времена Нестора) Меря, а за нею Мурама, Черемиса, Мордва и Пермь, по тѣмъ же лѣтописямъ и

по всѣмъ историческимъ и этнографическимъ даннымъ, воспріявшія начатки культуры главнѣйшимъ образомъ отъ славянъ, являются какъ-бы родоначальниками нашего доисторическаго культурнаго быта. Не вдаваясь въ частный разборъ этой странной теоріи, не могу не замѣтить, что здѣсь, по всей вѣроятности, вкралось крупное недоразумѣніе. Индустрія наиболѣе развитыхъ сѣверо-восточныхъ и западныхъ финновъ, соприкасавшихся съ русскимъ населеніемъ, намъ болѣе или менѣе извѣстна съ XI—XII в. по письменнымъ источникамъ; но нигдѣ мы не видимъ ни одной черты, которая указывала бы на самостоятельную финскую культуру. Равнымъ образомъ, если принять во вниманіе данныя языка и бытовыя черты того же народа, то и здѣсь мы увидимъ на каждомъ шагу заимствованіе отъ русскихъ *). Картина обрусенія, конечно, вышла бы еще рельефнѣе, если бы мы могли точнѣе возстановить древній языческій русскій культъ, изъ котораго по преимуществу черпали финскіе инородцы свои бытовыя привычки. Со введеніемъ христіанства, многое въ этомъ отношеніи измѣнилось въ складѣ русской жизни, тогда какъ у инородцевъ язычниковъ старая жизнь сохранилась въ бо́льшей неприкосновенности. Кто знаетъ, можетъ быть въ религіозныхъ обрядахъ и вѣрованіяхъ чувашъ и черемисъ, въ ихъ нынѣшнемъ культурномъ строѣ уцѣлѣла значительная доля славянскаго паганизма, воспринятаго отъ нашихъ предковъ въ доисторическія времена.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мнѣ казалось бы болѣе правильнымъ смотрѣть на такъ называемыя мерянскія могилы, какъ на слѣды русской колонизаціи, осѣвшей съ давнихъ поръ среди финскихъ инородцевъ этого края, точно также, какъ существуютъ теперь русскіе села и города среди широкаго моря инородческаго населенія всего сѣверо-востока Россіи. Принадлежа къ болѣе культурному, предпріимчивому и сильному племени, русскіе колонисты занимали наивыгоднѣйшіе пункты, преимущественно по берегамъ рѣкъ и озеръ, врѣзываясь полосами въ финскую страну. Только такимъ путемъ они могли держать въ политическомъ и торговомъ подчиненіи массу инородческихъ племенъ и распространять свое культурное вліяніе въ такіе отдаленные края, какъ Пермь и Печера. Ближайшія области, въ томъ числѣ Мерянская и Муромская, могли, естественно, привлекать русскихъ колонистовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и потому быстрѣе достигать конечнаго результата отъ смѣшаннаго населенія—полной ассимиляціи слабѣй-

*) Это видно въ способѣ постройки домовъ и хозяйственныхъ строеній, въ орудіяхъ земледѣлія, въ домашней утвари и во многихъ другихъ принадлежностяхъ нынѣшняго инородческаго быта.

шей расы сильнѣйшею *). Это мы дѣйствительно и видимъ на Мерѣ, Муромѣ и западной Мордвѣ, въ скоромъ времени исчезнувшихъ изъ списковъ инородческаго населенія несторовой географіи.

Разсматривая мерянскія могилы, какъ наши отечественныя древности, мы можемъ извлечь отсюда весьма цѣнные факты для возстановленія нашего доисторическаго быта. Этотъ матеріалъ важенъ не по одной только численности извлеченныхъ изъ могилъ предметовъ, но еще болѣе потому, что здѣсь въ большей или меньшей степени удалось опредѣлить хронологію кургановъ. По найденнымъ въ нѣкоторыхъ могилахъ монетамъ и христіанскимъ древностямъ можно было выяснить, что могильники относятся къ XI—XII столѣтію,**) т. е. къ тому переходному времени, когда язычество на Руси отживало свой вѣкъ и когда народившееся христіанство, принесшее новую византійскую культуру, стало быстро вытѣснять нашу доисторическую старину.

По отчету объ археологическихъ розысканіяхъ во Владимірской губерніи, начатыхъ съ Высочайшаго соизволенія въ 1851 г., было изслѣдовано (г. Савельевымъ) нѣсколько тысячъ кургановъ и нѣсколько городищъ и селищъ. Изъ нихъ болѣе 2000 кургановъ открыто по возвышеннымъ берегамъ Плещеева озера, преимущественно-же въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Переславля Залѣскаго, близь села Городища. Многіе курганы содержали въ ссбѣ сожженныя кости; но въ большей части найдены остовы, или слѣды ихъ. Сожиганіе труповъ и погребеніе существовали, повидимому, въ одно и тоже время. Одинъ курганъ у села Мислявля, Юрьевскаго уѣзда, указываетъ на обычай сожигать одно туловище, отдѣляя голову. По языческому обычаю, въ могилы клали любимыя вещи покойника, которыя собственно и составляютъ важнѣйшій матеріалъ для сравнительной археологіи. Не считая подвѣсочныхъ украшеній, о которыхъ мы говорили выше, въ переяславскихъ курганахъ найдено весьма много другихъ предметовъ,

*) Сліяніе инородцевъ съ славянами должно было происходить гораздо легче въ прежнее языческое время, чѣмъ послѣ принятія русскими христіанства; ибо въ первомъ случаѣ религіи того и другаго народа стояли ближе другъ къ другу, а можетъ быть даже совершенно были одинаковы. Въ пользу этого говоритъ сходство языческаго погребенія у сѣверныхъ славянъ и у финскихъ инородцевъ не только западныхъ, но даже и восточныхъ (сибирскихъ), изъ чего можно заключить, что этотъ погребальный культъ усвоенъ финнами въ весьма отдаленныя времена.

**) Это хронологическое указаніе въ свою очередь также подтверждаетъ высказанную нами мысль о принадлежности мерянскихъ памятниковъ славянамъ; ибо въ XI—XII в. едвали могла существовать у мерянъ своя самостоятельная культура, а тѣмъ болѣе не могло быть на нихъ цивилизующаго вліянія какого либо другаго народа, кромѣ русскаго, въ массѣ котораго они къ тому времени уже почти совсѣмъ растворились.

между прочимъ проливающихъ свѣтъ и на наши сибирскія древности. Къ числу такихъ предметовъ относятся:

1) *Желѣзныя копья* со втулкою и полукруглымъ валикомъ, или ребрышкомъ, выдающимся по срединѣ той и другой плоскости копья. Этотъ весьма характерный и весьма древній типъ, описанный нами подъ № 1221 (см. примѣч. 34), встрѣчается еще въ бронзовомъ вѣкѣ, какъ въ Сибири, такъ и въ бассейнѣ Камы (Ананьевскій могильникъ). По образцу этого классическаго копья, въ Сибири-же дѣлались впослѣдствіи такія-же желѣзныя копья, образчики коихъ найдены въ Тобольскихъ курганахъ (№ 1368). Эти желѣзные сибирскіе экземпляры, судя по характеру содержимаго тобольскихъ курганныхъ могилъ, во всякомъ случаѣ должны быть признаны значительно древнѣе, такъ называемыхъ, мерянскихъ. Поэтому можно полагать, что разсматриваемый типъ копья былъ перенесенъ въ Сибирь въ самую отдаленную скиѳскую эпоху, распространившись въ тоже время по бассейну Камы и Волги. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ онъ пережилъ многіе вѣка, перешелъ на желѣзныя издѣлія и на сѣверѣ Россіи сохранялся до позднѣйшаго историческаго времени. Все это указываетъ на явную связь древней сибирской и сѣверно-русской культуры. Въ нынѣшнемъ сибирскомъ населеніи эта культура не оставила никакихъ живыхъ слѣдовъ, въ Россіи-же она продолжалась до историческаго времени. Поэтому я позволяю себѣ заключить, что переяславскія копья, равно какъ и сибирскіе ихъ собраты, не были финскими, а принадлежали русскому народу, часть котораго въ первые вѣка христіанства (въ желѣзномъ вѣкѣ) жила еще въ бассейнѣ Иртыша и Оби.

2) Туже связь между сибирскимъ и русскимъ населеніемъ подтверждаютъ желѣзныя стрѣлы. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе преимущественно три формы т. н. мерянскихъ стрѣлъ: въ видѣ двурогой плоской вилки, въ видѣ четырехугольной лопаточки и плоскаго копейца.*) Такія-же точно формы оказываются въ числѣ сибирскихъ желѣзныхъ стрѣлъ (см. №№ каталога 1433, 1449, 1459, 1466 и таблицы XXXVII и XXXVIII на стр. 78, а также въ атласѣ Минусинскаго музеѣ на табл. XV рис. 1—13). Теперь является вопросъ: перешли-ли сибирскія стрѣлы въ Мерянскую область, или, наоборотъ, онѣ распространились изъ Россіи въ Сибирь? Чтобы оріентироваться въ этихъ предположеніяхъ, не-

*) Рисунки ихъ см. въ извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго отчата объ археологическихъ розысканіяхъ. Спб. 1855 г. стр. 33, рис. 7, а также у графа Уварова (les Meriens S.-Petersb. 1875 г.), табл. XXX, рис. 24, 1, 2, 4 и 6, и табл. XXIX, рис. 10.

обходимо принять во вниманіе, что мерянскія древности относятся, самое позднее, къ XII в., слѣдовательно къ эпохѣ ранѣе нашествія татаръ. Съ другой стороны, въ числѣ татарскаго древняго оружія, на сколько можно судить по сохранившимся кое гдѣ (въ монастыряхъ и музеяхъ) скуднымъ образчикимъ его и рисункамъ, такой формы стрѣлъ, повидимому, не существовало. Ихъ не знаютъ также и нынѣшніе сибирскіе инородцы. Между тѣмъ, такія точно стрѣлы встрѣчаются въ числѣ древностей Скандинавіи; повидимому, онѣ были въ употребленіи и у насъ при Святославѣ (см. примѣч. 46, въ концѣ). Изъ этого видно, что двурогія стрѣлки и срѣзни были извѣстны въ Россіи не позже X вѣка, т. е. въ такое время, когда древняя Русь не имѣла съ Сибирью почти никакихъ сношеній, слѣдовательно, не могла не только заимствовать свое оружіе отъ народовъ зауральскихъ, но и передавать имъ оное.*) Слѣдовательно остается допустить одно изъ двухъ: либо сибирскія рогатыя стрѣлы занесены были въ Сибирь монголами, послѣ покоренія ими Россіи; стало быть, это были стрѣлы русскаго образца, появившіяся въ Томской и Енисейской губерніи послѣ XIII вѣка, либо онѣ представляютъ собою болѣе глубокую сибирскую древность, оставшуюся отъ прежнихъ жителей, переселившихся потомъ въ сѣверную Россію. Послѣднее предположеніе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что оно болѣе согласуется съ характеромъ прочихъ сибирскихъ древностей, повторяющихся, какъ мы указывали во многихъ случахъ, не только въ Россіи, но и въ сѣверо-западной Европѣ, и очевидно имѣвшихъ связь съ общею европейскою культурою.

3) Стеклянныя и глиняныя бусы. По описанію графа Уварова они встрѣчаются въ мерянскихъ могилахъ въ очень большомъ числѣ, совершенно сходныя по формѣ и цвѣту съ бусами скандинавскими и германскими. Это послѣднее обстоятельство дало поводъ автору заключить, что мерянскія бусы, а равно и всѣ почти остальныя болѣе цѣнныя издѣлія, были привозимы въ русскую землю частію съ востока отъ арабовъ, частію изъ западной Европы. Выше мы указали (примѣч. 20), что точно такія-же бусы оказываются въ древнѣйшихъ тобольскихъ и томскихъ курганахъ, изъ чего, по теоріи графа Уварова, можно было-бы заключить,

*) Вспомнимъ при этомъ извѣстный разсказъ Гюряты Роговича о жителяхъ сѣвернаго Урала, которые, не имѣя своего желѣза, просили его отъ русскихъ въ обмѣнъ на звѣриныя шкуры. О жителяхъ южной Сибири въ то время не имѣли никакихъ свѣдѣній. Это видно по недоумѣнію нашихъ лѣтописцевъ при появленіи татаръ, коихъ называли народомъ *невѣдомымъ*, не зная откуда они пришли и что это за народъ.

что скандинавская торговля за долго до Р. Х. простирала свое вліяніе не только за Уральскій хребетъ, но даже за рѣку Иртышъ и Обь. Такое предположеніе, по меньшей мѣрѣ, было-бы слишкомъ смѣло. Поэтому мы позволяемъ себѣ считать болѣе вѣроятнымъ, что сибирскія, болгарскія и мерянскія бусы имѣютъ мѣстное происхожденіе и въ этомъ случаѣ могутъ, до извѣстной степени, характеризовать племенную связь народностей, обитавшихъ нѣкогда въ указанныхъ мѣстахъ.

Между мерянскими бусами чаще всего встрѣчаются стеклянныя-синія, золоченыя и серебристыя, а также глиняныя съ инкрустаціею (съ глазками). Приписывая ихъ, по преимуществу, арабской торговлѣ, Графъ Уваровъ замѣчаетъ, однакоже, странный фактъ, что въ мерянскихъ могилахъ почти совсѣмъ не встрѣчается бусъ зеленаго цвѣта, тогда какъ, по словамъ Ибнъ-Фодлана, именно эти бусы по преимуществу привозили арабы для торговли съ Руссами и Болгарами, будто-бы платившими за нихъ очень большія деньги (стр. 103). Не слѣдуетъ ли изъ этого, что русскія курганныя бусы имѣли не арабскій, а другой источникъ происхожденія? Если арабская торговля не совсѣмъ подходитъ къ мерянскимъ бусамъ, то она уже совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста въ происхожденіи бусъ сибирскихъ, употреблявшихся за долго до появленія арабовъ на историческомъ поприщѣ.

Глиняныя мерянскія бусы разныхъ цвѣтовъ, по словамъ Графа Уварова, имѣютъ большое сходство съ найденными въ разныхъ провинціяхъ Англіи, гдѣ они разсматриваются какъ продуктъ мѣстной британской индустріи, сохранившейся съ римскихъ временъ (стр. 114). Не малое число такихъ же экземпляровъ находится въ коллекціяхъ сѣверныхъ древностей Копенгагенскаго археологическаго музея (красныя глиняныя бусы съ глазками и стеклянныя синія). Сопоставляя всѣ эти находки, обнимающія огромное пространство, начиная съ восточныхъ границъ Томской губерніи и кончая сѣверозападными берегами Атлантическаго океана, нельзя не видѣть въ нихъ одну общую цѣнь, соединяющую всѣ указанныя мѣста въ одну общую культурную сферу. При этомъ сибирскія находки заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что многія изъ нихъ (въ томъ числѣ и бусы) оказываются въ обстановкѣ не желѣзнаго вѣка (какъ на западѣ), а бронзоваго, слѣдовательно, могутъ быть признаваемы старѣйшими. На основаніи этой давности и общей идеи о переселеніи первобытныхъ народовъ съ востока на западъ, намъ не кажется невѣроятною мысль о мѣстномъ производствѣ сибирскихъ бусъ въ доисторическія времена. При такомъ взглядѣ на древнее сибирское населеніе, русскіе би-

серы и ожерелья можно считать мѣстнымъ самодѣльнымъ продуктомъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, а не привознымъ европейскимъ товаромъ. Замѣчаемое въ нихъ сходство съ римскими, британскими и скандинавскими бусами слѣдуетъ тогда объяснять не торговыми связями, а единствомъ начальной культуры всѣхъ указанныхъ народовъ. (см. прим. 20.)

При всей многочисленности, весьма важныхъ, трудовъ и матеріаловъ, собранныхъ по Русской Исторіи, до сихъ поръ почти не обращалось вниманія на промышленное развитіе древней Руси. Изъятіе такого важнаго отдѣла изъ программы исторической науки объясняется, главнымъ образомъ, недостаткомъ подлежащаго изслѣдованію матеріала, а можетъ быть также излишнимъ скептицизмомъ относительно самостоятельности первыхъ шаговъ нашего историческаго развитія. Отрицая глубокіе, самостоятельные, доисторическіе корни славянской и русской культуры, многіе считаютъ теоретически невѣроятнымъ, чтобы русскій народъ до сформированія своего государственнаго строя, т. е. до начала писаной исторіи, могъ стоять на ряду съ западными арійскими племенами, которыя принято считать за передовыя во всѣхъ отношеніхъ. Поэтому, какъ въ древней Руси, такъ и въ доисторическихъ памятникахъ мы склонны всякій слѣдъ болѣе или менѣе высокой индустріи приписать иностранному производству, не допуская мысли, чтобы сѣверный славянинъ могъ произвести что-либо соотвѣтствующее франку или германцу временъ Карла Великаго. Недовѣріе къ собственнымъ силамъ естественно является при сравненіи славянства XIII и послѣдующихъ вѣковъ съ соотвѣтствующими періодами народовъ Западной Европы; но при этомъ забывается, что въ судьбѣ славянскихъ племенъ произошла существенная перемѣна, временно возложившая на нихъ другія міровыя обязанности вопреки интересамъ собственнаго прогрессивнаго развитія. До нашествія татаръ дѣло стояло въ другомъ положеніи; и чѣмъ дальше мы будемъ нисходить въ глубину вѣковъ, тѣмъ больше будетъ сглаживаться разница между культурнымъ развитіемъ славянства и появляющихся въ исторіи молодыхъ народностей сѣверозападной Европы. До истеченія перваго тысячелѣтія по Р. Х. шансы народной индустріи едва-ли не были одинаковы какъ у насъ, такъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей, а ранѣе того, по нѣкоторымъ отраслямъ, напр. въ области земледѣлія и домоводства, судя по даннымъ языка, можетъ быть, славяне многому научили нашихъ нынѣшнихъ учителей германскаго поколѣнія.

Еще менѣе основаній мы имѣемъ къ тому, чтобы возлагать роль нашихъ доисторическихъ просвѣтителей на финскую народ-

ность. Сложившееся въ этомъ смыслѣ, почти повсемѣстное, убѣжденіе основывается ни на чемъ другомъ, какъ на неправильномъ толкованіи археологическихъ фактовъ, такъ называемой, чудской культуры. Многіе изъ этихъ фактовъ въ настоящее время мы можемъ уже поставить въ хронологическія границы и по этому заключить, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о періодахъ баснословной древности и о какихъ-то чудскихъ народахъ, вымершихъ, или безслѣдно утратившихъ когда-то присущую имъ высокую культуру. Тысячу лѣтъ финское племя живетъ уже на глазахъ исторіи, въ безпрерывномъ соприкосновеніи съ русскою и скандинавскою народностію; отъ нихъ оно получило начатки гражданственности и ту долю культурнаго прогресса, по которымъ западные финны отличаются нынѣ отъ соплеменныхъ имъ дикарей сѣверной Сибири. На основаніи этихъ историческихъ данныхъ мы должны признать не деградацію финской народности, а скорѣе ея прогрессивный ростъ подъ вліяніемъ общей и единой для всего культурнаго міра семито-арійской цивилизаціи.

Отрѣшившись отъ мысли о финскомъ началѣ сѣверно-русскихъ древностей, мы получаемъ, такимъ образомъ, громадный и весьма разнообразный матеріалъ для изученія отечественной индустріи съ древнѣйшихъ временъ. Въ этомъ случаѣ не только мерянскія древности IX—XII вв. но и памятники болѣе отдаленной эпохи, какъ въ европейской, такъ и въ азіатской Россіи, могутъ служить къ разъясненію нашего доисторическаго прошлаго, которое, безъ всякаго сомнѣнія, не могло быть такъ безслѣдно и безцвѣтно, какъ у полудикихъ кочевыхъ народовъ. Такой взглядъ на отечественныя древности не будетъ, по моему мнѣнію, заключать въ себѣ ни излишней притязательности, ни ложнаго національнаго тщеславія. Онъ основывается на историческомъ и культурномъ значеніи славянскаго племени, какъ равноправнаго члена въ великой арійской семьѣ, которому во всякомъ случаѣ должно быть отведено подобающее мѣсто въ нарождающейся археологической наукѣ. Если Мадьяры, осѣвшіе въ нынѣшней Венгріи только съ X вѣка, считаютъ себя въ правѣ гордиться своимъ, такъ-называемымъ, національнымъ музеемъ въ Буда-Пештѣ, гдѣ большая часть древностей, относящихся къ прежнимъ насельникамъ Панноніи, не имѣетъ никакого отношенія къ новому мадьярскому населенію,—если наши финскіе патріоты употребляютъ, нерѣдко не безпристрастныя, усилія для возстановленія культурныхъ правъ своего народа,—то тѣмъ болѣе наше отечество не имѣетъ ни поводовъ, ни основаній отклонять отъ себя памятники доисторической жизни, безспорно древнѣйшаго и наиболѣе развитаго славянскаго племени.

45) О желѣзномъ вѣкѣ въ Сибири.

Сравнительно съ другими металлами, желѣзо вошло въ употребленіе въ болѣе позднее время. Такъ какъ оно весьма рѣдко встрѣчается въ природѣ въ чистомъ, самородномъ видѣ, а въ оруденѣломъ состояніи его не такъ легко опредѣлить и еще труднѣе выдѣлить изъ руды чистый металлъ, то этимъ легко объясняется причина, почему желѣзо появилось въ культурномъ мірѣ послѣ мѣди, золота, серебра и олова. Хотя желѣзомъ долго не пользовались въ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе съ существованіемъ его культурные народы были знакомы очень давно и цѣнили его не менѣе, если не болѣе мѣди. По историческимъ и археологическимъ даннымъ оказывается, что желѣзо было извѣстно въ Египтѣ за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. Въ книгѣ Бытія упоминается объ немъ при восьмомъ колѣнѣ человѣческаго рода (отъ Адама); именно: по бытописанію Моисея Ѳовелъ, сынъ Ламеха былъ по профессіи *„млатобіецъ, ковачъ мѣди и желѣза* (кн. Бытія, гл. 4, ст. 22)“. Далѣе, въ ветхозавѣтныхъ книгахъ нерѣдко упоминается о желѣзныхъ ножахъ и другихъ орудіяхъ, наравнѣ съ мѣдными, изъ чего можно было-бы заключить, что оба эти металла были извѣстны одновременно. По всей вѣроятности тоже можно сказать про древнюю Ассирію и Индію. Въ Греціи желѣзо появилось позднѣе, но и тамъ оно было уже извѣстно со временъ Гомера, хотя употреблялось (судя по раскопкамъ Шлиманна) въ очень ограниченномъ количествѣ и цѣнилось сравнительно очень высоко, какъ драгоцѣнный металлъ. Эллины получали его изъ страны Халибовъ, съ юговосточнаго берега Чернаго моря, а впослѣдствіи также изъ Индіи. Римляне ввели желѣзо во всеобщее употребленіе, замѣнивъ имъ большую часть орудій, приготовлявшихся до того изъ мѣди и бронзы. Сначала они также получали его изъ Индіи, но потомъ открыли болѣе близкіе источники для добычи этого металла, именно на островѣ Эльбѣ, въ Испаніи и въ провинціи Норикумъ (въ нынѣшней Австріи) Съ этого времени можно считать начало, такъ называемаго, желѣзнаго вѣка.

Славянское племя, по всей вѣроятности, познакомилось съ желѣзомъ въ очень давнія времена и не отъ народовъ классическаго міра, а отъ индусовъ. На это указываетъ славянское названіе желѣза, производимое отъ санскритскаго слова *silâdja*, что значитъ ископаемое, минераллъ, отъ *silà* камень, скала, и *dja* рождать, т. е. рожденное или воспроизведенное отъ скалы (изъ магнитнаго желѣзняка?). Судя по этому названію, можно думать, что

славяне знали желѣзо еще на арійской прародинѣ, живя гдѣ нибудь по сосѣдству съ индусами, тогда какъ греки и римляне познакомились съ нимъ уже въ Европѣ, какъ съ привознымъ товаромъ; ибо у нихъ названіе желѣза не имѣетъ связи съ общимъ арійскимъ корнемъ (ferrum, σίδηρος).

Въ археологической наукѣ мѣдный и желѣзный вѣкъ различаются какъ двѣ послѣдовательныя эпохи культурнаго развитія человѣчества. Это дѣленіе правильнѣе понимать не въ смыслѣ времени перваго ознакомленія съ мѣдью и желѣзомъ, а въ смыслѣ преобладанія, или степени распространенія того и другаго металла. Выше мы указали, что желѣзо сдѣлалось извѣстно въ древнѣйшія времена, можетъ быть одновременно съ мѣдью; но оно было рѣдкимъ и дорогимъ металломъ до тѣхъ поръ, пока не выучились отличать его въ формѣ весьма распространенныхъ въ природѣ окисловъ и возстановлять химическимъ путемъ. Вначалѣ-же имъ могли пользоваться только изъ рѣдко встрѣчающихся самородковъ, напр. метеорныхъ камней (аэролитовъ), либо обработывая желѣзный шлихъ, въ которомъ признаки металла обнаруживаются нагляднѣе и возстановленіе его не требуетъ такихъ сложныхъ металлургическихъ процессовъ, какъ при другихъ желѣзныхъ рудахъ.*) Судя по названію желѣза у индусовъ и славянъ, можно думать, что имъ были не безъизвѣстны съ очень давнихъ временъ и рудныя мѣсторожденія этого металла, именно руды магнитнаго желѣзняка, съ такимъ богатымъ содержаніемъ, что ихъ можно было обработывать при самыхъ несложныхъ операціяхъ. Принимая во вниманіе эти соображенія, можно допустить, что въ Семирѣченской области и въ южныхъ областяхъ западной Сибири, при существованіи тамъ обширныхъ естественныхъ мѣсторожденій желѣза въ формѣ удобоопредѣляемыхъ рудъ и шлиховъ, этотъ металлъ могъ разработываться древними жителями съ давнихъ поръ, можетъ быть со времени перваго ихъ поселенія въ этихъ краяхъ.

Между сибирскими древностями желѣзныя находки встрѣчаются при двоякихъ условіяхъ: 1) въ древнѣйшихъ курганныхъ могилахъ, въ сопутствіи съ бронзовою культурою, и 2) въ болѣе позднихъ могилахъ и городищахъ, принадлежащихъ дѣйствитель-

*) Для примѣра можно указать, что такой желѣзный шлихъ, въ видѣ мелкаго порошка, въ значительномъ количествѣ встрѣчается по берегамъ озера Иссыкъ-куля. Промытый и очищенный отъ примѣси песка, онъ представляетъ желѣзистую массу, изъ которой киргизы получаютъ желѣзо самымъ примитивнымъ и несложнымъ способомъ. Тотъ же желѣзный шлихъ встрѣчается при промывкѣ золота. Имъ также могли пользоваться въ древности какъ побочнымъ продуктомъ, получаемымъ при разработкѣ золотыхъ розсыпей.

ному желѣзному вѣку, гдѣ желѣзныя вещи оказываются преобладающими. Находки первой категоріи, по типу издѣлій, почти не отличаются отъ бронзовыхъ. Таковы, напр., древнѣйшія желѣзныя копья, кинжалы и ножи, найденные въ тобольскихъ и минусинскихъ курганахъ. Число такихъ вещей, сравнительно съ бронзовыми, очень невелико. Очевидно, желѣзо въ это время было рѣдко и дорого; вѣроятно оно цѣнилось значительно дороже мѣди и мѣдныхъ сплавовъ. На это, между прочимъ, указываютъ экземпляры оружія, приготовленные изъ желѣза и мѣди, гдѣ наиболѣе цѣнная часть,—клинокъ, былъ желѣзный, а рукоятка мѣдная или бронзовая *). Подобные примѣры повторяются на оружіи, найденномъ въ Ананьевскомъ могильникѣ (можно видѣть въ коллекціяхъ Казанскаго археологическаго общества).

Смѣшанныя подѣлки изъ мѣди и желѣза принято относить къ переходной эпохѣ отъ мѣднаго къ желѣзному вѣку. Съ нашей точки зрѣнія ихъ правильнѣе причислять къ мѣдному періоду, т. е. къ періоду преобладанія мѣди, такъ какъ въ Сибири и въ Европейской Россіи едва-ли найдутся памятники древности, гдѣ съ положительностію можно было бы утверждать, что въ присущую имъ эпоху совсѣмъ не знали желѣза. Въ троянскихъ раскопкахъ желѣзныя издѣлія, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ, тоже встрѣчаются, но не смотря на то, троянскую культуру все же относятъ къ бронзовому вѣку, и вполнѣ справедливо. Въ этомъ отношеніи удобнѣе оріентироваться въ хронологіи курганныхъ могилъ не по присутствію или отсутствію нѣкоторыхъ желѣзныхъ издѣлій, а по общему типу находимыхъ древностей, дающихъ въ своей совокупности возможность отличить древнѣйшіе памятники отъ менѣе древнихъ. Эпоха сооруженія Ананьевскаго могильника всѣми археологами относится въ глубокую древность (за много столѣтій до Р. Х.), хотя здѣсь, какъ мы упоминали выше, встрѣчаются также и желѣзныя вещи. Тоже самое можно сказать про тобольскіе и минусинскіе курганы, въ конхъ весьма часто повторяется типъ древне-болгарскихъ издѣлій. Поэтому, едва-ли мы погрѣшимъ, причисливъ сибирскія могилы первой категоріи (съ преобладаніемъ мѣди и бронзы) къ эпохѣ не позднѣе Р. Х., а могилы съ преобладаніемъ желѣза и съ появившимися новыми типами желѣзныхъ издѣлій будемъ считать не старше первыхъ вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія. Само собою разумѣется, что бронзовая дохристіанская культура сибирскихъ памятниковъ, осо-

*) См. Древности Минусинскаго музея, изд. 1886 г., стр. 63 и 90, атласъ табл. IV, фиг. 10. Здѣсь же упоминается любопытный фактъ распилки мѣднаго кинжала, внутри котораго оказался желѣзный стержень.

бенно въ южныхъ областяхъ, можетъ восходить въ весьма глубокую древность. По ограниченности существующихъ научныхъ изслѣдованій, опредѣлить ея начало въ здѣшнихъ мѣстахъ пока невозможно *); но судя по наличнымъ фактамъ, нерѣдко указывающимъ на связь сибирской культуры съ троянскою, можно предполагать, что наши, до сихъ поръ извѣстныя, древности не переходятъ за черту паденія Трои.

При обозрѣніи желѣзныхъ издѣлій сибирской старины нельзя не обратить вниманія на фактъ постепеннаго и послѣдовательнаго перехода отъ мѣдныхъ типовъ къ желѣзнымъ (копья, кинжалы, ножи, топоры, удила и стремена, частію стрѣлы). Изъ этого можно заключить, что сибирская культура развивалась сама изъ себя, мирнымъ путемъ, не представляя въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ рѣзкихъ нововведеній или напластованій разныхъ культуръ, смѣнявшихъ одна другую. Тотъ же признакъ постоянства и устойчивости мы видимъ во всѣхъ чертахъ сибирской археологіи: въ устройствѣ курганныхъ могилъ, въ типѣ земляныхъ укрѣпленій (городищъ), въ характерѣ гончарныхъ издѣлій и т. п. Изъ всего этого видно, что сибирскіе памятники представляютъ собою непрерывный слѣдъ одного и того же народа, пребывавшаго здѣсь безмятежно и не уступавшаго своего мѣста другому культурному народу—побѣдителю, который внесъ-бы новыя привычки и новые археологическіе типы. Отсутствіе слѣдовъ такого культурнаго вытѣсненія можно объяснить только добровольнымъ переселеніемъ древняго сибирскаго народа въ другія болѣе выгодныя мѣста, при чемъ смѣнившая его другая народность по своему низкому уровню развитія и житейскимъ привычкамъ не могла оставить въ странѣ никакихъ вещественныхъ памятниковъ, видоизмѣняющихъ культуру прежнихъ обитателей.**)

*) Въ этомъ отношеніи многое могли бы разъяснить Семирѣченскіе курганы, до сихъ поръ не изслѣдованные научнымъ образомъ.

**) Едва-ли здѣсь могутъ имѣть мѣсто другія гипотезы, напр. полное истребленіе прежняго культурнаго населенія другимъ населеніемъ, варварскимъ, или полная деградація прежнихъ жителей, утратившихъ присущее имъ нѣкогда, сравнительно высокое развитіе подъ вліяніемъ притѣсненій и экономическихъ невзгодъ. Допустить первое предположеніе не позволяетъ слишкомъ большая многочисленность курганнаго племени, занимавшаго, судя по оставленнымъ могиламъ, громадныя пространства по всей Западной и частію Восточной Сибири, вплоть до Уральскихъ горъ и даже до самой Волги. Второе предположеніе противорѣчило бы общимъ законамъ развитія человѣчества. Не было въ исторіи примѣра, чтобы развитое племя во всей своей совокупности переродилось въ дикарей, подобныхъ сѣвернымъ сибирскимъ инородцамъ, утративъ даже въ своемъ языкѣ, привычкахъ и преданіяхъ всякій слѣдъ прежняго развитія.

Переселеніе народовъ изъ за Уральскаго хребта на западъ много разъ было отмѣчаемо европейскими историками. Въ числѣ этихъ переселенцевъ, казавшихся на европейскій глазъ дикими ордами, безъ сомнѣнія были народы и болѣе просвѣщенные, принесшіе въ древній европейскій міръ не малую долю своей оригинальной восточной культуры. Мысль о переселеніи подтверждается также полнымъ сходствомъ сибирскихъ археологическихъ памятниковъ съ великорусскими, скандинавскими и сѣверно-германскими, видимо связанными между собою единствомъ культуры. Переселеніе или передвиженіе народной волны съ востока на западъ совершилось, конечно, не вдругъ, а постепенно, можетъ быть въ теченіи многихъ вѣковъ, при чемъ, по мѣрѣ убыли населенія въ сибирскихъ степяхъ и ослабленія численности господствовавшаго здѣсь народа, долженъ былъ образоваться наплывъ другого народнаго элемента, именно монголо-татарскаго. Появленіе татаръ въ южныхъ областяхъ Сибири Клапротъ относитъ приблизительно къ эпохѣ около Р. Х. Къ этому-же времени появляются на сцену киргизы, образовавшіеся изъ смѣси остатковъ прежняго арійскаго населенія съ монгольскимъ или татарскимъ. Жившія до того времени въ южныхъ областяхъ Сибири бѣлокурыя и голубоглазыя племена, извѣстныя у китайцевъ подъ именемъ: Усуней и Динлиновъ, съ появленіемъ татаръ мало по малу совсѣмъ исчезаютъ изъ китайскихъ хронографовъ.*) Такимъ образомъ, согласно китайскимъ источникамъ, можно считать весьма правдоподобнымъ, что примѣрно до

*) *Klaproth*, Tableaux historiques de l' Asie. Paris 1826 p. 161—169. Здѣсь-же кстати упомянуть, что о пребываніи русскихъ за 2000 лѣтъ тому назадъ въ сосѣдствѣ китайскихъ границъ (на югѣ западной Сибири) упоминается въ китайской географіи, переведенной г. *Леонтьевымъ* (Кратчайшее описаніе городамъ, доходамъ и пр. Кит. госуд. и всѣмъ государствамъ, кои китайцамъ свѣдомы. Спб. 1778 г.). На стр. 301 этого сочиненія говорится: «Во времена глубокой древности описанія о русскихъ людяхъ у нашихъ не было, а началось при царствованіяхъ царей Циньскаго колѣна и Ханійскаго колѣна (не далѣе 2000 лѣтъ), отъ мунгалъ, что въ оныя времена русскими они (т. е. монголы) владѣли, называя тогда не русскими, а Динлинами. Мунгалы раздѣляли тѣ народы, кои жили позади ихъ до сѣвернаго моря, на пять частей (царствъ). Первыхъ (ближайшихъ къ нимъ) называли *Хунью*, вторыхъ *Кюше*, третьихъ *Динлинъ*, четвертыхъ *Лиги*, пятыхъ *Синли*. У Динлиновъ-же былъ тогда народъ, *Маги* называемый. Писали въ тогдашнія времена Мунгалы такимъ образомъ, что на сѣверѣ *Джинжидины*, побѣдивши *Удзеевъ*, ходили съ войсками къ западу и сѣверу; на западѣ побили *Дзянгеевъ*, а на сѣверѣ покорили себѣ *Динлиновъ*. А какъ дзянгейскій народъ обиталъ на сѣверѣ отъ Усунскаго и на западъ отъ удзейскаго, динлинскій-же народъ обиталъ на сѣверѣ отъ всѣхъ народовъ, то и оказуется чрезъ сіе, что тогдашніе Динлины, а нынѣшніе Русскіе есть одинъ народъ, происшедшій отъ Дзянгеевъ. О русскихъ при царяхъ фамиліи Юань (при Золотой ордѣ) писали здѣсь прямо, называя Оросами и упоминая совокупно съ киргизами, чему нынѣ больше 400 лѣтъ».

Р. Х. жили на югѣ Сибири арійскія племена, которымъ, вѣроятно, и принадлежали разсматриваемые нами археологическіе памятники. Потѣсненныя монголами и татарами, эти племена передвинулись потомъ на западъ, а взамѣнъ ихъ появились орды настоящихъ кочевниковъ монгольскаго и тюркскаго колѣна, которыя при своей бродячей жизни и весьма слабыхъ культурныхъ привычкахъ не могли оставить послѣ себя памятниковъ иной формаціи, замѣняющей древнюю культуру курганной эпохи.

Границу между мѣднымъ и желѣзнымъ вѣкомъ въ Сибири опредѣлить невозможно. Выше мы упомянули, что вытѣсненіе мѣди здѣсь совершалось постепенно, по мѣрѣ расширенія средствъ для добычи желѣза и удешевленія этого металла. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что въ послѣдующихъ древностяхъ желѣзная культура достигла въ Сибири очень широкаго развитія, при чемъ явились новые типы орудій, не имѣвшіе мѣста въ бронзовомъ вѣкѣ. Сюда относятся, напр., большія желѣзныя стрѣлы, ножницы, желѣзные серпы, сошники, топоры и т. под. Этотъ культурный періодъ, по всей вѣроятности, также былъ связанъ съ древними сибирскими насельниками, а не былъ занесенъ сюда тюрко-монгольскими племенами (см. примѣч. 44 о такъ называемыхъ мерянскихъ древностяхъ). Судя по тому, что типы сибирскихъ желѣзныхъ стрѣлъ повторяются въ курганныхъ находкахъ Европейской Россіи, относимыхъ къ X—XII в., мы признаемъ возможнымъ пріурочить желѣзный вѣкъ въ Сибири къ первымъ столѣтіямъ послѣ Р. Х.

46) О желѣзныхъ стрѣлахъ большого формата (къ стр. 78).

Желѣзные наконечники стрѣлъ большого формата и странной, оригинальной формы встрѣчаются въ весьма значительномъ числѣ на югѣ Томской и Енисейской губерній. Попадаются-ли они въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ, мнѣ неизвѣстно. Ихъ можно подвести подъ слѣдующіе типы: 1) *плоскія лопатки* (древне-русскіе срѣзни) съ широкимъ, прямо срѣзаннымъ лезвіемъ, въ родѣ сѣчки; 2) такія же лопатки, но срѣзанныя на концѣ на двѣ стороны, подъ тупымъ угломъ; 3) круглыя лопатки, съ закругленнымъ концомъ и круглымъ основаніемъ у черенка (№ 1448); 4) большія копейца, въ формѣ плоскаго копья; 5) стрѣлы въ формѣ плоской вилки съ двумя расходящимися рожками (№ 1433, 1459 и 1460) и 6) трехкрылыя стрѣлы, съ очень широкими, но короткими крыль-

ями или пластинками, идущими отъ центральнаго стержня. Конецъ этихъ стрѣлъ бываетъ либо тупо срѣзанный, почти плоскій, либо трехгранно заостренный. Въ послѣднемъ случаѣ онъ выдается надъ трехкрылымъ широкимъ основаніемъ въ видѣ трехграннаго копья. Въ широкихъ крыльяхъ всегда оставляется по овальной дырѣ довольно большого размѣра. Черенки у всѣхъ стрѣлъ кругло заостренные, длинные, безъ втулки. По ихъ размѣру можно предполагать, что древко стрѣлы должно было имѣть длину и толщину, превышающую обыкновенныя стрѣлы. Пущенные въ непріятеля сильною рукою, срѣзни или лопатки должны были дѣйствовать въ родѣ сабельнаго удара, а вилки—въ родѣ копья или маленькой рогатины. Но, съ другой стороны, наконечники этихъ стрѣлъ настолько тяжелы, что пущенные изъ лука при обыкновенной силѣ стрѣлка, они едвали могли обладать хорошимъ полетомъ. Поэтому можетъ явиться предположеніе: не дѣйствовали-ли этими стрѣлами въ родѣ дротиковъ, пуская ихъ не изъ лука, а прямо рукой, или можетъ быть, употребляли ихъ для самострѣловъ при охотѣ на большихъ звѣрей. Еще болѣе странную форму имѣютъ трехкрылыя стрѣлы, представляющія на концѣ нѣчто въ родѣ шишки большого объема и значительнаго вѣса, мало пригодной въ качествѣ стрѣлы, но не безполезной въ формѣ дротика.

Наибольшая часть плоскихъ и трехкрылыхъ стрѣлъ большого формата найдены въ неповрежденномъ видѣ, съ слабыми слѣдами окисленія (ржавчины). Поэтому можно было-бы заключить, что древность ихъ не особенно велика, не смотря на то, что въ настоящее время эти стрѣлы совсѣмъ не употребляются сибирскими инородцами. Въ описаніяхъ стариннаго русскаго оружія упоминается слово *томаръ*, что по монгольски означаетъ стрѣлу, имѣющую на концѣ не копье, а шишку. Въ описяхъ Московской Оружейной палаты въ числѣ самострѣльныхъ стрѣлъ упоминаются *болты*, которые, по мнѣнію П. И. *Савваитова*, соотвѣтствовали монгольскимъ томарамъ (Описаніе царскихъ утварей и пр. стр. 269).*) По объясненію А. Ѳ. Вельтмана, *болтъ самострѣльный* означаетъ короткія стрѣлы, у которыхъ вмѣсто копьеца были костяные или желѣзные шарики (древне-нѣмецк. *Bolti*, дат. *bolt*, англ. *bolt*, дротикъ, стрѣла. Отсюда русское *болтъ*—толстый круглый гвоздь, или желѣзный прутъ съ проушиной и шляпкой). Самострѣлами назывались стальные луки, съ ложей и стволомъ для

*) Въ нашемъ музеѣ имѣются остяцкія и самоѣдскія стрѣлы съ костяною или деревянною тупою шишкою на концѣ, вмѣсто копейца. Они до сихъ поръ употребляются на бѣлку и другихъ мелкихъ звѣрковъ, и это собственно *томары* или древне-русскіе *болты*. Съ желѣзными трехкрылыми стрѣлами они не имѣютъ сходства.

стрѣлы. Они натягивались воротомъ (*коловоротъ самострѣльный*) и ими бросали стрѣлы и камни. Самострѣлъ Бориса Годунова былъ стальной, полоса и соха писаны краски. Стрѣлы для него были трехгранныя и двоегранныя плоскія, а болты съ костьми и безъ костей. (*Вельтманъ*, Моск. Оруж. палата, пояснительный словарь, стр. 54).

Не излишне обратить вниманіе, что на третьемъ листѣ рисунковъ, приложенныхъ къ сочиненію *Черткова* „О войнѣ Святослава съ болгарами и греками“ у сражающихся руссовъ и болгаръ изображены стрѣлы вилками. Рисунки эти копированы съ Ватиканскаго списка перевода Манассіиной лѣтописи. Если довѣряться этому рисунку, то можно было-бы думать, что въ Россіи и въ Болгаріи рогатыя стрѣлы употреблялись въ X вѣкѣ (см. примѣч. 44 о мерянскихъ древностяхъ).

47) О скиѳскихъ котлахъ (къ стр. 80 и 72).

Описывая скиѳовъ, Геродотъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Такъ какъ скиѳская земля совсѣмъ безлѣсна, то скиѳами придуманъ слѣдующій способъ варенія мяса: жертвенное животное обдираютъ, очищаютъ мясо отъ костей и бросаютъ его въ *котлы туземнаго производства*. Наибольше всего эти котлы походятъ на лесбійскія чаши, только немного больше ихъ; затѣмъ зажигаютъ кости животныхъ и на нихъ варятъ мясо (IV, 61)“. Слова знаменитаго греческаго историка нынѣ подтверждаются археологическими розысканіями. При раскопкѣ кургановъ въ черноморскихъ степяхъ неоднократно быди находимы скиѳскіе котлы, о которыхъ говорилъ Геродотъ, служившіе для похоронной тризны. Они имѣютъ видъ большой мѣдной чаши, или купели съ поддономъ и ручками по верхнему краю *). У одного чертомлыцкаго котла ручки изображены въ формѣ козловъ, у другихъ онѣ имѣютъ видъ угловатыхъ вертикальныхъ скобокъ съ тремя шишечками по верхнему краю. Замѣчательно, что котлы (изъ красной мѣди) точно такой же формы и точно съ такими же ручками (въ видѣ скобокъ съ тремя шишечками) найдены были въ Акмолинской степи (фотографическіе снимки ихъ см. на 95 стр. каталога, № 2459 и 2460). Котлы нашего музея имѣютъ такую же форму, съ тою лишь разницею, что ручки ихъ обыкновенно въ видѣ простыхъ полукруглыхъ дужекъ, безъ шишечекъ. На одномъ экземплярѣ (№ 1290, стр. 72) ручка изображаетъ коня.

*) Рисунки котловъ, вырытыхъ изъ Чертомлыцкаго кургана, см. въ Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи. Спб. 1872 г. вып. 2-й стр. 92, 108 и 109

Въ Минусинскомъ музеѣ мѣдныхъ котловъ съ поддонами (полныхъ и неполныхъ) насчитывается до 23. Въ числѣ ихъ есть экземпляры, сходные съ чертомлыцкими (ручки съ тремя шишечками); есть оригинальные экземпляры съ носкомъ или боковою втулкою для вставной рукоятки; но большая часть котловъ сходны съ имѣющимися въ нашемъ музеѣ (съ ручками въ видѣ полукруглыхъ дужекъ) *). Назначеніе сибирскихъ котловъ, очевидно, было тоже самое, что и скиѳскихъ: большая ихъ часть служила для варенія жертвеннаго мяса, т. е. они до извѣстной степени были священными сосудами. Можетъ быть, по этой причинѣ имъ придавалась при отливкѣ совершенно одинаковая форма, а въ ручкахъ и пояскахъ допускалась болѣе изящная отдѣлка, нежели это требовалось-бы для обыкновенной кухонной посуды. Впрочемъ, нѣкоторые изъ сибирскихъ котловъ, повидимому, служили просто кухонною посудою, каковы, напр., минусинскіе котлы съ носкомъ или съ втулкою, очевидно предназначавшіеся для разливанія въ чашки жидкаго навара. Къ этой-же категоріи могутъ относиться нѣкоторые наши экземпляры съ простыми полукруглыми ручками.

Одинаковая, притомъ весьма оригинальная, кубастая форма котловъ, съ поддономъ, оказывающаяся какъ у черноморскихъ, такъ и у сибирскихъ скиѳовъ, можетъ служить однимъ изъ доказательствъ культурнаго родства того и другаго народа. По тѣмъ-же признакамъ можно заключить, что время отливки нѣкоторыхъ сибирскихъ котловъ, по всей вѣроятности, относилось къ той-же скиѳской эпохѣ, къ которой относятъ курганныя могилы Геродотовой Скиѳіи.

Между издѣліями желѣзнаго вѣка совсѣмъ не встрѣчается котловъ описанной формы. Равнымъ образомъ ничего подобнаго этому типу не сохранилось ни у монголовъ, ни у татаръ.*) Въ современныхъ издѣліяхъ нѣкоторое подобіе фасона скиѳскихъ котловъ можно иногда встрѣтить на русскихъ купеляхъ для крещенія дѣтей.

48) Ручные жернова (къ № 1492—1494)

Мы затрудняемся рѣшить, слѣдуетъ-ли причислить собранные въ нашемъ музеѣ ручные жернова къ предметамъ древнѣйшей эпохи, или они суть произведенія сравнительно недавняго времени.

*) Древн. Минус. музея, стр. 133 и 134, атласъ табл. XIII. фиг. 1—4.

**) Монголы и киргизы нынѣ обыкновенно употребляютъ для варенія пищи русскіе чугунные котелки съ выпуклымъ дномъ и дужкою, приготовляемые на уральскихъ заводахъ. Въ болѣе отдаленное время они, вѣроятно, употребляли мѣдные котелки съ плоскимъ дномъ, въ родѣ того, какой нами описанъ подъ № 1099.

Теоретически нельзя отрицать, что жернова могли существовать въ эпоху курганныхъ сибирскихъ могилъ, потому что въ то время существовало воздѣлываніе злаковъ (см. примѣч. 29 и 39); но съ другой стороны нельзя не принять во вниманіе, что ручныя мельницы не переводились до самаго послѣдняго времени, слѣдовательно наши экземпляры могли быть и не особенно давними. То обстоятельство, что жернова № 1493 и 1494 найдены были въ курганной насыпи, еще не можетъ доказывать одновременности ихъ съ этою могилою: камни могли попасть въ курганъ случайно, въ послѣдующее время. Судя по внѣшнимъ признакамъ отдѣлки жерновыхъ камней, наиболѣе древнимъ можно считать жерновъ № 1492, найденный близъ озера Чаны.

Ручныя мельницы вошли въ употребленіе у всѣхъ культурныхъ народовъ, безъ сомнѣнія, раньше другихъ, болѣе сложныхъ, приборовъ для приготовленія муки. Образчики такихъ мельницъ найдены были въ помпейскихъ булочныхъ; но онѣ имѣли другую конструкцію, чѣмъ наши сѣверныя. Ручная мельница у Грековъ и Римлянъ (Mola, μύλη) устроена была такимъ образомъ, что верхній жерновъ дѣлался въ формѣ песочныхъ часовъ, около 2-хъ футовъ вышины; ручки для вращенія его вкладывались не въ вертикальномъ, а въ горизонтальномъ направленіи (поперекъ жернова). Такія мельницы существовали у Римлянъ около Р. Х. Въ болѣе отдаленныя времена, напр. въ эпоху троянской войны, настоящихъ ручныхъ мельницъ, повидимому, еще не было. Ихъ замѣняли два плоскіе камня, либо плоскій камень съ пестикомъ, служившіе для расплющиванія и растиранія зерна.*) Въ музеѣ Томскаго университета имѣется три экземпляра подобныхъ примитивныхъ орудій (№ 1515, 1533 и 2597), можетъ быть служившихъ для той-же цѣли.

Когда впервые появились плоскіе ручные жернова сибирскаго типа мы не знаемъ; но судя по тому, что въ Греціи и Римѣ ручныя мельницы были изобрѣтены уже послѣ троянской войны, можно думать, что въ европейской и азіатской Скиѳіи онѣ появились еще позднѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ.

Сибирскія ручныя мельницы устраивались такимъ образомъ: жернова состояли изъ двухъ круглыхъ камней (изъ гранита, рѣже изъ крѣпкаго песчанника) съ плоскими соприкасающимися поверхностями. Верхній камень немного меньше нижняго; въ центрѣ того и другого находится круглое отверстіе, шириною въ большой

*) Шлиманнъ, Ilios, стр. 266—269, рис. № 74—82. По мнѣнію доктора Шлиманна, упоминаемая Гомеромъ мука (Иліада, XVIII, 560), едвали была пригодна для печенія хлѣба.

палецъ, для укрѣпленія стержня. Отверстіе верхняго камня шире нижняго, и сверхъ того надъ нимъ высѣкалась особая небольшая воронка для всыпанія зерна, а на верхней поверхности дѣлались три или четыре ямки, по близости краевъ, съ разныхъ сторонъ верхняго жернова. Камни устанавливались въ деревянномъ ящикѣ (куда собиралась мука или крупа), а стержень иногда укрѣплялся въ особомъ высокомъ станкѣ. Движеніе верхняго камня производилось помощію деревянныхъ спицъ, вставляемыхъ въ вышеупомянутыя ямки на верхнемъ камнѣ. Въ мельницахъ простѣйшей конструкціи спицей или палочкой дѣйствовали непосредственно отъ руки, ударяя въ ямку и такимъ образомъ подгоняя жерновъ. Въ такихъ жерновахъ ямки (числомъ три) имѣютъ не вертикальное, а косвенное направленіе и одинъ край ихъ отлогій (№ 1492). Въ мельницахъ со станкомъ спицы укрѣплялись въ четырехъ вертикальныхъ ямкахъ неподвижно; верхніе концы ихъ закрѣплялись въ деревянномъ кружкѣ, вращавшемся около стержня вмѣстѣ со спицами и верхнимъ камнемъ. Эта усовершенствованная ручная мельница нерѣдко употреблялась въ русскихъ деревняхъ еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія. У кавказскихъ горцевъ она употребляется до сихъ поръ. Мельница безъ станка, повидимому, была значительно древнѣе станковой. Если послѣднюю (№ 1493) могли употреблять въ Сибири новѣйшіе колонисты — русскіе крестьяне, то относительно другихъ экземпляровъ нашихъ жернововъ едвали можно удовлетвориться такимъ объясненіемъ.

Въ самыхъ курганныхъ могилахъ до сихъ поръ ни разу не находили жернововъ. Равнымъ образомъ объ нихъ ни разу не упоминается въ отчетахъ Императорской археологической коммиссіи по изысканію русскихъ древностей. Судя по этому, можно было бы думать, что въ скиѳскую эпоху жернововъ и мельницъ еще не существовало. Но съ другой стороны, принимая во вниманіе, что даже геродотовы скиѳы воздѣлывали пшеницу и торговали этимъ продуктомъ съ греками, отъ коихъ легко могли заимствовать мельницу даже въ томъ случаѣ, если-бы сами ее не знали, мы должны придти къ другому заключенію, т. е. что жернова у скиѳовъ должны были существовать. Изъ описанія Приска видно, что на обѣдѣ у Атиллы подавали *хлѣбъ* (*panem* et obsonia mensis opposuerunt). Если былъ хлѣбъ, то, очевидно, должна была быть и мука, а слѣдовательно и мельницы. Подъ именемъ скиѳовъ, согласно Нестору, слѣдуетъ разумѣть значительную долю славянъ,*)

*) Перечисляя славянскіе роды полянъ, древлянъ, ляховъ, дулебовъ, тиверцевъ и пр., Несторъ прибавляетъ: «бѣ бо множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру, оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне, да то ся звахуть отъ грекъ Великая скуѳь».

поэтому въ славянскомъ языкѣ мы должны найдти подтвержденіе о существованіи жернова. При переводѣ священныхъ книгъ это слово дѣйствительно является уже какъ совершенно привычное въ славянской рѣчи,*) а хлѣбъ вмѣстѣ съ солью оказываются такими исконными принадлежностями славянскаго стола, что было-бы даже странно представить себѣ, чтобы наши предки не ѣли печенаго хлѣба и не знали, что такое мука и мельница раньше VII—X вѣка.

49) О кольчугахъ или панцыряхъ (къ №№ 1495—1502).

Въ числѣ имѣющихся въ музеѣ 10 кольчугъ нѣкоторыя, безспорно, принадлежатъ недавнему времени (напр. №№ 1497 и 1498) и относятся къ вооруженію сибирскихъ инородцевъ, но нѣкоторыя, найденныя въ землѣ и значительно попорченныя ржавчиной, могутъ быть признаны древними и имѣть археологическій интересъ. Однако-же и эти послѣднія едвали древнѣе XIII—XVI вв. Существовали-ли въ Сибири кольчуги раньше XIII столѣтія сказать трудно, но послѣ монгольскихъ походовъ это вооруженіе могло быть занесено сюда съ запада (изъ Персіи, съ Кавказа, и еще вѣроятнѣе изъ Россіи).

Изобрѣтеніе кольчужнаго панцыря ведетъ свое начало изъ Индіи, или изъ Ассиріи. Въ Европу онъ занесенъ былъ римлянами и былъ извѣстенъ у нихъ еще во времена республики, за $4^1/_2$ вѣка до Р. Х. (Полибій). Такая кольчуга, въ видѣ рубашки съ короткими рукавами, изображена на колоннѣ Антонина. Однакоже, у римлянъ и грековъ этотъ доспѣхъ не получилъ широкаго распространенія. Онъ вошелъ въ общее употребленіе въ Европѣ только въ средніе вѣка. Съ какой стороны пришла кольчуга въ Россію, изъ Азіи (съ Кавказа), или Европы—сказать трудно; но несомнѣнно она существовала у славянъ очень давно. На изображеніяхъ Трояновой колонны конница сарматовъ (можно понимать славянъ) была въ кольчугахъ и шлемахъ. Въ битвѣ подъ Доростоломъ въ 971 г. В. К. Святославъ былъ въ кольчугѣ, которая, по сказанію Льва Діакона, спасла его отъ удара Анемаса, тѣлохранителя Цимисхія. Древнѣйшій экземпляръ такой кольчуги (изъ круглой желѣзной проволоки), найденъ былъ въ 1875 году на югѣ Россіи

*) Остромирово евангеліе, изд. Востокова, стр. 83 г. «*двѣ мелющи въ жрънъвахъ*, една поемлеться и една оставляеться» Матѳ. гл. 24, ст. 41. Рейфъ производитъ слово жерновъ отъ арабскаго *zurnouk*, maniuelle de meule à bras, но допуская такое толкованіе, пришлось бы согласиться, что славяне до арабовъ совсѣмъ не знали мельницы. Поэтому намъ кажется гораздо правдоподобнѣе производство жернова отъ слова зерно, какъ и готѳское *qwairnus*, швед. *quarn*, нѣм. *quirn*, мельница, отъ *kern*.

профессоромъ Д. Я. *Самоквасовымъ* въ одной изъ разрытыхъ имъ курганныхъ могилъ.*) Трупъ, одѣтый въ эту броню былъ сожженъ на большомъ желѣзномъ щитѣ. По обряду погребенія и по найденнымъ въ могилѣ предметамъ профессоръ Самоквасовъ признавалъ возможнымъ отнести эту находку къ VII—VIII вѣку. Сопоставляя этотъ фактъ съ извѣстнымъ разсказомъ Нестора о Кіевскомъ воеводѣ Притичѣ, подарившемъ печенежскому князю *броню*, щитъ и мечъ, можно думать, что подъ бронею здѣсь разумѣется именно кольчужный панцырь, существовавшій въ Россіи въ X вѣкѣ.

Изъ того факта, что Притичъ подарилъ печенежскому князю *броню*, *щитъ* и *мечъ*, а отъ него получилъ *коня*, *саблю* и *стрѣлы*, нельзя-ли вывести заключеніе, что для подарка выбирались именно такіе предметы, которые у противной стороны считались рѣдкостью, или совсѣмъ не имѣлись? Поэтому можно было-бы думать, что въ азіатскихъ степяхъ въ то время панцыри не были еще распространены.

Собранныя въ нашемъ музеѣ десять кольчугъ могутъ быть отнесены частію къ мѣстнымъ инородческимъ (монгольскимъ и татарскимъ), частію къ русскимъ, такъ какъ во время завоеванія Сибири, 300 лѣтъ тому назадъ, кольчуги были у насъ еще въ полномъ ходу. Кромѣ того я не вижу основанія устранять и такое предположеніе, что ранѣе завоеванія Сибири эти доспѣхи русскаго издѣлія могли проникать въ сибирскія степи черезъ татаръ. Какъ отличить русскую кольчугу отъ сибирской туземной я не берусь рѣшить; но не могу не высказать по этому поводу нѣкоторыхъ соображеній. 1) Въ текстѣ каталога было указано, что собранныя у насъ кольчуги раздѣляются на два сорта: а) съ косымъ воротомъ и съ кольцомъ изъ круглой толстой проволоки и б) съ прямымъ воротомъ и плоскимъ кольцомъ. Косоворотки, мнѣ кажется, скорѣе можно считать русскимъ издѣліемъ, такъ какъ онѣ совершенно напоминаютъ собою русскую мужскую рубашку. Правда, относительно этой послѣдней составилось у насъ мнѣніе, будто-бы русскіе только послѣ нашествія татаръ стали дѣлать разрѣзъ ворота рубашки не по срединѣ, а съ боку на лѣвой сторонѣ.**) Поэтому, выходитъ, что наша русская косоворотка заимствована отъ татаръ. Не знаю на какомъ основаніи г. Терещенко пришелъ къ

*) Въ 1875 году эта замѣчательная находка, вмѣстѣ съ большимъ щитомъ и мечемъ, находилась въ музеѣ Варшавскаго Университета. Два куска отъ нея, подаренныя мнѣ Д. Я. Самоквасовымъ, см. въ каталогѣ подъ № 1072.

**) *Терещенко*, Бытъ русскаго народа ч. 1. Спб. 1848 стр. 316—317. *Савваитовъ*, Описаніе старин. царск. утв. стр. 267.

такому заключенію, но неправдоподобность его очевидна. Во-первыхъ, татары и монголы, какъ извѣстно, никогда не дѣлаютъ на своихъ рубахахъ косаго ворота, а всегда прямой, съ длиннымъ разрѣзомъ по срединѣ груди и съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Во вторыхъ, татары и монголы запахиваютъ верхнее платье лѣвой полой на правую и застегиваютъ его на правой сторонѣ, а у русскихъ на лѣвой. Въ третьихъ, трудно допустить, чтобы русская рубаха косоворотка, съ ея типическими ластовками и подоплекой, составляла не старое, народное, одѣяніе, а заимствованное, и притомъ отъ татаръ, костюмъ которыхъ, напротивъ, всегда противупоставляется простонародному русскому, какъ иновѣрный, поганый. Скорѣе можно понять татарское заимствованіе въ княжескомъ и боярскомъ костюмѣ, но никакъ не въ народномъ. Въ четвертыхъ, завѣдомо татарскія и монгольскія кольчуги до послѣдняго времени дѣлались съ прямымъ воротомъ, а не съ косымъ. Поэтому я считаю себя въ правѣ предположить, что кольчуги косоворотки суть русскіе панцыри и принадлежатъ къ болѣе древней формѣ. Кольчуги этого рода встрѣчались между русскими древностями. Такъ, напр., въ 1848 году при разрытіи сопки въ селѣ Велебицахъ, неподалеку отъ Новгорода, были найдены: „двѣ желѣзныя кольчуги въ видѣ русской рубахи съ косымъ воротомъ. Первая имѣетъ внизу прорѣху спереди и сзаду и стоячій воротникъ, который стягивался продернутыми сквозь кольца тесьмами. Вторая кольчуга примѣчательна по желѣзному кресту, прикрѣпленному къ вороту“. Воротъ, судя по приложенному рисунку, былъ устроенъ точно также, какъ въ нашихъ кольчугахъ косоворотках и также застегивался на лѣвую сторону (Зап. Арх. Общ. Т. IV, перечень засѣданій, стр. 13). Здѣсь-же найдены были русскіе шлемы и другія древности, отнесенныя по ихъ научной оцѣнкѣ къ эпохѣ борьбы Новгорода и Пскова съ Литвою и меченосцами.

Сдѣланная нами попытка въ опредѣленіи характера русскихъ кольчугъ можетъ имѣть то значеніе для сибирской археологіи, что по мѣсту ихъ нахожденія можно судить о предѣлахъ распространенія русскаго оружія въ первое время послѣ завоеванія Сибири, или о распространеніи русскаго культурнаго вліянія у степныхъ кочевниковъ ранѣе нашего здѣсь водворенія. Такъ какъ находки этого рода встрѣчаются очень часто, то извѣстная группировка ихъ будетъ полезна на будущее время.

Не излишне также замѣтить, что собранныя въ музеѣ татарскія и монгольскія кольчуги отличаются болѣе неуклюжимъ покроемъ и менѣе тщательною работою. Ширина ихъ непропорці-

онально велика по отношенію къ длинѣ. Болѣе древніе экземпляры, найденные въ землѣ, имѣютъ болѣе стройную форму и большею частію длиннѣе первыхъ (не менѣе аршина, иногда 1 арш. 3—6 вершковъ). Поэтому отчасти уже можно судить, что первые принадлежатъ къ мѣстнымъ, самодѣльнымъ, а вторые были привозные, московскаго дѣла. Извѣстно, что въ Москвѣ существовалъ особый *Бронный приказъ*, въ которомъ заготовлялись брони, шлемы, сѣдла, луки, стрѣлы и пр., славившіеся своею крѣпостію и отдѣлкою. Эти ратные доспѣхи раздавались не только русскимъ воинамъ, но и разсылались въ подарокъ разнымъ татарскимъ князьямъ и мурзамъ, особенно при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Во время татарскаго владычества, вѣроятно, не мало такихъ доспѣховъ русскаго издѣлія было похищено и вывезено въ сибирскія степи татарами.

Въ древнѣйшихъ курганныхъ могилахъ бронзоваго вѣка до сихъ поръ кольчуги не были находимы ни въ европейской Россіи, ни въ Сибири. Изъ этого можно заключить, что онѣ тогда совсѣмъ не употреблялись. Поэтому всякая кольчуга, найденная въ могилѣ, или гдѣ-бы то ни было въ землѣ, можетъ относиться не ранѣе, какъ къ второй половинѣ перваго тысячелѣтія по христіанскому лѣтосчисленію и не позднѣе XVII вѣка.

50) О шлемахъ (къ № 1503—1505).

Въ нашемъ музеѣ имѣется три представителя военныхъ головныхъ доспѣховъ: *русскій шлемъ*, *шишакъ* и *мисюрка*. Послѣдніе два могутъ быть съ одинаковымъ основаніемъ признаны какъ русскими, такъ и монгольскими, такъ какъ употреблялись въ одинаковой мѣрѣ и тѣми и другими; но шлемъ съ золотыми орлами можно считать несомнѣнно русскимъ.

Когда въ первый разъ въ Россіи появились шлемы, неизвѣстно; но они такъ сроднились съ русскими былинами, что можно считать ихъ стариннымъ достояніемъ русскаго народа. Къ русскому представленію о шлемѣ почти всегда присоединялось понятіе о блескѣ. Въ словѣ о полку Игоревѣ, шеломы называются златыми и злаченными. Въ сказаніи о Куликовской битвѣ шлемы представляются на головахъ русскихъ богатырей *„аки утренняя заря“*. Эпитетъ „золотой“ всегда прибавляется къ шлему и въ русскихъ сказкахъ.

Изъ древнихъ русскихъ шлемовъ въ Московской Оружейной палатѣ хранится шлемъ Ярослава Всеволодовича, найденный въ 1818 году въ лѣсу, въ землѣ подъ кочкой, Владимірской губер-

ніи, близъ рѣки Колокши, вмѣстѣ съ скипѣвшейся отъ ржавчины кольчугой, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ярославъ былъ разбитъ Мстиславомъ Новгородскимъ и, бѣжавъ съ сраженія, сбросилъ для облегченія себя вооруженіе и княжескую одежду. Этотъ шлемъ, относящійся къ первой четверти XIII вѣка, по формѣ походитъ на нашъ экземпляръ подъ № 1504 (см. Моск. Оруж. пал. Вельтмана рис. на 74 стр.). Онъ былъ обложенъ чеканными серебряными золочеными бляхами, на коихъ были вычеканены образа.

Кромѣ типической русской формы, нашъ шлемъ замѣчателенъ по изображенію на немъ золотыхъ орловъ. Въ русскихъ древностяхъ я не знаю экземпляра подобнаго рода, но во всякомъ случаѣ эти изображенія не могутъ быть признаны ни татарскими, ни монгольскими. По дорогой отдѣлкѣ этотъ шлемъ долженъ былъ принадлежать либо князю, либо богатырю. Интересно было-бы разъяснить, когда и какимъ образомъ онъ могъ попасть въ Барнаульскій округъ, въ Сузунскій боръ, было-ли это до завоеванія Сибири, или послѣ завоеванія.*)

Въ концѣ XVI вѣка, при завоеваніи Сибири, русскіе казаки имѣли и кольчуги и шлемы. Объ этомъ можно судить по рисункамъ краткой Сибирской (Кунгурской) лѣтописи, сочиненіе которой Миллеръ приписываетъ Тобольскому дворянину Ремезову (Фотолит. изд. 1880 г.). На стр. 27 этого изданія трупъ Ермака, извлеченный изъ Иртыша, представленъ въ жалованной кольчугѣ, съ двуглавыми орлами на груди, и въ желобчатомъ шлемѣ съ наушками. Во многихъ другихъ мѣстахъ сражающіеся казаки также нарисованы въ шишакахъ, либо въ мисюркахъ съ опускающимися сзади длинными сѣтками. Казацкіе кольчуги нѣкоторыхъ сподвиж-

*) Въ музеѣ имѣется копія съ донесенія объ этой находкѣ сельскаго писаря Чапчинской волости (Бійскаго округа; 1 алтайск. участка) волостному писарю слѣдующаго содержанія: «Во время пожара, бывшаго въ 1875 году въ Сузунскомъ бору, при тушеніи огня, въ 25 верстахъ отъ Сузунскаго завода, внутри бора, въ 2-хъ верстахъ отъ озера Осинина, въ числѣ наряда производили окопы отъ огня и сбивали землю (счищали хвойный горючій слой), гдѣ крестьяниномъ села Чапчинскаго, Яковомъ Бархатовымъ найдена желѣзная каска, въ землѣ, со цвѣтами по ней червоннаго золота и изображеніемъ на ней птицъ въ видѣ орла. Во время розыска (т. е. при земляной пожарной работѣ) неопытнымъ народомъ сзади оная изломана и пика сверху (каски) сломлена. А у озера Осинина, по разсказамъ народнымъ, было старинное азіатское поселеніе, и эта каска, должно полагать, какихъ-то князей древнихъ азіатскихъ племенъ. Каковую при семъ имѣю честь представить по принадлежности на разсмотрѣніе. Подписалъ села Чапчинскаго сельскій писарь Осиповъ 9 мая 1876 года». Волостной писарь Бочаровъ представилъ находку 18 мая 1876 года Барнаульскому окружному Исправнику, а этотъ послѣдній-бывшему Главному Инспектору училищъ Западной Сибири, въ канцеляріи котораго она находилась до 1884 года, послѣ чего поступила въ Музей Томскаго Университета при отношеніи отъ 16 ноября 1884 года за № 2515. Копія съ донесенія писаря Осипова получена мною при посредствѣ И. Я. Словцова.

никовъ Ермака до сихъ поръ сохраняются въ память ихъ подвиговъ, напр. кольчуга основателя Далматовскаго монастыря (Шадринскаго уѣзда) хранится въ его усыпальницѣ, какъ святыня. О кольчугѣ самаго Ермака писано было очень много; но при этомъ о шлемѣ обыкновенно ничего не говорится.

Нашъ шлемъ, во всякомъ случаѣ, не могъ принадлежать ни Ермаку, ни кому-либо изъ позднѣйшихъ русскихъ воеводъ, бывшихъ въ Сибири. Онъ носитъ на себѣ слѣды гораздо болѣе глубокой древности. Изображенные на немъ орлы нельзя принимать за русскій или византійскій государственный гербъ, ибо они одноглавые. Скорѣе можно видѣть въ нихъ аналогію съ тѣми римскими орлами, которые употреблялись какъ военное знамя; а эти послѣдніе имѣли связь съ символическимъ изображеніемъ Юпитера. Очень можетъ быть, что въ томъ-же значеніи религіознаго символа (или воспоминанія о немъ) были помѣщены орлы и на нашемъ шлемѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что между сибирскими древностями дѣйствительно встрѣчаются идолы въ формѣ птицы съ распущенными крыльями (см. № 1227 и вообще табл. XXXIII). Хотя эти фигурки и не имѣютъ прямаго хронологическаго отношенія къ золоченому шлему, но тѣмъ не менѣе отдаленную связь между ними нельзя отрицать безусловно.

Сколько мнѣ извѣстно, персидскіе и грузинскіе древніе шлемы не были похожи на разсматриваемый нами экземпляръ. Они, большею частію, выковывались изъ цѣлаго куска булата и имѣли на конусѣ продольные желобки или ребрышки, какъ у дыни (см. у *Вельтмана* Моск. Оруж. пал., шапки ерихонскія и шлемы; у А. Н. *Оленина* археологическіе труды Т. II, 1882 г. стр. 183, рис. табл. XXXI).

Слѣдуетъ также обратить вниманіе, что нашъ шлемъ по размѣру головы слишкомъ великъ, настоящій богатырскій (окружность 69 сантиметровъ, ширина внутри 21 сантиметръ). Принимая даже во вниманіе, что при внутренней подкладкѣ вмѣстимость его должна нѣсколько уменьшиться, все таки онъ по размѣру соотвѣтствуетъ очень большой головѣ. Проржавѣвшее насквозь толстое желѣзо, лежавшее въ песчаной и сухой почвѣ Сузунскаго бора, можетъ до нѣкоторой степени служить доказательствомъ очень долгаго пребыванія этой находки въ землѣ.

51) О каменныхъ бабахъ и сибирскихъ письменахъ.

Въ археологическомъ музеѣ Томскаго Университета въ настоящее время имѣется три каменныя бабы въ натурѣ и 11 фо-

тографическихъ снимковъ. Изъ числа первыхъ одинъ экземпляръ полученъ изъ селенія Бахты, на границѣ Кульджи,*) одинъ со станціи Алтынъ-Эмельской, въ Семирѣчьи**) и одинъ изъ Каркаралинска.***) Девять фотографій доставлены старшимъ врачемъ Токмакскаго госпиталя, докторомъ *Пояркoвымъ*, изъ Токмакск. уѣзда и двѣ изъ Барнаула. Сверхъ того, будучи въ Семирѣченской области, я нѣсколько бабъ видѣлъ въ натурѣ и нѣкоторыя изъ нихъ срисовалъ.

Токмакскія бабы найдены были въ слѣдующихъ пунктахъ: № 10-й вывезенъ изъ ущелья Шамши, Александровскаго хребта. Была зарыта въ землю по шею; стояла у истоковъ Красной рѣчки, на берегу ея, лицомъ на востокъ. № 11. Найдена крестьяниномъ селенія Малаго Токмака, Кирьяковымъ, въ Кигатинскомъ ущельи; была вся зарыта въ землю. № 12. Найдена въ ущельѣ Кигаты, Александровскаго хребта, въ двухъ верстахъ отъ впаденія рѣчки Култырь въ рѣчку Кигатинку. Вся была зарыта въ землю, виднѣлась только часть выше лба; лицомъ была обращена на востокъ; отъ рѣчки Култырь находилась въ 30 верстахъ. № 13. Найдена въ ущельѣ Кигаты, вблизи предъидущей, лицомъ обращена на востокъ. № 14. Найдена въ томъ-же мѣстѣ и при тѣхъ-же условіяхъ, какъ № 11. № 15. Найдена версты за двѣ отъ начала Кигатинскаго ущелья, у рѣчки Кигатинки; находилась въ лежачемъ положеніи, лицомъ вверхъ. Рядомъ съ этимъ мѣстомъ находятся 4 кургана. № 16. Найдена при входѣ въ Кигатинское ущелье; оказалась расколотой, голова отъ туловища валялась недалеко. № 17. Найдена въ томъ-же ущельѣ за $1^1/_2$—2 версты до впаденія рѣчки Култырь въ Кигатинку; была зарыта въ землѣ, за исключеніемъ верхней части головы; лицомъ обращена на востокъ; отъ рѣчки Култырь находилась въ 60 саженяхъ. Мѣсто нахожденія № 18-го не обозначено.****)

Изъ перечисленныхъ девяти экземпляровъ пять представляютъ собою грубое очертаніе одной только головы, съ широкимъ круглымъ лицомъ, остальная-же часть (туловище) состоитъ изъ продолговатой, или овальной каменной массы, безъ всякой скульптурной отдѣлки. На остальныхъ четырехъ экземплярахъ на туловищѣ видны руки, держащія чашу. На одномъ экземплярѣ, сверхъ того, изображено платье и оружіе.

*) Находится въ музеѣ подъ № 1511 (катал. стр. 85).

**) Поставлена въ скверѣ противъ главнаго универс. корпуса, съ южной стороны отъ фонтана.

***) Поставлена тамже, съ сѣверной стороны отъ фонтана.

****) Порядокъ нумераціи бабъ и мѣсто ихъ нахожденія взяты по надписямъ на фотографіяхъ, сдѣланнымъ рукою доктора Пояркова. Первые 9 номеровъ относятся не къ каменнымъ бабамъ, а къ фотографическимъ снимкамъ съ камней несторіанскаго кладбища; потому они здѣсь не упоминаются.

Всѣ бабы доктора Пояркова съ непокрытою головой. На трехъ лицахъ видны длинные усы. На двухъ экземплярахъ съ чашею, эта послѣдняя представлена въ одной рукѣ, около груди, а въ другой рукѣ у истукана № 14—кинжалъ, формою похожій на тѣ, какіе находятся въ сибирскихъ курганахъ, а у № 15—нѣчто похожее на колчанъ. Первая изъ этихъ фигуръ (№ 14) безъ усовъ и по выраженію лица напоминаетъ женщину, а вторая (№ 15) съ усами. Фигура № 11 держитъ чашу въ обѣихъ рукахъ, также около груди.

Всѣ экземпляры доктора Пояркова, найденные въ одной мѣстности, отличаются, сравнительно съ другими, грубою отдѣлкою. Указываетъ-ли это на болѣе раннюю эпоху ихъ происхожденія, или-же на второстепенное значеніе бывшаго здѣсь кладбища рѣшить трудно. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что въ той-же Семирѣченской области часто встрѣчаются бабы съ болѣе тщательною отдѣлкою. Къ числу таковыхъ относится, напр., экземпляръ, помѣщающійся въ настоящее время въ скверѣ противъ губернаторскаго дома въ городѣ Вѣрномъ. Онъ вывезенъ изъ Илійской долины, съ Кульджинской границы. На этомъ экземплярѣ голова и торсъ, до колѣнъ, обработаны отлично. На головѣ изображена коническая шапка, изъ подъ которой идутъ три косы: одна длинная, вдоль по спинѣ, другія двѣ, покороче, по сторонамъ плечъ. Лице овальное, съ прямымъ носомъ; бороды нѣтъ, но только усы; платье узкое, до колѣнъ, подпоясано ремнемъ. Къ поясу съ одной стороны привѣшенъ ножъ, или кинжалъ, въ ножнахъ, съ другой—сумка. Платье кругомъ подола украшено узорчатою полосой, въ видѣ зубцовъ, или треугольниковъ. Въ рукѣ сосудъ въ формѣ бокала. Головная шапка этой фигуры совершенно сходна съ изображенной въ атласѣ каменныхъ бабъ гр. Уварова (подъ № 7 табл. I). Послѣднее изображеніе относится къ истукану, стоявшему на большомъ курганѣ въ 5 верстахъ отъ Чертомлыка. Подобныя же шапки показаны у гр. Уварова на табл. II, фиг. 2, 5, 10, 11, 13, 14 и 23. На тѣхъ же рисункахъ можно видѣть соотвѣтствующее изображеніе трехъ косъ, формы короткаго платья, съ поясомъ и подвѣсками на немъ.

При сопоставленіи этихъ изображеній нельзя не прійти къ заключенію, что Семирѣченскіе экземпляры и экземпляры южнорусскіе сходны между собой. Форма прически и одежды тѣхъ и другихъ показываетъ, что они относились къ родственному народу.

Экземпляръ каменной бабы, вывезенный изъ селенія Бахты и хранящійся нынѣ въ музеѣ Томскаго университета, также имѣетъ довольно тщательную отдѣлку. Судя по лицу, онъ изображаетъ

женщину, но безъ головнаго украшенія. Въ рукахъ, сложенныхъ около желудочной области, фигура эта держитъ чашу, а на шеѣ она имѣетъ ожерелье, или обручь. Подобныхъ шейныхъ украшеній показано въ атласѣ гр. Уварова нѣсколько, и всѣ они также относятся къ женскимъ фигурамъ, (см. табл. I, № 5, 8, 9, 12 и 13; табл. II, № 1, 6, 7, 12 и 17).

Истуканъ, доставленный въ музей Томскаго университета съ Алтынъ-Эмельскаго пикета (въ 112 верстахъ отъ рѣки Или, по тракту), отличается отъ прочихъ тѣмъ, что, вмѣсто чаши, на кисти правой руки онъ держитъ птицу (похожую на сокола). Эта фигура представляетъ полнаго мужчину съ круглымъ лицомъ и круглою головой. Передняя часть головы, повидимому, показана безъ волосъ, но съ лѣвой стороны на темяни высѣчена полукруглая выдающаяся шишка, величиною съ куриное яйцо, можетъ быть представляющая чубъ. Кзади отъ этой шишки, на затылкѣ, волосы подобраны въ родѣ шиньена и подтянуты узкою, рельефно высѣченною лентою. Эта лента захвытываетъ только затылочную и височныя части, оканчиваясь противъ ушей круглыми колечками. Подобранные на затылкѣ и перехваченные лентою волосы частію опускаются изъ подъ повязки на спину, но дальше шеи прослѣдить ихъ нельзя, потому что задняя часть фигуры (спина) оставлена безъ всякой скульптурной отдѣлки. Голова, торсъ, руки и птица высѣчены довольно отчетливо и искусно, а ноги только очерчены по плоскости камня, безъ рельефной округлости. Онѣ изображены скрещенными внутрь, что называется „калачемъ“.

Киргизы и таранчи Семирѣченской области не признаютъ каменныхъ бабъ памятниками своихъ предковъ и ничего не знаютъ объ ихъ происхожденіи. Основываясь на томъ, что такіе истуканы встрѣчаются въ Кульджѣ и что Семирѣчье въ недавнее время подлежало вліянію Китая, они предполагаютъ, что бабы поставлены китайцами, либо древними монголами. Имъ-же обыкновенно приписываютъ и семирѣченскіе курганы. Само собою разумѣется, что эти киргизскія догадки ни на чемъ не основаны. Ни китайская, ни монгольская народность здѣсь не можетъ имѣть мѣста, потому что на изображеніяхъ бабъ нѣтъ ни одной черты, которая указывала-бы на это. Китайскій костюмъ такъ долговѣченъ и такъ характеренъ, что онъ непремѣнно отразился-бы на изображеніяхъ. Тоже самое можно сказать и про монгольскія черты. На статуяхъ не замѣтно ни узкихъ косыхъ глазъ, ни широкихъ выдающихся скулъ, а высѣченные на нѣкоторыхъ камняхъ густые, длинные усы и прямой длинный носъ совершенно не свойственны монгольской расѣ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что время постановки бабъ на курганныхъ могилахъ относится къ глубокой древности. На одновременность ихъ съ курганами указываютъ слѣдующіе признаки: 1) большею частію, бабы были находимы либо на самыхъ курганахъ, либо вблизи отъ нихъ, и только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ слѣды курганнаго погребенія, 2) на этихъ статуяхъ часто бываютъ высѣчены именно такія украшенія, какія находятся въ числѣ предметовъ, вырытыхъ изъ курганныхъ могилъ. Сюда относятся: шейные обручи и ожерелья, бляхи отъ наплечныхъ ремней, металическій наборъ, пряжки и подвѣски отъ поясныхъ ремней, широкіе браслеты, надѣваемые на верхнюю часть руки, кинжалы архаической формы, сосуды, какіе ставились въ головахъ или ногахъ у покойника, коническія шапки съ металлическимъ наборомъ, или безъ онаго (войлочныя?) *) 3) На нѣкоторыхъ бабахъ (см. у Страленберга) и на обелискахъ, замѣнявшихъ бабъ, находятся надписи, по очертанію (до сихъ поръ еще не разобранныхъ) буквъ свидѣтельствующія о западномъ происхожденіи.

Каменныя бабы Семирѣчья и южной Сибири, безспорно, имѣютъ тѣсную связь съ такими-же памятниками въ Самарской губерніи, въ землѣ войска донскаго, въ приднѣпровскихъ степяхъ и на сѣверномъ Кавказѣ. На всемъ этомъ пространствѣ онѣ принадлежали, очевидно, одному и тому-же народу, или покрайней мѣрѣ одной и той-же культурѣ. Изъ исторіи извѣстно, что на этихъ мѣстахъ, за много вѣковъ до Р. Х., жили Саки и Массагеты, ближе къ Волгѣ—Сарматы, а къ сѣверу отъ Чернаго моря—Скиѳы. Весьма возможно, что всѣ эти народныя имена суть ни что иное, какъ частныя видоизмѣненія названія одного племени. Каменныя бабы и курганныя могилы опредѣляютъ географическую черту древняго мѣстожительства этого громаднаго народа, а содержимое могилъ даетъ возможность возстановить единство его древней общей культуры.

Къ замѣткѣ о сибирскихъ каменныхъ бабахъ мы должны прибавить еще нѣсколько строкъ по поводу встрѣчавшихся на нихъ надписей. Такихъ экземпляровъ сохранилось не много и почти всѣ они въ настоящее время сосредоточены при Минусинскомъ музеѣ. Не смотря на то, что эти письменные памятники до сихъ поръ еще не прочитаны, важное значеніе ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Рано или поздно, наука должна найти въ нихъ самую

*) Такая-же коническая шапка изображена на надгробной плитѣ одной изъ могилъ Ананьевскаго могильника, на головѣ безбородаго воина. Здѣсь же у правой руки высѣченъ кинжалъ такой-же формы, какъ найденные въ самой могилѣ и часто встрѣчающіеся въ сибирскихъ курганахъ.

убѣдительную разгадку происхожденія всѣхъ сибирскихъ древностей курганнаго періода. Не касаясь непосильнаго вопроса о дешифровкѣ этихъ письменъ, я позволяю себѣ сказать, что внѣшняя ихъ форма ясно изобличаетъ западное, и притомъ весьма древнее ихъ происхожденіе. Это видно изъ слѣдующихъ признаковъ: 1) слова расположены въ формѣ горизонтальныхъ, а не вертикальныхъ строкъ, идущихъ справа на лѣво; 2) большая часть словъ отдѣлены одно отъ другаго двоеточіями, какъ это дѣлалось въ древнемъ греческомъ и зендскомъ письмѣ (въ послѣднемъ одна точка); 3) очертаніе буквъ несомнѣнно западное; многія изъ нихъ повторяются въ финикійскомъ, древнемъ греческомъ и зендскомъ алфавитѣ. Съ скандинавскими рунами сибирскій алфавитъ имѣетъ менѣе сходства. Одинаковое съ нимъ начертаніе представляютъ только двѣ буквы, именно руническое sol и laugr. Кромѣ того число руническихъ знаковъ вдвое меньше (16), чѣмъ въ сибирскомъ алфавитѣ (не менѣе 32). Поэтому, мнѣ кажется, что эти надписи несправедливо приравниваютъ къ скандинавскимъ рунамъ. Разгадку ихъ скорѣе слѣдуетъ искать въ мало-азійскихъ древнихъ алфавитахъ, въ томъ числѣ въ зендскомъ (парси) и въ индо-бактрійскомъ алфавитѣ. Нѣкоторое отношеніе имѣютъ къ нему также древне-италійскія (этрусскія и осскія) надписи и арамейскія.

Судя по внѣшнему очертанію буквъ можно полагать, что сибирскій алфавитъ, почерпая свой запасъ изъ указанныхъ источниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ свою самостоятельную исторію. Онъ выбиралъ и примѣнялъ знаки къ звукамъ своего языка, пополняя ихъ по мѣрѣ надобности. Поэтому ни одинъ изъ вышеперечисленныхъ алфавитовъ не содержится въ немъ цѣликомъ и въ тоже время ни одинъ не представляетъ полнаго комплекта буквъ, заключающихся въ сибирскихъ письменахъ. Полнота и своеобразность сибирскаго алфавита могутъ указывать на богатство звуковыхъ формъ языка пользовавшагося имъ народа, а въ нѣкоторой степени и на болѣе высокую ступень письменности.

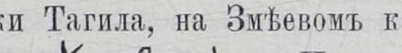
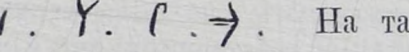
Гдѣ-же тотъ народъ, который оставилъ намъ такіе драгоцѣнные письменные памятники? Напрасно мы стали-бы искать его въ туранской семьѣ. Уйгурская письменность, занесенная въ нагорную Азію изъ Сиріи, не имѣетъ къ древнимъ сибирскимъ письменамъ никакого отношенія. Тѣмъ болѣе нельзя предполагать, чтобы ими могли пользоваться какія нибудь сибирскія племена финской народности. Кто знаетъ состояніе здѣшнихъ финновъ, тотъ не можетъ допустить мысли, чтобы они въ такое отдаленное время, какъ, напр., за 3—4 в. до Р. Х., могли стоять на такой высотѣ культурнаго развитія.

Не находя въ числѣ нынѣшнихъ сибирскихъ инородцевъ того народа, предкамъ котораго могли-бы принадлежать найденныя здѣсь древнія письмена, приходится допустить одно изъ двухъ: либо этотъ народъ совершенно вымеръ и изчезъ съ лица земли, либо онъ переселился въ другое мѣсто. Первая гипотеза слишкомъ элементарна, чтобы обращаться къ ней, какъ часто дѣлаютъ историки, для выясненія трудныхъ вопросовъ. Въ данномъ случаѣ такой пріемъ былъ-бы слишкомъ произволенъ, потому что невозможно представить, чтобы такой многочисленный и культурный народъ, какимъ представляется по археологическимъ памятникамъ древнее населеніе Сибири, могъ изчезнуть безслѣдно. Поэтому необходимо остановиться на второй гипотезѣ о переселеніи. По географическимъ и историческимъ условіямъ оно могло совершиться только на западъ, а именно въ европейскую Россію и должно стоять въ связи съ историческою эпохою, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ.

Если допустить, что народъ, употреблявшій въ Сибири письмена, переселился на западъ, то онъ долженъ былъ унести съ собою и зачатки своей письменности, какъ драгоцѣннѣйшее культурное пріобрѣтеніе каждаго народа, которое онъ не могъ ни забыть, ни бросить. Поэтому слѣды сибирской письменности надобно искать въ Европѣ. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о древнемъ классическомъ мірѣ. Равнымъ образомъ, едва-ли мы нападемъ на истинный слѣдъ, имѣя въ виду скандинавскія руны. Выше мы уже замѣтили, что между ними и сибирскими письменами оказывается мало сходства, но, что еще важнѣе, сибирскій алфавитъ по всѣмъ признакамъ, оказывается полнѣе скандинавскаго. Слѣдовательно, если-бы даже допустить между ними начальную связь, то все-же пришлось-бы прибавить, что сибирская письменность, послѣ разлученія съ скандинавской, продолжала развиваться самостоятельно, пополняясь изъ другихъ источниковъ. Кто-же изъ арійскихъ народовъ могъ развивать ее на такой отдаленной окраинѣ? Вѣроятнѣе всего тотъ, который ближе всего стоялъ къ азіатскому востоку и позднѣе всей арійской семьи передвинулся въ Европейскіе предѣлы. Такимъ народомъ могутъ быть только сѣверные славяне.

Высказанная нами мысль, естественно, встрѣчаетъ два затрудненія: 1) если-бы сѣверные славяне имѣли письменность, ранѣе кирилловской или глаголической, выражавшуюся именно сибирскимъ алфавитомъ, то слѣды этого послѣдняго должны были сохраниться гдѣ нибудь на археологическихъ памятникахъ Европейской Россіи; 2) должны существовать доказательства, что кирилловская грамота

въ Россіи не была первою. Трудно касаться этихъ коренныхъ и весьма сложныхъ вопросовъ въ такой случайной замѣткѣ, какъ настоящая; но разъ высказана такая мысль, ее нельзя оставить безъ поясненія, хотя-бы и самого сжатаго.

По первому пункту слѣдуетъ сказать, что слѣды сибирской письменности въ Россіи дѣйствительно существуютъ. Правда, ихъ немного, но здѣсь вопросъ не въ количествѣ, а въ свойствѣ или сходствѣ этихъ памятниковъ. Я не имѣю здѣсь въ виду тѣхъ образныхъ или аллегорическихъ письменъ, также сходныхъ съ сибирскими, которыя существуютъ во многихъ мѣстахъ сѣверной Россіи, на скалахъ, но разумѣю именно алфавитные знаки. Такъ, напр., самый оригинальный изъ такихъ знаковъ, не встрѣчающійся ни въ одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ алфавитовъ, представляющій подобіе четыреугольной клѣтки () съ выступающими концами, находится въ средѣ рисунковъ на такъ-называемомъ Соколиномъ камнѣ (Соколей камень) на лѣвомъ берегу рѣки Тагила. Здѣсь-же находятся знаки: . На томъ же берегу рѣки Тагила, на Змѣевомъ камнѣ, существуютъ знаки:  . На такъ называемомъ писаномъ камнѣ, на лѣвомъ берегу той-же рѣки, существуютъ знаки  . *) Письменные знаки оказываются также на нѣкоторыхъ найденныхъ въ Россіи археологическихъ предметахъ. Правда, такихъ памятниковъ весьма не много, и начертанныя на нихъ буквы имѣютъ сходство не съ одними сибирскими, но и съ древне-греческими, или съ сѣверными руническими, поэтому ихъ можно приравнивать и къ тѣмъ и къ другимъ; но я не вижу причины почему происхожденіе ихъ непремѣнно нужно связывать съ Греціею, или Скандинавіею, когда для сѣверной дохристіанской Россіи можетъ существовать другой, восточный источникъ.

О существованіи у русскихъ языческихъ славянъ особой древней письменности ясно говорятъ арабскіе писатели X вѣка Ибнъ-Фодланъ и Ибнъ-Эль-Недимъ, оба какъ очевидцы. Ибнъ-Фодланъ упоминаетъ, что *на столбѣ намогильномъ*, послѣ погребенія, Русскіе написали имя покойника вмѣстѣ съ именемъ князя.**) Ибнъ-

*) Рукописный атласъ снимковъ надписей на скалахъ по берегамъ р. Тагила, неизвѣстно кѣмъ и когда составленный. 12 таблицъ въ листъ. Находится въ археологическомъ музеѣ Томскаго университета подъ № 2551.

**) Вотъ какъ объ этомъ сказано по переводу Френа: «Darauf führten sie... einen runden Hügel auf, errichteten in dessen Mitte ein grosses Büschen Holz und schrieben darauf den Namen des Verstorbenen, nebst dem des Königs der Russen (Ibn-Foszlans Berichte. St.-Petersb 1823, стр. 21).

Эль-Недимъ, передавая разсказъ достовѣрнаго человѣка, посланнаго однимъ изъ владѣтелей кавказскихъ къ князю русскому, замѣчаетъ, что у русскихъ, по его словамъ, есть свои письмена, которыя они нарѣзываютъ на деревѣ и что самъ онъ видѣлъ у него кусокъ бѣлаго дерева съ нарѣзанными знаками.*) Ибнъ-Эль-Недимъ приложилъ къ своему извѣстію и снимокъ съ надписи. Френъ сравниваетъ эти начертанія съ синайскими (стр. 513); Шегренъ и Магнусенъ, напротивъ того, видѣли въ нихъ скандинавскія руны и въ одной части ихъ нашли что-то въ родѣ имени славянъ.

Приведенныя ссылки на арабскихъ писателей важны въ двоякомъ отношеніи: въ первой изъ нихъ указывается на славянскій обычай ставить на курганахъ столбы съ надписями, а въ той и другой опредѣляется матеріалъ, на которомъ дѣлались письменныя нарѣзки, именно дерево. Это послѣднее обстоятельство можетъ до нѣкоторой степени объяснять, почему такъ мало сохранилось въ Россіи языческихъ письменныхъ памятниковъ: какъ начертанные на деревѣ, они не могли быть долговѣчны. Что-же касается до характера встрѣчавшихся въ Россіи древнихъ письменныхъ знаковъ, то большая часть ученыхъ склонны видѣть въ нихъ подобіе скандинавскихъ рунъ, но были также попытки доказывать, что славяне имѣли и собственныя письмена.

При разслѣдованіи вопроса о происхожденіи славянскихъ письменъ неоднократно высказывалась мысль, что кирилловская азбука была не первая на Руси, что до нея существовалъ какой-то другой алфавитъ, подъ которымъ ученые обыкновенно разумѣютъ алфавитъ глаголическій. Не касаясь вопроса о старшинствѣ этихъ двухъ алфавитовъ, мы обращаемъ здѣсь вниманіе только на тотъ фактъ, признаваемый наукою, что до кириллицы, дѣйствительно, существовала у славянъ другая азбука, изъ которой Св. Кириллъ заимствовалъ дополнительныя славянскія буквы.**) Здѣсь мы ви-

*) Memoires de l' Acad. St.-Petersb. VI Sér. 11. стр. 319, 320 и 513.

**) Существованіе у русскихъ своего алфавита до Св. Кирилла, между прочимъ, основываютъ на извѣстномъ фактѣ, указанномъ В. И. Григоровичемъ въ Паннонскомъ житіи Кирилла и Меѳодія, гдѣ сказано, что Св. Кириллъ нашелъ въ Корсуни уже готовый переводъ Св. Писанія на русскомъ языкѣ и встрѣтилъ человѣка, умѣвшаго читать этотъ переводъ («и обрѣте же (Кириллъ) ту Евангеліе и псалтырь *русски писмены писаны*, и человѣка обрѣте глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи пріемъ своей бесѣдѣ прикладая различна письмена гласная и согласная... и вскорѣ начатъ чести и сказати»). Не отвергая возможности существованія такого перевода, профессоръ Григоровичъ высказываетъ сомнѣніе: былъ-ли этотъ переводъ писанъ славянскими, а не греческими буквами. Но далѣе онъ прибавляетъ, что если-бы переводъ былъ писанъ греческимъ алфавитомъ, то Кирилъ былъ-бы въ состояніи его прочитать, а между тѣмъ въ житіи сказано, что онъ учился у руссина этому чтенію. Поэтому Григоровичъ думаетъ, что переводъ былъ писанъ глаголическими письменами. Того-же мнѣнія держится

димъ тотъ-же самый пріемъ составленія искусственнаго миссіонерскаго алфавита, какой былъ употребленъ въ IV в. Ульфилою, т. е. смѣшеніе византійскихъ буквъ съ готскимъ футоркомъ, а у насъ съ древне-русскою азбукою. Имена для буквъ были даны старыя, уже привычныя народу, для котораго алфавитъ предназначался.

Если предполагать, что древній русскій алфавитъ, по которому учился Св. Кириллъ, былъ не глаголитскій, а сходный съ сибирскимъ, то является непонятнымъ, почему въ числѣ первыхъ письменныхъ памятниковъ не найдено слѣдовъ этого алфавита. Нѣтъ-ли этихъ слѣдовъ въ очертаніи тѣхъ именно буквъ, которыя были взяты въ кириллицу, сверхъ греческихъ, для выраженія собственно славянскихъ звуковъ. Къ числу таковыхъ, мнѣ кажется, можно было-бы причислить древнія формы буквъ ч, ц, ж, ш, ѣ, ъ, изображаемыя на старыхъ русскихъ монетахъ и надписяхъ. Равнымъ образомъ, не окажется-ли какого либо намека на сибирскій алфавитъ въ зырянской азбукѣ, составленной Св. Стефаномъ Великопермскимъ, гдѣ очертанія буквъ совсѣмъ не походятъ на кирилловскія, но нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ руническіе и сибирскіе знаки. Наконецъ, много знаковъ, сходныхъ съ сибирскими буквами, оказывается въ юридическихъ документахъ древней Руси, въ числѣ мѣтокъ, выставляемыхъ на шкуркахъ звѣрей, вносимыхъ въ казну вмѣсто податей, на бортныхъ ухожьяхъ, межевыхъ столбахъ и т. под. Изображенія этого рода, собранныя изъ писцовыхъ книгъ, помѣщены П. И. Ивановымъ во второмъ томѣ Извѣстій Импер. Русск. Археологич. Общ. на стр. 103—111, тоже въ VIII т. стр. 180. Можно думать, что основою для этихъ значковъ послужили древнія буквы, потерявшія потомъ свое звуковое значеніе, но сохранившіяся въ памяти народа въ формѣ условныхъ знаковъ, какъ это отчасти имѣло мѣсто въ исторіи скандинавскихъ рунъ.

Не имѣя цѣлію писать трактатъ по русской палеографіи, я принужденъ ограничиться этими краткими замѣтками на счетъ сибирскихъ письменъ. Здѣсь мнѣ хотѣлось только показать, что мысль о первоклассномъ значеніи этихъ памятниковъ для начальной исторіи сѣверныхъ славянъ, какъ послѣднихъ выходцевъ изъ Азіи,—мысль возбужденная совокупностью археологическихъ фактовъ, не можетъ быть безусловно признана не имѣющею никакого значенія.

И. И. Срезневскій, прибавляя еще другой фактъ, взятый изъ одного русскаго хронографа XV вѣка, гдѣ сказано, что «грамота русская явилася Богомъ дана въ Корсуни русину, отъ нея-же научися философовъ Костянтинъ».

52) О сибирскихъ каменныхъ орудіяхъ (къ стр. 85—89).

Еще въ недавнее время многіе археологи держались того убѣжденія, что въ Сибири, изобилующей металлами, будто-бы совсѣмъ не встрѣчается каменныхъ орудій. Такое преждевременное заключеніе можно объяснить, главнымъ образомъ, недостаткомъ соотвѣтствующихъ археологическихъ изслѣдованій, а также и тѣмъ обстоятельствомъ что, первыя курганныя раскопки производились почти исключительно въ южныхъ сибирскихъ областяхъ, гдѣ каменныя орудія встрѣчаются, дѣйствительно, гораздо рѣже, чѣмъ на сѣверѣ. Въ курганныхъ могилахъ ихъ мало находятъ потому, что болѣе или менѣе значительные курганы насыпались только надъ прахомъ людей знатныхъ и богатыхъ, между тѣмъ какъ каменныя орудія вовсе не принадлежали къ числу такой утвари, которою можно было-бы почтить покойника. На эти издѣлія, во всякомъ случаѣ, смотрѣли какъ на принадлежность низшей культуры и обращались они болѣе всего въ рукахъ плебейскихъ, или у народа низшей расы, каковыми, вѣроятно, и въ то время считались сѣверные финскіе инородцы.

Первое каменное орудіе, поступившее въ коллекцію нашего музея, было найдено на землѣ Томскаго Университета. Это былъ каменный шлифованный скребокъ (№ 1520), найденный при разработкѣ площади для питомниковъ ботаническаго сада, на глубинѣ около 4-хъ вершковъ отъ поверхности, почти непосредственно подъ слоемъ растительнаго дерна. Впослѣдствіи такой-же скребокъ былъ найденъ въ окрестностяхъ Томска, а затѣмъ отличный діоритовый молотокъ, съ круглою втулкою и прекрасными пропорціями шлифованныхъ частей (№ 1518), пріобрѣтенъ на югѣ Томской губерніи, безъ точнаго обозначенія мѣста находки. Съ 1885 года стали поступать въ музей каменныя орудія съ Обь-Енисейскаго канала, почти ежегодно находимыя тамъ при выемкахъ земли на разной глубинѣ, большею частію въ наносной, песчаной или илистой почвѣ. Здѣсь оказывались: каменные топоры, правильной, пропорціональной отдѣлки, скребки, кремневыя стрѣлки и копья. Шлифованныя и нешлифованныя орудія были одинаковой формы и находились въ однихъ и тѣхъ-же слояхъ; но еще замѣчательнѣе, что вмѣстѣ съ ними оказывались мѣдныя, бронзовыя и даже желѣзныя вещи.

Послѣдняя коллекція изъ 16 каменныхъ орудій (№ 1533) была собрана на рѣкѣ Ангарѣ. Здѣсь повторяются тѣ-же самые типы топоровъ, скребковъ и стрѣлокъ, какіе были найдены въ бассейнѣ р. Кети, и также въ одномъ и томъ-же мѣстѣ были най-

дены какъ полированныя, такъ и неполированныя орудія, а равно и бронзовыя стрѣлки. Количество каменныхъ орудій въ сѣверныхъ округахъ Сибири, судя по частнымъ свѣдѣніямъ, должно быть очень значительно, и это совершенно понятно, если мы примемъ во вниманіе, что нѣкоторые сѣверные инородцы до сихъ поръ пользуются ими, какъ предметами самодѣльными и мало стоющими, не смотря на возможность пріобрѣтать отъ русскихъ металлическія издѣлія. По свидѣтельству путешественниковъ, въ сравнительно недавнее время, 100—200 лѣтъ тому назадъ, чукчи, камчадалы и алеуты находились еще въ настоящемъ каменномъ вѣкѣ, не имѣя понятія о металлахъ.*) Очень вѣроятно, что нѣсколько столѣтій тому назадъ каменныя орудія были также въ полномъ ходу у якутовъ, тунгусовъ и остяковъ, а можетъ быть и у всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ, вплоть до Уральскаго хребта Такимъ образомъ древность сибирскаго каменнаго вѣка вовсе не представляетъ чего либо очень отдаленнаго, какъ обыкновенно привыкли смотрѣть на этотъ вопросъ съ общей археологической точки зрѣнія. Каменный вѣкъ не выражаетъ здѣсь предшественника бронзоваго вѣка, какъ относящагося къ одному и тому-же народу, а напротивъ служитъ выраженіемъ культуры другаго народа, находившагося на болѣе низкомъ уровнѣ развитія. Тоже самое я сказалъ-бы про каменныя орудія сѣверной и средней полосы европейской Россіи. Въ Казанской губерніи и во всѣхъ сѣверныхъ нашихъ провинціяхъ, гдѣ въ послѣднее время собрано такое множество каменныхъ орудій, они также не указываютъ на слѣдъ какой-то древнѣйшей культуры (въ хронологическомъ смыслѣ), а служатъ лишь доказательствомъ долго продолжавшагося низкаго культурнаго уровня нашихъ финскихъ инородцевъ. Этимъ объ-

*) Въ путешествіи А. Э. *Норденшельда* на пароходѣ Вега въ 1878—1880 году (перев. Барановскаго, Спб. 1881 г. стр. 435) упоминается, что при изслѣдованіи заброшенныхъ жилищъ Онкилоновъ, на Чукотскомъ мысу «найдены были предметы, изготовленные изъ камней и костей, между которыми обращали на себя вниманіе каменные топоры, державшіеся, не смотря на то, что они 250 лѣтъ лежали въ почвѣ, на своихъ ручкахъ изъ дерева или кости. Даже ремни, помощію которыхъ рукоятки прикрѣплялись къ топору, прекрасно сохранились». Кремневое копье, изображенное Норденшельдомъ на той же страницѣ (рис. 7), оказывается той-же самой формы, какъ найденное на Обь-Енисейскомъ каналѣ (№ 1523).

Крашенинниковъ о камчадалахъ пишетъ слѣдующее: «Прежніе камчатскіе металлы до прибытія Россіанъ, были кость и каменье. Изъ нихъ они дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, а также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и пр., однако съ такимъ трудомъ, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а большую чашу не менѣе года. Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или

ясняется, почему такъ мало каменныхъ орудій встрѣчается на югѣ Россіи и въ частности въ скиѳскихъ курганахъ, и наоборотъ, такое множество ихъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя до сихъ поръ переполнены финскими инородцами, какова напр. Казанская губернія. Очевидно, скиѳы, какъ внуки Афетовы, при переселеніи своемъ въ Черноморскія степи, вынесли съ собой всѣ задатки міровой культуры, оставивъ свой каменный вѣкъ гдѣ-то далеко позади, между тѣмъ какъ финны переживали этотъ вѣкъ на нынѣшнихъ своихъ мѣстахъ, и притомъ гораздо позднѣе, перенимая постепенно всю дальнѣйшую культуру отъ своихъ сосѣдей-арійцевъ. По той-же причинѣ мы почти совсѣмъ не встрѣчаемъ каменныхъ орудій въ сибирскихъ курганахъ, такъ какъ эти могилы принадлежали не финскому племени, а скиѳскому или арійскому. Равнымъ образомъ ихъ весьма рѣдко находятъ въ городищахъ и курганахъ, расположенныхъ по направленію судоходныхъ рѣкъ, хотя-бы и на глубокомъ сѣверѣ, въ земляхъ финскаго поселенія; ибо эти укрѣпленныя выселки или колоніи были основаны не мѣстными жителями, а другимъ народомъ, господствовавшимъ на водныхъ путяхъ.

Каменныя орудія, гдѣ бы они не встрѣчались, не отличаются большимъ разнообразіемъ формъ. Удовлетворяя самымъ примитивнымъ и несложнымъ потребностямъ некультурнаго человѣка, они, естественно, не могли найти такого широкаго примѣненія въ человѣческой индустріи, какъ металлическія издѣлія. Самыми обыкновенными и наиболѣе распространенными орудіями были: клиновидные топоры, стрѣлы, копья и молотки. Такъ называемые скребки или тонкіе заостренные клинья могли служить и топоромъ, и ножемъ, а равно могли имѣть спеціальное назначеніе, напр. при выдѣлкѣ кожъ и вообще при скорняжномъ дѣлѣ, какъ мы объ этомъ уже упоминали въ обзорѣ костяныхъ издѣлій. Чѣмъ

дымчатаго хрусталя, на подобіе ланцевъ, востроконечные, а насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пущаютъ» (Описаніе земли Камчатки (въ 1741 г.) Спб. 1786 г., т. II, стр. 31»). Ни у Крашенинникова, ни у другихъ изслѣдователей сѣверо-востока Сибири не описывается форма употреблявшихся инородцами каменныхъ орудій; но судя по археологическимъ находкамъ, надо полагать, что они были того-же фасона, какъ на Ангарѣ, Кети и на сѣверѣ Россіи. Тѣ-же формы оказываются у приамурскихъ жителей, какъ это видно по рисункамъ недавно полученной мною статьи, изданной въ Владивостокѣ (1887 г.) подъ заглавіемъ: «Кухонные остатки, найденные на берегу Амурскаго залива». Каменныя орудія здѣсь изображены на табл. II, рис, 1—5 и на табл. III. рис. 29—41. Объ употребленіи каменныхъ и костяныхъ орудій жителями Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ см. «въ собраніи сочиненій выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ, часть IV, (Спб. 1790 г.), въ статьѣ о россійскихъ открытіяхъ на моряхъ между Азіей и Америкой, стр. 288, 303, 310, 319 и 339.

ниже была культура, тѣмъ однообразнѣе были ея орудія, тѣмъ больше назначеній должно было выполнять каждое орудіе. Клиновидный топоръ одновременно служилъ и для выдалбливанія, и для раскалыванія, для защиты и нападенія, и для всѣхъ хозяйственныхъ надобностей. Спеціальнаго молотка въ настоящемъ каменномъ вѣкѣ, повидимому, еще не существовало. Онъ является позднѣе, какъ предметъ болѣе изящной обработки и болѣе спеціальнаго подраздѣленія орудій. Поэтому мнѣ кажется, что каменные молотки съ просверленною круглою втулкою принадлежали не дикарямъ, а культурному человѣку бронзоваго вѣка. Въ ряду древнѣйшихъ металлическихъ орудій мы, дѣйствительно, не видимъ бронзовыхъ или мѣдныхъ молотковъ, тогда какъ въ тоже время существовали самые разнообразные инструменты для плотничнаго и военнаго дѣла. Очевидно, молотка не было не потому, чтобы его замѣнялъ во всѣхъ случаяхъ обухъ топора, или не существовало-бы потребности и умѣнья выдумать спеціальный инструментъ этого рода, а потому, что молотки дѣлались не металлическіе, а каменные.*) Очень вѣроятно, что въ бронзовомъ вѣкѣ, кромѣ молотковъ, пользовались также и каменными стрѣлками, какъ произведеніями менѣе цѣнными и всѣмъ доступными, сравнительно съ бронзовыми и мѣдными стрѣлами.**) Если вспомнить, какое громадное количество стрѣлъ должно было расходоваться не только въ военное время, при поголовномъ вооруженіи, но даже и въ мирное время, для охоты на птицъ и звѣрей, то будетъ понятно, что древніе воины и охотники не могли удовлетвориться одними мѣдными наконечниками. Долгое время, можетъ быть до самаго желѣзнаго вѣка, когда желѣзо сдѣлалось всѣмъ доступно и дешево, массы населенія должны были приготовлять стрѣлы изъ всякаго подходящаго матеріала, въ томъ числѣ чаще всего изъ кости, но нерѣдко и изъ кремня. При этомъ бронзовая стрѣлка была уже щегольствомъ, своего рода роскошью, доступною только знатнымъ и богатымъ людямъ.

Послѣ напечатанія каталога въ музей поступила еще коллекція каменныхъ орудій, по видимому, очень древнихъ (№№ 2597—2603, 2618, 2622, 2623, 2626—2629). Всѣ они, за исключеніемъ нефритовыхъ ножей и шила, не шлифованы, хотя имѣютъ правильную пропорціональную отдѣлку. Въ числѣ ихъ особенно любопытны орудія №№ 2599—2600, принятыя нами за топоры.

*) Въ Пермской губерніи мнѣ приходилось видѣть каменные тяжелые молотки въ сороковыхъ годахъ у русскихъ крестьянъ. Они приготовляли ихъ сами изъ жерноваго камня и находили болѣе выгодными, чѣмъ желѣзные.

**) Кремневыя стрѣлки нерѣдко были находимы въ курганныхъ могилахъ южной Россіи вмѣстѣ съ бронзовыми и даже желѣзными вещами.

Они имѣютъ плоскую форму, въ видѣ лопаты съ закругленнымъ переднимъ концомъ; задній конецъ, соотвѣтствующій обуху, оканчивается выдающеюся коническою шишкою, а съ боковъ этого конца находятся соскообразные отростки, каждый въ 3½ сант. длины. Въ общемъ очертаніи фигура этихъ орудій представляетъ сходство съ рисункомъ, помѣщеннымъ у Шлиманна на стр. 375 подъ № 201-мъ (Ilios). Шлиманнъ принимаетъ этотъ предметъ за идола, но въ текстѣ его сочиненія не выяснено основаній для такого мнѣнія, за исключеніемъ развѣ того признака, что соскообразные отростки камня были приняты за рудименты рукъ, а закругленный обухъ—за голову. Сопоставляя троянскую находку съ нашими экземплярами, скорѣе можно прійти къ предположенію, что это былъ массивный топоръ или молотъ.*) Поводъ къ такой мысли даетъ нашъ экземпляръ каменнаго топора (№ 1517), найденнаго на Обь-Енисейскомъ каналѣ, имѣющаго по сторонамъ обуха подобные-же соскообразные отростки, или ушки, вѣроятно назначавшіеся для болѣе удобнаго прикрѣпленія топора къ рукояткѣ посредствомъ ремней. Впрочемъ, какъ бы мы ни объясняли назначеніе этихъ каменныхъ издѣлій, но сходство ихъ съ троянскимъ экземпляромъ доктора Шлиманна во всякомъ случаѣ можетъ быть принято въ разсчетъ, какъ новое доказательство близости сибирскихъ и троянскихъ археологическихъ типовъ.

Изъ вновь поступившихъ экземпляровъ каменныхъ орудій также заслуживаетъ вниманія гранитный молотокъ (№ 2602), представляющій большое сходство съ изображеннымъ у Шлиманна (на стр. 488, рис. 621) троянскимъ орудіемъ. Къ довершенію сходства, какъ въ томъ, такъ и въ нашемъ инструментѣ не окончено круглое центральное отверстіе для рукоятки, на мѣстѣ котораго съ той и другой стороны имѣются только круглыя ямки. Такіе не оконченные экземпляры каменныхъ молотковъ были нерѣдко находимы и въ другихъ мѣстностяхъ. Были-ли это, дѣйствительно, неоконченныя отдѣлкою, т. е. брошенныя орудія, или они представляли особый типъ прикрѣпленія рукоятки, это требуетъ еще дальнѣйшихъ разъясненій.

Въ рисункахъ Шлиманна имѣется другой экземпляръ каменнаго молотка съ просверленнымъ круглымъ отверстіемъ для рукоятки и съ изящно отдѣланными формами (стр. 488, рис. 620). Фасонъ этого орудія представляетъ собою болѣе усовершенствованную форму предъидущаго и также имѣетъ своего представителя въ нашемъ музеѣ, именно въ № 1518. Характерную особенность

*) Экземпляръ Шлиманна по размѣру нѣсколько больше нашихъ, именно, онъ имѣетъ 9½″ длины и 6″ шир., а нашъ 8″ длины и 5½ шир. (между сосками).

этого типа составляютъ: пропорціональное утолщеніе въ срединѣ, около втулки, и идущее отсюда на двѣ стройныя грани съуженіе, переходящее на переднемъ концѣ въ острое лезвее, а на заднемъ въ круглый тупой обухъ. Этотъ типъ часто встрѣчается въ сѣверной и средней Европѣ и, какъ оказывается, онъ не чуждъ и сибирскимъ древностямъ.

Въ числѣ каменныхъ орудій въ нашемъ музеѣ имѣются также пестики и выглаженные камни для раздавливанія хлѣбныхъ зеренъ (родъ примитивныхъ жернововъ), въ родѣ тѣхъ, какіе были находимы въ Троѣ (Шлиманнъ, стр. 491, рис. 632, и стр. 496, рис. 678). Троянскимъ пестикамъ соотвѣтствуютъ наши номера 1533 (1) и 2598, а жерновамъ—№ 1515 и 1597. Жернова Шлиманнъ описываетъ такимъ образомъ: „они имѣютъ овальную форму, съ одной стороны плоскую, съ другой выпуклую, на подобіе половинки разрѣзаннаго по длинѣ яица. Длина этихъ камней отъ 7 до 14, даже до 25 дюймовъ, очень длинные изъ нихъ обыкновенно нѣсколько изогнуты по длинѣ; ширина ихъ отъ 5 до 14 дюймовъ“ (Ilios, стр. 267). Въ такомъ родѣ и нашъ камень, найденный въ Каинскомъ округѣ (№ 2597). Оттуда-же доставленъ намъ и настоящій ручной жерновъ, состоящій изъ двухъ круглыхъ камней (№ 1492).

Камень съ высѣченною на передней его поверхности бараньею головой (№ 1515), судя по его верхней, выглаженной и слегка углубленной площадкѣ, вѣроятно имѣлъ такое-же назначеніе; но нарядная его отдѣлка заставляетъ думать, что онъ предназначался для обработки зерна въ болѣе торжественныхъ (религіозныхъ) случаяхъ.

Въ отдѣлѣ каменныхъ орудій мы должны еще указать на каменныя ядра и яица. Прекрасный экземпляръ такого ядра, 25 сант. въ окружности, несомнѣнно приготовленнаго рукою человѣка,*) былъ найденъ при распахиваніи земли въ Барнаульскомъ округѣ (№ 1526). Эта находка, какъ и множество другихъ сибирскихъ древностей, также указываетъ на связь древней сибирской культуры съ малою Азіею. Искуственно округленные камни для метанія пращей употреблялись ассиріанами. Они приготовлялись изъ гранита или магнитнаго желѣзняка. Впослѣдствіи это оружіе вошло въ употребленіе у грековъ и римлянъ и существовало не только въ древности, но и въ средніе вѣка, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи. Однакоже трудно допустить, чтобы русское каменное ядро

*) На искуственное приготовленіе этого экземпляра указываетъ, кромѣ совершенно правильной, круглой формы, тонкая вырѣзанная бороздка, опоясывающая ядро по периферіи.

могло попасть въ Барнаульскій округъ до завоеванія Сибири, какъ могли попадать русскіе шлемы и кольчуги; ибо само по себѣ оно не имѣло въ глазахъ татаръ и монголовъ, не употреблявшихъ ни пращей, ни самострѣловъ, никакой цѣнности. Поэтому съ большею вѣроятностью можно думать, что барнаульская находка должна быть отнесена къ болѣе отдаленной древности, т. е. когда Южную Сибирь населяло курганное племя. Оно могло заимствовать привычку приготовлять и употреблять каменныя ядра, какъ и многія другія культурныя привычки, изъ Ассиріи, или отъ народовъ классическаго міра и впослѣдствіи перенести свое искусство въ Европейскую Россію, гдѣ оказываются тѣ-же самые типы древняго оружія и издѣлій, какъ и въ сибирскихъ археологическихъ памятникахъ.

Мѣсто нахожденія каменныхъ яицъ обозначено у насъ болѣе точно. Одно изъ нихъ (№ 1528) было найдено на золотомъ пріискѣ подъ отвалами древнихъ рудныхъ разработокъ, а остальныя два (№ 1527) были доставлены тоже съ пріисковъ Бійскаго и Семипалатинскаго округовъ. Поэтому можно заключить, что каменныя яица употреблялись для какой-то цѣли древними рудокопами.

53). Памятники древняго зодчества, (башня Бураны и развалины древнихъ болгарскихъ зданій. Къ № 2419, стр. 92 и № 2455—2458, стр. 96).

Башня Бураны подробно обслѣдована, по моей просьбѣ, въ октябрѣ 1886 года, инспекторомъ народныхъ училищъ Семирѣченской области г. Городецкимъ. Доставленное имъ описаніе привожу здѣсь въ подлинникѣ. „Башня находится въ восьми верстахъ къ юго-западу отъ города Токмака (въ Семирѣченской области). Она помѣщается внутри четыреугольника, образуемаго рѣкою и валами значительныхъ размѣровъ, но не въ срединѣ его, а ближе къ углу, образуемому восточной и южной его сторонами и прилегающему къ рѣкѣ Буранѣ. Ближайшая къ башнѣ сторона вала (южная) открыта, но не на всемъ протяженіи. Сѣверо-восточная часть четыреугольника прилегаетъ къ упомянутой рѣкѣ, которая подмываетъ эту сторону и обнаруживаетъ кирпичи бывшихъ здѣсь построекъ и черепки глиняной посуды. Въ одномъ мѣстѣ этой стороны найдены были двѣ глиняныя *водопроводныя трубы*. Площадь четырехугольника имѣетъ $^3/_4$ кв. версты и заключаетъ въ себѣ пять кургановъ, изъ коихъ два можно назвать громадными, остальные меньшей, но тоже значительной высоты и объема. Кромѣ того, около башни, со стороны, обращенной къ Токмаку, на-

ходятся развалины бывшаго строенія съ массой обожженнаго кирпича.

Высота башни, по измѣренію, произведенному однимъ изъ мѣстныхъ топографовъ, 12 саженей, но на глазомѣръ она кажется выше (около 15 саж.) Надо полагать, что первоначальная высота башни была больше, судя потому, что на вершинѣ стѣны ея носятъ слѣды разрушенія (покрыты обломками кирпича). Башня состоитъ изъ двухъ частей: основанія, имѣющаго форму правильной *осьмиугольной* призмы, и утвержденнаго на немъ круглаго столпа, кверху понемногу съуживающагося. Длина вертикальныхъ граней основанія 5 аршинъ, и горизонтальныхъ 5 арш. 10 вершковъ; но изъ этихъ послѣднихъ такую длину въ настоящее время имѣютъ только двѣ верхнія грани, сохранившіяся въ цѣломъ видѣ, двѣ имѣютъ по 5 арш. 8—9 вершковъ, остальныя-же вверху обсыпались, а внизу обломаны. Должно замѣтить, что ни одна сторона нижней части осьмиугольника нынѣ не находится въ цѣломъ видѣ. Заключая по длинѣ цѣлыхъ граней, первоначальная окружность башни равнялась 45 аршинамъ. Теперь-же, по произведенному измѣренію, окружность основанія башни равняется 30 аршинамъ. Снизу до $^2/_3$ высоты осьмиугольника кирпичи выломаны крестьянами для печей и другихъ надобностей. Въ осьмиугольникѣ, начиная почти съ самаго основанія и до полуторыхъ аршинъ въ высоту, имѣется 10 отверстій, въ родѣ небольшихъ продушинъ (печурокъ), продолжающихся до самого центра, но не сквозныхъ и не противолежащихъ. Въ каждой сторонѣ верхней части осьмиугольника имѣется по одному углубленію или нишкѣ.

Какъ осьмиугольное основаніе, такъ и круглый башенный столпъ сложенъ изъ обожженнаго кирпича на цементѣ такимъ образомъ, что кромѣ узкаго пространства для винтовой лѣстницы въ постройкѣ не остается другаго открытаго помѣщенія. Слѣдовательно, это сооруженіе соотвѣтствуетъ не башнѣ въ нынѣшнемъ смыслѣ, а компактной колоннѣ, или столпу. Кладка кирпичей обыкновенная, по широкой плоскости кирпичей, съ перекрытіемъ или перевязкою рядовъ; но съ наружной стороны столпа, для красоты, изъ кирпичей выкладывались черезъ каждые три аршина чередующіеся узорчатые ярусы. Они отличаются тѣмъ, что горизонтальные ряды симметрично испещрялись выдающимися ребрами вертикально поставленныхъ кирпичей, образующихъ съ первыми попеременно то прямую, то обратную форму буквы ⊤⊥. Вслѣдствіе такого рода кладки наружная сторона башни представляетъ 12 чередующихся, гладкихъ и узорчатыхъ, поясковъ, каждый шириною приблизительно въ три аршина. Эти пояса помогаютъ опредѣлить высоту башни на глазъ.

Въ стѣнахъ башни находятся такія же четыреугольныя отверстія или гнѣзда, какъ и въ осьмиугольномъ основаніи. Ближе къ послѣднему ихъ насчитывается 14, а въ верхней части 15.*) Круглый башенный столпъ заканчивается площадкой, образуемой толщею самой стѣны (т. е. всего компактнаго столпа). На немъ нѣтъ ни слѣдовъ крыши, ни вообще того, чѣмъ заканчивалась башня. Съ сѣверо-восточной стороны часть вершины его обвалилась вслѣдствіе образовавшейся трещины (около 10 аршинъ длиной) и попадающей туда воды, которая, замерзая зимою, расшатываетъ кирпичи.

Входъ въ башню—съ западной стороны, на значительной высотѣ отъ земли (5 арш.), непосредственно надъ осьмиугольнымъ основаніемъ. Онъ имѣетъ видъ узкой двери, около 2 арш. въ вышину и одного аршина въ ширину. Лѣстницы нѣтъ, и невидно, чтобы она существовала при постройкѣ. Теперь можно войти въ башню только по приставной лѣстницѣ, которую нужно везти съ собой изъ Токмака. Отъ входа начинается внутренняя винтовая лѣстница, т. е. то свободное пространство въ столпѣ, которое оставлялось при кладкѣ, съ выложенными при этомъ ступеньками, для восхожденія на его вершину. На пространствѣ всей лѣстницы имѣются только двѣ небольшія площадки: одна нижняя у самаго входа, другая—тремя ступеньками выше. Длина послѣдней $17^1/_2$ вершковъ, а ширина, какъ и всей лѣстницы, $14^1/_2$ верш. Начинаясь съ западной стороны, лѣстница направляется винтообразной дугой на южную, восточную и выходитъ на вершинѣ башни съ сѣверо восточной стороны. Противъ двадцать первой ступеньки, на юго-восточной сторонѣ для освѣщенія лѣстницы оставлено въ стѣнѣ небольшое четырехугольное сквозное отверстіе (окно). Въ наружное отверстіе его едва помѣщается голова взрослаго человѣка, а къ внутренней сторонѣ откосы окна такъ расширяются, что въ просвѣтѣ можно помѣстить не только голову, но и плечи. Подоконникъ не горизонтальный, а срѣзанъ внизъ, сложенъ изъ кирпича и доской не покрытъ. На лѣвомъ простѣнкѣ его (откосѣ) находятся вырѣзанныя вглубь пять надписей, повидимому, арабскими письменами. Одна изъ нихъ только нацарапана.**) Ступени лѣстницы сдѣланы изъ того-же кирпича, какъ и весь массивъ башни, т. е. онѣ представляютъ собою ни что иное, какъ самую стѣну, выложенную въ

*) Не назначались-ли эти каналы для просушки (вентиляціи) толстыхъ стѣнъ башни?

**) Можно думать, что эти надписи позднѣйшаго происхожденія. Подобныя имъ существуютъ и продолжаютъ вновь появляться также на лѣстницѣ болгарскаго малаго столпа. Ихъ дѣлаютъ мусульмане, признающіе болгарскій столпъ за древній минаретъ.

формѣ ступенекъ въ той части сплошной кладки, гдѣ оставлялось внутри столпа свободное пространство для прохода (въ ширину около 14 вершковъ и въ вышину въ средній человѣческой ростъ). Каждая ступенька покрыта деревянною доской, края которой вдѣланы въ стѣну башни на глубину около 9 вершковъ, какъ это видно по одному оставшемуся свободнымъ отверстію. Толщина доски 1 вершокъ, но теперь такая толщина осталась только на концахъ, на остальномъ-же пространствѣ доски частію стерты ногами, частію сгнили отъ времени. Полныхъ ступенекъ въ настоящее время насчитывается 33 и еще имѣются выше ихъ слѣды двухъ,—куски оставшихся въ стѣнахъ досокъ. Самая верхняя часть лѣстницы обрушилась вмѣстѣ съ частію верхней стѣны.

Высота ступенекъ не всегда одинакова, отъ 6 до 7 вершковъ, вмѣстѣ съ доской. Размѣръ каждой изъ нихъ показанъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Порядокъ ступенекъ снизу вверхъ.	Высота ступенекъ въ вершкахъ.		Порядокъ ступенекъ снизу вверхъ.	Высота ступенекъ въ вершкахъ.	
	Безъ доски.	Съ доской.		Безъ доски.	Съ доской.
1	5 1/8	6 6/8	20	5 4/8	6 6/8
2	5 1/8	6 5/8	21	4 1/8	6 1/8
3	6 2/8	7 3/8	22	5 5/8	6 4/8
4	5	6 2/8	23	5 4/8	6 4/8
5	5	6 2/8	24	5 4/8	6 6/8
6	5	6	25	5 7/8	6 6/8
7	5	6 3/8	26	5	6 2/8
8	5 2/8	6 2/8	27	5	6 4/8
9	4 7/8	6 2/8	28	5 3/8	6 2/8
10	5 3/8	6 6/8	29	5 1/8	6 4/8
11	5 2/8	6 2/8	30	5	5 5/8
12	5 2/8	7 2/8	31	5 3/8	6 2/8
13	5 5/8	6 6/8	32	4 7/8	6 1/8
14	5 2/8	6 5/8	33	5 1/8	6 1/8
15	5 3/8	6 4/8	34	5 2/8	6 1/8
16	5 5/8	6 6/8	35	4 6/8	6
17	5 4/8	6 6/8	Послѣднихъ двухъ ступенекъ теперь не существуетъ; высота ихъ опредѣлена по остаткамъ покрывавшихъ ихъ досокъ, сохранившихся въ стѣнахъ башни.		
18	5 2/8	6 3/8			
19	5 3/8	6 4/8			

Въ стѣнахъ башни находятся такія же четыреугольныя отверстія или гнѣзда, какъ и въ осьмиугольномъ основаніи. Ближе къ послѣднему ихъ насчитывается 14, а въ верхней части 15.*) Круглый башенный столпъ заканчивается площадкой, образуемой толщею самой стѣны (т. е. всего компактнаго столпа). На немъ нѣтъ ни слѣдовъ крыши, ни вообще того, чѣмъ заканчивалась башня. Съ сѣверо-восточной стороны часть вершины его обвалилась вслѣдствіе образовавшейся трещины (около 10 аршинъ длиной) и попадающей туда воды, которая, замерзая зимою, разшатываетъ кирпичи.

Входъ въ башню—съ западной стороны, на значительной высотѣ отъ земли (5 арш.), непосредственно надъ осьмиугольнымъ основаніемъ. Онъ имѣетъ видъ узкой двери, около 2 арш. въ вышину и одного аршина въ ширину. Лѣстницы нѣтъ, и невидно, чтобы она существовала при постройкѣ. Теперь можно войти въ башню только по приставной лѣстницѣ, которую нужно везти съ собой изъ Токмака. Отъ входа начинается внутренняя винтовая лѣстница, т. е. то свободное пространство въ столпѣ, которое оставлялось при кладкѣ, съ выложенными при этомъ ступеньками, для восхожденія на его вершину. На пространствѣ всей лѣстницы имѣются только двѣ небольшія площадки: одна нижняя у самаго входа, другая—тремя ступеньками выше. Длина послѣдней $17\frac{1}{2}$ вершковъ, а ширина, какъ и всей лѣстницы, $14\frac{1}{2}$ верш. Начинаясь съ западной стороны, лѣстница направляется винтообразной дугой на южную, восточную и выходитъ на вершинѣ башни съ сѣверо восточной стороны. Противъ двадцать первой ступеньки, на юго-восточной сторонѣ для освѣщенія лѣстницы оставлено въ стѣнѣ небольшое четырехугольное сквозное отверстіе (окно). Въ наружное отверстіе его едва помѣщается голова взрослаго человѣка, а къ внутренней сторонѣ откосы окна такъ расширяются, что въ просвѣтѣ можно помѣстить не только голову, но и плечи. Подоконникъ не горизонтальный, а срѣзанъ внизъ, сложенъ изъ кирпича и доской не покрытъ. На лѣвомъ простѣнкѣ его (откосѣ) находятся вырѣзанныя вглубь пять надписей, повидимому, арабскими письменами. Одна изъ нихъ только нацарапана.**) Ступени лѣстницы сдѣланы изъ того-же кирпича, какъ и весь массивъ башни, т. е. онѣ представляютъ собою ни что иное, какъ самую стѣну, выложенную въ

*) Не назначались-ли эти каналы для просушки (вентиляціи) толстыхъ стѣнъ башни?

**) Можно думать, что эти надписи позднѣйшаго происхожденія. Подобныя имъ существуютъ и продолжаютъ вновь появляться также на лѣстницѣ болгарскаго малаго столпа. Ихъ дѣлаютъ мусульмане, признающіе болгарскій столпъ за древній минаретъ.

формѣ ступенекъ въ той части сплошной кладки, гдѣ оставлялось внутри столпа свободное пространство для прохода (въ ширину около 14 вершковъ и въ вышину въ средній человѣческой ростъ). Каждая ступенька покрыта деревянною доской, края которой вдѣланы въ стѣну башни на глубину около 9 вершковъ, какъ это видно по одному оставшемуся свободнымъ отверстію. Толщина доски 1 вершокъ, но теперь такая толщина осталась только на концахъ, на остальномъ-же пространствѣ доски частію стерты ногами, частію сгнили отъ времени. Полныхъ ступенекъ въ настоящее время насчитывается 33 и еще имѣются выше ихъ слѣды двухъ,—куски оставшихся въ стѣнахъ досокъ. Самая верхняя часть лѣстницы обрушилась вмѣстѣ съ частію верхней стѣны.

Высота ступенекъ не всегда одинакова, отъ 6 до 7 вершковъ, вмѣстѣ съ доской. Размѣръ каждой изъ нихъ показанъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Порядокъ ступенекъ снизу вверхъ.	Высота ступенекъ въ вершкахъ.		Порядокъ ступенекъ снизу вверхъ.	Высота ступенекъ въ вершкахъ.	
	Безъ доски.	Съ доской.		Безъ доски.	Съ доской.
1	5 1/8	6 6/8	20	5 4/8	6 6/8
2	5 1/8	6 5/8	21	4 1/8	6 1/8
3	6 2/8	7 3/8	22	5 5/8	6 4/8
4	5	6 2/8	23	5 4/8	6 4/8
5	5	6 2/8	24	5 4/8	6 6/8
6	5	6	25	5 7/8	6 6/8
7	5	6 3/8	26	5	6 2/8
8	5 2/8	6 2/8	27	5	6 4/8
9	4 7/8	6 2/8	28	5 3/8	6 2/8
10	5 3/8	6 6/8	29	5 1/8	6 4/8
11	5 2/8	6 2/8	30	5	5 5/8
12	5 2/8	7 2/8	31	5 3/8	6 2/8
13	5 5/8	6 6/8	32	4 7/8	6 1/8
14	5 2/8	6 5/8	33	5 1/8	6 1/8
15	5 3/8	6 4/8	34	5 2/8	6 1/8
16	5 5/8	6 6/8	35	4 6/8	6
17	5 4/8	6 6/8	Послѣднихъ двухъ ступенекъ теперь не существуетъ; высота ихъ опредѣлена по остаткамъ покрывавшихъ ихъ досокъ, сохранившихся въ стѣнахъ башни.		
18	5 2/8	6 3/8			
19	5 3/8	6 4/8			

Такія башни или столпы, какъ памятники древнихъ сооруженій, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Изъ нихъ мы укажемъ на древній городъ Сауранъ, находящійся въ 50 верстахъ отъ Туркестана, на Сыръ-Дарьѣ, и на Болгары, на старой Камѣ.*) Сохранившаяся сауранская башня имѣетъ семь саженъ вышины. Рядомъ съ нею, на разстояніи 16 футовъ, стояла другая, обрушившаяся весною 1867 года. При разрытіи холма у основанія уцѣлѣвшей башни оказалось, что до фундамента ея отъ нынѣшней поверхности цѣлая сажень. Видъ этихъ башенъ, взятый съ фотографическаго снимка 1866 г., сдѣланнаго г. Пріоровымъ, помѣщенъ на виньеткѣ 63 стр. сочиненія г. Пашино: „Туркестанскій край въ 1866 г. Спб. 1868 г.“ Въ описаніи г. Пашино сказано, что башни выстроены изъ обожженнаго кирпича, имѣютъ видъ колонны, аршинъ 6 въ діаметрѣ, съ внутреннею, хорошо сложенною винтообразною лѣстницею до самаго верха. На одной изъ башенъ шейка украшена, по словамъ Пашино (стр. 59), голубыми съ позолотою изразцами. Для входа въ эту постройку существуетъ съ одной стороны, на высотѣ полуторыхъ саженъ отъ основанія, небольшое четырехугольное отверстіе (узкая дверь), ведущее на винтовую лѣстницу. Лѣстница освѣщается небольшими, продѣланными въ стѣнахъ, четырехугольными окошечками, точно также, какъ въ Болгарахъ и на башнѣ Бураны. Не смотря на краткость даннаго описанія, все таки ясно, что типъ этихъ построекъ и назначеніе ихъ были тѣ-же, что и въ Болгарахъ.

О болгарскихъ столпахъ скажемъ нѣсколько подробнѣе.**) Отъ древнихъ временъ ихъ сохранилось два, такъ-называемые Большой и Малый. Первый стоялъ у сѣверной стѣны главной цитадели. По описи 1712 г. онъ имѣлъ 11 саженъ вышины, а по Лепехину—12 саженъ, и столько-же въ окружности у основанія. Петръ Великій, при посѣщеніи болгарскихъ развалинъ, приказалъ верхнюю часть этой грандіозной башни, гдѣ образовалась трещина, оковать двумя желѣзными обручами. Въ 1845 году столпъ этотъ упалъ, частію вслѣдствіе постепеннаго разрушенія, начавшагося отъ вышеупомянутой трещины, но главнымъ образомъ вслѣдствіе

*) Рисунокъ подобной-же башни въ г. Узгентѣ помѣщенъ на XXII табл. приложеній къ труду Н. А. *Съверцева* «Орографическій очеркъ Памирской горной системы». Спб. 1886 г. Подъ рисункомъ надпись: «Узгентъ, древній минаретъ». Судя по рисунку, эта башня похожа на башню Бураны и также украшена снаружи узорчатой выкладкой въ видѣ горизонтальныхъ поясовъ; но, къ сожалѣнію, описанія этого памятника въ текстѣ Сѣверцева ненаходится.

**) Болгарскія развалины были мною лично обслѣдованы въ 1885 году и я нахожу неизлишнимъ нѣсколько подробнѣе остановиться на ихъ описаніи, потому что на многія частности, особенно на характеръ кладки, до сихъ поръ не было сдѣлано указанія ни однимъ авторомъ, писавшимъ о Болгарахъ.

того, что крестьяне растаскали каменную облицовку его основанія.*) Взятые отсюда массивные камни были употреблены подъ фундаментъ строившейся, рядомъ со столпомъ, колокольни, на которую потомъ и рухнула вся масса подточеннаго зданія. Такъ мнѣ разсказывали мѣстные старожилы села Успенскаго (Болгаръ). Въ настоящее время отъ Большаго столпа не осталось никакого слѣда, кромѣ груды мусора и щебня. Къ счастію, это самое грандіозное зданіе въ Болгарахъ было вовремя снято на чертежи опытной рукой, что даетъ возможность судить не только объ его наружномъ стилѣ и размѣрахъ, но и о планѣ постройки. Лучшими и наиболѣе точными снимками можно считать рисунокъ и планъ, сдѣланные архитекторомъ Шлидтомъ въ 1827 г. (см. его атласъ болгарскихъ древностей, изд. въ 1832 г.) и рисунокъ, помѣщенный въ путешествіи Палласа (2-е изд. Спб. 1809 г. ч. 1 стр. 168). Судя по этимъ чертежамъ, Большой столпъ имѣлъ у основанія четырехугольную форму, до высоты двухъ саженъ; потомъ, въ слѣдующемъ отдѣлѣ, переходилъ въ восьмиугольную, тоже на протяженіи около двухъ саженъ, а остальная часть до вершины была круглая. Нижніе два яруса были облицованы, какъ и большая часть прочихъ болгарскихъ зданій, правильно обтесанными массивными камнями изъ крѣпкаго известняка или песчаника. Палласъ къ этому прибавляетъ, что на „оную (башню) входятъ по круглой лѣстницѣ о 72 ступеняхъ, изъ коихъ каждая въ парижскій футъ вышиной. Въ стѣнахъ башни оставлены небольшія скважины, въ которыя свѣтъ проходитъ, и потому видно ходить по лѣстницѣ". По разсказамъ лицъ, хорошо помнившихъ этотъ столпъ до его разрушенія, онъ имѣлъ точно такую-же внутреннюю компактную кладку и такую же конструкцію лѣстницы, какъ существующій донынѣ Малый столпъ.

Малый столпъ находится въ сѣверо-восточной части древняго города, въ разстояніи отъ цитадели около 120 саженъ. По выписи 1712 г. онъ имѣлъ вышину 7 саженъ и въ окружности 8 саженъ. Туже мѣру приводитъ и Лепехинъ. Палласъ даетъ ей 9 саженъ вышины, вѣроятно считая вмѣстѣ съ крышею. По измѣренію въ 1885 г. высота Малаго столпа до верхняго карниза оказалась 6 саженъ и отъ карниза до крыши 1 саж. $10^1/_2$ вер.

*) Такая же участь и вслѣдствіе той же причины ожидаетъ и башню Бураны, не смотря на то, что она благополучно перенесла нѣсколько бывшихъ въ ея окрестностяхъ страшныхъ землетрясеній и уцѣлѣла въ продолженіи многихъ вѣковъ отъ разрушительнаго вліянія времени и нашествія разныхъ варварскихъ народовъ. Русскіе крестьяне, растаскивающіе нынѣ кирпичи съ основанія башни, оказываются страшнѣе и опаснѣе для древностей, чѣмъ стихійныя силы и азіатскіе завоеватели.

всего до крыши 7 саж. 10½ верш. Основаніе башни здѣсь также четырехугольное, но потомъ, на разстояніи, примѣрно, около сажени, зданіе получаетъ осьмиугольную форму, переходя далѣе въ круглую, съ легкимъ утонченіемъ кверху. Въ верхней трети столпа, также какъ и въ первомъ зданіи, находится обрѣзъ, или карнизъ, соотвѣтственно которому уменьшенъ діаметръ верхней части постройки. Ширина этого обрѣза ¾ аршина, площадь его горизонтальная и ровная, вслѣдствіе чего ее можно было утилизировать какъ балкончикъ минарета. Въ началѣ текущаго столѣтія мѣстные татары, по словамъ Второва, будто бы, устроили здѣсь перила, вслѣдствіе чего по обрѣзу можно было ходить.*) Они же покрыли столпъ желѣзною крышею, на шпицѣ которой воздвигли луну. Въ настоящее время ни перилъ, ни луны не существуетъ. Испортившаяся желѣзная крыша замѣнена новою, деревянною.

Попытка объяснить существованіе площадки верхняго уступа мусульманскими цѣлями и пріурочить Малый столпъ къ минарету, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики. Если-бы это зданіе дѣйствительно строилось мусульманами для такой цѣли, то оно имѣло-бы соотвѣтствующую архитектуру. Всѣ минареты, какъ извѣстно, строились и строятся такимъ образомъ, что башня ихъ передъ верхней площадкой нѣсколько расширяется. Это расширеніе и даетъ возможность образовать тотъ балкончикъ, не менѣе аршина ширины, который необходимъ для муэдзана. Для выхода на балкончикъ необходимо продѣлывалась дверь. Внутри стѣнъ минарета, какъ во всѣхъ настоящихъ башняхъ, оставлялось свободное пространство, раздѣляемое на ярусы, въ которомъ устраивалась лѣстница. Часть башни, выше балкончика, имѣла либо одинаковую ширину, какъ въ томъ мѣстѣ, откуда начиналось расширеніе для послѣдняго, либо нѣсколько съуживалась, но не представляла такого рѣзкаго яруснаго уступа, какъ въ Маломъ столпѣ, или какъ это дѣлается на русскихъ многоярусныхъ колокольняхъ. Этихъ признаковъ въ Маломъ столпѣ не существуетъ. Прежде всего его внутренность не соотвѣтствуетъ ни минарету, ни башнѣ. Все его зданіе, отъ основанія до вершины, состоитъ изъ *сплошной каменной кладки*, въ которой оставлено свободное пространство, не болѣе 11—12 вершковъ, только для винтовой лѣстницы. Лѣстница здѣсь не составляетъ отдѣльнаго сооруженія внутри полаго зданія, а какъ-бы высѣчена въ сплошномъ каменномъ массивѣ, или, точнѣе сказать, для нея оставлено при кладкѣ столпа только такое свободное пространство, которое можетъ дать мѣсто одному

*) Вѣроятно спускаясь на обрѣзъ съ вершины башни по приставной лѣсенкѣ.

проходящему человѣку. Ступени, состоящія изъ цѣльныхъ притесанныхъ камней известняка, въ 1 футъ толщиной, уложены по самой кладкѣ сплошной стѣны столпа, а не укрѣплены на особыхъ сводахъ, или касоурахъ, какъ это обыкновенно дѣлается на лѣстницахъ. Почти всѣ камни стерты по срединѣ на одну треть своей толщины, что указываетъ на весьма продолжительную службу лѣстницы, если принять во вниманіе, что ходьба по ней, при узкости и неудобствѣ прохода, во всякомъ случаѣ не могла быть велика. Форма лѣстничной спирали выведена очень правильно, но довольно круто; на мѣстахъ поворотовъ лѣстницы оставлены въ стѣнѣ небольшія четырехугольныя или продолговатыя отверстія для освѣщенія, вообще довольно слабаго. Вышина окошечекъ около 6 вершковъ, ширина около 4 верш. Одно изъ такихъ окошечекъ приходится у самаго основанія верхняго уступа. Черезъ него взрослый человѣкъ съ трудомъ можетъ просунуть голову на площадку послѣдняго. Признавать въ этомъ узкомъ отверстіи дверь для входа на балкончикъ минарета рѣшительно невозможно. Нельзя даже допустить, чтобы это окно когда либо было больше, во первыхъ потому, что его не зачѣмъ и не кому было-бы потомъ задѣлывать, во вторыхъ,—по мѣстнымъ условіямъ спиральной лѣстницы въ этомъ пунктѣ было-бы невозможно помѣстить высокій проемъ въ формѣ двери.

Лѣстница выходитъ узкимъ отверстіемъ на самый верхъ столпа, гдѣ этотъ послѣдній представляетъ сплошную площадку изъ каменной кладки, точно также, какъ и на всемъ его протяженіи. По этой площадкѣ, а равно и по боковымъ стѣнамъ лѣстницы можно видѣть, какъ бы въ разрѣзѣ, способъ каменной кладки. Онъ ничѣмъ не отличается отъ кладки прочихъ болгарскихъ зданій, именно: весь массивъ зданія состоитъ изъ крупныхъ, неправильной формы кусковъ твердыхъ, большею частію известковыхъ камней и туфовъ, связанныхъ между собою отличнымъ известковымъ цементомъ. Въ составъ цемента входили также, вмѣстѣ съ крупнымъ пескомъ, мелкія рѣчныя раковины. Цементомъ обильно и очень плотно заполнялись (заливались) всѣ, нерѣдко значительныя пустоты, образовавшіяся отъ угловатыхъ камней, такъ что въ разрѣзѣ такая постройка представляла плотно слившуюся цементную массу, со втиснутыми въ нее камнями разнообразной формы, величины и свойства (булыжникъ, известковые туфы, куски песчаника и пр.). Снаружи всѣ болгарскія зданія облицовывались правильно обтесанными камнями, большею частію песчаникомъ.*) По сохранившимся образчикамъ, каждый такой

*) Облицовки на Маломъ столпѣ въ настоящее время уже не существуетъ.

камень имѣлъ 12—16 вершковъ длины и около 8 вершковъ ширины, въ формѣ правильнаго удлиненнаго 4-хъ-угольника, съ ровною наружною поверхностью и очень плотными швами при стыкахъ. При такой облицовкѣ наружный видъ зданія получался очень красивый, грандіозный и прочный. Къ сожалѣнію, эти тесаные камни, какъ матеріалъ очень цѣнный, расхищались прежде всего. Ихъ выковыривали съ основанія зданія сначала на высоту человѣческаго роста, а потомъ и выше. Въ настоящее время облицовка въ Болгарахъ вполнѣ сохранилась только на башняхъ цитадели, да и здѣсь, начиная съ лѣта 1884 года, камни начали обдирать. На угловой сѣверо-западной башнѣ я видѣлъ свѣжіе слѣды такаго варварскаго разрушенія.

Происхожденіе древнихъ архитектурныхъ памятниковъ вообще и въ частности разсматриваемыхъ нами столповъ, кое гдѣ сохранившихся въ предѣлахъ русскихъ владѣній, должно имѣть гораздо больше значенія для русской археологіи, чѣмъ это кажется до сихъ поръ. Ученые изслѣдователи не оцѣнили въ должной мѣрѣ этого драгоцѣннаго матеріала и не приняли своевременно мѣръ къ его сохраненію. Невозвратимое упущеніе произошло главнымъ образомъ отъ укоренившагося ложнаго взгляда, будто-бы наши архитектурныя древности не суть мѣстныя оригинальныя произведенія, а слабые подражательные слѣды арабскаго зодчества XI—XIV в. При такой точкѣ зрѣнія, усвоенной русскими учеными и мѣстными администраторами и искусственно привитой мѣстному крестьянскому населенію, естественно было ожидать не только полнаго равнодушія, но даже пренебреженія къ подобнымъ развалинамъ. Какъ мусульманскія постройки, онѣ не имѣли въ глазахъ ученыхъ большой исторической или художественной цѣны, а какъ татарскіе памятники, онѣ не внушали администраціи и мѣстнымъ крестьянамъ особой охранительной заботы. Такимъ образомъ, благодаря пущенной въ ходъ, смѣемъ думать ложной, теоріи, мы искусственно отстраняемъ отъ себя, можетъ быть, самые драгоцѣнные историческіе памятники и косвенно содѣйствуемъ истребленію такихъ научныхъ фактовъ, которыхъ потомъ нельзя будетъ ни возстановить, ни отыскать въ другой разъ. Это въ особенности относится до знаменитыхъ болгарскихъ развалинъ, несравненныхъ по числу, разнообразію и полнотѣ архитектурнаго типа.

Татарская теорія объясненія архитектурныхъ памятниковъ восточной Россіи обязана своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, оріенталистамъ. Въ отношеніи болгарскихъ зданій въ частности, обыкновенно основываются на показаніи арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана (922 г.), бывшаго въ болгарской землѣ съ посоль-

ствомъ отъ Халифа къ болгарскому царю. Этотъ послѣдній просилъ прислать ему наставника для ученія исламу и мастера, который могъ-бы построить мечеть и крѣпость. Изъ этого темнаго и неопредѣленнаго мѣста вывели заключеніе, что Халифъ *вѣроятно* исполнилъ просьбу болгарскаго царя, а слѣдовательно и болгарскія постройки *вѣроятно* сооружены были арабскими зодчими, хотя прямо объ этомъ нигдѣ не говорится.

Укоренившаяся привычка начинать исторію камскихъ Болгаръ съ мусульманскаго періода поддерживалась также тѣмъ обстоятельствомъ, что въ многочисленныхъ городищахъ и древнихъ кладбищахъ Болгарскаго царства было находимо весьма много предметовъ дѣйствительно мусульманской эпохи. Сюда относятся преимущественно монеты и надгробныя надписи, по справедливости имѣвшія въ глазахъ историковъ гораздо больше доказательной силы, чѣмъ прочіе предметы, хронологическое значеніе которыхъ требовало еще спеціальнаго объясненія. Такимъ образомъ, по монетамъ и надписямъ, въ связи со свидѣтельствомъ арабскихъ писателей, сложилось опредѣленное представленіе о всѣхъ болгарскихъ древностяхъ. Все, что ни находили въ Болгарахъ, относили къ татарскому періоду, забывая, что изслѣдованія этого рода уясняютъ исторію не болгаръ въ собственномъ смыслѣ, а преемниковъ ихъ, занявшихъ ихъ мѣсто послѣ выселенія болгарскаго народа.*) Съ X—XI в. когда о камскихъ Болгарахъ стали появляться въ русскихъ и восточныхъ лѣтописяхъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія, бытописатели имѣли дѣло не съ тѣмъ болгарскимъ народомъ, который ранѣе того владѣлъ всѣмъ поволжьемъ и простиралъ свое вліяніе на весь сѣверовостокъ Россіи, а съ его обломками и замѣстите-

*) Рамки нашей замѣтки не позволяютъ остановиться на доказательствахъ глубокой древности города Болгаръ. Укажемъ только на одинъ фактъ. Выборъ мѣста для города, на высокомъ яру, очевидно, былъ разсчитанъ на протекавшей у подножія этого яра рѣкѣ Камѣ. Это русло или рукавъ, отдѣлявшійся около Чистополя и впадавшій въ Волгу тотчасъ за болгарскимъ мысомъ, нынѣ совсѣмъ пересохъ и извѣстенъ подъ именемъ *старой Камы*. Этого рукава уже не существовало въ X вѣкѣ; но засореніе его могло произойти въ продолженіи только многихъ столѣтій. Поэтому есть основаніе думать, что городъ Болгары былъ основанъ не позже первыхъ вѣковъ по Р. Х., а можетъ быть значительно раньше. Болгарскія укрѣпленія (валы, рвы, башни), занимающія пространство около 4—5 кв. верстъ, устроены съ видимымъ разсчетомъ на протекавшую съ сѣвера рѣку, слѣдовательно также были сооружены въ то время, когда существовала Старая Кама. На всемъ этомъ пятиверстномъ пространствѣ разбросаны остатки древнихъ каменныхъ зданій, или фундаменты ихъ, что доказываетъ, что каменные постройки были современны старому громадному городу, а ничуть не относятся къ послѣдующимъ вѣкамъ, когда его посѣщали арабскіе путешественники, по словамъ коихъ въ Болгарахъ въ то время было не болѣе пяти тысячъ жителей. Больше ихъ и быть не могло, потому что Старой Камы уже не существовало и городъ вслѣдствіе того остался безъ воды.

лями. Таже самая односторонность, т. е. объясненіе древнѣйшихъ памятниковъ по культурнымъ слоямъ позднѣйшей эпохи, примѣнялась ко всѣмъ развалинамъ древнихъ каменныхъ городовъ, существовавшихъ въ немаломъ числѣ по берегамъ нижняго теченія Волги, на сѣверномъ Кавказѣ, въ Семирѣченской и Туркестанской области.

О татарскихъ каменныхъ постройкахъ и объ арабскомъ зодчествѣ въ предѣлахъ Россіи существуютъ вообще преувеличенныя понятія. Татары, какъ кочевой народъ, не скоро освоились съ осѣдлою жизнью, и тѣ немногіе города ихъ, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи, не оставили послѣ себя никакихъ монументальныхъ зданій. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что даже самая столица ихъ, Сарай, по истеченіи такого короткаго времени и, можно сказать, на глазахъ у лѣтописцевъ, совсѣмъ затерялась: ученые должны задавать себѣ вопросъ, на какомъ мѣстѣ она находилась, и наудачу пріурочивать ее къ разнымъ пунктамъ волжскаго побережья. Не указываетъ ли это на отсутствіе тамъ капитальныхъ построекъ и на то, что столица Золотой Орды была не болѣе какъ полукочевая ставка. Равнымъ образомъ и городъ Казань, существующій съ конца XIV или съ начала XV в., и долго служившій центромъ осѣдлой татарской жизни, не сохранилъ ни одного памятника татарской архитектуры. Всѣ его постройки были деревянныя, за исключеніемъ, можетъ быть, городской стѣны (замка), сложенной изъ дикаго камня, совсѣмъ не по болгарскому и не по арабскому, а по русскому образцу. Также точно и болгарскій городъ Ошель, о которомъ подробно говорятъ русскія лѣтописи, былъ весь деревянный. Изъ этого позволительно заключить, что и городъ Болгары, если бы онъ обстраивался въ мусульманскую эпоху, не представлялъ бы исключенія изъ общаго правила. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Арабскій писатель XIII в. Якутъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ Булгаръ, передъ запискою Ибнъ-Фоцлана (въ Большомъ словарѣ) говоритъ: „Булгаръ главный городъ *славянъ*, онъ лежитъ на далекомъ сѣверѣ. Булгары строятъ свои дома *только изъ дерева*, одно бревно кладутъ на другое и соединяютъ ихъ крѣпкими, тоже деревянными гвоздями“. Но лучшимъ доказательствомъ отсутствія у татаръ (а равно и у финскихъ инородцевъ древней болгарской области) собственнаго, или арабскаго зодчества служатъ ихъ нынѣшнія постройки. Всѣ онѣ, не исключая и деревянныхъ мечетей, выстроены по образцу русскихъ домовъ (рубка въ уголъ, крылечки, форма крыши и украшеній). Ничего въ нихъ нѣтъ, что бы напоминало характеръ восточной, или древне-болгарской архитектуры, которую они не мог-

гли бы такъ скоро забыть и бросить, особенно въ религіозныхъ постройкахъ, если-бы только они пользовались когда либо услугами арабскаго зодчества.

Чтобы имѣть болѣе точное представленіе о болгарскихъ древностяхъ, необходимо прежде всего обротить вниманіе на характеръ городовыхъ укрѣпленій. Городъ Болгары былъ укрѣпленъ по общему типу всѣхъ древнихъ городовъ, во множествѣ существовавшихъ на пространствѣ нынѣшней Россіи и Сибири. За весьма небольшими исключеніями, стратегическій принципъ при этомъ состоялъ въ слѣдующемъ:

1) Укрѣпляемое мѣсто избиралось на высокомъ и крутомъ яру, примыкающемъ съ одной стороны къ рѣкѣ, по возможности судоходной. Тамъ, гдѣ позволяли условія мѣстности, еще болѣе предпочитали возвышенные пункты при сліяніи двухъ рѣкъ.*) Такой выборъ свидѣтельствуетъ о склонностяхъ народа къ судоходству и торговлѣ, и о томъ, что жители городовъ видѣли въ рѣкѣ средство защиты отъ непріятеля и, въ случаѣ нужды, —спасенія на судахъ. Поэтому во всѣхъ старыхъ городищахъ сторона, обращенная къ рѣкѣ обыкновенно не укрѣплялась ни валомъ, ни рвомъ.

2) Искусственныя укрѣпленія состояли изъ земляныхъ насыпей (валовъ) и рвовъ. Въ этомъ отношеніи наши древнія крѣпости рѣзко отличаются отъ западно-европейскихъ и южно-азіатскихъ, гдѣ, начиная съ глубокой древности, господствовалъ типъ каменныхъ городскихъ стѣнъ и башенъ, точно также, какъ каменныя постройки вообще предпочитались деревяннымъ и земляннымъ (жилища и могилы). Въ древней Руси земляныя укрѣпленія употреблялись повсемѣстно, и не существовало города, который не былъ-бы обнесенъ земляннымъ валомъ и рвомъ. Каменныя стѣны и башни явились у насъ позднѣе, по примѣру запада, и долгое время служили лишь дополнительнымъ средствомъ защиты, въ связи съ земляными окопами.

3) Очертаніе землянаго укрѣпленія строилось не четырехугольникомъ или многоугольникомъ, а полукругомъ, или оваломъ. Снаружи вала помѣщался глубокій ровъ, который не наполнялся водою, какъ это практиковалось въ европейскихъ крѣпостяхъ, а

*) Этому принципу почти постоянно слѣдовали у насъ на Руси, какъ въ древнее, такъ и въ новѣйшее время. Такъ основаны были города: *Кіевъ*, *Владиміръ*, (на Клязмѣ и Лыбеди), *Псковъ* (на р. Псковѣ и Великой), *Коломна* (на Москвѣ р. и Коломенкѣ), *Переяславль* (на р. Трубежѣ и Альтѣ), *Нижній Новгородъ*, *Москва*, *Тверь* и многіе другіе. Того-же правила держались и при основаніи новыхъ городовъ, каковы: Симбирскъ, Самара, Уфа, Тобольскъ, Омскъ, Томскъ, Иркутскъ и пр.

усаживался острыми кольями. Въ наиболѣе важныхъ пунктахъ валъ и ровъ дѣлались двойными и даже тройными, параллельно одинъ другому. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для выѣзда изъ города, оставлялись на протяженіи вала и рва свободные промежутки, вѣроятно закрывавшіеся воротами.

Городище Болгары заключаетъ въ себѣ всѣ признаки древняго русскаго укрѣпленія, но только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ важности и многолюдности этого населеннаго пункта. Оно расположено на высокомъ берегу, при сліяніи двухъ громадныхъ рѣкъ—Камы и Волги. Валы его замыкаютъ пространство болѣе семи верстъ въ окружности, съ присоединеніемъ на болѣе узкомъ, южномъ концѣ добавочнаго укрѣпленія, носящаго нынѣ названіе малаго городка. По плану архитектора *Шмидта**) городъ имѣлъ слѣдующіе размѣры: сѣверное пространство между валами, по крутому берегу Старой Камы, 1000 саженъ, длина отъ береговаго яра до южнаго конца города, съ включеніемъ малаго городка 1250 саженъ, ширина города въ южной части 500—560 саж., длина малаго городка 270 саж., ширина его со включеніемъ валовъ 225 саж. А. Ѳ. Риттихъ**) показываетъ внутреннюю площадь города въ $3^1/_2$ квадр. версты.

Кромѣ главнаго вала, окружавшаго весь городъ, и малаго городка, примыкавшаго къ нему съ юга, находился еще второй, внутренній валъ со рвомъ,—такъ называемый *малый окопъ*. Онъ упоминается только въ самыхъ старыхъ документахъ, именно въ выписи 1712 г. и въ описаніи подполковника Савенкова. Въ первомъ изъ этихъ документовъ размѣры этого городка не опредѣлены, а только говорится, что „внутрь *малаго окопа*, гдѣ былъ царскій домъ, отведено подъ строеніе (Успенскаго) монастыря земли длиннику 80 саж., поперегъ 60 саж. трехъаршинныхъ“. Обстоятельнѣе объ этомъ сказано у Савенкова: „перваго замочнаго валу отъ горы до горы 545 саж., межъ валовъ и горою 250 саж. Въ немъ каменный замокъ“. Малый окопъ здѣсь названъ *замочнымъ валомъ*, т. е. валомъ спеціально защищавшимъ центральную часть города съ лучшими, находившимися здѣсь постройками. Размѣры его были довольно значительны, именно съ востока на западъ 545 саж., съ юга на сѣверъ 250 саж. Думаю такъ на томъ основаніи, что выраженіе „отъ горы до горы“ едвали можно

*) Архитектурные чертежи развалинъ древнихъ Болгаръ. Москва 1832 г. Этотъ планъ былъ снятъ въ 1827 году и принадлежитъ къ наиболѣе точнымъ. Въ томъ-же атласѣ находятся отдѣльные планы и рисунки сохранившихся до 1827 года зданій.

**) Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанск. губернія. Казань 1870 г.

понимать иначе, какъ въ смыслѣ „отъ насыпи до насыпи“, т. е. отъ западнаго вала до восточнаго, а выраженіе „межъ валовъ и горою“ надо считать—между южнымъ валомъ и Камскимъ берегомъ (яромъ). Иныхъ горъ, или естественныхъ возвышеній на площади городища не имѣется. Такимъ образомъ малый окопъ будетъ составлять внутреннее кольцо земляныхъ укрѣпленій, окружавшее цитадель и находившіяся около нея постройки. Съ сѣвера, какъ и главный наружный валъ, онъ оставался открытымъ, примыкая непосредственно къ крутому берегу рѣки. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ расположеніемъ центра города на сѣверной сторонѣ, несомнѣнно подтверждаетъ высказанный нами взглядъ на значеніе для Болгаръ стараго рукава Камы и въ связи съ этимъ указываетъ на древнѣйшее время основанія болгарскихъ сооруженій. Кама очевидно служила наиболѣе обезпеченнымъ тыломъ, куда защитники города могли свободно отступить даже въ томъ случаѣ, если бы непріятель овладѣлъ малымъ городкомъ и занялъ южную половину большаго города. И при этой неудачѣ Болгары могли еще защищаться изъ-за втораго ряда валовъ внутренняго окопа, подкрѣпляемаго каменною цитаделью, и только въ крайности искать спасеніе на судахъ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія малый окопъ уже не существовалъ. Поэтому объ немъ не упоминаютъ ни Палласъ, ни Лепехинъ, ни послѣдующіе за ними писатели. Надо полагать, что его уничтожили крестьяне села Успенскаго, вѣроятно потому, что онъ, находясь въ чертѣ разроставшагося селенія, мѣшалъ правильному распространенію улицъ.

Съ стратегической или фортификаціонной точки зрѣнія болгарская крѣпость обнаруживаетъ въ строителяхъ ея глубокую обдуманность и знаніе военной тактики. Изъ очертанія валовъ ея видно, что наибольшую опасность отъ непріятелей представляла южная сторона,*) вслѣдствіе чего въ этой половинѣ площадь крѣпости уже,—восточный и западный валы находятся другъ отъ друга на разстояніи только 500 саженъ, вмѣсто 1000 саж., какъ на сѣверной сторонѣ. Это давало возможность легче концентрировать силы защитниковъ на болѣе угрожаемыхъ пунктахъ и подавать своевременную помощь, при случаѣ опаснаго натиска, съ восточнаго вала на западный, или наоборотъ. Еще больше соотвѣтствуетъ этой цѣли примкнутый къ южной части главной крѣпости

*) Съ сѣвера крѣпость была почти неприступна, благодаря крутому яру и протекавшей у подошвы его рѣкѣ; съ запада, до извѣстной степени, защищала Волга съ ея береговымъ склономъ; съ востока высокій берегъ пересѣченъ оврагами, препятствующими свободному движенію осаждающаго войска.

малый городокъ. Ширина его внутри валовъ не болѣе 125 саж. а въ самой южной оконечности не болѣе 80—100 саж., что даетъ возможность сосредоточивать здѣсь большія силы на маломъ протяженіи и защищать каждую точку. Сверхъ того, малый городокъ, отстоя отъ сѣвернаго края города болѣе чѣмъ на двѣ версты, могъ служить удобнымъ пунктомъ для вылазокъ въ томъ случаѣ, если бы непріятель сосредоточилъ свои нападенія на сѣверовосточную или сѣверозападную часть укрѣпленій. При этомъ защитники изъ малаго городка являлись бы въ тылу у непріятеля. Въ виду такого важнаго значенія, малый городокъ былъ окруженъ, кромѣ высокаго вала, двойнымъ рвомъ, и сверхъ того имѣлъ четыре каменныхъ крѣпостныхъ башни, вѣроятно соединявшихся между собою стѣнами, служа особою цитаделью для этого передоваго укрѣпленія.

Имѣлъ ли городъ, кромѣ валовъ и рвовъ, еще деревянные заплоты и полисады, это остается сомнительнымъ. Березинъ*) и Риттихъ (l. cit.) допускаютъ такое предположеніе, основываясь на показаніяхъ русскихъ лѣтописей относительно города Ошеля, который былъ, дѣйствительно, укрѣпленъ дубовымъ тыномъ и двумя оплотами, между которыми находился валъ. Риттихъ необходимость присутствія дубовой стѣны за валомъ выводитъ изъ того обстоятельства, что безъ этого было-бы весьма трудно оборонять такую громадную линію валовъ.—Эти соображенія могли имѣть мѣсто по отношенію къ Болгарамъ XII—XIV вѣка, когда городъ, дѣйствительно, былъ малолюденъ и когда деревянные оплоты были въ большомъ употребленіи; но нельзя того-же сказать про обычаи фортификаціи древнѣйшихъ временъ. Болгарская крѣпость строилась не въ X или XI вѣкѣ, а можетъ быть раньше Р. Х., потому ея стратегическіе принципы должны соотвѣтствовать не татарскому, а скиѳскому періоду. Аналогію этому укрѣпленію мы должны искать у древнѣйшихъ арійскихъ народовъ, именно у Латинцевъ, Кельтовъ и Славянъ, у которыхъ крѣпостные валы не имѣли деревянныхъ палисадовъ.

Римляне примѣняли земляныя укрѣпленія только въ военномъ лагерѣ, города-же ихъ обносились каменными стѣнами. Таже система укрѣпленій существовала у Галловъ. Въ запискахъ о галльской войнѣ Юлій Цезарь нерѣдко говоритъ: „Наши взялись за оружіе и стали на валъ“.**) Изъ этого выраженія видно, что валы не были защищены полисадами. Въ войнѣ противъ галльскаго вождя

*) Булгаръ на Волгѣ. Учен. Зап. Казан. Унив. 1852 г. Кн. Ш.

**) *Юлій Цезарь*, записки о галльской войнѣ, перев. Клеванова 1869 года стр. 83, 88, 90.

Верцингеторикса Цезарь распорядился сдѣлать укрѣпленіе такого рода: „сначала провелъ онъ ровъ въ 20 футовъ ширины съ отвѣсными боками, такъ что онъ былъ одинаковаго размѣра и вверху и внизу. Прочія укрѣпленія были проведены отъ этого рва отступя на 600 футовъ. Они состояли изъ двойнаго рва, каждый въ 15 футовъ ширины и такой-же глубины. Позади рвовъ была сдѣлана насыпь въ 12 футовъ ширины и вышины, укрѣпленная брустверомъ; она представляла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ брустверъ соединяется съ валомъ, крѣпкіе отводы, съ цѣлію воспрепятствовать непріятелю взобраться на валъ. Вся связь укрѣпленій была покрыта башнями, на разстояніи одна отъ другой 80 футовъ". Чтобы сдѣлать это укрѣпленіе еще болѣе неприступнымъ, римляне вырыли еще одинъ ровъ съ внѣшней стороны, въ пять футовъ глубины, на днѣ котораго были вбиты заостренные колья въ пять рядовъ. Впереди этого рва расположены были ямы въ три фута глубиной, съуживающіяся внизу, гдѣ также были вбиты острые колья, выдававшіеся изъ земли не болѣе четырехъ вершковъ. Такія ямы были вырыты въ восемь рядовъ, въ разстояніи трехъ футовъ одна отъ другой. Сверху онѣ были заметаны травой, чтобы легче обмануть непріятеля". (Кн. VII, § 72 и 73, стр. 151, также. кн. VIII, § 8, стр. 165). Ровъ очень часто дѣлался двойной. За валомъ съ внутренней стороны устраивались деревянныя башни, соединенныя между собою помостами, чтобы имѣть двойной рядъ защитниковъ,—одинъ на помостахъ, другой на валу. Такимъ образомъ помосты и башни имѣли значеніе втораго вала, который не рѣдко существуетъ въ нашихъ городищахъ, возвышаясь надъ первымъ. Такую-же систему укрѣпленій, повидимому, имѣли и Галлы, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ Цезарь говоритъ, что римляне „достигнувъ до укрѣпленія, овладѣли *тройнымъ* лагеремъ" (стр. 141).

„У британцевъ, по словамъ Цезаря, городомъ называлось мѣсто въ лѣсу, обнесенное валомъ и рвомъ, куда они удаляются въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Такія мѣста прекрасно укрѣплены природою и искусствомъ. При сильномъ натискѣ непріятель убѣгаетъ чрезъ другую сторону города" (стр. 81). И здѣсь, какъ и во всѣхъ предъидущихъ случаяхъ, нѣтъ никакого намека на то, чтобы въ укрѣпленіяхъ, кромѣ валовъ и рвовъ, существовали еще полисады. Обычай Британцевъ убѣгать, въ случаѣ крайности, чрезъ другую часть города отмѣченъ Цезаремъ также и по отношенію къ Венетамъ. Про послѣднихъ онъ прямо говоритъ, что когда городскія укрѣпленія перестаютъ служить защитой, Венеты садятся на суда и перемѣщаются въ другое ук-

рѣпленное мѣсто. Хотя про Британцевъ и не сказано, что они скрываются изъ города на судахъ, но принимая во вниманіе, что города ихъ были „прекрасно укрѣплены природою и искусствомъ“, и что у Кельтовъ, также какъ и у Славянъ существовалъ древній обычай примыкать свои укрѣпленія къ водянымъ путямъ, можно предположить, что Цезарь намекаетъ здѣсь на тотъ-же путь отступленія.

Такимъ образомъ, стратегическая и фортификаціонная тактика всѣхъ сѣверныхъ арійцевъ носитъ одинъ общій отпечатокъ. Это выражается, какъ въ способѣ постройки земляныхъ укрѣпленій, такъ и въ манерѣ защиты. Весьма вѣроятно, что даже сами римляне усвоили привычку защищать свой военный лагерь рвами и валами и пользоваться земляными сооруженіями при осадѣ городовъ съ того отдаленнаго времени, когда италійскія народности, составившія потомъ римскую федерацію, находились еще въ азіатскихъ странахъ, гдѣ существовала такая система.

Обычай укрѣплять города долженъ быть такъ-же старъ, какъ привычка къ осѣдлой жизни. Связанный съ понятіемъ о собственности и съ привязанностью къ родной землѣ, онъ могъ образоваться только у того народа, который уже развилъ въ себѣ начатки культуры и вышелъ изъ бродячаго или кочеваго состоянія. Какъ принадлежность культурнаго строя, какъ потребность самозащиты, фортификація и стратегія разработывались геніемъ каждаго народа въ отдѣльности. Въ нихъ точно также, какъ въ постройкѣ могилъ и домовъ, выражается духъ народнаго творчества, въ связи съ мѣстными условіями страны и образа жизни. Выработанныя въ этомъ отношеніи народныя привычки отличаются замѣчательною устойчивостью. Видоизмѣняясь съ теченіемъ времени и съ прогрессомъ военнаго искусства, онѣ тѣмъ не менѣе сохраняютъ основные принципы въ продолженіи многихъ вѣковъ, или даже тысячелѣтій.

Такова начальная исторія сооруженія крѣпостей. Основные типы ихъ должны были развиваться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій страны, занятой даннымъ народомъ. Въ странѣ изобилующей камнемъ, естественно, развивалась привычка къ каменнымъ постройкамъ, но въ мѣстностяхъ лишенныхъ этого матеріала, каковы южно-русскія и сибирскія степи, должны были употреблять для построекъ преимущественно лѣсъ и землю. Эти два типа сооруженій у разныхъ арійскихъ народовъ, дѣйствительно, проходятъ чрезъ всю дальнѣйшую ихъ исторію: семеты и западные арійцы всегда оказывали предпочтеніе камню, славяне и сѣверные германцы—дереву и землѣ.

Изобрѣтеніе системы земляныхъ сооруженій всего легче могло развиться въ черноземныхъ степяхъ. Первыми постройками этого рода, вѣроятно, явились курганы, устраиваемые изъ дерна надъ могилами усопшихъ. Могильныя насыпи были первою святынею, которую нужно было охранять отъ вражескаго поруганія. Геродотъ, описывая войну Дарія со Скиѳами, между прочимъ, приписываетъ скиѳамъ такія слова: „Если ты (Дарій) непремѣнно хочешь битвы, то у насъ есть могилы предковъ: разыщите ихъ и попробуйте разрушить, тогда узнаете, станемъ-ли мы сражаться изъ за этихъ гробницъ, или нѣтъ“.*) Защищая могилы, легко было напасть на мысль воспользоваться рядами этихъ искусственныхъ холмовъ, какъ укрѣпленіемъ. И въ дѣйствительности мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе важныя курганныя могилы окружены валомъ и рвомъ. Въ послѣдствіи времени, при болѣе прочномъ водвореніи осѣдлой жизни и при усовершенствованіяхъ фартификаціоннаго искусства, стали строить спеціальныя крѣпости, пользуясь при этомъ тѣмъ-же привычнымъ и сподручнымъ строительнымъ матеріаломъ, какой употреблялся для могильныхъ памятниковъ, т. е. растительнымъ дерномъ и землей.

Основываясь на существованіи земляныхъ укрѣпленій у римлянъ, грековъ, британцевъ и славянъ и на сходствѣ ихъ типа съ древними городищами Камской Болгаріи, Россіи и Сибири, я считаю весьма вѣроятнымъ, что земляныя укрѣпленія города Болгаръ указываютъ на сѣверно-арійскую, а не на туранскую культуру. Этому соотвѣтствуютъ и другіе археологическіе памятники Болгаріи, именно курганныя могилы съ ихъ разнообразнымъ содержимымъ, начиная отъ череповъ и скелетовъ и кончая послѣднимъ обломкомъ орнаментированнаго горшка. Всѣ эти предметы несомнѣнно носятъ признаки скиѳской эпохи и должны быть признаны сверстниками всѣмъ хорошо извѣстнаго Ананьевскаго могильника. Богатство и разнообразіе ихъ свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ состояніи великаго Болгарскаго города, а обширность размѣровъ послѣдняго указываетъ на его многолюдство, о чемъ къ X вѣку сохранилось только преданіе. По свидѣтельству многихъ арабскихъ писателей въ X—XII столѣтіи въ Болгарахъ считалось жителей не болѣе пяти тысячъ. Вотъ свѣдѣнія объ этомъ, собранныя С. М. Шпилевскимъ: **) по словамъ *Эль-Балхи* (X стол.) въ двухъ городахъ, Булгарѣ и Сиварѣ, число жителей простирается до 10.000. Въ

*) *Геродотъ*, Исторія, перев. Мищенко, т. I Москва 1885 года Кн. IV, § 127, стр. 353.

**) *Шпилевскій*, Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань 1877 г. стр. 7.

сочиненіи *Ибнъ-Хоукаля* (X стол.) сказано, что „Булгаръ небольшой городъ. Онъ былъ нѣкогда знаменитъ, такъ какъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли тамошняго государства. Но русскіе разрушили его въ 358 году“ (968). *Эль-Бекри* (XI в.) говоритъ: „число булгаръ очень не велико, ихъ всего 500 семействъ“. Мыслимо-ли, чтобы при такомъ ничтожномъ населеніи Булгары X вѣка стали сооружать крѣпостные валы въ 7 верстъ протяженія. Очевидно, крѣпость досталась имъ по наслѣдству и, какъ платье съ чужаго плеча, была имъ совсѣмъ не по росту.

Прежнее цвѣтущее состояніе Болгаръ, о которомъ говорятъ арабскіе писатели, очевидно, относилось ко временамъ болѣе отдаленнымъ и причины ихъ упадка произошли не отъ русскаго погрома въ 968 году. Можетъ быть этотъ годъ больше запечатлѣлся въ народной памяти и, какъ ближайшее событіе, легче могъ быть указанъ арабамъ въ объясненіе разстройства болгарскихъ дѣлъ, но главная причина паденія города была связана съ выселеніемъ его прежнихъ жителей на Дунай, съ перемѣщеніемъ центра народной жизни и съ лишеніемъ чрезъ это лучшихъ народныхъ силъ. Тѣ Болгары, которые остались на прежней родинѣ, при своей малочисленности не могли поддержать славу Великаго города. Вскорѣ они смѣшались съ инородцами, а послѣ принятія ислама (въ X в.) совершенно потеряли всѣ родственныя связи съ прочими славянами. Съ этого времени у нихъ начинается совсѣмъ другая культурная эпоха, именно мусульманская, съ преобладаніемъ финно-турецкихъ элементовъ,—эпоха, оставившая свои археологическія наслоенія, которыя необходимо отличать отъ древнѣйшаго археологическаго матеріала той-же мѣстности. Къ сожалѣнію, это разграниченіе до сихъ поръ весьма рѣдко принималось во вниманіе. Все, что относилось до Болгаръ, окрашивалось въ одинъ мусульманскій цвѣтъ, а при такомъ взглядѣ допускались въ толкованіи фактовъ очевидныя несообразности.

Вопросъ о народности древнихъ Болгаръ (переселившихся за Дунай) до сихъ поръ считается спорнымъ. Одни признаютъ ихъ славянами, другіе думаютъ, что это была какая-то смѣшанная раса. Если допустить послѣднее предположеніе, то остается важный вопросъ: гдѣ и когда произошло это смѣшеніе и какая народность лежитъ въ его основѣ. Мы не можемъ вдаваться въ подробности этихъ объясненій, но считаемъ не лишнимъ замѣтить, что по хозарскимъ преданіямъ Болгары назывались Венетами. На этотъ фактъ указалъ А. Я. *Гаркави*, опубликовавшій переводъ письма Хозарскаго царя Іосифа къ испанскому министру, при Халифѣ

Абдуррахманѣ III, Ибнъ-Шапруту.*) Письмо это писано было въ 960 году, когда Хозары еще владѣли обширными областями на Волгѣ, на Кавказѣ и въ Крыму. Испанскій министръ (еврей) убѣдительно просилъ хозарскаго хакана (тоже еврея) сообщить ему обстоятельныя географическія и этнографическія свѣдѣнія о хозарской странѣ, на что и получилъ удовлетворительный отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Въ странѣ занимаемой мною, говоритъ хозарскій хаканъ, жили когда-то *Венентеръ*, и пришли наши предки хозары и воевали съ ними; Венентеръ были многочисленны, какъ песокъ на морскомъ берегу; они однако не могли устоять противъ хозаръ, почему они должны были оставить свою землю и убѣжать; хозары-же преслѣдовали ихъ пока не оттѣснили къ рѣкѣ Дуна, такъ что они (Венентеръ) по сіе время живутъ по рѣкѣ Дуна, въ сосѣдствѣ съ Константиною".

Изъ этого документа видно, что хозары заняли приволжскія мѣста послѣ вытѣсненія отсюда народа Венентеръ. По поводу этого названія Гаркави замѣчаетъ: „не можетъ, кажется, быть сомнѣнія въ томъ, что тутъ рѣчь идетъ о славянахъ, поселившихся на Дунаѣ, вслѣдствіе пришествія хозаръ и распространенія хозарскаго господства въ южной Россіи. Въ имени Венентеръ можно узнать названіе Вендъ, Венетъ, подъ которымъ славяне были извѣстны, какъ на западѣ, такъ и финскимъ народамъ".

Къ этому позволительно прибавить, что подъ славянскимъ наромъ Венентеръ (Венет-арь) можно разумѣть волжскихъ Болгаръ на томъ основаніи, что именно они въ это время (960 г.) жили за Дунаемъ въ сосѣдствѣ съ Константинополемъ, что, безъ сомнѣнія, было извѣстно хозарскому повѣствователю. Событіе, о которомъ идетъ у него рѣчь, какъ разъ совпадаетъ съ болгарскимъ переселеніемъ, и трудно допустить, чтобы въ хозарскомъ предаданіи могла изгладиться или извратиться память о народѣ, который былъ вытѣсненъ хозарами.

Переселеніе народовъ рѣдко совершается вполнѣ. Часть вытѣсняемыхъ, можетъ быть даже большая часть, остается на старыхъ пепелищахъ, подчиняясь завоевателямъ. Такъ, безъ сомнѣнія, было и съ волжскими Венетами. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи (при первыхъ русскихъ князьяхъ) возвратились въ русское подданство; но часть народа, именно остававшаяся въ предѣлахъ Камской Болгаріи, отшатнулась отъ русской семьи, благодаря принятію ислама. Еще въ X вѣкѣ въ Болгарахъ было много славянъ. По

*) Труды IV археолог. съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 году. Т. I. Казань 1884 г. стр. 252.

свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, болгарскій князь, изъявившій желаніе принять мусульманство, называетъ себя владавцемъ (владѣтелемъ) славянъ, городъ Болгары назывался городомъ славянъ и вообще слово болгарскій нерѣдко у арабскихъ писателей замѣнялось словомъ славянскій. На основаніи этихъ выраженій Френъ приходитъ къ заключенію, что Болгары X вѣка „представляли амальгаму трехъ расъ, славянской, финской и тюркской". В. В. *Григорьевъ* признаетъ за славянскимъ элементомъ въ Болгарахъ преобладающее значеніе*), а Д. И. *Иловайскій* говоритъ, что Камскіе Болгары были славянскою вѣтвію, постепенно утратившею свою народность посреди туземныхъ татаро-финскихъ племенъ.**) Съ этими взглядами нельзя не согласиться; а раздѣляя ихъ, мы должны допустить, что помѣси Болгаръ съ турецкими и финскими элементами начались не въ древнѣйшее время, а послѣ того, когда Камскіе Болгары, какъ славянское племя, стали уже терять свою самостоятельность.***) Во времена-же болѣе отдаленныя, когда они носили еще общее для славянъ названіе Венетовъ, они должны были составлять восточную вѣтвь славянскаго племени.

Опредѣленіе народности Болгаръ чрезвычайно важно для нашихъ археологическихъ изслѣдованій. Выше мы много разъ имѣли случай указывать, что болгарскія древности имѣютъ большое сходство съ сибирскими. Тоже самое приходится сказать и относительно памятниковъ зодчества. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, мы должны искать источники болгарскаго архитектурнаго стиля не въ арабской стихіи, а въ древнѣйшей славянской, и должны предполагать, что продолженіе этихъ архитектурныхъ типовъ найдетъ себѣ мѣсто не въ татарской жизни, а въ славянской.

Всматриваясь въ стиль древнихъ болгарскихъ построекъ,****) можно замѣтить, что строительное искусство Болгаръ имѣло въ

*) Григорьевъ, Сборникъ его статей подъ заглавіемъ Россія и Азія. Спб. 1876 г. Волжскіе Булгары, стр. 96.

**) Розысканіе о началѣ Руси. М. 1876, стр. 408.

***) Не на эту-ли помѣсь намекаетъ простодушное замѣчаніе русскаго лѣтописца, что «Хвалисы и Болгары суть отъ дщерей Лотовыхъ, иже зачаста отъ отца своего—тѣмъ-же нечисто племя ихъ».

****) Отличительныя ихъ признаки: высокіе столпы, многоярусныя зданія (Черная палата), перекрытіе сводомъ, стрѣльчатыя окна, облицовка дверныхъ и оконныхъ косяковъ массивными, правильно обтесанными камнями, съ заполненіемъ простѣнковъ булыжникомъ и камнями неправильной формы и разной величины, связанными весьма большимъ количествомъ цемента; сплошное заполненіе кладкою круглыхъ башенъ (четыре башни цитадели и столпы), облицовка зданій снаружи массивными, правильно обтесанными и плотно пригнанными камнями, восьмиугольная форма зданій, пятиглавые купола (Бѣлая палата), скошенная форма стѣнъ съ уширеніемъ внизу, на подобіе египетской и персидской кладки. Эти архитектурныя особенности болгарскихъ зданій

общихъ чертахъ соотношеніе съ вавилонскими и древне-персидскими постройками. Отсюда ведутъ свое начало и высокіе столпы. Первыя свѣдѣнія о созданномъ руками человѣческими такомъ сооруженіи мы имѣемъ въ знаменитой вавилонской башнѣ. Она называлась „храмомъ неба и земли, сѣдалищемъ владыки боговъ Меродаха". Въ числѣ археологическихъ сокровищъ, найденныхъ въ половинѣ текущаго столѣтія на древней халдейской почвѣ, оказался подлинный документъ относительно постройки этого злополучнаго столпа, именно надпись Навуходоносора (за 600 л. до Р. Х.), подтверждающая всѣмъ извѣстное библейское сказаніе объ этомъ событіи. Надпись эта говоритъ: „Домъ семи лучей земли (т. е. посвященный семи планетамъ) построилъ древній царь, тому 42 вѣка (что ученые вычисляютъ за 3500 л. до Р. Х.), но не возвысилъ главу его, и со дня потопа оставили (тотъ домъ) люди въ смѣшеніи произнося словеса. Землетрясеніе и громъ разрушили глину внутреннихъ стѣнъ. Къ возстановленію его подвинулъ сердце мое владыка великій Меродахъ. Мѣсто его не перемѣнилъ я, не коснулся я камней основанія его. Въ благополучный день мѣсяца мира *глину стѣнъ* и *кирпичи облицовки* прорѣзалъ я арками, все возобновилъ и славу имени моего начерталъ на вѣнцѣ портиковъ".*)

Устройство ассирійскихъ башенъ было связано съ солярною религіею и съ астрономическими занятіями. Потому эти постройки пустили на востокѣ глубокіе корни. Онѣ составляютъ отличительный типъ восточной архитектуры, въ противуположность принципамъ эллинскаго зодчества, допускавшаго только низкія зданія съ плоскимъ перекрытіемъ и не признававшаго никакихъ выдающихся шпицевъ, или высокихъ башенъ. Тоже самое было и въ древней римской архитектурѣ. Высокія колонны тамъ ставились только въ значеніи почетныхъ монументовъ, какъ и египетскіе обелиски. Напротивъ того, въ Сиріи и Месопотаміи, равно какъ въ Индіи и Китаѣ, издревле любили строить зданія уходящія подъ небеса, и чѣмъ выше, тоньше и стройнѣе была такая постройка, тѣмъ болѣе она соотвѣтствовала восточному вкусу. Тоже самое было и у насъ на Руси. Склонность къ высокимъ постройкамъ, именно въ формѣ столповъ, замѣненныхъ потомъ высокими многоярусными колокольнями, составляетъ нашу народную привычку, очевидно вкоренившуюся съ давнихъ поръ. Такъ напр. въ Ипат-

чрезвычайно замѣчательны. Можетъ быть это единственные уцѣлѣвшіе представители доисторическаго славянскаго зодчества, положеннаго въ основу послѣдующаго византійскаго стиля.

*) Савельевъ, по переводу Опперта. Извѣст. Импер. Археологич. Общ. т. I Спб. 1859 г., стр. 206—207.

ской лѣтописи подъ 1288 г. сказано о князѣ Владимірѣ Васильковичѣ, что онъ основалъ городъ Берестій и Каменецъ и „созда въ немъ (Каменцѣ) *столпъ камень*, высотою 17 саженей, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань".*) Въ другомъ мѣстѣ говорится о такомъ же столпѣ въ городѣ Брестѣ: „Въ Берестіи же създа столпъ каменъ высотою яко и каменецкій.**) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ столпы ставились у крѣпостныхъ воротъ и предназначались для защиты города, въ родѣ башенъ, но чаще они, повидимому, служили главнымъ образомъ для украшенія. Эта склонность къ высокимъ колокольнямъ, башнямъ и шпицамъ до сихъ поръ присуща и любезна русскому вкусу, и выработалась она не подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, а по другимъ, болѣе давнимъ стимуламъ. Сюда-же можно отнести и привычку къ многоглавымъ соборамъ, къ многоярусным колокольнямъ, въ которыхъ особенно нравится русскому человѣку восьмигранная форма. Обыкновенно приписываютъ все это византійцамъ, какъ нашимъ духовнымъ просвѣтителямъ, но при такомъ объясненіи остается не совсѣмъ понятнымъ, почему у насъ явились столпы и многоярусныя колокольни, которыхъ не было въ византійскомъ зодчествѣ и почему византійскій стиль сразу пришелся такъ по сердцу русскому народу, какъ нѣчто родное и давно знакомое.

Византійскій архитектурный стиль считаютъ заимствованнымъ изъ Малой Азіи и обыкновенно его приписываютъ вліянію персовъ, или арабовъ. „Персія, говоритъ французскій археологъ *Дьеляфуа*, сдѣлалась разсадницею умственнаго образованія на мусульманскомъ востокѣ; изъ Ирана вышли всѣ лучшія интеллигентныя силы того времени. Первые арабскіе калифы призвали къ себѣ персидскихъ зодчихъ, украсившихъ Багдадъ и другіе центры арабской цивилизаціи величественными зданіями. Въ эпоху на-

*) Рисунокъ Каменецкаго столпа можно видѣть на 29 стр. сочиненія П. Н. *Батюшкова*, «Холмская Русь» (1887 г.). Изъ приложеннаго въ концѣ этой книги объясненія къ рисункамъ (стр. 39) видно, что Каменецкая постройка представляетъ собою круглую башню, 5 саж. въ діаметрѣ, при толщинѣ кирпичныхъ стѣнъ болѣе двухъ аршинъ. Размѣръ и форма кирпича не обозначены. Судя по рисунку и объясненіямъ Каменецкая башня, повидимому, существенно отличается отъ башни Бураны и отъ болгарскихъ столповъ тѣмъ, что она полая, а не компактная, и въ архитектурномъ отношеніи приближается къ европейскому типу средневѣковыхъ построекъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ зданія, сооруженнаго въ концѣ XII вѣка. Другое дѣло Болгарскіе столпы, древность которыхъ можетъ восходить до первыхъ вѣковъ нашей эры. Въ это время принципы строительной техники у болгаръ или сѣверовосточныхъ славянъ могли носить болѣе явственные слѣды древнѣйшихъ азіатскихъ образцовъ.

**) Лѣтопись по ипатскому списку, изд. археолог. коммиссіи. Спб. 1871 г., стр. 608 и 610.

шествія сарацинъ на Западную Европу туда же проникло и персидское архитектурное искусство". Дьеляфуа указалъ, между прочимъ, на поразительное сходство существующей понынѣ католической церкви въ Турнюсѣ, въ Бургундіи, съ персидскимъ храмомъ, построеннымъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сузы за 600 л. до Р. Х. Церковь въ Сен-фронѣ и соборъ въ Перигё, по словамъ Дьёляфуа, носятъ отпечатки древне-персидскаго стиля, такъ какъ они были выстроены по плану церкви св. Марка въ Венеціи, сооруженной потомками и учениками изгнанныхъ изъ Византіи персіянъ, поселившихся въ Равенскомъ экзархатѣ. Христіанство заимствовало у Персіанъ голобую мозаику и золотыя звѣзды".*) Въ приведенномъ мнѣніи представляются недостаточно ясными слѣдующія обстоятельства:

1) Почему византійскій стиль появился гораздо раньше начала арабской эпохи, именно съ IV вѣка, когда была выстроена Константиномъ Великимъ церковь св. апостоловъ. При Императорѣ Юстиніанѣ, т. е. съ VI вѣка, новое направленіе строительнаго искусства достигло уже полнаго, блестящаго развитія, слѣдовательно опять независимо отъ арабскаго вліянія (раньше арабовъ).

2) Почему восточно-римская Имперія, не смотря на несомнѣнное свое превосходство въ строительномъ искусствѣ и на вѣковыя привычки и преданія, выработанныя величайшими изъ образованныхъ народовъ—Римлянами и Греками, безъ всякаго, повидимому, повода бросаетъ старые свои образцы и обращается къ обветшалой и отживающей свой вѣкъ Персіи, дабы въ ея преданіяхъ почерпнуть новую жизнь и новое вдохновеніе.

3) Еще менѣе понятно, почему персидскій архитектурный вкусъ, усвоенный и разработанный въ Византійской Имперіи, съ такою быстротой и жадностью воспринимается въ сѣверной Италіи, Россіи и Германіи, и притомъ въ примѣненіи къ постройкѣ самыхъ священныхъ зданій-храмовъ Божіихъ. Этого теплаго чувства къ новымъ образцамъ нельзя объяснить сознательною оцѣнкою преимущества той или другой формы; не легко его также внушить путемъ подражанія болѣе образованнымъ народамъ,—это чувство должно быть прирожденное или вѣками унаслѣдованное отъ предковъ. Поэтому мнѣ кажется, что необычайный поворотъ въ направленіи византійскаго зодчества, замѣчаемый въ такъ называемомъ византійскомъ стилѣ,—эти высокіе купола на барабанахъ, стрѣльчатыя арки, совсѣмъ неизвѣстныя ни грекамъ, ни римлянамъ, совершенно новыя формы въ фасадахъ и планахъ, а тѣмъ болѣе въ орнаментахъ, носящихъ совершенно восточный характеръ,

*) Science pour tous 1887 г. Правит. Вѣстникъ того-же года № 122.

должны быть объяснены не случайнымъ заимствованіемъ отъ чужаго народа, а собственнымъ народнымъ вкусомъ, развившимся подъ вліяніемъ этнографическихъ помѣсей, совершившихся въ это время въ сѣверной и средней Европѣ и въ частности на Балканскомъ полуостровѣ.

Съ IV вѣка въ исторіи европейскихъ народовъ, какъ извѣстно, произошелъ существенный переворотъ, давшій начало новой эпохѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Выступившіе на историческую сцену новые народы, замѣстившіе собою древній классическій міръ, внесли новыя стихіи политической жизни, другіе нравы, другіе привычки и вкусы. Эта средневѣковая культура была подготовлена не на европейской почвѣ. Въ основѣ ея лежитъ доисторическая жизнь появившихся на сценѣ молодыхъ народностей, развивавшихся до того времени вдали отъ классическихъ образцевъ.

Нарушившее устойчивое равновѣсіе Европы, великое переселеніе народовъ вызвано было съ одной стороны старческимъ разложеніемъ Римской имперіи, съ другой—внѣшнимъ толчкомъ со стороны нахлынувшей съ сѣверо-востока новой народной волны (Гунновъ). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы событіе, преобразившее европейскій міръ, явилось скоротечно и случайно, какъ результатъ одного внѣшняго насилія. Сотни лѣтъ подготовлялось оно съ той и другой стороны, какъ органическій процессъ некробіоза. Римъ дряхлѣлъ и терялъ свои силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ юные народы вдали невѣдомыхъ странъ росли и укрѣплялись, чтобы замѣнить собою отживающій организмъ классическаго міра. Волны этихъ народностей (кельты, германцы и славяне) все тѣснѣе и тѣснѣе надвигаются на Европу. Сѣверная и центральная часть европейскаго материка была занята ими еще за долго до Р. Х., но равновѣсіе народныхъ стихій было нарушено только въ IV вѣкѣ, при посредствѣ Гунновъ.

Вопросъ о народности Гунновъ до сихъ поръ составляетъ загадку для историковъ и едвали онъ можетъ быть разрѣшенъ при помощи однихъ литературныхъ источниковъ, вообще недостаточныхъ, притомъ односторонніхъ и частію пристрастныхъ (Прискъ, Амміанъ Марцелинъ, Іорнандъ). Болѣе точные, разнообразные и положительные факты въ этомъ запутанномъ вопросѣ можетъ дать археологія, изучая вещественные памятники, оставленные этимъ народомъ на мѣстѣ его прежняго жительства. Факты этого рода, насколько они выясняются въ настоящее время, заставляютъ думать, что въ процессѣ великаго переселенія народовъ сѣверо-восточная Азія играла роль питомника, гдѣ нарождались и размножались молодыя народности, откуда они, волна за волной, прите-

кали въ Европу. По археологическимъ памятникамъ можно видѣть, что колыбель средневѣковой культуры была въ восточной Россіи и Сибири. Здѣсь оставили свои начальные слѣды кельты, германцы и славяне, отсюда они двинулись въ Европу, частію по сибирскимъ и сѣвернымъ русскимъ рѣкамъ (къ Балтійскому морю и въ Скандинавію), частію по степямъ южной сибирской и русской полосы (къ Черному морю и Дунаю). Въ тѣхъ-же сѣверовосточныхъ областяхъ исторія и археологія указываютъ на мѣста жительства Гунновъ, народность которыхъ, по всѣмъ признакамъ, была одинакова съ Болгарами.*)

Такимъ образомъ средневѣковая культура, ведущая свое начало съ эпохи переселенія народовъ, должна имѣть прямую связь съ древностями, находимыми нынѣ въ восточной полосѣ Россіи. Въ томъ числѣ и появившіеся въ это время новые архитектурные типы естественнѣе всего объяснить не арабскимъ или персидскимъ вліяніемъ, а прежними азіатскими привычками выступившихъ на историческую сцену новыхъ народностей, въ числѣ которыхъ въ началѣ среднихъ вѣковъ славянскіе элементы, повидимому, занимали первенствующее мѣсто.

Извѣстный цѣнитель русской старины *Віолле-ле-Дюкъ*,**) анализируя элементы византійскаго искусства, приходитъ къ тому заключенію, что оно имѣетъ общіе источники съ искусствомъ славянскимъ. „Съ перваго взгляда, прибавляетъ авторъ, это можетъ показаться парадоксомъ; но изслѣдованіе памятниковъ не должно оставлять въ этомъ никакого сомнѣнія. И эти источники кроются въ срединѣ азіатскаго материка“ (стр. 31).

Выступивъ въ IV—V в. на европейское политическое поприще, славяне вошли въ самыя близкія сношенія съ византійцами. Съ этого времени они начинаютъ выдвигаться въ Византіи все болѣе и болѣе. Они оказываются преобладающими въ войскахъ и во всѣхъ частяхъ управленія. Вліяніе ихъ настолько велико, что въ половинѣ V вѣка славянинъ Оногостъ, сынъ Унѣславы, дѣлается

*) Вопросъ о народности Гунновъ былъ всего болѣе затемненъ описаніемъ Амміана Марцелина, принявшаго за типъ гуннскаго народа киргизовъ или башкиръ, вѣроятно находившихся въ числѣ вспомогательнаго войска гуннскихъ вождей. Сомнѣваться въ вѣрности этого описанія нельзя: оно слишкомъ наглядно и точно; но ошибка здѣсь заключается въ томъ, что киргизамъ или башкирамъ приписано не соотвѣтствующее имъ имя гунновъ, какъ главныхъ виновниковъ европейскаго переворота. Въ этомъ отношеніи описаніе Приска гораздо вѣрнѣе. По его свидѣтельству, гунны рисуются какъ народъ съ значительными культурными задатками, каковымъ онъ и долженъ быть, судя по политическимъ дѣяніямъ Аттиллы.

**) См. его сочиненіе: «Русское искусство, его источники и составные элементы». Переводъ Султанова. Москва 1879 г.

начальникомъ всей Ѳракіи и защищаетъ имперію отъ гунновъ, Въ первой половинѣ VI вѣка славяне являются уже на престолѣ Кесарей. Императоръ Юстинъ, пришедшій въ Византію пѣшкомъ изъ Ведряны (деревня въ Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія), изъ простыхъ земледѣльцевъ дѣлается повелителемъ Восточной имперіи. Достигши почестей, онъ не гнушается своего происхожденія и родства, выписываетъ къ себѣ жену свою, прозвищемъ Лупкиню, племянницу Бѣгленицу и сестру Бѣгленицу-же мать знаменитаго Управды, переименованнаго потомъ Юстиніаномъ. Сдѣлавшись преемникомъ дяди своего Юстина, Юстиніанъ является знаменитѣйшимъ изъ императоровъ восточнаго Рима. Творя великія дѣла, какъ воинъ и законодатель, онъ по достоинству цѣнитъ качества своего роднаго племени, отдавая ему преимущество передъ измѣльчавшими кровными византійцами. Первый полководецъ его, Велизарій (по славянски Величаръ), былъ родомъ изъ той-же Дарданіи, откуда происходилъ и императорскій домъ. Конницу Велизарія во время италійскаго похода составляли гунны, славяне и анты. Равнымъ образомъ, въ персидскихъ походахъ конными отрядами начальствовали славяне—Доброгостъ и Всегордъ; Доброгостъ былъ изъ племени антовъ, жившаго на сѣверѣ отъ Чернаго моря и по Дунаю. Изъ этого-же племени былъ у Юстиніана приближенный человѣкъ, по имени Хвалибудъ, котораго онъ сдѣлалъ воеводою Ѳракіи.

Такимъ образомъ, въ VI вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ славянинъ, окруженный славянами; византійскіе войска состояли изъ весьма большаго числа славянъ и наиболѣе знаменитые вожди ихъ происходили изъ того-же племени. На Балканскомъ полуостровѣ было значительное славянское населеніе, которое, чѣмъ ближе къ Дунаю, тѣмъ становилось сплошнѣе и гуще. И это населеніе было не новое, пришлое, а давно осѣвшее. О немъ упоминаетъ еще Овидій, изучавшій этихъ варваровъ, какъ старинныхъ туземцевъ, во времена своего невольнаго пребыванія въ городѣ Томахъ, на Дунаѣ. По сѣверному берегу Дуная и Чернаго моря, вплоть до Уральскихъ горъ, а можетъ быть и далѣе на востокъ, жили скиѳскія племена, среди которыхъ преобладающій элементъ составляли также славяне. Части этого многочисленнаго народа, расположившагося съ незапамятныхъ временъ на обширномъ пространствѣ восточныхъ и южно-русскихъ степей, должны были имѣть между собою болѣе или менѣе близкую связь, поддерживаемую однородностью господствующаго племени. Существовавшія сношенія между дунайскими, волжскими и сибирскими скиѳами-славянами представляли то связующее звено

между культурою азіатскаго востока и европейскаго запада, посредствомъ котораго восточныя идеи проникали въ Византію.

Первымъ храмомъ, построеннымъ въ новомъ (византійскомъ) стилѣ считаютъ церковь Св. Апостоловъ, сооруженную Константиномъ Великимъ въ 329 году, но потомъ заново перестроенную *Юстиніаномъ* въ 556 году (Гагаринъ, происхожденіе пятиглавыхъ церквей, Спб. 1881 г.). Прокопій, современникъ Юстиніана, описывая эту новую постройку, замѣчаетъ: „сооруженіе это такъ воздушно, что не вѣрится въ его прочность, хотя въ дѣйствительности оно очень прочно“. Это замѣчаніе прямо показываетъ, что типъ Юстиніановой постройки былъ для византійцевъ новостью. Дѣйствительно, римлянамъ и грекамъ, не привыкшимъ къ такимъ зданіямъ, могло показаться, что высокіе купола, утвержденные на аркахъ, не могутъ представлять достаточной устойчивости. Церковь эта была пятиглавая, въ планѣ имѣла форму креста, въ центрѣ пересеченія его вѣтвей (по срединѣ церкви) подъ главнымъ куполомъ былъ помѣщенъ алтарь. Тѣмъ-же императоромъ Юстиніаномъ былъ построенъ знаменитый храмъ св. Софіи, или премудрости Божіей. Здѣсь византійскій стиль выраженъ въ самомъ блестящемъ развитіи. Строили его архитекторы Артемій Тральскій и Исидоръ Милетскій, но по народному преданію они были только исполнителями повелѣній самаго императора, которому видѣніемъ свыше были указаны всѣ формы зданія и средства для его постройки. Въ этомъ преданіи, можетъ быть, сказывается настоящій славянскій источникъ мотивовъ новаго архитектурнаго стиля. Дѣйствительно, самъ императоръ былъ почти неотлучно при работахъ, лично награждалъ болѣе прилежныхъ рабочихъ и руководилъ всѣми постройками. Постройка св. Софіи началась въ 532 г. и окончена въ 537. Третьимъ знаменитымъ сооруженіемъ императора Юстиніана была церковь св. Виталія въ Равеннѣ. Она была построена въ память св. Виталія, патрона этого города, послѣ изгнанія Готовъ изъ Италіи (около 547 г.). Форма ея плана восьмиугольная, съ пилонами, на которыхъ перекинуты полукруглыя арки. По образцу этой церкви былъ построенъ въ VIII вѣкѣ Карломъ Великимъ Ахенскій соборъ. Основа его архитектурнаго стиля византійская. Сюда-же можно отнести церковь св. Марка въ Венеціи (въ концѣ X в.) и перечисленныя г. Дьёляфуа (см. выше) церкви во Франціи, сходныя, по его мнѣнію, съ персидскими зданіями. Въ Германіи и Франціи, восточныя принципы, легшія въ основу византійскаго стиля, вскорѣ были переработаны, сообразно съ націо-

нальнымъ вкусомъ, въ особый—готическій стиль.*) Одна Россія осталась вѣрна византійскому искусству; оно ближе и понятнѣе для ея народнаго сердца, какъ родное наслѣдство по прямой линіи, созданное славянскимъ народнымъ духомъ и возвеличенное геніемъ византійскаго императора славянина.

Противъ высказанной нами мысли, естественно, явится слѣдующее возраженіе: имѣли-ли сами славяне тотъ культурный запасъ національныхъ мотивовъ и полезныхъ изобрѣтеній, которымъ они могли-бы подѣлиться съ такою образованною страною, какъ Восточная Римская имперія? Слѣдуя установленному мнѣнію, привыкли думать, что древняя скиѳія представляла варварскую страну, населенную кочевыми народностями, не имѣвшими историческихъ запасовъ цивилизованной жизни. Ошибочность такого мнѣнія едвали нуждается въ подробныхъ доказательствахъ. Археологическія изслѣдованія показываютъ, что не только Болгарское царство, имѣвшее болѣе близкія сношенія съ образованными странами, но и все остальное пространство нынѣшней Россіи, можно сказать, усѣяно памятниками, подтверждающими болѣе или менѣе развитую культурную жизнь. А своеобразный складъ славянской жизни, славянскихъ вкусовъ, привычекъ и преданій, имѣющихъ такъ мало общаго съ Западною Европою, развѣ не указываютъ на богатое наслѣдство отъ древнѣйшихъ временъ, выработанное славянскимъ геніемъ и свято сохраняемое до сего времени. Что касается до вещественныхъ памятниковъ древняго славянскаго искусства и зодчества, то и они постепенно начинаютъ открываться, по мѣрѣ того, какъ ученые изслѣдователи, отбросивъ искусственно привитой намъ предразсудокъ пренебреженія къ своему прошлому, стали смотрѣть на этотъ вопросъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ (см. примѣч. 30, о кирпичѣ).

Становясь на вышеуказанную точку зрѣнія, мы не считаемъ невозможнымъ разсматривать болгарскія зданія какъ архитектурные памятники славянскіе. Само собою разумѣется, что даже одно такое предположеніе въ высокой степени усугубляетъ ихъ цѣну и обязываетъ относиться къ нимъ съ наибольшимъ вниманіемъ. По этой причинѣ мы позволяемъ себѣ еще разъ остановиться, если не на всѣхъ болгарскихъ постройкахъ, то по крайней мѣрѣ на одной изъ нихъ, нынѣ уже несуществующей, но имѣвшей, повидимому, ближайшее отношеніе къ типу византійскаго зодчества. Мы говоримъ о такъ называемой *Бѣлой палатѣ*.

Первое описаніе Бѣлой палаты, какъ и всѣхъ болгарскихъ памятниковъ, относится къ 1712 году. Въ описи этого года она

*) Первый готическій храмъ былъ выстроенъ въ Парижѣ, во имя св. Діонисія, въ 1137—1144 г. Rieger, Slovnik naucny. Прага 1863 г. стр. 465.

изображается такъ: „Палата крестообразная, мѣрою пять саженъ; въ той палатѣ въ глубину 8 ходовъ, выкладены камнемъ, а сколь тѣ ходы глубоки и какое тамъ (въ подвалѣ) строеніе, того за утѣсненіемъ проходовъ усмотрѣть невозможно. Въ той-же палатѣ въ стѣнахъ 4 окна круглыхъ, да сверху свода окно круглое-жъ. Да въ углахъ той палаты 4 палаты, мѣрою длины и ширины по сажени съ аршиномъ, въ томъ числѣ въ дву палатахъ въ глубину ходъ, да во всѣхъ тѣхъ палатахъ вверху сводовъ по одному окну круглыхъ. Да съ дву сторонъ большой палаты двѣ палаты ветхихъ, длиною по три сажени съ аршиномъ, шириною по сажени съ аршиномъ; у той-же палаты въ сторонахъ двѣ палаты ветхи и своды обвалились; палата четырехугольная мѣрою длины и ширины по три сажени съ полуаршиномъ, входъ въ одни двери, въ ней два окна четвероугольныя, да вверху свода окно большое круглое“.

Болѣе подробное описаніе находится у Палласа (1768 г.). Онъ называетъ Бѣлую Палату знатнымъ, нарочито крѣпкимъ строеніемъ, архитектура котораго достойна особеннаго примѣчанія. Вотъ ея описаніе: „сѣверная, узкая часть или сѣни, на сдѣланномъ изъ известковыхъ плитъ фундаментѣ, складены изъ большихъ татарскихъ кирпичей, и изъ нихъ же и верхушки всего строенія сдѣланы. Въ оныя сѣни ходъ съ восточной стороны, и въ боковыхъ стѣнахъ много окошечекъ. Помянутыя сѣни раздѣляетъ поперечная стѣна на четырехугольную переднюю и на другую продолговатую комнату. Изъ сей послѣдней входятъ въ главное строеніе, въ которое кромѣ сего нѣтъ никакого другаго хода. Все строеніе (не считая передъ симъ описанной сѣверной части), выключая верхушки, складено изъ отесаныхъ камней, которые длиною почти въ аршинъ, шириною болѣе полуаршина, а толщиною въ пядень. Самое большое мѣсто раздѣлено простирающимися отъ складеннаго изъ толстыхъ плитъ фундамента до самаго свода стѣнами на четыре особливыя угольныя комнаты, между которыми находится ходъ накрестъ. Въ сей ходъ проходитъ свѣтъ сквозь большой сводомъ сдѣланный куполъ, въ срединѣ котораго есть осьмиугольное отверстіе, и еще на каждой сторонѣ по малому окошку. Около сего большаго купола стоятъ такіе же четыре малые надъ угольными комнатами; у каждаго изъ нихъ находится въ срединѣ осьмиугольное отверстіе, посредствомъ котораго проходитъ свѣтъ въ комнаты. Внутри оныхъ (комнатъ?) сдѣланы круглопродолговатыя лунки съ фигурами штукатурной работы, такія же видны и въ большомъ среднемъ куполѣ. Угольныя комнаты точно четвероугольны, а особливаго вниманія достойно то, что двери

въ оныя сдѣланы не въ боковыхъ стѣнахъ, но въ томъ самомъ углу, который выдался въ среднемъ ходу. Къ южному концу сего главнаго строенія придѣланы три комнаты, изъ коихъ въ восточную и самую малую нѣтъ никакого входа или отверстія, кромѣ пролома въ юго-восточную угольную комнату средняго зала. Въ среднюю ходятъ въ двери изъ сдѣланныхъ на крестъ переходовъ онаго зала; а западная комната, у которой задняя стѣна выдалась на сажень отъ главнаго строенія, не имѣетъ съ другими сообщенія, и есть въ оную особливый снаружи ходъ такой же, какой сдѣланъ у находящейся въ Касимовѣ мечети при ханскомъ кладбищѣ. Подъ всѣмъ главнымъ строеніемъ простирается погребъ со сводами, подъ южною стѣною котораго сдѣланъ былъ, такъ какъ и въ Касимовѣ, ходъ въ землю. Но въ срединѣ подъ южною побочною комнатою сводъ обвалился и ходъ засыпанъ, такъ что я не могъ туда пройти и доволенъ былъ тѣмъ, что по находящемуся тамъ согнившему деревянному обрубу, гдѣ можетъ быть ставили тѣла усопшихъ, могъ я заключить, что оное мѣсто служило кладбищемъ“.*)

Свиньинъ о Бѣлой Палатѣ говоритъ слѣдующее: „Еще замѣчательнѣе для любителя древности развалины огромнаго зданія, отсюда (отъ Черной Палаты) во ста саженяхъ къ полудню, называемаго жителями Бѣлою Палатой. Оно около 12 саженъ въ длину**) и 3 въ вышину, подъ куполомъ, и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя болѣе другихъ потерпѣли отъ времени съ тѣхъ поръ, какъ видѣли его наши академики. Кирпичная постройка, бывшая съ сѣверной стороны и заключавшая двѣ переднія комнаты, или сѣни, совершенно разрушилась; нынѣ остаются только два отдѣльные столба или полуарки. Правильность угловъ и гладкость стѣнъ изъ тесоваго камня, замѣнилась неровностями и заросла терновникомъ. Отъ южной постройки остался одинъ фундаментъ; стѣна съ сей стороны обрушилась и образовала проломъ, чрезъ который внутренность развалинъ представляется весьма живописно, такъ что сей пунктъ можно почитать лучшимъ для изображенія болгарскихъ развалинъ. При входѣ во внутренность главнаго зданія еще можно получить понятіе о первоначальномъ расположеніи онаго, но чрезвычайно трудно опредѣлить для какой цѣли воздвигнуто было сіе зданіе?... Внутренность храмины устроена правильнымъ *крестомъ*, образовавшимся въ большомъ квад-

*) *Палласъ*, Путешествіе, ч. 1, изд. 1809 г. стр. 190.

**) *Примѣчаніе Свиньина:* «Во время путешествія академика Н. Я. Озерецковскаго она (Бѣлая Палата) была длиною 30, и шириною 7 саженъ». У Палласа длина Палаты показана 17 саж. Это измѣреніе надо считать наиболѣе вѣрнымъ.

ратѣ изъ четвероугольныхъ отдѣленій по всѣмъ угламъ. Надъ срединою креста, составляющею самую большую залу, возвышается огромный куполъ, имѣющій въ срединѣ осьмиугольное отверстіе и два окошка по бокамъ; равно и каждое изъ угловыхъ отдѣленій покрыто было особымъ круглымъ сводомъ или куполомъ съ окошечкомъ на верху. Входъ въ зданіе съ сѣверной стороны чрезъ узкую дверь, находящуюся по срединѣ креста (?), четвероугольныя же отдѣленія сообщаются посредствомъ отверстій (дверей), сдѣланныхъ въ капитальной стѣнѣ, во внутреннихъ углахъ оной".*) Въ томъ-же видѣ Бѣлая палата представлена и въ атласѣ Шмидта. Въ его время отъ сѣверной кирпичной пристройки оставалось только два столба, центральная часть имѣла еще своды, а отъ южной пристройки оставались полуобвалившіяся стѣны. Протяженіе центральной и южной части, по приложенному масштабу, показано въ 11 саженъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ плану Палласа.

Относительно сѣверной пристройки высказывалось мнѣніе, что она была выстроена позднѣе центральной и южной части. Основаніемъ къ такому мнѣнію служило то обстоятельство, что сѣверная часть сложена изъ кирпича, а остальныя части были облицованы тесанымъ камнемъ, какъ большая часть прочихъ болгарскихъ зданій. Не отрицая этого предположенія, мы должны, однако-же, замѣтить, что употребленіе кирпича не есть еще признакъ позднѣйшей эпохи. Этотъ строительный матеріалъ встрѣчается и на другихъ болгарскихъ постройкахъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя находились подъ горою, на берегу старой Камы, глубокая древность которыхъ едвали подлежитъ сомнѣнію. Далѣе, мы знаемъ, что въ древней византійской архитектурѣ (IV—VI в.) восточный кирпичъ часто употреблялся одновременно съ каменною кладкою на одномъ и томъ-же зданіи. Тотъ-же принципъ иногда примѣнялся и въ древней русской архитектурѣ. По отношенію къ Бѣлой палатѣ одновременность кирпичной и каменной кладки можно подтвердить слѣдующими признаками: 1) Въ центральной и южной части верхъ постройки и своды сдѣланы были не изъ камня, а изъ кирпича. 2) Сводъ сѣверной части былъ устроенъ по той-же системѣ, какъ и въ прочихъ помѣщеніяхъ, съ окномъ вверху свода (см. описаніе 1712 года). 3) На рисункѣ Палласа наружныя двери сѣверной пристройки, съ полукруглою аркою, облицованы тесанымъ камнемъ, а окна имѣютъ стрѣльчатую арку, что вполнѣ соотвѣтствуетъ типу прочихъ болгарскихъ построекъ. Эти признаки приводятъ къ мысли, что едвали можно предпола-

*) Свиньинъ, Картины Россіи, Спб. 1839 г. стр. 199.

гать большую хронологическую разницу во времени постройки отдѣльныхъ частей описываемаго зданія. Я болѣе склоненъ объяснить кирпичный стиль сѣвернаго отдѣленія и большую плоскость его сводовъ тѣмъ, что это помѣщеніе предназначалось, какъ притворъ, для другихъ цѣлей, чѣмъ остальныя части зданія.

Изъ вышеприведенныхъ описаній видно, что Бѣлая палата имѣла подпольный этажъ, въ который былъ ходъ изнутри. Подробнаго описанія этого этажа мы не имѣли до текущаго года, когда были опубликованы изслѣдованія г. Казаринова, напечатанныя во второмъ выпускѣ VI тома Извѣстій Казанскаго археологическаго общества. Изъ этого сообщенія оказывается, что подполье было устроено только подъ центральной (кресчатой) частію зданія и назначалось не для чего другаго, какъ для *пневматическаго отопленія*. Для этой цѣли въ стѣнахъ была устроена цѣлая система жаровыхъ каналовъ для проведенія нагрѣтаго воздуха. Въ подпольѣ открыта и развалившаяся обширная печь въ $2^3/_4$ арш. въ діаметрѣ и $1^1/_2$ арш. въ вышину. Къ сожалѣнію, нельзя было опредѣлить въ подробностяхъ конструкцію этой печи и направленіе дымовыхъ ходовъ, такъ какъ стѣны зданія выше уровня земли нынѣ совершенно уничтожены. Описываемое г. Казариновымъ отопленіе не было исключительною особенностію Бѣлой палаты. „Подобные подпольные ходы и трубы, говоритъ авторъ, мнѣ встрѣчались и при другихъ раскопкахъ въ Болгарахъ, напр. на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ, существовали „Ханскія палаты“. Здѣсь также оказались подземные каналы, расходящіеся въ разныя стороны, и глиняныя трубы, заложенныя въ стѣнахъ, гдѣ горизонтально, гдѣ вертикально“. Тоже найдено и въ развалинахъ Билярска. Крестьяне, разбиравшіе груды строительнаго мусора въ Билярскомъ городищѣ, находили въ остаткахъ старыхъ стѣнъ много подобныхъ ходовъ и вставленныхъ въ стѣнахъ по разнымъ направленіямъ трубъ (Казар., стр. 32). По словамъ нѣкоторыхъ крестьянъ, здѣсь-же оказывались и слѣды печей. „Открываемыя печи походили на наши русскія, но, по всѣмъ отзывамъ, были гораздо болѣе нашихъ: да еще удивляло крестьянъ то, что отъ нихъ (печей) расходились трубы по разнымъ направленіямъ“. (Изв. общ. арх. ист. и этн. Каз. унив. т. III, 1880—1882 г., стр. 106).

Подобный способъ отопленія существовалъ у римлянъ, въ примѣненіи къ банямъ. Такъ напр. въ помпейскихъ термахъ устраивалось особое отдѣленіе—нагрѣвальня (hypocaustum), съ топкою внизу, изъ которой горячій воздухъ распространялся подъ полы банныхъ комнатъ, утвержденные на столбахъ вышиною въ два фута, и посредствамъ трубъ проводился вверхъ прямо въ

бани. Въ частныхъ помпейскихъ домахъ не найдено ни печей, ни дымовыхъ трубъ (исключая пекарни): въ тепломъ климатѣ жилыя помѣщенія нагрѣвались солнцемъ, а въ болѣе холодное время переносными печками, нагрѣваемыми древеснымъ углемъ. Въ средней и сѣверной Италіи, во времена имперіи, стали строить печи той-же системы, какъ и въ баняхъ, т. е. подъ поломъ, откуда нагрѣтый воздухъ проводился посредствомъ трубъ подъ полы и въ стѣны (Велишскій, бытъ грековъ и римлянъ, стр. 65 и 130). Такимъ образомъ болгарская система отопленія публичныхъ зданій, повидимому, напоминаетъ римскую. На этомъ предположеніи я позволяю себѣ остановиться еще болѣе потому, что осматривая помпейскія пекарныя печи въ 1862 году, я нашелъ въ нихъ большое сходство съ нашей русской печью. Тоже самое чело съ полукруглою аркою и шесткомъ, та-же дымовая труба, идущая вертикально кверху *спереди чела*, тотъ-же подшестокъ, въ видѣ второй полукруглой арки ниже шестка, куда у насъ кладутъ ухваты и другія печныя орудія. Я помню, меня съ перваго раза поразило такое близкое сходство древнеримской печи съ настоящею русскою, и теперь думаю, что это совпаденіе едвали случайное. Если кухонная печь такъ долго сохранила у насъ свой первоначальный типъ, то почему не допустить, что и болѣе сложная система центральнаго (подвальнаго пневматическаго) отопленія могла сохраниться у Болгаръ съ незапамятныхъ временъ, какъ общая съ римскою системою. Въ сѣверныхъ холодныхъ странахъ печное искусство должно цѣниться выше, и успѣхи, достигнутые въ этомъ отношеніи должны быть устойчивѣе, чѣмъ въ жаркихъ странахъ, гдѣ въ жизни народа печь играетъ второстепенную роль. Поэтому примѣненіе сложной системы центральнаго отопленія жилыхъ помѣщеній едвали могло быть занесено въ Камскую Болгарію изъ южныхъ азіатскихъ областей. У турокъ такая система могла найти примѣненіе въ баняхъ, которыя не были ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, а были заимствованы со всею обстановкою отъ византійцевъ, какъ достояніе классическаго міра.

Типъ кладки Бѣлой палаты не былъ опредѣленъ ни однимъ изъ видѣвшихъ ее писателей. Объ этомъ можно судить теперь только по дагадкамъ. Принимая, однакоже, во вниманіе черты этого зданія, сохраненныя въ описаніяхъ и рисункахъ, можно думать, что стѣны его были возведены по тому-же способу, какой мы видимъ на сохранившихся болгарскихъ постройкахъ, т. е. толща стѣны была сложена изъ неправильныхъ камней, втиснутыхъ въ массу цемента, а снаружи была правильная облицовка изъ массивныхъ тесаныхъ камней. Это мы видимъ на рисункахъ

Палласа и въ его сочиненіи. На рисункахъ Шмидта облицовки стѣнъ уже не существуетъ, но остается находившійся подъ нею массивъ стѣнъ, подтверждающій, что онѣ были сложены не изъ сплошнаго тесаннаго камня.*) Слѣдовательно, рисунокъ Палласа относится къ рисунку Шмидта также, какъ нынѣ существующая башня четырехугольника, съ сохранившеюся облицовкою, къ башнѣ съ ободраннымъ наружнымъ покровомъ. Всего любопытнѣе были-бы подробности кирпичной кладки, но, къ сожалѣнію, объ этомъ въ настоящее время нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ въ прежнихъ описаніяхъ объ этомъ не упоминается, а въ существующихъ зданіяхъ не сохранилось къ тому никакой аналогіи.**)

По внѣшнимъ архитектурнымъ признакамъ Бѣлая палата представляетъ собою общій типъ съ прочими болгарскими постройками. Онъ выражается въ слѣдующемъ: 1) облицовка стѣнъ тесанымъ камнемъ, 2) купольная форма покрытія всѣхъ помѣщеній, 3) существованіе въ центрѣ купола окна для верхняго освѣщенія (Черная палата), 4) существованіе подвальнаго этажа (Черная палата), 5) стрѣльчатая форма оконныхъ арокъ, 6) полуциркульная форма дверныхъ арокъ, 7) облицовка оконъ и дверей (косяковъ) массивнымъ тесанымъ камнемъ.

На рисункѣ Шмидта Бѣлая палата представлена, между прочимъ, въ разрѣзѣ по центральной части. Здѣсь мы видимъ правильную сферическую форму, главнаго купола, сложеннаго, по описанію Палласа, изъ кирпичей. Здѣсь-же показана весьма стройная, полуциркульная, обширная арка, отдѣлявшая центральную

---

*) Тоже самое доказываютъ и груды известковаго мусора отъ развалившихся стѣнъ Палаты. Каменная облицовка клалась безъ цемента, на сухо.

**) Благодаря любезности профессора Казанскаго Университета Н. А. *Толмачева* мнѣ удалось получить размѣры кирпича Бѣлой Палаты, взятаго 17 іюля 1887 г. во время производившихся раскопокъ подвальнаго (подземнаго) этажа этого зданія. Кирпичь оказывается двухъ сортовъ: квадратный, имѣющій длину и ширину 23 сант. а толщину 4—4½ сант. и продолговатый длиною 29 сант. шир. 15, при толщинѣ отъ 7½ до 9½ сант. Размѣръ перваго типа близко подходитъ къ размѣрамъ квадратнаго кирпича, находимаго во всѣхъ развалинахъ Поволжья и въ Семирѣченской области (см. прим. о кирпичѣ), а продолговатый кирпичь по типу соотвѣтствуетъ древнему Иссыкъ-Кульскому (ширина приблизительно равняется половинѣ длины), но вдвое толще послѣдняго. Какъ въ Болгарахъ, такъ и на Иссыкъ-Кулѣ встрѣчается одновременно квадратный и продолговатый кирпичъ. Вмѣстѣ со свѣдѣніями о кирпичѣ Бѣлой палаты, проф. Толмачевъ прислалъ мнѣ размѣры квадратнаго кирпича изъ Городища *Увекъ*, близь Саратова, взятые съ трехъ экземпляровъ его собственной коллекціи. Размѣры эти слѣдующіе: длина 21, 22 и 25½ сант., ширина тоже 21, 22 и 25½ сант., толщина 5, 4½ и 4 сант. Мы уже имѣли случай указать, что какъ квадратный, такъ и продолговатый кирпичь подобныхъ размѣровъ встрѣчается также въ римскихъ и древне-германскихъ постройкахъ (см. табл. прим. 30), слѣдов. мнѣніе о татарскомъ его происхожденіи слѣдуетъ считать по меньшей мѣрѣ не доказаннымъ.

часть креста отъ четырехъ вѣтвей его. Эти четыре арки, вмѣстѣ съ выступами стѣнъ угловыхъ комнатъ, изображавшими родъ пилоновъ, поддерживавшихъ обширный куполъ, должны были представлять очень стройный и красивый видъ. При такомъ устройствѣ центральная часть зданія напоминаетъ средину покрытаго куполомъ христіанскаго храма. Кромѣ центральнаго купола, надъ четырьмя угловыми комнатами также находились четыре сферическихъ купола меньшихъ размѣровъ, что въ общемъ придавало верхней части постройки форму нашихъ пятиглавыхъ церквей. Этотъ внѣшній намекъ заставляетъ насъ внимательнѣе отнестись къ конструктивной формѣ Бѣлой палаты и, въ частности, разсмотрѣть значеніе крестообразной формы внутренняго ея помѣщенія и характеръ ея куполовъ.

Изъ плана Бѣлой палаты видно, что средняя ея часть представляетъ правильный четырехугольникъ, раздѣленный внутри восьмью стѣнками, идущими отъ наружныхъ стѣнъ подъ прямымъ угломъ, по двѣ отъ каждаго угла, къ центру помѣщенія. По угламъ эти стѣнки образуютъ четыре замкнутыхъ комнатки, имѣющихъ дверь въ самомъ внутреннемъ углѣ сходящихся стѣнокъ, а свободное пространство вдоль и поперекъ палаты получаетъ форму равноконечнаго креста. Средина этого кресчатаго пространства покрыта центральнымъ куполомъ, а вѣтви его отдѣляются вверху высокими полукруглыми арками, на которыхъ покоится центральный куполъ. Эта кресчатая форма внутренняго расположенія Бѣлой палаты придаетъ ей сходство съ древнѣйшими христіанскими храмами.

Извѣстно, что въ первые вѣка христіанства церкви строились круглыя, восьмигранныя и въ формѣ креста, съ куполами, выведенными съ парусовъ, или прямо со стѣнъ. Кресчатая форма нерѣдко повторялась и въ позднѣйшее время, какъ наиболѣе соотвѣтствующая священному символу христіанства. Купольное покрытіе составляло неотъемлемую принадлежность храма, но форма купола развивалась постепенно. Въ древнѣйшихъ византійскихъ церквахъ онъ имѣлъ видъ шароваго сегмента, въ нижней части котораго прорѣзывались небольшія окна для верхняго освѣщенія (св. Софія въ Константинополѣ). Затѣмъ куполъ становится выше, изъ сегмента превращается въ полушаръ; окна находящіяся въ нижней его части, дѣлаются больше. Такимъ образомъ вытянутый куполъ съ окнами представляетъ зачатки барабана (церковь св. Виталія въ Равеннѣ). При дальнѣйшемъ развитіи, круглый или многогранный барабанъ совсѣмъ отдѣляется отъ купольнаго свода,

какъ особая составная часть постройки, и куполъ помѣщается на немъ. Эта форма существуетъ до сихъ поръ.

Въ сохранившихся византійскихъ церквахъ кресчатой формы купольное покрытіе производилось такимъ образомъ. Два нефа равной высоты пересѣкаются между собою, образуя въ планѣ равноконечный крестъ. Надъ пересѣченіемъ поднимается главный куполъ, опирающійся на пилоны, помѣщенные по угламъ квадрата. Каждый конецъ креста также покрытъ подобнымъ-же куполомъ, выведеннымъ на парусахъ. Такимъ оброзомъ получался пятиглавый храмъ. Въ иныхъ случаяхъ концы креста покрывались цилиндрическими сводами. Съ входной стороны храма всегда примыкала паперть, въ видѣ широкой поперечной крытой галлереи, или притвора. Типъ возведенія центральнаго купола на пилонахъ, равно какъ и форма барабана принадлежитъ ко второму періоду византійскаго церковнаго зодчества, именно къ VI—X вѣку.

Примѣняя Бѣлую палату къ памятникамъ древняго византійскаго зодчества, можно усмотрѣть между ними слѣдующія сходныя черты: 1) Крестообразное расположеніе внутренняго помѣщенія, напоминающее христіанскій храмъ первыхъ вѣковъ. 2) Пять куполовъ, изъ нихъ средній возвышается надъ остальными, уподобляютъ Бѣлую палату пятиглавымъ соборамъ. 3) Существующія въ главномъ куполѣ боковыя окна и освѣщеніе изъ центра всѣхъ куполовъ напоминаютъ зачатокъ церковнаго барабана и принципъ верхняго освѣщенія, существовавшій въ древнихъ храмахъ. 4) Четыре угловыя комнатки Бѣлой палаты образовались вслѣдствіе конструктивной задачи придать внутренности храма кресчатую форму. Вмѣстѣ съ тѣмъ внутренніе углы образующихъ ихъ стѣнъ служили вмѣсто пилоновъ для поддержанія центральнаго купола. Такой строительный пріемъ указываетъ на древнѣйшую форму постройки, когда еще не знали пилоновъ. Впрочемъ, по такому именно плану устраивались церкви и въ болѣе позднее время. Такъ напр. въ атласѣ Султанова изображенъ планъ церкви св. Рипсимы, въ Арменіи, въ которой главный куполъ помѣщается на выступахъ стѣнъ.*) Вслѣдствіе этихъ выступовъ церковь, снаружи имѣющая форму четырехугольника, внутри получаетъ форму креста, а по угламъ образуются четыре отдѣльныхъ комнатки, скрытыя отъ глазъ зрителей. Изъ сравненія этого плана съ планомъ Бѣлой палаты видно, что типъ той и другой постройки совершенно одинаковъ, съ тою лишь разницею, что армянская церковь, какъ позднѣйшая, представляетъ болѣе совершенную архитектур-

*) *Султановъ*, Исторія зодчества у народовъ древняго и новаго міра. Спб. 1883. Атласъ, черт. 101, текстъ стр. 31.

ную отдѣлку (закругленныя ниши въ стѣнахъ). 5) Сѣверная кирпичная пристройка могла имѣть значеніе притвора или паперти, т. е. отдѣленія для кающихся и оглашенныхъ. Назначеніе южной пристройки трудно опредѣлить: можетъ быть она предназначалась, какъ второй входъ въ церковь, для церковно-служителей, или для раздѣленія половъ молящихся, что въ древнемъ христіанствѣ могло имѣть мѣсто. Во всякомъ случаѣ, въ поперечныхъ стѣнахъ южной пристройки, по всей вѣроятности, были двери, не показанныя у Палласа. Онѣ могли быть впослѣдствіи либо задѣланы, когда зданіе получило другое назначеніе, либо были не замѣчены Палласомъ, такъ какъ стѣны этой пристройки въ его время находились уже въ полуразрушенномъ состояніи.

До сихъ поръ Бѣлую палату принимали то за баню, то за мечеть. Перваго мнѣнія держались Эрдманъ, Кафтанниковъ, Риттихъ и Шпилевскій, втораго Палласъ и отчасти Березинъ. Березинъ замѣчаетъ, что для бани такая сложная и съ лѣпною работою постройка не много роскошна, потому онъ болѣе склоняется къ предположенію, что это была мечеть. Свиньинъ противъ этого замѣчаетъ, что мусульмане никогда не допустили-бы въ своей мечети формы креста, притомъ здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ минарета. Предположеніе о банѣ онъ опровергаетъ тѣмъ, что на полу кресчатой комнаты онъ замѣтилъ плиты съ надгробными надписями.*) Далѣе Свиньинъ говоритъ: „Разныя церковныя вещи, въ томъ числѣ и упомянутый образъ (рапида), найденныя близъ сей храмины и крестообразное оной расположеніе, хотя и могли дать мысль, что въ зданіи семъ была *греческая церковь*, но внимательное разсмотрѣніе сего зданія убѣждаетъ, что оно переходило, по обстоятельствамъ, изъ одного назначенія въ другое, при чемъ и дѣланы были разныя пристройки и поправки“ (стр. 261). Такимъ образомъ Свиньинъ высказываетъ первый намекъ, что Бѣлая палата могла быть христіанскою церковью, но самъ затемняетъ эту мысль, приравнивая далѣе это зданіе къ индійскимъ пагодамъ, описаннымъ и изображеннымъ въ путешествіяхъ Даніэля и Лянгласа. „Сходство стиля, говоритъ онъ, съ индійскимъ зодчествомъ примѣтно не только въ цѣломъ (зданіи), но и въ частяхъ онаго, напр. въ карнизѣ, оставшемся во внутренности одного изъ четвероугольныхъ отдѣленій.**)

*) Объ этомъ интересномъ фактѣ не упоминаетъ никто, кромѣ Свиньина. Что это были за надписи и дѣйствительно-ли онѣ существовали,—остается не разъясненнымъ.

**) Очень жаль, что г. Свиньинъ, помѣщая въ своемъ сочиненіи много хорошихъ рисунковъ, не оставилъ изображеній болгарскихъ построекъ и

Безпристрастный наблюдатель, соображая архитектурные признаки Бѣлой палаты, долженъ согласиться съ тѣмъ, что ходячее мнѣніе о банѣ и мечети къ данному случаю, дѣйствительно, не примѣнимо. Оно могло явиться только на почвѣ ложнаго убѣжденія, будто-бы болгарскія постройки непремѣнно должны быть мусульманскаго происхожденія, а изъ общественныхъ зданій у мусульманъ нельзя было подыскать ничего подходящаго, да и не было ничего, кромѣ бань и мечетей. Выше мы неоднократно указывали, что на болгарскія памятники нельзя смотрѣть такимъ узкимъ взглядомъ. Древность ихъ далеко восходитъ за мусульманскій періодъ, слѣдовательно и въ объясненіяхъ Бѣлой палаты невозможно ограничиваться арабскими или татарскими сравненіями. Я не вижу основанія, по чему бы не остановиться на мысли, такъ нерѣшительно высказанной Свиньинымъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ гораздо больше данныхъ угадывать въ Бѣлой Палатѣ древнюю христіанскую церковь, чѣмъ мечеть или баню.

Причисляя развалины болгарскихъ зданій къ памятникамъ домусульманской эпохи, а Бѣлую Палату, въ частности, принимая за христіанскій храмъ, мы могли бы отнести эти постройки, судя по характеру купола, примѣрно, къ IV—V в. по Р. Х. Въ это время болгарское строительное искусство должно было стоять въ связи съ древнимъ кавказскимъ зодчествомъ, такъ какъ поселенія болгаръ, аланъ и руссовъ того времени распространялись вплоть до кавказскихъ горъ.*)

Древнѣйшимъ христіанскимъ памятникомъ Кавказа считается знаменитый храмъ Абхазіи, Бидшвинту, въ Пицундѣ. Его относятъ ко времени Юстиніана (550 г.). Вотъ какъ описываетъ его Дюбуа-де Монтпере; посѣтившій эти мѣста въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. „Мнѣ уже прежде приходилось слышать объ этой замѣчательной постройкѣ, но дѣйствительность превзошла мои ожиданія: благородный и смѣлый стиль среди одичавшей въ настоящее время Абхазіи возбуждаетъ невольное удивленіе. Соборъ этотъ, выстроенный изъ кирпича, съ трехъ сторонъ имѣетъ три высокихъ фронтона... Но что особенно поражаетъ и придаетъ этой церкви наиболѣе живописный видъ, это своеобразная смѣсь матеріаловъ, примѣненныхъ къ ея постройкѣ. Нижняя часть храма на нѣсколько футовъ отъ земли выстроена изъ тесанаго камня, а далѣе до крыши стѣны покрыты какъ бы широкими *лентами*, идущими кругомъ всей церкви. Эти полосы состоятъ изъ чередую-

особенно ихъ орнаментики, въ то время уже исчезавшей. На лѣпныя украшенія Бѣлой палаты указываютъ и другіе авторы, но никто не описываетъ ихъ въ подробности.

*) *Гаркави*, «Существовала-ли у хозаръ столица подъ названіемъ Баланджаръ?»

щихся рядовъ краснаго кирпича и кубическихъ камней сѣроватаго известняка.*) Внутренность храма соотвѣтствуетъ его наружному величію. На четырехъ громадныхъ аркахъ, изъ коихъ каждая около тридцати футовъ въ пролетѣ и возвышается отъ земли около шестидесяти футовъ, величественно покоится куполъ, высотою до 36 футовъ. Въ немъ 8 оконъ, каждое 14 футовъ высоты. Длина всего храма, со включеніемъ стѣнъ, 118 футовъ, ширина 68, высота 102 фута. Онъ не имѣетъ никакихъ особенныхъ архитектурныхъ орнаментовъ ни снаружи, ни внутри: вся красота его заключается въ величинѣ и прекрасныхъ пропорціяхъ. Штукатуркою покрыты только куполъ и хоры, остальныя стѣны прямо кирпичныя, или изъ тесанаго камня, смотря по рядамъ. Въ планѣ церковь раздѣляется на четыре части, образующія форму греческаго креста. Восточную часть занимаетъ алтарь, западную притворъ, а боковыя короткія вѣтви креста предназначены для боковыхъ дверей. Притворъ занимаетъ всю ширину церкви и соединяется съ среднимъ нефомъ и подхорными пространствами тремя большими дверями. Отсюда идетъ кирпичная лѣстница, ведущая на галлерею, расположенную на сводахъ по боковымъ сторонамъ церкви. Передняя часть алтарной стѣны снаружи имѣетъ три полукруглыхъ выступа, соотвѣтствующіе тремъ придѣламъ церкви“.**)

Кирпичныя постройки древней христіанской эпохи встрѣчаются на Кавказѣ во многихъ другихъ мѣстахъ. Подробное перечисленіе ихъ въ данномъ случаѣ не представляется необходимымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ по архитектурному стилю весьма сходны между собой. Отличительнымъ признакомъ армяно-грузинскаго зодчества служатъ: 1) примѣненіе къ постройкамъ квадратнаго обожженнаго кирпича; 2) прямоугольная форма плана съ выдающимися на алтарной стѣнѣ тремя полукружіями и пристройками для боковыхъ дверей (боковые порталы) по срединѣ боковыхъ стѣнъ, придающими плану церкви форму креста; 3) массивные пилоны съ арками большаго пролета, на которыхъ покоятся барабанъ и центральный куполъ; 4) раздѣленіе церкви на три нефа, изъ коихъ средній, подъ центральнымъ куполомъ, значительно шире боковыхъ; 5) раздѣленіе боковыхъ нефовъ, арками и сводами, на два яруса, съ лѣстницею на верхнюю галлерею изнутри притвора церкви; 6) восьмигранная форма барабана съ узкими и длинными окнами, по одному въ каждой грани; 7) пирамидальная многогранная форма купола. Всѣ эти признаки повторяются въ архитектурѣ визан-

*) Сравни подобныя-же горизонтальныя полосы на башнѣ Бураны.
**) *Dubois*, Voyage, Paris 1839. T. I, p. 223.

тійскихъ (аѳинскихъ и пелопонезскихъ) и древнерусскихъ церквей. Поэтому, заключаютъ, что грузинскіе, абхазскіе и сванетскіе храмы выстроены по образцу византійскихъ.

Нельзя не сознаться, что древности Кавказа, въ томъ числѣ и христіанскіе храмы, по настоящее время изслѣдованы весьма поверхностно. Ученый міръ въ первый разъ ознакомился съ ними только въ 1839 году послѣ изданія вышеупомянутаго путешествія Дюбуа. Но это было не настоящее изслѣдованіе, а лишь внѣшнее описаніе древностей, осмотрѣнныхъ любознательнымъ туристомъ. Тоже самое можно сказать и о послѣдующихъ писателяхъ. (Броссе Гриммъ, кн. Гагаринъ, Іосселіани, Бакрадзе, Кондаковъ, Нарышкинъ) по отношенію къ фактической сторонѣ изслѣдуемаго вопроса. Для полноты научныхъ данныхъ, которыя должны лежать въ основѣ историческихъ умозаключеній, необходимо было-бы изучить не однѣ только внѣшнія формы храмовъ, но и способы ихъ постройки, мѣру и обработку строительныхъ матеріаловъ, а равно и заключающіеся въ окружающемъ культурномъ слоѣ археологическіе предметы (путемъ систематическихъ раскопокъ), могущіе выяснить хронологическую сторону вопроса и дѣйствительное отношеніе грузинской архитектуры къ византійской. Тогда, можетъ быть, дѣло могло бы представиться совсѣмъ съ другой стороны. Въ настоящее время наше умозаключеніе основывается только на двухъ фиктивныхъ точкахъ: 1) Грузія приняла христіанство позднѣе Византіи и, по нѣкоторымъ историческимъ намекамъ, чрезъ Византійскихъ Императоровъ (Юстина и Юстиніана). Изъ этого мы заключаемъ, что и христіанское зодчество Грузіи должно имѣть тотъ же источникъ. 2) Грузинскіе храмы носятъ на себѣ явные слѣды византійскаго стиля и весьма сходны съ любимыми до сихъ поръ въ Россіи типами древне-русскихъ церквей. Изъ этого выводятъ заключеніе, что грузинскій и русскій типъ не можетъ быть инымъ, какъ византійскимъ, т. е. заимствованнымъ и всецѣло перенесеннымъ къ намъ изъ Восточной Римской Имперіи.

Какъ ни естественъ кажется этотъ выводъ, но едвали его можно считать безусловно и научно доказаннымъ. Прежде всего здѣсь возникаетъ выше затронутый нами вопросъ: откуда-же въ самой Византіи явился ея новый, своеобразный, ничуть не похожій на образцы прежде существовавшей греческой и римской архитектуры строительный стиль? Восточный, азіатскій характеръ его не подлежитъ сомнѣнію. Поэтому первоисточникъ происхожденія этого стиля ищутъ въ Персіи, Палестинѣ и Сиріи. Но почему-бы не могло возникнуть еще съ большимъ правомъ

такое-же предположеніе и относительно Кавказа, гдѣ, какъ извѣстно по историческимъ даннымъ, строительное искусство процвѣтало съ глубокой древности (Страбонъ). Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ вопросъ не о тѣхъ именно постройкахъ, развалины которыхъ нынѣ перечисляются въ ряду кавказскихъ древностей, но собственно о мотивахъ архитектурнаго стиля, существовавшихъ въ Грузіи, Арменіи, или Сванетіи и могущихъ быть перенесенными на югозападную сторону Чернаго моря, частію болгарами, или другими славянскими племенами, частію самими византійцами. Мотивы эти, положенные потомъ въ основу византійскаго зодчества, могли относиться не исключительно къ христіанскимъ сооруженіямъ, но и къ разнымъ общественнымъ постройкамъ языческаго міра. Со введеніемъ христіанства они могли быть перенесены на архитектуру первыхъ церквей, и вѣроятнѣе всего на томъ-же Кавказѣ, откуда этотъ пріемъ строительнаго искусства былъ заимствованъ византійскими императорами, или славянскими народами Балканскаго полуострова.

54) Замѣтка о происхожденіи слова Самара и о древнемъ народѣ Сарматахъ.

Въ одной изъ частей Бельгійской Галліи, населенной народами *Бѣловаки* (Bellovaci) и *Амбіаны* (Ambiani), Юлій Цезарь,*) Цицеронъ, Страбонъ и Птоломей, называютъ рѣку по имени *Самара* (Samara). Это нынѣшняя *Сомма*, въ Бельгіи. На этой рѣкѣ былъ городъ съ именемъ *Самаробрива*, нынѣшній *Аміенъ*. Птоломей указываетъ на него, какъ на столицу Амбіановъ, по имени которыхъ впослѣдствіи городъ получилъ другое названіе —Аміенъ.

Имя *Самаробрива* или *Самаробрига* происходитъ отъ рѣки Самары, а слово *briva* или *briga* признаютъ древне-кельтическимъ, означающимъ мостъ, или переходъ черезъ рѣку. Отсюда англійское *bridge* и нѣмецкое *Brücke*—мостъ. Мнѣ кажется, съ неменьшимъ основаніемъ можно было-бы произвести это слово отъ древне-славянскаго *бръвь*, бровь, supercilium, чешское *brv*, *brva*, полаб. *brew*, древнее верхне-нѣмецкое *brâwa*, санскритское *bhrû*. Въ переносномъ значеніи слово *бръвь*, волосная дугообразная опушка надъ глазною впадиной, было примѣнено также къ сосновому лѣсу—*боръ* и *бревно*, чешское *brêv*. По звукамъ церковно-славянскаго языка слова *бръвь*, бровь, и *бръвь-но*, бревно, почти тождественны между собой. Поразительное сходство этихъ двухъ словъ легче всего

*) Въ этихъ-же мѣстахъ, по описанію Юлія Цезаря, жили Балтійскіе Венеты.

объяснить переноснымъ значеніемъ одного изъ нихъ, т. е. либо брови названы по поэтическому сравненію съ стройнымъ сосновымъ лѣсомъ, боромъ, либо этотъ послѣдній по сравненію съ красивыми волосами бровей. Подобный переносъ понятій часто примѣнялся въ словообразованіи. Такъ, напр., словомъ *бро́вка* у плотниковъ и столяровъ называется выдающійся полукруглый ободокъ, калевка, карнизъ, у землекоповъ—край канавы, куда выбрасываютъ землю. Такъ или иначе мы будемъ объяснять слово *briva*, во всякомъ случаѣ оно несомнѣнно арійское, а слѣдовательно и связанное съ нимъ слово *Самара* было перенесено сюда какимъ нибудь арійскимъ народомъ. Если имя разсматриваемаго города произносилось *Самаробрига*, какъ передаютъ нѣкоторые авторы, то въ немъ можно усмотрѣть славянскіе звуки—*Самаро-брегъ*, т. е. берегъ (гора, яръ) рѣки Самары.

Для насъ въ данномъ случаѣ замѣчательно главнымъ образомъ то обстоятельство, что въ древней Бельгіи существовало названіе рѣки *Самары*. Это имя, какъ извѣстно, имѣютъ нѣсколько рѣкъ въ Россіи: 1) рѣка Самара, лѣвый притокъ Днѣпра, протекающая по Харьковской и Екатеринославской губерніямъ; 2) лѣвый притокъ Волги, берущій начало въ Оренбургской губерніи и орошающій Самарскую губернію; 3) рѣка *Самарданъ* въ Якутской области, лѣвый притокъ Индигирки. Сюда-же относится существующій *Самаровскій мысъ*, высокая гора, при сліяніи Оби и Иртыша, гдѣ расположено село Самарово, основанное въ первые годы послѣ завоеванія Сибири. По сибирскимъ лѣтописямъ, названіе этого села дано по имени жившаго здѣсь остяцкаго князька Самара; но вѣроятнѣе, что самъ онъ носилъ это прозвище по мѣсту жительства—Самаровскому мысу. Далѣе, въ Туркестанской области извѣстенъ городъ *Самаркандъ*. По указанію Плинія, за рѣкой Индомъ находился народъ, носившій названіе *Samarubriae* (Plin. lib, VI. c. 20). Въ библейской исторіи извѣстенъ народъ *Самаряне* и городъ *Самарія*. Наконецъ, въ Африкѣ существуетъ область *Самара*, на морскомъ берегу Абиссиніи, а въ числѣ Филиппинскихъ острововъ есть островъ *Самаръ*.

Такимъ образомъ, оказывается, что географическое названіе Самара принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ восточныхъ словъ, занесенныхъ въ Бельгію, по всей вѣроятности, Кельтами, или сливянами изъ Азіи. Трудно сказать изъ какой именно области взято первоначально это названіе и какъ оно переходило изъ одного мѣста въ другое; но едвали подлежитъ сомнѣнію, что переносили его народы, родственные между собою,

какъ привычный географическій терминъ, примѣняемый къ рѣкамъ и горамъ (мысамъ).

Названіе Самаръ, въ примѣненіи къ горѣ, въ первый разъ встрѣчается въ Палестинѣ. Іосифъ Флавій, описывая походъ Іеровоама противъ Авіи, говоритъ, что послѣдній изъ этихъ вождей расположилъ свое войско „на нѣкоемъ мѣстѣ, называемомъ горою *Самаронъ* (Іудейскія древности ч. II, гл. XI)“. Далѣе, (гл. XII), Флавій, описывая царствованіе Амарина, царя израильскаго, говоритъ, что онъ, владѣя царствомъ 12 лѣтъ, первые шесть лѣтъ жилъ въ Θарсѣ, а вторую половину „въ городѣ *Самареонѣ*, который греки именуютъ Самаріею. Самареономъ-же названъ онъ (городъ) отъ Семара, продавшаго Амарину гору, на которой послѣ сей городъ поставленъ“. Салманассаръ, царь Ассирійскій, разрушивъ царство Израильское, переселъ его жителей въ Мидію и Персію, а городъ Самарію и его окрестности населилъ новыми жителями, въ числѣ которыхъ были мидяне. По словамъ Іосифа Флавія новые поселенцы состояли изъ пяти народностей, имѣвшихъ разныя религіи, по обрядамъ своего отечества.*) Во всю послѣдующую исторію самаряне являются по отношенію къ Іудеямъ иноплеменниками, не имѣющими съ ними никакого кровнаго родства. Сами самаряне, по словамъ Іосифа Флавія, говорятъ о своемъ происхожденіи различно, сообразуясь съ обстоятельствами: когда видятъ Іудеевъ въ благополучіи, то называютъ себя ихъ сродниками, сказывая, что они происходятъ отъ Іосифа и потому одно съ ними имѣютъ начало; но когда усматриваютъ ихъ въ худыхъ обстоятельствахъ, то говорятъ, что ни мало къ нимъ не принадлежатъ—ни по родству, ни по какому другому союзу и называютъ себя переведенцами изъ другаго народа“ (кн. IX, гл. XIV, 1, 3). Въ послѣдующихъ книгахъ Іудейскихъ древностей Іосифъ Флавій описываетъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ самаряне выставляли себя передъ ассирійскими царями, или римскими владыками народомъ не Іудейскаго происхожденія. Такъ думаетъ объ нихъ и самъ Іосифъ Флавій. Тоже самое мнѣніе выражаютъ во многихъ мѣстахъ св. Евангелисты, называя самарянъ иноплеменниками.**) По этимъ фактамъ можно заключить, что около Р. Х. и ранѣе того въ Самаріи существовало смѣшанное населеніе, состоявшее изъ персидскихъ и мидійскихъ переселенцевъ, съ теченіемъ вѣковъ объевреившихся и забывшихъ свой природный языкъ. Можетъ быть при посредствѣ этихъ самарянъ (мидянъ), или какого-либо скиѳскаго народа, жившаго

*) О томъ-же упоминается въ IV кн. Царствъ, гл. 17 ст. 24.
**) Ев. лук. XII, 16—18. Матѳ. X, 1—7. Іоан. IV, 5—9.

въ сосѣдствѣ Палестины, перенесено было названіе Самары въ древнюю Сарматію (на югъ Россіи и на Волгу). Такимъ-же путемъ оно могло распространиться въ центральную Азію, до рѣки Инда, и въ Африку (Абиссинію), если не предполагать, что это географическое слово могло существовать одновременно и независимо у израильтянъ и скиѳовъ, въ эпоху еще болѣе отдаленную. Послѣдняя гипотеза могла-бы быть оправдана тѣмъ, что слово Самаръ слишкомъ широко распространено по земному шару, чтобы выводить его изъ одного палестинскаго пункта. Въ самомъ дѣлѣ, если взять съ одной стороны Бельгію (Самаробрива) и верховья Инда (народъ Самарубріи), съ другой—Абиссинію и Якутскую область (р. Самар-данъ), то невольно является сомнѣніе, чтобы во всѣ эти отдаленнѣйшія мѣста слово Самара попало изъ израильской Самаріи. Скорѣе можно было-бы допустить такой переходъ изъ древне Вавилонскаго, или Ассирійскаго царства, либо отъ предшествовавшихъ имъ Аккадо-Сумерійскихъ народностей, кругъ вліянія которыхъ былъ значительно шире, чѣмъ Іудейскаго племени.

По русскимъ лѣтописямъ р. Самара въ первый разъ встрѣчается въ 1158 году, по случаю побѣды Мстислава Изяславича надъ половцами: „оже Богъ ему помоглъ половцы побѣдити на Углѣ и на Самарѣ“ (лѣт. по Ипатскому списку. Спб. 1871 г. стр. 317). Изъ этого можно видѣть, что имя Самары существовало въ южной Россіи до нашествія татаръ.

Въ книгѣ Большому чертежу днѣпровская Самара упоминается со всѣми ея притоками. Именно тамъ сказано: „А ниже Орели (рѣки) 6 миль пала въ Днѣпръ рѣка *Самаръ*, а рѣка Самаръ вытекла отъ Муравскія дороги. А въ Самаръ пала рѣчка Терновка, а съ другой стороны пала въ Самаръ Самарская Розсошь. А ниже Розсоши пала въ Самаръ рѣка Волчьи-воды. А ниже Волчьихъ водъ верстъ съ 10 нала въ Самаръ рѣка Быкъ. А ниже рѣки Быка пала въ Самаръ рѣка—Овечьи воды. А ниже Самары рѣки 6 миль пала въ Днѣпръ рѣчка Вороная-вода“.*)

Въ другомъ мѣстѣ о той-же Самарѣ сказано: „А на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ человѣкъ каменъ (такъ называемая каменная баба), а у него кладутъ изъ Бѣла-города станичники доѣздныя памяти; а другія памяти кладутъ на Самарѣ у дву дѣвокъ каменныхъ. А отъ каменнаго человѣка до Самары верстъ съ 30. А отъ Самары до Волчьихъ-водъ верстъ съ 20, а Волчьи-воды

*) Книга Большому Чертежу, поновленная въ разрядѣ и списанная въ книгу 1627 года. Изд. Языкова. Спб. 1838 г. стр. 98.

пали въ Самару. А ниже Волчьихъ-водъ пала въ Самару рѣка Быкъ, отъ Волчьихъ-водъ верстъ съ 10“ (стр. 13—14).

Съ неменьшими подробностями описывается и Волжская Самара. „А подъ городомъ подъ Самарою пала рѣка Самара; а отъ Самары на усть вытекла протока, а вдоль тоя протоки 20 верстъ, и пала въ томъ-же мѣстѣ опять въ Волгу, гдѣ вытекла. А рѣка Самара вытекла съ востоку четырьмя розсошми; протоку Самары 620 верстъ. Отъ верху рѣки Самары до рѣки Яика 120 верстъ. Въ рѣку Самару, сверху, съ правыя стороны пала рѣка Черная, а въ Черную рѣку пала рѣка Красная; протоку тѣхъ рѣкъ 100 верстъ. А отъ верховья Самары рѣки пали тѣ рѣки въ Самару 200 верстъ. А ниже рѣки Черныя 300 верстъ пала въ Самару съ полудни рѣка Бузувлукъ, а въ Бузувлукъ пали три рѣчки однимъ прозвищемъ, всѣ три Уланы. А отъ верху рѣки Бузувлука на поляхъ (степяхъ) и до Синяго (Аральскаго) моря кочевья все большихъ Нагаевъ. До Синяго моря 1350 верстъ“. (стр. 155—156).

Въ краткой сибирской лѣтописи (Кунгурской*) о Самаровскомъ мысѣ сказано: „Мая въ 20 день доплыша до Самара княжца. Богданъ (Брязга, посланный Ермакомъ для покоренія земель внизъ по Иртышу) съ товарищи моляся Богу въ день недѣльный, приплыша протокою подъ *самый Самаръ* и засташа многихъ остяковъ на караулѣ спящихъ, твердо, безъ опасенія. Егда-же на стоящихъ удариша, и убиша княжца Самару и съ родомъ его“. (Статья 78, стр. 21). Выраженіе „*подъ самый Самаръ*“ показываетъ, что этимъ именемъ назывался не только князь, но и самый мысъ, гдѣ было мѣсто его жительства. Слѣдовательно, это было не столько личное, сколько географическое имя, существовавшее здѣсь до прихода русскихъ.

Такъ какъ имени Самаръ не встрѣчается ни въ географическихъ названіяхъ начальной русской лѣтописи, ни на сѣверѣ Россіи, ни въ южныхъ славянскихъ земляхъ, то можно думать, что оно не было извѣстно ни южнымъ славянамъ, ни европейскимъ скиѳамъ. Изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ выводить заключенія, что имя нашихъ Самаръ явилось въ позднѣйшее время, или что оно принадлежитъ какому нибудь туранскому народу, занимавшему въ историческое время оренбургскія и самарскія степи. Едвали, также, можно думать, что оно занесено къ намъ изъ библейской Самаріи хозарами, между которыми, какъ извѣстно, было много еврейскихъ выходцевъ. Такое предположеніе не объяснило-бы намъ, какимъ образомъ тоже самое имя, по крайней мѣрѣ, за 5—6 сто-

*) Изд. 1880 г. Спб.

лѣтій ранѣе явилось въ Бельгіи. Въ послѣднемъ случаѣ ни хозары, ни вообще евреи не могли имѣть мѣста. Равнымъ образомъ этимъ путемъ не возможно объяснить появленіе имени Самаровскаго мыса при устьѣ Иртыша, а тѣмъ болѣе имени рѣки Самарданъ въ Якутской области.

Выходя изъ того предположенія, что имя Самаръ занесено въ Бельгію изъ юго-восточной Россіи, можно думать, что наша Самара древнѣе бельгійской, что она существовала, вѣроятно, за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. При всемъ томъ это имя не туранское и не славянское, а скорѣе семитское или иранское, вынесенное изъ Малой Азіи.*) Теперь является вопросъ: какой народъ могъ перенести къ намъ это слово въ такое отдаленное доисторическое время? Едвали мы ошибемся предположивъ, что его вынесли восточные скиѳы или сарматы, жившіе въ это время въ нашихъ приволжскихъ степяхъ и имѣвшіе сношенія съ Персіею, Мидіею и, можетъ быть, даже съ Ассиріею. Существуютъ историческія указанія, что часть мидянъ въ давнія времена переселилась въ юго-восточныя области Россіи.**) По свидѣтельству Діодора Сицилійскаго это переселеніе совершилось около 633—605 гг. до Р. Х. во время владычества скиѳовъ въ Малой Азіи. О томъ-же упоминаетъ Геродотъ и подтверждаютъ Помпоній Мела, Плиній и Амміанъ Марцелинъ. Всѣ они называютъ сарматовъ народомъ мидійскаго происхожденія, поселившимся между Дономъ, Азовскимъ моремъ и Волгою. Впослѣдствіи времени они передвинулись на западъ и разселились по Европѣ вплоть до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Сарматскій народъ, составляя одну народность (una gens), распадался на нѣсколько вѣтвей (aliquot populi, et aliquot nomina), изъ коихъ важнѣйшія были: Яксаматы, Роксаланы (отъ сарматскаго имени Волги, Раса или Ракса), Языги или Ятвяги и Аланы. Въ IV и V вв. часть Аланъ проникла въ Галлію, Испанію и Африку, а ранѣе того—въ сѣверозападныя области Россіи. По сохранившимся персидскимъ преданіямъ Аланы

*) Въ болгарскомъ языкѣ сохранилось слово *самаръ*, означающее вьючное сѣдло (Бурачковъ, о запискѣ Гот. Топарха. Спб. 1877, стр. 23, примѣчаніе). Въ русскомъ областномъ словарѣ словомъ *самара* называется длинная одежда (Владимірск. губ.), *самарея*, корень сассапарели (Астрах. губ.). Тоже указано и въ словарѣ В. И. Даля. Эти новыя слова, очевидно, имѣютъ переносное значеніе, взятое отъ Самарской области.

**) Этимъ переселеніямъ и помѣсямъ русскій языкъ обязанъ не малымъ числомъ заключающихся въ немъ иранскихъ словъ, напр., бугоръ, курганъ, богатырь, амбаръ, мзда, топоръ, собака, чертогъ, чердакъ и т. под. Рѣки Донъ, Днѣпръ и Днѣстръ, по мнѣнію Шафарика, также названы сарматами, вмѣсто прежнихъ славянскихъ Борисѳенъ, (Берестенъ, Березина), Тирасъ (Тура). Равнымъ образомъ, отсюда ведутъ начало многія этнографическія черты русской жизни, связывающія насъ съ азіатскимъ востокомъ.

съ глубокой древности жили въ восточной Азіи, гдѣ-то въ сѣверной части Парапамиза. По словамъ Аміана они были потомки древнихъ Массагетовъ, жившихъ у береговъ Хвалынскаго (Каспійскаго) моря, съ которыми воевалъ Киръ, царь Персидскій.

Ни кому иному, какъ этимъ самымъ сарматамъ наши Самары обязаны своимъ именемъ, точно также какъ и многія другія русскія рѣки, какъ-то: Ра или Ракса (Волга), Аракъ, Ріонъ, Донъ, Днѣпръ и Днѣстръ. Отъ нихъ-же, надо полагать, получила свое имя и бельгійская Самара, что въ свою очередь доказывало-бы, что то или другое сарматское племя проникло къ Нѣмецкому морю, раньше галльской войны Юлія Цезаря.

Говоря о сарматахъ, невольно приходится коснуться вопроса объ ихъ національности. Безъ этого не можетъ быть яснаго представленія объ историческихъ фактахъ. Въ настоящей короткой замѣткѣ было-би неумѣстно подробно разбирать этотъ вопросъ, зная, сколько объ немъ было писано пространныхъ, хотя и разнорѣчивыхъ ученыхъ изслѣдованій. Одни, въ томъ числѣ и знаменитый Шафарикъ, считаютъ сарматовъ иранцами, родственными персамъ, другіе видятъ въ нихъ признаки славянской народности; были даже попытки пріурочить ихъ къ германскому колѣну. Разъясненію этого безконечнаго спора, мнѣ кажется, помогли-бы археологическія изслѣдованія. На этой почвѣ можно было-бы найти не мало вещественныхъ доказательствъ, гораздо болѣе убѣдительныхъ, чѣмъ смутныя сказанія древнихъ писателей и сохраненные ими обрывки сарматскихъ словъ, относящихся почти исключительно къ собственнымъ и географическимъ именамъ. По такимъ лингвистическимъ слѣдамъ весьма легко впасть въ ошибку: ибо въ этихъ именно словахъ менѣе всего выражается народный языкъ, а напротивъ, чаще встрѣчаются заимствованія отъ другихъ культурныхъ народовъ, или древнѣйшія формы пра-языка, не говоря уже объ искаженіяхъ именъ при переходѣ ихъ чрезъ вторыя или третьи руки. Что касается до другихъ основаній для опредѣленія народности, какъ-то: описанія образа жизни, нравовъ и обычаевъ, то здѣсь почва еще болѣе шаткая. При такомъ скудномъ запасѣ данныхъ, объ иранской генеологіи сарматовъ можно было-бы заключить развѣ только потому, что они происходятъ отъ мидянъ, а мидяне родственны парѳамъ, парѳы-же весьма близко стоятъ къ персамъ. Но эта близость политическая и географическая не есть еще доказательство національнаго родства.

Въ числѣ другихъ доказательствъ иранства сарматовъ Шафарикъ приводитъ рядъ персидскихъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка при посредствѣ этого народа, какъ думаетъ

Шафарикъ. Но при оцѣнкѣ этого факта можно освѣтить его и съ другой точки зрѣнія. Можетъ быть сами сарматы усвоили эти слова, какъ иностранныя, отъ иранцевъ, точно также, какъ они усвоены теперь русскимъ языкомъ. Равнымъ образомъ возможно и такое предположеніе, что эти слова внесены въ русскій языкъ не сарматами, а малоазійскими славянами, наравнѣ со многими другими иранскими элементами, замѣчаемыми въ русской жизни (напр. въ зодчествѣ, орнаментикѣ и т. под.). Самъ по себѣ этотъ фактъ доказываетъ только то, что между русскими славянами и малоазійскими народами въ древнія времена существовала связь и взаимодѣйствіе.

Профессоръ В. Ив. Ламанскій въ своемъ почтенномъ трудѣ: „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи (Спб. 1859 г.)“. подробно развиваетъ мысль о непрерывномъ пребываніи славянъ на малоазійскомъ материкѣ съ незапамятныхъ временъ (стр. 152 и слѣд.). Цитируя и комментируя древнихъ и новыхъ писателей по этому вопросу, онъ приходитъ къ весьма правдоподобному заключенію, что славяне, подъ именемъ венетовъ, жили въ Малой Азіи до переселенія въ Европу, и послѣ переселенія часть ихъ осталась на прежнемъ мѣстѣ. Это именно тѣ пафлагонскіе венеты, о которыхъ упоминаетъ Гомеръ въ своей Иліадѣ, — родичи венетовъ адріатическихъ и балтійскихъ. Ту-же мысль развивалъ и покойный Гильфердингъ. По свидѣтельству Геродота, Скилакса и др., въ числѣ городовъ въ Виѳиніи былъ, между прочимъ, городъ *Кіевъ* (Kios), жители коего назывались *Кіяне* (Κιανοι). Тамъ-же, по словамъ Плутарха и Плинія, былъ другой городъ *Любуша*, или *Любусъ* (λιβυσσα), а рѣка, орошающая область пафлагонскихъ венетовъ, носила названіе *Галисъ*, перешедшее потомъ на многіе географическіе пункты славянскихъ земель (Галичь, Соли-галичь, Галиція). Въ той же Пафлагоніи была мѣстность, называемая Ζάγωρον, Zacoria, Ζάγωρα, т. е. *Загора*, чисто славянское названіе. Городъ *Смирна* также звучитъ по славянски.

Геродотъ, знавшій венетовъ пафлагонскихъ, считалъ ихъ мидійцами. По этому поводу Шафарикъ считалъ азіатскихъ венетовъ не славянскимъ народомъ, а иранскимъ, не позволяя себѣ, по существовавшимъ въ его время даннымъ, сдѣлать обратное заключеніе, т. е., что мидійцы, какъ венеты, могли быть славяне.*)

*) Иранство мидянъ главнымъ образомъ основываютъ на сохранившихся въ ихъ исторіи личныхъ именахъ. Если-бы, спустя тысячу лѣтъ, стали судить по такимъ даннымъ о русскомъ народѣ, то весьма легко признали-бы его за отрасль греческаго или еврейскаго поколѣнія.

Значительное число мидійскихъ и персидскихъ словъ въ русскомъ языкѣ, объясняемое вліяніемъ иранцевъ-сарматовъ, не легче ли было бы объяснить тѣмъ, что эти слова не были занесены въ Россію чужеземнымъ народомъ, а усвоены славянами въ Малой Азіи въ древнѣйшее время. Къ такому предположенію склоняютъ именно тѣ слова, которыя въ каждомъ языкѣ принадлежатъ къ числу начальныхъ и гдѣ позднее заимствованіе было-бы мало вѣроятно. Такъ напр., мидійское *spaca*, собака, *tabar*, топоръ, *gûr*, гора. Трудно предположить, чтобы эти чужія слова могли вытѣснить коренныя славянскія: песъ, сѣкира, въ то время, когда они были уже у славянъ въ общемъ употребленіи. Другое дѣло въ начальномъ періодѣ развитія народной рѣчи. Въ это время пафлагонскіе венеты, окруженные иранскою стихіею, могли развивать свой языкъ на другихъ началахъ, чѣмъ западные ихъ родичи, и включить въ свою рѣчь, равно какъ въ нравы и обычаи много элементовъ восточныхъ.

На весьма раннюю связь славянства съ Малою Азіею указываютъ не только иранскія слова, но еще болѣе тѣ, корни которыхъ кроются въ аккадо-сумерійскомъ, или ассирійскомъ языкѣ, каковы, напр.: *gurus* возвышенный, поднятый (гора), *nab*, свѣтъ, день (небо), *urud*, мѣдь, металлъ (руда), *nîm*, быть приподнятымъ (отсюда русск.-под-ним-ать). Сюда-же можетъ принадлежать слово *царь* (по сѣверноруссскому произношенію царь), хотя большинство славистовъ производятъ его отъ латинскаго *cesar*. Къ той-же категоріи восточно-азіатскихъ словъ можно отнести туркестанское (сартовское) *зарь*, *золото* (р. Зарявшанъ), откуда русское *заря* и *жаръ-птица*; изъ географическихъ именъ—городъ *Зара*, *Зарайскъ*, изъ личныхъ именъ царица *Зарина* у Саковъ; можетъ быть сюда-же относится *Зороастръ* или *Зара—тустра*. Нельзя-ли сюда-же, т. е. въ рязрядъ восточныхъ словъ, причислить и слово *голова*. Во всѣхъ арійскихъ языкахъ названіе головы взято собственно отъ черепа. Санскритское *kapâla* значитъ—мозговая чашка, черепъ, отсюда латинское *caput*, греческое κεφαλή, нѣмецкое *Kopf*. Въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ это слово произведено отъ другаго корня, равно какъ латинское *calva*, *calvaria*, *calvus* и русское *голый* (литовское *galwa*, готское *galfu*, южно-славянское *glowa*, глáва). Въ значеніи черепа, это слово существовало въ халдейскомъ языкѣ, на что указываетъ названіе *голгова* (γολγόθα), что значитъ лобное или краніево мѣсто (близъ Іерусалима). Полагаютъ, что оно названо такъ по причинѣ валявшихся здѣсь человѣческихъ череповъ казненныхъ преступниковъ,

либо потому, что это мѣсто формою походило на голый человѣческій черепъ.

Не будучи ни ассирологомъ, ни вообще оріенталистомъ, я не могу, конечно, выдавать своихъ лингвистическихъ сопоставленій за научные доводы, но привожу ихъ въ виду того обстоятельства, что историческіе и археологическіе факты, подтверждающіе древнѣйшую связь русскаго населенія съ иранскимъ или халдейскимъ, даютъ право искать той-же связи и въ языкѣ.

Судя по историческимъ свѣдѣніямъ, выходцы изъ Малой Азіи —сарматы (аланы) занимали почти всю юговосточную часть Россіи. Кореннымъ мѣстомъ ихъ жительства считаются степи сѣвернаго Кавказа, Азовскаго моря и Волги. Здѣсь ихъ знаютъ греческіе историки, по меньшей мѣрѣ, за 600 лѣтъ до Р. Х. Какъ далеко распространялись сарматы на востокъ Азіи, за Волгой, этого древніе писатели въ точности не знали, имѣя крайне смутныя представленія объ этой отдаленной странѣ, но тѣмъ не менѣе до нихъ доходили слухи, что аланы прежде жили близь горъ Парапамиза (на верховьяхъ Аму-Дарьи), а саки и массагеты по сѣверную сторону Яксарта (за Сыръ-Дарьей). Такимъ образомъ область распространенія сарматовъ на востокѣ занимала почти все юговосточное пространство нынѣшнихъ россійскихъ владѣній, со включеніемъ южной части Западной Сибири, Семипалатинской и Туркестанской областей. Оставаясь здѣсь въ теченіи многихъ вѣковъ, какъ господствующее племя, сарматы неизбѣжно должны были оставить слѣды своего пребыванія, и мы едва-ли ошибемся, приписывая имъ, а не какому либо чудскому, неизвѣстному народу наибольшую часть курганныхъ могилъ, разсѣянныхъ на всемъ этомъ пространствѣ. Далѣе, къ сѣверу отъ сарматовъ жили родственные имъ азіатскіе скиѳы, имѣвшіе тотъ же курганный способъ погребенія и туже бронзовую культуру, какъ это оказывается по находимымъ въ могилахъ предметамъ. Сарматскія могилы (курганы) имѣютъ, между прочимъ, одну характерную принадлежность,—постановку каменныхъ бабъ на вершинѣ могильнаго холма.

Каменныя бабы давно обратили на себя вниманіе археологовъ. Графъ А. С. Уваровъ, описавъ область ихъ распространенія и руководясь тѣмъ, что они идутъ сплошной полосой отъ верховья Енисея до Днѣпра и отъ р. Самары (Самарская губернія) до Кавказскихъ горъ, приходитъ къ тому заключенію, что „эти человѣческіе истуканы, какъ сибирскіе, такъ и европейскіе, принадлежали одному и тому-же народу, который обиталъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ попадаются каменныя бабы. По свѣдѣніямъ объ этихъ мѣстахъ, замѣчаетъ гр. Уваровъ, мы можемъ легко опредѣ-

литъ пространство занятыхъ имъ земель".*) Авторъ цитируемой статьи не высказываетъ своего мнѣнія, что это былъ за народъ, но ссылается на другихъ писателей, изъ коихъ *Рубруквисъ* приписывалъ эти памятники Команамъ, *Палласъ*, *Клапротъ* и *Спасскій*—Гуннамъ, *Терещенко*—Скиѳамъ.

Послѣ изданія статьи гр. *Уварова*, въ послѣднія 15 лѣтъ, область распространенія каменныхъ бабъ значительно разширилась, именно на востокѣ. Нынѣ оказалось, что кромѣ Минусинской области и южной части Томской губерніи, громадное количество этихъ памятниковъ находится въ Семирѣченской области и въ Кульджѣ. Повидимому, здѣсь былъ такой-же центръ, такое-же густое населеніе сарматскаго народа, какъ въ приднѣпровскихъ и волжскихъ степяхъ. Семирѣченскія и Кульджинскія каменныя бабы имѣютъ совершенно тотъ-же типъ, какъ и южнорусскія. Особенно это замѣтно по орнаментировкѣ тѣхъ и другихъ (положеніе рукъ съ чашею, привѣски на поясѣ, украшенія на платьѣ и пр.). Такимъ образомъ оказывается, что область распространенія сарматскаго народа начинается въ Восточной Азіи отъ р. Яксарта (Сыръ-Дарья), гдѣ у древнихъ писателей указывались жилища саковъ и массагетовъ. Наибольшее количество каменныхъ бабъ находится въ долинѣ р. Чу (въ Пишпекскомъ и Токмакскомъ уѣздахъ). Затѣмъ, по Илійской долинѣ онѣ заходятъ въ Кульджинскую область, а на сѣверо-востокѣ отъ Семирѣченской области онѣ сливаются съ областью этихъ-же памятниковъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, откуда идутъ по киргизской степи до Оренбурга и далѣе, черезъ Волгу, въ южную Россію. Отъ Семипалатинска каменныя бабы распространяются въ долины Алтая, и чрезъ Бійскій и Кузнецкій округа переходятъ, повидимому, прямымъ путемъ чрезъ Саянскій хребетъ въ Минусинскій округъ. По изслѣдованіямъ Г. Н. Потанина бабы встрѣчаются и по южную сторону Алтая, въ сѣверной части Монгольской степи.

Трудно предположить, чтобы по всему этому громадному пространству сарматы распространились только изъ одного пункта, —съ сѣвернаго Кавказа или съ Волги, чтобы они до такой степени размножились отъ тѣхъ только переселенцевъ, которые, по словамъ Геродота, были переведены изъ Мидіи. Здѣсь возможно допустить три догадки: 1) либо переселеніе совершилось въ разныхъ направленіяхъ, независимо одно отъ другаго, именно изъ центральной и Малой Азіи и съ Волги; 2) либо семирѣченскіе сарматы не суть переселенцы изъ Малой Азіи, а коренные жители

*) Графъ А. С. Уваровъ, свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ. Труды перваго археологическаго съѣзда. Москва. 1871 г. Т. II, стр. 517.

этой области, либо 3) сарматы и восточные скиѳы — одинъ и тотъ-же народъ. Первое и второе предположеніе основываются на томъ, что въ Семирѣчьи число курганныхъ могилъ, на коихъ ставились бабы, безмѣрно велико; самые курганы, по сравненію съ южно-русскими, поражаютъ своею массивностью и, наконецъ, находимые въ могилахъ предметы по типу не моложе, а скорѣе древнѣе волжскихъ и южно-русскихъ. Все это заставляетъ думать, что здѣсь курганное населеніе не только было многочисленно, но оно оставалось на этихъ мѣстахъ весьма долго, слѣдовательно, не было отпрыскомъ части народа, отдѣлившагося отъ волжскаго центра. Третья догадка вытекаетъ изъ показаній греческихъ историковъ, которые помѣщали въ указанныхъ мѣстахъ не сарматовъ, а восточныхъ скиѳовъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что не только въ древнюю пору, но и въ болѣе позднюю (въ V—VI в.) названіе — скиѳы и сарматы часто употреблялось безразлично для тѣхъ и другихъ; болѣе того, историки, начиная съ Геродота, неоднократно подтверждали, что сарматскій языкъ весьма сходенъ съ скиѳскимъ, слѣдовательно, что эти два народа были родственны между собой. Это показаніе, повидимому, оправдывается и археологическими данными, на сколько можно заключить объ этомъ по близкому сходству памятниковъ того и другаго народа.

55) О связи съ Сибирью заселенія Америки (къ стр. 97—103).

Вопросъ о заселеніи Америки представляетъ такую обширную тему, что его невозможно касаться въ короткой замѣткѣ. Поэтому мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторые отрывочные факты, указывающіе, повидимому, на существовавшую нѣкогда связь между древнимъ населеніемъ Сибири и Новаго свѣта.

Въ музеѣ Томскаго университета имѣются 33 фотографическихъ портрета американскихъ индѣйцевъ, пріобрѣтенные Ин. П. Кузнецовымъ во время пребыванія его въ Америкѣ. Разсматривая эти фотографическіе снимки, невольно брасается въ глаза поразительное сходство многихъ изъ нихъ съ типомъ нашихъ финскихъ инородцевъ. Это наводитъ на мысль: не представляютъ-ли нѣкоторыя изъ американскихъ племенъ потомковъ древне-сибирскаго населенія, оттѣсненнаго къ сѣверу и потомъ переселившагося чрезъ Беринговъ проливъ на американскій материкъ. Вѣроятность такой дагадки можетъ найти подтвержденіе въ нѣкоторыхъ этно-

графическихъ и археологическимъ чертахъ, общихъ для Сибири и Америки. Сюда относятся:

1) *Любовь американцевъ къ бисеру.* На стр. 53 (примѣч. 20) мы упомянули, что употребленіе бисера и бусъ у сибирскихъ инородцевъ представляетъ старинную привычку, очевидно, возникшую еще съ того времени, когда эти украшенія были распространены въ Сибири у древняго курганнаго племени. Тоже мы видимъ у американцевъ. Наибольшая часть ихъ домашнихъ вещей, доставленныхъ въ нашъ музей (башмаки, ножны, сумки, кисеты, игольники и проч.*) почти сплошь покрыты бисеромъ, подобно тому, какъ это нынѣ дѣлаютъ тунгусы въ своихъ костюмахъ. Самый рисунокъ американскихъ вышивокъ тоже напоминаетъ до сихъ поръ употребляемыя тунгусами, остяками и самоѣдами украшенія на ихъ платьѣ и посудѣ. Большею частію это—геометрическія фигуры съ прямолинейными очертаніями, въ числѣ которыхъ нерѣдко встрѣчается форма креста. Тотъ-же геометрическій орнаментъ оказывается на предметахъ сибирской археологіи, особенно часто встрѣчающійся на глиняныхъ издѣліяхъ.**)

2) *Коническія жестяныя или желѣзныя трубочки*, нашиваемыя на платье. У американцевъ этими побрякушками обшиваются, какъ бахромой, сумки, табачные кисеты, башмаки и другіе предметы. У сибирскихъ инородцевъ подобныя трубки, но болѣе значительныхъ размѣровъ, составляютъ принадлежность шаманскаго убора (на поясѣ и бубнѣ). Нельзя отрицать, что предметы, употребляемые для религіозныхъ обрядовъ вообще отличаются большею устойчивостью. Привычка къ старой, неизмѣнной формѣ здѣсь имѣетъ больше значенія, чѣмъ въ вещахъ обыденной жизни. Поэтому позволительно предположить, что шаманскій нарядъ сохранилъ на себѣ въ вышеупомянутыхъ трубочкахъ слѣды того отдаленнаго времени, когда эти коническія побрякушки употреблялись на сѣверѣ Сибири въ качествѣ простыхъ украшеній народнаго костюма, какъ это нынѣ существуетъ у американцевъ. Такое-же точно отношеніе можно усмотрѣть и въ другой принадлежности шаманскаго костюма, именно въ безчисленныхъ бахромахъ изъ узкихъ ремней и тряпокъ, составляющихъ нижнюю часть шаманской юбки. Подобныя бахромы въ видѣ длинныхъ кистей изъ тонко нарѣзанныхъ ремней составляютъ неизмѣнную при-

*) См. американскую витрину, каталогъ стр. 99.

**) У амускихъ инородцевъ, а равно у монголовъ и татаръ преобладаетъ не геометрическій, а кудрявый орнаментъ, съ завитками и разводами.

надлежность украшенія наибольшей части американскихъ мягкихъ издѣлій.

3) *Бубенчики.* Подъ словомъ бубенчикъ я разумѣю здѣсь металлическія, круглыя, полыя погремушки, съ ушкомъ и поперечною прорѣзью на передней поверхности, подобныя тѣмъ пуговкамъ или запонкамъ, которыя еще недавно носили русскія женщины на сарафанахъ. Рядомъ такихъ маленькихъ бубенчиковъ американцы украшаютъ свои головные уборы (№ 1561), кожанные шаровары (№ 1574), ихъ же подвѣшиваютъ иногда къ серьгамъ (№ 1594) и къ оружію (№ 1544), какъ погремушки. Форма этихъ бубенчиковъ, какъ мы уже упомянули, очень похожа на русскія дутыя запонки; но еще любопытнѣе то обстоятельство, что точно такіе-же предметы оказываются въ тобольскихъ курганныхъ могилахъ (см. № 729). Имѣющіеся въ нашемъ музеѣ два экземпляра такихъ бубенчиковъ, изъ коихъ въ одномъ даже сохранилась погремушка, до такой степени похожи на современные американскіе, что не остается сомнѣнія въ близкомъ родствѣ послѣднихъ съ археологическими тобольскими.

Глубокая древность бубенчика не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ тобольскихъ находокъ, они часто встрѣчались въ числѣ предметовъ, вырытыхъ изъ курганныхъ могилъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ напр въ атласѣ *Крузе* (Necrolivonica) 4 экземпляра ихъ изображено на табл. 3-й, 19 экземпляровъ на табл. 10-й, 1 на табл. 16-й, 23 на табл. 27 (какъ привѣски на ожерельѣ) и 2 на табл. 39-й. Ливонскіе бубенчики бываютъ и круглой, и грушевидной формы, съ поперечною и съ крестообразною прорѣзью на передней поверхности, но величина и общій характеръ ихъ тѣже самые, какъ у американскихъ и тобольскихъ.*)

4) Въ числѣ археологическихъ предметовъ, сходныхъ съ современными американскими, можно указать еще на бронзовый *перстень*, № 662, найденный въ тобольскомъ курганѣ. Такой-же формы перстни оказываются въ ливонскихъ древностяхъ (атласъ *Крузе*, табл. 40). Въ нашей американской этнографической коллекціи имъ соотвѣтствуютъ №№ 1595 и 1596, какъ объ этомъ было уже сказано въ примѣч. 15-мъ, стр. 40.

5) Въ примѣч. 12-мъ (стр. 23) мы упомянули, что докторъ Шлиманнъ обратилъ вниманіе на сходство хранящихся въ Бри-

*) Большіе мѣдные бубенчики (ширкунцы), распространенные нынѣ по всей Россіи, вѣроятно, ведутъ свое начало отъ тѣхъ-же археологическихъ образцовъ. Точно такой-же формы бубенчики, но меньшихъ размѣровъ, употребляются въ Китаѣ (№ 1993).

танскомъ музеѣ археологическихъ *напрясл*, собранныхъ въ Мексикѣ, съ венгерскими и троянскими. Въ томъ же примѣчаніи было сказано, что подобные глиняные кружки и конусы, надѣваемые на веретена, были въ употребленіи и у древнихъ жителей Сибири.

6) Въ примѣч. 14, объ искуственно обезображенныхъ черепахъ мы имѣли случай коснуться вопроса о распространеніи этого страннаго обычая изъ восточной Азіи въ Америку (стр. 31—33). Въ ряду съ другими археологическими совпаденіями, этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ числѣ доказательствъ, говорящихъ о сношеніяхъ американцевъ съ сибиряками въ древнѣйшія доисторическія времена.

7) Извѣстно, что на материкѣ Новаго свѣта, особенно въ Мексикѣ, были находимы курганныя могилы, по устройству своему сходныя съ сибирскими. Тамъ-же существуютъ на скалахъ „писаные камни", съ изображеніемъ разныхъ сценъ и даже алфавитныхъ знаковъ, напоминающихъ руническое письмо, подобно тому, какъ это мы видимъ во многихъ мѣстахъ Сибири и на сѣверномъ Уралѣ.

Указанное сходство между сибирскими и американскими древностями, по всей вѣроятности, этимъ не ограничивается; но мы не можемъ провести намѣченное сравненіе въ болѣе широкихъ размѣрахъ, не имѣя подъ руками соотвѣтствующихъ источниковъ для Америки. Равнымъ образомъ и сходство въ этнографическихъ чертахъ между американцами и нашими финнами, можетъ быть, оказалось бы еще замѣтнѣе, если бы мы могли пользоваться для сравненія не отрывочными, случайно полученными изъ Америки, предметами, а болѣе полною обстановкою жизни тѣхъ и другихъ народовъ. Поэтому настоящая наша замѣтка должна быть разсматриваема не болѣе какъ тема для дальнѣйшихъ изслѣдованій даннаго вопроса, во всякомъ случаѣ заслуживающаго полнаго вниманія. Одно предположеніе о возможности заселенія Новаго Свѣта черезъ Сибирь значительно поднимаетъ интересъ къ сибирскимъ древностямъ и даетъ путь къ болѣе широкому ихъ изученію совмѣстными силами русскихъ и американскихъ ученыхъ.

56) Откуда могли брать олово для сибирской архаической бронзы.

Въ заключеніе замѣчаній о сибирской архаической бронзѣ не безполезно коснуться вопроса: откуда древніе обитатели Сибири получали *олово* для своихъ металлическихъ сплавовъ? Ленорманъ

и большая часть нѣмецкихъ авторовъ считаютъ страною древняго олова сѣверную окраину Персіи, до Гиндукуша. Это предположеніе основываютъ на свѣдѣніи, извлеченномъ изъ географіи Страбона, гдѣ говорится, что Дрангіанцы, жившіе гдѣ-то на сѣверной границѣ Персіи, торговали оловомъ. Это смутное указаніе, повидимому, подтверждается новѣйшими извѣстіями, собранными на мѣстѣ. Оказывается, что въ Хоросанѣ, дѣйствительно, есть оловянные рудники, а по словамъ купцовъ, торгующихъ съ Мервомъ, много рудныхъ мѣсторожденій, въ томъ числѣ и олова, будто-бы находится въ гористыхъ мѣстностяхъ Туркменіи (Беръ, труды Моск. арх. общ. Т. VII). Допуская справедливость этого разслѣдованія, изъ него мы можемъ заключить, что туркменскимъ источникомъ оловянной руды въ древности могли пользоваться Ассиріяне, Вавилоняне и Персы, но для сибирскихъ жителей эти рудники были слишкомъ отдалены и едвали доступны. Между тѣмъ, по массѣ археологическихъ бронзовыхъ предметовъ мы видимъ, что въ Сибири олово было въ большомъ спросѣ и металлургическое дѣло было поставлено на очень хорошую ногу. Здѣсь была собственная разработка серебро-свинцовыхъ и мѣдныхъ рудъ (не считая золота) и мѣстное производство металлическихъ издѣлій, въ составъ которыхъ входило олово. Для такой постановки промышленности, при слишкомъ большой отдаленности Сибири отъ центровъ западно-азіатской и европейской торговли, необходимо было имѣть собственные источники этого рѣдкаго металла. На такіе источники дѣйствительно есть указанія, хотя и не такія древнія. Въ данномъ случаѣ древность не имѣетъ значенія, такъ какъ металлическая руда, найденная позднѣе, безъ сомнѣнія, существовала и въ архаическія времена и могла быть извѣстна древнимъ рудокопамъ, которые, судя по слѣдамъ ихъ дѣятельности, были такіе отличные мастера отыскивать цѣнные металлы.

Одно указаніе на разработку оловянныхъ рудъ находится въ книгѣ Большому чертежу (изданіе Языкова 1838 г.) на стр. 216. Говоря объ истокахъ рѣкъ Ишима и Тобола, старый нашъ географъ прибавляетъ: „А отъ тое горы 170 верстъ гора Улутова (Улутау), по нынѣшнему (нашему) Великая гора, *а въ ней олово*. Изъ Улутовой горы потекли три рѣки однимъ прозвищемъ, всѣ три Сорилы: Верхняя Сорила пала въ Ишинъ (Ишимъ) рѣку, а Средняя и Нижная—обѣ Сорилы пали въ Тоболъ рѣку. Изъ тое-жъ горы потекли три рѣки Кендерлики, да рѣка Зиланчикъ, а въ ней во брегу краски желтыя и червчатыя. А мимо той горы, за 40 верстъ отъ горы, течетъ рѣка Сарсу (Сары-су), а въ рѣку Сарсу пала рѣка Кендерликъ“. Изъ этого, довольно подробнаго

описанія видно, что мѣстность, о которой идетъ рѣчь, географу хорошо была извѣстна. Это именно горный водораздѣлъ въ Киргизской степи, откуда берутъ свое начало сѣверные притоки рѣки Сары-су, юго-западные р. Ишима и восточные р. Тургая. Въ частности, обозначаемая на современныхъ картахъ гора *Улу-тау* очевидно есть та самая Улутова гора, о которой идетъ рѣчь въ Большомъ чертежѣ. Отъ нея верстахъ 80—100 на юго-востокѣ протекаетъ р. Сары-су, а на западъ съ этого водораздѣла вытекаетъ р. Джиланчикъ.

Свѣдѣнія о присутствіи олова въ Улутавской горѣ, хотя и не подтверждены новѣйшими изысканіями, но тѣмъ не менѣе весьма вѣроятны. Въ остаткахъ, бывшихъ когда-то въ Киргизской степи горныхъ хребтовъ, нынѣ полуразрушенныхъ, находятся весьма богатыя залежи дорогихъ рудъ, особенно серебро-свинцевыхъ и мѣдныхъ. Посланная сюда въ 1814 году экспедиція для развѣдокъ достала близъ горы Кургашъ-тау около 100 пудовъ хорошей свинцовой руды, а въ 1815 году до 6000 пудовъ, изъ которой получилось 2524 пуда свинца. Мѣдныя руды давали изъ 10 пудовъ —7 пуд. 35 фунтовъ чистой мѣди. (Горн. Журн. 1829 г. № 3). Эти пробы не были единичными и случайными. Съ 1848 года рудныя богатства степи привлекали сюда многихъ промышленниковъ, и если горное дѣло до сего времени не получило здѣсь блестящаго развитія, то объясняется это только ненаселенностью степи и отдаленностью ея отъ удобныхъ путей сообщенія.

Судя по приведеннымъ фактамъ, можно вполнѣ довѣрять свѣдѣніямъ книги Большаго чертежа, но трудно рѣшить, что русскій географъ разумѣлъ подъ словомъ олово, дѣйствительно-ли этотъ металлъ, или свинецъ? Въ древнеславянскомъ языкѣ эти понятія часто смѣшивались, и даже въ лексиконѣ Поликарпова 1704 г. олово принимается какъ *plumbum*. Въ томъ-же значеніи это слово существуетъ во многихъ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ и перешло въ арабскій языкъ (*alâby*, plumbum). Въ литов. языкѣ соотвѣтствующее слово *alwas* значитъ stannum, собственно олово; въ русскомъ-же языкѣ оно долго употреблялось одновременно и въ томъ и въ другомъ значеніи.

Для восточной Сибири, повидимому, существовали свои источники для добычи олова. Слѣды ихъ найдены были въ началѣ текущаго столѣтія въ Нерчинскомъ округѣ, по рѣкѣ Онону. Позволяемъ себѣ привести здѣсь краткія извлеченія по этому вопросу изъ дѣлъ Нерчинскаго горнаго правленія.*) Вотъ что объ этомъ

*) Дѣло объ Ононскомъ оловянномъ и Агинскомъ мѣдномъ пріискахъ. Свѣдѣніе отъ 9 іюня 1859 г. № 3396, доставленное въ Нерчинское горное

сообщаетъ г. Эйхвальдъ: „Изъ свѣдѣній собранныхъ мною въ архивѣ горнаго правленія, видно, что Ононскій оловянный пріискъ сдѣлался извѣстнымъ въ 1811 году; ибо въ докладной запискѣ, представленной въ 1826 году отъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ г. Министру Финансовъ сказано: „Въ 1811 году бывшій военный генералъ-губернаторъ Сибири извѣстилъ Министра Финансовъ, что въ забайкальскихъ кочевьяхъ хоринскихъ братскихъ (бурятскихъ) родовъ, при устьѣ рѣчки Сугунъ, впадающей въ рѣку Ононъ, нѣкоторыми изъ бурятъ найдена и объявлена главному ихъ тайшѣ Гольцану Мордаеву *оловянная руда*, изъ которой братскими мастеровыми выплавлено было олово; да и по испытанію сей руды въ иркутскомъ пробирномъ отдѣленіи оказалось въ пудѣ той руды отъ 1 фун. 30 золотн. до 1 фунт. 50 золотн. олова“.

По полученіи такихъ свѣдѣній, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ командировалъ на указанное мѣсто офицера, который по возвращеніи донесъ, что *„во всѣхъ видѣнныхъ имъ разной величины копяхъ добывалась братскими* (бурятами) *оловянная руда*, изъ чего можно было заключить, *что они и прежде производили свои работы и были знакомы съ симъ промысломъ“*.

Изъ послѣднихъ словъ рапорта командированнаго офицера, а равно и изъ послѣдующихъ описаній можно предположить, что указанный бурятами пріискъ представлялъ собою не что иное, какъ старые отвалы древнихъ разработокъ. Такъ, напр. въ донесеніи сказано:“ должно замѣтить, что самыя чистыя оловянныя руды, какъ въ братскихъ копяхъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, добывались *по вскрытіи дерна, въ разрушенныхъ породахъ, но какъ скоро онѣ принимали настоящее жильное положеніе, то и оловянная руда уже встрѣчалась не въ такомъ количествѣ“*. Тоже самое говорится и въ другомъ мѣстѣ: „На горѣ смежной, противулежащей сему пріиску находится мѣсторожденіе оловяннаго камня, подобное во всемъ вышеописанному; оно открыто со стороны казны въ 1813 году. *Оловянная руда встрѣчена была здѣсь первоначально по вскрытіи дерна*, въ видѣ довольно значительныхъ крупинокъ и даже гнѣздами; но чѣмъ дальше въ глубь производилась работа, тѣмъ менѣе начало встрѣчаться руды“.

Въ окрестностяхъ этихъ рудныхъ мѣсторожденій произведена была тщательная развѣдка (разрѣзами и выемками разносомъ), но изъ открытыхъ, такимъ образомъ, прожилковъ ни одинъ не прости-

правленіе управляющимъ Александровскимъ горнымъ округомъ капитаномъ Эйхвальдомъ.

рался глубоко и не имѣлъ большаго протяженія, вслѣдствіе чего работы здѣсь въ скоромъ времени были прекращены. Можно поэтому думать, что указанные бурятами рудники были уже выработаны ранѣе, а остававшійся на поверхности (тотчасъ подъ растительнымъ слоемъ) незначительный слой былъ остаткомъ прежде переработывавшихся рудъ. Здѣсь, стало быть, мы имѣемъ тоже самое явленіе, что на Алтаѣ съ отвалами серебросвинцовыхъ рудъ древнихъ разработокъ и на среднемъ Уралѣ—мѣдныхъ рудъ.

Въ тѣхъ-же мѣстахъ найдены были *Кулиндинскіе оловянные пріиски* (1813 и 1814 г.), находящіеся по обѣимъ сторонамъ р. Кулинды, впадающей въ р. Ононъ съ правой стороны, отъ прежде найденныхъ пріисковъ въ 7 верстахъ. Мѣсторожденіе сихъ пріисковъ состоитъ изъ грядъ гранита, лежащаго въ слюдяномъ сланцѣ и составляющаго въ немъ какъ бы жилы. Оловянный камень, вкрапленный въ этомъ гранитѣ, составляетъ руду весьма убогую. Для изслѣдованія этихъ мѣсторожденій заложены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шахты; но чѣмъ болѣе углублялись ими, тѣмъ руда становилась убоже и самая жила утончалась. Наибольшее количество рудъ было добыто *изъ гранитовыхъ валуновъ, собираемыхъ на поверхности и содержавшихъ въ себѣ мелко вкрапленный оловянный камень.* Изъ этихъ пріисковъ добыто руды до 7000 пудовъ, съ содержаніемъ олова въ пудѣ руды отъ $^1/_8$ фун. до $1^3/_4$ и рѣдко до $2^1/_2$ фунтовъ. По причинѣ убогости и безнадежности этого рудника, работа на немъ съ 1818 года оставлена.

Шаранайскіе пріиски открыты въ 1818 году близь деревни Шаранайской, на правомъ берегу Онона, при устьѣ рѣчки Маховой, отъ первооткрытыхъ пріисковъ въ 12 верстахъ. Мѣсторожденіе заключается въ гранитѣ, подобно предъидущему, съ весьма малымъ количествомъ оловяннаго камня. По произведенной поверхностной развѣдкѣ эти пріиски никакой благонадежности не оказали, почему въ 1820 году дальнѣйшее изслѣдованіе ихъ остановлено.

Завитинскіе пріиски открыты въ 1817 году вблизи деревни Завитинской, на лѣвой сторонѣ р. Онона и на правой р. Ингоды, въ 10 верстахъ выше соединенія ихъ. Мѣсторожденіе ихъ во всемъ подобно вышеописанному. Въ 1821 году здѣсь производилась шурфовка, но ничего благонадежнаго не оказалось, потому разработки этого рудника не было.

Съ 1 января 1860 года, по ходатайству управляющаго Александровскимъ горнымъ округомъ, инженеръ-капитана Эйхвальда, всѣ работы по Ононскимъ оловяннымъ пріискамъ были закрыты по причинѣ ихъ невыгодности.

Изъ вышеупомянутыхъ рудниковъ было получено чистаго олова: въ 1812, 1813 и 1814 годахъ 478 пудовъ 12 фунтовъ; въ 1815, 1816 и 1817 годахъ 24 пуда 3 фунта; въ 1818 году 26 пудовъ 3 фунта; въ 1819 году 36 пудовъ 29 фунтовъ; въ 1820 году 49 пудовъ 22½ фунта; въ 1821 году 30 пудовъ 36 фунтовъ; въ 1822 году 24 пуда 38½ фунтовъ; въ 1823 г. 32 пуда 2½ фунта; въ 1824 году 22 пуда 32½ фунта; въ 1825 году 31 пудъ 32½ фунта; въ 1826 году 17 пудовъ 2½ фунта; въ 1827 году 9 пудовъ 29 фунтовъ; въ 1828 году 10 пудовъ 12½ фунтовъ; въ 1829 году 13 пудовъ 30½ фунтовъ; по 1 октября 1830 года добыто изъ прорѣзовъ 4 пуда 36½ фунтовъ и изъ наносовъ 15 пудовъ 27½ фунтовъ.

Не смотря на то, что вышеприведенныя данныя, при собираніи коихъ имѣлись въ виду исключительно практическія цѣли, не даютъ никакихъ прямыхъ указаній на археологическое значеніе оловянныхъ рудниковъ рѣки Онона, мы считаемъ возможнымъ допустить предположеніе, что эти мѣсторожденія рудъ могли быть извѣстны древнимъ обитателямъ Сибири и могли ими разработываться. Косвенными доказательствами такого предположенія служатъ: 1) существованіе въ Забайкальской области несомнѣнно древнѣйшихъ слѣдовъ разработки серебро-свинцовыхъ и мѣдныхъ рудъ, въ отвалахъ которыхъ были находимы предметы т. н. бронзоваго вѣка; 2) характеръ открытыхъ въ 1811 г. оловянныхъ рудъ по рѣкѣ Онону, именно ихъ слишкомъ поверхностное залеганіе, притомъ не въ формѣ жилъ, а въ формѣ розсыпей и наносовъ. Не указываетъ-ли это на искусственное скопленіе рудъ на мѣстѣ ихъ древней обработки? Иначе трудно объяснить приводимую въ отчетахъ крайнюю неравномѣрность добычи олова въ теченіе первыхъ и послѣдующихъ трехлѣтій. Съ 1712 по 1814 г. олова добыто изъ наносовъ 478 пуд., между тѣмъ какъ въ слѣдующее трехлѣтіе только 24 пуда, причемъ дальнѣйшая развѣдка показала, что рудныя жилы во всей мѣстности крайне убоги. Такимъ образомъ, наружный рудоносный слой, заключавшійся въ разрушенныхъ породахъ кварца и слюды, а также въ валунахъ, обломкахъ и розсыпяхъ гранита съ вкрапленнымъ въ него оловяннымъ камнемъ, могъ представлять и естественное, случайное скопленіе руды, по размѣрамъ не соотвѣтствующее жильному ея мѣсторожденію въ той-же мѣстности, но, съ неменьшимъ вѣроятіемъ, онъ могъ также изображать собою собранный искусственно запасъ рудъ при разработкѣ ихъ въ древнѣйшія времена. Такое именно впечатлѣніе, повидимому, произвели Ононскіе рудники на офицера, осматривавшаго ихъ въ первый разъ. Въ его отчетѣ

сказано, что во всѣхъ видѣнныхъ имъ разной величины копяхъ дѣйствительно добывалась оловянная руда, изъ чего онъ заключаетъ, что эти работы производили буряты и что они были знакомы съ этимъ промысломъ. Къ сожалѣнію, осматривавшій офицеръ не пояснилъ, почему именно онъ приписываетъ прежнюю разработку рудъ бурятамъ и не высказалъ никакого предположенія о томъ, когда происходили эти прежнія разработки,—слышалъ-ли онъ объ нихъ отъ самихъ бурятъ, или заключаетъ объ этомъ только по сохранившимся слѣдамъ существовавшихъ здѣсь когда-то работъ. По смыслу его словъ скорѣе можно предположить послѣднее, и въ этомъ случаѣ выводъ г. офицера можетъ еще подлежать разному толкованію. Фактъ разработки рудъ онъ могъ приписать бурятамъ потому только, что этотъ самый народъ нынѣ живетъ по рѣкѣ Онону и что изъ среды его были получены первыя свѣдѣнія объ ононскомъ оловѣ. Но это еще ничуть не доказываетъ, что оловянные пріиски прежде разработывались бурятами, точно также какъ указанные монголами и киргизами на Алтаѣ древніе отвалы серебро-свинцевыхъ рудъ не подтверждали-бы гипотезы о существованіи у этихъ народностей древнѣйшихъ упражненій въ горнопромышленности.

57) *Общія соображенія о скиѳскихъ древностяхъ.*

(Единство міровой культуры. Семито-арійцы и ихъ разселеніе. Эпоха Троянской войны. Славянскіе элементы въ числѣ союзниковъ Трои. Троянскіе и скиѳскіе курганы и другіе этнографическіе признаки, сближающіе троянцевъ съ скиѳами и славянами. Память о Троянѣ у сѣверныхъ и южныхъ славянъ Древняя родина славянъ и теорія ихъ разселенія).

Разсматривая культурную жизнь человѣчества во всемъ ея объемѣ, сравнивая древнѣйшія формы проявленія этой жизни съ болѣе поздними и нынѣ существующими, приходишь къ убѣжденію, что міровая культура представляетъ истекающій изъ одного источника непрерывный потокъ, вплоть до нашихъ временъ. Чѣмъ далѣе течетъ это русло, тѣмъ оно дѣлается многоводнѣе; но не потому, чтобы оно принимало новые притоки, берущіе начало изъ другихъ независимыхъ центровъ, а потому, что культурное теченіе, дробясь по народностямъ, находитъ новые источники въ своемъ собственномъ руслѣ, т. е. въ творческой силѣ народнаго генія. Поэтому міровую культуру правильнѣе сравнить не съ системою рѣкъ, гдѣ изъ многихъ притоковъ даннаго бассейна образуется

многоводное общее русло, а съ системой оросительныхъ каналовъ, разносящихъ живительную влагу по орошаемой области. Всемірная исторія не даетъ намъ ни одного примѣра, гдѣ бы возникали совершенно самобытные культурные центры, безъ всякой связи съ общимъ міровымъ достояніемъ этого рода. Напротивъ того, мы видимъ, что накопленное вѣками богатство человѣческаго ума всегда передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ народа къ народу, какъ общее наслѣдство.*) Даже самыя первыя пріобрѣтенія человѣчества, каковы напр. счетъ и мѣра, одежда и жилище, добываніе огня, прирученіе домашнихъ животныхъ, начальныя орудія такъ называемаго каменнаго вѣка, и тѣ носятъ общій характеръ наслѣдственности. Но чѣмъ выше и сложнѣе становились изобрѣтенія, тѣмъ они дѣлались устойчивѣе и тѣмъ яснѣе показывали, что они не суть случайныя вспышки человѣческаго генія, являвшіеся безъ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ ростомъ человѣчества. Напротивъ, всякій новый вкладъ въ міровую культуру былъ исподволь подготовленъ предшествовавшимъ періодомъ и въ свою очередь служилъ ступенью для дальнѣйшихъ усовершенствованій. Какъ физическое размноженіе человѣчества ведетъ свое начало отъ одной пары, какъ языки вѣтвятся отъ одного начальнаго корня, видоизмѣняясь и дробясь по племенамъ и народностямъ сообразно индивидуальнымъ свойствамъ и духовнымъ силамъ каждаго народа, такъ и человѣческая индустрія представляетъ непрерывную нисходящую цѣпь, связывающую въ одно родственное цѣлое весь культурный міръ. Поэтому такія изобрѣтенія, какъ добываніе и плавка металловъ, строительное искусство съ его инструментами, типы военныхъ и хозяйственныхъ орудій, гончарное искусство, культивированіе злаковъ, обработка стекла, изобрѣтеніе письменности и т. под.—мы можемъ прослѣдить съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ какъ нѣчто цѣлое, переходившее отъ народа къ народу. Тоже самое мы видимъ въ религіозныхъ идеяхъ, въ нравственныхъ, политическихъ, соціальныхъ и научныхъ доктринахъ. Вся совокупность свѣдѣній, коими владѣлъ древній міръ, дошла до нашихъ дней, съ разными лишь видоизмѣненіями и нарощеніями, сообразно творческому генію дальнѣйшихъ поколѣній.

Первая человѣческая культура, какъ продуктъ наиболѣе воспріимчиваго и творческаго народнаго ума, должна была проявиться

*) Связь древнѣйшей вавилонской или ассирійской культуры съ египетскою, еврейскою, персидскою и вообще азіатскою, а равно связь египетской съ греческою и римскою культурою—очевидна. Наиболѣе самобытною представлялась китайская цивилизація; но при болѣе внимательномъ ея изученіи и въ ней оказалось весьма много элементовъ, положенныхъ въ основаніе арійской и семитской культуры.

у племени, наиболѣе одареннаго отъ природы физическими и духовными способностями. Таково было кавказское племя, на сколько объ немъ сохранились свѣдѣнія въ преданіяхъ и исторіи. Изъ числа народностей этого племени ранѣе другихъ выступили на историческую сцену и болѣе всего внесли культурныхъ началъ семитоарійцы, которыхъ по справедливости можно считать основателями существующей нынѣ цивилизаціи. Родиною семитовъ считаютъ бассейнъ Тигра и Ефрата, арійцевъ же обыкновенно производятъ изъ предгорій Центральной Азіи, откуда размножившіяся и обособившіяся вѣтви этаго племени разселились въ разныя стороны, отдавая, повидимому, предпочтеніе движенію на западъ. Это послѣднее направленіе, можетъ быть, обусловливалось первоначально чисто географическими причинами, такъ какъ для пастушескаго народа западныя страны Азіи не представляли такихъ труднопреодолѣваемыхъ преградъ, какъ на югѣ и востокѣ горные хребты Памирской и Тяньшаньской системы. Изъ арійцевъ только индусы рѣшились преодолѣть эту естественную преграду, перейдя за Гиндукушъ и поселившись въ южныхъ долинахъ за Гималайскимъ хребтомъ. Нѣкоторая часть родственныхъ имъ племенъ, повидимому, направилась на сѣверовостокъ, по бассейну Аму и Сыръ-Дарьи и далѣе за эту рѣку, въ Семирѣченскую область и Южную Сибирь.

Въ числѣ арійскихъ племенъ, передвинувшихся на западъ, ранѣе другихъ выступаютъ на историческую сцену Эллины, Ѳракійцы и разныя народности, населявшія припонтійскую часть Малой Азіи. Память объ нихъ сохранена для потомства знаменитою народною былиною о Троянской войнѣ (Иліада), гдѣ азіатскія народности, составлявшія троянскій союзъ, противупоставляются эллинскимъ племенамъ.

Читая безсмертную поэму Гомера и всматриваясь въ основныя черты ея духа и содержанія, невольно останавливаешся на мысли, что въ этой эпической былинѣ проводится воспоминаніе о вѣковой борьбѣ двухъ народностей, можетъ быть споривших, также какъ нынѣ, за обладаніе ключемъ къ Черному морю.

Троянское ополченіе состояло изъ разныхъ племенъ, отличавшихся отъ эллиновъ характеромъ и языкомъ.*) Передъ началомъ битвы „Трои сыны устремляются съ говоромъ, съ крикомъ, какъ птицы“; эллинскіе-же воины надвигаются въ безмолвіи, „боемъ дыша, духомъ единымъ пылая, стоять одному за другаго“.

*) Объ этомъ ополченіи Гомеръ замѣчаетъ:

«Много народовъ союзныхъ въ Пріамовомъ градѣ великомъ,
Разныхъ своимъ языкомъ, по землѣ разсѣянныхъ смертныхъ».
(Иліада, П, 803).

(Иліада III, 2—9). Эта характерная черта, очевидно, намѣчена Гомеромъ не случайно. Въ другомъ мѣстѣ поэмы онъ тоже повторяетъ, что фаланги Данаевъ, какъ морскія волны, идутъ толпа за толпою, но въ полномъ молчаньи; трояне-же, какъ стая овецъ, идутъ съ крикомъ. „Крикъ сей и звукъ ихъ рѣчей не у всѣхъ одинаковы были, но различный языкъ разноземныхъ народовъ союзныхъ“ (IV, 436—438). По дальнѣйшему содержанію поэмы, по всему тону ея, по отношенію чувства ея составителя къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ еще яснѣе остается впечатлѣніе, что здѣсь дѣло идетъ не о междоусобицѣ двухъ эллинскихъ общинъ, а о столкновеніи интересовъ двухъ національностей, одинаково почтенныхъ и одинаково сильныхъ. По тону поэмы нигдѣ не видно, чтобы троянцы представлялись варварами, племенемъ низшей культуры. Напротивъ, скорѣе получается такое впечатлѣніе, что симпатіи Гомера болѣе склоняются на сторону троянцевъ, чѣмъ ахейцевъ. Нравственная и культурная сторона первыхъ оттѣняется выше, чѣмъ у послѣднихъ, особенно если принять во вниманіе дополненіе эллинской характеристики по другой Гомеровской поэмѣ, Одиссеѣ. Всѣ эти данныя приводятъ къ предположенію, что троянцы и ихъ союзники, наравнѣ съ эллинами, были люди арійской крови. Ихъ обыкновенно считаютъ особымъ, нынѣ почти исчезнувшимъ, ѳракійскимъ племенемъ. Часть этого народа впослѣдствіи эллинизировалась, въ томъ числѣ эпироты и македонцы; часть сохранила свою національность, отодвинувшись въ сѣверо-западный уголъ Балканскаго полуострова, подъ именемъ трибалловъ, гетовъ и даковъ; но нѣкоторые союзники Трои удалились въ болѣе далекія мѣста, затемнивъ свой историческій слѣдъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ для насъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія племена венетовъ изъ Пафлагоніи, и гализоновъ изъ Алибы. Впослѣдствіи времени римскіе историки ставили этихъ венетовъ въ связи съ переселившимся въ сѣверную Италію народомъ того же имени, отъ котораго донынѣ осталось названіе Венеціанской области. Этотъ народъ появился на Адріатическомъ морѣ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Объ немъ упоминаетъ Геродотъ (Кн. I, 196); а Полибій (умершій въ 122 г. до Р. Х.), говоря о венетахъ сѣверной Италіи, замѣчаетъ, что это было весьма древнее племя, по обычаямъ и образу жизни сходное съ кельтами, но употреблявшее другой языкъ (II, 17). Въ настоящее время многіе историки считаютъ доказаннымъ, что адріатическіе венеты принадлежали славянскому племени.*) Это обстоятельство имѣетъ

*) *Гильфердингъ*. Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ, гл. II, Венеты.

для насъ большое значеніе, какъ устанавливающее прямую историческую связь между гомеровскими энетами и славянами.

Не довѣряя догадкамъ римскихъ писателей, производившихъ италійскихъ венетовъ отъ соплеменнаго имъ народа, сражавшагося подъ Троею, Гильфердингъ придаетъ болѣе значенія показанію Арріана, особенно занимавшагося исторіею азіатскихъ народовъ (жилъ во II вѣкѣ по Р. Х.). Арріанъ говоритъ, что энеты пострадали отъ войны съ ассирійцами и это заставило ихъ удалиться въ Европу. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Гильфердинга, переселеніе славянъ изъ Малой Азіи должно было-бы относиться къ эпохѣ ассирійскихъ завоеваній, именно къ 1200—900 г. до Р. Х., что болѣе или менѣе тоже соотвѣтствуетъ эпохѣ троянской войны. Причина переселенія здѣсь имѣетъ второстепенное значеніе: были-ли потѣснены венеты ассирійцами, или эллинами,—это все равно; но важно установить фактъ, что въ эпоху, предшествовавшую паденію Трои, славяне дѣйствительно жили въ Малой Азіи, именно въ Пафлагоніи, на южномъ берегу Понта. Здѣсь дѣйствительно сохранились, очевидно съ древнѣйшихъ временъ, нѣкоторыя географическія названія, напоминающія славянскіе звуки, каковы напр. гомеровская Кромна, Загора, (нынѣ гора Загра), страбоновская Блаэна и т. под. Этими историческими указаніями проливается свѣтъ на многіе археологическіе факты, касающіеся дальнѣйшаго славянскаго быта, также и сибирскихъ древностей. Въ предъидущихъ примѣчаніяхъ мы много разъ обращали вниманіе на сходство сибирскихъ и троянскихъ древностей, и именно въ такихъ формахъ, которыя трудно объяснить однимъ вліяніемъ малоазійской культуры, но гдѣ приходится предполагать и національное родство народностей. Теперь считаемъ нелишнимъ прибавить къ прежнимъ примѣчаніямъ нѣсколько другихъ сопоставленій, могущихъ еще болѣе уяснить нашу основную мысль. Начнемъ съ троянскихъ могилъ.

Погребальные обычаи по справедливости можно причислять къ самымъ устойчивымъ народнымъ привычкамъ. Составляя часть религіозныхъ обрядовъ, они не терпятъ существенныхъ уклоненій отъ данной религіозной формы, и если мѣняются, то обыкновенно вмѣстѣ съ перемѣною религіи. Не касаясь подробностей погребальнаго ритуала, мы остановимся только на формѣ могильныхъ памятниковъ и на способахъ погребенія. Древнія могилы можно раздѣлить на двѣ основныя группы: на земляныя или курганныя, и на каменныя. Тотъ и другой типъ былъ распространенъ очень широко и, повидимому, принадлежалъ двумъ разнымъ группамъ народовъ. Каменныя могилы (т. н. мегалитическіе памятники) въ историче-

ское время составляли отличительную черту кельтскаго племени, а земляные курганы—славянскаго и отчасти германскаго. Германцы, повидимому, рано оставили этотъ обычай и не пользовались имъ въ очень широкихъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ въ Европѣ; *) славяне-же держались курганнаго погребенія вплоть до введенія христіанства, и даже послѣ того не вдругъ и не легко отстали отъ этой языческой привычки. Во время троянской войны обычай сооружать курганы, какъ памятники по усопшимъ, представляется господствующимъ. Гомеръ отмѣчаетъ этотъ фактъ очень часто и съ большими подробностями. Въ пѣснѣ седьмой (ст. 85—91) онъ объясняетъ цѣль этихъ могильныхъ памятниковъ:

«На берегу Геллеспонта широкаго холмъ да насыплютъ.
Нѣкогда, видя его кто нибудь и отъ позднихъ потомковъ
Скажетъ, плывя въ кораблѣ многовесломъ по Черному Понту:
Вотъ ратоборца могила, умершаго въ древніе вѣки;
Въ браняхъ его знаменитаго свергнулъ божественный Гекторъ!
Такъ нерожденные скажутъ, и слава моя не погибнетъ».

Иногда могилу насыпали общую для всѣхъ павшихъ воиновъ. Такъ сдѣлали ахейцы, воспользовавшись этимъ холмомъ какъ укрѣпленіемъ (VII, 435—441; тоже XII, 62—66, XIV, 66—68):

«Тамъ, гдѣ тѣла сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всѣмъ на долинѣ; близь оной воздвигнули стѣну,
Башни высокія, воинству ихъ и судамъ оборону,
Подлѣ стѣны той снаружи ровъ ископали великій,
Всюду широкій, глубокій и копья по немъ водрузили».

Обычай примыкать укрѣпленія къ могильнымъ холмамъ и пользоваться ими въ видахъ обороны, равно какъ и рвомъ, существовалъ также у скиѳовъ, какъ это доказываютъ древнія городища европейской Россіи и Сибири.

У Гомера отмѣчается и другая подробность, повторяющаяся въ сибирскихъ и южно-русскихъ курганахъ и бывшая въ обычаѣ у древнихъ Руссовъ,—это постановка на курганѣ особаго памятника въ видѣ столба или обелиска. Такъ говорится о Сарпедонѣ:

«Послѣ, когда Сарпедона оставитъ душа, повели ты (Кроніонъ)
Смерти и кроткому Сну бездыханное тѣло героя
Съ чуждой земли перенесть въ плодоносную Ликіи землю.
Тамъ и братья и други его погребутъ и воздвигнутъ
Въ память могилу и столпъ, съ подобающей честью умершимъ».
(XVI, 453—457, 671—675).

*) Курганы встрѣчаются въ Германіи значительно рѣже, чѣмъ въ Россіи. По народной молвѣ, они приписываются тамъ Гуннамъ и носятъ названіе Hünen-Gräben. Въ Скандинавіи кургановъ больше, но все-же они не достигаютъ такого громаднаго числа какъ въ Россіи.

Или въ другомъ мѣстѣ:

«Словно какъ столпъ неподвиженъ, который стоитъ на курганѣ,
Мужа усопшаго памятникъ, или жены знаменитой,
Такъ неподвижно они въ колесницѣ прекрасной стояли
(XVII, 434—436)».

Это сравненіе возницы и бойца съ неподвижнымъ памятникомъ на курганѣ можетъ навести на мысль о существованіи у троянцевъ обычая ставить на курганахъ не только каменныя столбы, но и человѣческія изображенія въ родѣ нашихъ каменныхъ бабъ. Отсюда-же видно, что памятники ставились не только знаменитымъ мужамъ, но и женщинамъ, какъ это оказывается и на каменныхъ бабахъ.

Перейдемъ теперь къ самому способу погребенія. При погребеніи Патрокла сначала разчистили мѣсто, устроили костеръ, на который поставили на одрѣ трупъ умершаго. Подлѣ костра убили жертвенныхъ животныхъ и собраннымъ отъ нихъ жиромъ покрыли тѣло покойника (для болѣе легкаго воспламененія). Здѣсь-же, прислоня къ одру, поставили кувшины съ медомъ и масломъ. Ахиллесъ принесъ въ жертву четырехъ коней, двухъ любимыхъ собакъ и двѣнадцать троянскихъ юношей: „мѣдью убивъ ихъ: жестокія въ сердцѣ дѣла замышлялъ онъ“. Изъ послѣдняго стиха видно, что пѣвецъ Иліады считалъ человѣческія жертвы дѣломъ жестокимъ и у троянцевъ, повидимому, необычнымъ. Какъ трупъ погребаемаго, такъ и жертвенныя туши сожигались на кострѣ. Послѣ того обгорѣлыя кости собрали въ урну, а надъ пепелищемъ воздвигли курганъ, какъ памятникъ усопшему. Такъ поступилъ Ахиллесъ при похоронахъ Патрокла (XXIII, 125—180, 238—257). Обрядъ погребенія троянца Гектора нѣсколько отличался отъ эллинскаго. Здѣсь также былъ сооруженъ огромный костеръ, сверху котораго положили трупъ и зажгли; но о жертвоприношеніяхъ при этомъ не упоминается. Потомъ разгорѣвшееся пламя залили багрянымъ виномъ, собрали бѣлыя кости героя въ золотой ковчегъ, обернули въ пурпуровыя ткани и *опустили въ глубокую могилу*, заложивши ее сверху и плотно устлавши огромными частыми камнями. Послѣ того насыпали курганъ и всѣ разошлись. Поминки былы устроены не на могилѣ, а въ домѣ отца Гектора, Пріама, гдѣ всѣ собрались вновь и блистательный пиръ пировали. „Такъ погребали они конеборнаго Гектора тѣло“, и этими словами заканчивается великая троянская эпопея, пѣвцу которой,

повидимому, уже не было дѣла до торжества данаевъ и до дальнѣйшей судьбы павшаго города и побѣжденнаго народа.*)

Изъ приведенныхъ мѣстъ Иліады ясно усматривается, что въ эпоху троянской войны существовалъ обычай сожиганія труповъ и сооруженія на мѣстѣ похоронъ земляного кургана. Въ частности у троянцевъ былъ обычай зарывать собранныя въ урну обгорѣвшія кости въ глубокую могилу, покрывать эту послѣднюю, сверху укладывать камнемъ и потомъ уже насыпать большой курганъ. Въ этихъ чертахъ троянскія и эллинскія могилы совершенно сходны со скиѳскими. При погребеніи Патрокла отмѣчена и другая скиѳская черта—принесеніе въ жертву коней, любимыхъ собакъ и даже людей (враговъ), сожигаемыхъ на томъ-же кострѣ, что также подтверждается при раскопкѣ скиѳскихъ кургановъ южной Россіи. Но у Гомера ни слова не говорится о томъ, чтобы вмѣстѣ съ прахомъ покойника клали въ могилу принадлежавшія ему дорогія вещи. Это, однакоже, не измѣняетъ сущности курганнаго погребенія, прототипъ котораго мы во всякомъ случаѣ должны искать въ передней Азіи, въ троянской культурѣ. У грековъ курганный способъ погребенія вскорѣ былъ совсѣмъ оставленъ. Можетъ быть въ преданіяхъ о троянской войнѣ онъ уже казался отживающимъ свой вѣкъ, или, по крайней мѣрѣ, не господствующимъ. Намекъ на это можно видѣть въ словахъ Гомера, вложенныхъ въ уста Ахиллеса:

«Гроба надъ другомъ моимъ не хочу я великаго видѣть;
Такъ, лишь пристойный курганъ, но широкій надъ нимъ и высокій
Вы сотворите, Ахеяне» (XXIII, 245—247).

Здѣсь земляной курганъ, какъ скромный памятникъ, сопоставляется съ болѣе пышными монументами, вѣроятно ставившимися надъ знатными эллинами въ видѣ какихъ нибудь каменныхъ сооруженій. Послѣ троянской войны у грековъ дѣйствительно появляются такіе каменные мавзолеи.

*) Такое заключеніе Иліады, какъ-бы оборвавшейся на смерти Гектора, —самыя теплыя симпатіи къ троянцамъ, сквозящія во всей поэмѣ, большія подробности въ характеристикѣ троянскихъ союзниковъ, коихъ составитель поэмы, повидимому, зналъ лучше, чѣмъ ахейцевъ, о предводителяхъ которыхъ онъ выражается, что «мы ничего не знаемъ, молву мы единую слышимъ» (II, 486),—все это можетъ наводить на мысль, не была-ли Иліада эпическою былиною эллинизировавшагося впослѣдствіи троянскаго народа, а не собственно эллинскою. Такое преданіе, повидимому, существовало у римлянъ. Страбонъ напр. говоритъ, что «по общепринятому мнѣнію родиною Гомера считаютъ городъ Смирну, а Смирна будто-бы основана была амазонами и названа такъ по имени одной амазонки. Ими же (амозонами) жившими нѣкогда въ Малой Азіи, основаны были города: Ефесъ, Кума и Мирина (Страб. XXII, 3. § 21, 27).

Римляне, по свидѣтельству Плинія (lib, VII, 55), прежде не сожигали своихъ покойниковъ, а хоронили ихъ въ землю. Можетъ быть къ этому времени относятся встрѣчающіеся въ Италіи древнѣйшіе надгробные памятники, насыпанные на подобіе кургановъ. Впослѣдствіи, при общемъ распространеніи трупосожженія, римскіе кладбища и памятники получили совсѣмъ другой характеръ. Кельты, какъ мы уже упоминали выше, отмѣчали свои могилы камнями, поставленными въ опредѣленномъ порядкѣ, и этотъ обычай, очевидно, былъ усвоенъ ими еще до переселенія въ Европу, такъ какъ подобные-же мегалитическіе памятники встрѣчаются на пути движенія этого племени изъ прежней азіатской родины, въ томъ числѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи и Сибири. У иранцевъ послѣ Зороастра и у всѣхъ народовъ, принявшихъ его вѣрованіе, могила, какъ почетный памятникъ, потеряла всякое значеніе. Трупъ является предметомъ оскверняющимъ; его разложеніе не должно касаться ни земли, ни воды; самымъ почетнымъ и достойнымъ считается, когда его пожираютъ хищные звѣри или птицы. При такомъ взглядѣ на трупъ не могло быть мѣста ни торжественнымъ похоронным обрядамъ, ни надгробнымъ памятникамъ.

Изъ вышеприведенныхъ замѣчаній можно вывести слѣдующее заключеніе: 1) обычай насыпать земляные курганы надъ могилою покойника, практиковавшійся у троянцевъ, есть безспорно арійскій. 2) Онъ не былъ усвоенъ всѣми арійскими племенами, какъ начальная форма погребенія, но только нѣкоторыми народностями этой семьи. 3) Эллины, повидимому, не настолько были привязаны къ этому обычаю, какъ троянцы, ибо у первыхъ онъ скоро вышелъ изъ употребленія, а у потомковъ послѣднихъ существовалъ до болѣе позднихъ историческихъ временъ. 4) Древній способъ погребенія у римлянъ (засыпаніе трупа землей или обкладываніе дерномъ) могъ быть вынесенъ изъ Малой Азіи, какъ старый троянскій обычай. Съ принятіемъ эллинскихъ боговъ римляне усвоили и эллинское погребеніе.*)

Послѣ троянской эпохи мы видимъ самое широкое примѣненіе курганнаго погребенія у европейскихъ и азіатскихъ скиѳовъ. Само собой разумѣется, что скиѳскій обычай развился не случайно, а

*) Это обстоятельство могло бы служить косвеннымъ намекомъ на то, что у Грековъ обычай сооружать курганы не былъ укоренившимся, исконнымъ, а быть можетъ перенятъ отъ тѣхъ же троянъ. Приводимый Гомеромъ фактъ погребенія Патрокла, гдѣ сооруженіемъ памятника распоряжался Ахиллесъ, завѣщавшій похоронить и свои кости рядомъ съ любимымъ другомъ своего дѣтства, можетъ быть разсматриваемъ какъ обычай не эллинскій, а киммерійскій, откуда, по преданію, Ахиллесъ былъ родомъ.

былъ выраженіемъ древнѣйшей національной привычки, имѣвшей видимую и непосредственную связь съ точно такимъ-же обычаемъ у троянцевъ и ихъ союзниковъ. Это обстоятельство получаетъ вѣское значеніе, какъ доказательство правдивости историческихъ свѣдѣній о древнихъ народныхъ передвиженіяхъ между Малою Азіею и южною Россіею (исторія скиѳовъ и сарматовъ). По отношенію къ сибирскимъ и семирѣченскимъ курганамъ оно также можетъ служить доказательствомъ арійскаго и въ частности скиѳскаго ихъ происхожденія.

Выше мы имѣли случай коснуться вопроса о переселеніяхъ одного изъ союзныхъ троянцамъ народовъ, именно пафлагонскихъ венетовъ, на берега Адріатическаго моря. Этими венетами устанавливается присутствіе славянской стихіи въ древней троянской культурѣ, но можно думать, что ими оно не исчерпывается. Кромѣ Италіи, венеты оказываются, какъ могущественный народъ, и тоже съ очень давняго времени, на берегахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей;*) позднѣе, до основанія хозарскаго царства, тоже имя является на Волгѣ.**)

У Гемера слово Энетъ употребляется какъ географическое названіе, относящееся до небольшой мѣстности, откуда вождь Пилеменъ вывелъ своихъ пафлагонцевъ (II, 851—852). Эта маленькая страна,***) само собою разумѣется, не могла вмѣщать такого многочисленнаго племени, каковы были венеты. Очевидно, Гомеръ въ вышеприведенномъ стихѣ хотѣлъ только указать пунктъ, откуда вышла дружина Пилемена, а не всю страну, занимаемую этою народностію. Воины его называются пафлагонцами, поэтому можно думать, что энетами была населена вся Пафлагонія. Это дѣйствительно подтверждается какъ сохранившимися здѣсь славянскими географическими названіями, такъ и послѣдующими историческими свѣдѣніями. По свидѣтельству Квинта Курція, энеты дѣйствительно жили здѣсь еще во время Александра Македонскаго (III, 1). Когда этотъ завоеватель проходилъ чрезъ Пафлагонію, то они присоединились къ его войску; но спустя триста лѣтъ послѣ походовъ Александра, Страбонъ уже не нашелъ ихъ здѣсь. Поэтому можно судить, что переселеніе энетовъ, можетъ быть начавшееся вскорѣ послѣ троянской войны, окончательно завершилось только въ послѣднихъ столѣтіяхъ передъ Р. Х. Очень можетъ быть, что

*) Юлій Цезарь, записки о Галльской войнѣ. Гильфердингъ, исторія Балтійскихъ славянъ.

**) Письмо Хозарскаго царя Іосифа, перев. Гаркави, въ первомъ томѣ трудовъ Казанскаго археологическаго съѣзда.

***) Нынѣ она составляетъ часть Кастамунійскаго Эяета, или сѣверозападный уголъ древней Пафлагонской области.

кромѣ пафлагонцевъ были въ Малой Азіи и другія славянскія племена, скрывающіяся у Гомера подъ другими мѣстными прозваніями. Впослѣдствіи, когда они отодвинулись къ сѣвернымъ берегамъ Понта, они были извѣстны у грековъ и римлянъ подъ общимъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ.*)

Живя въ Малой Азіи и соприкасаясь съ ассирійскою и вообще съ семитскою передовою культурою, скиѳы въ эпоху троянской войны были не только не ниже, а можетъ быть выше эллиновъ по развитію. По сохранившемуся у грековъ и римлянъ преданію, имъ (скиѳамъ) приписывались многія полезныя изобрѣтенія, перешедшія потомъ къ народамъ классическаго міра. Такъ, напр., по словамъ Плинія (кн. VII, гл. 57, § 6 и 7), ссылающагося на Аристотеля, лидійскіе скиѳы научили грековъ плавить мѣдь.**) Фабрикацію мѣдныхъ орудій—одни приписывали народу халибамъ (жившимъ въ сосѣдствѣ съ Пафлагоніей), другіе—циклопамъ. Вѣроятно отсюда-же греки узнали и желѣзо, если судить по греческому названію $\chi\alpha\lambda\upsilon\psi$, nucleus ferri. Свинецъ первый привезъ нѣкто Мидокритъ съ острова Касситерида. Въ данномъ случаѣ любопытно, что греки имѣютъ для названія металловъ не древне-арійскіе корни, а большею частію географическіе источники, показывающіе, что при переселеніи съ обще-арійской родины металлы имъ были еще неизвѣстны. Славянскія названія въ этомъ отношеніи оказываются древнѣе греческихъ, какъ имѣющія прямую связь съ праарійскимъ языкомъ (желѣзо, мѣдь, серебро).

О культивированіи злаковъ и о земледѣліи у скиѳовъ мы уже говорили въ примѣчаніи 29 и 39. Возвращаясь къ Плинію, здѣсь

*) Передвиженія скиѳскихъ народовъ изъ Малой Азіи въ южную Россію (и обратно) направлялись обыкновенно черезъ Кавказскіе проходы, и это происходило нѣсколько разъ, быть можетъ даже очень часто. Этою дорогою проходили въ Малую Азію древніе киммерійцы съ сѣвернаго берега Чернаго моря, этимъ же путемъ нѣсколько разъ вторгались скиѳы, а въ болѣе позднее время заходили въ Азію отдѣльныя колоніи славянъ. Въ V вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе того, по свидѣтельству армянскаго историка Моисея Хоренскаго, такимъ же способомъ переселилась въ Араратскую область часть болгарскихъ Венетовъ (Булгара-Венда), вѣроятно съ Волги, или съ сѣвернаго Кавказа (Моис. Хор. исторія Арменіи, перев. Эмина, стр. 81. Гильфердингъ, исторія славянъ, гл. II. стр. 165 и прим. 60). Вообще можно сказать, что въ древнѣйшія времена сношенія южной Россіи съ Малою Азіею были гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ послѣдствіи. Этимъ обстоятельствомъ, а равно и прежнимъ жительствомъ Венетовъ въ Пафлагоніи, въ близкомъ сосѣдствѣ съ ассирійскими семитами, объясняется присутствіе у сѣверныхъ славянъ такого значительнаго числа иранскихъ и семитскихъ словъ и народныхъ привычекъ.

**) Славянское названіе *мѣдь*, вѣроятно, также вынесено изъ Малой Азіи и, можетъ быть, стоитъ въ связи съ именемъ народа мидянъ, откуда въ свою очередь происходитъ древне-нѣм. *smid* и новое *Schmied*, кузнецъ. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ слово мѣдь, равно какъ и у латинцевъ слово *aes*, является въ двухъ значеніяхъ—cuprum и metallum.

прибавимъ еще сообщаемое имъ мнѣніе, что изобрѣтеніе гончарнаго круга тоже приписывалось скиѳу Анахарсису; плотничное искусство изобрѣлъ нѣкто Дедалъ (Daedalus), онъ-же придумалъ пилу, долото, отвѣсъ, буравъ и клей.

Считаемъ излишнимъ повторять здѣсь доводы, доказывающіе племенное родство скиѳовъ съ славянами. Не смотря на то, что греческіе и византійскіе историки часто употребляли это слово безъ строгаго этнографическаго различія,—что въ извѣстное время въ числѣ описываемыхъ ими скиѳовъ, дѣйствительно, могла быть нѣкоторая часть и другихъ народностей (кельтскаго, германскаго, или ѳракійскаго колѣна), но тѣмъ не менѣе едвали кто будетъ теперь оспаривать, что въ общемъ примѣненіи названіе скиѳъ болѣе всего относилось къ славянскому племени. Поэтому быть можетъ будетъ умѣстнѣе въ нашей краткой замѣткѣ, не останавливаясь на скиѳскомъ вопросѣ, указать на нѣкоторыя черты изъ славянскихъ преданій, напоминающія о скиѳской эпохѣ.

1) Большая часть великорусскихъ былинъ и сказокъ говорятъ о *степяхъ*. Всѣ почти богатыри разъѣзжаютъ по чистому полю, по широкому раздолью, для ночлега раскидываютъ шатры. Верховой конь былъ ихъ вѣрнымъ другомъ и неразлучнымъ спутникомъ; оружіемъ были мечъ, лукъ, копье и палица, иногда ножище-кинжалище; доспѣхами—шлемъ и броня Въ чистомъ полѣ, т. е. въ степи, воспѣвается любимая народомъ—ковыль-трава. Всѣ эти преданія, очевидно, носятъ слѣды глубокой старины. Они не могли сложиться въ то, сравнительно короткое, историческое время, когда сѣвернымъ славянамъ были доступны степи южной Россіи (отъ Рюрика до нашествія татаръ), хотя былины обыкновенно пріурочиваютъ ко времени Владиміра. Начало ихъ слѣдуетъ искать въ отдаленномъ скиѳскомъ періодѣ, когда славянское племя занимало обширныя степныя пространства, какъ въ европейской Россіи, такъ и за Волгою. Только въ этихъ широкихъ степяхъ могъ народиться нашъ богатырскій эпосъ,—здѣсь родина ковыль травы, здѣсь поприще для примѣненія богатырскихъ силъ въ борьбѣ съ погаными инородцами-бусурманами. Привязанность славянъ къ степи до сихъ поръ проявляется во многихъ чертахъ русскаго народа, въ томъ числѣ въ наклонности его къ истребленію лѣсной растительности и въ неохотномъ разведеніи деревьевъ около своихъ жилищъ.

Заволжскія степи безгранично сливаются съ сибирскими степями. Эти пространства, не раздѣленныя никакими географическими предѣлами, не представляли условій для политическаго дѣленія. Поэтому, какъ только являются данныя для распространенія скиѳскаго племени за Волгу, то уже нѣтъ основанія ограни-

чивать ихъ предѣлы какою либо фиктивною чертою нынѣшней сибирской границы. Это говорятъ намъ и археологическіе памятники, подтверждающіе полное сходство древней сибирской и южно-русской скиѳской культуры.

2) На туже южно-русскую, а можетъ быть и сибярскую черноземную степь указываетъ наше древнѣйшее слово *земля*. Его роднятъ съ лат. *humus*, собственно растительная, плодородная земля, черноземъ. Въ славянскомъ словѣ земля первоначально разумѣлась черная растительная почва, въ отличіе отъ камня, глины и песка.*) Поэтому въ нашихъ пѣсняхъ и былинахъ рѣдко прибавляется къ слову земля эпитетъ *черная*, какъ это мы видимъ у сербовъ и чеховъ, потому что опредѣленіе цвѣта у насъ заключается въ самомъ существительномъ.**) Напротивъ того, въ русскихъ былинахъ весьма часто встрѣчается выраженіе „*мать сыра-земля*“. Оно показываетъ на сколько плодородная почва и связанная съ нею привычка къ земледѣлію была близка и мила русскому человѣку: это его мать-кормилица. Постоянно прибавляемый къ этому эпитетъ *сырая* могъ сложиться только при условіяхъ, гдѣ влагу очень цѣнили и дорожили ею. Это высокое, желанное качество земли, это ея идеальное достоинство, въ родѣ южно-славянскаго эпитета „*черная*“. Конечно, не сѣверныя лѣсистыя и болотистыя страны, гдѣ избытокъ влаги часто служитъ помѣхою для земледѣлія, могли создать такое обще-народное русское выраженіе. Скорѣе оно могло образоваться въ степяхъ, гдѣ недостатокъ влаги часто уничтожаетъ всѣ разсчеты пахаря и скотовода и гдѣ эпитетъ „*сырая*“, въ отношеніи къ матери-землѣ дѣйствительно имѣетъ полное значеніе.

Глубокое почтеніе къ черной землѣ, повидимому, питали и скиѳы. При раскопкѣ кургановъ въ южной Россіи весьма нерѣдко оказывалось, что могилы, углубленныя въ материкѣ, засыпались спеціально черноземомъ. Такой обычай, очевидно, имѣлъ отношеніе къ представленію о матери-землѣ, въ нѣдра которой возвращался покойникъ. Черноземные курганы мнѣ приходилось часто видѣть и въ Сибири. Такъ напр. въ южныхъ округахъ Тобольской и Томской губерній (Ишимскій, Курганскій и Каинскій окр.),

*) Это, между прочимъ, видно по прилагательному землистый, т. е. черный, рыхлый, разсыпчатый. Слово черноземъ и глиноземъ, какъ агрономическіе термины, очивидно новѣйшаго производства.

**) Эпитетъ *черная* встрѣчается, впрочемъ, въ Словѣ о полку Игоревѣ: «*черна земля* подъ копыты костьми была посѣяна, а кровью польяна». Тоже выраженіе употребляется въ Задонщинѣ, воспѣвающей побѣду В. К. Моск. Дмитрія Ивановича надъ татарами въ 1380 году (отд. оттискъ VI т. изв. Акад. Наукъ, стр. 13—33).

каждый разъ, когда случалось наблюдать вертикальный разрѣзъ этихъ искусственныхъ холмовъ, они оказывались исключительно черноземными, съ вершины до основанія.*) Этимъ матеріаломъ часто пользуются крестьяне ближайшихъ деревень, увозя курганный черноземъ, какъ наиболѣе рыхлый, легкій и чистый, на потолки (чердаки) своихъ домовъ и для грядъ на огороды. Что черноземъ явился въ курганахъ не случайно изъ мѣстной окружающей почвы, а спеціально выбирался для этой цѣли, это мы видимъ на знаменитомъ Ананьевскомъ могильникѣ. Дѣятельный членъ Казанскаго археологическаго общества П. А. Пономаревъ, производившій здѣсь фундаментальныя раскопки въ 1883 году, сообщилъ мнѣ, что этотъ курганъ былъ сооруженъ на песчаной почвѣ (дюнѣ), гдѣ по близости совсѣмъ нѣтъ чернозема, а между тѣмъ вся толща кургана образована изъ сплошной черной земли, очевидно привозной.

Нужно-ли къ этому прибавлять общеизвѣстный фактъ, что въ миѳахъ арійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ, земля представлялась богинею производительности, олицетворялась матерью-кормилицею, съ нею связано было самое происхожденіе человѣка.**) Въ стихѣ о голубиной книгѣ говорится:

Тѣлеса наши отъ сырой земли,
Кости крѣпкія взяты отъ камени,
Кровь—руда отъ Черна моря (калики перех., II, 356).

Древнее религіозное почитаніе земли у славянъ выражается въ придаваемомъ ей эпитетѣ *святая*. Въ XIV столѣтіи новгородскіе стригольники *каялись земли* въ своихъ грѣхахъ, что дѣлали и другіе старообрядцы. Землею, за неимѣніемъ воды, они умывали себѣ руки передъ обѣдомъ и ужиномъ, приписывая ей очистительную силу. Малоруссы, выражая доброе пожеланіе покойнику, говорятъ: „щобъ ему земля перомъ“ (лежала).***) При такихъ воззрѣніяхъ на

*) Очень высокіе курганы, кромѣ того, прокладывались на нѣкоторомъ разстояніи по горизонтальнымъ слоямъ длинными березовыми вѣтвями, какъ это видно въ разрѣзѣ по сохранившимся гнилушкамъ. Эти прокладки очевидно играли роль связей для укрѣпленія свѣжей рыхлой насыпи. Въ южныхъ областяхъ (Семипалатинской и Семирѣченской) курганы прокладывались слоями крупнаго булыжника; насыпались они здѣсь не изъ чернозема, а изъ мѣстной почвы безъ различія. Весьма вѣроятно, что большіе черноземные курганы не насыпались собственно изъ земли, а складывались изъ дерна, превращавшагося потомъ въ чистый черноземъ. На такой способъ сооруженія могилъ есть указанія у Тацита.

**) *Аѳанасьевъ*, поэтич. воззр. слав., т. I, стр. 139. Тоже представленіе было у семитовъ: «земля еси и въ землю отыдеши». «Помяну, яко персть есьмы». Персть у сербовъ и чеховъ—humus, въ русскомъ языкѣ черноземная пыль, земля.

***) Болѣе подробныя указанія на почитаніе земли см. у Аѳанасьева, поэтич. воззрѣн. слав. т. I, стр. 142.

землю, именно на черноземъ, становится понятнымъ, почему черная земля выбиралась для прикрытія погребаемаго трупа. Такой обычай, естественно, является послѣдствіемъ языческаго почитанія земли и можетъ имѣть мѣсто только у арійскихъ народовъ и болѣе всего у славянъ. По этому одному мы имѣемъ достаточно поводовъ приписывать черноземные скиѳскіе курганы арійской и въ частности славянской народности.

3) Слово курганъ считается не славянскимъ и не древнимъ словомъ.*) Въ древнеславянскомъ языкѣ этому мѣстному названію соотвѣтствовало коренное и чисто славянское слово *могила*, откуда заимствовали свои названія наши города Могилевы, днѣпровскій и днѣстровскій. Слово могила, распространенное преимущественно у сѣверныхъ славянъ и у чеховъ, произносится въ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ (у сербовъ, хорватовъ), а равно и въ церковно-славянскомъ языкѣ—*гомила* (collis, cumulus, tumulus). Послѣднее названіе Будиловичъ считаетъ образовавшимся, вслѣдствіе перестановки звуковъ, изъ слова могила; но, мнѣ кажется, если допустить въ образованіи этихъ словъ связь съ понятіемъ о *humus* и *homo* (прилаг. humanus), то послѣдняя форма (гомила) можетъ быть разсматриваема какъ самостоятельная и можетъ быть даже древнѣйшая, чѣмъ первая.

Могилу Миклошичъ производитъ отъ корня *мог*, *мощи*, санскр *мах*—увеличиваться (mah, crescere), откуда греч. μέγας и латин. magnus, великій. Принимаемое въ значеніи tumulus, надгробный холмъ, курганъ, слово могила по этому производству заключаетъ въ своемъ понятіи не вырытую въ почвѣ яму, а именно насыпной возрастающій холмъ, въ которомъ погребался покойникъ. Курганъ, такимъ образомъ, былъ самъ по себѣ и могилою (мѣстомъ погребенія) и памятникомъ. Такого рода курганы, дѣйствительно, встрѣчаются весьма часто. Первый покойникъ въ нихъ помѣщался непосредственно на разчищенной почвѣ и покрывался (засыпался землей или обкладывался дерномъ) на извѣстную высоту холмомъ. При похоронахъ слѣдующаго покойника, его клали уже на этомъ холмѣ, или рядомъ съ нимъ, увеличивая насыпь по мѣрѣ надобности. Такимъ способомъ образовались многоярусныя (вѣроятно семейныя) могилы, имѣющія видъ очень массивныхъ кургановъ, заключающихъ въ своей толщѣ нѣсколько погребенныхъ въ разное время скелетовъ. Курганы этого рода вполнѣ соотвѣтствуютъ вышеуказанному словопроизводству могилы, какъ постепенно возрастающаго насыпнаго холма. Тому-же понятію со-

*) *Рейфъ* производитъ его отъ персидскаго *kourkhâne*, надгробный памятникъ (этим. лексик.).

отвѣтствуетъ и слово *гробъ*, отъ глагола гребу, собираю въ кучу. По этому словопроизводству гробъ у древнихъ славянъ не представлялъ особаго деревяннаго ложа или ящика, куда клали тѣло умершаго, а заключался именно въ самой земляной кучѣ, которою его прикрывали (погребали). Въ курганахъ вышеописаннаго типа, дѣйствительно, большею частію не оказывается настоящихъ гробовъ, ни деревянныхъ, ни каменныхъ, а трупъ загребался непосредственно въ землю. Въ языкахъ германскаго корня слово *graben* (гот. *graban*, англосакс. *grafan*, исл. *grafa*, гол. *graven*. дат. *grave*), напротивъ, выражаетъ понятіе о копаніи, углубленіи въ почву. Слѣдовательно, у нихъ могила и гробъ не составляли насыпнаго холма, а изображали собою вырытую яму (*Grab*, мог. холмъ *Grabhügel*).

Вторую, южнославянскую форму слова *гомила* мы предполагаемъ въ связи съ праарійскимъ корнемъ *ghamâ*, *gham*, земля, санскр. *gam*, откуда *jam* (джамъ) рождать, зендск. *zem*, тождественное съ славянск. *зем-ля*, греч. $\chi\alpha\mu\alpha$, лат. *humus*, отъ котораго происходитъ *homo* и готѳ. *guma* человѣкъ, какъ показываетъ прилагательное *huma-nus*.*) Звуковая разница между *ham*, *hum-us* и *гоми-ла*, относящаяся только къ одной родственной и неустойчивой гласной, настолько не существенна, что переходъ звука *а* въ *у* или *о* можно считать вполнѣ возможнымъ, что мы и видимъ на латинскомъ *homo*. Такимъ образомъ слово *гомила* могло обозначать тотъ-же земляной, черноземный холмъ, какъ и могила, но этимологическое сформированіе его произошло изъ другой идеи. Въ могилѣ оно взято отъ процесса насыпанія холма, въ гомилѣ—отъ матеріала, употребляемаго для цѣлей погребенія. Въ томъ и другомъ случаѣ древне-славянскіе термины, относящіеся къ похоронамъ, стоятъ гораздо ближе къ системѣ курганнаго погребенія, чѣмъ соотвѣтствующія слова другихъ европейскихъ языковъ арійскаго корня.**) Вмѣстѣ съ тѣмъ этимологическія формы нашихъ словъ, ихъ близость къ санскритскому или праарійскому языку, доказываютъ, что славянское курганное по-

*) Можетъ быть сюда-же относится слово *гум*-но, токъ, разчищенное, гладкое мѣсто для молоченія сноповъ.

**) Бывшій профессоръ Казанскаго (нынѣ Дерптскаго) университета Иванъ Александровичъ Бодуэнъ де-Куртэнэ весьма любезно сообщилъ мнѣ нижеслѣдующее примѣчаніе по вопросу о похоронныхъ терминахъ у латинцевъ. «Латинскія слова, относящіяся къ погребенію и вообще къ похороннымъ обрядамъ: 1) Или указываютъ на погребеніе въ землѣ: humare, humo contegere, terra condere, terra injecta contegere, corpus terrae reddere, corpus humo mandare. Въ двухъ послѣднихъ выраженіяхъ очевидно говорится о преданіи землѣ цѣлаго трупа, corpus; между тѣмъ какъ предшествующія могутъ точно также относиться къ погребенію пепла, остающагося послѣ сожиганія трупа.

гребеніе ведетъ свое начало съ глубокой древности, могущей обнимаетъ не только скиѳскую и троянскую эпоху, но и восходить ко временамъ еще болѣе отдаленнымъ.

Филологическія данныя, говорящія въ пользу существованія у славянъ курганнаго погребенія, подтверждаются и прямыми историческими свидѣтельствами. Первое, по времени, свидѣтельство этого рода сообщаетъ Іорнандъ по поводу смерти Атиллы, слѣдуя не дошедшему до насъ Прискову тексту.*) Хотя это свидѣтельство относится къ описанію похоронъ гуннскаго вождя, но славянскія черты въ немъ, равно какъ и во всей житейской обстановкѣ Атиллы, болѣе чѣмъ очевидны. Гунны, въ знакъ скорби, *обрѣзали себѣ часть волосъ* (Ср. Иліад. похороны Патрокла), разцарапали свои лица до крови (ср. русск. выраж.: плакать кровавыми слезами), устроили воинскія ристанія или игры (тризну, сравни Иліаду XXIII, 260—897), затѣмъ на холмѣ совершили поминки, названныя Іорнандомъ стравою (stravam super tumulum), какъ называли ихъ сами гунны (quam apellant ipsi). Послѣ того, ночью, тѣло положили въ могилу въ богатомъ гробу, украшенномъ золотомъ, серебромъ и желѣзомъ. Туда-же положили оружіе, добытое въ битвахъ, драгоцѣнныя украшенія и разныя вещи.

По разсказу „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, В. К. Ольга, воздавая посмертную почесть своему мужу, Игорю, „пріиде ко гробу его (мѣсту, гдѣ онъ былъ погребенъ) плакася (совершивъ обрядъ причитаній) и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику

2) Или говорятъ только о сохраненіи, но не указывая гдѣ: condere, conditorium, sepelire, sepultum, sepurcrum, sepulcro condere (sepelire значитъ собственно «прочь унести»).

3) Или же, наконецъ, указываютъ просто на мѣсто, гдѣ «покоятся» смертные останки: quietorium Что касается словъ funus, funcro, funeralia, funebris, то ихъ этимологія не достаточно ясна. Самымъ вѣроятнымъ, однакоже, кажется сопоставленіе ихъ со словомъ fumus и ему подобными, такъ что funus намекало-бы тогда на окуриваніе трупа во время похоронъ, или же на сожиганіе жертвоприношеній. Кромѣ того, въ латинскомъ языкѣ есть слова, прямо указывающія на сожиганіе покойниковъ, о которомъ достаточно извѣстно изъ исторіи Таковы слова: *rogus*, костеръ для сожиганія, *bustum*: 1) мѣсто сожиганія и затѣмъ погребенія останковъ, 2) гробница и могила; 3) процессъ сожиганія, 4) сожженный трупъ, 5) урна. Ср. buro, comburo, *cinerarium* гробница.

Слова *tumulus* и *tumba* обозначаютъ только внѣшнюю сторону гробницы. Tumulus обозначаетъ искуственно сдѣланную насыпь надъ могильною ямой, гдѣ похороненъ покойникъ, или урна съ его прахомъ. Слово *tumba* заимствовано съ греческаго τύμβο-ς, первоначально означавшее кажется просто каменную плиту, покрывавшую гробницу, потомъ мѣсто, гдѣ былъ сожженъ покойникъ и могилу, насыпанную надъ пепломъ покойника.

Романскія слова, сюда относящіяся, представляютъ только перерожденіе древнихъ словъ латинскихъ, указывающихъ или на зарываніе покойниковъ въ землю, или на мѣсто усыпальницы.

*) De Getarum origine et rebus gestis, гл. 49.

(сопку); яко соспоша, и повелѣ трызну творити.*) При погребеніи самой Ольги, она, какъ христіанка, заповѣдала сыну своему Святославу „погрестись въ землею ровно, а могилы не сути, ни тризнъ творити, ни бдына дѣяти.“ **) Думаемъ, что приведенныхъ указаній достаточно, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи у славянъ-язычниковъ обычая сооружать курганы надъ покойниками,—обычая, продолжавшагося вплоть до принятія христіанства и вытѣсненнаго только подъ вліяніемъ новой религіи. Въ этихъ курганахъ, тризнахъ, стравахъ (похоронныхъ пирахъ), въ обрѣзываніи волосъ въ знакъ скорби, въ обрядѣ оплакиванія покойника—видно повтореніе тѣхъ-же самыхъ обычаевъ, которые воспѣты Гомеромъ въ Иліадѣ. Если всѣ эти погребальныя церемоніи не суть исключительно славянскія, то во всякомъ случаѣ у славянъ онѣ сохранились дольше и въ большей чистотѣ, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, ведущихъ свою цивилизацію отъ древняго классическаго міра.

Что касается вопроса: погребали-ли славяне своихъ покойниковъ, или сожигали ихъ на кострѣ, то въ этомъ отношеніи историческія свидѣтельства позволяютъ предполагать существованіе и того и другаго способа. Атиллу, какъ мы видѣли выше, не сожигали, а похоронили въ гробѣ. По народному преданію, Аскольда и Дира „несоша на гору и погребоша и на горѣ“. Олега тоже похоронили на горѣ Щековицѣ, гдѣ, прибавляетъ лѣтописецъ, „и могила его (курганъ) до сего дни словетъ могила Олгова“. Игоря, убитаго древлянами, тоже *погребли*, т. е. зарыли въ землю. Во всѣхъ этихъ случаяхъ трупосожженія очевидно не было. Но по свидѣтельству того-же лѣтописца, родимичи, вятичи и сѣверяне въ этомъ отношеніи отличались отъ прочихъ славянъ. Когда у нихъ оказывался покойникъ, они справляли по немъ тризну, потомъ „твориху кладу велику и возложахуть и на кладу мертвеца сожжаху, а по семъ собравше кости, вложаху въ судину (сосудъ) малу и поставяху на столпѣ на путѣхъ. еже творятъ вятичи и нынѣ. Си-же творяху обычаи кривичи, прочіи поганіи (Полн. собр. лѣт. I, стр. 6)“. Подъ словомъ *клада* здѣсь, мнѣ кажется, можно разумѣть не только деревянный костеръ, но и сложенный изъ дерна курганъ, на вершинѣ котораго могъ быть производимъ процессъ сожиганія.***) Выра-

*) О значеніи слова *тризна* см. у Котляревскаго, стр. 131. Въ церковнославянскомъ языкѣ оно значитъ подвигъ, состязаніе.

**) Котляревскій; О погр. обыч. язык. славянъ, Москва. 1868 г. стр. 118.

***) Въ сѣверно-русскомъ говорѣ *кладью* или *кладушкой* называется большой стогъ сноповъ (скирда). Слово кладь примѣняется такъ широко, что имъ можно было выражать всякую кучу, лишь-бы не насыпанную, а сложенную въ видѣ штабеля, каковы, вѣроятно, и были дерновые курганы.

женіе „на столпѣ, на путѣхъ“ должно было относиться къ тому же пункту, гдѣ была клада, т. е. къ погребальному холму или кургану (санскр. *stûpa*—cumulus), которые дѣйствительно сооружались всегда на открытыхъ, высокихъ, видныхъ мѣстахъ, или по берегамъ рѣкъ—„на путѣхъ“. Сосудъ съ костями зарывался, конечно, въ самомъ курганѣ, а не оставался открытымъ на его вершинѣ. При раскопкѣ курганныхъ могилъ (въ томъ числѣ и тобольскихъ, см. катал. стр. 23, № 549 и слѣд.) весьма нерѣдко находятъ, вмѣстѣ съ черепомъ и частію не сожженнаго скелета, горшокъ, наполненный пережженными и измельченными костями, иногда перемѣшанными съ черноземомъ, или же наполненный однимъ черноземомъ. Такіе случаи дали археологамъ поводъ предполагать, такъ называемое, частичное сожиганіе трупа. Не отрицая вѣроятности такого предположенія, могущаго имѣть мѣсто въ переходную эпоху отъ сожиганія къ погребенію,*) мнѣ кажется еще правдоподобнѣе объяснять приведенные факты неполнымъ сгораніемъ трупа.

Техника сожиганія не такъ проста, какъ это кажется съ перваго взгляда. Для того, чтобы перегорѣли не только мягкія части, но и всѣ кости скелета, необходимо развить очень высокую температуру, что требовало большаго запаса топлива и продолжительнаго пламени. Не смотря на обкладываніе трупа животнымъ саломъ, какъ это дѣлалъ Ахиллесъ при сожиганіи Патрокла и какъ, вѣроятно, поступали и скиѳы (см. примѣч. 47 о скиѳскихъ котлахъ), все-же въ безлѣсныхъ степяхъ нерѣдко должно было случаться, что трупъ не перегоралъ (сравни примѣры обгоранія людей во время сильныхъ пожаровъ). Въ такихъ случаяхъ, для удовлетворенія требованіямъ обычая, въ урну собирали только мелкія кости конечностей и часть золы отъ мягкихъ частей (что мы обыкновенно и видимъ въ могильныхъ горшкахъ), остальной-же скелетъ по необходимости нужно было хоронить. При такомъ высокомъ почтеніи къ праху покойника, какое проявляли всегда арійскіе народы, невозможно допустить, чтобы погребальная почесть воздавалась только маленькой частичкѣ праха, а наибольшая его часть оставлялась-бы безъ всякаго вниманія. Такимъ образомъ, при неполномъ сожиганіи этотъ обрядъ долженъ былъ сопровождаться одновременно и

*) У скиѳовъ обычай сожиганія труповъ, какъ существующій въ связи съ троянскою эпохою, долженъ считаться древнѣйшимъ, обычай же погребенія по всей вѣроятности явился позднѣе. У римлянъ было наоборотъ: прежде покойниковъ хоронили, а послѣ этотъ способъ замѣненъ сожиганіемъ. Относительно скиѳовъ здѣсь мы имѣемъ въ виду болѣе или менѣе опредѣленную эпоху и собственно курганное погребеніе; въ древнѣйшую-же, праарійскую пору, можетъ быть, они также придерживались общаго, начальнаго, арійскаго обычая зарыванія труповъ въ землю.

погребеніемъ, и мало по малу это послѣднее должно было совсѣмъ вытѣснить первое.

Послѣдній и сравнительно новѣйшій слѣдъ сожиганія мертвыхъ у русскаго народа можно видѣть у старообрядцевъ. Бывали случаи, гдѣ старообрядцы-фанатики, ожидая пришествія антихриста и желая перейти въ вѣчную жизнь въ полной чистотѣ, заживо отпѣвали себя, собирались цѣлыми десятками въ избы, обкладывались соломой и добровольно подвергались самосожженію. Такой ужасный способъ самоубійства по религіознымъ побужденіямъ могъ быть избираемъ только при вѣрованіи въ очистительную силу огня, какъ воспоминаніе о прежде существовавшемъ у сѣверныхъ славянъ обычаѣ трупосожженія. Одновременно съ этимъ изувѣрскимъ способомъ, другіе старообрядцы, ожидая кончины міра, ложились въ гробы, въ надеждѣ услышать трубный звукъ архангела и быть заживо похороненными.

Въ изслѣдованіяхъ о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ слишкомъ много удѣляется вниманія существовавшему, будтобы, у руссовъ обычаю сожигать вмѣстѣ съ покойникомъ его женъ и слугъ, а равно приносить въ честь его человѣческія жертвы. Свѣдѣнія и предположенія этого рода намъ кажутся слишкомъ преувеличенными, а можетъ быть и совсѣмъ несправедливыми. Нисходя отъ троянскихъ обычаевъ, откуда мы считаемъ возможнымъ производить славянскій обычай курганнаго погребенія, мы не найдемъ въ этомъ источникѣ достаточныхъ задатковъ для развитія такого безчеловѣчнаго культа. Примѣръ Ахиллеса при похоронахъ Патрокла нельзя считать нормальнымъ, обыденнымъ явленіемъ. Убіеніе двѣнадцати троянскихъ юношей скорѣе можно объяснить местью за смерть любимаго друга, а не похоронною церемоніею. Поэтому пѣвецъ Иліады прибавляетъ: „жестокія въ сердцѣ дѣла замышлялъ онъ (Архиллесъ)“. Скиѳскія могилы также не доказываютъ присутствія въ нихъ человѣческихъ жертвъ. Высказываемыя въ этомъ смыслѣ нѣкоторыми археологами предположенія, основанныя лишь на нахожденіи въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ погребеннымъ скелетомъ другихъ человѣческихъ остововъ, не могутъ быть признаны убѣдительными. Точно также, въ славянской миѳологіи, въ повѣрьяхъ, былинахъ, лѣтописяхъ и въ народномъ языкѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ существованія этого жестокаго погребальнаго обычая. Смѣемъ думать, что такіе варварскіе пріемы не согласны, ни съ характеромъ, ни съ нравственными основами славянскаго народа. Басни о сожиганіи вмѣстѣ съ покойникомъ близкихъ ему людей навязаны намъ, главнымъ образомъ, иностранными писателями. Изъ нихъ болѣе всего придаютъ

значенія описанію арабскаго путешественника *Ибнъ-Фоцлана* (921 г.), какъ очевидца. Текстъ этого фантастическаго сказанія и оцѣнка его достовѣрности приведены въ сочиненіи Котляревскаго (о погреб. обыч. слав., стр. 64—70), *) совершенно основательно признающаго всѣ частности описанія Ибнъ-Фоцлана вымысломъ, или полнымъ непониманіемъ наблюдаемыхъ явленій. При рѣшеніи этого вопроса, мнѣ кажется, прочнѣе всего основываться на русскихъ лѣтописяхъ, а не на иностранныхъ писателяхъ. Русскіе лѣтописцы, не обнаруживая никакой склонности ни смягчать, ни преувеличивать языческіе нравы, имѣли въ виду историческую точность и правду и могли знать и отличать эту правду лучше, чѣмъ иноземные пришельцы. Между тѣмъ, ни въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", ни въ другихъ лѣтописяхъ, при неоднократномъ упоминаніи о нравахъ языческихъ славанъ и, въ частности, объ ихъ погребальныхъ обычаяхъ, ни разу не говорится о томъ, чтобы при похоронахъ знатныхъ славянъ принято было убивать и сожигать ихъ женъ и рабовъ.

4) Если сѣверные славяне дѣйствительно имѣли энтологическую связь съ гомеровсками троянцами, то народная коллективная память должна была сохранить какія-либо воспоминанія объ этой славной эпохѣ. Не смотря на громадную отдаленность времени и на полную утрату реальности событія, она по чрезвычайной важности своей не могла не оставить, хотя бы смутнаго слѣда въ народномъ эпосѣ, или въ географическихъ памятникахъ. Нѣчто подобное, дѣйствительно, мы находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи имя Трояна упоминается четыре раза. Вотъ эти мѣста: «*Были вѣчи Трояни*, минула лѣта Ярославля, были плъцы Олговы». „*На седьмомъ вѣцѣ Трояни* връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу".—" О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мысленну древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, *рища въ тропу Трояню* чрезъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку".—„ Уже бо, братіе, не веселая година въстала! уже пустыня силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступилъ (вступила) дѣвою *на землю Трояню*, всплескала лебедиными крылы на си-

*) Кстати здѣсь замѣтить, что эта фантастическая сцена языческаго погребенія, къ сожалѣнію, послужила темою для одной фрески на стѣнахъ московскаго историческаго музея. Закрѣпленная кистью знаменитаго художника, освященная авторитетомъ русскаго первокласснаго историческаго учрежденія, въ которомъ эта картина выставлена на показъ всему свѣту, она, естественно, послужитъ здѣсь къ укоренѣнію ложнаго представленія о безчеловѣчныхъ обычаяхъ нашихъ предковъ, совершенно несогласнаго ни съ характеромъ славянскаго племени, ни съ исторической правдою.

немъ морѣ, у Дона плещучи: убуди жирня времена". Эти замѣчательныя мѣста комментировались изслѣдователями Слова различнымъ образомъ, но до сихъ поръ остаются не вполнѣ ясными. О римскомъ императорѣ Траянѣ, конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Глубже взглянулъ на этотъ вопросъ г. Прозоровскій, *) мнѣніе котораго мы позволяемъ себѣ привести въ подлинникѣ. „Что такое разумѣлось надъ словомъ Троянъ? „Были вѣчи Трояни", говоритъ писатель Слова и съ этимъ выраженіемъ сопоставляетъ другое выраженіе: „минула лѣта Ярославля"; слѣдовательно, поэты считали вѣка отъ Трояна, а годы отъ Ярослава, любителя и поощрителя образованности, которая, можно сказать, имъ началась на Руси. Что такое были вѣка Трояновы, видно изъ другаго мѣста Слова. „На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу, т. е. о Кіевѣ, въ которомъ Всеславъ полоцкій сѣлъ на княженіе, не имѣя на то права. Хронологія эта вполнѣ объясняется двумя данными: въ 1144 году новгородскій діаконъ Кирикъ написалъ „ученіе имъ же видѣти человѣкомъ числа всѣхъ лѣтъ"; въ этомъ ученіи вѣкъ опредѣляется въ 1000 лѣтъ, да и послѣ считали также, ожидая со страхомъ окончанія седьмаго вѣка. А такъ какъ Всеславъ посаженъ на кіевскій столъ въ 6,575 году, то выходитъ, что онъ бросилъ жребій о Кіевѣ именно въ седьмомъ такомъ вѣкѣ отъ сотворенія міра. Итакъ, Трояновы вѣка, а потомъ и самъ Троянъ не имѣли по сущности ничего общаго съ Императоромъ Траяномъ; но можетъ быть, что въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ имена эти смѣшивались (?). Повидимому, въ образѣ Трояна представлялось миѳическое повѣрье о заселеніи славянами земель, ими занятыхъ, т. е. о сотвореніи славянскаго міра (Выпускаемъ этимологическое объясненіе слова троянъ, которое г. Прозоровскій производитъ отъ глагола строить). Въ такомъ смыслѣ, продолжаетъ авторъ, надлежитъ понимать то мѣсто поэмы, гдѣ писатель, по поводу гибели Игорева ополченія, говоритъ: „встала обида въ силахъ Дажбожа внука, вступилъ дѣвою на землю Трояню, т. е. постигло несчастіе силы Дажбожья внука, вступившаго дѣвою на землю троянову. Дажбожьимъ внукомъ въ поэмѣ называется русскій народъ, жизнь Дажбожа внука,—это наша жизнь, жизнь русской земли. Что касается тропы трояновой, то она, вѣроятно, преобразовалась въ повѣрье изъ преданій о путяхъ, которыми славяне разселялись.... Изъ послѣдовательности рѣчи очень ясно видно, что поэтъ называетъ Игоря внукомъ (по-

*) Прозоровскій, новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о Полку Игоревѣ. Спб. 1881 г., стр. 32, 33, 35 и 39.

томкомъ) Трояна, по тропѣ котораго Баянъ рыскалъ, ища образовъ для выраженія славы князю и его войску (Прозоровскій, стр. 17—19)".

Соглашаясь въ общихъ чертахъ со взглядомъ г. Прозоровскаго, по которому упоминаемые въ поэмѣ вѣка Трояна должно относить къ воспоминанію объ отдаленнѣйшихъ временахъ жизни славянскаго народа, мы позволяемъ себѣ усомниться въ частностяхъ приводимаго имъ лѣтосчисленія и въ толкованіи слова Троянъ. Производить это слово отъ глагола строить было-бы большою и неправдоподобною натяжкой. Во всѣхъ мѣстахъ поэмы оно употребляется въ опредѣленномъ смыслѣ, связанное съ воспоминаніемъ о чемъ-то реальномъ, имѣвшемъ какое-то отношеніе къ давнопрошедшимъ счастливымъ судьбамъ русскаго народа. Поэтому троянскіе вѣка едвали можно здѣсь понимать какъ своеобразное лѣтосчисленіе, ведущее свое начало отъ сотворенія міра. Вѣрнѣе предположить, что этимъ выраженіемъ опредѣляется какая-то отдаленная историческая эпоха, память о которой существовала въ преданіи. Какая-же это эпоха могла быть? Отвѣтъ на это даетъ связанное съ нею въ поэмѣ опредѣленное имя: это было славное, такъ громко прогремѣвшее на весь древній и новый міръ, время троянскаго царства или союза въ Малой Азіи. Если греки и римляне, благодаря несравненнымъ рапсодамъ безсмертной Иліады, сохранили священную память о великой троянской борьбѣ, какъ о древнѣйшемъ и изящнѣйшемъ національномъ эпосѣ, то почему-бы не допустить, что и потомки другой воюющей стороны, т. е. троянцевъ и ихъ союзниковъ, съ одинаковымъ правомъ могли гордиться тѣмъ-же событіемъ и также включить его въ свои устныя преданія. Допуская по археологическимъ намекамъ культурную, а можетъ быть и племенную связь скиѳовъ съ троянцами, зная, что часть славянской народности (венеты) жила въ Малой Азіи и участвовала въ троянской войнѣ, мы не считаемъ невѣроятнымъ сохраненіе преданія объ ней и у русскихъ пѣвцовъ стараго времени. Въ такомъ случаѣ упоминаемыя въ Словѣ о полку Игоревѣ выраженія о троянскомъ вѣкѣ, о троянской тропѣ и землѣ можно было-бы относить не къ миѳическому лицу—Трояну, а къ событію, т. е. къ троянской жизни, къ троянской эпохѣ.

Троянскій вѣкъ вспоминается въ Словѣ, какъ счастливая, добрая старина, противупоставляемая позднѣйшимъ тяжкимъ временамъ. „Уже бо братіе, не веселая година въстала, уже пустыня силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажбожа внука; вступила (обида) дѣвою въ землю Трояню, всплеснула лебедиными

крылами на Синемъ морѣ, у Дона плещучи: убуди жирня времена!“ Мнѣ кажется, приведенный текстъ можно было-бы объяснить слѣдующимъ образомъ: поэтъ соболѣзнуетъ, что благодаря усобицамъ князей, ослабѣли силы русскаго народа (Дажьбожа внука); эта слабость (обида) зародилась (вступила дѣвою) еще въ землѣ троянской (гдѣ когда-то жило русское племя), но оперилась и развернулась (взмахнула лебедиными крылами) эта обида—слабость только у Дона и Синяго моря, куда впослѣдствіи переселился русскій народъ изъ Троянской земли. Послѣ того еще были свѣтлые годы при Ярославѣ, но потомъ все прапало: прошли хорошія времена!

Трояновъ вѣкъ рисуется поэту славнымъ, идеальнымъ вѣкомъ. Углубляясь мысленно въ эту туманную даль прошлой славы, Баянъ ищетъ здѣсь вдохновенія, чтобы воспѣть подвиги Игоревыхъ воиновъ, связывая прошлыя доблести съ нынѣшними „свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы“. Здѣсь подъ выраженіемъ Трояновой тропы, которая ведетъ черезъ поля (степи) въ горы, мнѣ кажется, можно было-бы разумѣть даже прямой географическій намекъ на мѣстоположеніе древней троянской родины и на путь къ ней черезъ сѣверный Кавказъ.

Изъ прилагательнаго *троянь*, троянскій, легко могло образоваться, при постепенномъ затемненіи преданія, собственное миѳическое имя *Трояна*, перешедшее на географическія названія и въ миѳологію южныхъ славянъ. Изъ географическихъ названій извѣстны: 1) *Трояновъ*, или *Трояновка*, мѣстечко въ Волынской губерніи, въ 130 верстахъ отъ Житоміра; 2) *Трояново*, село въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губ., на рѣчкѣ Ростарогѣ; 3) село *Троянъ* въ Смоленской губ.; 4) *Трояновка* въ Полтавской губ.; 5) *Ново-Троянъ* въ Бессарабіи, названный такъ болгарами, выселившимися сюда изъ стараго Трояна; 6) тутъ-же *Трояновъ валъ* и *Троянова дорога* (журн. Мин. Нар. Просв, 1848, II, 212); 7) *Трояновъ каналъ* указываютъ въ Измаилѣ, на Днѣстрѣ (журн. Мин. Нар. Просв. 1850, LXV, отд. VII, 79); 8) *Трояновъ валъ* въ Кіевской губ. тянется на протяженіи около 80 верстъ (Фундуклей, Обзоръ могилъ Кіев. губ.). Не менѣе сохранилось географическихъ названій съ именемъ Трояна по южную сторону Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ извѣстнаго Троянова вала, тамъ находятся развалины *Троянова града*, въ Сербіи, *Трояновъ монастырь* въ Болгаріи и городъ *Троянъ* тамъ-же (Путеш. В. И. Григоровича, стр. 179 и 197).

Миѳы о царѣ Троянѣ сохранились у южныхъ славянъ, именно у болгаръ и сербовъ.*) Съ этимъ именемъ у нихъ связано представленіе о какомъ-то золотомъ царствѣ, скрываемомъ отъ остальнаго міра. По болгарской легендѣ царь Троянъ жилъ въ городѣ Троянѣ, жители коего вѣровали только въ золото и серебро. Въ наказаніе за это Богъ изсушилъ ихъ водоемы, превративъ воду въ расплавленные драгоцѣнные металлы. Жители сначала обрадовались такому превращенію, понадѣлали изъ золота и серебра всю утварь, всѣ украшенія на себѣ и на коняхъ, но при всемъ этомъ богатствѣ имъ нечего было пить,—у нихъ не было воды. Чрезъ три недѣли Богъ умилостивился. Не далеко отъ города появилось широкое болото и глубокое озеро, откуда стали получать воду; но въ озерѣ этомъ жило чудовище, которому нужно было платить за воду каждый день по одной дѣвушкѣ. Когда дошла очередь до царской дочери, она была спасена св. Георгіемъ, побѣдившимъ чудовище и обратившимъ жителей города Трояна въ христіанскую вѣру.

По сербской легендѣ царь Троянъ, жившій въ городѣ Троянѣ, боялся солнца, потому могъ выѣзжать только ночью. Разъ, когда онъ ночевалъ въ городѣ Сремѣ, его обманули временемъ. Спохватившись и бросившись на коня, онъ поскакалъ въ свой городъ, но на пути его застигло солнце. Тогда онъ соскочилъ съ коня и спрятался въ стогъ сѣна, но, по его несчастію, подошли коровы и растрепали стогъ. Тогда солнце растопило Трояна. По другой сербской же легендѣ царь *Троянъ*-козлиныя уши тщательно скрывалъ тайну своего звѣринаго образа, умѣрщвляя всѣхъ, кто могъ видѣть эту тайну. Однажды пошелъ его брить мальчикъ. На вопросъ Трояна: видѣлъ ли онъ что нибудь? мальчикъ притворно отвѣчалъ, что ничего не видѣлъ, хотя и замѣтилъ у царя козлиныя уши. Но тайна тяготила мальчика; онъ сталъ чахнуть и просить у хозяина совѣта какъ ему быть. Хозяинъ отвѣтилъ: скажи свою тайну мнѣ, а если боишся, исповѣдай духовному отцу, а не то ступай за городъ въ поле, вырой яму, уткни въ нее голову и трижды исповѣдай свою тайну землѣ; потомъ закопай яму. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ: сказалъ свою тайну землѣ. Спустя нѣсколько времени, тамъ, гдѣ была вырыта яма, выросла бузина съ тремя вѣтками. Шелъ мимо пастухъ и сдѣлалъ себѣ изъ вѣтки этой бузины дудку, сталъ дудить, и дудка сама собою запѣла: „у царя Трояна козлиныя уши“.

*) *Буслаевъ*. Русская поэзія XI в. Лѣтописи русск. лит. и древн. 1859 г. кн. 1, стр. 16. Сербскій словарь *Вука Стефан.* изд. 2, 1852 г., стр. 750. *Аѳанасьевъ*, поэтич. воззрѣнія славянъ. 1868, т. 2, стр. 641.

Сравнивая русскія воспоминанія о троянской землѣ и троянскомъ вѣкѣ съ южно-славянскими, мы видимъ, что у насъ они имѣли характеръ скорѣе затемненнаго преданія, чѣмъ миѳа, между тѣмъ какъ у сербовъ и болгаръ является особое миѳическое лице—царь Троянъ съ таинственнымъ царствомъ, гдѣ было гораздо больше золота и серебра, чѣмъ предметовъ первой необходимости (ср. легенду о Властителѣ металловъ). Этотъ царь Троянъ боялся огласить свою тайну, или боялся солнечнаго свѣта, отъ котораго онъ могъ потерять всю свою силу, или растопиться, какъ воскъ. Что же это была за тайна? Сопоставляя эту черту съ остальнымъ содержаніемъ троянскихъ миѳовъ, не трудно угадать, что она заключалась въ источникахъ добычи драгоцѣнныхъ металловъ, золота, серебра и мѣди (три колесницы Властителя металловъ). Въ этомъ заключалась вся сила легендарныхъ троянцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ слабость; ибо одно золото не можетъ замѣнить воды и хлѣба, но оно въ состояніи навлечь на страну нападеніе со стороны жадныхъ сосѣдей. Поэтому мѣста добычи металловъ старались сохранять въ непроницаемой тайнѣ, распуская объ этомъ разныя небылицы, будто бы золото и серебро получается изъ подземныхъ невѣдомыхъ странъ, гдѣ его стерегутъ чудовища. Такія сказки мы видимъ не только въ славянскихъ и германскихъ миѳахъ, но также въ греческихъ и индійскихъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ выдумка, очевидно, была смѣшана съ долею правды, или, другими словами, маскировала дѣйствительный фактъ о странахъ, изобиловавшихъ металлами и о народахъ ихъ разработывавшихъ. Все это могло, конечно, относиться не столько къ странамъ древняго культурнаго міра, сколько къ областямъ болѣе отдаленнымъ, мало доступнымъ и неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ реальною почвою для сербскихъ и болгарскихъ миѳовъ о Троянѣ могли служить слухи или воспоминанія о древнемъ горномъ промыслѣ, а имя Трояна могло быть связано съ этими баснями по смутнымъ преданіямъ объ участіи троянскихъ народовъ въ разработкѣ рудъ древняго міра. Такъ или иначе, но имя Трояна здѣсь тоже не пустой звукъ и не случайность, а должно быть признано такимъ же отголоскомъ сѣдой старины, какъ въ русской поэмѣ о Полку Игоревѣ и въ приведенныхъ выше географическихъ названіяхъ.

Если внимательно присмотрѣться къ коренной русской жизни и поискать въ ней слѣдовъ доисторической старины, то можно было бы найти въ этомъ національномъ складѣ много дорогихъ намековъ на нашу прежнюю родину и на бывшія нѣкогда отношенія къ народамъ азіатскихъ странъ. Мы не беремъ на себя

этого труда, неумѣщающагося въ тѣсныя рамки нашей замѣтки; но не межемъ не указать на одинъ фактъ, случайно попавшійся подъ руку. Просматривая сочиненіе Доммера по исторіи музыки *), мы встрѣтили тамъ на 140 стр. указаніе на сходство русскихъ пѣсенъ съ греческими и индійскими. Приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный отрывокъ. „На сходство русскихъ пѣсенъ съ греческими указываетъ *Gouthrie* (англичанинъ) въ своей замѣчательной книгѣ, вышедшей въ прошломъ столѣтіи. Онъ нашелъ сходство во многихъ обычаяхъ русской деревни съ древне-эллинскими и сходство, еще болѣе поразительное, одной русской пѣсни съ знаменитымъ остаткомъ древне-языческаго греческаго гимна на текстъ Пиндаровой оды: эта пѣсня есть извѣстная наша старинная народная пѣсня „Во полѣ березонька стояла“. Сѣровъ сообщаетъ, что ему случилось набресть на фактъ не менѣе замѣчательный, а именно: онъ нашелъ въ первомъ томѣ Geschichte der Musik Амброза пѣсни индусовъ, записанныя на мѣстѣ англійскими собирателями. Первая изъ этихъ пѣсней, по снятіи съ нея гармоническихъ наростовъ, которыми ее пріукрасилъ г. Амброзъ, оказалась также нашею древнею пѣснею „Во полѣ березонька стояла“, положенною въ темпѣ $^6/_8$, нота въ ноту, оба колѣна. Такимъ образомъ, заключаетъ Сѣровъ, въ этомъ сходствѣ нашихъ напѣвовъ съ индійскими есть нѣчто, указывающее на связь нашего народа съ первыми племенами, переселившимися въ Европу изъ Индіи, а можетъ быть съ древнѣйшими племенами индійскими. Кн. Одоевскій указываетъ также на сходство нашихъ народныхъ пѣсенъ съ индійскими; одинъ изъ варіантовъ извѣстной русской пѣсни „Ахъ мы просо сѣяли“, находившійся у кн. Одоевскаго, заключаетъ объемъ звуковъ и звуки, содержащіеся въ одной индійской погласицѣ (какъ выражается кн. Одоевскій), которую Джонсъ (Jones) въ своемъ сочиненіи объ индійскихъ напѣвахъ обозначаетъ названіемъ *cornati*. Такое сходство въ самомъ матеріалѣ чрезвычайно многознаменательно; оно наводитъ на мысль о глубоко-древнемъ происхожденіи нашей пѣсни“. Мы прибавили бы къ этому, что замѣченное совпаденіе въ пѣсняхъ вполнѣ согласуется съ поразительной близостью древне-индійской и славянской стихіи въ ихъ языкѣ. Сходство церковно-славянскаго и санскритскаго языка трудно объяснить однимъ праарійскимъ источникомъ. Невольно думается, что отношенія между нами и индусами были ближе и поддерживались дольше, нежели съ прочими европейскими народами (исключая литовцевъ) арійскаго колѣна. Что касается до

*) Аррей фонъ *Доммеръ*, руководство къ изученію исторіи музыки, перев. съ нѣм. Желабужскій. Москва 1884 г.

греческой пѣсни, то мотивы ея также едвали перешли въ Россію въ историческое время. Скорѣе можно думать, что это отголосокъ древнѣйшаго взаимодѣйствія двухъ народностей (славянской и эллинской), жившихъ нѣкогда по сосѣдству другъ съ другомъ.

Въ обширной семьѣ арійскихъ народовъ славянское племя считается самымъ младшимъ членомъ. Такъ представлялъ его Геродотъ, говоря о черноморскихъ скиѳахъ, такъ объ этомъ думаютъ и современные намъ историки. Народный возрастъ въ данномъ случаѣ понимается не въ смыслѣ времени обособленія той или другой національности по языку и складу политической жизни, а въ смыслѣ общеевропейскаго культурнаго развитія. Съ точки зрѣнія европейскихъ народовъ, наиболѣе молодымъ будетъ считаться тотъ, который позднѣе другихъ приблизился къ европейской семьѣ и пріобщился классической европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи славянское племя, дѣйствительно, занимаетъ послѣднее историческое мѣсто. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы славяне, какъ отдѣльный народъ, были моложе остальныхъ арійскихъ народовъ. Позднее появленіе ихъ на европейской сценѣ объясняется исключительно географическими условіями ихъ доисторическаго быта.

Оставаясь по географическому положенію позади всѣхъ прочихъ арійцевъ и занимая обширныя и мало извѣстныя классическому міру азіатскія страны, славянскія племена въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ росли и развивались на азіатской почвѣ, культивируя тѣ задатки цивилизаціи, которые лежали въ основѣ всѣхъ арійскихъ народовъ до выселенія ихъ въ Европу. Эти условія культурнаго роста дали славянскому племени тотъ своеобразный отпечатокъ, который понынѣ отличаетъ насъ отъ западно-европейскихъ народовъ и ставитъ славянскій міръ какъ особую стихію, не связанную съ романскими и германскими народностями—ни историческими преданіями, ни историческими задачами. Наше доисторическое прошлое связано съ азіатскимъ востокомъ, и если носитъ слѣды побочнаго культурнаго вліянія, то не Греціи и Рима, а скорѣе ассирійской и иранской цивилизаціи.

Принадлежа къ арійской семьѣ, славянское племя, согласно существующей теоріи разселенія народовъ, должно было въ отдаленное доисторическое время обитать въ тѣхъ же восточно-азіатскихъ предѣлахъ, которые принято считать общею прародиною арійцевъ. Какъ извѣстно, такую мѣстность предполагаютъ въ Центральной Азіи, въ долинахъ м предгоріяхъ Памира и Таньшаня, или въ бассейнѣ древняго Оксуса. Изъ этого начальнаго центра народныя волны стали разливаться во всѣ сто-

роны, преимущественно на западъ, по открытымъ закаспійскимъ степямъ, или, быть можетъ, по существовавшимъ въ то время воднымъ путямъ, если предположить, что Каспійское море и Оксусъ въ древнее время дѣйствительно составляли одинъ бассейнъ. Въ этой первой волнѣ, вѣроятно, передвинулись эллинскія племена, ѳракійскія и часть славянскихъ, осѣвшихъ преимущественно на малоазійскомъ материкѣ.

Процессъ народныхъ передвиженій вообще не можетъ быть разсматриваемъ какъ явленіе единовременное и скоротечное. Вызывается ли онъ тѣснотою размножившагося народонаселенія, или измѣненіемъ природныхъ условій страны, или насильственнымъ вытѣсненіемъ,—во всякомъ случаѣ этотъ процессъ совершается, какъ и всѣ крупныя историческія явленія, постепенно и медленно. При этомъ позади остающіяся племена, естественно, долѣе всего сохраняютъ непрерывающіяся связи съ прежнею родиною. Въ такомъ положеніи были славянскія племена, такъ какъ вся дальнѣйшая исторія, вплоть до нашихъ дней, видитъ ихъ занимающими восточные предѣлы новаго арійскаго міра. Этимъ географическимъ положеніемъ и продолжавшимся вслѣдствіе того, долѣе чѣмъ у другихъ народовъ, общеніемъ славянъ съ источниками праарійскаго языка объясняется замѣчаемая нынѣ поразительная близость славянства съ санскритомъ, а равно и присутствіе въ славянскихъ этнографическихъ чертахъ значительной примѣси восточно-азіатскихъ элементовъ.

Если вѣрна развиваемая нынѣ гипотеза о начальномъ пребываніи арійскихъ племенъ въ бассейнѣ Аму-Дарьи, то по географическимъ соображеніямъ мы должны признать также весьма вѣроятнымъ распространеніе арійцевъ изъ этого центра не только на западъ, но и на сѣверовостокъ. Движеніе къ сторонѣ Яксарта (Сыръ-Дарьи) и далѣе въ Чуйскую долину, Семирѣченскую область и Западную Сибирь должно было явиться непремѣннымъ условіемъ разселенія народовъ; ибо съ этой именно стороны ближе всего прилегали къ первому арійскому сѣменищу самыя привольныя для жизни и плодородныя области. Я не могу представить себѣ, чтобы эти превосходныя и ближайшія мѣста были бы оставлены безъ вниманія народомъ, имѣвшимъ столько силы и гражданскаго мужества, чтобы предпринять переселеніе въ другую часть свѣта, преодолѣвая преграды обширныхъ закаспійскихъ степей и негостепріимныхъ морей. Очевидно, на западъ переселялся только избытокъ арійскаго населенія, или тѣ обособившіяся народности, которыя не уживались въ мирѣ съ племенами

раньше занявшими заяксартскія области *). Такимъ образомъ, по теоретическимъ соображеніямъ возможно допустить, что арійскія племена, по мѣрѣ размноженія, занимали не только юговосточный уголъ Центральной Азіи, но и нераздѣльную съ нимъ всю нынѣшнюю Туркестанскую область, со включеніемъ Семирѣченской области. Опорою этой теоретической гипотезы могутъ служить и вещественные археологическіе памятники, показывающіе, что начиная отъ Сыръ-Дарьи, по Чуйской долинѣ, по всей Семирѣченской области и Западной Сибири разливалась одна и та же культура, родственная малоазійской (троянской) культурѣ и черноморской (скиѳской). Впослѣдствіи времени сибирскія степи и рѣки сдѣлались излюбленнымъ путемъ для народныхъ передвиженій съ востока на западъ и съ запада на востокъ, можетъ быть послѣ того, когда южный путь былъ прегражденъ усилившеюся Перситскою монархіею.

Въ древней Греціи и Персіи вообще имѣли скудныя понятія о составѣ населенія Центральной Азіи, а сѣверо-восточная часть азіатскаго материка, входящая нынѣ въ составъ русскихъ владѣній, была совершенно неизвѣстна. Поэтому естественно, что о жителяхъ помянутыхъ странъ сохранились крайне недостаточныя историческія свѣдѣнія. По отрывочнымъ фактамъ извѣстно, что гдѣто въ этихъ предѣлахъ, за рѣкою Яксартомъ, жили саки и массагеты, называвшіеся также общимъ именемъ скиѳовъ. Въ послѣдствіи времени (IV—V в.) массагеты являются въ приволжскихъ странахъ и на сѣверномъ Кавказѣ. О племенномъ происхожденіи азіатскихъ скиѳовъ у древнихъ писателей, конечно, нельзя найти никакихъ свѣдѣній. Попытки къ разработкѣ вопросовъ этого рода явились только въ самое послѣднее время. Такъ напр. извѣстный оріенталистъ В. В. *Григорьевъ* доказывалъ, что саки принадлежали славянскому племени.**) *Клапротъ*, на основаніи китайскихъ источниковъ, констатируетъ присутствіе арійскихъ поколѣній не только на южныхъ границахъ западной Сибири, но даже за Байкаломъ, на границахъ Манджуріи.***) Это были бѣлокурыя, голубоглазыя племена, извѣстныя у китайцевъ подъ именемъ усуней и динли-

*) Противодѣйствіе со стороны менѣе культурныхъ расъ, напр. финской и монгольской, здѣсь едвали могло имѣть мѣсто. Присутствіе монгольскаго племени нельзя допустить по тому, что въ древнѣйшихъ семирѣченскихъ и сибирскихъ могилахъ не оказывается череповъ монгольскаго типа, а восточно-финское племя едвали могло служить помѣхой для движенія болѣе сильныхъ тѣломъ и духомъ арійскихъ племенъ, какъ не помѣшали кушиты переселенію индусовъ за Гималай.

**) В. В. *Григорьевъ*, о скиѳскомъ народѣ сакахъ. Историческая монографія. Спб. 1871 г.

***) *Klaproth*, Tableaux historiques de l' Asie. Paris. 1826. p. 162—168.

новъ. Въ III в. до Р. Х. они представляли лишь послѣдніе остатки индо-европейскихъ племенъ, жившихъ въ Сибири. Съ половины V-го вѣка имя ихъ уже болѣе не появляется на страницахъ китайскихъ историковъ, исчезая безслѣдно. Клапротъ склоненъ думать, что усуни и динлины были отраслью германскаго племени (стр. 162), растворившеюся потомъ въ окружающей массѣ тюркскихъ и монгольскихъ народовъ, изъ помѣси которыхъ образовались хакасы или киргизы. Такъ или иначе, но фактъ присутствія арійскихъ элементовъ не только въ западной, но и въ восточной Сибири не отрицается исторіею. Въ археологіи онъ находитъ еще большее подтвержденіе, какъ мы это показали во всѣхъ предъидущихъ примѣчаніяхъ.

Древнюю этнографическую жизнь сѣверо-восточной Азіи я представляю себѣ такимъ образомъ. Въ отдаленнѣйшія времена, когда центральная Азія служила еще мѣстомъ размноженія всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, значительная доля арійскихъ поколѣній раздвинулись за рѣку Яксартъ и заняли южныя сибирскія степи. Къ числу этихъ поколѣній, можно полагать, относились славяне, германцы и кельты, для которыхъ сѣверо-восточная Азія служила колыбелью національнаго обособленія. Къ этому-же времени, вѣроятно, слѣдуетъ отнести вытѣсненіе финскихъ племенъ изъ занятыхъ арійцами южныхъ областей Сибири на сѣверъ. По мѣрѣ размноженія и обособленія сѣверо-восточной вѣтви арійскихъ народностей, въ послѣдствіи времени начались передвиженія ихъ на западъ, частію по сибирскимъ воднымъ путямъ, частію прямыми перекочевками черезъ степи. При этомъ германцы и кельты должны были выселиться раньше славянъ, такъ какъ они за долго до Р. Х. являются уже на европейскомъ материкѣ, между тѣмъ какъ славяне все время оставались на заднемъ флангѣ, гдѣ занимаютъ мѣста и до сихъ поръ. Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему въ Сибири такъ мало встрѣчается кельтскихъ могилъ (мегалитическихъ памятниковъ) и такое множество кургановъ, совершенно тождественныхъ съ южно-русскими (скиѳскими) курганами.

Въ то время, когда арійскія племена занимали сибирскія области, въ Сибири еще не было ни монголовъ, ни татаръ. Основываясь на китайскихъ источникахъ, Клапротъ и О. *Іакинфъ* полагаютъ, что эти народности появились въ южныхъ предѣлахъ Сибири не ранѣе какъ за 1—2 столѣтія до Р. Х. До того вре-

мени монголы жили на сѣверо-восточныхъ границахъ Китая, въ сосѣдствѣ съ Манджуріей, а татары на юго-западныхъ границахъ западнаго Китая. По мѣрѣ выселенія славянъ на западъ и перехода ихъ за Уралъ, начинаютъ надвигаться съ востока и юга тюрко-монгольскія орды, занявшія покинутое славянами мѣсто. Это замѣщеніе, конечно, совершилось исподволь, мало по малу, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Послѣдній историческій слѣдъ борьбы монголовъ съ голубоглазыми усунями по китайскимъ источникамъ отмѣчается въ послѣднія два столѣтія до Р. Х.*) Это было гдѣ-то въ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской, или Семипалатинской области. Можетъ быть въ болѣе сѣверныхъ предѣлахъ и послѣ того продолжали еще держаться въ Сибири нѣкоторыя славянскія земли; но далѣе IV—V столѣтія едвали уже возможно предполагать, чтобы какая либо арійская народность могла оставаться за восточнымъ склономъ Уральскаго хребта.

Вмѣстѣ съ водвореніемъ славянскаго элемента въ сибирскихъ предѣлахъ, происходилъ процессъ переселенія также въ Малую Азію и Европу. Выше мы говорили, что въ эпоху троянской войны часть славянства находилась въ числѣ союзниковъ Трои. Одновременно съ этимъ, вѣроятно, были уже заняты киммерійцами и скиѳами сѣверныя предгорія Кавказа, азовскія и черноморскія степи. Трудно, конечно, угадать, въ какомъ отношеніи находились эти поселенія къ сибирскимъ соплеменникамъ, существовала-ли тогда непосредственная связь между западными и восточными скиѳами; но я не вижу причины отказаться отъ предположенія, что троянскія венеты, какъ часть славянскаго племени, могли находиться въ Малой Азіи въ то время, когда ихъ сродники оставались еще на дальнемъ востокѣ. Аналогическіе примѣры тому мы видимъ въ переселеніяхъ кельтовъ и германцевъ, совершавшихся не вдругъ, а по частямъ и притомъ въ разныя эпохи. На тоже древнѣйшее раздѣленіе славянскихъ племенъ можетъ указывать двойственность славянскаго антропологическаго типа—бѣлокурый и черноволосый типъ. Первый, болѣе свойственный сѣвернымъ широтамъ, могъ образо-

*) Едвали основательно Клапротъ предполагаетъ въ усуняхъ отрасль германскаго племени. Въ указанную эпоху не могла сохраниться въ такой дали отъ общей германской родины изолированная вѣтка германскаго народа. Вѣроятнѣе поэтому предположить, что это была славянская, либо литовская народность, которая могла еще здѣсь существовать при не прерывавшихся сношеніяхъ съ новымъ центромъ славянства въ нынѣшней восточной и сѣверной Россіи.

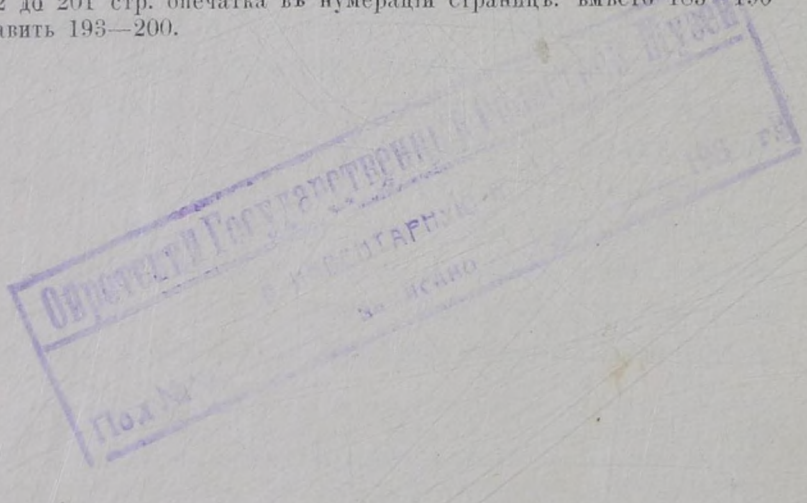
ваться на сѣверо-востокѣ, а второй—въ жаркихъ странахъ Центральной и Малой Азіи. Обособленіе славянскихъ нарѣчій тоже требовало географическаго раздѣленія и вѣроятно совершились не въ историческія времена, а гораздо раньше.

Поколѣніе малоазійскихъ венетовъ представляли древніе адріатическіе и, быть можетъ, балтійскіе венеты, впослѣдствіи ассимилированные романскими и германскими племенами. Къ тому же поколѣнію слѣдуетъ отнести ту часть славянскаго племени, которая издревле обитала на Балканскомъ полуостровѣ и на берегахъ Дуная, а также значительную долю черноморскихъ скиѳовъ и болгаръ. Великоруссы, какъ въ антропологическихъ чертахъ, такъ и въ языкѣ носятъ болѣе признаковъ сѣверо-восточнаго происхожденія. Само собой разумѣется, что при тысячелѣтнемъ политическомъ единствѣ южный и сѣверный типы въ предѣлахъ Россіи такъ перемѣшались между собою, что положить между ними опредѣленную грань въ настоящее время невозможно.

Замѣченныя (въ отдѣлѣ примѣчаній) опечатки:

стр.	*строка:*	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
6	19	почти въ такомъ же вооруженіи .	точно въ такомъ же вооруженіи
—	32	Халибы	(Халибы?)
—	34	Миніи	Миліи
7	4	Восточной Азіи . . .	передней Азіи
8	4	Покротыхъ	покрытыхъ
9	26	Alterthum	Alterthüm.
—	—	Statsvervaltung . . .	Staatsvervaltung
—	35	γλαυκῶπης . . .	γλαυκῶπις
11	7	суть принадлежности средней исторіи	суть принадлежности средней римской исторіи
—	—	Греки и Римляне не знали	Греки и Римляне сначала не знали
12	10	Iufico, lusficas, lusfik . .	lusico, lussicas, lussik
16	подстрочная цитата	Geschich nud . . .	Geschichte und
—	—	archeologie	Archaeologie
18	30	astragali	ἀστράγαλοι
23	14	гладкія	гладкіе
27	17	погребальные . . .	погребальныя
31	18	priema	prima
32	17	Uoyage	Voyage
—	—	Cavcase	Caucase
—	26	только что	только-что
38	12	распространился, . . .	распространился
38	16	подавности	по давности
—	15	Варсо	Ворсо

Послѣ 192 до 201 стр. опечатка въ нумераціи страницъ: вмѣсто 183—190 слѣдуетъ поставить 193—200.



3р 50к
пер. 50к.

НМРА кп Оф 8218/71
РК 1206
АС 10456
ГК 1918049S